

АКАДЕМИЯ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЧЕЧЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Ш. Б. Ахмадов

Чечня и Ингушетия В ХУШ
- начале XIX века

(Очерки истории
социально-экономического развития
и общественно-политического устройства
Чечни и Ингушетии
в ХУДЖ - начале XIX века)

Ш. Б. Ахмадов

Чечня и Ингушетия
в XVIII – начале XIX века

ББК 63.3 А
954

• Ахмадов Ш. Б. А 954 Чечня и Ингушетия в XVIII-начале XIX века. (Очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII - начале XIX века). Монография. - Элиста: АПП «Джангар», 2002. - 528 с.

Монография профессора Ш. Б. Ахмадова представляет первую в кавказоведческой исторической науке попытку основательно изучить проблему социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII - начале XIX века. На основе анализа новых архивных источников, а также ранее опубликованной исторической литературы автору удалось выявить основные тенденции развития ведущих отраслей хозяйства вайнахов - земледелия и скотоводства.

Большое место занимает в работе анализ таких важных вопросов, как складывание и развитие социальных и феодальных отношений, формы землевладения и землепользования, кустарные промысла и ремесла, внутренняя и внешняя торговля, антифеодальная и народно-освободительная борьба вайнахов и т.д.

Впервые освещается в монографии: проблема государственного и политического устройства феодальных владений и так называемых вольных (сельских) обществ, функции органов власти и управления, а также вопросы развития материальной и духовной культуры народа; экономические, политические и культурные связи вайнахов с народами Кавказа и с Россией в XVIII - начале XIX века.

Книга рассчитана на исследователей, преподавателей школ и вузов, студентов, а также на всех, кто интересуется историей родного края.

Научный редактор:

доктор философских наук, профессор А. Д. Яндаров

Рецензент:

доктор исторических наук, профессор М. М. Ибрагимов

ISBN 5-94587-072-3

© Ахмадов Ш. Б., 2002.

держав победа оставалась за Россией. Кючук-Кайнарджиис-

ВВЕДЕНИЕ

В истории вайнахского народа, населяющего ныне Чеченскую и Ингушскую республики, XVIII век занимает исключительно важное место. У чеченцев и ингушей так же, как и у многих народов многонациональной России, общие закономерности истории человеческого развития проявлялись в их национальном своеобразии. В то же время вайнахи, как и соседние северокавказские народы, никогда не были чем-то исключительными, изолированными. Многочисленные факты свидетельствуют о том, что, начиная с глубокой древности, исторические судьбы чеченцев, ингушей и соседних северокавказских народов, равно как и других народов бывших республик СССР, тесно соприкасались и переплетались между собою, происходило взаимовлияние и взаимообогащение их культур и традиций, скрещивались сложные этнические процессы, в ходе исторического развития сдвигались национальные и территориальные границы. Новейшие археологические открытия также свидетельствуют о том, что Северный Кавказ, как и Закавказье, явился одним из древнейших очагов жизни первобытного человека.¹

XVIII век подводит черту под всеми предшествующими этапами многовекового исторического развития северокавказских народов. Выход России на правобережье р. Кубани ознаменовал укрепление и интенсификацию русско-кавказских связей, в которых четко прослеживалась тенденция неуклонного их сближения. В то же время общая политическая обстановка в это время на Северном Кавказе оставалась нестабильной. "Взаимное соперничество Российской империи и Османской Порты, - указывает Е. Н. Студенецкая, - в немалой степени подогревалось желанием каждой из держав укрепить свое влияние над кавказскими землями". Хотя, следует отметить, что в этом политическом и военном противоборстве двух

кий мирный договор 1774г., включение Крымского ханства в 1783г. в состав России, признание Турцией р.Кубань официальной границей Российского государства на Северном Кав-

казе и т.д. - все это в значительной мере изменило в этом регионе политическую ситуацию, что, естественно, не могло не повлечь за собой существенных изменений и в социально-экономическом развитии северокавказских народов.²

В XVIII веке получил новый импульс дальнейшее развитие и усиление внешнеполитической ориентации чеченцев и ингушей на Россию, что в немалой степени способствовало для защиты горских народов от угрозы их иноземного порабощения и дальнейшего углубления и расширения русско-вайнахских политических, экономических и культурных связей.

XVIII век стал для равнинной Чечни и Ингушетии важной вехой в истории развития их основных отраслей экономики. В это время завершается процесс массового переселения чеченцев и ингушей с гор на плодородные равнинные земли, что коренным образом меняет их образ жизни и общественно-экономический уклад. Отныне кардинально меняется хозяйственная жизнь чеченцев и ингушей: хлебопашество становится их основной отраслью хозяйства, изменился характер ведения земледелия.

В конце XVIII - начале XIX века в сельскую экономику чеченцев и ингушей прочно вошла такая ценная сельскохозяйственная культура, как кукуруза.

Известная Чеченская равнина стала давать такой урожай, который кормил всю Чечню, а излишки его вывозились на продажу не только в соседние районы, но и за границу, в Персию и т. д.³ В этот период растут производительные силы, расширяется обмен и торговля как внутри общества, так и извне. Чеченцы и ингуши все более уверенно втягиваются в торгово-экономические связи с Россией и соседними северокавказскими и закавказскими народами.

Кроме того, в истории внешних экономических связей XVIII век также предстает самым ответственным этапом на пути выхода народов Чечни и Ингушетии к рынкам Российского государства, а также к торговле со странами Ближнего Востока. Торговые связи Чечни и Ингушетии с Россией, устано-

вившиеся еще в XVI - XVII вв., отныне приобретают постоянный характер, отличаются возросшей интенсивностью товарообмена и начинают играть в общем внешнем товарообороте чеченцев и ингушей ведущую роль.⁴

В XVIII веке в вайнахском обществе набирает силу процесс классового образования. Складываются феодальные отношения, более рельефно выделяются два антагонистических класса - феодалы (владельцы) и зависимое сословие - беднейшая часть крестьянства. В результате мощных антифеодальных выступлений горцев в XVII и с начала XVIII века был приостановлен процесс феодальной эксплуатации. Эволюция социальных отношений была как бы приглушена, так как в обычной правовой практике были возрождены, как и у западных адыгов, многие общественные институты, обычаи и нормы. Пережитки средневековых патриархальных отношений давали о себе знать даже в самих феодализованных обществах вайнахов, "в которых они служили по существу прикрытием типично феодальной эксплуатации основной крестьянской массы".⁵

В конце XVIII века началось активное продвижение царизма на Кавказ, что послужило одной из причин начала антиколониальных выступлений местных народов. В Чечне и Ингушетии сложились в это время благоприятные условия для сплетения борьбы горцев против местных феодалов и старшин с их возросшим сопротивлением колониальным действиям царского самодержавия. Это обусловило высокий подъем антифеодального и антиколониального движения горцев Чечни и всего Северного Кавказа под руководством имама Мансура в 1785—1791 гг., что в немалой степени способствовало окончательному распространению и утверждению религии ислама как в целом в Чечне и Ингушетии, так и во многих районах Северного Кавказа.

В XVIII веке завершается длительный исторический процесс формирования чеченского и ингушского народов (этносов), то есть ранее известные нам отдельные чеченские и ингушские общества отныне полностью теряют свои этноплеменные названия и образуют общие этнические названия - чеченцы и ингуши.

XVIII век, и в особенности вторая половина его, явился

также началом планомерного научного изучения и осмысления многих сторон истории народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, заложенным кавказскими научными экспедициями Российской (Петербургской) Академии наук. Цели и задачи российских научных экспедиций полностью вытекали из ближневосточной политики русского правительства.

Проблема социально-экономического развития и политического устройства чеченцев и ингушей в XVIII - начале XIX века выступает как составная часть истории народов Северного Кавказа в русской и зарубежной историографии. Из этой многоплановой и большой по хронологическому периоду темы, охватывающей ряд важных и сложных проблем, мы избрали только те вопросы, которые, на наш взгляд, на сегодняшний день менее изучены в исторической науке и имеют по сравнению с соседними регионами вполне определенные характерные особенности.

Рассматривая данную проблему, мы ограничиваем также свою задачу освещением комплекса вопросов, имеющих немаловажное значение для характеристики и анализа степени развития социально-экономических и общественно-политических отношений в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время. Известно также, что исследуемая тема не была до сих пор предметом специального монографического исследования того комплекса вопросов и в тех хронологических рамках, какие мы наметили в своей работе. Кроме того, данное исследование представляет первую попытку систематизации, обобщения и анализа всего, что сделано позитивного в этом направлении нашими предшественниками и накоплено на сегодняшний день исторической наукой.

Задача автора настоящей работы - восполнить этот пробел, насколько это позволяют имеющиеся в нашем распоряжении материалы.

АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

В дореволюционной исторической литературе проблема социально-экономического развития и общественно-политического устройства чеченцев и ингушей в XVIII - начале XIX века не являлась предметом специального исследования, хотя она периодически затрагивалась авторами при освещении ими различных сторон жизни вайнахов в прошлом. Дореволюционная и отчасти советская историография, естественно, дают самые различные оценки уровня социально-экономического развития и общественного устройства чеченцев и ингушей. Так, например, дореволюционные исследователи А. П. Бер-же, У. Лаудаев, Н. Ф. Дубровин, П. Зубов, Ф. И. Леонтович, Евг. Максимов и др. сознательно принижали уровень общественного и экономического развития вайнахов, представляя Чечню и Ингушетию как патриархально-родовое общество, основанное на господстве кочевого скотоводческого хозяйства и примитивного земледелия. "У чеченцев, - писал А. П. Верже, - нет тех сословных подразделений", они "образуют один класс — людей вольных, и никаких феодальных привилегий мы не находим между ними. «Мы все уздени», - говорят чеченцы.⁶ То же самое утверждает и У. Лаудаев: "Чеченцы не имели князей и были все равны между собой ... Чеченцы называют себя узденями"; "у чеченцев... все люди стояли на одной степени узденства".⁷ Подобные суждения в различных вариациях высказывали и другие дореволюционные исследователи, как, например, Г. Орбелиани, Ф. И. Леонтович, Н. Ф. Дубровин, Евг. Максимов и др. "У чеченцев...нет князей и дворян, там все равны между собой, хотя у них имелись примитивные классовые отношения", - указывает исследователь Г. Орбелиани.⁸ "Все, что принадлежит к чеченскому племени, — сообщает другой исследователь Ф. И. Леонтович, - составляет один общий класс людей вольных, без подразделений на дворян или на князей".⁹

Мнимый тезис о том, что якобы все чеченцы и ингуши равны и независимы между собой, имел хождение во многих дореволюционных изданиях. И как правильно заметила местный исследователь Т. А. Исаева, подобные "утверждения больше идеализировали внешне независимый, самобытный образ жизни горцев, чем давали объективную картину их общественного устройства".¹⁰

В то же время существовала и другая часть дореволюционных исследователей истории народов Кавказа, как, например, Г. И. Гербер, А. И. Гюльденштедт, И. Г. Георги, С. Д. Бурнашев, С. М. Броневский, П. Г. Бутков, М. М. Ковалевский, Н. Данилевский и др., которая, напротив, отмечала высокий уровень социально-экономического и общественного развития чеченцев и ингушей в рассматриваемое время. Эти авторы считали, что в основе общественного строя вайнахов лежат вполне развитые феодальные отношения с довольно сложной иерархической сословной градацией и с оформившейся феодальной поземельной собственностью. Наиболее ранние сведения о наличии у вайнахов собственной сословной верхушки в XVIII веке находим у автора Г. И. Гербера. По свидетельству Г. И. Гербера чеченцы имели старшин из своей собственной среды.¹¹ Исследователь И. А. Гюльденштедт указывает на ряд чеченских обществ, управлявшихся владетельными князьями, а в некоторых случаях - старшинами. "Некоторые немногие общества имеют независимых владетельных князей, как, например, чеченцы, - сообщает автор, - другие не имеют дворянства, но выбирают между собой богатейших, а особливо имеющих большое родство, в старшины, коим они, однако не столько повинуются, сколько им угодно".¹² Давая анализ деятельности некоторых обществ Чечни и Ингушетии, И. А. Гюльденштедт, в частности, отмечает, что живущие в обществе Чечен горцы имеют собственных князей и царствующая у чеченцев фамилия называется Туркан (по-видимому, от слова «туркх» - Ш.А.). Жители общества Атаги также имели князей. Жителями общества Карабулак, а точнее их общинами, - по свидетельству И. А. Гюльденштедта, - управляли не князья, а старшины.¹³

О том, что вайнахи в XVIII веке имели у себя князей и дво-

рянство, отмечает также исследователь И. Г. Георги. "Чеченцы - говорил он, - имеют у себя князей и дворянство. В 1773 году они умертвили своих владетельных князей", а "ингуши, - далее сообщает он, князей у себя не имеют, но выбирают для управления собой старшин из знатных фамилий".¹⁴ По свидетельству исследователя общественного строя горских народов Кавказа конца XVIII века С. Д. Бурнашева каждое вайнахское селение имело своего владельца и свое управление, которое мало чем отличалось от кабардинских форм правления.¹⁵ Известный кавказовед академик П. Г. Бутков пишет, что в первой половине XVIII века "чеченцами владели кумыкские князья Айдемировы и Чепаловы из Эндери, Казбулатовы из Акса, Черкасские из Большой Кабарды и Терловы (Турловы) из Аварского владения. Во власти их находились селения: Большая Чечня, Малая Чечня, Большая Атага, Горячевская или Исти-Су, Топли и др".¹⁶ Сообщая новые географические и исторические сведения о народах Кавказа, дореволюционный исследователь С. М. Броневский, в частности отмечает, что в рассматриваемое время чеченцы истребили своих князей и пригласили к себе на княжение владетелей из Дагестана и Лезгинстана, но такие феодалы не пользовались доверием и уважением. Потому якобы "чеченцы управляются выборными старшинами, духовными законами и древними обычаями".¹⁷ Такого же мнения придерживается и другой исследователь Н. Данилевский, который отмечает, что чеченцы действительно имели прежде своих князей, но они их истребили и прибегли к своим соседям (то есть стали приглашать из соседних княжеств).¹⁸ По мнению местного исследователя И. М. Саидова, выбирать правителей из числа местной знати чеченцы и ингуши опасались по той причине, что представители знати, опираясь на своих родственников, могли со временем упрочить свою власть и не считаться с интересами народа.¹⁹

Определенный интерес в плане анализа развития феодальных и социальных отношений вайнахов представляют этнографические материалы и обобщения А. И. Ипполитова. "Аристократизм некоторых чеченских фамилий, - подчеркивает он, - с покорением Чечни, сгладился окончательно... У чечен-

цев ни качества личные, ни заслуги никогда не выкупают происхождения человека от слабой фамилии или происхождения бесфамильного..."²⁰

И, наконец, существовала третья группа дореволюционных исследователей (И. Попко, А. Ф. Щербина, П. П. Короленко, В. Толстов и др.), представители которой, напротив, сознательно принижали уровень социально-экономического развития и общественного устройства народов Северного Кавказа в прошлом и предпринимали попытки доказать, что все положительные изменения в социально-экономическом развитии горцев были исключительно связаны якобы с так называемой "цивилизаторской миссией царизма на Северном Кавказе".²¹ Подтверждением тому может быть высказывание дореволюционного исследователя Ф. Щербины, который, в частности утверждает, причем в категоричной форме, что "частной собственности совсем не существовало у чеченцев до времени русского владычества, а были лишь вольное пользование и долгосрочные займки общинной земли".²²

Безусловно, дореволюционное кавказоведение в силу своей тенденциозной направленности не могло глубоко и объективно разобраться в сущности социально-экономического развития кавказских народов. "Стремление же к архаизации общественного строя кавказских горцев, - замечает профессор В. Г. Гаджиев, - неизбежно вело к тому, что их представляли более отсталыми, чем они были в действительности".²³

В работах советских исследователей 20-30-х годов XX столетия относительно общественно-экономического развития Чечни и Ингушетии в дореволюционном прошлом также существуют различные точки зрения и суждения. Следует отметить, что теория господства якобы у чеченцев и ингушей родового строя в прошлом находила поддержку у целого ряда авторов, писавших в советское время (М. Л. Тусиков, Б. Далгат, М. Н. Покровский, С. К. Бушуев и др.). Так, исследователь М. Л. Тусиков писал, что "у ингушей, как и у чеченцев, не было до революции понятия об отдельных правах, дающих преимущества одним и ставящих других в зависимое положение, т.е. между ними не было деления на сословия в строгом смысле слова и общественный строй их отличался демократической

простотой и патриархальностью, равенством в правах всех граждан".²⁴ Б. Далгат утверждал: "Мы застаем род у чеченцев в первоначальном, чистом виде, как союз экономический, экзогамический и кровный".²⁵ "Чечня конца XVIII века, - замечает профессор М. Н. Покровский, - страна дофеодальной патриархально-родовой демократии".²⁶ Некоторые местные авторы предпринимали попытки назвать общественно-экономический строй в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время тайпизмом или тайповым (родовым - Ш.А.) строем.²⁷ Известный кавказовед С. К. Бушуев писал о Чечне и Ингушетии начала XIX века, что здесь "происходил переход от родовых патриархальных учреждений к полуфеодальным и феодальным".²⁸

Но с другой стороны, в исторической и этнографической литературе этого периода можно встретить высказывания отдельных исследователей советского периода о том, что чеченцы и ингуши в своем развитии якобы прошли все этапы феодального строя. Так, например, исследователь Г. К. Мартиросян указывает, что "имеющиеся уже данные свидетельствуют о том, что Ингушетия прошла и через феодальные отношения..."²⁹, хотя и не приводит в пользу своего тезиса сколько-нибудь весомого доказательства. Подобная идеализированная картина "золотого века" в развитии исторического прошлого вайнахского народа, хотя и встречается в ряде публикаций некоторых современных исследователей "родовиков", но в действительности же ничего общего не имеет с подлинной историей, жизнью и бытом данного народа.

Определенного внимания заслуживают также точки зрения другого направления ученых-кавказоведов 20-30-х годов XX века (Н. Ф. Яковлев, А. С. Вартапетов, Л. П. Семенов, Е. И. Крупнов и др.), высказанные ими по поводу общественного устройства вайнахов в дореволюционном прошлом. Так, профессор Н. Ф. Яковлев утверждает лишь о "зачатках феодализма в Ингушетии".³⁰ На основе анализа средневековых ингушских легенд и преданий профессор Л. П. Семенов сообщает, что "феодализм не получил в Ингушетии такого развития, как в Северной Осетии или Кабарде, но зачатки его имелись".³¹ Известный этнограф А. С. Вартапетов дал разверну-

тый анализ общественных отношений чеченцев и ингушей в далеком прошлом. "Социально-экономический строй, - пишет он, — как ингушей, так и чеченцев не является примером чистоты патриархально-родовых отношений; налицо были все моменты начавшегося распада".³² В специальной работе, посвященной проблеме социально-экономического развития Ингушетии в средневековье, известный кавказовед, профессор Е. И. Крупнов приходит к выводу, что в ингушском обществе до XVIII века очень рано складывались зачатки довольно развитых социальных отношений, т.е. происходил якобы естественный процесс феодализации. При всем этом, как замечает сам автор, в то время он якобы не мог увидеть ни развитого феодализма, ни тем более бытования развитых родовых отношений у ингушей.

Иных взглядов на проблему социально-экономического развития и политического устройства чеченцев и ингушей в XVIII - начале XIX века придерживаются в 50-60-х годах XX столетия авторы Б. В. Скитский, А. В. Фадеев, Е. И. Крупнов, Н. А. Тавакалян, Е. Н. Кушева, Н. П. Гриценко, А. И. Хасбулатов, Р. Л. Харадзе, И. М. Саидов, Я. С. Вагапов, Ф. В. Тотоев, С. Ц. Умаров и др. В своих научных работах этими авторами был подвергнут серьезной критике односторонний подход отдельных ученых в анализе общественного устройства чеченцев и ингушей в прошлом. Достоинством работ этих исследователей является то, что в них использованы новые архивные документы, археологические и этнографические материалы, дан обстоятельный анализ соответствующей проблемы, развенчивающей миф о том, что в дореволюционном прошлом в чеченском и ингушском обществах якобы не существовало ни сословного деления, ни социальной борьбы и т. д.

В конце 50-х годов XX столетия первым в пользу существования в прошлом у ингушей развитого феодализма выступил с концептуальной статьей известный кавказовед, профессор Б. В. Скитский. Он назвал племя Галгай феодальным, считая его действительно ведущим и наиболее значительным у ингушских тайпов. Галгай распространили свое социально-экономическое влияние, - пишет профессор Б. В. Скитский, - на большую часть Ингушетии и дали свое феодальное назва-

ние ингушскому народу (галгай). Кроме того, Б. В. Скитский находит возможным упомянуть о богатой знати ингушей уже в XVII веке. Он считает, что ингушские боевые башни и замки датируются XII - XIII вв. и являются укреплениями феодалов. Автор подчеркивает, "что самые крупные ингушские замки, самые замечательные в архитектурном отношении храмы находятся в главном феодальном гнезде Ингушетии, в Ассинском ущелье".³⁴

Принципиально новые, концептуальные подходы в плане дальнейшего углубленного и объективного освещения дореволюционной истории чеченцев и ингушей и соответствующие ценные рекомендации в связи с этим были высказаны участниками научной сессии по историческим проблемам общественного развития народов Чечни и Ингушетии, состоявшейся летом 1962 г. в г. Грозном по инициативе Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики. Многие докладчики этой сессии подвергли резкой критике субъективистский подход некоторых исследователей в оценке исторического развития чеченцев и ингушей. "Совершенно нелепо полагать, - подчеркивает известный историк Т. Т. Мальсагова, - что чечено-ингушские народы были на точке замерзания, не двигались вперед, не развивались. Рядом с ними жили такие народы, как дагестанцы, осетины, кабардинцы, где были давно сложившиеся феодальные отношения. Естественно, что чеченцы и ингуши не могли стоять в стороне от общего развития. Они попадали в зависимость от феодалов - соседей и своих. Словом, их развитие шло тем же путем, что и у других народов, может быть, только медленнее".³⁵

Говоря о генезисе развития феодальных отношений в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время, большой знаток местной истории А. А. Саламов, в частности, отмечал: "Я лично склонен считать, что в зачаточных, первоначальных формах у нас, в Чечено-Ингушетии, имелись феодальные отношения. По некоторым народным преданиям, в горах в отдельных обществах имелись владельцы (элий), эксплуатировавшие народ. Имелись тайпы, господствовавшие над слабыми тайпами и т.д. Боевые башни, каменные укрепления, городища,

остатки которых мы ищем в горах, я считаю, - говорит А. А. Саламов, - имеют отношение не столько к патриархально-родовым порядкам, сколько к феодальным. Сам факт восстания чеченцев против "чужих" князей в XVIII веке и изгнание их я склонен отнести не к демократическим чувствам чеченцев, а к факту появления у них своих доморожденных вожakov (бабча), которые превращались в феодалов и, набрав силу, изгнали своих конкурентов - "чужаков".³⁶

Известный ученый-кавказовед А. В. Фадеев в начале 60-х годов XX века, анализируя экономическое положение в вайнахском обществе в прошлом, указывает о бытовании в нем не только натурального хозяйства, но и о патриархально-феодальных отношениях их общественного быта.³⁷ Профессор Н. П. Гриценко в специальной работе, посвященной проблеме социально-экономического развития Притеречных районов в XVIII - первой половине XIX века, отмечает, что "в нагорной полосе Чечни и Ингушетии шел процесс феодализации, хотя феодальные отношения только зарождались и находились в первоначальной стадии своего развития".³⁸

Существуют и другого рода высказывания исследователей конца 60-х годов XX в. по поводу социально-экономического развития Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время. Так, известный кавказовед Е.Н.Кушева утверждает о неравномерности исторического развития народов Северного Кавказа, у которых, по ее пониманию, процесс социально-экономического развития протекал весьма замедленно по сравнению с народами Закавказья.³⁹ Этому же взгляду придерживаются некоторые авторы ранее изданных обобщающих трудов по истории и культуре Чечни, Ингушетии, а также всего Кавказа.⁴⁰

Некоторые народные предания также повествуют о том, что в горах, в отдельных вайнахских обществах, имелись владетели (элий), эксплуатировавшие народ. Существовали сильные тайпы, господствовавшие над слабыми тайпами и т. д.⁴¹

Определенным вкладом в разработку данной проблемы в середине 60-х годов XX столетия явилась кандидатская диссертация об общественно-экономическом развитии Чечни во второй половине XVIII - 40-е годы XIX в. осетинского ученого Ф.В.Тотоева. В данной работе автором впервые была пред-

принята серьезная попытка на базе новых документальных источников и литературы показать уровень развития основных отраслей производства и дальнейшее углубление процесса развития феодальных отношений вайнахов.⁴²

На основе анализа героико-эпических песен вайнахского фольклора исследователь Я. С. Вагапов приходит к выводу о том, что почти все устнопоэтическое творчество чеченцев и ингушей изобилует различной социально-сословной терминологией, что свидетельствует о далеко зашедшей имущественной дифференциации вайнахского общества. Вайнахские героико-эпические песни отображают ту раннюю ступень феодализма, когда присутствует фактическое неравенство, "но исключительное право верхушки еще не является общепризнанным". В чеченских героических песнях мы не видим могущественных князей и владельцев эпохи развитого феодализма, — указывает Я. С. Вагапов, — хотя имущественное и фактическое юридическое неравенство выступают в довольно четкой форме.⁴³

Анализ разнообразных памятников средневековой горной Чечни и Ингушетии - жилых и боевых башен, укрепленных аулов, состоящих из отдельных башенных комплексов (замков) - Эрзи, Таргим, Галанчо, Эгикал, Хили, Чармах, Моцарой, Тист, Кей и др., а также многочисленных склеповых могильников, языческих святилищ и храмов позволил местному исследователю С. Ц. Умарову высказать ряд ценных суждений по поводу уровня экономического развития вайнахов позднесредневекового периода. Так, Умаров С. Ц. утверждает, что в эпоху позднего средневековья социально-экономическое развитие вайнахов шло по восходящей линии; в горной части Чечни и Ингушетии в это время был налицо процесс социально-имущественного неравенства. И предания, и рассказы старожиллов свидетельствуют о том, что в горах Чечни и Ингушетии все башни и башенные комплексы (жилые и боевые) принадлежали богатым владельцам.⁴⁴ Известный этнограф и археолог Л. П. Семенов называл средневековый башенный период в истории вайнахов "бурной феодальной эпохой".⁴⁵

Этнографические наблюдения местного исследователя И. М. Саидова при изучении таких важных источников, как язык,

фольклор и памятники материальной культуры на территории Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время позволили ему прийти к ценным выводам, доказывающим о бытовании у вайнахов не только в XVIII веке, но и в более далеком прошлом следов сословных и социальных отношений; о существовании "своих" и "пришлых" князей и т.д. Проанализированная им терминология имеет чисто социально-сословный характер, а также вайнахское или иноязычное происхождение. Так, например, автор утверждает, что одним из самых древних социальных (сословных) терминов, пожалуй, является слово "лай" - раб. Термин "лай" происходит от вайнахского слова "ла" - терпеть (лай - вытерпел) и т. д.⁴⁶

Достаточно глубокий анализ характера сословных отношений в Горной Ингушетии, т. е. социального содержания терминов "эзди" (оьзда) и "лай" на основе богатого этнографического материала, причем в плане сравнительно-сопоставительного анализа их с сословными категориями некоторых кавказских народов в XVIII - начале XIX века сделан известными грузинскими учеными Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе. Они, в частности, отмечают, что "отсутствие государственности в полном смысле этого слова мешало юридической фиксации сословного деления, без чего социальные различия не могли сложиться в систему правовых норм, характерную для развитого феодального общества".⁴⁷

Отсутствие у исследователей в 60-х годах XX столетия единого мнения относительно уровня социально-экономического развития и общественно-политического устройства чеченцев и ингушей в XVIII веке, - указывал профессор Е. И. Крупнов, — объясняется некритическим восприятием наследия дореволюционных историков, а также слабой изученностью архивной базы и других сопутствующих материалов.⁴⁸

Заметных позитивных успехов достигла историческая наука в Чечне и Ингушетии в 70-80-ые годы XX столетия. В это время сформировались кадры местных профессиональных ученых-историков: Ж. Ж. Гакаев, Х. А. Гакаев, М. Х. Багаев, Я. З. Ахмадов, Т. А. Исаева, С. А. Исаев, М. Н. Музаев, А. З. Вацуев, Т. С. Магомадова, Э. Д. Мужухоева, М. Б. Мужухоев, Х. А. Хизриев, З. И. Хасбулатова, Х. А. Акиев и др., которые

успешно занимались исследованием проблемы социально-экономического и политического положения чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. В это же время в вузах республики и в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте гуманитарных наук идет активный процесс накопления источникового и архивного материала. Регулярно проводятся в республике Международные и Всесоюзные научно-практические конференции и симпозиумы, посвященные актуальным вопросам развития истории и культуры народов Чечни и Ингушетии, а также Северного Кавказа. Периодически издаются в вузах республики, а также в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте гуманитарных наук сборники научных трудов, известия и монографические исследования. Полученные при этом результаты исследований используются при написании обобщающих трудов по истории народов Чечни и Ингушетии, а также Северного Кавказа и Дона, учебных пособий и учебно-методической литературы для школ и вузов республики.

Следует отметить также, что в 70-80-х гг. XX столетия впервые проблема развития феодальных отношений в Чечне и Ингушетии рассматривается местными учеными комплексно, изучаются ее глубинные причины и содержание, привлекая при этом все доступные вспомогательные материалы (исторический, архивный, этнографический, археологический, лингвистический, фольклорный и т. д.). Используя новые архивные документы, ученые анализируют особенности развития феодальных отношений в Чечне и Ингушетии, а также социальных отношений и социальной структуры общества, антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев и т.д.

Безусловно, позитивные результаты работы Чечено-Ингушского научно-исследовательского института в 70-80-ые годы XX столетия были достигнуты благодаря слаженной работе его основных подразделений и, в частности, отдела истории ЧИ АССР дореволюционного периода, который в большей мере был сориентирован на изучение вопросов социально-экономического развития и общественного устройства чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом.

Большой вклад в 70-х годах в изучение проблемы разви-

тия социально-экономических отношений в Чечне и Ингушетии в XVII-XVIII вв. внесла местный ученый Т. А. Исаева.⁴⁹ На большом фактическом материале она исследовала уровень развития многих видов отраслей хозяйства вайнахов, доказав при этом о начале вовлечения Чечни и Ингушетии в систему всероссийского рынка с XVII века. Глубоко проанализировав социальную структуру чеченских и ингушских обществ в XVIII-XIX вв., Т. А. Исаева приходит к мысли о необходимости в качестве первоочередной задачи исследовать уровень развития производительных сил и их соответствие производственным отношениям и доказать, были ли вайнахские феодалы собственниками земель и имели ли они зависимых крестьян, каково было их правовое положение и чем отличались друг от друга категории зависимого населения и т. д.⁵⁰ В дальнейших своих изысканиях исследователь Т. А. Исаева приходит к выводу о том, что общественные отношения у вайнахов в целом в рассматриваемое время были феодальные, а "незрелость социальных отношений проявлялась в том, что многие элементы феодальной зависимости прикрывались внешней формой старых, родовых отношений..., и степень феодализации различных вайнахских обществ была неодинаковой".⁵¹

С середины 70-х годов, а также в 80-90-х годах XX столетия плодотворную исследовательскую работу ведет по данной проблеме известный ученый Я. З. Ахмадов. Его научные труды по интересующей нас теме насыщены новыми документальными сведениями и источниками и отличаются глубиной анализа фактов. Они интересны постановкой новых проблемных вопросов и попыткой их неординарного решения на основе комплексного подхода автора. Так, например, анализ социального строя и общественно-политического положения в Чечне и Ингушетии в XVIII веке позволил Я. З. Ахмадову охарактеризовать его "основными чертами раннефеодального общества с сильными пережитками дофеодальной формации".⁵² В специальной научной работе, посвященной анализу деятельности феодальной (княжеской) фамилии Турловых на территории Чечни в XVIII веке, и на основе новых документов исследователь Я. З. Ахмадов приходит к выводу, что "феодальные отношения в Чечне с конца XVII века и до конца XVIII

века развивались как вглубь, так и вширь".⁵³ Говоря же о развитии классовых отношений и антифеодальной борьбы в карабулакском обществе в XVIII веке, автор отмечает, в частности, что классовые отношения в Карабулаке привели к появлению здесь княжеских фамилий в лице чеченских и брагунских феодалов, а также к укреплению узденского и старшинского сословия.⁵⁴ Не обошел внимания автора в работе и вопрос о роли мусульманского духовенства в общественной жизни вайнахов. На основе новых источников Я. З. Ахмадов отмечает, что духовенство в Чечне в рассматриваемое время выделилось в отдельное сословие и роль его в общественно-политической жизни вайнахов была весьма существенной.⁵⁵

Современная источниковая база и, в частности, новые документальные материалы по истории народов Чечни и Ингушетии конца 40-х годов XVIII века позволили Я. З. Ахмадову предпринять успешную попытку анализа Чеченского феодального владения (княжества) на территории современной Чечни с середины XVII века и до конца XVIII века. Основная территория княжества, как считает он, охватывала низовья р. Аргуна и среднее течение р. Сунжи. Автор дает сравнительно полные сведения о политическом устройстве данного владения, и, в частности, отдельных чеченских княжеских фамилий, их происхождении, территории и народонаселении и т. д.⁵⁶ Кроме того, благодаря, видимо, новым архивным источникам автору стало возможным проанализировать существовавшую удельную систему владения в Чеченском феодальном владении в XVII-VIII вв., уровень общественных отношений в княжестве, его внутреннее политическое устройство и сам институт княжества и т. д.⁵⁷

В своей монографии, посвященной взаимоотношениям народов Чечни и Ингушетии с Россией в XVIII веке,⁵⁸ профессор Я. З. Ахмадов также уделил внимание анализу проблемы развития социального строя и общественно-политического устройства вайнахов в XVIII веке. В частности, автор отмечает, что вайнахское общество в рассматриваемое время уже было разделено на два антагонистических класса: социально-имущее сословие (князья, богатые уздени, старшины, верхушка духовенства и т. д.) и социально-зависимое сословие (холо-

пы, вольноотпущенники, беднейшая часть узденства и т.д.). Определенное место занимает в работе Я.З.Ахмадова вопрос, связанный с общественно-политическим устройством и различными институтами управления вайнахов в XVIII веке.

По интересующей нас проблеме в конце 80-х годов вышла монография грузинского ученого Э. А. Борчашвили. Им использованы в работе новые архивные материалы, источники и литература, высказан целый ряд новых суждений и положений об уровне социально-экономического развития и общественно-политического устройства вайнахов в XVIII—XIX вв. По мнению Э. А. Борчашвили в XVIII-XIX вв. господствующими сословиями в Чечне и Ингушетии выступали князья (элий), чанки-беки, старшины, уздени знатные и представители духовного сословия (кадии, муллы). Князья являлись крупными землевладельцами-скотоводами. Феодально-зависимое сословие было представлено бедными родами (тайпами — Ш.А.), крепостными крестьянами, свободными общинниками-узденями, азатами и рабами. Автор отмечает, что рабство в Чечне и Ингушетии в XVIII в. носило семейно-патриархальный характер. Новым явлением в процессе классового образования вайнаховского общества было, по мнению Э. А. Борчашвили, превращение рабов в крепостных крестьян. "Постепенное прикрепление рабов к земле и их переход в ряды крепостных крестьян в рассматриваемый период приняли широкий характер"⁵⁹, - утверждает автор.

Высказав мысль о превращении вайнаховских рабов в крепостных крестьян в Чечне и Ингушетии в XVIII-XIX вв., автору Э. А. Борчашвили следовало бы подчеркнуть о статусе раба и крепостного крестьянина в условиях Чечни и Ингушетии, поскольку в рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии существовало "домашнее рабство" и главным источником его пополнения являлся захват в плен людей, как правило другой национальности. Пленные люди (ясыри), не выкупленные их родственниками, со временем превращались в рабов; они переходили в результате торгов из одних рук владельцев и князей в другие.

Интересны наблюдения известного чеченского этнографа С-М. А. Хасиева относительно социального содержания ин-

ститута "тайп" чеченцев в XIX - начала XX в. В частности, автор указывает в своей работе, что в рассматриваемое время "тайп" несет на себе отпечаток разноэтнического, сословного, географического и производственного характера", и возник он, как социальный институт, в период классового общества, со временем превратился в свою противоположность и стал тормозом на пути социально-экономического развития общества.⁶⁰

В 70-80-х годах XX столетия автору данной работы также пришлось исследовать отдельные проблемы социально-экономического развития Чечни и Ингушетии в XVIII веке. В частности, впервые на базе новых документальных источников и литературы им была предпринята попытка осветить некоторые аспекты развития ведущих отраслей хозяйства вайнахов и социальных отношений (социальной структуры общества), а также ремесленные занятия и кустарные промыслы, торгово-экономические связи вайнахов с северокавказскими народами и с Россией, антифеодальную и антиколониальную борьбу вайнахов в XVIII в. и т. д.⁶¹

Справедливости ради отметим, что научные работы автора этих строк и некоторых других исследователей, опубликованные в те годы, были написаны в так называемый застойный советский период, когда республиканские партийные органы официально и неофициально запрещали местным научным кадрам из числа чеченцев и ингушей в полной мере заниматься исследованием древней и дореволюционной историей Чечни и Ингушетии, в частности, вопросами этногенеза вайнахов, антифеодальной и антиколониальной борьбой горцев и т.д. Как известно, еще в 20-30-ые годы XX столетия истории чеченцев и ингушей был навязан антинаучный, антиисторический тезис о якобы самом низком уровне социально-экономического и общественного развития вайнахов и как результат этого — отсутствие у них каких бы то ни было социальных и сословных отношений вообще. Существовавшие же у вайнахов на протяжении веков социально-экономические отношения заведомо рассматривались как первоначальная стадия зарождения классовых отношений, которые якобы тесно переплетались с патриархально-родовыми пережитками про-

шлого и сильно препятствовали процессу классовообразования в вайнахском обществе и т. д.

В 80-х годах XX столетия большой ущерб исторической науке в деле объективного освещения дореволюционной истории Чечни и Ингушетии нанесла так называемая лженаучная концепция о 200-лети добровольного вхождения народов Чечни и Ингушетии в состав России в 1781 году. Данная "концепция", естественно, была навязана местной исторической науке тогдашними официальными советскими партийными органами страны и для истории Чечни и Ингушетии конца XVIII века она, безусловно, имела негативные последствия и не представляла ничего общего с реальными, конкретными историческими фактами, а тем более с объективными научными взглядами и изысканиями местных ученых по данной проблеме.

Безусловно, все здоровые силы республики, общественная интеллигенция и, в частности, известные вайнахские ученые и писатели, ведущие ученые-кавказеды Москвы и Ленинграда, (профессора Е. Н. Кушева, Л. И. Лавров и др.), а также передовая интеллигенция из соседних северокавказских и закавказских республик с первого дня выразили свое решительное несогласие с "концепцией" 200-летия добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России, родоначальником и активным пропагандистом которой в республике явился небезызвестный археолог - профессор В.Б.Виноградов, с легкой руки которого местные партийные органы шельмовали и жестоко наказывали всех, кто выступал против этой надуманной псевдоконцепции. Такими жертвами произвола местных партийных органов (властей) в свое время стали некоторые ученые Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы Я. С. Баталов, Я. З. Ахмадов, Ш. Б. Ахмадов, Х. А. Хизриев, Т. А. Исаева, М. Н. Музаев, А. З. Вацуев и др.

Огромное значение для комплексного исследования проблемы социально-экономического развития и общественно-политического устройства горских народов в прошлом имела региональная научная конференция "Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у наро-

дов Северного Кавказа"⁶², проходившая 11-12 июля 1980 г. в г. Махачкала, в Институте истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. На данной конференции приняли участие и выступили с весьма содержательными докладами ученые Чечни и Ингушетии - А. И. Хасбулатов, Я. З. Ахмадов, Т. А. Исаева, Х. А. Хизриев, Х. С. Ахмадов, Х. А. Акиев и др. В центре внимания конференции находились проблемы, связанные с изучением социально-экономической истории и развитием феодальных отношений у народов Северного Кавказа. В докладах ученых на большом фактическом материале были освещены вопросы уровня социально-экономического развития народов Северного Кавказа, типологии горского феодализма, форм политического устройства и земельной собственности, социальной структуры, сельских общин и их союзов и т. д. В своем докладе на данной конференции профессор А. И. Хасбулатов, в частности, отметил, что устойчивое сохранение общинных традиций, внутренние общественные процессы, зависимое положение от соседних князей и феодалов, русская вольная колонизация, колониальная политика царизма, длительный период национально-освободительной войны - все это исторически способствовало запутыванию данной проблемы и создавало видимость отсутствия сословий у чеченцев и ингушей. "Такому представлению об общественном устройстве способствовало и то, — указывает далее автор, - что у чеченцев и ингушей на верху социальной лестницы вместо феодалов классического типа, стояли знатные, сильные, благородные семьи, фамилии, роды (тайпы — Ш.А.), которые назывались "обзда нах", т.е. "благородные люди".⁶³

Довольно интересные суждения были высказаны на конференции в докладе ученого Я. З. Ахмадова. Он, в частности, заметил, что "сложение на Северо-Восточном Кавказе государства во главе с фамилией Турловых сыграло важную роль в образовании крупнейшего коренного северокавказского народа — чеченцев, которые свое наименование получили от округа Чечен (с центром сел. Чечен-аул), заселение которого вайнахскими племенами произошло под руководством Турловых".⁶⁴

Известный ученый республики, ныне покойная Т. А. Исаева, также сделала интересный научный доклад на данной конференции, посвященный проблеме социального характера вайнахских сельских общин в XVI-XVII вв. На основе их анализа Т. А. Исаева приходит к выводу о том, что называемые и перечисляемые в русских источниках населенные пункты вайнахов - юрты, улусы, кабаки и т.д. были характерны для феодального общества. Более того, кабаки составляли сельские общины, отдельные села, которые, объединяясь, образовывали "землицы" (общества) калканцев, мичкизов, шубутов и т.д., становясь, таким образом, феодально-зависимыми селами. Кроме того, источники этого периода, по мнению автора, воспроизводят социальную градацию населения, его разделение на феодальные и зависимые слои. Высшее сословие "составляли князья, владельцы, мурзы, начальные люди", "лучшие люди" и т. д. Зависимое население общества составляли слуги, холопы, ясыри, работные люди и т. д.⁶⁵

При освещении данной темы основная роль принадлежит как опубликованным, так и неопубликованным источникам. Использованные нами в данной монографии источники в основном русского происхождения. К сожалению, ни в хронологическом, ни в тематическом плане XVIII век не представлен в источниках равномерно. Основное содержание документов XVIII века посвящено вопросам социально-экономического положения в Чечне и Ингушетии, взаимоотношениям (в основном политическим) местных социальных верхов с царской администрацией на Северном Кавказе и с простым горским населением и т. д.

Документальной базой исследования явились материалы Центральных и местных кавказских архивов: Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА, г. Москва), Архива внешней политики России (АВИР, г. Москва), Архива Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея (г. Грозный), Центрального архива Астраханской области, Архива Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, Центрального государственного архива Дагестанской республики (фонд "Кизлярский комендант") и др.

Среди той части архивных материалов, которая исследована автором по данной теме, на первый план выступают официальные документы фондов ЦГВИА (в частности, фонд 465 Военно-ученого архива (ВУА) и фонд 52 князя Г. А. Потемкина-Таврического). Документы данных фондов, впервые введенные нами в научный оборот, насыщены большим фактическим материалом и характеризуют общественно-политические процессы, происходившие в вайнахском обществе; они дают возможность увидеть общие закономерности процесса развития социальных отношений и классовой борьбы, показать причины социальных движений внутри общества, переплетение мотивов антифеодальной борьбы с национально-освободительной, антиколониальной борьбой и т. д.

Из материалов 52 фонда ЦГВИА следует отметить большое количество документов в виде всевозможных официальных рапортов и донесений, писем и ордеров от начальствующих на Кавказской Линии царских генералов и офицеров, их переписку с местными владельцами и старшинами, а также с другими представителями сословных верхов и т. д.

Значительный интерес по данной теме представляют те документы фондов "Кизлярского коменданта" Чечено-Ингушского республиканского объединенного краеведческого музея и Центрального государственного архива Дагестанской республики, которые впервые введены автором в научный оборот. Материалы фондов содержат многочисленные письма горских феодалов и старшин, главным образом аксаевских и андреевских, к кизлярскому коменданту Вешнякову с просьбой удержать подвластный им "черный народ" от ухода их на сторону восставших горцев или же разрешить им переселиться на равнинные земли по рр. Сунжа и Терек.

Наиболее значительную группу источников составляют документы фондов "Кизлярского коменданта", в которых характеризуются взаимоотношения Чечни и Ингушетии с Россией, Кабардой, Дагестаном, основные отрасли хозяйства чеченцев и ингушей, называются различные категории социально-имущей и социально-зависимой части населения вайнахского общества (князья, владельцы, старшины, богатые уздени, начальные люди, холопы, слуги, работные люди и т. д.).

В документах первой половины XVIII века в большей мере содержатся дела о выдаче денежного и хлебного жалования отдельным вайнахским князьям, владельцам, старшинам и богатым узденям. Данные материалы ценны тем, что они могут быть использованы в качестве источника для изучения социальных и феодальных отношений вайнахов в XVIII веке. Кроме того, они дают также важные сведения о социальном расслоении вайнахского общества.

Большой интерес представляют документы — материалы Астраханской таможни. Сведения таможенных выписей Астраханской таможни за 1718, 1723, 1724 гг., проанализированные нами, дают важные данные о наличии в вайнахской социальной среде категории "работных людей" и формировании профессиональных торговцев, т. е. купеческой прослойки. В материалах сообщаются также сведения о передаче ввозимых и вывозимых из Астрахани в Турки и обратно товаров и т. д.

Большим подспорьем в освещении данной проблемы служат отдельные документы, ранее извлеченные нами из фондов ЦТ АДА и АВПР (г. Москва) и введенные в научный оборот. Данные документы дают некоторые сведения о развитии земледелия, скотоводства, торговли, промыслов и ремесел, называют время и место переселения горцев с гор на равнинные земли (особенно в 1-ой половине XVIII века), указывают об организации органов управления в вайнахском обществе и формах управления. Небезынтересны сведения документов этих архивов о деятельности отдельных владельцев, князей и старшин в Чечне и Ингушетии, взимании повинностей с крестьян в пользу хозяина, о формах и видах этих повинностей, социальных противоречиях и классовой борьбе в вайнахском обществе, о формах политического устройства вайнахов и т. д.

Среди опубликованных документальных материалов для нашей работы неоценимую помощь оказал обширный рукописный источник академика П. Г. Буткова по истории Кавказа в 3-х томах.⁶⁶ Известно, что ни один исследователь по дореволюционной истории Чечни и Ингушетии не может обойтись

без этого фундаментального труда. П. Г. Бутков, служивший в 1791-1803 гг. на Кавказе и участвовавший в персидском

походе В. А. Зубова в 1797 г., собрал из различных разрозненных архивов все доступные ему источники по истории Чечни и Ингушетии, причем материалы изложены автором в строгой хронологической последовательности и на фоне общих политических событий и взаимоотношений между Россией и Кавказом в XVIII веке.

Другой участник персидского похода С. М. Броневский, служивший в это же время в Грузии в 1802-1804 гг., также написал о своем пребывании на юге и о его народах сочинение в 2-х томах.⁶⁷ В первом томе труда С. М. Броневского 3-я глава полностью посвящена историко-этнографическому и географическому описанию сведений о кистах, ингушах, карабулаках и чеченцах.

Среди опубликованных источников конца XVIII - начала XIX в. определенный научный интерес в плане исследуемой нами темы представляют рукописи работ, хранящиеся в архивах страны, а именно: авторов Р. Ф. Розена "Описание экономического положения и политического состояния части племен Чечни и Дагестана" (1830г.) и И. И. Норденстамма "Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера" (1834 г.)⁶⁸, а также отдельные оригинальные материалы, собранные в 12 томах Актов Кавказской археографической комиссии, касающиеся в большей мере административно-политического устройства вайнахов и политических взаимоотношений народов Кавказа и России. Однако в ряду работ этих авторов исследование И. И. Норденстамма выгодно отличает от других изысканий более полная и разносторонняя информация о социально-экономическом положении и политическом устройстве вайнахов в конце XVIII - начале XIX в.

Определенным подспорьем в качестве источников в освещении поставленной проблемы явились материалы по истории народов Кавказа, собранные в свое время исследователями XIX века Ф. И. Леонтовичем⁶⁹ и М. М. Ковалевским.⁷⁰ Во второй том "Адаты кавказских горцев" автора Ф. И. Леонтовича включены рукописи Голенищева-Кутузова и Лобанова-Ростовского под руководством генерала Фрейтага - "Описание гражданского быта чеченцев и кумыков с объяснением адатского их права и нового управления, введенного Шами-

между туземцами Ингушского округа, 1864-1884гг." В материалах этих авторов в отличие от известных кавказоведов великодержавно-монархического направления (Р. А. Фадеев, Н. Ф. Дубровин, В. А. Потто, Д. А. Романовский, Е. Л. Марков и др.) принята попытка более или менее полно осветить фактическую сторону развития истории, этнографии, обычного права, законов и обычаев, а также различных языков народов Чечни и Дагестана.⁷¹

Значительный интерес по теме исследования представляет часть материалов, вошедшая в Сборник документов: "Кабардино-русские отношения в XVI-XVII вв." (т.1, М, 1957), "Русско-дагестанские отношения в XVIII - первой четверти XIX в." (Махачкала, 1958), "Движение горцев Северо-Восточного Кавказа под руководством Шамиля в 20-50-ые годы XIX в." (Махачкала, 1959), "Русско-осетинские отношения в XVIII в." (т. 1, Орджоникидзе, 1976), "Русско-дагестанские отношения в XVIII - начале XIX в." (М, 1988), "Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке" (Тбилиси, 1968) и др.

Для нашего исследования весьма ценную группу источников составляют труды российских ученых-путешественников. Исследования Кавказа, начатые в начале XVIII века Петром I, были продолжены Российской Академией наук во второй половине XVIII века. В это время на Кавказ во главе научных экспедиций были откомандированы такие знаменитые ученые, состоявшие в Российской Академии наук, как академики Самуил Готтлиб Гмелин⁷², Антон Гюльденштедт⁷³ и П. С. Паллас⁷⁴, оставившие после себя крупные исследования. В трудах этих ученых сообщаются сведения об этническом составе, занятиях населения, социальной дифференциации общества, торговле, религиозных верованиях, обычаях, нравах, традициях горцев и т. д.

В процессе работы над монографией нами использованы также материалы периодических изданий, в которых приводятся сведения об экономическом развитии, социальных отношениях и общественно-политическом устройстве вайнахов в XVIII в. К ним относятся: "Русский инвалид", "Кавказ",

"Терские ведомости", "Ставропольские губернские ведомости", "Пантеон", "Москвитянин", "Кавказский сборник", "Кавказский календарь", "Терский сборник", "Сборник сведений о Терской области", "Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа", "Сборник сведений о кавказских горцах", "Записки Кавказского отдела Русского географического общества" и т. д.

Отметим также, что в данную работу автором включены, в качестве ее органически составляющих, в виде отдельных глав и параграфов значительно расширенные и переработанные материалы отдельных ранее опубликованных научных статей в тематических Сборниках и Известиях бывшего Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка, литературы и экономики.

Использованная литература и источники:

1. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века.* М, 1988, с.6-7.
2. Студенецкая Е. Н. *Одежда народов Северного Кавказа XVIII-XIX в.* М, 1989, с.4.
3. Вроцкий Н. В. *Чечня как хлебный оазис.* Сборник сведений о Терской области, вып. 1, Владикавказ, 1878, с. 270.
4. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с. 4.
5. Там же.
6. Берже А. П. *Чечня и чеченцы.* Тифлис, 1859, с. 90.
7. Лаудаев У. *Чеченское племя.* Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 6, Тифлис, 1872, с. 12-13.
8. Орбелиани Г. *Путешествие мое из Тифлиса до Петербурга.* Археолого-этнографический сборник, вып. 1, Нальчик, 1974, с. 233.
9. Леонтович Ф. И. *Адаты кавказских горцев,* вып. 2, Одесса, 1883, с. 12.
10. Исаева Т. А. *К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII-XIX вв.* Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона, вып. 1, Грозный, 1978, с. 131.
11. Гербер Г. И. *Описание стран и народов живущих вдоль западного берега Каспийского моря. 1728.* История, география и этнография Дагестана XVIII- XIX вв., М, 1958, с. 78.
12. Гюльденштедт И. А. *Географическое и статистическое описа-*

- ние Грузии и Кавказа (Из путешествия господина академика И. А. Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770-1774 гг.), СПб, 1809, с. 77.
13. Там же, с. 86.
 14. Георги И. Г. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов*, ч. 2, СПб, 1799, с. 59.
 15. Бурнашев С. Д. *Описание горских народов*, Курск, 1794, с. 20.
 16. Бутков П. Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.*, ч. 1, СПб, 1869, с. 258.
 17. Броневский С. М. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, ч. 2, М, 1823, с. 181.
 18. Данилевский Н. *Кавказ и его горские народы*, М, 1851, с. 192.
 19. Саидов И. М. *Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей*. Археолого-этнографический сборник, т. 2, Грозный, 1968, с. 275-276.
 20. Ипполитов А. И. *Этнографические очерки Аргунского округа*. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 1, Тифлис, 1878, с. 44-45.
 21. Джимов Б. М. *Социально-экономическое и политическое положение адъвгов в XIX в.*, Майкоп, 1986, с. 4.
 22. Щербина Ф. *Общинный быт и землевладение у кавказских горцев*, "Северный вестник", кн. 1, СПб, 1886, с. 133.
 23. Гаджиев В. Г. *Сочинение И. Гербера "Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся"*, М, 1979, с. 60.
 24. Тусиков М. Л. *Ингушетия*. Владикавказ, 1926, с. 19-20.
 25. Далгат Б. *Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом*. Известия Ингушского НИИ, т. 4, вып. 2, Орджоникидзе, 1934, с. 53.
 26. Покровский М. Н. *Дипломатия и войны царской России в XIX в.*, М, 1923, с. 200.
 27. *Революция и горец*, № 4, Владикавказ, 1931, с. 24.
 28. Бушуев С. К. *О кавказском мюридизме*. "Вопросы истории", № 12, М, 1959, с. 74.
 29. Мартиросиан Г. К. *История Ингушетии*, Орджоникидзе, 1933, с. 28.
 30. Яковлев Н. Ф. *Ингуши*, М, 1925, с. 102.
 31. Семенов Л. П. *Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг*, Грозный, 1963, с. 175.
- Вартапетов А. С. *Проблемы родового строя ингушей и чеченцев*, "Советская этнография" (СЭ), № 4, М, 1932, с. 63-89.
33. Крупнов Е. И. *К истории Ингушетии*. Вестник древней истории (ВДИ), № 2, М, 1932, с. 89.
 34. Скитский Б. В. *К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа*. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 1, вып. 1, История, Грозный, 1959, с. 169; 174.
 35. Мальсагова Т. Т. *О классовой дифференциации и формах социальной зависимости среди чеченцев и ингушей*. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 4, вып. 1, История, Грозный, 1964, с. 150.
 36. Саламов А. А. *Не затушевывать социальные противоречия прошлого*. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 4, вып. 1, История, Грозный, 1964, с. 205-206.
 37. Фадеев А. В. *О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России*. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 2, вып. 1, Грозный, 1960, с. 4.
 38. Гриценко Н. П. *Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII - первой половине XIX в.*, Труды ЧИНИИИЯЛ, т. 4, Грозный, 1961, с. 114.
 39. Кушева Е. Н. *О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа*. Проблемы возникновения феодализма у народов СССР, М, 1969, с. 179.
 40. *Народы Кавказа*, т. 1, М, 1960, с. 364; 383; *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР*, т. 1, Грозный, 1967, с. 57.
 41. Саламов А. А. *Ук. соч.*, с. 205.
 42. Тотоев Ф. В. *Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII - 40-е годы XIX в.)*. Диссертация на соискание ученой степени канд. истор. наук, М, 1966.
 43. Баталов Я. С. *Изображение феодальной верхушки Чечни в эпических песнях*. Археолого-этнографический сборник, т. 2, Грозный, 1968, с. 77-79.
 44. Умаров С. Ц. *Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в Нагорной Чечено-Ингушетии*, Археолого-этнографический сборник, т. 2, Грозный, 1968, с. 228-244.
 45. Семенов Л. П. *Ук. соч.*, с. 141.
 46. Саидов И. М. *Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей*. Археолого-этнографический сборник, т. 2, Грозный, 1968, с. 264-265.
 47. Харадзе Р. Л., Робакидзе А. И. *Характер сословных отношений в Горной Ингушетии*. Кавказский этнографический сборник (КЭС), ч. 2, Тбилиси, 1968, с. 164.
 48. Крупнов Е. И. *Средневековая Ингушетия*, М, 1971, с. 177. Исаева Т. А. *К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в.* Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы, т. 9, ч. 3, вып. 1, Грозный, 1974; *К историографии истории исторической науки Северного Кавказа и Дона*, вып. 1, Грозный, 1978 и др.
 49. Исаева Т. А. *К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVII-XIX вв.*, Ук. соч., с. 134.

50. Исаева Т. А. *Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVIII в.* Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI - нач. XX в.), Грозный, 1980, с. 41.
51. Ахмадов Я. З. *К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в.* Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии, Грозный, 1980, с. 59.
52. Ахмадов Я. З. *К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии.* Вопросы истории Дагестана (досоветский период), Махачкала, 1974, с. 220.
53. Ахмадов Я. З., Айтберов Т. М. *Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIII в.*, Ук. соч., с. 48.
54. Ахмадов Я. З. *О роли мусульманского духовенства в общественной жизни Чечни (по материалам XVIII - пер. пол. XIX в.), "Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII - нач. XX)",* Грозный, 1982, с. 59.
56. Ахмадов Я. З. *К внутриполитической обстановке в Чеченском феодальном владении первой половине XVIII в.* Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XX в.), Грозный, 1986, с. 35-36.
57. Ахмадов Я. З., Айтберов Т. М. *Архивные данные об удельной системе в Чеченском феодальном владении XVII-XVIII вв.* Источниковедение истории дореволюционной Чечено-Ингушетии, Грозный, 1988, с. 71-75.
58. Ахмадов Я. З. *Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке.*, Грозный, 1991.
59. Борчашвили Э. А. *Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVII-XIX вв.*, Тбилиси, 1988, с. 443.
60. Хасиев ОМ. А. *О социальном содержании института "тайп" чеченцев (XIX - нач. XX в.).* Вопросы политического и экономического

развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XX в.); Сборник статей, Грозный, 1986, с. 75-76.

Ахмадов Ш. Б. *К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке.* "Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI -нач. XX в.)", Грозный, 1979; Его же. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII веке. "Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI - нач. XX в.)", Грозный, 1980; Его же. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке. Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Северного Кавказа в XVI -нач. XX в., Грозный, 1981; Его же. Из истории развития земледелия и животноводства у чеченцев и ингушей в XVIII - нач. XIX в. "Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII - нач. XX в.)", Грозный, 1982; Его же. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII-XIX вв. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XX в.), Грозный, 1986 и др. *Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа*, Махачкала, 1988.

Хасбулатов А. И. *К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии*, Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа, Махачкала, 1988, с. 84-85. Ахмадов Я. З., Айтберов Т. М. *К вопросу о феодальной фамилии Турловых в Чечне (XVI-XVII вв.)*. Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа, Махачкала, 1988, с. 219.

Исаева Т. А. *Социальный характер чечено-ингушской общины.* Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа, Махачкала, 1988, с. 282-283.

Бутков П. Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.*, тт. 1-3, СПб, 1869.

Броневский С. М. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, ч. 1, М, 1823.

Материалы по истории Дагестана и Чечни, т. 3, ч. 1, Махачкала, 1940, с. 233; 298-329.

Леонтович Ф. И. *Адатыкавказских горцев.* Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, ч. 2, Одесса, 1882-1883. Ковалевский М. М. *Закон и обычай на Кавказе*, т. 2, СПб, 1890.

>.т.

33

- 32.
71. Магомедов Р. М. *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - нач. XIX в.*, Махачкала, 1957, с. 19.
72. Гмелин С. Г. *Путешествие по России*, ч. 1-3, СПб, 1785.
73. Гюльденшtedт И. А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа в 1770-1774 гг.*, СПб, 1809.
74. Паллас П. С. *Путешествие по разным провинциям Российской империи*, ч. 1-2, СПб, 1786-1788.

РАЗДЕЛ I.
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ ЧЕЧНИ И ИНГУШЕТИИ
В X\ЧП - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ГЛАВА I. ТЕРРИТОРИЯ,
ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
И НАСЕЛЕНИЕ ЧЕЧНИ И ИНГУШЕТИИ
В XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В рассматриваемое время чеченцы и ингуши проживали как в горах, так и на равнине. Территория Чечни занимала восточную часть Северного Кавказа. На северо-западе Чечня граничила с Малой Кабардой, далее граница шла по правому берегу реки Терек от станицы Галюгаевской до укрепления Амир-Аджи-Юрт. На северо-востоке граница Чечни проходила рядом с Горячими колодцами, неподалеку от селений Дев-летгирей-Юрт и Брагуны до земель кумыков. Восточная граница Чечни проходила рядом с землями кумыков по Качка-лыковскому хребту; река Акташ и Андийский хребет отделяли ее от дагестанского общества Салатау. На юге склоны Главного Кавказского хребта отделяли земли Чечни от Нагорного Дагестана и Грузии, а на западе - от земель ингушей рекой Фортангой до впадения ее в реку Сунжу. На западе Чечня граничила также с Осетией по Главному Кавказскому хребту, главным образом территорией между реками Терек и Камби-леевка.¹

Наиболее ранние и довольно-таки подробные сведения о границах расселения чеченских и ингушских обществ в XVIII веке сообщает западноевропейский исследователь-путешественник Якоб Рейнегс, побывавший в конце XVIII века во многих регионах Кавказа, и, в частности, в Чечне и Ингушетии. В своих описаниях Я. Рейнегс, говоря о местах проживания чеченцев, в частности, отмечает: "... Поколение (обще-

ство - Ш.А.) Басли поселилось на правом берегу реки Сиунче и сею рекою отделяется оно не только от соседей своих Алти, но и от другого соседнего народа, который считает в себе 1200 родов и называется Четчен. Сии Четчены вдоль по горе и по реке Сиунчи весьма далеко к востоку простираются. Они бы в рассуждении множества могли занять и иные страны, но удержаны от другого поколения Кигги, состоящего из 700 дворов, и для того оба сии народы реку Витунь имеют границею между собою. Напротив того, между реками Терекон и Яксаем весьма далеко к северу они распространились и селения их названы по имени нового их поколения или по тому месту, на котором они жить расположились. Как то при реке Аргуне находятся Большая и Малая Атага, народ из 1100 дворов состоящий. Поколение Топли считает в себе 200 дымов, а Бара-гун деревня, лежащая при теплицах, сего же имени, состоит из 300 дворов. При ручье Балсу находится деревня того же имени, кое получили они от великого множества пчел, которых там находят, а с ней граничит другое поколение Гиги, которое содержит в себе только 250 дворов. В оной стране находятся еще четыре другие поколения: Чеви, Гачиаул, Шал-ли и Сагунти, но оные произошли от татарского роду, ибо они чеченского языка разуместь не могут. 400 родов из оных живут в соседстве с деревней Гребенских казаков, состоящею из 150 дворов на берегу реки Терека".²

Якоб Рейнеггс высказывает также весьма интересные суждения о местах проживания и расселения ингушей в конце ХУШ века. Так, например, он указывает, что "на правом берегу реки Терек, на северо-западной вершине восточного Кавказа и по всем около него лежащим горам живет народ, называемый Инкучь, который из Мадшара начало свое выводит; в соседстве с ним с южной стороны обитают кисты, нежели самые суть сии народы, о которых Плиний под именем гнетов, а Моисей Хоренский под именем Хустов упоминают. По крайней мере они суть из числа древнейших кавказских жителей, ибо язык их в употреблении у большей части тех народов, которые на наружных горах к Н. О. поселились. Кисты простираются до берегов Терека, а к востоку граничат они с другими народами, называемыми карабулаки; оные живут уже на

высочайших горах и распространяются к востоку по долгой долине, даже до соседнего пограничного народу, который называется билитли. Сии билитли граничат к западу с инкуча-ми и рекою Кумбалеи, между собой разделяются от правого берега реки сей даже до источников реки Сиунче продолжилось поколение Алти, которое 200 дворов в роде своем считает".³

Конечно, сведения из процитированного нами источника Я.Рейнеггса, касающиеся этнических названий и происхождения отдельных вайнахских обществ, селений и рек на территории Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время вызывают определенные сомнения, но при критическом анализе и в сопоставлении их с другими источниками и материалами о чеченцах и ингушах в XVIII в. они могут дать более достоверные и исчерпывающие ответы.

Определенного внимания заслуживают сведения о границах расселения чеченцев и ингушей в конце XVIII - начале XIX в., сообщаемые исследователем С. Броневским. Он, в частности, указывает, что "Чеченцы, называемые также от соседственных народов мичкизами, граничат к северу с селениями гребенских казаков, отделяемыми Терекон; к западу с бра-гунским владением, с Малой Кабардою, и ингушами и кара-булаками; к полудни с снежным хребтом гор; к востоку с Андийским и Аварским владениями, входящими в Лезгистан, и с аксаевскими кумыками, от коих отделяются рекою Аксаем. Земли их по Терекон, заключенные между устьями Сунжи и северо-восточным изгибом Аксая, верст на тридцать расстояния, расширяются к высоким горам на полдень, имея крайними пределами на восток вершины Аксая и на запад вершины реки Фартама. Левый берег Аксая весь принадлежит чеченцам; нижняя часть сей реки, параллельно с Терекон текущая, находится во владении аксаевских кумыков. Начиная от средних и нижних частей правого берега Сунжи, заселенных чеченскими деревнями, ... Сунженские реки протекают через их земли..."⁴

Называя данные о границах расселения ингушей, С. Броневский замечает также, что "ингуши, называемые также кисты, галгаи, сильное кистинское колено, имеют главные жи-

лища свои вдоль по Кумбулеи впадающих в нее ручьям до высоких гор, также по вершинам Сунжи и по Сунженской реке Шадгир или Оссае, находясь таким образом между Малою Кабардою и Чеченцами. Селения ингушевские начинаются в нескольких верстах на восток от Владикавказской кре-

пости в предгорьях, пересекаемых возвышенными равнинами, и оттуда расширяются далее на восток и на полдень по берегам Кумбулея, Сунжи и Шадгира неопределенною чертою. Они сами себя называют ламур (горный житель)".⁵ И далее С. Броневский указывает, что ингуши "живут по правому берегу Терека, в высоких горах, против Осетинского колена тагауров... Бесплодные земли их, лежащие на известковых и шиферных горах, большею частью обнаженных в виде скал, простираются от Владикавказской крепости до Дарьяла, где начинается грузинская граница, и следовательно на тридцать верст расстояния".⁶

Одновременно С. Броневский сообщает сведения о границах расселения наиболее крупного и могущественного для того времени племени чеченцев и ингушей - карабулаков. "Карабулаки небольшое колено, - указывает автор, - живут у истоков Сунжи по Сунженским рекам Шадгир (Оссае) и Фортам; граничат на западе с ингушами, на востоке - с чеченцами".⁷

Безусловно, сведения начала XIX века, сообщаемые исследователем С. Броневским о границах расселения чеченцев и ингушей, хотя и не во всем безупречны и достоверны, однако как фактический материал, с учетом их критического анализа они представляют также определенную научную значимость.

В начале XIX в. по определению дореволюционного исследователя Д. А. Милютина территория Чечни и Ингушетии составляла в общей сложности около 14 тыс. кв. км. Из них Чечня занимала более 10 тыс. кв. км, из которых около половины ее территории была гористая, а другая половина - равнинная. Площадь, занимаемая Ингушетией, несколько превышала 3 тыс. кв. км.⁸

В физико-географическом отношении Чечня и Ингушетия в рассматриваемое время делились на четыре зоны: высокогорная, горная, предгорная и равнинная. В высокогорной зоне

климат суровый, горы покрыты снегами и ледниками. К северу горы понижаются, появляется растительность. Долины покрыты слоем чернозема; здесь много пастбищ. Основное занятие жителей этой зоны - скотоводство. Осенью здесь рано выпадает снег, и стада спускаются в низины.⁹

В горной зоне преобладают гряды и отроги, которые покрыты толстым слоем чернозема и лесами. В народе их называют "Габржа лаьмнаш" - Черные горы. Черные горы - самая живописная часть Кавказа, Перед взором человека здесь встают горы, изрезанные извилистыми балками, с речками прозрачной воды и ниспадающими водопадами с весьма значительных высот. В лесах этой зоны растут такие деревья как дуб, чинара, бук, граб, липа, ясень, высокогорный клен, карагач, орешник, а также дикие фруктовые деревья: яблоня, груша, кизил, слива. На полях горцы сеяли пшеницу, кукурузу, просо и ячмень. В лесах произрастает много разных трав и растений, среди которых есть и целебные.¹⁰

Предгорная зона Чечни и Ингушетии ровной лесистой полосой тянется до самой Сунжи. Она обильнее природными богатствами, земля здесь плодороднее нежели в горах, много фруктовых деревьев. Климатические условия благоприятствуют здешним теплолюбивым южным растениям.¹¹

Почти третью часть территории Чечни и Ингушетии составляли леса. Леса здесь богаты строевыми породами деревьев. Лес играл большую роль в хозяйстве чеченцев и ингушей. Из него горцы изготавливали части плуга, горские бороны, сохи, лари, сапетки, санки, кадушки, вилы, грабли, повозки. Лес служил для строительства домов, а также в качестве топлива и шел на продажу. Говоря о разнообразных породах деревьев, растущих в Чечне, И. А. Гюльденштедт, в частности, указывает, что "между устьями Аргуна и Джалки находится равнина, усаженная густым лесом, состоящим большею частью из дуба, грабины, илима и из обыкновенного кустарника по Тереку растущего. Из илима казаки делают себе лодки для плавания по Тереку".¹² Другой исследователь Я. Рейнеггс, побывавший в горной Чечне и Ингушетии, сообщает, что в горах Ингушетии он встречал "прекрасные дубовые рощи", в то время как чеченские земли вообще "наполнены дремучими лесами".¹³

Равнинная зона включает в себя пространство между Тереком и Сунжей и образует Терско-Сунженскую равнину, которая прерывается параллельно текущими реками Сунжей и Тереком. Земля между этими реками почти безводная, здесь нет больших рек, кроме Ачки-хи, или речки Нефтянки. Река Сунжа берет свое начало в отрогах Кавказского хребта, течет в северном направлении до Назрани, здесь поворачивает на восток, прорезая Терский хребет и в 3-х верстах ниже села Брагуны впадает в реку Терек. Длина реки Сунжи 220 км. По реке Сунже чеченцы и ингуши сплавляли лес в Кизляр. Одной из крупных рек Чечни является река Аргун, образующаяся от слияния двух рек: Чанти-Аргун и Шаро-Аргун вблизи села Дачу-Барзой и впадающая в реку Сунжу.

Кроме Сунжи, Терека и Аргуна в Чечне есть и другие реки. Так, в Малой Чечне, беря свое начало из Черных гор, текут реки Фортанга, Гехи, Мартанка и Гойта. Река Гойта делит Чечню на Большую и Малую. В большой Чечне, беря свое начало из Андийского хребта и его отрогов, текут реки Джалка, Хулхулау, Гудермес (Гумс) и Аксай.¹⁴

В пределах Ингушетии после впадения в нее Ассы течет река Сунжа на расстоянии 50 верст. Река Камбилеевка течет из лесистой котловины Передового хребта, образуясь из 9 потоков, сходящихся близ сел. Ангушт. Характерная особенность ее: из 72 верст 53 версты река Камбилеевка течет по территории Ингушетии и в ней полностью отсутствуют ледниковые воды. Река Асса на расстоянии 63 верст проходит по Ингушетии, беря свое начало из главного хребта в Хевсуретии и с горы Архотис-Мта, и впадает в Сунжу около сел. Закан-Юрт. Река Фортанга является притоком Ассы. По ней проходит граница между Чечней и Ингушетией.¹⁵

Разнообразны климатические условия Чечни и Ингушетии. В высокогорной части Чечни климат резко континентальный, зима зуровая. По мере удаления от снежных гор климат становится мягче, теплее. Зима на Чеченской равнине короткая и не очень холодная. В горах снег, как правило, выпадает в начале ноября, а на плоскости - в середине декабря. В середине февраля месяца обычно снег исчезает.¹⁶

Климат на равнинной и предгорной части Ингушетии так-

же резко континентальный. В горной же части он характеризуется коротким жарким летом, сухими сильными ветрами и благодаря высокому положению над уровнем моря, суровой, продолжительной зимой с холодными ветрами. Кроме того, в летние месяцы здесь наблюдаются резкие переходы от температуры дня к температуре ночи: дни стоят жаркие, ночи прохладные...¹⁷

Далеко неоднобразны и почвенные условия Чечни и Ингушетии. Чеченскую равнину составляет преимущественно черноземная почва (1аьржа латта). Плодородные почвы Чеченской равнины в XVIII веке способствовали началу интенсивного развития земледельческой отрасли чеченцев. Чеченская плоскость, - сообщает К. Самойлов, — является чуть ли не самой плодородной частью всего Северного Кавказа.¹⁸ Безусловно, хорошие природно-климатические условия Чечни и Ингушетии и исключительное трудолюбие местного населения способствовали развитию здесь самых разнообразных отраслей хозяйства.

Наряду с живописнейшими и богатыми растительностью и хорошими плодородными землями равнинной частью Чечни и Ингушетии, дававшей горцу возможность успешно заниматься земледелием и скотоводством, одновременно существовала дикая горная часть, где практически отсутствовали какие-либо условия для ведения хозяйства. Так, немецкий исследователь М. Энгельгардт, побывавший в сентябре 1811 года в Ингушетии, указывает: "Чудесные долины, частично котлообразные и окруженные высокими горами, открывались к югу от наших ног: их поверхность была украшена прекрасными лугами, их склоны были покрыты буковыми и еловыми лесами".¹⁹ И далее, описывая долину, расположенную в бассейне реки Ассы, он пишет: "Эта долина самая красивая, какую я видел на Кавказе. Роскошная растительность украшает склоны, белые известковые скалы просвечивают из многообразной зелени и взгляд скользит над колышущимися верхушками деревьев, которые закрывают шумящую Ассу, далеко в плодородную долину, которая закрывается горной цепью у северного горизонта".²⁰

Богат и разнообразен животный мир горных лесов Чечни

буреломом, скалистые ущелья. На опушках и лесных полянах можно встретить косулю. Много в лесах диких кабанов. В глухих балках живет лесной кот. Здесь же изредка встречается рысь; в горных лесах обитают волк, лисица, заяц, олень, серна, лань, куница лесная и каменная, шакал, барсук, ласка. Один из современников грузинский царевич Вахушти, рассказывая об Ингушетии (Дзурдзукетии и Глигвии) XVIII века, в частности, писал, что из зверей здесь водятся: олени, серны, лани, рыси, лисицы, волки, шакалы, барсуки, медведи, зайцы и др.²¹ Достаточно много водится птиц в горных лесах Чечни и Ингушетии. Здесь живут зяблики, пеночки, синицы, снегири, поползни, дятлы, дрозды, сойки, совы/

Издавна Чечня и Ингушетия славятся полезными ископаемыми, нефтяными и минеральными богатствами. Наиболее ранние сведения о наличии нефти в крае относятся к 1653 году, когда во время осады Сунженского острога персидскими войсками в качестве горючего средства была использована нефть, добытая, по-видимому, из источников недалеко от аула Мамакай-Юрт, (вблизи нынешнего г. Грозного, и, в частности, селения Брагуны и др.). Об использовании в XVIII веке местными жителями нефти свидетельствуют лейб-медик Петра I Г. Шобер (1718 г.), географ-экономист Иван Кириллов, академики И. Г. Гмелин, И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас и др., которые побывали в это время в Чечне и Ингушетии. Они отмечали, что местными жителями (чеченцами, ингушами и казаками) нефть используется для бытовых нужд: освещения, смазки колес телег и как лечебное средство.²³

Чечня и Ингушетия также были богаты различными полезными ископаемыми. Вайнахи издревле занимались добычей различных металлов. Еще в XVII веке русский стрелец Девятко Савельев ездил из Терков покупать свинец в горы Ингушетии.²⁴ Академик П. Г. Бутков сообщает, что, когда в 1769 г. Российская Берг-Коллегия направила экспедицию для разведки руды в горах, то "кистинцы предлагали свои услуги в сем предприятии".²⁵ Академик И. А. Гюльденштедт также свидетельствует, что во время его поездки "показывали ему

небольшие штуфы свинцового блеска, медной лазури и медной сини, со вкрапленную серую рудую, которые, по свидетельству тамошних жителей, были выкопаны возле сего храма".²⁶ Относительно уезда Мереджой, он сообщает, что здесь находятся медные прииски.²⁷ "Свинцовое серебро, содержащее блески и серные колчеданы, появляются в сложной горной породе, различными, а особливо четырьмя жилами в Кистинской провинции в Галгаевском округе при реке Ассае, между деревнями Ассай и Жейрехи"²⁸, - сообщает далее И. А. Гюльденштедт. Исследователь С.Броневский в начале XIX в. отмечает, что "в Ингушевских горах известны следующие руды: свинцовый блеск, медная синь, медная зелень с жилками поблеклой медной руды серебро содержащей, упоминаемые И. А. Гюльденштедтом". И далее продолжает автор, что "в архивах есть сведения, что за несколько лет прежде (1767 г.) доставленные из Кистинских и Осетинских гор пробы руд в Государственную Берг-Коллегию признаны в свинце и серебре не уступающими Нерчинским рудам".²⁹ Иностраный исследователь Я. Рейнеггс замечает, что кистинские, ингушские горы состоят из дикого гранита и камней, покрытых железистой, глинистой и мергелевой землей; недалеко от кистинских границ находится отверстие шириною в 260 футов, наполненные серой и окаменелой глиной. Из глины горцы "изготавливали всякого рода водяные и питейные сосуды...". На востоке Ингушетии существовали яшмовые пещеры, где встречались весьма хорошие "яшмы с черными, зелеными и желтыми пятнами". Более того, в Ингушетии Я. Рейнеггс видел свинцовую руду, вышедшую наружу.³⁰ По утверждению того же автора, горы Чечни содержат в себе чистую известь, а в длину по всей гористой цепи находятся весьма верные признаки твердого каменного угля. К западу же, на левом берегу р. Сунжи, - замечает далее Я. Рейнеггс, - находятся несколько "изобильных черных ключей горного масла (нефти-Ш.А.), которые смогут быть весьма полезны для доходов государственных"; в 25 верстах от реки Сунжи находится "весьма горячий серный ключ", имеется здесь также сера и т.д.³¹

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии имелись еще и соляные копи. Об этом сообщает один из западноевро-

пейских путешественников - исследователей П. С. Паллас. В земле ингушей, - говорит он, - есть очень мощный соляной источник; его вода, как говорят, столь насыщена солью, что два ведра воды из него дают ведро соли; этот источник небольшим ручейком впадает в реку Фортангу".³²

Точных данных о количестве населения Чечни и Ингушетии как в горах, так и на равнине за XVIII век практически не представляется возможным назвать из-за отсутствия цифровых сведений. Однако дореволюционные источники первой половины XIX века называют различные, а порой и противоречивые сведения и цифровые данные о численности чеченцев, ингушей и других вайнахских этнических групп, проживавших в различных обществах Чечни и Ингушетии в XVIII веке. Особенно это касается горных обществ Чечни и Ингушетии, о которых русские и зарубежные источники, по всей вероятности, не располагали более или менее точными сведениями о численности населения вплоть до начала Кавказской войны. Поэтому данное обстоятельство приводит нас к необходимости пользоваться в данной работе сведениями источников за первую четверть XIX века.

Как известно, в прошлом среди определенной части жителей отдельных этнических групп чеченцев и ингушей как в горах, так и на равнине, исторически, географически и экономически тяготевшие друг к другу, происходил динамический процесс их ассимиляции. Ввиду этого местным исследователям представляется чрезвычайно сложным и трудным определить, какие именно из известных нам горных обществ Чечни и Ингушетии явились главной основой складывания в дальнейшем как чеченского, так и ингушского этносов. Известно, что таким путем одно из вайнахских обществ - карабулаки (орстхоевцы) в прошлом частью растворились среди чеченцев, а частью - среди ингушей. Большое количество карабулаков в 60-х годах XIX века, после окончания Кавказской войны, переселилось за границу. Поэтому не случайно, что дореволюционные исследователи обоснованно считали, что всякое деление между чеченцами и ингушами условное, ибо в сущности это один народ, который в силу исторических условий и политических устремлений царских властей на Кавка-

зе оказался изолированным в некоторой степени друг от друга (в частности, в пору движения горцев Северного Кавказа под предводительством шейха Мансура в 1785-1791 гг. и имама Шамиля в 1834-1859 гг.).

Наиболее ранние сведения о численности чеченцев и ингушей в рассматриваемое время мы находим у западноевропейских путешественников-исследователей, членов Российской Академии наук И. А. Гюльденштедта, И. Г. Георги, Я. Рейнеггса и др., побывавших на Северном Кавказе, и, в частности, в Чечне и Ингушетии. Так, И. А. Гюльденштедт отмечает, что "округ ингушевцев и кистов... может выставить по примерно-му исчислению около 5000 военных людей".³³ Я. Рейнеггс сообщает по этому поводу следующее: "Во время военное, когда они обыкновенно сокупаются вместе..., чечены, считая со всех их поколений, выставляют против неприятеля 10000 человек..., сила ингушей состоит в 4000-х воинах, кисты имеют 1800 человек, а карабулаки - 1000 человек".³⁴ Исследователь И. Г. Георги также указывает, что "чеченги (чеченцы - Ш.А.) живут в кистинской чеченской округе по Аргуну и Тереку, и могут поставить до 5 000 конницы".³⁵

Конечно по данным И. А. Гюльденштедта, И. Г. Георги и Я. Рейнеггса вообще невозможно определить общее количество чеченцев и ингушей. Но если исходить даже из того, что на семью из 5-7 человек населения мог приходиться один воин, то вряд ли и в этом случае число чеченцев и ингушей могло составлять 35-50 тысяч человек.

Более правдоподобные сведения о численности ингушей в XVIII веке можно считать у дореволюционного исследователя П. Г. Буткова, хотя и по нему также трудно судить о точном количестве данного народа. Так, например, автор сообщает, что равнинные ингуши, жившие по берегам р. Камбилеевки и известные в русских источниках как Большие или Старые ингуши, составляли 19 деревень, а Малые ингуши, расположенные на реке Шалха - 5 деревень, Все они составляли 24 деревни с общим числом 2000 дворов, рассеянных маленькими деревнями от 20 до 30 домов в каждой. Позже они переселились в урочище Назрань и стали известны в русских источниках под названием "назрановцы". Галгаи, жившие в горах,

имели 12 деревень. Джераховцы жили в 15 деревнях, количество которых в каждой деревне составляло по 5 дворов. В 1802г. джераховцы могли выставить до 300 человек вооруженных. Карабулаков было 300 дворов, и обитали они при вершинах Сунжи, по рекам Осай или Васай-су и Бал-су, в Черных горах, а аккинцев - около 200 дворов в 5 деревнях...³⁶

В Актах, собранных Кавказской археографической комиссией (АКАК), также содержатся некоторые сведения о численности ингушей в начале XIX века. Они, в частности, сообщают о том, что всего населения ингушей составляло в 1810 году более 7 тысяч душ.³⁷ При этом приходится считаться с возможностью, что здесь называется численность т.н. Галгайчие, т.е. жителей Ассинского ущелья. В это число, по всей вероятности, не включались ингуши Джераховского ущелья, т.е. назрановцы.

На основе сведений, собранных из различных устных и письменных источников, исследователь С. Броневский в начале XIX века называет приблизительное количество чеченцев, кистинцев, ингушей и карабулаков, а именно: чеченцев мирных и независимых - 20000 дворов или семей, а кистин-ингушей-карабулаков и пр. - 15000 дворов или семей.³⁸ И далее С. Броневский указывает, что все ингушские общества, отдельно взятые, могут выставить пять тысяч вооруженных людей. "Следовательно, - говорит он, - население Ингушевской земли должно быть не менее 5000 дворов и вероятно несколько более".³⁹ Правда, через несколько страниц тот же автор называет другие, несколько противоречивые цифры. Так, в частности, по Ингушетии он сообщает, что "все вышеупомянутые Кистинские колена (общества - Ш.А.), вместе с неизвестными, за исключением чеченцев, собрать могут до 12000 худо вооруженных воинов".⁴⁰ Относительно сведений по Чечне С. Броневский указывает следующее: "Из всех чеченских отделений (обществ - Ш.А.) собраться может до 15000 вооруженных людей; из чего заключить должно, что население чеченской области простирается до 20 000 дворов".⁴¹ Если принять в расчет, что на один двор или семью приходится 5-7 человек, то общее число чеченцев и ингушей по подсчетам С. Броневского составляло соответственно: чеченцев - 100000-140 000 человек, а ингушей - 75000-105000

человек. По видимому, автор ошибочно называет здесь в общем количестве ингушей всех жителей кистинских обществ и карабулаков.

Другой дореволюционный исследователь А. М. Буцковский, говоря о численности дворов отдельных ингушских обществ в начале XIX века, в частности, указывает, что ингуши составляли в это время 1 367 дворов, кистинцы - 482 и карабулаки - 488 дворов.⁴² Если исходить из расчета 5-7 человек на одну семью или двор, то общее число населения ингушей, кистин и карабулаков должно было насчитывать от 11 000 до 16 000 человек, что, безусловно, на наш взгляд, не могло соответствовать действительности.

В значительной мере более полные и относительно достоверные сведения о численности чеченцев и ингушей в рассматриваемое время мы обнаруживаем в официальных источниках царской администрации на Кавказе в 20-30-х годах XIX века. Это был период активного продвижения царизма на Северный Кавказ, и, в частности, в Чечню и Ингушетию. Так, царский офицер Д. А. Милютин, который служил в это время в отдельном Кавказском корпусе в качестве офицера Генерального штаба и по долгу службы бывал в это время в Чечне, называет 1829 г. в Надтеречье и Затеречье 16 селений чеченцев, в которых находилось от 1700 до 1900 дворов с общей численностью до 5,5 тысяч человек мужского пола. По берегам реки Сунжи, не считая ингушских селений, было расположено 70 чеченских селений. Менее населенными, считает автор, являлись равнинные земли за рекой Сунжей, где находилось 10 селений и более 30 хуторов.⁴³

В восточной части Чечни 17 чеченских селений находилось на Кумыкской плоскости. Качкалыкские селения вайнахов располагались на восточной стороне Качкалыкского хребта и насчитывали до 3 тысяч человек мужского пола. По соседству с ними в 12 селениях проживали мичиковцы с числом до 6 тысяч человек мужского пола. В горных районах Чечни, в основном в верховьях рек Ярыксу, Ямансу, Аксай и Хулху-лау в 34 селениях жили ичкеринцы и насчитывали до 5 тысяч человек мужского пола. Более или менее крупными населенными пунктами, кроме главного Веней, являлись Зандак,

Аллерой, Центорой, по 30-40 дворов насчитывалось в селениях Белетли (Билты - Ш.А.), Саясан, Ахшипатой, Эрсен, Ведень, Черми, Гуна. Менее 30 и более 10 дворов насчитывалось в чеченских селениях Гендерхой (Гендергеной - Ш.А.), Дар-го, Белгатой, Гурдали (Гордали - Ш.А.) и др.⁴⁴

"К западу от ичкеринцев в горах по ущелью Джалки и Аргуна, - сообщает далее Д. А. Милютин, - жили Чарбили (Чеберлой - Ш.А.), Шубурды и Шатойцы". Автор называет весьма приблизительное число жителей данных горных обществ. К примеру, чеберлойцы составляли около 3 тысяч человек мужского пола. Значительная часть чеберлойцев проживала в хуторах, которые близко располагались друг от друга, составляя как бы одно селение под общим названием.⁴⁵ Основной недостаток сведений, сообщаемых Д. А. Милютиным, заключается в том, что автор совершенно не учитывает и не анализирует численный состав женщин и детей как в горах, так и на равнине Чечни.

Довольно краткие сведения о численности населения горных обществ Чечни дают источники 30-х годов XIX века. Так, в обществе Напгхо в это время насчитывалось 200 дворов и 1 тысяча жителей; в обществе Терело было 13 населенных пунктов с 200 дворами; в обществе Митхо было сосредоточено 16 селений с 161 двором; в обществе Майсты - три населенных пункта и 72 двора; в обществе Чанти по р. Аргуну - 7 селений и 135 дворов.⁴⁶

Ценные сведения на основе анализа источников 30-х годов XIX века о двух чеченских горных обществах Малхиста и Майсты сообщает современный исследователь Н. Г. Волкова. Так, в Малхистах находилось 11 селений со 174 дворами, численность которых достигала 1,5 тысячи человек.⁴⁷ По сравнению с Малхистами в Майстах значительно меньше было и число населенных пунктов, и соответственно число жителей в них. Все села Майсты располагались по правому берегу реки Аргуна - ручью Майсты и число жителей в них составляло 200 человек. В горном обществе Нахаша имелось 6 селений с общей численностью 75 дворов, в Терлоевском обществе насчитывался 21 населенный пункт со 163 дворами.⁴⁸

Будучи начальником 21-й пехотной дивизии и левого флан-

га Кавказской Линии в 1830г. царский генерал барон Р. Ф. Розен также предпринял попытку собрать сведения о численности равнинных и горных чеченцев. Так, говоря о чеченцах, живущих на Тереке и по обеим сторонам реки Сунжи, а также на других вытекающих из гор реках и впадающих либо в Сунжу, либо в Терек, автор делит их на ряд обществ под названием: собственно чеченцы, или мичигизы, качкальковцы, мичиковцы, ауховцы и карабулаки. "Число жителей мужского пола, покорных и непокорных, - указывает Р.Ф.Розен, - примерно по собранным сведениям, полагать можно до 35000 душ, в сем числе покорных правительству до 22000 душ. Число вооруженных простирается: покорных до 9000 человек и более, непокорных — до 7000; конных в том числе более половины. Горные чеченцы - ичкеринцы — составляют особенное общество, - сообщает далее автор, - и имеют около 5000 душ мужского пола..., число вооруженных их простирается до 2000 человек, в числе коих больше половины конных, а общество племени чабуртлы (чеберлой — Ш.А.), расположенное по соседству с ичкеринцами и Андиею, состоит из 3000 душ жителей мужского пола".⁴⁹

Почти в это же время подсчеты численности населения Чечни произвел другой дореволюционный исследователь, офицер царской службы И. И. Норденстамм. Он, в частности, отмечает, что по среднему исчислению из разновременных собранных им сведений в Чечне проживало в это время от 110 до 120 тысяч человек. При этом автор указывает, что данное исчисление (подсчет) весьма условное и, надо полагать, что на самом деле фактическое количество населения должно быть больше.⁵⁰

Более подробные сведения о численности всех наиболее крупных обществ как горной, так и равнинной Чечни и Ингушетии приводятся в специальной "Ведомости о численности народонаселения Кавказа и степени их покорности царскому правительству", составленной кавказской администрацией в 1833 году. Согласно данной "Ведомости..." общее количество чеченцев и ингушей составляло 218 тысяч человек. Из них чеченцев, проживающих на равнине, насчитывалось 86000 человек, качкальковцев и ауховцев - 14000 человек, чечен-

(шубутов - Ш.А.) - 5000 человек, пшехоицев (пешхоицев - Ш.А.) - 4000 человек, аккинцев - 6000 человек. Всего чеченцев 157000 человек. От общей численности населения Чечни и Ингушетии ингуши, проживающие как в горах, так и на равнине, составляли 46000 человек. Из них кистинцев - 27000 человек, цоринцев - 1200 человек, галгаев - 4800 человек, галашевцев - 2000 человек, назрановцев - 11000 человек. Общество карабулаков насчитывало 15000 человек.⁵¹

По все вероятности, в данную "Ведомость.." не вошли некоторые чеченские и ингушские горные общества, не выразившие своей лояльности царской администрации. Кроме того, надо полагать, что под кистинцами в данном случае официальные власти в равной мере подразумевали как представителей отдельных горных обществ Чечни, так и Ингушетии, ибо строгого этнического деления кистинцев на чеченцев и ингушей, по-видимому, в рассматриваемое время не существовало.

Известный современный этнограф Н. Г. Волкова, исследовавшая динамику численности вайнахских народов до начала XX века, сообщает, что население Чечни (горной и равнинной части) в 1830г., кроме жителей брагунского и ауховского обществ, составляло примерно 131 000 человек.⁵² Конечно, эти сведения также являются приблизительными.

С древнейших времен коренными жителями Чечни и Ингушетии являются чеченцы и ингуши с их локальными группами, а также карабулаки. За пределами Чечни и Ингушетии, на территории нынешней Грузии в рассматриваемое время проживали родственные вайнахам народы "бацбийцы", переселившиеся "на южные склоны Кавказского хребта не позднее XVI столетия и в течение длительного времени развивавшиеся в русле культурно-экономической и политической жизни Грузии",⁵³ а также группа чеченцев под названием "кисты". Все эти народы в прошлом имели общие исторические корни, а отсюда - общий язык, культуру, быт и религию.

Чеченцы и ингуши принадлежат к восточной (дагестано-нахской) группе иберийско-кавказской языковой семьи Пос-

ледние достижения науки позволяют говорить о более глубоких культурных корнях происхождения общекавказского этнического субстрата, уходящего своими основами еще в неолитическую эпоху. Если происхождение вайнахского народа, - указывает известный кавказовед Е. И. Крупнов, - не отрывать от всей проблемы происхождения иберийско-кавказско-го этноса, то с большей долей уверенности можно говорить о местном, автохтонном развитии всех народов на Кавказе уже с III тысячелетия до н.э.⁵⁴

Наиболее ранние свидетельства о далеких предках чеченцев и ингушей-гаргарах (гегарах - Ш.А.), живших на северных склонах Кавказского хребта в Керавнских горах, приводятся в "Географии" Страбона (I в. до н.э.) и в "Естественной истории" Плиния Секунда (I в. н.э.). Страбон пишет, что "... амазонки живут рядом с гаргареями, на северных предгорьях Кавказских гор, называемых Керавнскими".

Гай Плиний Секунд также локализует гаргареев на Северном Кавказе, но называет их "Гегарами".⁵⁵ В 80-х годах XIX в. и в начале XX в. Этот тезис был высказан П. К. Усларом и К. Миллером, а в советское время - Н. Ф. Яковлевым, Е. И. Крупновым, Л. А. Ельницким, И. М. Дьяконовым, В. Н. Гамракели и др. Так, например, Н. Ф. Яковлев писал: "Я думал, что в этих гаргареях и были представлены элементы, имевшие некоторое отношение к чеченцам. Это видно из того, что у чеченцев сохранилось самое слово "гаргар нах" - близкие люди, родственники."⁵⁶ Местные ученые В. Б. Виноградов и К. З. Чокаев в специальной статье, посвященной данной проблеме, отмечают, что "гаргареи" - несомненное производное от нахского термина "гергара" - близкий, соседний, родственник.⁵⁷ Эти же авторы другой этнос под названием "хамекиты", впервые названный Страбоном в "Географии", локализируют в верховьях Ассинского ущелья, недалеко от нынешнего села Хамхи.⁵⁸

Наиболее удачные и важные свидетельства о предках вайнахов донесли до нас и закавказские письменные источники раннего средневековья. Так, в известной "Армянской географии VII века" автора Анания Ширакаци содержатся древнейшие известия о прямых предках вайнахских племен - чеченцев и ингушей - "нахчаматьянах" и "кустах" ("кистах"), на-

званных в "Географии" среди других народов, некогда обитавших в Азиатской Сарматии".⁵⁹ Исследователь К. П. Патканов высказал предположение о том, что в слове "нахчамать-ян" может быть заключен древний вайнахский этноним - "Нахчомохк" - "Земля Нахчо" (легендарный предок чеченцев).⁶⁰ В настоящее время данного положения придерживаются профессоры Ю. Д. Дешериев⁶¹, В. Б. Виноградов, К. З. Чокаев⁶² и др.

В этой связи нельзя не обратить внимание на имеющее место в исторической литературе мнение весьма авторитетных и известных грузинских ученых академиков И. А. Джавахишвили и Г. А. Меликишвили об одном древнем вайнахском этнониме. Так, они считают, что известное в урартских источниках государство Цупани (Supani), к названию которого восходит позднее этноним "Софена", в древнеармянских источниках называется "Тсоп-к", что очень близко совпадает с названием одного из северокавказских племен - тсов.⁶³ "Это — одно из чеченских племен, — утверждает Г. А. Меликишвили. Территория, занимаемая племенем "тсов" и локализуемая в центральной части Кавказского хребта, в древнегрузинских источниках упоминается под названием "Тсобена". "Ясно, что название этого северокавказского племени, — указывает далее Г. А. Меликишвили, — почти полностью идентично названию... области Софена - Supani (Sopani)". Таким образом, область "Цупани ("Цоп-к" по древнеармянским источникам и "Софена" — по античным источникам), расположенная к востоку от Малатии, на левом берегу Евфрата, близка с названием одного из северокавказских (чеченских) племен Цов".⁶⁴

В более ранних письменных источниках прошлого и, в частности в грузинских летописях, также известны различные этнонимы собирательного характера, обозначающие чеченцев и ингушей в прошлом. Таким, например, является термин "дурзуки" (дурдзуки), который хронологически предшествует этнониму кисти (кистины). Первое упоминание имени "дурдзуки", согласно сочинению арабского писателя Ибн ал-Факиха и ал-Баладзори, относится к первой половине VI века, в котором сообщается "о строительстве Хосровом Ануширваном (VI) в Дурзукии 12 ворот и каменных укреплений".⁶⁵

Исследователь А. И. Шавхелишвили отмечает, что "дурдзуки" обитали в районе ущелья р. Ассы и в верховьях рек Аргуна и Армхи, где употреблялся этот этноним до XVIII века.⁶⁶ Профессор А. Н. Генко называл дурдзуков предками ингушей⁶⁷, а Е. И. Крупное высказался в пользу того, что этот этноним может в равной мере относиться ко всем нахским народам.⁶⁸ Есть мнение ученых о том, что в силу исторической особенности кавказских племен в прошлом "дурдзуки" и "дидойцы" были тесно связаны с обществом, занимавшим северные склоны гор.⁶⁹ Грузинский источник ("Картлис Цховреба") прямо указывает о том, что дурдзуки являлись данниками хазар.⁷⁰

В VI веке упоминается название "дурдзуки" другим арабским писателем ал-Баладзори. Якут, написавший "Географический словарь" в 1227 г., используя сведения из более ранних трудов (IX в.) об Ануширване, повторил те же сведения: "Он (Ануширван) построил также Дурдзукию с 12 воротами и на каждом из них каменный замок".⁷¹

В XI веке этноним "дурдзук" впервые упоминается в трудах грузинских исследователей Леонтия Мровели и Джуаншера, а позднее - в исторической хронике начала XIII века. Леонти Мровели часто называет дурдзуков, которые совместно с осами (аланами), дидойцами и леками (дагестанцами) выступали в качестве участников событий, происходивших на территории Картлии. Безусловно, между дурдзуками и аланами существовали в те времена тесные связи и контакты, а потому их совместная борьба против арабов за овладение горными проходами Центрального Кавказа было общим стремлением как дурдзуков и алан, так и других этнических племен этого региона.⁷²

Сведения о дурдзуках, приводимые другим грузинским исследователем Джуаншером, в целом совпадают с известиями арабских географов IX-XI вв. Так, в хронике 1204 года, в которой сообщается об отправлении царицей Тамарой войск для подавления восставших горцев, перечисляются области Дидоети, Пшав-Хевсурети и Дурдзукети. "Поскольку не подлежит сомнению, — пишет исследователь Н. Г. Волкова, — что в XIII в. эта часть Кавказских гор была заселена вайнахами,

то, следовательно, термин "дурдзук" в грузинских источниках этого времени обозначал именно чечено-ингушское племя...⁷³

Наиболее ранние сведения еще об одном ингушском этнониме, являвшемся в свое время самоназванием народа, известны также в грузинских источниках первой половины XI века. Это этноним "глигви". Для нас представляют определенный интерес события, описываемые в это время в «Картлис Цховреба» - «Жизнь Грузии». Так, например, в грузинской хронике этого времени повествуется о грузинском царе Квирике (1010-1029), который в это время назначил правителей в Ти-анети, Тушети, Дидоети, Дзурдзукети, Глигвети. Вахушти Баг-ратиони локализует Глигвети к востоку от Кист-Дзурдзукети. Глигвов и кистов называет в своих документах и царь Вахтанг VI⁷⁴. Как видим, разнообразные исторические свидетельства, сохранившиеся в древних исторических документах и источниках с названиями чеченских и ингушских племен - "нахче", "кусты", "дзурдзуки", "глигви", "галгаи", позволяют говорить о вайнахах, как об одном из древнейших народов Кавказа.

Чеченцы и ингуши издревле называют себя общим объединяющим два этноса термином "вайнах" — "наш народ". В то же время чеченцы называют себя "нохчи", ингуши - "гIаIгIа", аккинцы - "аьккхи" и карабулаки - "орстхой". Современные этнические названия - чеченцы и ингуши - под которыми данные народы стали известны в последние столетия, считаются относительно молодыми. Впервые термины чеченцы и ингуши появляются в русских источниках XVII-XVIII веков, а впоследствии они становятся известными в западноевропейских и грузинских источниках того же периода.

Считается, что этноним "чеченцы" происходит от названия селения "Чечен-Аул", образовавшегося, по всей вероятности, в результате переселения сюда части чеченцев с гор на плоскость, на р. Аргун.⁷⁵ Самое раннее упоминание этнонима "чечен" встречается в русских документах за 1665 год, которые сообщают о том, что грузинское посольство, направлявшееся в 1665 г. в Москву, проезжало через владение Чечень, находившееся при выходе р. Аргуна из ущелья. "И чеченское же

(подчеркнуто мною - Ш.А.) владение царевича пропустить было не хотело",⁷⁶ - сообщается в документе. Упоминание этнонима чеченцы встречается и в русских исторических актах в договоре калмыцкого хана Аюка с Астраханским губернатором Апраксиным в 1708 году.⁷⁷ Однако на карте Северного Кавказа первое упоминание слова чеченцы приводится в 1719 году.⁷⁸

В первой четверти XVIII века сведения об этнонимах Чечня и чеченцы часто употребляются в грузинских источниках и, в частности, в документах царствования Вахтанга VI - в 1720 и 1730 гг., а в 1728 и 1770 гг. - в историко-географических работах И. Гербера и И. Гюльденштедта. Впоследствии же термином чеченцы называется население, проживающее на территории "от р. Аксай на востоке и до р. Фор-танги на западе".⁷⁹

Этноним "ингуш" связывается с названием селения "Онгушт" или "Ангушт" — одного из первых крупных ингушских селений в Тарской долине, фиксируемого русскими источниками начала XVIII века. Гипотеза о происхождении русского названия этноса "ингуш" впервые была высказана, как об этом указывает исследователь Н. Г. Волкова, профессором Н. Ф. Яковлевым. Вот что сообщает по этому поводу сам Н. Ф. Яковлев: "Само это слово, (ингуш — Ш.А.) по-видимому, происходит от названия селения Онгушт, которое находилось при выходе из ингушских гор. Оно было большим аулом, и жители плоскости, первыми вступившие с ним в торговые сношения, название этого селения перенесли на весь находившийся в экономической связи с этим селением нагорный народ".⁸⁰ Впоследствии точку зрения Н. Ф. Яковлева приняли известные российские ученые А. Н. Генко, Е. И. Крупнов, Б. А. Калоев, Е. Н. Кушева и др.

В грузинских документальных материалах первой половины XVIII века наравне с терминами "глигви" и "кисти" фигурирует термин "ингуш". А в работах западноевропейских авторов (И. А. Гюльденштедт, Л. Штедер, П. С. Паллас, Я. Рейнеггс и др.) этноним ингуш выступает в качестве синонима имени "галгаи". В русских источниках XVIII века этноним "ингуш" становится общим для обозначения живущих в западной части всех вайнахов. В это время другой этноним

"калканцы" (от самоназвания "гIалгIай"), употреблявшийся в русских документах до этого времени, начинает исчезать.⁸¹

В рассматриваемое время ранее известные отдельные чеченские и ингушские общества (мичиковцы, кистинцы, кач-кальковцы, ичкеринцы, чеберлоевцы, шатоевцы, пгубуты, гал-гаевцы, джераховцы, галашевцы, цоринцы, назрановцы, бац-бийцы, аккинцы, карабулаки и др.), полностью теряют свои этноплеменные названия и приобретают общие этнические названия - чеченцы и ингуши.

Как видим, так же как и многие другие народы, чеченцы и ингуши вошли в историю не под самоназванием, а с названиями этносов, данными их соседями, в данном случае — русскими.

На сегодняшний день учеными неоспоримо доказана древность происхождения этнонима "нохчо" (нахчаматьяне), "кисти" (кусты), которыми в настоящее время называют себя чеченцы и ингуши.

Дореволюционный исследователь Кавказа С. Броневский в начале XIX века отмечал, что еще совсем недавно ингуши — горцы называли себя "ламур" или "ламаро", что значит - горный житель (от "лам" - гора).⁸² Отдельные группы чеченского и ингушского этносов, очевидно, некоторые племенные общества, которых мы называли выше, имели в прошлом различные самоназвания. Со временем, по все вероятности, в силу сравнительно высокоразвитых социально-экономических отношений, как, например, в галгаевской племенной группе, проживавшей в Ассинском ущелье - древнейшем центре ингушской культуры, - название племени "галгай" было перенесено на все другие ингушские племена..., в результате чего и поныне все ингуши называют себя "галгаями".⁸³ Идентичным образом происходило, по-видимому, образование этнического самоназвания собирательного термина чеченцев - "нохчи", "Нохч-мохк".

Таким образом, совокупность некоторых исторических, этнографических, археологических, антропологических и лингвистических свидетельств о чеченском и ингушском народах говорит о древнем и сугубо местном, автохтонном происхождении их наравне с другими народами Кавказа, о принадлежности чеченцев и ингушей к восточной, дагестано-нахской группе иберийско-кавказской языковой семьи.

Использованная литература и источники:

1. Милютин Д. А. *Заметки о племенах кавказских. Чечня*, Рукописный отдел Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, ф.169, к. 81, д. 7, л. 1; *Карта Малой Кабарды, Осетии, части Ингушетии и Чечни второй половины XVIIIв.*
2. Гаджиев В. Г. *Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии*. Сб .статей "Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XIXв.)", Грозный, 1986, с.27.
3. Гаджиев В. Г. *Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии*. Ук.соч., с.26.
4. Броневский С. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, ч.2, М, 1983, с.171-172.
5. Броневский С. *Ук.соч.*, ч.2, с.160-161.
6. Там же, ч.2, с. 159.
7. Там же, ч.2, с.167.
8. Милютин Д. А. *Ук. соч.*, ф. 169, к.81, д. 7, л. 1; Крупнов Е. И. *Средневековая Ингушетия*, М, 1971, с.11.
9. Дубровин Н. Ф. *История войны и владычества русских на Кавказе*, т.1, кн.1, СПб, 1871, с.420; Берже А. П. *Краткий обзор горских племен Кавказа*, Тифлис, 1858, с.29-30.
10. Берже А. П. *Ук.соч.*, с.30; Рыжиков В. В. *География Чечено-Ингушской АССР*, Грозный, 1973, с. 54.
11. Там же.
12. Гюльденштедт И. А. *Ук. соч.*, с. 14.
13. Гаджиев В. Г. *Ук. соч.*, с.32-33.
14. Берже А.П. *Ук. соч.*, с.30; Рыжиков В. В. *Ук. соч.*, с.33-41.
15. Тушиков М. *Ингушетия*. Владикавказ, 1926, с.39-32.
16. Самойлов К. *Заметки о Чечне*, жур."Пантеон", № 9, СПб, 1855, с.57.
17. Мартиросиан *Нагорная Ингушетия*. Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения (ИИНИИК), т. 1, Владикавказ, 1928, с.21.
18. Самойлов К. *Заметки о Чечне*. Ук. соч., с.57-58.
19. Энгельгардт М. *Путешествие в Крым и на Кавказ*. В кн. "Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIXвв.) ", Орджоникидзе, 1967, сс.204-205.
20. Энгельгардт М. *Путешествие в Крым и на Кавказ*. Ук.соч., с.205.
21. Крупнов К.И. *Средневековая Ингушетия*, М, 1971, с. 129; Рыжиков В.В. *География Чечено-Ингушской АССР*, Грозный, 1973, с.55.
22. Вахушти Багратиони. *География Грузии*. Тифлис, 1904, с. 139.
23. *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР*, т. 1, Грозный, 1967, с.151. Рыжиков В.В. *Ук.соч.*, с.21.

24. *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.* Сб. документов, М, 1957, с.128.
25. Бутков П. Г. *Ук. соч.*, т.2, СПб, 1869, с. 7.
26. Гюльденштедт И. А. *Ук. соч.*, с. 115.
27. Там же, с. 12.
28. Там же, с.63.
29. Броневский С. *Ук. соч.*, с.2, М, 1823, с. 167.
30. Гаджиев В. Г. *Ук. соч.*, сс.32-33.
31. Гаджиев В. Г. *Ук. соч.*, сс.32-33.
32. Паллас П. М. *Заметки о путешествии в Южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.* В книге "Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.)", Орджоникидзе, 1967, с.104.
33. Гюльденштедт И. А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа*, СПб, 1809, с. 113.
34. Гаджиев В. Г. *Якоб Рейнегс о Чечено-Ингушетии*, Укоч., сс.27-29.
35. Георги Иоганн Готлиб. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов...*, ч.2, СПб, 1799, с. 59.
36. Ц Г В И А, ф.482, д.182, лл.144-145; Бутков П. Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.*, ч.1, СПб, 1869, с.260.
37. *Акты собранные Кавказской археографическою комиссиею (АКАК)*, т.4, Тифлис, 1871, с.897.
38. Броневский С. *Ук. соч.*, ч.1, М, 1823, сс.5 7-58.
39. Броневский С. *Ук. соч.*, ч.2, М, 1823, с.166.
40. Там же, ч. 2, с. 170.
41. Там же, ч.2, с. 183.
42. ЦГВИА, ф.414, д.300, л.106.
43. Милютин Д.А. *Ук. соч.*, ф.169, к.81, д. 7, лл.1-22 об.; Волкова Н. Г. *Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - нач. XIX вв.*, М, 1974, с.188.
44. Там же, с.188.
45. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с.188.
46. ЦГВИА, кол. 414, д.301, л.137об.; Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с.189.
47. Там же, с. 190.
48. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, сс. 191-192.
49. Розен Р. Ф. *Описание Чечни и Дагестана. 1830.* История, география и этнография Дагестана (XVIII-XIX вв.), М, 1958, сс.281-285.
50. Норденстамм И. И. *Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера.* Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1, Махачкала, 1940, с.311.
51. ЦГИА *Грузинской ССР*, ф.2, оп.1, д.2459, лл.63-69; Подлинник. *Цитирую по книге "Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х годах XIX в."* Сборник документов, Махачкала, 1959, сс. 122-123.
52. Волкова Н. Г. *Динамика численности вайнахских народов до XX века. Археолого-этнографический сборник (АЭС)*, т.2, Грозный, 1968, с. 126.
53. Волкова Н. Г. *Этнонимы и племенное название Северного Кавказом*, 1973, с.151.
54. Крупнов Е. И. *Средневековая Ингушетия*, М, 1971, сс.38; 57.
55. Латышев В. В. *Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*, т. 1, Греческие писатели, СПб, 1890; т.2, Латинские писатели, вып.1, СПб, 1904, вып.2, СПб, 1906; Крупнов Е. И. *Ук.соч.*, с.25.
56. Яковлев Н. Ф. *Краткий обзор черкесских (адыгейских) наречий и языков.* "Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ", Ростов-на-Дону, т.1, 1928, с.150.
57. Виноградов В. Б., Чокаев К. З., *Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен*, ИЧИННИИ, т. 7, вып.1, Грозный, 1968, с.67.
58. Виноградов В. Б., Чокаев К. З., *Ук. соч.*, с. 55.
59. Крупнов Е. И. *Средневековая Ингушетия*, М, 1971, с.28.
60. Патканов К. П. *Армянская география VII века, приписываемая Моисею Хоренскому*, СПб, 1874, с.38., Примечание 35. *Цитирую по работе* Гадло А. В. *Этническая история Северного Кавказа IV-X вв.*, Ленинград, 1979, с. 166.
61. Дешериев Ю. Д. *Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских Кавказских народов*, Грозный, 1963, сс.18-25.
62. Виноградов В. Б., Чокаев К. З. *Ук. соч.*, с.55.
63. Джавахишвили И. А. *Введение в историю грузинского народа.* кн.1, Тбилиси, 1950, сс.47-49 (на грузинском языке). *Цитирую по работе* Гаджиева В. Г. *Сочинение И. Гербера Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся*, М, 1979, с.55.
64. Меликишвили Г. А. *Наири-Урарту.* Тбилиси, 1954, сс.89, 401; *Цитирую по работе* Гаджиева В. Г. *Ук. соч.*, с.56.

65. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с.135.
66. Шовхелишвили А. И. *Из истории взаимоотношений между грузинскими чечено-ингушским народами*, Грозный, 1963, с.37.
67. Генко А. Н. *Из культурного прошлого ингушей*. ~ "Записки Коллегии востоковедов", т.5, Ленинград, 1930, с.681.
68. Крупнов Е. И. *Средневековая Ингушетия*, М, 1971, сс. 24- 38.
69. Гадло А. В. *Ук. соч.*, с. 166.
70. Там же.
71. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, сс. 135-136.
72. Мровели Леонти. *Жизнь картлийских царей*, М, 1979, сс.53-54.
73. Волкова Н. Г. *Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа*, М, 1973, сс.135-136; Генко А. Н. *Ук. соч.*, сс.711-712; Гадло А. В. *Ук. соч.*, с. 166.
74. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, сс. 158-159.
75. Автор Волкова Н. Г. сообщает, что еще в начале XIX в. были известны два чеченских селения с названиями: Старый Чечен, расположенный на р. Аргун и сел. Новый Чечен, или Янги-кенд, на правобережной стороне р. Сунжи. См. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с.145.
76. ЦГАДА, ф.110, *Грузинские дела*, оп.1, 1665, №2, л.11. *Цитирую по работе Волковой Н. Г. Ук. соч.*, с.171.
77. *Энциклопедический словарь Брокгаузе Ф. А. и Ефрона И. А.*, т.76,СПб, 1903, с. 785.
78. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 144.
79. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, сс. 144-145.
80. Яковлев Н. Ф. *Вопросы изучения чеченцев и ингушей*, Грозный, 1927, с.75.
81. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с.159.
82. Броневский С. *Ук. соч.*, ч.2, М, 1823, с.161.
83. Крупнов Е. И. *Средневековая Ингушетия*, М, 1971, сс.24-25.

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В ХУПІ - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

С древнейших времен основным занятием чеченцев и ингушей, как и соседних северокавказских народов, являлось земледелие.¹ Сведения о развитии земледелия у вайнахов в XVIII веке мы обнаруживаем в дореволюционной исторической литературе.² В наше время вопросы развития земледелия у чеченцев и ингушей в XVIII веке нашли отражение в трудах некоторых исследователей истории народов Северного Кавказа.³

Как известно, в XIII-XIV вв. предки вайнахов в пору нашествия татаро-монголов были оттеснены в горы Чечни и Ингушетии. Однако со временем здесь в результате роста численности населения еще более усилилась земельная теснота и в конце XIV — начале XV века началось возвращение вайнахов на свои исконные равнинные земли.⁴ С этого времени они стали интенсивно заселять верховья рек Сунжи и Камбилеев-ки, а также правый берег реки Терека.⁵ Впоследствии многие из них попали в кабалу к кабардинским или кумыкским феодалам. Это продолжалось и позже. Так, в 1810 году генерал-майор Ивелич сообщал генералу от инфантерии Булгакову о том, что он считает своим долгом вышолнить просьбу ингушского народа и их старшин, насчитывающихся более 7 тысяч душ, которые по бедственному своему положению вынуждены переселиться для хлебопашества на р.Сунжу с обязательным условием давать аманатов кабардинскому князю Бато-ко-Жанботову и выплачивать ему с каждого двора по рублю серебром и по две мерки проса.⁶

Еще в начале XIX века исследователь С. Броневский, опираясь на материалы своих предшественников И. А. Гюльден-

штедта, П. С. Палласа и других исследователей XVIII века, отмечал, что некоторые кистинские общества живут у подножья снеговых гор, в неприступных местах и питаются кукурузой, которую сеют на удобренных каменистых почвах. Другие источники также подтверждают, что горные ингуши живут очень бедно, пшеницу, проса, хотя и сеют, но очень мало.⁷ Пристав Тушетии в 1831 г. сообщал о 22 дымах (двор) кистин, жителей селения Хорбало, поселившихся на казенной земле около 40 лет назад, которые и здесь продолжали испытывать трудности в хлебопашестве. В одном из документов говорится: хотя кистинцы и имеют пахотную землю, но в малом количестве, а потому ее им не хватает. Других угодий нет.⁸

Исследователи и современники отмечали большое трудолюбие горцев в обработке земли. Чтобы подготовить участок под пашню, необходимо было освободить его от кустарника, леса и камней, разровнять бугристые места, удобрить, сделать сточные каналы для его орошения. Кроме того, для горных районов Чечни и Ингушетии характерно было ведение террасного земледелия, что подтверждают следы террас, сохранившихся в высокогорной и горной зонах края.

В рассматриваемое время, как и другие народы Северного Кавказа, чеченцы и ингуши, жившие на равнине и в горах, в большинстве своем вели экстенсивное земледельческое хозяйство, часто меняли свои пахотные земельные участки, чего, как правило, требовала переложно-залежная система земледелия.

Кроме того, как и во всем Северном Кавказе, в горных районах Чечни и Ингушетии на скалистых участках создавались искусственные поля путем перенесения сюда почвы с других земельных участков. Именно здесь в горах вследствие малоземелья уделялось большое внимание улучшению из-за тяжелых природно-климатических условий как пахотных, так и сенокосных участков, которые также часто орошались горцами.⁹

Так же, как и в Дагестане, в рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии широко применялось орошение не только в горах, но и на равнине. В горах, как правило, террасы орошались с помощью подводимых к ним арыков. В равнинной же части Чечни и Ингушетии горцами проводились от рек во-

допроводные каналы, по которым во время засухи они пускали воду на засеянные разными зерновыми культурами участками земли. Ирригационные сооружения горцев как в горах, так и на равнине заслуживали высокой оценки иностранных исследователей-путешественников.

О жителях влиятельного в горной Ингушетии общества Галгай неизвестный автор того времени писал, что жители этого общества занимались хлебопашеством, высевали у себя в основном ячмень и немного пшеницы и кукурузы. Однако при этом из-за малоземелья и суровых климатических условий они испытывали недостаток в хлебе, который выменивали на масло, мед и овец у равнинных ингушей.¹⁰ Согласно преданию, группа фяппинцев общества Галгай в результате недостатка земли переселились из родных мест в Тушетию (Грузию), и впоследствии они стали именоваться цовцами или бацбийцами.¹¹

По свидетельству иностранного исследователя П. С. Палласа ингуши являлись хорошими земледельцами, но из-за нехватки земельных площадей не имели возможности широко заниматься земледелием, а потому, как отмечает автор, они живут довольно бедно.¹² В данном случае, по-видимому, П.С.Паллас имел в виду жителей горных обществ Ингушетии.

По свидетельству С.Броневского, карабулаки (орстхой) "умеренно занимались хлебопашеством". Иностраный исследователь Л.Штедер, посетивший в 1781 году карабулаков, отмечал, что живут они в башнях, сеют в большом количестве коноплю, маис (просо - Ш.А.) и табак.¹³

Трудное экономическое положение жителей горного малхистинского общества Чечни, связанное с отсутствием удобных пахотных земель, вызвало систематическое переселение их в районы равнинной Чечни или горной Грузии. Описывая горное общество Майсты, состоящее из селений Цахиль-Гой, Тут-Гой и По-Гой, А. Зиссерман отмечал, что жители селения Цахиль-Гой совершенно не имеют пахотных земель и пастбищ. Часть населения из-за малоземелья переселилась на равнину.¹⁴ Академик А. И. Гюльденштедт свидетельствовал, что местное население сеет пшеницу, просо и сорочинское пшено.¹⁵ Офицер царской службы барон Р. Ф. Розен писал, что

занятие горцев состоит в хлебопашестве, но в весьма малом количестве.¹⁶

Однако были и такие горные общества в Чечне и Ингушетии, в которых довольно хорошо было развито хлебопашество. Так, например, горский уздень Ашур Агаев, посланный в мае 1748г. Кизлярским комендантом в известную чеченскую деревню общества Чеберлой со специальным заданием, сообщал, что здешние жители очень богаты хлебом....¹⁷

Как мы отметили выше, в развитии земледелия XVIII в. для равнинной Чечни и Ингушетии был переломным периодом. К этому времени заселение вайнахами плодородных равнинных земель в основном завершилось, в результате чего изменился и характер ведения хозяйства. Росли производительные силы, развивались обмен и торговля. Поселившись на равнинные земли, чеченцы и ингуши стали все более уверенно втягиваться в торгово-экономические связи с Россией и соседними северокавказскими народами. В этих условиях основной отраслью хозяйства для большинства населения становится земледелие (хлебопашество).

Князь Туманов из Астрахани писал в Сенат о том, что кистинцы желают переселиться с гор на равнинные земли, чтобы не иметь более нужды в пашенных участках и претерпевают большую нужду в соли, железе, кумаче, одежде, иглах, ножницах, которые они желают приобретать в России.¹⁸

Известно, что равнинная Чечня в конце XVIII - начале XIX века по свидетельству многих современников становится поставщиком хлеба не только для горных районов Северо-Восточного Кавказа, но и вывозит его отсюда за границу.¹⁹ Так, по свидетельству академика А. П. Берже, Чеченская равнина по своему плодородию после Кахетии в Грузии являлась лучшим уголком на Кавказе и слыла житницей Дагестана.²⁰ О высоком уровне развития земледелия на Чеченской равнине отмечал царский министр Д. А. Милютин в Записках "Чеченцы", составленных им в 40-х годах XIX века. В частности, он указывает, что на равнине чеченцы сеяли преимущественно кукурузу и просо, в то время как в Черных горах в основном высевали пшеницу и ячмень.²¹ Благодаря хорошим климатическим условиям на равнинной части, указывает исследова-

тель И. И. Норденстамм, Чечня производит хлеба больше, чем необходимо для прокормления ее жителей и избытки его обменивают с соседями - кистинцами и лезгинами, живущими в бесплодных высоких горах на шерсть, бурки, грубое сукно и другие изделия.²² Успешное занятие хлебопашеством чеченцев, переселившихся на реки Сунжа и Терек, а также в целом равнинных чеченцев и ингушей отмечают дореволюционные исследователи А. И. Ахвердов, Г. И. Гербер, С. Плещеев, И.-Г. Георги и др.²³

В своем обобщающем труде по земледелию известный кавказовед Б. А. Калоев, в частности также указывает, что в XVIII веке главным занятием равнинных чеченцев было земледелие и велось оно, применяя основные системы полеводства: залежную, подсеchnую и плодосменную. Автор отмечает, что горцы осуществляли полив полей, для чего строили специальные оросительные каналы.²⁴ Судя по документальным источникам, равнинные чеченцы, потомки жителей Окоцкой слободы города Терки, в XVIII веке занимались земледелием, причем в больших масштабах. В челобитной кизлярских и окоченских (чеченских) жителей в Астраханскую губернскую канцелярию от 5 августа 1749 г. говорится, что прадеды их, живя в Терском городе, имели свои пахотные земли вниз по прорытому каналу между реками Терек и Кизляр, а сейчас, отнимая у них те пахотные земли, отдают "приезжим купеческим армянам и прочим чинов людям".²⁵ Как видим, отнимая у горцев лучшие, ухоженные плодородные земли по реке Терек и его притокам, дававшие немалые урожаи зерна, царские власти тем самым лишали их возможности производить излишки продуктов. Такие действия царской администрации могли стать впоследствии одной из причин присоединения окочан к антифеодальной и антиколониальной борьбе горцев под руководством шейха Мансура в 1785-1791 гг.²⁶

В рассматриваемое время орудия обработки земли в нагорной Чечне и Ингушетии были менее сложными, чем на равнине. Иностраный путешественник-исследователь Ю. Клапрот, посетивший в 1807-1808 гг. народы Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, по-видимому, был хорошо знаком с их основными орудиями труда и правилами обра-

ботки земли. В частности, автор указывает, что горский плуг размером меньше, чем русский, и представляет форму изогнутого куска дерева, обе лопасти которого имеют длину около 46 см и удалены друг от друга лишь на 20 см. Железный плоский лемех его, образующий равносторонний треугольник, приклеплен к изогнутому куску дерева и разрыхляет землю. К концу изогнутого куска дерева приделан шест длиной около 183 см, к концу которого впрягают двух быков с ярмом; имеется специальная ручка, при помощи которой человек управляет плугом левой рукой, в то время как правой рукой он погоняет быков. При такой вспашке борозда имеет глубину более 15 см. Боронование производили горцы с помощью связанных вместе нескольких деревьев, влекомых быками; на деревьях стоял человек и прижимал их к земле.²⁷

Система земледелия в горной, предгорной и равнинной Чечне и Ингушетии была идентична той, которая существовала и у других народов Северного Кавказа. Исследователь аккинского общества Чечни в XVI - XVIII вв. А. А. Адилсултанов указывает, что у жителей Терско-Сулакского междуречья система земледелия была разнообразной: в горных и предгорных районах существовала трехпольная система, в то время как для равнинной зоны основной системой оставалась двухпольная.²⁸

Приемы земледелия в Чечне и Ингушетии также были общие, что и у других народов Северного Кавказа, хотя в них преобладали некоторые особенности в способах обработки земли. Так, вайнахи вносили удобрения (зола, перепревший навоз, птичий помет и др.), в основном, до и после пахоты. В целях борьбы с сорняками (асар) в равнинной части Чечни, в частности, в обществе Акки жители за 2-3 недели перед основной пахотой делали мелкую запашку глубиной в 8-10 см. После завершения пахоты, перед началом сева почву обрабатывали при помощи особой бороны, называемой аккинцами-вайнахами дечкан мекха.

Что касается сельскохозяйственного инвентаря чеченцев и ингушей в рассматриваемое время, то следует заметить, что он был также во многом схож с идентичными орудиями труда у соседних народов, хотя и были некоторые различия в их уст-

ройстве, вызванные естественными географическими и климатическими условиями. Правда, наибольшее разнообразие используемых орудий земледелия наблюдается в равнинной части Чечни и Ингушетии - здесь одновременно соседствовали как архаичные орудия, характерные для более высокого уровня развития земледелия (например, плуг с железным лемехом).³⁰

Согласно утверждению исследователя А. А. Адилсултанова древнейшим орудием обработки почвы у вайнахов в XVI веке являлась "палка-копалка", имевшая две разновидности. "Палка-копалка" - деревянный кол, длиной 110-115 см (иногда до 130 см) с каменным утяжелителем - как правило использовалась в тех случаях, когда земля была неровной, кочковатой и обрабатывать ее плугом было практически невозможно. Второй вариант "палки-копалки" называется "хьок-ха", имел длину 170-180 см. Конец такой "палки-копалки" (хьокха) обжигался, и он не имел утяжелителя. Использовали его преимущественно в предгорной зоне, где на свежерасчищенном от корней участке земли практически невозможно было пользоваться плугом.³¹

Для предгорных районов вайнаховского общества в рассматриваемое время довольно распространенным орудием труда оставался заступ (бел - чеч.) различных видов. Заступ являлся по существу самым древним орудием обработки земли у вайнахов, представлявшим собой деревянный кол с рабочим концом в 7-10 см. "На высоте 25-30 см. от рабочего конца, - указывает А. А. Адилсултанов, - отходило короткое ответвление для стопы, перпендикулярное к ручке".³²

Для прополки вайнахам служили орудия, похожие на мотыгу и назывались "абста" и "цел". Эти орудия представляли собой четырехугольную пластину, насаженную на обычную деревянную рогатину или прикрепленную на длинную деревянную ручку с помощью черенков.³³

Как аккинцам, так и представителям других вайнаховских обществ в рассматриваемое время известны были бороны нескольких видов: борона-волокуша, борона с поперечной доской, рамная борона и борона наподобие граблей - "терноч" (кьомсар - чеч.). Как правило, для улучшения пашни широко использовалась борона с короткими зубьями.³⁴

Молотьбу горцы производили с помощью быков. Для этого зерновой хлеб в снопах раскладывали на ровной площадке, имеющей 20 шагов в диаметре; затем по кругу заставляли непрерывно ходить пять быков, привязанных вместе за шею и снабженных намордниками. В процессе ходьбы быки выбивали ногами зерна колосьев. Для этой работы нужны были два человека: один шел за быками, погоняя их и собирая их экскременты на доску, а другой переворачивал зерно лопатой и собирал его в кучу. Этим способом, как правило, очищали две четверти пшеницы в течение одного дня.³⁵ Чеченцы и ингуши жали хлеб маленькими железными серпами длиной более 30 см и шириной лезвия в два пальца с сильно изогнутыми и зазубренными лезвиями.

В конце XVIII - начале XIX века происходит переселение значительного числа горцев, в том числе и карабулаков-орстхойцев на равнинные и предгорные районы Чечни и Ингушетии. Именно в это время орстхойцы поселяются в районе Верхнего Алкуна, где длительное время находились хозяйственные угодья и временные летние жилища карабулаков. Карабулакское племя в это время начинает интенсивно заниматься хлебопашеством, высевая у себя пшеницу, кукурузу, просо.³⁶ Источники сообщают также, что карабулаки в прошлые времена был многочисленный и мужественный народ, имел лучшие земли для хлебопашества и сенокосов.³⁷

Документальные материалы 1758 года говорят о том, что на равнинной части Чечни неподалеку от селения Мекеня в так называемых чеченских жилищах по реке Терек, принадлежащих известному Герменчукскому владельцу (князю) Девлетгирею Черкасскому, горцы сеяли в большом количестве просо.³⁸

Русский офицер А. М. Бундовский, специально посланный царскими властями в 1812 году для описания общественного быта жителей Кавказской губернии, проанализировал ведение хозяйства ауховцами и равнинными чеченцами, переселившимися в верховья рек Акташ и Ярык-Су. По его свидетельству, простые чеченцы должны были давать князьям и владельцам с каждого двора рабочего на один день во время посева, жатвы и сенокосения.³⁹ Это дает основание полагать, что имущая чеченская прослойка владела большими земельными угодьями.

Наличие большого количества водяных и ручных мельниц на территории Чечни и Ингушетии в XVIII - нач. XIX в., о которых говорят источники, является свидетельством высокого уровня развития земледелия (хлебопашества) как в горах, так и на равнине.

Один из очевидцев того времени отмечал, что по берегам рек Камбилеевки виднелись маленькие мельницы ингушей. В числе наиболее известных среди прочих равнинных селений Чечни назывались Шали, Герменчук и Гудермес, в которых имелось множество мельниц построенных горцами на маленьких речушках.⁴⁰ В одном из донесений Кизлярского коменданта В.Оболенского в Астраханскую губернскую канцелярию в 1746 году сообщалось о том, как в прошлом, 1745 году, Брагунский владелец Мудар Баматов со множеством своих писем обращался к нему лично с просьбой разрешить ему прорыть "татул" (канал) для строительства водяной мельницы, ибо, как писал он, "подвластные его люди для молотьбы хлеба, за неимением у них мельницы, ездят в Чеченскую и в прочие деревни".⁴¹ Водяные мельницы горцев были снабжены, как правило, небольшим горизонтально поставленным колесом с лопастями, приводимым в движение струей воды, текущей по желобу; зубья, расположенные в верхней части вертикальной оси колеса, приводили в движение маленький жернов. Жернова изготавливались горцами из каменных плит особой горной породы. Заготавливались горцами такие каменные плиты, которые поддавались шлифовке. Как правило, жернова были из высококачественного камня. Мука, хотя и получалась несколько грубоватой на этих мельницах, но ею довольствовались местные жители. Безусловно, мельницами как в горах, так и на равнине владели состоятельные люди.⁴² Безусловно, наличие большого количества водяных мельниц в рассматриваемое время свидетельствует о развитии зернового хозяйства в чеченских и ингушских селах.

Известно, что в рассматриваемое время в равнинной Чечне и Ингушетии в основном возделывались такие зерновые культуры, как пшеница и просо, а в горах - ячмень, овес и пшеница. Что касается кукурузы, которая в XVIII веке стала культивироваться почти всеми равнинными чеченцами и ин-

гушами, то в начале XIX века она становится самой распространенной культурой, проникнув даже в горные районы.⁴³ В свете сказанного более чем странным выглядит утверждение местного дореволюционного этнографа У. Лаудаева о том, что чеченцы, жившие на равнине, сеяли в основном пшеницу и ячмень, а кукуруза им до этого якобы не была еще известна, и они научились ее возделыванию лишь впоследствии.⁴⁴

Как известно, осенью горцы, как правило, сеяли только озимую пшеницу, а весной - яровую пшеницу, шестирядный ячмень и изредка овес. Жители предгорных селений вайна-хов, поля которых были расположены на ровных площадях, не сеяли овса и ячменя, но зато высевали немного пшеницы, большое количество проса и род зерна, очень похожего на просо и называемого у русских - бором.⁴⁵ Кроме того, по свидетельству очевидца - иностранца Л. Штедера, побывавшего здесь в конце XVII в., горцы сеяли у себя стручковый горох, фасоль, кукурузу, коноплю и табак, а также выращивали огурцы.⁴⁶

Необходимо отметить, что, исходя из климатических условий, в Чечне и Ингушетии местные жители издавна занимались выращиванием тех или иных зерновых культур по зонам. Так, например, для высокогорной зоны характерно было возделывание ячменя; для горной - яровой пшеницы и ячменя; для предгорной с прилегающими равнинами - кукурузы, а для зоны сухой степи - проса.⁴⁷ Известно, что у чеченцев и ингушей в XVIII - начале XIX в. как и у многих народов Северного Кавказа, наиболее распространенной полеводческой культурой являлось просо. Оно лучше, чем какая-либо другая культура, было приспособлено к переложно-залежной системе земледелия, давая одновременно высокие и устойчивые урожаи. Посевы проса производились, как правило, поздно - в мае, а уборка урожая производилась осенью - в сентябре и даже иногда в начале октября. Эти же сроки подходили и для таких культур, как полба и ячмень, которые также как и просо, вовсе не боялись осенних холодов.⁴⁸

Следует отметить, что по имеющимся в нашем распоряжении некоторым сведениям, урожайность зерновых культур, особенно в равнинной части Чечни и Ингушетии, в конце XVIII -

начале XIX в. была значительной. Хотя заметим, что в XVIII веке озимая пшеница в нашем крае не получила особо широкого распространения вследствие своей низкой урожайности. Но зато чеченцам и ингушам в это время хорошо была известна яровая пшеница.⁴⁹

Подводя итоги, следует отметить, что в рассматриваемое время земледелие у чеченцев и ингушей становится основной и ведущей отраслью на равнине. Между горными и равнинными жителями происходит более четкое разделение труда. Так, вайнахи, живущие в горах, получая хлеб от равнинных жителей, могли заниматься в основном скотоводством. На равнине горцы продолжали расширять площади посевных земель.

Хлебопашество все более распространялось на север и расширялось за счет свободных плодородных земель по левому берегу реки Терек и в его низовьях. В конце XVIII - начале XIX в. Чечня и Ингушетия производили хлеб не только для покрытия своих внутренних потребностей и обмена с горными обществами, но и для продажи на внешнем рынке. Одновременно расширялись торгово-экономические связи их с соседними северокавказскими народами и с Россией. Крепости и военные форпосты царской администрации, цепь которых составила "Кавказскую Линию", стали местом сбыта сельскохозяйственных продуктов, различных изделий местного производства, что также создавало благоприятные условия для расширения посевных площадей и увеличения ассортимента и количества выращиваемых культур вайнахов.

Использованная литература и источники:

1. Крупнов Е. И. *Древняя история Северного Кавказа*, М, 1960, сс.315-316.
2. Гюльденштедт И. А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа*, СПб, 1809; Броневский С. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, чч.1-2, М, 1823; Норденстамм И. И. *Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера*. Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1, Махачкала, 1940; Гербер Г. И. *Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря*. Исто-

рия, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв., М, 1958; Ахвердов А. И. *Описание Дагестана*, История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М, 1958; Буцковский А. М. *Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей*. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв., М, 1958 и др. 3. Гриценко Н. П. *Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII - первой половине XIX века*. Труды ЧИНИИИ-ЯЛ, т.2, вып.2, Грозный, 1961; Тотоев Ф. В. *Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII - 40-е годы XIX в.)*, М, 1966, Рукопись кандидатской диссертации; Волкова Н. Г. *Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - нач. XIX в.*, М, 1974; Ахмадов Ш. Б. *Из истории развития земледелия и животноводства у чеченцев и ингушей в XVIII - нач. XIX в.* Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII - нач. XX в.), Грозный, 1982; Ахмадов Я. З. *Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке*, Махачкала, 1978, Рукопись кандидатской диссертации; Калоев Б. А. *Земледелие народов Северного Кавказа*, М, 1981 и др.

4. К сожалению, в данной главе из-за отсутствия на сегодняшний день конкретных документальных сведений не представляется возможным назвать цифровые данные о посевных площадях вай-нахов и количестве собранного урожая в XVIII - нач. XIX в.

5. *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР*, т.1, Грозный, 1967, с.48.

6. Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК), т. 4, Тифлис, 1904, с.897.

7. Броневский С. *Ук. соч.*, ч.2, с.35; *Архив внешней политики России (АВПР) МИД СССР*, с. 110, 'Сношение России с Грузией', оп.110/2, д.20, л.Ю7.

8. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 157.

9. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII*, М, 1988, с.376.

10. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с.157.

11. Очевидно, в прошлом данное самоназвание имело одно из обществ горных ингушей; См. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 158.

12. Аталиков В. М. *Страницы истории*, Нальчик, 1987, с.102.

13. Броневский С. *Ук. соч.*, ч.2, с.169; Штедер Л. *Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности*

Кавказа, предпринятого в 1781 г. Осетины глазами русских и иностранных журналистов. Орджоникидзе, 1967, сс.28-46.

14. Зиссерман А. *Двадцать пять лет на Кавказе*, 1842-1867, ч.1, СПб, 1879, с.172.

15. Гюльденштедт И. А. *Ук. соч.*, с-114.

16. Розен Р. Ф. *Описание Чечни и Дагестана XVIII-XIX вв.* МД958, с.282.

17. ЦГВИА, ф. 482, оп.1, д.1, лл.220-221.

18. Скитский Б. В. *К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа*. Известия ЧИНИИИЯЛ, т.1, вып.1, История, Грозный, 1959, с. 177.

19. Вроцкий Н. В. *Чечня как хлебный оазис*, ССТО (Сборник сведений о Терской области), вып.1, Владикавказ, 1878, с. 2 70.

20. Берже А. П. *Чечня и чеченцы*, Тифлис, 1859, с.32-33.

21. Милютин Д. А. *Чеченцы*. Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В. И. Ленина, с.169, карт.8, ед.хр.7, л. 1200.

22. Норденстамм И. И. *Ук. соч.*, с.302.

23. Ахвердов А. И. *Ук. соч.*, с.227; Гербер Г. И. *Ук. соч.*, с.278; Плещеев С. *Обозрение Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии*, М, 1798, с.22; Георги И.-Г. *Описание всех в российском государстве обитающих народов*, ч.2, СПб, 1799, с. 58.

24. Калоев Б. А. *Ук. соч.*, с.30.

25. АВПР МИД СССР, ф. 110, "Сношения России с Грузией", оп.110/1, д.5, л.27.

26. ЦГВИА СССР, ф.52, оп.1/194, д.350, л.38.

27. Клапрот Ю. *Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808гг.*, Цитир. по работе Калоева Б. А. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII-XIX вв.)*. Орджоникидзе, 1967, сс. 171-172.

28. Адилсултанов А. А. *Акки и аккинцы в XVI-XVIII вв.* Грозный, 1992, с.21.

29. Адилсултанов А. А. *Ук. соч.*, с.21.

30. Там же, с.21.

31. Там же, с.22.

32. Там же, с.22.

33. Там же, с.22.

34. Там же, с.22.

35. Клапрот Ю. *Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.* Калоев Б. А. *Ук. соч.*, с.125.

36. Волкова Н. Г. *Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - нач. XIX в.*, М, 1974, сс.162,166.
37. Ахвердов А. И. *Описание Дагестана*. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв., М, 1958, с.227.
38. ЦГА Да АССР, ф.379, оп.1, д.425, лл.18-18об.
39. Бундовский А. М. *Ук. соч.*, с.243-244.
40. *Материалы по истории Дагестана и Чечни*, т.3, ч.1, Махачкала, 1940, с. 160.
41. *Ставропольские губернские ведомости*, № 43, Ставрополь, 1857, с. 283-284.
42. Клапрот Ю. *Ук. соч.*, сс.173-175.
43. *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР*, т.1, Грозный, 1967, сс.59-60. Калоев Б. А. *Ук. соч.*, с. 172.
44. Лаудаев У. *Чеченское племя*. Сборник сведения о кавказских горцах, вып.6, Тифлис, 1872. с.22.
45. Клапрот Ю. *Ук. соч.*, с.172.
46. Аталиков В. М. *Страницы истории*, Нальчик, 1987, с. 102.
47. Норденстамм И. И. *Ук. соч.*, с.172.; Хасиев С. А. *Земледелие чеченцев и ингушей в XIX - первой четверти XX в.*, Кандидатская диссертация, МД973, с.25.
48. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIIIвека*, М, 1988, с.377.
49. Там же, с.377.

Анализ различных источников позволил автору четко определить наличие в горах Чечни и Ингушетии в XIX веке трех форм террасного землевладения вайнахов.

ГЛАВА 3. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В XVIII- НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

§ 1. Источники и литература о землевладении и землепользовании чеченцев и ингушей

Чрезвычайно сложным, но актуальным на сегодняшний день остается вопрос о формах землевладения и землепользования чеченцев и ингушей в рассматриваемое время. Ни в архивных материалах и опубликованных источниках, ни в исторической литературе по XVIII веку нет конкретных сведений о формах землевладения и землепользования вайнахов, а в дореволюционной историографии по данному вопросу существуют разнообразные суждения авторов Грабовского Н. Ф., Ковалевского М. М.¹ и др. Однако они в большинстве своем весьма противоречивы и недостаточно убедительны в своих доводах.

Исключением в этом плане является научная работа современного вайнахского этнографа И. М. Саидова по данной теме, опубликованная в Материалах научной сессии по вопросам развития истории дореволюционной Чечни и Ингушетии.² Надо отметить, Саидов И. М. на протяжении многих лет скрупулезно собирал в республике полевые этнографические материалы по данной проблеме и, тщательно проанализировав и сопоставив их с разнообразными высказываниями дореволюционных авторов XIX - нач. XX в., впервые высказал свою особую точку зрения о формах землевладения вайнахов в XVIII-XIX вв.

В плане исследуемой темы большого внимания заслуживает также диссертационная работа другого известного в республике этнографа С. А. Хасиева, в которой рассматривается проблема развития земледелия вайнахов в XIX - нач. XX в.³

В начале 80-х годов XX столетия был создан обобщающий труд известного кавказоведа Б. А. Калоева, в котором рассматриваются также формы землевладения вайнахов как в горах, так и на равнине.⁴

Мы же ставим своей задачей, используя все доступные нам источники и литературу как дореволюционных, так и современных авторов, показать существование разнообразных форм

собственности на землю у горных и равнинных вайнахов в XVIII - начале XIX века.

К сожалению, из-за отсутствия прямых источников и литературы о формах землевладения и землепользования вайнахов в XVIII - нач. XIX в. нам приходится прибегнуть к ретроспективному методу анализа материалов XIX - нач. XX в. Как известно, еще в далеком прошлом чеченцы и ингуши, жившие в горах, успешно занимались земледелием и скотоводством. Большое внимание уделяли горцы развитию пашенного земледелия и отгонного животноводства. Это подтверждают и устные предания, и следы террасного земледелия, и археологические материалы (фигуры и рисунки домашних животных, их кости, специальная посуда, жернова и т. д.), а также топонимические и другие этнографические данные, которые сегодня позволяют безошибочно утверждать, что даже в довольно отдаленные времена пахотные участки земли, скот, сенокосы, основные пастбища и даже местами леса являлись частной собственностью малой семьи вайнахов.⁵

Говоря же о более позднем времени, т.е. о XVIII-XIX вв., известный этнограф И. М. Саидов замечает, что землю вайнахи могли продать, дарить, давать в качестве приданого, отдавать в залог, отнять в качестве штрафа и т.д. Горцы очень рачительно и бережно относились к каждому клочку земли; его вовремя пахали, удобряли, пололи; искусственно создавали террасы. На каменистые почвы горцы сами наносили в мешках землю, чтобы сделать их плодородными. И, естественно, в горах маленький клочок плодородной земли стоил очень дорого. Как правило, большинство общих пастбищ горцев со-

ставляли расположенные далеко от населенных пунктов высокогорные пастбища вайнахов, как, например: Щонтарой лам, Белг1атойн лам, Эрсанойн лам, Бенойн лам, Билтойн лам, Зандакьойн лам, Ищхойн лам, Садойн лам, Геордалойн лам и т.д., а также пастбища горных хребтов, которые неудобно было делить, поскольку на их склонах произрастала трава в разное время в зависимости от времени таяния снега здесь. Кроме того, недалеко от больших населенных пунктов иногда оставались неплодородные, каменистые места в качестве выгона для небольшой части скота односельчан, в частности, для маленьких телят и немногих дойных коров. Согласно установившемуся порядку богатым людям не дозволялось пользоваться общими пастбищами больше, чем другим жителям, кроме как за дополнительную плату, которая устанавливалась сельскими старейшинами.⁶ В Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время известны случаи, когда во многих горных селениях или обществах, как, например, в Чеберлое, Галанчоже и т.д. все прилежащие земли, кроме священных рощ, были поделены между собой вайнахскими семьями. Каждая семья выпасала свой скот только на своем участке или же иногда, как в XVII веке, создавала на сезон или на несколько лет соседское или родственное скотоводческое объединение "мат" (стадо, стоянка скота) в составе двух или трех семей. Жители этих селений даже на водопой водили свой скот через особый длинный коридор, огороженный с обеих сторон каменной или плетеной оградой, или же гнали скот по дну канавы. "Обычай, связанные с частной собственностью на землю, — указывает далее И.М.Саидов,- запечатлены во многих преданиях".⁷ Заслуживает также внимания приводимое в работе И. М. Саидова предание вайнахов о существовании в прошлом в Чечне земельной реформы, т.е. о земельной переделке. По отрывочным сведениям вайнахских старожил в прошлом (надо полагать, в XVII-XVIII вв. - Ш.А.) между частными участками горцев границы проводились торжественно, с выполнением каких-то обрядов, которых они не помнят, и с принесением "тяжелых клятв". При этом, следует отметить, что по устанавливаемой новой границе участков земли носили огромный медный котел, в котором сразу можно было сварить двух бы-

ков. На каждой меже устраивался общественный пир (той - Ш.А.). Передел земли, по всей вероятности, организовывал и проводил Совет старейшин. По преданиям, записанным И. М. Саидовым в бывшем Галанчоожском районе в 1961 г. и в Джераховском ущелье в 1962 г., каждый вайнах хорошо себе представлял и строго соблюдал священную границу земельного владения каждого собственника. Так, например, на землях темного цвета, как правило, в качестве межевого знака ставился светлый, белый камень, а на землях светлого цвета -

черный камень.⁸

В XVIII - нач. XIX в. чеченцы и ингуши в большинстве своем переселились на равнинные земли по Тереку, Сунже и Аргуну, образуя первоначально небольшие компактные села из отдельных более или менее известных одноименных тайпов (родовых) обществ. Причем некоторые села на равнине сохранили за собой названия тех тайпов, родоначальники которых являлись основателями тех или иных сел в горах. Между прочим, каждое такое вновь образовавшееся село или общество само устанавливало между собой границы своего землевладения. Специальной общественной власти для установления границ землевладения ранее не существовало. Точно также не существовало специального правила для отвода земли для вновь поселяющихся. "Всякий первоначальный поселенец, - указывает Н.С.Иваненков, - отделясь по какой-либо причине из существовавшего рода, занимал свободную землю в той мере, сколько ему нужно было для жизни вновь зародившегося рода, при существующей системе хозяйства".⁹ Как отмечают местные историки, у чеченцев, проживающих в Нагорной полосе, издавна существовали различные формы поземельных отношений. Здесь до окончательного установления царского колониального режима существовали еще старые землеустроительные традиции. "На протяжении веков у горцев существовал обычай, - пишет Н. П. Гриценко, - по которому пастбищные угодья являлись общинной собственностью, а пахотные, усадебные и покосные земли были на правах частной собственности..., обработанные семьей и родом земли переходили из поколения в поколение на правах частной собственности, с чем не хотело считаться самодержа-

вие".¹⁰ Известный кавказовед Н. А. Тавакалян указывает, что испокон веков в Чечне и Ингушетии существовали две формы собственности на землю: тайпово-общинная и частная. Последняя форма собственности делилась на два вида: индивидуально-крестьянская, основанная на личном труде членов семьи крестьянина, и феодальная, где эксплуатировался труд всех феодально-зависимых категорий крестьян.¹¹

Всесторонне изучив вопрос о развитии феодальных отношений в истории ингушского народа, профессор Б. В. Скитский приходит к выводу о наличии в Ингушетии условий для раннего развития наследственного владения землей. "Право давности владения, как основы приобретения права владения землей или потери такого права, - указывает он, - обычное право горцев вообще и ингушей в частности не знает; владелец никогда не терял своего права на землю, как бы долго он ею не владел, и никто другой не имел права ее занять. Поэтому, когда двор или вяр переселялся в другую местность, члены его не теряли права собственности на оставленную землю, а отдавали ее в пользование оставшимся родственникам и получали от них плату (бер)".¹²

Точка зрения о наличии частной собственности на землю у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время разделяется и другими современными исследователями. Так, известный кавказовед Б. А. Калоев в начале 60-х годов XX века писал о том, что у горцев в частном владении находились как пахотные, так и покосные земли, а общинное землевладение составляли пастбища и лесные угодья. Только во второй половине XIX века, — считает автор, - этот порядок был несколько изменен. Пахотные и покосные земли стали теперь делить периодически между жителями сельских обществ на подъемные паи.¹³ В начале 80-х годов XX столетия профессор Б. А. Калоев в своем фундаментальном труде, специально посвященном развитию земледелия у северокавказских народов в дореволюционном прошлом, указывает, что у народов Северного Кавказа сложились две формы землевладения: частная — в горах и общинная - на равнине. Общинное землевладение появилось у горцев несколько позднее, в основном после их переселения на равнинные земли.¹⁴

Многие дореволюционные авторы также считали, что у чеченцев и ингушей существовали только две формы собственности на землю. Так, например, исследователь Н. Ф. Грабовский, изучавший экономический быт горных ингушей, писал, что у них "земля в участке разделяется на частную и общественную собственность: К первой принадлежат пахотные участки, лесные дачи, а ко второй - выгоны и во многих местах покосные земли и леса".¹⁵ Солидарен с ним и другой дореволюционный автор Н. Н. Харузин, который считает, что только пастбища и леса "находились в общем владении", и "каждый двор может высылать на эти пастбища сколько ему угодно голов скота".¹⁶

Другой дореволюционный исследователь Н. С. Иваненков, изучив в основном экономический быт горной части Чечни, где, на наш взгляд, традиционные формы поземельных отношений к указанному времени сохранились почти в неизменном виде, приходит к выводу, что право частной собственности на землю установилось у чеченцев и ингушей с давних времен.¹⁷ Мы разделяем точку зрения Н. С. Иваненкова относительно поземельных отношений у горных вайнахов в рассматриваемое время и считаем своим долгом подробно остановиться и проанализировать взгляды автора по данной проблеме. Прежде всего, автор отмечает, что в результате неимоверно большого и тяжелого "физического труда целой жизни главы семьи" и ее членов на заброшенных и диких местах горцами создавались искусственные пашни, которые, естественно, после смерти главы "переходили во владение к прямым продолжателям рода главы и притом, по мужской линии". Так возникло право исключительного владения занятыми участками земли. Данные земельные участки (пашни) назывались и являлись собственностью главы семьи или самого рода "до-лахь кха" (чеч.) - собственный загон и "долахь цана" (чеч.) - собственный покос. Такой вид землевладения существовал почти во всех горных вайнахских обществах.¹⁸

Наряду с исключительным правом бессрочного владения землей в рассматриваемое время у горцев существовало также право распоряжения ею. Это право в действительности существовало во всех обществах и возникло оно, "когда нача-

лось и самое исключительное пользование разработанными участками" земли. Если убийца, например, избегая кровной мести родственников убитого, уходил из общества куда-либо в другое общество, то остающейся свободной землей по существующему праву завладевали ближайшие родственники убитого.¹⁹

Другим поводом возникновения права распоряжения землей являлось свободное переселение из одной местности в другую целой группы родственников или только части их. В этом случае родовые участки земли отдавались навсегда за условленное вознаграждение другим каким-либо имуществом ближайшим родственником, а если никто из них не пожелает взять ее, то посторонним лицам из того же общества.

Следующей ступенью развития права распоряжения, как отмечает автор Н. С. Иваненков, являлась обязательство отдачи земли "владельцам ее в бессрочное условное пользование другому лицу за взятие у него взамен какой-либо вещи из движимого имущества, как, например: хлеб, скот, лошадь, одежда и пр. Такое обязательство у вайнахов называлось "караэц-на" и заключалось в том, что до тех пор, пока должник не вернет взятую вещь или деньги, заимодавец не возвращал землю и пользовался ею. Данное обязательство переходило к наследникам обеих сторон. Право распоряжения возникло у горцев в далекие времена, Причиной тому служила нужда одного человека в тех вещах или предметах, которых невозможно было приобрести за короткое время личным трудом, а также потребность в деньгах для разных надобностей; например, падеж скота мог сделать временно ненужным часть земли, и она отдавалась в залог за скот. Кроме того необходимость жениться также вынуждала заложить землю и приобрести средства на уплату за жену; неурожай в году также вынуждал закладывать землю за скот или хлеб; выбывание из общества главы семьи на некоторое время также становилось причиной отдачи земли другому человеку в бессрочное пользование за плату; бывали также случаи отдачи земли в залог в виде возмездия за совершенное злодеяние. Как замечает сам Н. С. Иваненков, в этом деле наблюдалось такое общее правило: кто уходит из общества на время, тот закладывает землю, а тот, кто уходит из общества навсегда, тот продает ее.²⁰

Как известно, залог земли являлся только переходной ступенью к праву отчуждения ее навсегда. Первоначально право отчуждения было вызвано оставлением навсегда своего общества владельцем земли. В этом случае хозяин земли мог прибегнуть к купле-продаже ее, т.е. к свободной продаже, а в других случаях жизни, преимущественно таким, которые вызывали отдачу данной земли в залог. Трудно сказать, в какое время возникли среди вайнахов сделки купли-продажи земли. Не сохранились об этом какие-либо записи. Все сделки, по-видимому, совершались на словах. Однако несмотря на это, можно предположить, что данное право возникло у вайнахов очень давно.

Наряду с существовавшими в горных обществах Чечни правами распоряжения горцев своими земельными участками здесь были также ограничения в праве распоряжения ими. Обычай вайнахов требовал от продавцов участков земли, чтобы они сначала предложили своим родственникам купить их. Если они не согласятся купить, то продавец вправе был продать их лицам из своего же села. Как правило, большинство вайнахских обществ было против продажи земли посторонним лицам, а некоторые общества вынесли даже запретительные приговоры по этому поводу, т.е. старейшинами отдельных сел было принято постановление, запрещающие продавать родовые участки земли.²¹

Одним из ограничений в распоряжении участками земли являлось то, что женщины по обычному праву (адату) вайнахов не могли приобрести их. Хотя по шариату женщина имела равные права в этом отношении с мужчиной. По обычному праву (адату) родовые участки земли должны были перейти в порядке наследования по мужской линии. Так, например, отец не мог распоряжаться участком земли по своему усмотрению, когда у него есть сыновья. По шариату же, напротив, он может этого сделать, особенно тогда, когда сыновья не достигли еще совершеннолетия, которое считалось в условиях Чечни и Ингушетии с 15-летнего возраста. С этого времени сыновья могли предъявлять свои права на родовые участки и родители считали свое право ограниченным. В то же время по обычаю вайнахов отец за непочтительное отношение к нему со стороны сына мог прогнать его, не дав ему участка земли вообще.²²

Во многих вайнахских обществах в рассматриваемое время, по-видимому, применялись в равной мере как адаты, так и шариат. Руководителями адатов в наследовании земельных участков являлись, как правило, старики, или старейшины сельского общества. Постановления же шариата в жизнь проводили муллы. Вообще, надо сказать, что со временем распространением магометанства в Чечне шла непрерывная борьба между старым, народным законом - обычаем адатов и постановлениями шариата,²³ указывает исследователь Н. С. Иваненков.

Рассмотрим теперь вопрос о том, как трактуется дореволюционным автором Н. С. Иваненковым проблема существования в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время общественного землевладения и землепользования. К общественным землям автор относит: 1) горные пастбища; 2) выгоны; 3) сенокосы; 4) пашни. Все эти земли принадлежали целым земельным обществам. Но в то время, как пахотными, сенокосными и пастбищными горными землями владели и распоряжались исключительно ближайšie к этим землям селения, отселки и хутора. Право пользования выгонами принадлежало всем селениям данного общества. Под сенокосы в каждом обществе отводились преимущественно такие местности, на которых невозможно было производить распашки. Все сенокосы общества делились на несколько участков, которые назывались "купами" по числу групп селений, имеющих близкие хозяйственные или родовые интересы. Участки передавались особыми выборными людьми общества - "куповыми стариками". Эти "куповые старики" делили все покосы по селениям, а в селениях - по домохозяйствам. Самое же распределение по домохозяйствам производилось по жеребьевке. Все покосы, выделяемые домохозяину, назывались "юьртан юкъара цана". Говоря о пашни, автор отмечает, что существовал пай пахоты, называемый "юьртан юкъара кха". Площади общественных распашек были очень малы. Каждый житель стремился расширить свои родовые земли путем захвата смежных земель. Мерой пашни служил загон или "кха". "Вообще говоря, - замечает Н. С. Иваненков, - что было пережито другими человеческими обществами, то самое наблюдается и в горных обществах Чечни: в развитии права на земли здесь были, есть

и теперь еще ступени, начиная от фазы общинных и общественных и кончая формами личного владения и полного распоряжения землею".²⁴

Известные современные этнографы И. М. Саидов и С. А. Хасиев на основе анализа полевых этнографических материалов также приходят к выводу о том, что у чеченцев и ингушей в XVIII - XIX вв. существовали одинаковые формы землевладения как в горах, так и на равнине, т.е. частное и общинное владение пашнями, сенокосами и выгонами. В частности, И. М. Саидов отмечает, что в Чечне и Ингушетии до превращения восточной части Кавказа в колонию царской России господствовала частная собственность на пахотные земли, сенокосы, часть пастбищ и лесов. Общими или запасными оставались в основном высокогорные пастбища, неудобные для использования места (скалистые берега и русла рек и т. д.), ограниченные участки, используемые для пастбищ части скота односельчан и некоторые участки леса. Использование этих общих или неудобных для деления мест регулировалось старейшинами. Каждая малая семья имела право использовать свою долю пастбищ или же получать вознаграждение за передачу своей земли в аренду. "Общинно-передельная система землевладения, - указывает И. М. Саидов, - и примитивная подымная система налогообложения были навязаны чеченцам и ингушам царской Россией (в XIX в. - Ш.А.) и встречала в народе сопротивление".²⁵

Говоря об освоении чеченцами и ингушами новых земельных площадей под искусственные пашни (террасы), С. А. Хасиев замечает, что все эти созданные еще до XIX века кропотливым трудом землепашца пашни являлись собственностью отдельных владельцев или общин. Этнографические исследования автора позволили увидеть у вайнахов три формы владения пашнями-террасами: 1) общинная (юкъяра мохк); 2) частная (долахь мохк); 3) занятая (д1алаьцна мохк). "Если бы вайнахам не была известна частная собственность на землю, - указывает С.А.Хасиев, - то не могло быть и речи о купле-продаже (мохк эцар-бохкар), дарении (белла мохк), закладке под залог (закъалтана белла мохк), отдаче земли под аренду на год, два и т.д. с определенной платой (юкъяхь лелон белла мохк)²⁶ и т. д."

Однако есть и другая часть исследователей, в основном до-революционная, которая признает только общинную и совершенно отрицает частную собственность на землю. К ним относятся, в частности, авторы Евг. Максимов, Г. Вертепов, Ф. Леонтович и т. д. Так, например, исследователь Ф. И. Леонтович говорит, что "право личной поземельной собственности доселе не существует в Чечне, но быстро возросшее народонаселение, показавши ценность пахотных мест, ограничило само собою общее право каждого владеть угодьями".²⁷ Говоря о правилах и границах землевладения в различных вайнахских обществах или селах, расположенных рядом друг с другом, т.е. по соседству, автор Ф. И. Леонтович замечает, что земли разделялись между этими маленькими обществами или тохумами (токхумами), так называли их в Чечне, но однако они не раздроблялись на отдельные участки между членами их и продолжали по-прежнему быть общей, нераздельною собственностью рода. Каждый год, когда наступало время пахать, все члены выходили на свои поля и делили их на столько равных частей, сколько домов насчитывалось в токхуме. Потом уже жребий распределял эти участки между ними. Получивший таким образом свой годовой участок земли делался полным его хозяином на целый год, разрабатывал его сам или отдавал другому на известных условиях или же, напротив, оставлял его неразработанным по своему усмотрению.²⁸

Дореволюционный исследователь Евг. Максимов отмечает, что у чеченцев и ингушей до середины XIX века господствовала общинно-передельная форма землевладения. Он, в частности, используя опубликованный вариант древнего вайнахского предания о переселении аккинцев с гор на равнины, пишет: "Переселенцы (чеченцы) с благоговением приняли от Бога эти места по праву первого завладения. Первым делом старики сели и, обдумавши все, постановили правила, которые, как завет, перешли до нашего поколения. Относительно владения землей постановлено было так: пастбищные горы, берега рек, выгоны объявлены были общими, неделимыми (юкъяра меттиг); все места, не покрытые лесом (в лесной полосе), разделить на разные части и разобрать для пахоты и покосов на один год, а затем ежегодно делить их по жребию, по числу дымов, эти земли будут общественные-делимые

(куп)." И, наконец, каждой семье предоставлена была возможность выбрать себе участок леса, по своим силам, и постепенно валить его, чтобы счистить место для пахоты и покосов. Эти участки, по праву первого завладения, переходили в наследственную собственность под названием "лаыша мохк". Таким образом, по происхождению права на владение землей все чеченское землевладение должно быть разделено на четыре категории, а именно:

- 1) пашенное старозаимочное землевладение в горной Чечне;
- 2) нагорно-лесное, основанное на заимке и разработке лесных пространств;
- 3) надельно-аульное, установленное царской администрацией в соответствии с древнейшими формами общественной заимки земель;
- 4) собственно частновладельческое, впервые введенное царским правительством с целью вознаграждения местной социальной верхушки.²⁹

По мнению известного вайнахского этнографа С. А. Хасиева, к выделенной Евг.Максимовым 2-ой категории относились пахотные участки, предоставляемые сельским обществом отдельным группам хозяйств ("купам"). Эти участки ежегодно перераспределялись между "купами".³⁰

Другой неизвестный дореволюционный автор Г. П...в, писавший до Евг.Максимова, несколько по-иному определяет категории землевладения вайнахов. По его словам, "каждое общество распространяет свои права на известное пространство лесов и гор и, защищая свое право, опирается на право завладения; так существуют: земли ауховские, зандаковские, беноевские и т. п. Вообще же, земли одного общества по его словам делятся:

1. на общие-нераздельные, к которым относятся горные пастбища, берега рек и выгоны;
2. общие места, издревле признаваемые общественными ("куп");
3. собственные по праву первого завладения лицами, или приобретенные покупкою;
4. собственные, приобретенные через очистку лесов, принадлежавших другим фамилиям или общинам."³¹

§ 2. Формы землевладения и землепользования в сельских общинах чеченцев и ингушей

В XVIII - нач. XIX в. сельская община у чеченцев и ингушей становится главной формой общественных отношений в вольных обществах Чечни и Ингушетии. Сельская община и тайп занимали в это время ведущую роль в системе общественно-политического устройства вайнахского общества. Практически и сельская община, и тайп являлись основными обладателями людских и материальных ресурсов в пределах вольных обществ Чечни и Ингушетии. Само существование вольных обществ было обусловлено прочностью тайповых отношений в сельских общинах. Сельская община у вайнахов возникла, естественно, задолго до XVIII века. Она существовала, безусловно, еще в период раннего средневековья. В рассматриваемое время сельская община чеченцев и ингушей состояла из представителей различных тайпов (группа кровнородственных семей).

Известный дореволюционный этнограф М. Ковалевский, изучавший дагестанский джамаат, пришел к выводу, что он (джамаат) состоял из родов, т.е. токхумов. На этой основе М. Ковалевский утверждает, что общественный строй в Дагестане в XIX веке является якобы совокупностью сельских родовых общин.³²

В понимании некоторых дагестанских исследователей термин "джамаат" в рассматриваемое время обозначает "сельская община". В Чечне и Ингушетии в XVIII веке термин "джамаат" с его социальным и общественным понятием вообще не существовал. Но зато здесь в это время с идентичным содержанием и понятием функционирует сельская община, состоящая из представителей различных тайпов (кровнородственных семей).

Однако, надо отметить, что М. Ковалевский ошибочно считает, что род и тукхум одно и то же. Безусловно, его ошибочные взгляды на этот счет не разделяет дагестанский ученый Р. М. Магомедов, замечая, что тукхум в своей основе был не родом, а семейной общиной.³³

Отметим здесь также, что вайнахскому понятию рода соот-

ветствует слово "ваьр"³⁴ и арабский термин "тайфа" (чеч.) - тайп(а), а термин "тукхум" на вайнахском языке означает - союз или совокупность тайпов (родов). А что касается термина "джамаат", то он как термин сугубо религиозного содержания и понятия существует в вайнахском лексиконе, по-видимому, со времени окончательного утверждения ислама в Чечне и Ингушетии.

Поскольку мы говорим о том, что в рассматриваемое время вайнахская сельская община представляла тайповое объединение и состояла из представителей различных тайпов, то перед нами, естественно, встает вопрос, а какая же существовала в этих общинах форма земельной собственности на средства производства?

Проанализированные нами материалы по проблеме социально-экономического развития Чечни и Ингушетии в XVIII - нач. XIX в. не дают нам никаких оснований находить в вайнахских общинах этого периода каких-либо признаков существования первобытнообщинного строя. Более того, нет сколько-нибудь даже косвенно подтверждающих материалов, не говоря уж о конкретных свидетельствах, доказывающих, что вайнахская сельская община в рассматриваемое время являлась родовой общиной, т.е. первобытно-родовой общиной. Поэтому на сегодняшний день нет никаких оснований называть вайнахскую сельскую общину первобытно-родовой общиной.

Утверждая данный тезис, мы исходим из того, что в XVIII - нач. XIX в. в вайнахских сельских общинах отсутствовала общественная собственность на средства производства. Основная часть общинных земель уже давно находилась в руках отдельных членов тайпа и отдельных тайповых семей. В рассматриваемое время существовали следующие виды собственности на землю:

1. Общинные земли, которыми пользовались все члены общины. Такими землями являлись в первую очередь пахотные земли, леса, сенокосы и пастбища. Только в некоторых общинах в общей собственности находилась часть пахотных земель. Все земли общего пользования ежегодно перераспределялись по жребию между членами общины.³⁵ В целом, в вайнахских

общинах наблюдалось постоянное общее пользование пастбищами, сенокосами и лесом.

2. Тайповые земли, которые являлись одним из видов собственности внутри сельской общины. Каждый тайп имел свои пахотные и пастбищные земли. Эти земли у вайнахов назывались "тайпанан латташ" (тайповые земли), "тайпанан лаьм-наш" (тайповые горы) с пастбищными и сенокосными угодьями и т.д. Исследователь И. М. Смирнов в качестве таковых называет: Щонтаройн лам, БелгIатойн лам, Эрсанойн лам, Беннойн лам, Билтойн лам, Зандакьойн лам, Ишхойн лам, Пордалойн лам и т. д., а также пастбища горных хребтов...³⁶ Следы существования таких земель мы наблюдаем и в позднейшее время.

3. Мечетские земли (вакуф). - маьждиган латта (чеч.) - составлявшие пахотные и пастбищные земли, которые принадлежали мечетям. Мечетские земли обрабатывали и убирали с них урожай члены сельской общины. Доходы с мечетских земель в основном шли служителям сельских мечетей.

4. Земли отдельных членов сельской общины, находившиеся в их личной собственности. Частновладельческие земли были разной величины по площади, и они не подлежали перераспределению по жеребьевке. Члены сельской общины на своей территории имели право продавать, дарить, завещать, передавать по наследству свои земли и т. д.

Таким образом, существование в XVIII - нач. XIX в. на территории сельских общин различных форм земельной собственности - свидетельство о далеко зашедших социально-экономических отношениях в вайнахских вольных обществах. В сельских обществах имелись разные формы земельной собственности. Наряду с общественной и коллективной собственностью существовала и частная. Вместо коллективного труда в обществе использовался индивидуальный труд. Каждый член сельского общества (общины) сам обрабатывал свой участок земли, причем отдельно. Совместная обработка земли всеми членами сельской общины не производилась. Исключением являлся существовавший у вайнахов, так же как и у других народов Северного Кавказа, один из видов коллективной помощи в сельских обществах - "белхи".³⁷

В рассматриваемое время в вайнахской сельской общине мы не застаем ни экономического (имущественного), ни социального равенства, свойственного первобытному обществу. Поэтому мы не можем утверждать о том, что сельская община вайнахов являлась родовой общиной, т.е. первобытной общиной. Сельская община вайнахов, состоявшая из тайпов (группы кровнородственных семей), теперь выглядела иначе. В связи с изменениями в форме собственности на землю изменились в ней и экономические отношения. Одни тайповые семьи становились богатыми, а другие - бедными. Выделившаяся из нее сельская общинная знать (старейшины, бабччи, тамады, тайпов, кадии, муллы и т.д.) систематически расширяли свои земельные участки за счет ущемления прав и интересов основной массы вайнахских общинников - крестьян.

Использованная литература и источники:

1. Грабовский Н. Ф. *Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа*. Сборник сведений о кавказских горцах, вып.3, Тифлис, 1870; Харузин Н. Н. *Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей*. Сборник материалов по этнографии, вып.3, М, 1888; Максимов Евг. *Чеченцы*, Историко-географический и статистико-экономический очерк, Терский сборник, вып.3, Владикавказ, 1893; Иваненков Н. С. *Горные чеченцы*. Терский сборник, вып. 7, Владикавказ, 1910; Леонгович Ф. И. *Адаты кавказских горцев*, ч.2, Одесса, 1883; Ковалевский М. М. *Закон и обычай на Кавказе*, ч.2, М, 1890 и др.
2. Саидов И. М. *Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII-XIX вв.* Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка, Литературв и экономики, т.4, вып.1, История, Грозный, 1964.
3. Хасиев С-М. А. *Земледелие чеченцев и ингушей в XIX - нач. XX вв.* Рукопись кандидатской диссертации, М, 1973.
4. Калоев Б. А. *Земледелие народов Северного Кавказа*, М, 1981.
5. Саидов И. М. *Ук. соч.*, с. 163-164.
6. Саидов И. М. *Ук. соч.*, с. 164.
7. Саидов И. М. *Ук. соч.*, с. 164.
8. Саидов И. М. *Ук. соч.*, с. 164.
9. Иваненков Н. С. *Горные чеченцы*. Терский сборник, вып. 7, Владикавказ, 1910, с.34.

10. Гриценко Н. П. *К вопросу о социально-экономических отношений в Чечено-Ингушетии в пореформенный период*, Известия ЧИНИИИЯЛ, т.5, Грозный, 1964, с.30-31.
11. Тавакалян Н. А. *О классах и классовой борьбе в чечено-ингушских обществах во второй половине XVIII - первой половине XIX в.*, Сборник статей: Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI - нач. XX в.), Грозный, 1979, ее. 77-78.
12. Скитский Б. В. *К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа*. Известия ЧИНИИИЯЛ, т.1, вып.1, История, Грозный, 1959, с. 163.
13. *Народы Кавказа*, т.1, М, 1060, с.48.
14. Калоев Б. А. *Земледелие народов Северного Кавказа*, М, 1981, с.37.
15. Грабовский Н. Ф. *Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа*. Сборник сведений о кавказских горцах, вып.3, Тифлис, 1870, с. 133.
16. Харузин Н. Н. *Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей*. Сборник материалов по этнографии, вып.3, М, 1888, с. 133.
17. Иваненков Н. С. *Горные чеченцы*. Терский сборник, вып. 7, Владикавказ, 1910, с.35.
18. Иваненков Н. С. *Ук. соч.*, с.35.
19. Иваненков Н. С. *Ук. соч.*, сс.35-36.
20. Иваненков Н. С. *Ук. соч.*, сс.37.-39.
21. Иваненков Н. С. *Ук. соч.*, с.43-44.
22. Иваненков Н. С. *Ук. соч.*, с.48-49.
23. Иваненков Н. С. *Ук. соч.*, с.51.
24. Иваненков Н. С. *Ук. соч.*, сс.57-61.
25. Саидов И.М. *Ук. соч.*, ее. 168-169.
26. Хасиев С-М. А. *Земледелие чеченцев и ингушей в XIX - нач. XX вв.* Рукопись кандидатской диссертации, М, 1973, с.26.
27. Леонтович Ф. И. *Адаты кавказских горцев*, ч.2, Одесса, 1883, ее. 79-80.
28. Леонтович Ф. И. *Адаты кавказских горцев*, ч.2, Одесса, 1883, ее. 79-80.
29. Максимов Евг. *Чеченцы*, Историко-географический и статистико-экономический очерк, Терский сборник, вып.3, Владикавказ, 1893, сс.38-41.
30. Хасиев С-М. А. *Ук. соч.*, с.26.
31. П...в. *Землевладение у чеченцев*, ССТО, вып.1, Владикавказ, 1878, сс.268-269.

32. Ковалевский М.М. *Закон и обычая на Кавказе*, ч.2, М, 1890, с. 159.
33. Магомедов Р. М. *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX в.*, Махачкала, 1957, с.126.
34. Ваър (чеч.) - данный термин более соответствует содержанию вайнахского слова "таил" (род).
35. Леонтович Ф. И. *Адаты кавказских горцев*, ч.2, Одесса, 1883, ее. 79-80.
36. Саидов И. М. *Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII - XIX вв.* Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940), Грозный, 1964, с.164.
37. Белхи (чеч.) - коллективная помощь всем обществом своему члену в посеве, уборке и обмолоте хлеба и т.д.

ГЛАВА 4. РАЗВИТИЕ СКОТОВОДСТВА ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В XVIII- НАЧАЛЕ XIX В.

После земледелия скотоводство являлось у вайнахов основным занятием. В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии преобладало разведение крупного рогатого скота. Это было связано с оседлым типом земледельческо-скотоводческого ведения хозяйства вайнахов, в том числе и всего населения Северного Кавказа. Скот являлся рабочей силой для обработки пахотной земли, перевозки грузов и людей и давал удобрение для полей. Наибольшее значение в хозяйственном отношении имели волы, являвшиеся у горцев основным видом рабочего скота. Кроме того, вайнахи содержали буйволов, особенно на равнине. Эти животные высоко ценятся в Чечне и Ингушетии, как и во всем Северном Кавказе, так как один буйвол заменяет в работе двух быков, а буйволиное молоко по жирности значительно превосходит коровье молоко.

Скотоводство обеспечивало сырьем большую часть обрабатывающей промышленности, изготавливавшей необходимую одежду, обувь, постельные принадлежности и т.д. К тому же продукты скотоводства имели хороший сбыт на рынке.

Скот в горных районах был, безусловно, местной породы - малорослый и малопродуктивный, что объяснялось суровыми климатическими условиями, бедностью покосов, нехваткой сена в зимнее время в горах и отсутствием правильной селекции. Горный скот был неприхотлив к кормам и прекрасно приживался к местным условиям. Как правило, горная корова весила 100-150 кг и давала самое большое - 300-400 литров молока за лактационный период.¹ Несмотря на то, что местные коровы давали мало молока, оно отличалось высокой жирностью. Среди прочих молочных продуктов коровье молоко дополнялось овечьим и козьим молоком. Из молока получали масло и сыр.

Большое значение имела кожа крупного рогатого скота, из которой изготовлялось обувь, конская сбруя. Изделия из кожи крупного рогатого скота (конская сбруя), а также сыромятную кожу вайнахи продавали за пределы своего района. Рога домашних животных вайнахи использовали для изготовления рукояток ножей, кинжалов, шашек и других костяных поделок.

Скот служил также мерилем стоимости и основной платежной единицей при торговых сделках, уплате калыма, штрафа за кровь, увечье, бесчестье и т.д. По чеченским и ингушским а датам, как и по адатам других соседних горских народов, при торговых сделках или за преступление расплачивались скотом. Так, при выдаче девушки замуж платили "калым" от 12 до 21 коровы, в зависимости от принадлежности невесты к знатному (богатому) или же бедному роду. За убитого мужчину, если произошло примирение кровников, родственники убийцы платили 130 коров, а за женщину, хотя это бывало и редко - 90 коров. За легкое ранение головы виновник должен был платить пострадавшему 1 барана и "доктору" полагалась плата баранами за лечение пострадавшего.² В пользу того, что в прошлом скотоводство играло весьма важную роль в хозяйстве чеченцев и ингушей, говорят не только различные документальные источники, но и народный фольклор. Так, герои исторических легенд и преданий "или сами пасли стада, или так или иначе оказывались связанными со скотоводством".³

На развитие скотоводства у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время указывают не только русские, но и иностранные исследователи-путешественники. Так, например, И. А. Гюльденштедт сообщал, что "занятие их (вайнахов - Ш.А.) состоит, как у всех северокавказских народов, в скотоводстве".⁴ Другой иностранный исследователь Л. Штедер, побывавший в конце XVIII века в Чечне и Ингушетии, отмечал, что все население вокруг Назрани имело значительное количество скота. О карабулаках Л. Штедер также сообщал, что они разводят крупный рогатый скот и лошадей.⁵

В разных географических зонах - горной (высокогорной) и равнинной (предгорной) развитие скотоводства в чеченских

и ингушских обществах шло неравномерно. Так, например, крупный рогатый скот местные жители разводили в горах меньше, чем мелкий рогатый скот. Быков содержали столько, сколько требовалось для полевых работ, и оценивались они высоко. С переселением на плоскость горцы стали широко использовать для развития скотоводства равнинные территории по рекам Сунжа и Терек вплоть до самого Кизляра. Наряду с земледелием для развития скотоводства равнинные пастбища использовали и живущие в горах чеченцы и ингуши. Только в летние месяцы скот выпасался в горах, а все остальное время года его перегоняли на равнины. Эти пастбища являлись основной кормовой базой в развитии скотоводства местного населения.

Говоря о развитии скотоводства в Чечне и Ингушетии, почти все источники XVIII-XIX вв. единодушны в том, что в горных обществах условия хозяйственной жизни вайнахов существенно отличались от равнинных и основным занятием населения являлось скотоводство.⁶

В документах конца XVIII - нач. XIX в. отмечалось, что многие чеченцы-кистинцы, живущие в Тушетии, занимаются скотоводством, изготавливают сыр и масло. В описании бытовой и хозяйственной жизни общества Галгая отмечается, что из-за малоземелья, каменистого грунта и сурового климата они испытывали недостаток в хлебе и поэтому выменивали зерно на масло, мед и овец у равнинных жителей Ингушетии. Однако, как замечает далее автор, в целом жители Галгая занимались скотоводством, разводя крупный рогатый скот. Лучшие свои пастбища галашевцы имели близ деревень на правой стороне р.Ассы. Зимой скот содержали на заготовленном фураже.⁷ Дореволюционный исследователь А. Зиссерман, рассказывая о горном селении Цахиль-Гой, общества Майсты, отмечает, что его жители не имели пастбищ.⁸ По всей вероятности, автор А. Зиссерман имел в виду недостаточное количество пастбищ, а не полное отсутствие их в данном обществе.

Несмотря на то, что существует немало свидетельств о том, что скотоводство у жителей горной Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время носило преобладающий характер, вместе с тем отдельные исследователи отмечали, что скотоводство

здесь не получило широкого развития из-за ограниченных площадей для покосов и пастбищ.⁹

Как известно, с переселением горцев на равнины создаются возможности для освоения свободных пастбищных земель и увеличения воспроизводства скота за счет расширения кормовой базы. Скотоводство на равнине также приносило излишки мяса, молока, масла, сыра и т.д. а также кожу и шерсть для одежды. Развитие скотоводства явилось важным условием развития земледелия, поскольку для последнего крайне необходимо была тягловая сила, особенно ввиду применения в земледелии громоздкого деревянного передкового плуга.

С целью улучшения породности скота чеченцы и ингуши приобретали коров, быков и овец у соседних северокавказских народов, а также у терских и гребенских казаков на Червленском меновом дворе.¹⁰

Ошибочно утверждение Я. Штелина о том, что чеченцы якобы ведут кочевой образ жизни, и оно никак не согласуется с сообщениями документальных источников XVIII-XIX вв.¹¹ Известно, что в основе развития скотоводства у народов Северного Кавказа, в том числе у чеченцев и ингушей лежала отгонная система хозяйства, которая давала возможность эффективного использования кормовых ресурсов и климатических условий природных зон — степной, предгорной и горной. Годовой цикл отгонной системы начинался, как правило, весной, когда скот выгоняли из зимних стоянок на пастбища. Степи Предкавказья представляли ценные пастбища в весенние, осенние и даже в зимние времена, так как в малоснежные теплые зимы скот мог добывать себе подножный корм до самого декабря месяца включительно.

Отдельные дореволюционные авторы дают самые разноречивые сведения о развитии скотоводства в плоскостной Чечне и Ингушетии. Так, если судить по личным наблюдениям исследователя Голеницева-Кутузова, то на тучных чеченских лугах паслись многочисленные стада, которые с каждым годом все увеличивались.¹² Рост поголовья скота в первую очередь следует, по-видимому, связывать с расселением вайнахов на равнинной части Чечни и Ингушетии. Другой дореволюционный автор утверждает, что чеченцы до 1840 г. были бо-

гаты скотом. Исследователь А. И. Ахвердов о присунженских и притеречных чеченцах писал, что главное богатство их состоит в овечьих стадах.¹³ Об ингушах сообщалось, что все население вокруг Назрани, проживавшие в 93 небольших селениях, имели значительное скотоводство, в том числе и крупный рогатый скот, выпасаемый ими в окрестностях селений. Отмечалось также, что разведением крупного рогатого скота занимались и жители карабулакского общества - орстхойцы.¹⁴

Академик Фальк, побывавший в 1773 г. в Кизляре, Брагунах, Новоградской и других местах, отмечал, что жители Брагунов имеют много скота, а тем более хороших лошадей. Далее он же сообщает, что в деревне князя Девлет-Гирея Черкасского (впоследствии с. Старый-Юрт) у жителей также много скота. Последнее утверждение автора вполне подтверждается и сведениями за 1-ую четверть XIX века.¹⁵ Кроме того, известно, что чеченцы и ингуши, жившие на равнинных землях, содержали в небольшом количестве буйволов. Это подтверждает дореволюционный исследователь И. И. Норденстамм.¹⁶ Данные животные, как мы отмечали выше, высоко ценились в Чечне и Ингушетии. В целом же, как видно, скотоводство на равнинной части Чечни и Ингушетии было развито значительно лучше, чем в горах.

Утверждение отдельных авторов о том, что жители Чечни и Ингушетии как в горах, так и на равнине имели у себя много скота, следует отнести, на наш взгляд, к имуществу слою вайнахского общества. Пастбища являлись общетайповой собственностью чеченцев и ингушей. На этих пастбищах каждая семья могла выпасать неограниченное количество скота. Со временем общетайповые или общинные земли и пастбища переходили в преимущественное владение крупных скотовладельцев. Такая форма закрепления тайповых земель и пастбищ освящалась адатами горцев.¹⁷ Исследователь И. И. Норденстамм указывает, что равнинные чеченцы за пользование горными пастбищами уплачивали владельцам этих пастбищ - "ламараяль" хлебом и другими продуктами.¹⁸ В данном случае автор, по-видимому, имеет в виду время еще до захвата владельцами общетайповых пастбищ и земель.

Безусловно, наличие в Чечне и Ингушетии зимних и лет-

них пастбищ давало возможность горцам расширять отгонное животноводство. Горные пастбища зачастую принадлежали богатым скотовладельцам, живущим на равнине, и они в горах устраивали специальные пастбища для скота - кутаны. Так, исследователь А. П. Берже сообщает, что в летнее время стада рогатого скота, которые принадлежали Малой Чечне, паслись на пастбищных горах Ауховского общества. Мелкие скотовладельцы подпадали в зависимость от крупных, в руках которых в сущности и сосредотачивались пастбища и большое количество скота. В качестве платы за пастбища мелкие скотовладельцы отдавали свой третий приплод крупным скотовладельцам.¹⁹

Для зимовки скота горцы-скотоводы, как правило, регулярно заготавливали сено в горах. О заготовке сена горцами указывает исследователь-современники. Заготовка сена в горных условиях нередко связана была с большими трудностями и опасностью. Горцы косили сено на высоких склонах гор, здесь же связывали его в снопы и скатывали вниз, а оттуда привозили домой на арбах. Сено косили железной косой длиной более 60 см и шириной лезвия около 3-х пальцев, слегка изогнутой и прикрепленной к специальной ровной палке длиной более 2-х метра, которая одновременно служила и ручкой.²⁰ Заготовка фуража у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время служила необходимым дополнением к отгонной системе. Без этих условий развитие скотоводства в Чечне и Ингушетии не достигло бы такого относительно высокого уровня.

Дореволюционный исследователь Д. А. Милютин, который дает сведения о количестве крупного рогатого скота в различных чеченских обществах, сообщает, что в лучшем положении находятся жители равнины, в частности, Надтеречные и присунженские районы. Так, например, только у Надтеречных чеченцев насчитывается более 10 тысяч голов крупного рогатого скота. Следовательно, на каждый двор приходилось, надо полагать, по 5 голов крупного рогатого скота. Здесь, по-видимому, необходимо учитывать, что Д. А. Милютин дает общую картину состояния наличия скота во всей Чечне, а средние цифры, приводимые им, условны, тем более, что на боль-

шей части Чечни считается, - как указывает автор, - богатым тот, у кого две пары быков и пара коров, а "вообще чеченцы очень бедны".²¹

Одной из самых древних, продуктивных и развитых отраслей хозяйства народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, наряду со скотоводством (крупный рогатый скот) являлось овцеводство.²² Овцеводство нашло у вайнахов массовый характер. Овцы требовали меньше ухода, чем крупный рогатый скот, были менее прихотливы к корму, их можно было пастись на склонах гор. В условиях Чечни и Ингушетии овцеводством занимались как жители предгорных, равнинных, так и горных, высокогорных районов. О благоприятных условиях горных районов Северного Кавказа для разведения овец в свое время указывал и О. В. Маргграф.²³ Условия Чечни и Ингушетии вполне способствовали широкому развитию овцеводства, нисколько не мешая земледелию.

Известно, что на протяжении столетий мелкий рогатый скот (овцы) давал горцам все необходимые мясомолочные продукты, а также шерсть и кожу для одежды и обуви. Из овечьего молока горцы делали сыр. Горский сыр был хорошего качества, хотя и несколько соленоват. Овцы являлись у чеченцев и ингушей главным богатством. Они обменивали их у равнинных горцев и даже у соседних народов на различные хлопчатобумажные ткани, полотно, ситец, медную и железную посуду, хозяйственные инструменты, соль, зерно и т. д.

О развитии овцеводства в горной и равнинной зонах Чечни и Ингушетии в прошлом подтверждают разнообразные источники и литература. Так, например, иностранный исследователь - путешественник Ю. Клапрот, побывавший в 1807-1808 гг. в селении Балта недалеко от Больших Ингушей, отмечал, что ниже селения Балта находится небольшая равнина, где ингуши выпасают летом своих овец и за это выплачивают небольшой налог старейшинам осетинской фамилии Темир-Султан-Илалди, которым принадлежит это селение.²⁴ Представитель русской администрации на Кавказе в начале XIX века отмечал, что у горных чеченцев хорошо было развито овцеводство, причем "овец много и они хорошей породы".²⁵ Другой иностранный исследователь-путешественник К. Кох, посетивший в начале прошлого столетия в числе других на-

родов Северного Кавказа чеченцев и ингушей, указывал, что ингуши, живущие по одну сторону Конкура на красивом плоскогорье, летом спускаются в долину Терека, где пасут свои стада... И далее автор сообщал, что в 28 селениях и поселках живут ингуши и осетины, занимая все более или менее ровные места и выпасая в течении лета небольшие стада (овец -Ш.А.) на богатых травой горных лугах...²⁶ Известный дореволюционный исследователь С.Броневский отмечал, что на равнине по рекам Сунжа и Терек, "больше держат овец, нежели крупный рогатый скот".²⁷

В рассматриваемое время среди местных жителей Чечни и Ингушетии славились черкесская и калмыцкая породы овец, их чеченцы и ингуши охотно разводили у себя. Заимствуя у русских поселенцев, а также у терских и гребенских казаков, чеченцы и ингуши разводили у себя овец тонкорунной породы.²⁸ Разводили они и менее ценные степные породы овец.

В конце XVIII - нач. XIX в. в чеченских и ингушских обществах были такие хозяйства, в которых насчитывалось до несколько сот и тысяч голов мелкого рогатого скота (овец). Так, по данным Д. А. Милютинина у одних Надтеречных чеченцев насчитывалось более 200 тысяч овец и, следовательно, на каждый двор в среднем приходилось около 100 овец.²⁹ По сообщению А. И. Буцковского, чеченцы платили кумыкам дань овцами и основу пищи горцев составляли большей частью продукты животноводства.³⁰ Судя по тому, что горцы должны были на землях своих князей и владельцев отрабатывать по одному дню во время сенокосения, посева и жатвы, надо полагать, что вайнахская имущая прослойка содержала в большом количестве мелкий рогатый скот и имела в собственности пастбищные и пахотные земли.

В своих многочисленных рапортах и докладных царские офицеры в начале XIX века приводят разнообразные сведения о состоянии овцеводства как в горной, так и на равнинной части Чечни и Ингушетии. Кизлярский комендант А. И. Ахвердов в 1804 г. отмечал, что ичкеринцев основное хозяйственное занятие овцеводство. Относительно карабулаков, проживавших в XVIII веке ближе к горам, в верховьях реки Сунжи, и горных ингушей, кистов А. И. Ахвердов сообщал, что они имели большие овечьи стада.³¹ Автор Р. Ф. Розен о чечен-

цах, живущих на Тереке и на равнинах рек Сунжи и Аргуна, указывает, что они более занимаются овцеводством. Отмечая о занятии овцеводством ичкеринцев и жителей общества Чабуртлы (Чеберлой - Ш.А.), русский офицер, барон Р. Ф. Розен сообщает, что они (общества) изобилуют пастбищами, как в летнее время, так и в зимнее время, пригодными для выпаса овец, которых горцы разводят довольно много.³² В одном из показаний узденя А. Агаева в Кизлярскую гражданскую канцелярию в 1748 году о положении в Чеберлоевском обществе, в частности, сообщалось о том, что во многих горских усадьбах жители весьма богаты скотом: "яко то овцами, коровами, пчелами и хлебом", и старожилы не припомнят случая, чтобы когда-либо был большой падеж скота.³³

Судя по источникам, в равнинных обществах Ингушетии овцеводство развивалось далеко неравномерно. Так, например, в начале XIX века население общества Галгая только отчасти занималось разведением овец. Десять галгашевских селений Ингушетии, в числе которых были галгаевские селения Мужичи, Нижний Алкун и карабулакские селения (например, Верхний Алкун) занимались преимущественно овцеводством. Материалы конца XVIII - начала XIX века убеждают нас в том, что карабулаки (орстхойцы), спустившись с гор на равнину и в предгорья, стали заниматься разведением мелкого рогатого скота.³⁴ В целом, горное овцеводство у чеченцев и ингушей по своему удельному весу среди других нагорных районов Северного Кавказа занимало значительное место. Это доминирующее положение стадного овцеводства в хозяйствах горных жителей Чечни и Ингушетии сохранилось и в XVIII - нач. XIX века. Кроме того, в рассматриваемое время как в горах, так и на равнине чеченцы и ингуши разводили также много коз.

Известно также, что чеченцы и ингуши также, как и другие народы Северного Кавказа, издавна занимались коневодством.³⁵ Коневодство было развито у чеченцев и ингушей как в горах, так и на равнине. Судя по источникам, население галгаевского общества (горной Ингушетии) имело в личных хозяйствах лошадей. По сообщению того же источника, галгаевцы, куда входила часть галгаевских поселений (Мужичи,

Нижний Алкун), так же имели у себя в большом количестве лошадей.³⁶

В рассматриваемое время коневодство в Чечне и Ингушетии в основном носило экстенсивный характер - чеченцы и ингуши еще мало культивировали выведение новых пород лошадей. Дореволюционный исследователь И. И. Норденстамм отмечал, что чеченская порода лошадей не славится на Кавказе, а потому чеченцы-наездники предпочитают покупать лошадей в Кабарде или в других местах, а также чаще они приобретают их на Кавказской Линии и у кумыков.³⁷ Профессор Н. П. Гриценко пишет, что чеченцы предпочитали лошадей черкесской породы.³⁸ Использование чеченцами и ингушами лошадей кабардинской породы, акклиматизировавшихся в местных условиях Северного Кавказа, следует относить, на наш взгляд, к более раннему периоду, нежели к XVIII веку.

Известно, что лошади местной породы у чеченцев и ингушей были невелики ростом. Они постоянно передвигались по горам, хорошо преодолевали горные переходы и были очень выносливы. О развитии коневодства в Чечне указывает дореволюционный исследователь К. Самойлов. По его свидетельству равнинные чеченцы почти все имели лошадей, в то время как в горах лошадь являлась редкостью и ее могли иметь только люди богатые.³⁹ По-видимому, утверждения К. Самойлова о наличии одной или двух лошадей в каждом хозяйстве относятся к жителям Надтеречных и присунженских вайнахских селений. Кроме того, наличие почти у всех равнинных чеченцев лошадей в рассматриваемое время объясняется, во-первых, расширившейся сферой торговой жизни вайнахов как внутри Чечни и Ингушетии, так и за их пределами, с соседними народами; во-вторых, происходившими в это время глубокими социально-экономическими процессами в вайнахском обществе, приводившие к имущественному неравенству.

Дореволюционный исследователь А. П. Берже указывает, что в летняя время большая часть табунов лошадей, принадлежавших жителям Малой Чечни, выпасалась на горных пастбищах Ауховского общества.⁴⁰ Естественной базой расширения поголовья лошадей у чеченцев и ингушей являлось развитие кошевой системы коневодств. Профессор Е. И. Крупнов

считает, что широко практиковавшаяся кошевая система скотоводства у народов Северного Кавказа связана с развитием коневодства.⁴¹

В конце XVIII - начале XIX в. по сведениям иностранного исследователя-путешественника Ю. Клапрота у чеченцев и ингушей в горах большое место в хозяйственной жизни занимали такие животные, как ослы и мулы.⁴² Дореволюционный исследователь И. И. Норденстамм также указывает, что горные жители Чечни держат много ослов, а в некоторых местах имеют мул.⁴³ Безусловно, ослы и мулы также как и волы, использовались горцами в качестве тягловой силы в хозяйстве.

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии их жители разводили также и домашнюю птицу: на равнине и предгорьях - кур, гусей, уток и индеек, а в горах - кур.⁴⁴

Подводя итог, следует отметить, что наряду с земледелием у чеченцев и ингушей в указанный период относительно быстрыми темпами развивалось скотоводство и, в частности, овцеводство. Это стало возможным благодаря широкому освоению равнинных земель. Наличие зимних и летних пастбищ, а также заготовка фуража в летне-осеннее время - все это создавало условия для относительного высокого уровня развития скотоводства у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время.

Однако при всем этом основная масса простых горцев, занимавшаяся скотоводством, продолжала испытывать большие потребности в продуктах животноводства. Объяснялось это, во-первых, отсутствием правильно организованных условий кормления и содержания скота, системы кочевки и перегона скота на летние пастбища; во-вторых, низкой продуктивностью рогатого скота (овцы в массе своей были здесь грубошерстные, давали небольшой приплод и мало шерсти); в-третьих, отсутствием в достаточном количестве зимних пастбищ и т. д.

Использованная литературы и источники:

1. Алиев Б. Г. *Кабардино-Даргав XVIII-XIX вв.*, Махачкала, 1972, с.56.
2. Леонтович Ф. И. *Адамыкавказских горцев*, вып. 2, Одесса, 1883, с. 166.
3. Крупнов Е. И. *Средневековая Ингушетия*, М, 1971, с.122.
4. Гюльденштедт И. А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа*, СПб, 1809, с.80.

5. Волкова Н. Г. *Этнический состав населения Северного Кавказа вXVIII-нач.XIXв.* М, 1974, сс.162-166.
6. *Кабардино-русские отношения.* Сборник документов, т. 2, М, 1957, №3, ее. 1-4.
7. Волкова Н. Г. *Ук. соч*, се. 156-157.
8. Там же, сс.190-191.
9. Гаврилов П. А. *Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа.* Сборник сведений о кавказских горцах, вып.2, Тифлис, 1859, с.62; Дубровин Н. Ф. *История войны и владычества русских на Кавказе*, т.1, СПб, 1871, с.381.
10. ЦГАЧИ АССР, ф.231, д.5, лл.26-30.
11. *Географический месяцеслов на 1772 г.*, СПб, 1771.
12. Леонтович Ф. И. *Ук. соч*, вып.2, с.84.
13. Ахвердов А. И. *Описание Дагестана. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.*, М, 1958, с.227., Дубровин Н. Ф. *Ук. соч*, т.1, кн-1, сс.379-381.
14. Волкова Н. Г. *Ук. соч*, сс.162-166.
15. *Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое императорскую Академию*, т.6, СПб, 1824, *Записки путешествий академика Фалька*, с.61; *Материалы по истории Дагестана и Чечни*, т.3, ч.1, Махачкала, 1940, с-166.
16. Норденстамм И. И. *Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера.* Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1, Махачкала, 1940, с.303.
17. Харузин Н. *Заметки о юридическом быте ингушей и чеченцев*, СМЭ, вып.3, М, 1888, с.133.
18. Норденстамм И. И. *Ук. соч*, с. 304.
19. Берже А. П. *Чечня и чеченцы*, Тифлис, 1859, с.32-33; Ахвердов А. И. *Описание Дагестана.* *Ук. соч*, с.227; Гриценко Н. П. *Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII - первой половине XIX в.* Труды ЧИНИИИЯЛ, т.2, вып.2, Грозный, 1961, с.44. и др.
20. Клапрот Ю. *Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.* Цитирую по работе Калаева Б. А. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников.* Орджоникидзе, 1967, с.172.
21. Милютин Д. А. *Чечня.* Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. В.И. Ленина, ф.169, пап.31, д.7, л.29.
22. Крупнов Е. И. *Древняя история Северного Кавказа*, М, 1906, сс.315-316.
23. Маргграф О. В. *Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства*, М, 1882, сс.6-7.
24. Клапрот Ю. *Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.*, Цитирую по работе Б. А. Калоева. *Ук. соч*, с.117.
25. Норденстамм И. И. *Ук. соч*, с.304.
26. Кох К. *Путешествие через Россию к Кавказскому перестью в 1837-1838 гг.* Цитирую по работе Б.А. Калоева. *Ук. соч*, с.224.
27. Броневский С. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, ч.2, М, 1823, с.176.
28. Фадеев А. В. *Из истории русско-чеченских связей.* Вестник Московского университета. Историко-филологическая серия, вып.1, М, 1959, сс.223-227.
29. Милютин Д. А. *Заметки о племенах кавказских.* Чечня. *Ук. соч*, с.29.
30. Буцковский А.И. *Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горных областей.* История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв., М, 1958, с. 24.
31. Ахвердов А. И. *Ук. соч*, сс.226-228.
32. Розен Р. Ф. *Описание Чечни и Дагестана.* История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв. М, 1958, сс.282-285.
33. ЦГВИА, ф.482, оп.1, д.1, лл.220-221.
34. Волкова Н. Г. *Ук. соч*, ее. 157-158; 164-166.
35. Крупнов Н. И. *Древняя история Северного Кавказа*, М, 1960, сс.307, 310-311.
36. Волкова Н. Г. *Ук. соч*, сс.157-158; 166.
37. Норденстамм И. И. *Ук. соч*, с.304.
38. Гриценко Н. П. *Ук. соч*, с.45.
39. Самойлов К. *Заметки о Чечне.* Журнал " Пантеон", №9, СПб, 1855, сс.46-55.
40. Берже А. П. *Чечня и чеченцы.* Тифлис, 1859, с.82.
41. Крупнов Е. И. *Древняя история Северного Кавказа*, М, 1960, с.311.
42. Клапрот Ю. *Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг.* *Ук. соч*, с.173.
43. Норденстамм И. И. *Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера.* *Ук. соч*, с.304.
44. Норденстамм И. И. *Ук. соч*, с.304.

ГЛАВА 5. РАЗВИТИЕ САДОВОДСТВА, ПЧЕЛОВОДСТВА, РЫБОЛОВСТВА И ГОРНОГО ПРОМЫСЛА ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В ХУІП-НАЧАЛЕ ХІХ ВЕКА

Наряду с основными отраслями хозяйства — земледелием и скотоводством — большим подспорьем в экономике чеченцев и ингушей в XVIII - начале XIX века являлись такие вспомогательные отрасли, как садоводство, пчеловодство, рыболовство, табаководство, охота, горный промысел и т.д.

В рассматриваемое время чеченцы и ингуши достигли определенных успехов в развитии садоводства. Русские офицеры, побывавшие в ХУІІІ - начале ХІХ века в Чечне и Ингушетии, отмечали о хорошем состоянии садоводства в крае: наличии больших площадей фруктовых садов, хорошем урожае фруктовых деревьев: яблонь, груш, вишен, слив, айвы, черешен, винограда и т.д. Так, например, барон Р.Ф.Розен, который будучи в Чечне, вел специальные записи в своем дневнике, сообщал, что у местных жителей в фруктовых садах растут яблоки, груши, дули, которых чеченцы "часть сухими запасают впрок".¹ С каждым годом все большее количество разнообразных фруктов шло на обмен как внутри Чечни и Ингушетии (горной и равнинной), так и за пределы края - на продажу в Кизляр или на меновые дворы. Известно, что кизлярские купцы закупали у местных народов сотни пудов сушеных и свежих фруктов и отправляли их в Центральные районы России.² Исследователь И. И. Норденстамм, довольно разносторонне изучивший в свое время Чечню, также отмечал, что в крае много фруктовых деревьев, садов, а деревня Гордали, находящаяся в Ичкерийских горах недалеко от истоков р.Ак-сая, славится своими грецкими орехами, которые являются главным промыслом жителей этой деревни, и они торгуют ими как в Чечне, так и в кумыкских селах.³ Большое значение

развитию садоводства, чеченцы и ингуши стали придавать в начале XIX века.

Местные жители как в горах, так и на равнине достаточно хорошо занимались огородничеством. Горцы разводили у себя такие огородные культуры как лук, чеснок, репу, редьку, морковь, тыкву, свеклу, капусту, арбузы и т.д. И. И. Норденстамм замечает, что местные жители имеют огороды везде на равнине, в которых они разводят или выращивают арбузы, дыни, тыквы, лук, огурцы, чеснок, черемшу.⁴ Вероятно, с широким освоением равнинных земель и развитием контактов горцев с терскими и Сунженскими казаками, следует связывать культивирование многих бахчевых и огородных культур в Чечне и Ингушетии, малоизвестных до этого вайнахам.

Развитие пчеловодства у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время самым тесным образом связано с садоводством. Большое разнообразие фруктовых деревьев, богатая горная растительность, обилие всевозможных цветов и диких ягод создавали исключительные условия для развития пчеловодства. Пчелы в свою очередь играли немаловажную роль для опыления фруктовых садов, от которого зависел будущий урожай фруктовых деревьев. Источники 10-20-х годов XVII века сообщают о том, что мичикизьяне, жители чеченских селений, живущие по реке Мичик и находившиеся в зависимости от воевод Терского города, платили подать (ясак) медом.⁵ Исследователь Я. Штелин отмечал, что мед и воск чеченцы и ингуши добывали в огромном количестве.⁶ Некий вайнахский уздень А. Агаев, давая показания в Кизлярской гражданской канцелярии в 1748 году о положении дел в Чеберлоевском обществе, среди прочих моментов их экономического и общественного положения, в частности, отмечал, что горцы весьма богаты пчелами и т.д.⁷ Семен Броневский писал, что горцы Северного Кавказа, в том числе чеченцы и ингуши "пчел держат в плетеных ульях на подставках" и по необходимости "перевозят их с одного места на другое со своими кошами. Воск и мед продают".⁸ Мед, добываемый чеченцами и ингушами в то время, отмечает царский офицер К. Самойлов, отличался превосходными качествами.⁹ Генерал Дельпоццо сообщал, что чеченцы и ингуши "пчеловодством занимаются рачительно и

получаемый оттого в большом количестве мед отменно вкусен".¹⁰ О широком и повсеместном развитии пчеловодства в Чечне и Ингушетии отмечали и исследователи XVIII-XIX вв. Р. Ф. Розен¹¹, И. И. Норденстамм¹², Н. Ф. Дубровин и др.¹³ Мед и воск пользовались большим спросом на рынке и составляли для чеченцев и ингушей один из твердых источников дохода. Они служили не только продуктами внутренней торговли вайнахов, но и вывозились на продажу и обмен за пределы Чечни и Ингушетии.

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии было много крупных и мелких рек и речушек, а также озер (в горах и на равнине), где имелись прекрасные условия для развития рыболовства. Рыбным промыслом занимались, - как отмечает Н. П. Гриценко, - повсеместно и горцы, и казаки, и промысловые люди; одни в качестве дополнительного источника существования, а другие - для наживы.¹⁴ Материалы данного периода сообщают также о том, что чеченцы и кумыки, живущие в деревнях Костековской и Андреевской, успешно занимались рыболовством на р. Койсу, изобилующей рыбой.¹⁵ Другие же источники повествуют о том, что окочане (чеченцы), жившие в городе Терки, часто приезжали в Чечню к своим соотечественникам для продажи рыбы.¹⁶

Известно также, что в середине XVIII века казачья верхушка прибрала к своим рукам рыбные места на р. Терек, а в конце этого века некие братья Всеволожские получили огромные рыбные дачи на Каспийском море. На реке Терек в это время ловилась рыба: белуга, осетр, севрюга, лосось и др.¹⁷ Однако при всем этом рыболовство в XVIII веке среди чеченцев и ингушей еще не носило промышленного характера, и оно выполняло всего лишь роль подсобного промысла незначительной части населения.

В XVIII - начале XIX века чеченцы и ингуши занимались также табаководством. Иностранные исследователи-путешественники Л. Л. Штедер, П. С. Паллас и др. отмечали о том, что вайнахи повсеместно занимались выращиванием табака.¹⁸ Архивные материалы XIX века свидетельствуют также о том, что чеченцы и ингуши выращивали табак специально на продажу, и он среди прочих Табаков по своему качеству превос-

ходил другие табаки и оценивался на рынке дороже. В специально составленной в Кизлярской гражданской канцелярии в 1795 году "Ведомости..." среди прочих товаров, продававшихся в декабре этого же года, перечисляются разных сортов табаки, а именно: калмыцкий стоимостью 10 копеек за 1 фунт; саксонский - 8 копеек за 1 фунт; чеченский - 15 копеек за 1 фунт.¹⁹ Надо полагать, что местом продажи вайнахами своего табака в основном являлись российские города Кизляр, Астрахань и др.

Немаловажным занятием у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время являлась и охота. Так же как и у многих народов Северного Кавказа вплоть до позднесредневекового периода охота у вайнахов оставалась существенным подспорьем к основным занятиям хозяйства — земледелию и скотоводству. Многочисленные археологические находки также свидетельствуют о том, что у предков вайнахов - носителей кобанской культуры - еще в 1-ом тысячелетии до н.э. очень популярна была в хозяйстве охота.²⁰ Известно, что охота на различных диких животных и птиц в различные времена года обеспечивала горца самым необходимым: мясом, шерстью, теплыми меховыми шкурками и т.д. Так, в вайнахском фольклоре сохранилось множество преданий о занятиях горцев в прошлом охотой (о Сеска-Солсе, об охотнике Ахмеде, который кормил охотой 300 человек и др.)²¹ Дореволюционный исследователь П.Д.Головинский отмечал, что охота у горных жителей, лишенных возможности в полной мере заниматься хлебопашеством, составляет иногда одно из главных средств к существованию."²²

В XVIII - начале XIX века часть населения Чечни и Ингушетии занималась горным промыслом, в частности нефтедобычей. Наиболее ранние сведения о наличии нефти на территории Чечни и Ингушетии относятся к XVII веку. Известно, что в 1653 году, во время осады Сунженского острога персидскими войсками, в качестве горючего средства была использована нефть, добытая, по-видимому, из источников недалеко от аула Мамакай-Юрт. Впоследствии недалеко от него были заложены крепость Грозная, сел. Брагуны и др.²³ В 1718 г. по заданию Петра I доктор Готлиб Шобер обследовал на терри-

тории нынешней Чечни и Ингушетии нефтяные и целебные, минеральные горячие источники. После него Чечню и Ингушетию посетили географ-экономист Иван Кириллов, академики И. Г. Гмелин, И. А. Гюльденштедт и др. Все они единодушно отмечали, что выступающая на поверхность нефть используется местными жителями - чеченцами и гребенскими казаками - прежде всего для хозяйственных нужд - в качестве осветительного, лечебного и смазочного материала. Как правило, нефтью смазывали горцы и казаки оси телег, сбруи, использовали ее для освещения и в качестве лечебного средства для домашнего скота.²⁴ В западной части края, на левом берегу р. Сунжи, - писал иностранный исследователь Якоб Рейнегтс, - находится несколько "изобильных черных ключей горного масла (нефти - Ш.А.), которые могут быть весьма полезны для доходов государственных".²⁵

В середине XVIII века из брагу неких и черв ленских нефтяных колодцев чеченцы и гребенские казаки добывали нефть как для собственного использования, так и на продажу. Исследователь Н. П. Гриценко отмечает, что до последней трети XVIII в. нефтяные источники находились в распоряжении чеченских и ингушских сельских обществ, затем они стали собственностью местных и пришлых феодалов, а также русского царизма.²⁶ В конце XVIII века нефтяные источники, - пишет исследователь Л. Н. Колосов, - сделались собственностью уже не жителей, а феодальной кумышкой фамилии - князей Турловых, захвативших огромные массивы земель и нефтяные богатства на правом берегу р. Терека.²⁷ В это же время нефтяными источниками владела чеченская феодальная верхушка.²⁸ Так, владельцы нефтяных колодцев, расположенных в 10 км от Мамакай-юрта, отдавали их откупщикам, которые платили в казну большие деньги.²⁹

В рассматриваемое время Чечня и Ингушетия также были богаты различными полезными ископаемыми. Горцы издревле были знакомы с добычей всевозможных металлов. Известно, что еще в XVI веке русский офицер Девятко Савельев ездил из Терков покупать свинец в горах Чечни и Ингушетии.³⁰ По свидетельству известного академика П. Г. Буткова, когда в 1769 г. Российская Берг-Коллегия направила экспедицию

для разведки руды в горах, то "кистинцы предлагали свои услуги в сем предприятии".³¹ Другой исследователь - академик И. А. Гюльденштедт, также находившийся во главе научной экспедиции в 70-х годах XVIII в. в Чечне и Ингушетии, свидетельствует о том, что во время его поездки "показывали ему небольшие штуфы свинцового блеска, медной лазури и медной сини, со вкрапленною серою рудою, которые, по утверждению тамошних жителей, были выкопаны возле сего храма".³² Говоря об уезде (обществе - Ш.А.) Мереджой, он замечает, что здесь находятся медные прииски.³³ "Свинцовое серебро, содержащее блески и серные колчеданы, появляются в сложной горной породе различными, а особливо четырьмя жилами в Кистинской провинции и в Галгаевском округе при реке Ассае, между деревнями Ассай и Хейрехи (Джейрах - Ш.А.)," - сообщает далее И. А. Гюльденштедт.³⁴

Источники сообщают также, что жители некоторых кистинских селений и горной Чечни добывали в небольшом количестве свинец и якобы всесторонние обследования края показали, что на границе Чечни, вблизи кистинской деревни Муцо, очень много серебряной, медной и свинцовой руды.³⁵ По свидетельству исследователя С. Броневского в Ингушевских горах известны следующие руды: свинцовый блеск, медная синь, медная зелень с жилками поблеклой медной руды серебра содержащей, упоминаемые И. А. Гюльденштедтом. И далее этот же автор поясняет, что в "архивах якобы есть сведения о том, что за несколько лет прежде (в 1767 г.) доставленные из Кистинских и Осетинских гор пробы руд в Государственную Берг-Коллегию признаны в свинце и серебре не уступающими Нерчинским рудам".³⁶

Иностранный путешественник-исследователь Якоб Рейнегтс указывает, что "кистинские, ингушские горы состоят из дикого гранита и камней, покрытых железистой, глинистой и мергелевой землей; недалеко от кистинских границ находится отверстие шириною в 260 футов, наполненное серой и окаменелой глиной. Из глины изготавливали всякого рода водяные и питейные сосуды... К востоку от Ингушетии имелись яшмовые пещеры, где встречались весьма хорошие яшмы с черными, зелеными и желтыми пятнами". Кроме того, извест-

но, что в Ингушетии исследователю Я. Рейнегсу показывали свинцовую руду, вышедшую наружу.³⁷ Что касается Чечни, то ее горы, по утверждению того же автора, содержат в себе чистую известь, а в длину по всей гористой цепи находятся весьма верные признаки твердого каменного угля. В 25 верстах от р. Сунжи, - утверждает далее Якоб Рейнегс, -находится "весьма горячий серный ключ", имеется здесь также сера и т. д.³⁸

На территории Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время имелись также соляные копи. Вот что сообщает по этому поводу один из западноевропейских путешественников-исследователей П. С. Паллас. "В землях ингушей, - указывает он, -есть очень мощный соляной источник; его вода, как говорят, столь насыщена солью, что два ведра воды из него дают ведро соли; этот источник небольшим ручейком впадает в р. Фор-тангу.³⁹ Недалеко от чеченского села Даттых, расположенного на р. Мартан, в горах, также находились соляные колодцы, из которых горцы добывали соль".⁴⁰

Еще в начале XVIII века на территории Чечни были обнаружены большие запасы горячих минеральных источников, которыми пользовались местные жители. Целебные источники находились недалеко от деревни Девлетгирея (Старый-Юрт) и Исти-су.⁴¹

Большой известностью пользовались минеральные воды Горячеводского источника вблизи нынешнего селения Старый-Юрт. О лечении некоторых желудочных и простудных болезней этими источниками и минеральными водами в XVIII в. писал Готлиб Шобер, который в 1717 году был специально командирован в г.г. Астрахань и Терки для изучения свойств воды реки Терека и теплых источников, расположенных в этом районе. По наблюдениям Г. Шобера в этом крае находилось очень много теплых минеральных источников, лечебными свойствами которых горцы пользовались с древнейших времен. Несколько преувеличивая действия данных источников, Г. Шобер пишет: "Приводят много примеров о хромых, слепых, ослабленных и глухих людях, которые употреблением сих теплиц пришли в прежнее здравие...".⁴² Издавна предпринимались попытки сделать источники минеральных вод полезными и доступ-

ными для всех. Кизлярский лекарь П.Шатилович в конце XVIII века представил в медицинскую канцелярию проект создания приюта (лечебницы) "для больных желудком", лечашихся "кислыми водами". Но в условиях царской России ни этому, ни другим проектам по созданию минеральных лечебниц в этом крае не суждено было осуществиться.⁴³

Использованная литература и источники:

1. Розен Р. Ф. *Описание Чечни и Дагестана*. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв., М, 1958, с.282.
2. Гриценко Н. П. *Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII - первой половине XIX в.* Труды ЧИНИИ-ИЯЛ, т.4, Грозный, 1961, с.56.
3. Норденстам И. И. *Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера*. Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1, Махачкала, 1940, с.303.
4. Норденстам И. И. *Ук. соч.*, с.304.
5. *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР*, т.1, Грозный, 1967, с.53.
6. Штелин Я. *О черкесской и кабардинской земле*. Географический месяцеслов на 1772 г., СПб, 1771, При императорской Академии наук.
7. ЦГВИА, ф.482, оп.1, д.1, лл.220-221.
8. Броневский С. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, ч.П, М, 1823, с. 136.
9. Самойлов К. *Записки о Чечне*, ж. "Пантеон", М, 1852, кн.1, с.47.
10. *Журнал путешествий по земле донских казаков, Кавказу, в Астрахань*, г.ст., ж. "Северный архив", 1824, №№ 23-24, с.261.
11. Розен Р. Ф. *Ук. соч.*, сс.284-285.
12. Норденстам И. И. *Ук. соч.*, с.304.
13. Дубровин Н. Ф. *История войны и владычества русских на Кавказе*, ч.Л, кн.1, СПб, 1871, с.280.
14. Гриценко Н. П. *Ук. соч.*, с. 58.
15. Ахвердов А. И. *Описание Дагестана. 1804*. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв., М, 1958, с.282.
16. *Материалы по истории Башкирской АССР*, ч.1, М-Л, 1936, с.242.
17. Гриценко Н. П. *Ук. соч.*, с.58.

18. Штедер Л. Л. *Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г.*, Лейпциг, 1797; Паллас П. С. *Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг.*, кн.1-2, Лейпциг, **1799-1801**.
19. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.2, д.2482, лл.24об.
20. Козенкова В. И. *Кубанская культура на территории Чечено-Ингушетии*. Автореферат кандидатской диссертации, М, 1969, с. 17.
21. Далгат Б. *Первобытная религия чеченцев*. Терский сборник, вып.3, кн.2, Владикавказ, 1893, с.80.
22. Головинский П. Д. *Чеченцы*. Сборник сведений о Терской области, выш.1, Владикавказ, 1878, с.254.
23. Гриценко Н. П. *Ук. соч.*, сс.62-63; *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР*, т.1, Грозный, 1967, с. 151.
24. Там же.
25. Гаджиев В. Г. *Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии*. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XX в.), Грозный, 1986, сс.32-33.
26. Гриценко Н. П. *Ук. соч.*, с.63.
27. Колосов Л. Н. *Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий*. С. 16.
28. Гриценко Н. П. *Ук. соч.*, с.63.
29. Норденстамм И. И. *Ук. соч.*, с.305.
30. *Кабардино-русские отношения в XVI - XVIII вв.*, Сборник документов, т. 1, М, 1957, с.128.
31. Бутков П. Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803гг.*, ч.2, СПб, 1869, с.7.
32. Гюльденштедт И. А. *Ук. соч.*, с. 115.
33. Там же, с. 12.
34. Там же, с.63.
35. Норденстамм И. И. *Ук. соч.*, с.305.
36. Броневский С. *Ук. соч.*, ч.2, с. 167.
37. Гаджиев В.Г. *Ук. соч.*, сс.32-33.
38. Гаджиев В. Г. *Ук. соч.*, сс.32-33.
39. Паллас П. С. *Заметки об одном путешествии в южные провинции Российской империи в 1793-1794 гг.*, кн.1-2, Лейпциг, 1799-1801, сс.404-405.
40. Там же, сс.404-405.
41. Норденстамм И. И. *Ук. соч.*, с.305.
42. ШоберГ. *Описание Петровских теплиц у г. Терки. Сочинения переводы, пользе и увеселению служащие*, СПб, 1760. Цитирую по работе Аталикова В. М. *Страницы истории*, Нальчик, 1987, с.81.
43. *Очерки истории Чечено-Ингушской АССР*, т.1, Грозный, 1967, с.201.

ГЛАВА 6. КУСТАРНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ В XVIII- НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

В Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время известны были различные виды домашних промыслов и ремесел. Отдельные дворянско-буржуазные исследователи XVIII-XIX вв., включая и иностранных исследователей-путешественников, рассматривавшие в той или иной мере вопросы развития кустарных промыслов и ремесел ваинахов, утверждали о низком уровне социально-экономического развития народа, а отсюда, как закономерный результат этого - отсутствие у них якобы в качестве отдельного вида хозяйства такой важной отрасли производственной деятельности, как кустарные промыслы и ремесла. Однако в работах современных авторов Н. П. Гриценко, Е. И. Крупнова, А. И. Хасбулатова, Ш. Б. Ахмадо-ва, Я. З. Ахмадова, С. А. Хасиева, Ф. В. Тотоева, Т. А. Исaeвой, Г. А. Горчхановой и др., касающихся проблемы развития кустарных промыслов и ремесел ваинахов в рассматриваемое время, полностью развенчивается этот лженаучный тезис и, напротив, доказывается об углублении процесса специализации селений Чечни и Ингушетии по различным видам ремесла, которое, однако, еще не отделилось от сельского хозяйства и носило в основном домашний характер.¹

Говоря о развитии капитализма в России, В. И. Ленин определяет домашнюю кустарную промышленность, как "переработку сырых материалов в том самом хозяйстве (крестьянской семье), которое их добывает", при этом эта промышленность составляет "необходимую принадлежность натурального хозяйства, остатки которого почти всегда сохраняются там, где есть мелкое крестьянство".² "Промышленности, как профессии, - указывает далее автор, - еще нет в этой форме: про-

мысел здесь неразрывно связан с земледелием в одно целое. Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т.е. производство изделий по заказу потребителя".³

Как известно, свободное время крестьян-горцев, обусловленное краткостью сезона сельскохозяйственных работ, а также невозможностью занять всех трудоспособных членов семьи в земледелии или скотоводстве, становилось "естественной основой для соединения земледелия с подсобными сельскими промыслами...".⁴ Искусство изготовления изделий передавалось по традиции из поколения в поколение, приоритет оставался за той фамилией или человеком, который первым изобретал ту или иную вещь, называя впоследствии это изделие по имени того мастера, чьим трудом оно создано.⁵

Среди разнообразных домашних промыслов и ремесел ваинахов наибольшего развития достигли в рассматриваемое время такие виды, как обработка шерсти, кожи, а также металла, камня, глины, дерева, кости, шелка и других материалов, из которых изготавливались необходимые для повседневной жизни горцев разнообразные предметы. Кроме того, местные мастера в подавляющей части удовлетворяли потребности простых горцев и феодальных верхов в одежде, обуви, орудиях труда, средствах передвижения, домашней утвари, мебели, конской сбруе и т. д.

Из шерсти кустарным способом, как известно, горцы изготавливали различные домашние сукна, платки, бурки, войлоки, хурджины и т.д. Жилища убирались шерстяными коврами, паласами, войлоками. Горцы и казаки носили шерстяную одежду домашнего производства. Выезжая в дорогу, горцы брали бурку, башлык, хурджин, попону и т. д.⁶

Чеченцы и ингуши издавна занимались изготовлением домашних сукон и тканей, которые пользовались большим спросом в крае. В одном из сообщений документа 1759 года говорится о том, как подвластные чеченского владельца Алисул-тана Казбулатова горцы пришли на переговоры с казаками Шадринской станицы и принесли с собой для возмещения убытков два конца сукна серого (подчеркнуто мною - Ш.А.), да несколько кошм малых.⁷

Иностранцы исследователи-путешественники, посетившие в конце XVIII. - нач. XIX в., наряду с другими районами Кавказа, нынешнюю Чечню и Ингушетию, указывают, что домашние промыслы в экономике чеченцев и ингушей занимают важное место. Так, Я. Рейнеггс пишет в своих заметках: "Они (чеченские женщины - Ш.А.) ткут тонкую шерстяную материю, которую можно на платье употребить".⁸ Французский путешественник Гамба замечает: "...очень трудолюбивые ингушские женщины выделывают некоторые ткани...".⁹ Русские авторы также единодушно отмечают, что в чеченском обществе Чабуртлы (Чеберлои - Ш.А.) из шерсти овец горцы выделывают изрядные сукна для домашнего обихода.¹⁰ Исследователь кустарных промыслов народов Северного Кавказа О.В.Маргграф подробно описывает ткацкий станок, на котором вайнахские женщины выделывали так называемое горское сукно.¹¹

В XVIII - нач. XIX века у чеченцев и ингушей широкое распространение получило на местном рынке так называемое "чеченское сукно". Из этого сукна женщины изготавливали черкески, башлыки и казачьи вицмундиры. В конце XIX века "чеченское сукно" изготавливали в Грозненском, Веденском, Назрановском и Хасав-Юртовском округах.¹² По подсчету О. В. Маргграфа в указанных районах производилось на продажу 2000 кусков сукна в год на сумму 8000 рублей. Одновременно с чеченским сукном изготавливалось и казачье сукно, которое по качеству уступало первому и из него шили только рабочую одежду.¹³

Часто случалось и так, что те вайнахские семьи, которые изготавливали сукно, шили из него различные одежды и другие вещи специально на продажу, например, черкески, башлыки, шапки, шаровары и др.¹⁴ Так, в одном из донесений астраханского губернатора Н. А. Бекетова в ГКИД от 19 февраля 1764 г. сообщалось о том, что "весь торг (горских народов - Ш.А.) состоит из собственного их рукоделия, как-то: бурки, сукна серые, шитые кафтаны, шаровары, чулки, шапки, овчинные шубы, мед, воск, арбы и колеса аробные...".¹⁵ Сообщая сведения о мерах по развитию торговли с горскими народами через Кизлярскую таможню, кизлярский комендант

Н. А. Потапов в рапорте от 3 марта 1765 года в числе привозимых в Кизляр товаров называет изделия собственного производства горцев: сукна, холсты, бурки, войлоки, кошмы, шелковые ткани и т. д.¹⁶

Известно, что в горной части Чечни и Ингушетии получали много шерсти от овец, а излишки ее в значительном количестве сбывали в равнинные районы, где меньше занимались овцеводством и были развиты ремесла, а также на внешний рынок, в основном в Дагестан в необработанном виде.¹⁷

Как известно, дореволюционный исследователь О. В. Маргграф уделил большое внимание описанию домашних промыслов у вайнахов, и в частности обработке ими шерсти, являвшейся, по его мнению, наиболее распространенным видом производственной деятельности всех горских народов. Автор, в частности, указывал, что ингуши среди прочих народов Северного Кавказа занимают восьмое место по обработке шерсти. "Шерстяное производство ингушей, несмотря на то, что они населяют горную местность, ниже и в количественном и в качественном отношении, чем у некоторых жителей равнин", - отмечал он.¹⁸ Горный район Чечни Чеберлои (Чабуртлы), упоминаемый Р. Ф. Розеном, также славился производством, переработкой и продажей шерсти.¹⁹

Наряду с производством войлочных изделий, ткачество у чеченцев и ингушей являлось одним из основных видов женского труда.²⁰ Поэтому в производственной деятельности обрабатывающей домашней промышленности, наравне с мужчинами, были заняты и женщины. "Образ жизни горских народов довольно разъясняет, — писал С.Броневский, — что число ремесел должно быть ограничено необходимыми нуждами. Жены у них портные, ткачи, швеи, тесемщицы".²¹

Чечня и Ингушетия в рассматриваемое время, располагая "огромными естественными ресурсами для развития кустарной промышленности и хозяйственной специализации, расположенных рядом зон", занимались широким обменом и торговлей, связывая воедино хозяйственную деятельность горных и равнинных районов края.²² С давних пор чеченцы и ингуши изготавливали из различных кож мужскую и женскую обувь, конскую сбрую, турлуки (надувные кожаные мешки для пе-

репрывы на воде), походные вещевые мешки (таьлсаш-чеч.). Дореволюционный исследователь А. Берже отмечал, что чеченцы-ламарои (горные жители) изготавливали из козжих шкур сапожную кожу - сафьян и сбывали ее жителям равнинной Чечни.²³

Особенно широкий сбыт изделий кустарных мастерских чеченцев и ингушей происходил на равнине, по Тереку и Сунже, хотя в самом районе кустарные промыслы были распределены далеко неравномерно.

Важное место в домашней промышленности чеченцев и ингушей занимало изготовление из различных кож мужской и женской обуви. "Выделку шкур знают все туземцы Северного Кавказа, и для домашнего обихода она производится обыкновенно женщинами... У большинства туземных племен все женщины умеют шить обувь, и этот труд лежит на их обязанности",²⁴ - отмечает О. В. Маргграф.

Говоря о мужской обуви чеченцев и ингушей в рассматриваемое время, следует отметить, что по своему типу она имела много общего с обувью народов Северного Кавказа, и в частности у живущих в горных районах. Обувь горцев была приспособлена к конкретным природно-климатическим условиям края, соответствовала образу жизни народов и обращала на себя внимание всех посещавших Северный Кавказ иностранных исследователей-путешественников/⁰

В повседневной жизни вайнахов, как в горах, так и на равнине, весной, летом и осенью широко практиковалась мужская обувь нескольких видов, как, например: чувяки ("кхархаш") обычной формы, из козлиной или бараньей кожи, на мягкой, плетеной из ремней подошве, очень удобные при ходьбе, так как они были легки и не скользили. Такую обувь изготавливали сами горцы-мужчины не только из шкур домашних животных, но, по сведениям иностранного исследователя Ю. Клапрота, из шкур серны и косули.²⁶

Наряду с повседневной легкой обувью - чувяки - вайнахи в зимнее время пользовались также и мужской рабочей обувью - "наьларан мачаш" (наподобие поршней у русских), несколько грубой, но очень удобной в горах. Такую обувь изготавливали горцы из сыромятной буйволиной кожи, с плетеной

подошвой. Вовнутрь такой обуви укладывали мягкую траву или солому.

Кроме "наьларан мачаш" (поршней), у вайнахов в горах широко практиковалась в зимнее время и такая форма рабочей обуви, как "хулчеш" (наподобие русских поршней), также мягко набитые вовнутрь травой или соломой. В отличие от "наьларан мачаш" для "хулчеш" использовались специальные железные подковы (лан), которые привязывались ремнями к середине подошвы.²⁷

Другой вид мужской обуви чеченцев - это сапоги кожаные (эткаш - чеч.) на каблуках с подковами и без них. Их шили сами горцы, как правило, из грубой сыромятной кожи и носили как в горах, так и на равнине в зависимости от времени года.

В рассматриваемое время чеченцы, как правило из богатых и знатных вайнахских семей изготавливали себе такую обувь, как "ичиги" - "маьхьсеш" (чеч.) из сафьяновой кожи с твердой подошвой и носили их как в теплое, так и в жаркое время года.

Безусловно, у вайнахов в XVIII - начале XIX в. был распространен и такой вид зимней обуви, как "б1оржамаш" (бурки - рус.) из особого войлока местного производства, на кожаной подошве с небольшими каблуками. По всей вероятности, "б1оржамаш" носили и мужчины, и женщины.

Иностранные исследователи Л. Штедер, М. Энгельгардт и др., побывавшие в конце XVIII - нач. XIX в. в Чечне и Ингушетии, отмечали, что горцы изготавливали обувь из сыромятной кожи, с плетеной подошвой, и все виды мягкой обуви они изготавливали сами.²⁸ Современный исследователь Л.П. Семенов также сообщает, что чеченцы и ингуши изготавливали обувь из сыромятной кожи, сафьяна и сапоги с подковами.²⁹ У чеченцев чаще, чем у адыгов, использовалась обувь с твердой подошвой и каблуками, и это хозяйственную деятельность горных и равнинных районов края.³⁰ С давних пор чеченцы и ингуши изготавливали из различных кож мужскую и женскую обувь, конскую сбрую, турлуки (надутые кожаные мешки для переправы на воде), походные вещевые мешки (таьлсаш-чеч.). Дореволюционный исследователь А. Берже отмечал, что че-

ченцы-ламарои (горные жители) изготавливали из козьих шкур сапожную кожу - сафьян и сбывали ее жителям равнинной Чечни.³¹

Особенно широкий сбыт изделий кустарных мастерских чеченцев и ингушей происходил на равнине, по Тереку и Сунже, хотя в самом районе кустарные промыслы были распределены далеко не равномерно.

Важное место в домашней промышленности чеченцев и ингушей занимало изготовление из различных кож мужской и женской обуви. "Выделку шкур знают все туземцы Северного Кавказа, и для домашнего обихода она производится обыкновенно женщинами... У большинства туземных племен все женщины умеют шить обувь, и этот труд лежит на их обязанности",³² - отмечает О. В. Маргграф.

Говоря о мужской обуви чеченцев и ингушей в рассматриваемое время, следует отметить, что по своему типу она имела много общего с обувью народов Северного Кавказа, и в частности у живущих в горных районах. Обувь горцев была приспособлена к конкретным природно-климатическим условиям края, соответствовала образу жизни народов и обращала на себя внимание всех посещавших Северный Кавказ иностранных исследователей-путешественников.³³

В повседневной жизни вайнахов, как в горах, так и на равнине, весной, летом и осенью широко практиковалась мужская обувь нескольких видов, как, например: чувяки ("клархаш") обычной формы, из козлиной или бараньей кожи, на мягкой, плетеной из ремней подошве, очень удобные при ходьбе, так как они были легки и не скользили. Такую обувь изготавливали сами горцы-мужчины не только из шкур домашних животных, но, по сведениям иностранного исследователя Ю. Клапрота, из шкур серны и косули.³⁴

Наряду с повседневной легкой обувью - чувяки - вайнахи в зимнее время пользовались также и мужской рабочей обувью - "наьларан мачаш" (наподобие поршней у русских), несколько грубой, но очень удобной в горах. Такую обувь изготавливали горцы из сыромятной буйволиной кожи, с плетеной подошвой. Внутрь такой обуви укладывали мягкую траву или солому.

Кроме "наьларан мачаш" (поршней), у вайнахов в горах

широко практиковалась в зимнее время и такая форма рабочей обуви, как "хулчеш" (наподобие русских поршней), также мягко набитые вовнутрь травой или соломой. В отличие от "наьларан мачаш" для "хулчеш" использовались специальные железные подковы (лан), которые привязывались ремнями к середине подошвы.³⁵

Другой вид мужской обуви чеченцев - это сапоги кожаные (эткаш - чеч.) на каблуках с подковами и без них. Их шили сами горцы, как правило, из грубой сыромятной кожи и носили как в горах, так и на равнине в зависимости от времени года.

В рассматриваемое время чеченцы, как правило из богатых и знатных вайнахских семей изготавливали себе такую обувь, как "ичиги" - "маьхьсеш" (чеч.) из сафьяновой кожи с твердой подошвой и носили их как в теплое, так и в жаркое время года.

Безусловно, у вайнахов в XVIII - начале XIX в. был распространен и такой вид зимней обуви, как "б1оржамаш" (бурки - рус.) из особого войлока местного производства, на кожаной подошве с небольшими каблуками. По всей вероятности, "б1оржамаш" носили и мужчины, и женщины.

Иностранные исследователи Л. Штедер, М. Энгельгардт и др., побывавшие в конце XVIII - нач. XIX в. в Чечне и Ингушетии, отмечали, что горцы изготавливали обувь из сыромятной кожи, с плетеной подошвой, и все виды мягкой обуви они изготавливали сами.³⁶ Современный исследователь Л. П. Семенов также сообщает, что чеченцы и ингуши изготавливали обувь из сыромятной кожи, сафьяна и сапоги с подковами.³⁷ У чеченцев чаще, чем у адыгов, использовалась обувь с твердой подошвой и каблуками, и это изготавливала 15-25 бурок. Бурочным производством в среднем в Чечне занимались от 3 до 100 дворов, а в Старом Юрте производством бурок было охвачено до 25 дворов. Средний доход семьи, занимающейся изготовлением бурок в течение года, равнялся 67 рублям.³⁸ В начале XX века в Чечне в течение года производилось до 2100 бурок стоимостью 5-7 рублей каждая.³⁹

Вайнахам издавна известно было изготовление высококачественных тонких войлочных ковров (истангов) следующих

типов: кьорза истанг (ковер с разноцветным орнаментом); кинжа йолу истанг (ковер с бахромой), который может быть разноцветным и одноцветным, истанг (простой ковер) без каких-либо разнообразных орнаментов. Иностранные авторы Я. Рейнеггс и Гамба единодушно отмечали, что чеченские и ингушские женщины искусно изготавливают ковры и покрывала.⁴⁰ Под коврами в данном случае надо подразумевать не ворсовые ковры, а декоративно оформленные войлочные ковры.

В рассматриваемое время среди множества ремесел у вайнахов не последнее место, надо думать, занимало также и портняжное ремесло - изготовление одежды, головных уборов для мужчин и женщин.

Образцы различной одежды, обнаруженной местными археологами в погребальных памятниках горной части Чечни и Ингушетии (в основном в склеповых гробницах XV - XVIII вв.), недвусмысленно говорят "О традиционном портняжном промысле вайнахов".⁴¹

Говоря о чеченской одежде мужчин конца XVIII века, иностранный путешественник Якоб Рейнеггс, как очевидец сообщает, что в ней в качестве нового элемента появляются в это время газыри на груди.⁴² Семен Броневский в начале XIX века замечал по этому поводу следующее: "Жены у них (горцев - Ш.А.) портные, ткачи, швеи, тесемщицы".⁴³ О. В. Маргграф, не сообщая подробных сведений о портняжном ремесле вайнахов, отмечал, что горцы собственными средствами удовлетворяли все свои потребности в одежде, обуви и т. д.⁴⁴ Более подробные и наиболее достоверные сведения о мужской и женской одежде ингушей в прошлом сообщил профессор Л. П. Семенов. Обследовав во главе экспедиции в горной Ингушетии в 20-30-х годах нашего столетия отдельные склеповые памятники, он обнаружил большое разнообразие мужской и женской одежды у вайнахов в прошлом. "Старинное мужское одеяние - писал Л. П. Семенов, - состоит из холщевой рубахи, холщевых штанов со вздержкой (иногда с кожаными штрипками), цветного шелкового халата, спускающегося ниже колен, с длинными рукавами (часто длиннее кистей рук), второго, более короткого, цветного, стеганого халата с укороченными рукавами, опоясанного белым холщевым кушаком

или узким ремнем с медным или железным набором. На голову надевались чаще - цветная стеганая шапка (иногда с кисточкой), реже - меховая, с цветным верхом. Обувь составляли сафьяновые чувяки (чаще красные, реже черные), иногда - башмаки или сапоги, подбитые железными скобами».⁴⁵ Далее исследователь Л. П. Семенов дает подробное описание женского одеяния ингушей, которое состоит из холщевой или бумажной цветной рубахи, холщевых шаровар, цветного длинного халата, опоясанного кушаком; голова прикрыта куском холста (иногда им наглухо закрыто и лицо); нередко встречается особого рода головной убор - подобие изогнутого рога, суживающегося кверху и загибающегося спереди, сделан он из тонкого войлока и загибающегося спереди, сделан он из тонкого войлока, обтянут красной тканью, украшен перекрещивающейся перевязью и круглой выпуклой серебряной бляхой; старинное название такого убора - "курхарс"... На ногах сафьяновые чувяки...⁴⁶

Материалы свидетельствуют также, что в рассматриваемое время чеченцы наравне с ингушами достаточно хорошо освоили домашнее ремесло, связанное с изготовлением различных видов как теплой, так и тонкой летней одежды.

Довольно распространенной формой теплой верхней одежды у вайнахских мужчин являлись "главталы" т.е. стеганые на шерсти или вате кафтаны, а также шубы из овчины или меха. Шубы шили чеченцы и ингуши не только из овчины, но также из шкур диких зверей. Во время дождя или мокрого снега такие шубы, как правило, выворачивались шерстью наружу. В целом же, короткая овчинная шуба надевалась мужчинами прямо на рубаху и подпоясывалась ремнем.⁴⁷

В горных районах Чечни и Ингушетии, особенно в зимнее время, вайнахские женщины изготавливали себе для ношения теплую женскую одежду, наподобие мужского "главтала", стеганую на тонком слое ваты или шерсти, причем из толстого и теплого домотканного сукна или же из шелка и хлопчатобумажной ткани. Женский "главтал" плотно прилегал к талии, имел покрой черкески, с длинным узким или коротким до локтя рукавом. "Интересно отметить тот факт, что чеченские женщины, по сведениям очевидца С. Беляева, изготавливали для

себя зимние белые шубы, которые надевались просто на тело с рубахой. В то же время женщины, шили для себя длинные покрытые тканью шубы, "распашные, с длинными узкими рукавами".⁴⁸

Пожалуй, самой популярной и распространенной верхней одеждой, изготовляемой из сукна, у чеченцев и ингушей, как и у многих народов Северного Кавказа в XVIII - нач. XIX вв. была черкеска для мужчин. Простые обычные черкески (кафтаны) шили, как правило, вайнахские женщины из черного, бурого и серого домотканого сукна. Праздничные же, выходные черкески вайнахов, как и у адыгов, изготовлялись из покупного сукна разных цветов и украшались галунами и даже вышивкой. Для шитья черкесок использовались как домотканые, так и привозные сукна, и даже холст.⁴⁹ Исследователь Ян Потоцкий рассказывает об ингушской черкеске со стоячим воротником, которая якобы имеет некоторые сходства с адыгской.⁵⁰ Другой исследователь Л. П. Семенов также рассказывает о мужской верхней одежде ингушей из шелковой или шерстяной ткани, которая называется еще и халатом. Шелковые халаты были длинные, ниже колен и с длинными рукавами, и служили в качестве верхней одежды, под которую надевали более короткую стеганую. "Халат" имел покрой черкески, но с более широкой (несмотря на то, что были подрезы у талии) спинкой.⁵¹

В специальной работе, посвященной Чечне конца XVIII-начала XIX вв., русский офицер Д. А. Милютин представил чеченца в короткой до колен черкеске с узким рукавом. Другой исследователь С. Беггров также изобразил на картине чеченца в короткой шубе с отдельной, висящей на ремне газырницей. Газырницы иногда изготовлялись из кожи, и они нашивались на черкеску по обеим сторонам груди. Под газырницами ниже иногда нашивались карманы для хранения натруски, кресала и др. По краям газырницы обшивались часто галунами. Все это говорит о том, что они когда-то являлись основным атрибутом снаряжения война-горца. Позже газырницы прочно закрепились на груди черкески, и их стали изготавливать из той же ткани, что и черкеску. Количество газырей вместе с их гнездами стало расти с 4-5 иногда до 18 на каждой стороне груди.⁵²

Так же, как и для мужчин вайнахские женщины сами шили для себя один из видов верхней одежды, которую дореволюционные авторы называют "архалухом" (стеганный кафтан), и носили его, как правило, по торжественным дням не только девушки, но и молодые женщины. Так, царский офицер С. Беляев, находившийся в начале Кавказской войны в плену у чеченцев, сообщает местное название верхней женской одежды "архалуха" - г1автал (стеганный кафтан). Он же отмечает, что данный женский г1автал был притален, распашной и шили его "из хлопчатобумажных тканей или из шелка с серебряными украшениями на груди".⁵³ У богатых людей "г1авталы" имели серебряные застежки и подвески, похожие на "желудей". Кроме того, С. Беляев указывает, что женский г1автал был по своим размерам короче платья, доходил почти до колен и имел довольно яркую разноцветную окраску. Другой царский офицер Д. А. Милютин изобразил на рисунке чеченку в короткой верхней одежде, которая доходит до колен. Она сшита в талию, и ее надевают поверх платья и штанов; подол, борта, ворот и рукава ее обшиты галуном, а на каждой стороне груди изображена крупная круглая бляха.⁵⁴

Наряду с черкеской у вайнахов существовала в XVIII-нач. XIX вв. и другая верхняя мужская одежда, обычно именуемая бешметом. Так же, как и черкеску бешмет шили женщины, и он имел свои особенности. Выглядел бешмет несколько длиннее черкески, и надевался он, как правило, под нее. Внизу бешмет сидел свободно, иногда сборками, а верхняя часть его обтягивала фигуру. Кроме того, бешмет не имел стоячего воротника, поэтому шея мужчины, как правило, оставалась открытой. Рукава бешмета, как и у черкески, были узкие.⁵⁵

Иностранцы путешественники сообщают также некоторые сведения о бешметах. В частности, они указывают, что под черкеской горцы носили еще одну одежду из шелка или другой ткани, украшенную золотым или серебряным шитьем и галунами, и называют ее по-разному: жилет, камзол, туника, куртка. И только у исследователя-путешественника Ж. Ш. Бесса встречается совершенно новое название - каптал,⁵⁶ которое более точно соответствует бешмету почти у всех наро-

дов Северного Кавказа. В определенных случаях бешмет носили без черкески, при этом даже и в праздничные дни, ибо черкеска была далеко не у всех и надевалась она по торжественным дням. Простые горцы шили бешмет из холста, полотна, бязи, и он служил верхней и единственной нательной одеждой. Однако бешметы надевали и на рубахи.⁵⁷ Что касается ингушей, иностранные путешественники-исследователи отмечали, что они носили бешметы, но они не были обязательны, а черкески в отдельных случаях надевались прямо на рубаху. Кроме того, эти же авторы сообщают, что бешметы у ингушей короче черкески и шьют они их из холста, бумажной материи, очень редко из шелка или шерстяной материи. Поскольку бешметы у горцев служили повседневной одеждой, то, как правило, их делали стегаными.⁵⁸

Говоря о дальнейшем развитии портняжного мастерства у вайнахов в XVIII - нач. XIX в., следует заметить, что, как и многие народы Северо-Восточного Кавказа, ингуши весьма неплохо изготавливали для своих нужд и такую верхнюю мужскую одежду как накидки из сукна. Как отмечает специалист по обычному праву Б. Далгат, ингуши при найме работника обязаны были дать ему "одну черкеску, одни шаровары из сукна азиатского и одно сукно (носили прежде вместо бурки)".⁵⁹ Подобного рода накидка из сукна бытовала также и у чеченцев.

В рассматриваемое время, кроме валяных бурок, чеченцы и ингуши изготавливали специальную, теплую одежду из шкур животных в виде накидки.⁶⁰

Как известно, в вайнахском костюме XVIII - нач. XIX в. присутствовала и такая форма одежды как мужская рубаха. Иностранцы исследователи отмечают, что, как правило, мужские нательные рубахи шили вайнахские женщины и черкеска в ряде случаев надевалась на нее.⁶¹ В тоже время исследователи отмечают, что бешметы также надевались на рубаху, которая, как правило, преобладала в большинстве случаев у людей богатых и состоятельных.

Пожалуй, самой важной и необходимой формой одежды у чеченцев в рассматриваемое время оставались мужские штаны, которые также шились вайнахскими женщинами. Авто-

ры, писавшие о мужских штанах чеченцев и ингушей, сходятся на том, что штаны горцев широкие вверху, постепенно суживаются, начиная от колен. Как правило, вайнахские женщины шили штаны из холста, домотканого сукна и других тканей в большинстве своем темного цвета. Иногда штаны заправлялись в обувь в зависимости от благосостояния людей. В большинстве своем у простых горцев "широкие штаны свободно болтались", особенно в летнее время, когда они ходили босиком.⁶²

Так же, как и у многих народов Северного Кавказа, у чеченцев и ингушей в XVIII - нач. XIX в. существовали ноговицы, являвшиеся частью атрибута вайнахской мужской обуви. Ноговицы шили вайнахские женщины и мужчины из сукна и войлока, а парадные - из сафьяна. Ноговицы были весьма удобны не только наездникам, но и пешеходам в горных условиях. Часто ноговицы надевали поверх штанов, они плотно обхватывали ногу от щиколотки до самых колен и выше. Ноговицы предохраняли штаны горцев от лошадиного пота и от цепляния их за кустарники и камни.⁶³

Так же как и для мужчин вайнахские женщины-мастера в рассматриваемое время шили для себя рубахи - платья. Чаще всего платья изготавливались мастерами из холста или других простых тканей, а также из шелка разных цветов - синего, коричневого, темно-красного и черного. По утверждению Б. Далгата, черное платье надевалось в траур по умершему или убитому. Все платья женские застегивались у ворот серебряными пуговицами.⁶⁴

Наравне с платьями штаны-шаровары были обязательной частью одежды вайнахских женщин. Как правило, женские штаны изготавливались мастерами из холста и грубой шерстяной домотканой материи, а более нарядные из тканей, чаще всего красного цвета. Источники сообщают, что молодые женщины шили для себя красные штаны, замужние пожилые - голубые, а девочки - белые. Штаны надевались непосредственно на тело, под платье. "В связи с этим, - замечает исследователь Е.Н. Студенецкая, - обычно обшивка, в которую вдевался шнур, делалась из более мягкой ткани, а края ее загибали наружу, чтобы шов не раздражал кожу".⁶⁵

В рассматриваемое время у чеченцев так же, как и у северокавказских народов, хорошо было развито и такое домашнее ремесло, как изготовление мужских и женских поясов из кожи и ткани. Как правило, изготовлением разных видов мужских поясов были заняты мастера из среды вайнахских мужчин. У вайнахов в XVIII - нач. XIX в. самыми распространенными были узкие кожаные пояса с небольшой железной или бронзовой пряжкой. "Такие пояса, - как отмечает известный кавказовед Е. И. Крупнов, - украшались серебряными и бронзовыми наконечниками и бляшками".⁶⁶ На кожаном поясе в качестве неперменного атрибута национального костюма горцы "носили кинжал, мешочек с кресалом и трутом, пульницу и коробочку с жиром для смазывания оружия и т. д." Случалось также, что простые вайнахские крестьяне вместо кинжала на кожаном поясе носили нож в деревянных полуножках".⁶⁷

Наряду с кожаными поясами вайнахи одновременно пользовались и матерчатыми поясами, изготовленными местными мастерами из широкой полосы ткани-холста или шелка. Такие пояса носили, как правило, сложенными в два-три раза или скрученными жгутом. А если матерчатый пояс был слишком длинным, то им "обвивали вокруг талии два раза".⁶⁸ Так же, как и у мужчин, женский пояс входил в атрибут одежды вайнахских женщин, хотя он, как указывает Е. Н. Студенецкая, вовсе не являлся ее обязательной частью.⁶⁹ Изготовлением поясов к женской одежде были заняты как мужчины, так и женщины. Судя по дошедшим до нас сведениям, женские поясамни изготавливались из простой или шелковой ткани с бахромой и узорами, иногда с металлическими и серебряными пряжками и т. д. О серебряных украшениях на поясе некоторых вайнахских женщин свидетельствует тот факт, что последние принадлежали к представителям сословной верхушки.

В то же время среди определенной части простого населения Чечни и Ингушетии практиковались женские пояса из ленты, полоски кожи или шнура, которые, по-видимому, считались достаточными в домашних условиях для ношения девушками поверх своего платья-рубахи, а также во время работы. Кроме того, часть чеченских женщин носила платье-рубашу вовсе без пояса.⁷⁰

Издавна вайнахи занимались изготовлением для своих нужд различных видов головных уборов, причем по сезону. В XVIII - нач. XIX в. характерны были головные уборы для мужчин - шапки, сшитые одновременно из меха и ткани в нескольких вариантах. Археологические материалы свидетельствуют о том, что вайнахские мастера шили для себя шапки, как правило, из холста, реже из шерстяной ткани белого или другого цвета и простегивали ее нитками. Такие шапки в виде невысоких колпаков или шлемов позже были вытеснены меховыми и войлочными шапками горцев.⁷¹

В конце XVIII - нач. XIX в. чеченские мастера стали изготавливать папахи из каракуля с очень широким околышем и довольно выпуклым круглым верхом. Одновременно вайнахи из знатных фамилий шили к своим праздничным костюмам специальные шапки из ткани, похожие на митру и состоявшие из отдельных вертикальных долек, между которыми иногда размещались галуны, сходящиеся на макушке. По самому нижнему краю шапки, сшитой из сукна или какой-либо другой ткани, проходила широкая полоска галуна. Такие шапки тоже были высокие и глубоко не закрывали голову, оставляя открытым лоб.⁷²

Кроме рассмотренных нами выше видов головных уборов, горцы занимались изготовлением для себя войлочных шляп в виде колпаков с небольшими поднятыми кверху полями.⁷³

В рассматриваемое время у чеченцев существовал и такой вид головного убора, как "башлык" ("башлакх" - чеч.) - капюшон от дождя. По всей вероятности, как и сам термин, данный вид головного убора был заимствован вайнахами у соседних северокавказских тюркских народов, например, у балкарцев, карачаевцев и кумыков. Как правило, изготовлением башлыков занимались вайнахские женщины, удовлетворяя в основном внутренние потребности общества.

В XVIII - нач. XIX в. вайнахские женщины в качестве головного убора из домотканого сукна (толстого и теплого) изготавливали большие женские шали, которые в значительной мере заменяли им теплую одежду. Известный кавказовед Н. П. Гриценко сообщает о том, что чеченские женщины носили на голове белые платки, а иногда большие темные покрыв-

вала,⁷⁴ которые изготовляли сами женщины и назывались они, по всей вероятности, по-чеченски - "кортали". Ингушские женщины, как повествует об этом фольклор, в качестве головных уборов шили для себя пестрые шелковые платки — "гурмалай".⁷⁵

Иностраный исследователь Ю. Клапрот, побывавший в самом начале XIX века в Чечне и Ингушетии, заметил, что вайнахские женщины шьют в качестве женского головного убора шапки, очень похожие на шапки черкешенок и носят их только чеченские девушки.⁷⁶

В ряду вайнахских женских головных уборов следует особо сказать об ингушском парадном женском головном уборе "курхарс", который изготовляли для себя сами женщины. Он имел много общего с древней фригийской (греческой) шапкой (колпак), отличался простотой и изяществом, имел красный цвет. Внизу такая шапка расширялась и охватывала голову на уровне лба. Кверху она постепенно суживалась и завершалась круглым узлом, спадавшим спереди. Во многих энциклопедиях, как указывает Л. П. Семенов, данный головной убор распространен в Греции и нашел свое отражение в античной литературе.⁷⁷ О женском головном уборе своеобразной формы впервые упомянули члены русского посольства, посетившие в 1638 г. ингушское общество проездом в Грузию. В своих отчетах, в частности, они пишут: "...дома в них каменные, выстроены в горах; мужчины одеты по-черкесски, а женщины носят на голове рога и пол-аршина".⁷⁸

В 1807 г. в работе "Путешествие по горам Кавказа и в Грузию" иностранный путешественник Ю. Клапрот также отмечает некоторые новые подробности этого головного убора. В частности, он указывает, что ингушские женщины носят головной убор, который по своей форме напоминает рога серны, но согнутые вперед; убор сделан, как правило, из коры березы и покрыт сукном или шелком, шириной около двух больших пальцев, высотой в семь пальцев, украшен гирляндами и такой головной убор называется "чугул".⁷⁹ По-ингушски, говорит Л.П.Семенов, «сhуге» (чуге/чухе) означает "хохол", "петушиный гребень".⁸⁰ Далее отмечает профессор Л. П. Семенов, что он также, будучи в научной экспедиции в горной

Ингушетии, в надземных склепах неоднократно находил особый женский головной убор, называвшийся у здешних местных стариков "курхарс". Это подобие изогнутого рога, который суживается кверху и загибается спереди. Сделан он из тонкого войлока, обтянут красной тканью, украшен перекрещивающейся перевязью и круглой выпуклой серебряной бляхой, и называется он по-старинному "курхарс".⁸¹ Определенное мнение существует относительно женского головного убора "курхарс" у известного кавказоведа Е. И. Крупнова, который посвятил не один десяток лет изучению средневековой истории Ингушетии. В частности, он отмечает, что парадный головной убор "курхарс" носили только богатые женщины. "Курхарс" надевали женщины на голову так, что его конец приходился на лицевую сторону. "Спускаясь на затылок плотным прямоугольником, расшитым шелком, "курхарс" закреплялся на шее лентами". Богатая отделка говорит о принадлежности его людям только состоятельным, богатым.⁸²

Важное место среди прочих кустарных промыслов и ремесел вайнахов занимало традиционное деревообделочное ремесло, развитию которого способствовало наличие богатой сырьевой базы, а также все возрастающие потребности местного населения и соседних народов в изделиях из дерева. Из различной породы деревьев изготавливались кухонная посуда, домашняя утварь, ульи, бочки, отдельные детали для домов, хозяйственных орудий, повозок и т.д. Убедительным примером высокого мастерства чеченских плотников или столяров служит, например, большой настенный шкаф, занимавший всю стену большой комнаты, обнаруженный в свое время иностранным исследователем-путешественником Б. Плеч-ке в высокогорной Чечне. На шкафу имелось рельефное изображение животных и резной орнамент. Сохранился фотоснимок этого шкафа.⁸³

Соседние терские, гребенские и моздокские казаки часто покупали или выменивали у чеченцев изделия их ремесленного производства. В документе того времени сообщалось об обращении плоскостных чеченцев в Военную коллегию с просьбой разрешить им свободно продавать терским, гребенским и терским семейным, равно и переведенным с Волги и Дона моздокским казакам арбы и колеса к ним без пошлин.⁸⁴

Дерево обрабатывали преимущественно мужчины. Горцы изготавливали из дерева много вещей, рассчитанных на внутренний и внешний рынок. И. И. Норденстамм сообщал, что чеченцы "получают хороший доход от продажи обручей и бочарных досок; за каждую тысячу таковых досок платили около тридцати рублей, их доставляли в Кизляр весьма в значительном количестве".⁸⁵ Другой дореволюционный исследователь писал, что на деревянных изделиях делались разнообразные украшения, которые служили для поднятия их рыночного спроса.⁸⁶ Это свидетельствует о развитии у вайнахов резьбы по дереву.

В рассматриваемое время деревообделочное ремесло у ингушей получило значительное развитие, удовлетворяя не только собственные потребности. "Частые находки деревянных чаш, кубков и мисок, особенно в надземных склепах, причем сделанных уже на примитивном токарном станке, - указывал Е. И. Крупнов, - а также деревянных гребней (иногда из привозного самшита) подтверждают существование у ингушей в древности деревообделочного мастерства".⁸⁷ Причем, как отмечал далее Е. И. Крупнов, многие деревянные изделия были богато орнаментированы разными рисунками.⁸⁸

Большое количество посуды, извлеченной из надземных склепов Малхисты и Майсты (горная Чечня) в ХУШ - XIX в. (более 60 экземпляров), позволило ученым сделать вывод о том, что "в эпоху позднего средневековья наибольшее распространение получила деревянная посуда, выточенная на токарном станке". Она составила 2/3 от общего количества предметов. К ним относятся миски, чашки, чаши, большинство бокалов, стакановидные сосуды и один ковш. Вручную изготавливались посуда и те же предметы, которые имели нестандартную форму и трудно поддавались станочной обработке (ковши, бокалы, кружки, черпаки, половники, ложки, песты и т. д.).⁸⁹

Распространение аналогичной деревянной токарной посуды из Малхисты и Майсты отмечено также в Джейраховском ущелье и Горно-Ассинской котловине горной Ингушетии.⁹⁰

Довольно хорошее развитие получила в Чечне в рассматриваемое время и металлообработка. Чеченские мастера изготавливали разнообразные металлические изделия сельскохо-

зяйственного и домашнего обихода, украшения, военные доспехи и снаряжения. Были такие села, в которых мастера-ремесленники существовали только за счет обмена изделий своего ремесла на продукты земледелия и скотоводства другого общества. Таким селением, например, был Гаджи-Аул, существовавший на р. Аргун до 1816 г.⁹¹ Занимались металлообработкой, изготовлением предметов домашнего обихода не только для внутреннего удовлетворения, но и производством изделий своего ремесла на внешний рынок жители сел Дар-го, Ригаха, Атаги и др.⁹² К. Самойлов утверждал, что почти в каждом чеченском ауле изготавливают необходимые в хозяйстве металлоизделия, в том числе и огнестрельное оружие.⁹³

В Чечне были селения, в которых значительная часть жителей была оружейниками, но были и такие, как например, сел. Атаги, которые занимались исключительно только изготовлением оружия.⁹⁴

Некоторые иностранные авторы во второй половине ХУШ века отмечают, что народы Северного Кавказа, то есть местные оружейники, изготавливают огнестрельное оружие.⁹⁵ Русский офицер А. М. Буцковский в 1812 г. писал, что ауховцы (чеченцы-аккинцы), живущие в верховьях рек Акташ и Ярык-Су по соседству с кумыками, являются весьма хорошими оружейниками.⁹⁶

Искусство изготовления огнестрельного и холодного оружия у чеченцев и ингушей переходило из поколения в поколение. "В центре чеченского народа, — писал русский офицер Г. Властов, - сохранились оружейники, которые по обычаю своих отцов изготавливают шашки, называемые волчками, с изображением волка".⁹⁷ Эти шашки высоко ценились и у соседних народов. Их охотно покупали и казаки. По свидетельству А. П. Игаюлитова, у чеченцев лучшими считались "терсеймуль" (чеч. - "ревущая обезьяна") - клинки с изображением на них волчьих голов с двумя французскими буквами посередине.⁹⁸ Изготовление клинков было делом непростым и требовало от мастера опыта и мастерства. С давних пор в Чечне и Ингушетии были известны шашки мастера Махьмада из сел. Джугурты и кинжалы мастера Мусы из сел. Дарго. Эти шашки отличались высоким качеством, и поэтому они свобод-

но сворачивались и укладывались в обыкновенное круглое домашнее сито для просеивания муки. "

Несмотря на то, что чеченские и ингушские мастера по изготовлению шашек и кинжалов были хорошо известны, в народе славилась также кинжалы, изготовленные дагестанскими ремесленниками. Одним из широко известных центров оружейного мастерства в Чечне были Большие Атаги, чьи мастера и их шашки прославились в песенном фольклоре терских казаков.¹⁰⁰

Говоря о высоких качествах огнестрельного оружия чеченцев и ингушей, И. И. Норденстамм, в частности, отмечал, что "их ружья бьют гораздо дальше" ружей заводского производства.¹⁰¹

На примере России В. И. Ленин замечал, что "при зачаточных формах товарного производства конкуренция между "кустарями" еще очень слаба, но по мере того, как рынок расширяется и охватывает широкие районы, эта конкуренция все сильнее, нарушая патриархальное благополучие мелкого промышленника, созидаемое на его фактически монопольном положении".¹⁰²

В чеченских и ингушских селах рядом с оружейниками работали мастера по драгоценным металлам и украшениям, что поднимало престиж данного ремесла и делало его более разнообразным. Мастера по серебру изготавливали разнообразные серебряные бляхи на пояса, драгоценные женские украшения, газыри, застежки, амулеты, трости, конскую сбрую, украшали оружие, изготовленное мастерами-оружейниками и т.д.¹⁰³

В рапорте бригадира Дебеуасобрива на имя Кизлярского коменданта от 3 марта 1751 г. сообщалось о том, что через Шадринский форпост были пропущены до Кизляра чеченский владелец Расланбек Айдемиров и с ним его уздень Аба-та Ильясов с товарами, в числе которых было ружье с серебряной оправой, два садака, в том числе у одного поясок с серебряной оправой, две сабли и поясок с серебряной оправой и т.д.¹⁰⁴

Говоря о драгоценных украшениях, изготавливаемых вайнахскими мастерами, следует заметить, что в рассматривав-

мое время они в большей степени были присущи чеченским женщинам. В материалах за 1809 г. сообщается о том, как одно из женских платьев было украшено из двух рядов серебряных пуговиц. Отдельные же украшения вайнахских женщин, которые они надевали на себя, составляли не только серьги, но и "серебряный ошейник, на котором висели большие монеты, особенно рубли, производящие большой звон при каждом их движении".¹⁰⁵

Русский офицер Л. Екельн, находившийся в плену у чеченцев в начале XIX века и лично наблюдавший быт вайнахов, описывая женский девичий костюм со всеми его нарядами, отмечает, что верхнее распашное платье женщины состоит из множества застежек и рядов серебряных "желудей" — пуговиц-подвесок. Этот же офицер называет браслеты на обеих руках девушки, а также серьги, кольца с висящими шариками, целый ряд цепочек, лежащих на груди.¹⁰⁶ Как видим, автор указывает на целый набор отдельно надеваемых женских украшений. О драгоценных женских украшениях чеченских мастеров говорит также другой русский офицер Д. А. Милютин. Он, в частности, отмечает, что чеченские девушки носили на груди по обеим сторонам выпуклые круглые бляхи.¹⁰⁷

В XVIII - нач. XIX в. известны также ингушские мастера по изготовлению женских украшений. Материалы обследованных склепов XVIII века дают обилие разнообразных драгоценных женских украшений, в частности, называются серебряные и медные кольца, бляхи для головных уборов (кур-харс), пуговицы-бубенчики, фигурные подвески, бронзовые нашивки; на руках по нескольку колец и перстней, на шее -нитки самых разнообразных бус из стекла, цветной пасты, а также сердолика.¹⁰⁸

Известный кавказовед Е. И. Крупнов, долгое время занимавшийся изучением средневековой истории ингушей, обратил внимание на искусство здешних мастеров по изготовлению женских украшений, и в частности височных колец, которые прикреплялись к волосам и пришивались к головным платкам и даже вдевались в уши. Особенностью таких височных колец являлось то, что они имели выступы-лопасти,

ш

как правило, по восемь, а иногда по семь или шесть. Поскольку такого вида украшения лишь в ограниченном числе встречаются в Чечне и Дагестане, автор считает, что подобные украшения "можно считать этническим признаком и приписывать населению определенного района, в частности горной Ингушетии".¹⁰⁹

В горной Ингушетии были также мастера по цветным металлам, знакомые с дагестанским искусством наносить чернь по серебру и т. д. Обнаруженные в надземных склепах ингушей серебряные височные кольца по своим некоторым орнаментальным мотивам служили источником для племенного отличия горных ингушей. "Излюбленные орнаментальные узоры джераховцев и кистин, - указывает Е. И. Крупнов, - отличались от рисунков галгаевцев; они тщательно воспроизводились мастерами-ювелирами".¹¹⁰

Впоследствии у вайнахов появляется такое богатство и разнообразие украшений из цветных металлов со специфическими местными формами, которого нет у соседних северокавказских и закавказских народов.

Было развито у чеченцев и ингушей и кузнечное ремесло. Чеченские кузнецы со вкусом изготавливали медную посуду и кувшины, из железа - орудия труда (плуга, косы, серпы, топоры, подковы, ножницы для стрижки овец, гвозди, щипцы, ножи, цепи для очага, таганы, совки и др.) В письме чеченского владельца Расланбека Айдемирова на имя Кизлярского коменданта Н. А. Потапова от 10 марта 1768 года сообщалось о том, что переселившиеся на реку Сунжу жители Абаева кабака, неплохо владеют кузнечным мастерством, т. е. мастера охотно изготавливают топоры, косы, сабли, ружья и др.¹¹¹

Надо полагать, что наряду с другими изделиями, ружья, изготавливаемые местными оружейниками, пользовались определенным потребительским спросом внутри Чечни и Ингушетии. В другом письме Чахкеринского владельца Алихана Нурмамадова на имя Кизлярского коменданта А. М. Куроедова от 29 сентября 1782 года сообщалось о том, что он два года назад "продал переводчику Халиму Ибрагимову ружье за сорок рублей".¹¹²

Распространенным видом ремесла у вайнахов в XVIII -

нач. XIX вв. было и гончарное дело. Местные гончары из хорошо отмученной глины изготавливали большое количество керамической посуды отличного обжига в виде различных кувшинов, горшков, кружек и чаш, которые украшались своеобразным орнаментом. Причем керамика была черной, темно-коричневой, но, главным образом - красной. Тесто черной керамики содержало большое количество песка и крупных белых примесей, а серая керамика - мелкий речной песок. Керамика красного цвета была изготовлена из отлично отмученной чистой глины и украшена характерным линейным и точечным орнаментом.¹¹³

Гончарным производством занимались жители отдельных сел Чечни и Ингушетии, удовлетворявшие в основном хозяйственные и бытовые потребности жителей, и изделия их не выходили за пределы местного рынка. На глаз взгляд, гончарное производство здесь представляло ремесло, не получившее еще своего высокого расцвета.

Вайнахам издавна было известно и такое искусство ремесла, как строительство жилых, особенно боевых башен, замков, а также многочисленных склепов и святилищ. В средневековье в Чечне и Ингушетии строительство башен велось в широких масштабах. Большим искусством обладали майстин-цы, которые строили боевые и жилые башни не только в Чечне и Ингушетии, но и за ее пределами.¹¹⁴ Строительство и бытование боевых башен с пирамидальной, ступенчатой крышей являлось типичным явлением для горной Ингушетии. "Можно полагать, - писал Е. И. Крупнов, - что самый тип этих башен зародился и окончательно оформился на территории Ингушетии".¹¹⁵

Боевая башня имела 4—5, а иногда даже и 6 этажей, высота которой достигала 25 м. Эти памятники до сих пор поражают людей своей своеобразной конструкцией и искусством строителей.

Уже в наше время ученые-специалисты сходятся на том, что все строительные сооружения, - жилые и боевые башни, а также склепы и святилища являются образцами местного строительства и не имеют ничего общего от влияния якобы индийских пагод.

"По единодушному признанию всех исследователей, боевая башня является образцом местного строительного дела, ею завершается развитие средневекового мастерства кавказских горцев", - таково мнение профессора Е. И. Крупнова.¹¹⁶

Большой знаток Кавказа Н. Ф. Яковлев, посетивший в 1925 году Ингушетию, отмечал, что в старое время в Ингушетии имелись целые роды, которые занимались строительством башен из камня. К ним, например, относилась фамилия Баркинхоевых, жителей селения Баркин в горной Ингушетии, которые из поколения в поколение оставались хорошими мастерами по камню, т. е. "искусниками камня".¹¹⁷

Сложное строительство боевых башен требовало высокого мастерства, многолетнего опыта, знаний и технических навыков. В позднее средневековье такие мастера были почти во всех ингушских фамилиях. При сооружении верха боевой башни, как правило, они использовали особые машины (вороты) и другие технические изобретения.¹¹⁸

Мастера строили широкие 2-3-этажные "ггалы", т. е. башни-дома, в которых еще и в наше время кое-где продолжали жить ингуши. Они же сооружали высокие десятиэтажные 4—5 ярусные, стройные боевые башни ("блов"), служившие убежищем при нападении врагов. Мастера строили маленькие «солнечные могильники-склепы» - "каши", в которых ингуши погребали своих предков; сооружались также многочисленные храмы ("цуу", "элгац" и др.).¹¹⁹

Известный кавказовед Е. И. Крупнов отмечал, что некоторые исследователи, в том числе и он сам, побывавшие в 1934 и 1936 годах в горной Чечне, слышали от жителей, что в Чечне имеются башни, построенные ингушскими мастерами.¹²⁰

Мастерам предгорной части Чечни издавна были известны литье в формах, литье по восковой модели,ковка предметов и проковка после литья, выбивание украшений из тонкого листа на матрице, вытягивание проволоки ковкой, резьба тонкого листа, чеканка и резьба по готовому литому изделию. "Есть некоторые основания думать, что им была известна и сварка, - указывает известный археолог-кавказовед В. И. Козенкова, - поскольку на одной из бронзовых булавок имелись следы приваренного к бронзовой петле кусочка железа. Каким образом это осуществлялось технически - остается неясным".¹²¹

При обследовании средневекового башенного поселения Цеча-ахк, расположенного на правом берегу р.Фортанги, археологами обнаружено большое количество предметов материальной культуры, а также следы хозяйственной деятельности средневековых вайнахов. Так, открыт цементированный подвал во дворе замка, найдены жернова, остатки горнов для плавки металла, литейная форма, детали конской узды и другие металлические предметы.¹²² Мастерство древних и средневековых вайнахов Чечни и Ингушетии, связанное с литьем, ковкой, выбиванием украшений на матрице, резьбой, чеканкой и т. д. вполне могло дойти до XVII века и получить свое дальнейшее развитие.

Чеченцам и ингушам известно было и такое ремесло, как производство и обработка шелка. Архивные материалы сообщают, что в 1812 году горцами было продано в Кизляре 156 тюков и 77,5 фунта шелка-сырца, в том числе 18 фунтов — из двух селений - чеченского Кази-Юрт и кумыкского - Аксай. Некоторые селения Чечни, как, например, аул Гехи, ежегодно реализовывали шелк русским "на тысячи рублей".¹²³

Чеченцы и ингуши занимались производством тростникового и арбузного меда для внутренних потребностей и для продажи на внешний рынок. Этим занимались в основном притеречные чеченцы. Сахарный тростник возделывали в небольшом количестве в равнинной Чечне и Ингушетии. Производством марены, изготовлением из нее красок, использованием их для крашения шелковых нитей и шерстяных пряжей, сукна и сафьяна занимались почти все вайнахские села по рекам Мичик, Гумс и другим рекам.¹²⁴

Жители этих мест рассказывают, что кусты марены и сейчас встречаются в некоторых селениях. Однако со второй половины XIX века марена утратила свое первоначальное применение как краситель, ибо на смену ей пришли более дешевые искусственные химические краски из России.¹²⁵

Таким образом, в рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии в широком смысле отсутствует узкая специализация производства и разделения труда в массе вайнахских производителей. Подавляющее большинство изделий производится членами семей, преимущественно женщинами и, как правило, для внутреннего потребления. Производство тех или

иных предметов и изделий кустарной промышленности носит еще сезонный характер и обусловлено потребностями близлежащих сел. В то же время, следует заметить, что отдельные изделия чеченской и ингушской крестьянской, кустарной промышленности, наряду с удовлетворением внутренних, собственных потребностей, поступали на внешний рынок к соседним народам. Вайнахские бурки, холодное оружие, обручи, бочарные доски и другие изделия местных ремесленников, отличавшиеся высоким качеством, тонким вкусом и прекрасной отделкой, являлись уделом отдельных мастеров-профессионалов и пользовались спросом за пределами Чечни и Ингушетии. Отдельные отрасли ремесла и домашних крестьянских промыслов отчасти превращались в мелкотоварное производство. В. И. Ленин указывал, что развитие мелкого товарного производства в крестьянских промыслах шло параллельно с расширением рынка для сбыта их изделий, который постепенно охватывал целую область, страну, а "иногда даже и другие страны".¹²⁶ Именно такой процесс шел в Чечне и Ингушетии в конце XVIII - нач. XIX в.

Используемая литература и источники:

1. Гриценко Н. П. *Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII - первой половине XIX в.*, Труды ЧИНИИ-ИЯЛ, т.4, Грозный, 1961, с.63.
2. Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*, т.3, М, 1975, с.328. же, сс.328-329.
3. Маркс К. *Капитал. Критика политической экономии*, т. 2, кн. 2, М, 1975, с.238.
4. Тотоев Ф. В. *Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIIIв. - 40-ые годы XIX в.у*, диссертация кандидата исторических наук, М, 1966, с. 186.
5. Хасбулатов А. И. *Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции*, Грозный, 1963, с.37.
6. ЦГА Да АССР, ф.379, оп.2, д.53, лл.86-86 об.
7. Гаджиев В. Г. *Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии*. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XIII - нач. XX в.), Сборник статей, Грозный, 1986.
8. Гаджиев Т. В. *Сочинение Гамба "Путешествие в южную Россию..."* как исторический источник по истории народов Северо-

- Восточного Кавказа. Автореферат кандидатской диссертации, Тбилиси, 1984, с. 10.
9. Розен Р. Ф. *Описание Дагестана и Чечни*. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв., 1958, с.285.
 10. Маргграф О. В. *Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства*, М, 1882, с. 14 7; Исаева Т. А. *К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в.* Известия ЧИНИИЯЛ, т.9, ч.3, Вып.1, Грозный, 1974, с.42.
 11. Хасбулатов А. И. *Ук. соч.*, с. 39.
 12. Маргграф О. В. *Ук. соч.*, с.78.
 13. Хасбулатов А. И. *Ук. соч.*, с.39.; Исаева Т. А. *Ук. соч.*, с.43.
 14. АВ ПР, ф. *Кабардинские дела*, оп.115/2, д.15,1764 г., л.407 об.
 15. АВ ПР, ф. *Кабардинские дела*, оп.115/2, д. 17, лл.37 об, 38.
 16. Берже А. П. *Чечня и чеченцы*, Тифлис, 1859, с.88.
 17. Маргграф О. В. *Ук. соч.*, с.3.
 18. Розен Р. Ф. *Ук. соч.*, с.285.
 19. Маргграф О. В. *Ук. соч.*, с.195.
 20. Броневский С. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, ч.2, М, 1823, с.52.
 21. Хасиев С. А. *Из истории развития кустарных промыслов чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня)*. Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Сборник статей, Грозный, 1983, с. 18.
 22. Берже А. П. *Чечня и чеченцы*. Тифлис, 1859, с.88.
 23. Маргграф О. В. *Ук. соч.*, с. 171.
 24. Студенецкая Е. Н. *Одежда народов Северного Кавказа (XVIII-XXвв.)*, М, 1989, с.32.
 25. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников*, Орджоникидзе, 1968, с. 158.
 26. Иваненков Н. С. *Горные чеченцы*. Терский сборник, вып. 7, Владикавказ, 1910, с.143.
 27. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников*, Орджоникидзе, 1968, сс.36, 193.
 28. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания Ингушетии в 1935-1936, Грозный, 1963, С.51.
 29. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с.33.
 30. Там же, с. 16.
 31. Хасбулатов А. И. *Ук. соч.*, с.38.
 32. Розен Р. Ф. *Ук. соч.*, с.285.
 33. Милютин Д. А. *Материалы по истории Кавказа. Заметки о* 169, карт.8, ед.хр.7, л.31 об; Исаева Т.А. *Ук. соч.*, с.43-44.
 34. Самойлов К. *Записки о Чечне*. Пантеон, т.23, №10, СПб, 1835, с.47.
 35. Гантемирова Г. А. *Хозяйственное развитие народов Чечено-Ингушетии в первой половине XIX в. и вопросы общественных отношений. Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XVIII -нач. XX в.)*, Сб. статей, Грозный, 1982, с.34.
 36. Хасбулатов А. И. *Ук. соч.*, с.38.
 37. Маргграф О. В. *Ук. соч.*, с.22-23.
 38. Хасбулатов А. И. *Ук. соч.*, с.38.
 39. *Кавказский календарь*, Тифлис, 1914, с.77.
 40. Хасбулатов А. И. *Ук. соч.*, с.38.
 41. Виноградов В. Б. *Первоочередная задача в изучении портняжного промысла у позднесредневековых вайнахов. Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии*. Сб. статей, Грозный, 1983, сс.63-64.
 42. Гаджиев В. Г. *Ук. соч.*, с. 16.
 43. Броневский С. *Ук. соч.*, с.52.
 44. Маргграф О. В. *Ук. соч.*, с.12.
 45. Семенов Л. П. *Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг.*, Грозный, 1963, с.51.
 46. Семенов Л. П. *Ук. соч.*, сс.52-53.
 47. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с. 16.
 48. Там же, с.54.
 49. Там же, с.28.
 50. Там же.
 51. Семенов Л. П. *Ук. соч.*, сс.51,108.
 52. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с.27.
 53. Там же, с.51.
 54. Там же.
 55. Там же.
 56. *У чеченцев и ингушей данный вид одежды, именуемый у некоторых народов Северного Кавказа "каптал" (бешмет), по всей вероятности, называется термином - "гIавтал"*.
 57. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с. 30.
 58. *Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв.*, Нальчик, 1974, сс.295-600.

59. Далгат Б. *Материалы по обычному праву ингушей*, ИИНИИК, 1930, вып.2, с.359.
60. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с. 16.
61. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников*, Орджоникидзе, 1961, с.158; Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с.31.
62. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, сс.31-32.
63. Там же.
64. Далгат Б. *Материалы по обычному праву ингушей*, *Ук. соч.*, с.329.
65. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, сс.42-43.
66. Крупное Е. И. *Средневековая Ингушетия*, М, 1971, сс.94-95.
67. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с.34.
68. Там же, с.35.
69. Там же, с.54.
70. Семенов Л. П. *Ук. соч.*, сс.51-52; Крупнов Е. И. *Ук. соч.*, с.94; Милютин Д. А. *Заметки о племенах кавказских. Чечня*. *Ук. соч.*, с. 26.
71. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с.36.
72. Там же.
73. *Народы, живущие между Каспийским и Черным морями...* Кистин. Рис. С. Бегрова, СПб, 1822. Цитирую по работе Студенецкой Е. Н. *Ук. соч.*, с.36.
74. Гриценко Н.П. *Современники середины XIXв. о Чечне и чеченцах*. Археолого-этнографический сборник, т. 2, Грозный, 1968, сс.299.
75. Далгат Б. *Материалы по обычному праву ингушей*, с. 330.
76. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников*, с. 162.
77. Семенов Л. П. *Фригийские мотивы в древней ингушской культуре*. Известия ЧИНИИЯЛ, т.1, вып.1, История, Грозный, 1959, сс.210-211.
78. Генко А. *Из культурного прошлого ингушей*. Записки коллегии Востоковедения, т. 5, Л, 1930, с. 731.
79. Семенов Л. П. *Ук. соч.*, с.211.
80. Там же.
81. Семенов Л. П. *Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг.* Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения, тт. П-Ш, Орджоникидзе, 1930, с.378.
82. Крупнов Е. И. *Ук. соч.*, с.94.
83. Plaetschke Bruno. *Die Tschetshenen*. - Hamburg. 1929.

84. *Полное собрание законов Российской империи с/ 649 г., т. XIX, 1770-1774-1830, № 13602, с.267-268.*

85. Норденстамм И. И. *Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера*. Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1, Махачкала, 1940, с. 318; Берже А. П. *Ук. соч.*, с.89.
86. Самойлов К. *Ук. соч.*, с.60.
87. Крупнов Е. И. *Ук. соч.*, с. 134; Исаева Т. А. *Ук. соч.*, с.48.
88. Там же.
89. Даутова Р. А. *Изготовление деревянной посуды вайнахами в эпоху позднего средневековья (по материалам Малхисты и Майсты)*, Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Сб. статей, Грозный, 1983, ее. 78-79.
90. Там же, с.86.
91. Тотоев Ф. В. *Ук. соч.*, с.197.
92. Там же, с. 198.
93. Самойлов К. *Ук.соч.*, с.47.
94. Милютин Д. А. *Ук. соч.*, с.31 об.
95. Аталиков В. М *Иностранные европейские нарративные источники XIII-XVIII вв. по этнографии народов Северного Кавказа*. Автореферат диссерт. канд. исторических наук, Ленинград, 1983, с.14.
96. *История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв*, М, 1958, с.243.
97. В ластов Г. *Война в Большой Чечне*. Русский инвалид, журн., №160, 1856.
98. Ипполитов А. П. *Этнографические очерки Аргунского округа*. Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ), вып.1, Тифлис, 1868, с. 52.
99. Хасиев С. А. *Ук. соч.*, с.20.
100. Норденстамм И. И. *Ук. соч.*, с.325; Самойлов К. *Ук. соч.*, с.47; Хасиев С. А. *Ук. соч.*, с. 19.
101. Норденстамм И. И. *Ук. соч.*, с.325.
102. Ленин В. И. *Полное собрание сочинений*, т.3, с.332.
103. Хасиев С. А. *Ук. соч.*, с.20.
104. ЦГА Да АССР, ф.379, Кизлярский комендант, оп.1, д.63, л.91.
105. *Журнал путешествий по земле донских казаков*. Журнал «Северный архив», М, 1824, № 12, с.262.
106. Там же.
107. Милютин Д. А. *Заметки о племенах кавказских*. Чечня. Отдел рукописей Государственной библиотеки им.Ленина (ОРГБЛ), ф.169, оп.81, д.7, л.21.

108. Студенецкая Е. Н. *Ук. соч.*, с.65.
109. Крупнов Е. И. *Ук. соч.*, с. 102-103.
110. Там же, с. 133.
111. ЦГА Да АССР, ф.379, Кизлярский комендант, оп.1, ед. хр.3162, д.681, л. 19; Исаева Т. А. *Ук. соч.*, с.47.
112. ЦГА Да АССР, ф.379, Кизлярский комендант, оп.1, ед. хр.1171, л.112.
113. Умаров С. Ц. *Исследования средневековых памятников Чечено-Ингушетии*. Археологические открытия 1969 года, м, 1970, сс.125-126; Исаева Т. А. *Ук. соч.*, с.45.
114. Хасиев С. А. *Ук. соч.*, с.24.
115. Крупнов Е. И. *Ук. соч.*, с. 134.
116. Там же, с. 135.
117. Яковлев Н. Ф. *Ингуши*. М.-Л., 1925, с.88.
118. Крупнов Е. И. *Ук. соч.*, с. 137.
119. Яковлев Н. Ф. *Ук. соч.*, с.88.
120. Крупнов Е. И. *Ук. соч.*, с.135.
121. Козенкова В. И. *Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии*. Археолого-этнографический сборник, т.2, Грозный, 1968, с.29.
122. Умаров С. Ц. *Ук. соч.*, сс.125-126.
123. Гриценко Н. П. *Ук. соч.*, с.55; Гантемирова Г. А. *Ук. соч.*, с.34-35.
124. Гриценко Н. П. *Ук. соч.*, с. 57.
125. Там же, с.55-57.
126. Ленин В.И. *Полное собрание сочинений*, т.3, с.332.

*ГЛАВА 7. ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ
ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ
В ХУЛ! - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА*

§ 1. Торговля и торговые связи чеченцев и ингушей в
первой половине XVIII века

Одной из важных проблем социально-экономического развития Чечни и Ингушетии в XVIII — нач. XIX в. является изучение развития торговли и торговых связей как внутри края (между горными и равнинными обществами), так и за его пределами - с Россией и соседними северокавказскими и закавказскими народами.

В работах некоторых современных местных исследователей (Скитский Б. В., Фадеев А. В., Калоев Б. А., Гриценко Н. П., Саламов А. А., Тотоев Ф. В., Исаева Т. А., Ахмадов Ш. Б., Ахмадов Я. З., Умаров С. Ц.), касающихся отчасти политических, экономических и культурных связей чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа и Закавказья, внешние и внутренние торгово-экономические связи рассматриваются преимущественно как обмен товаров и изделий между различными горными и равнинными обществами, или же как обмен и торговля с русским населением в гребенских городках по Тереку и Сунже.¹

Что же касается внешних торгово-экономических связей Чечни и Ингушетии с Россией и соседними северокавказскими народами, то о них приходится говорить, к сожалению, вскользь. Надо полагать, что Чечня и Ингушетия в рассматриваемое время поддерживали торгово-экономические связи с западными и восточными рынками через торговых посредников (купцов-тезиков). Однако почти полное отсутствие прямых свидетельств по этому периоду не дает возможности бо-

лее зримо и детально рассмотреть характер этой торговли даже в самых общих чертах.

В истории внешних торгово-экономических связей XVIII век предстает новым этапом - этапом выхода населения Чечни и Ингушетии к рынкам Российского государства, а также к торговле со странами Востока. Торговые связи Чечни и Ингушетии с Россией, завязавшиеся в XVI-XVII вв., приобретают в этот период постоянный характер, отличаются сравнительно возросшей интенсивностью товарообмена и начинают играть в общем внешнем товарообороте Чечни и Ингушетии немаловажную роль.

В XVIII веке в хозяйственном быту вайнахов товары восточных стран имели значительно более широкое распространение, нежели товары западные. В то же время торговля вайнахов в XVIII веке с Россией, народами Северного Кавказа и Закавказья, в частности в городах Астрахань, Терки, Святой Крест, Кизляр, Моздок, Владикавказ и т.д. имела несравненно большее значение для экономического развития Чечни и Ингушетии, нежели торговля с восточными и западными странами.

Определенную роль играли торговые связи чеченцев и ингушей в XVIII веке с соседними народами Дагестана, Кабар-ды, Осетии, Балкарии и т.д.

Развитие производительных сил в регионе указывает на то, что вывоз сельскохозяйственного инвентаря и хлеба к соседним народам и даже за границу — в Персию,² имел важное значение для расширения отечественного производства. Он не только способствовал росту производству сельскохозяйственных продуктов и изделий ремесла, но и вел к географическому разделению труда. Известно, что производство зерна и изготовление некоторых изделий ремесла, которые вывозились в российские города и даже на восточные рынки, постепенно определяли районы, специализировавшиеся на выработке этих изделий и сырья.

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии, как и на всем Северном Кавказе, интенсивно развивалась также контрабандная торговля. Причиной тому были различного рода запреты царизма на товары, особенно на металлы, золото, се-

В г. Терки постоянно проживали царские воеводы, здесь был сосредоточен большой военный гарнизон, хранились военные и продовольственные запасы. Сюда приезжали послы из Закавказья, князья и мурзы Северного Кавказа.⁸

Начало XVIII века открывает новую страницу в истории терского казачества: с этого времени оно вошло в общий состав вооруженных сил России. Петр I считал, что Северный Кавказ сыграет большую роль не только в усилении военного могущества России, но и в развитии торговли на Ближнем Востоке.

Экономические, политические и культурные связи народов Северного Кавказа с Россией расширяются после того, как Петр I побывал здесь во время Персидского похода в 1722 году. Он установил личные контакты со многими местными владельцами и князьями. Об этом свидетельствуют многочисленные документальные источники. Так, например, в своих письмах за 1722 год на имя царя Петра I горский владелец просит разрешить его торговым людям проезд в г.г. Астрахань и Терки для покупки свинца, пороха, кремней, ружей и др.⁹ Чрезвычайно интересным представляется содержание другого документа, датированного 19 сентября 1722 года, в котором кумыкский Шамхал Адиль-Гирей обращается с просьбой к Петру I "о заплате деньги за арбы, верблюдов и бьжов, дабы оные ныне заплачены были, а именно за 616 арб посланные, да еще губернаторам отправленные за 20 арб." А на второй день, 20 сентября 1722 года, в специальной грамоте Петр I отвечает шамхалу Адиль-Гирею по этому поводу следующее: "... за арбы и бьжов взятые у вас в нашу армию деньги тысячу триста восемь рублей вам (Адиль-Гирею — Ш.А.) заплачены".¹⁰ Повидимому, речь идет о транспорте, приобретенном у горцев для перевозки грузов из районов Северного Кавказа в Астрахань после пребывания здесь Петра I.

Таким образом, для царской армии в общей сложности было вывезено из Терского города в г. Астрахань 636 арб, за которые тарковский шамхал Адиль-Гирей получил тысячу триста восемь рублей. Надо полагать, что горский владелец приобрел эти арбы у периодически выполнявших их заказ чеченских мастеров, которые в XVIII веке славились своим

ремеслом и искусством изготовления различных горских телег и арб. Более того, в данном случае Адиль-Гирей выступает и как крупный торговый посредник. Он, видимо, закупая или обменивая на свои товары арбы у горских мастеров, затем перепродавал их царской администрации втридорога, получая за них тысячи рублей чистой прибыли.

К концу 20-х годов XVIII века торговые связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа и Закавказья принимают систематический характер. Благодаря этому укрепляются прежде всего культурные и политические связи вайнахов с соседними народами и Россией.

Обратимся к материалам, характеризующим торговые связи чеченцев и ингушей с жителями Акса (Дагестан) и гребенских городков (станци). Так, судя по документам, дошедшим до нас из архива Терского коменданта, между окочанскими жителями этого города и аксайскими жителями шла оживленная торговля. Так, в документе архива Терского коменданта от 15 февраля 1726 года сообщается, что с терских окочан Суркая Усманова с двумя его работниками и Умара Минкишиева с одним его работником, которые были пропущены в Аксай "для покупки запасов", также были взяты пошлины.¹¹ Можно было бы продолжить перечень материалов, характеризующих динамично развивающиеся торговые связи окочанских жителей с жителями Акса.

Село Аксай располагалось на правом берегу р. Аксай при выходе ее из гор. Оно было меньше, чем село Андреевское (Эндери), и насчитывалось в нем около 800 домов. "Производимый в оном (с. Аксай — Ш.А.) торг, - повествует документ, - привлекает туда многих соседственных чеченцев, относительно коих также весьма важно сие место".¹²

Вполне естественно также, что горцам было под силу уплачивать таможенные пошлины и получать у царской администрации соответствующие билеты на право свободной торговли в российских городах. Кроме того, горские владельцы чаще участвовали в торговых операциях, нежели простые горцы. Стремление феодализирующейся верхушки Чечни и Ингушетии к политическому и экономическому сближению с Россией объективно отвечало интересам народов Чечни и Ингушетии и было положительным моментом в их истории.

В 1722 году в 20 километрах от устья реки Сулак, где от основного русла отделяется приток реки Аграхани, была заложена русскими властями новая крепость - Святой Крест, которая с этого времени стала новым экономическим и административным центром на Северном Кавказе и в Прикаспии.

Так же, как и вокруг Терского городка, рядом с крепостью Святого Креста очень быстро стали возникать слободки, населенные черкесами, чеченцами, ингушами, кабардинцами и др. Численность населения этих слободок стала быстро расти.¹³ Таким образом, крепость Святого Креста быстро становится средоточием торговли на Кавказе между горцами, Россией и Закавказьем.

Судя по некоторым известиям первой четверти XVIII века и, в частности автора И. Г. Гербера о народах, проживавших вдоль западного берега Каспийского моря, за крепостной стеной Святого Креста имелись торговые заведения, куда приезжали для торговых операций российские купцы, армяне, горные чеченцы, татары и др.¹⁴ Однако торговля чеченцев и ингушей с жителями Терского города и крепости Святого Креста в пору их существования в первой трети XVIII в. была незначительной по объему.

В 1735 году была упразднена крепость Святой Крест, и в том же году основан город Кизляр, как главный административный и торговый центр на Северо-Восточном Кавказе.

В Кизлярском округе проживало до 5223 купцов, мещан, цеховых, отставных солдат, государственных и помещичьих крестьян, дворовых людей, грузин, армян, горцев и татар.¹⁵ В конце XVIII в. в Кизляре возникают 3 гостиных-купеческих дома: русский, армянский и татарский (азербайджанский) -и, кроме того, небольшое число лавок, рынков и лабазов.

Среди других городов Северного Кавказа Кизляр в рассматриваемое время был самым крупным торговым центром. "Кизляр долгое время, — указывает известный кавказовед А.В. Фадеев, - оставался единственным во всем Предкавказье городом".¹⁶ О большом торговом значении Кизляра для Северного Кавказа, центральных районов страны и Закавказья писали современники в самом начале XIX века. "Торг по северной сухопутной границе с Россией, - отмечает С. Броневский,

- главнейшее стечение имеет в Кизляре, потому что через сею таможенно привозят персидские товары и отпускают оные в Персию".¹⁷ Из селения Брагунское горцы вывозили в Кизляр бурки, горское сукно, овчины, шкуры домашних и диких животных, шелк-сырец, лошадей и скот.¹⁸ С Кизляром поддерживали тесные торговые связи и такие крупные чеченские села, как, например, Большой Чечен, Старый-Юрт, Урус-Мартан, Старые Атаги, Аллы, Шали и другие. В Кизляре находились целые улицы, заселенные выходцами из различных областей Северного Кавказа, в том числе и чеченцами и ингушами.

Как известно, на аробные колеса чеченского производства со стороны русских был настолько большой спрос, что власти обложили их высокой пошлиной. В 1771 году казаки подали ходатайство в Сенат об освобождении вышозимых из Чечни колес от таможенных пошлин. Ходатайство казаков Сенат отклонил, мотивируя отказ тем, что он "не находит прямых причин, для которых бы необходимо должно было сделанное до ныне о взятые пошлин при вымене казаками у татар аробных колес таможенное положение уничтожить... и чрез то подавать способ к уменьшению пошлинного сбора".¹⁹

Кроме перечисленных выше товаров, горцы получали от казаков через Кизляр соль, бумажные и шелковые ткани невысокого качества, шелк-сырец, канитель для художественной вышивки, холст, разноцветный сафьян, войлок, посуду, сундуки и мыло. Кроме того, казаки и горцы довольно часто встречались на ярмарках, которые систематически устраивались в казачьих станицах, нередко и в больших горских аулах.²⁰

Как известно, пользуясь близостью Северного Дагестана и Чечни, из Кизляра отправлялись большие группы торговцев мелким товаром, которые по словам Платона Зубова, "изучась различным наречьям горцев, проникают в самые отдаленные ущелья и, пользуясь святостью гостеприимства, производят торговлю с выгодами, едва вероятными, доставляя горцам предметы, делающиеся для них уже необходимостью".²¹

Бывали случаи, когда приезжие российские купцы в торговле с чеченцами и ингушами не всегда соблюдали принцип

эквивалентности и взаимовыгоды. Используя некоторую отсталость и безграмотность горцев, купцы сбывали им низкопробные товары, причем втридорога. Купцы даже прибегали к спаиванию горцев водкой.²²

В своем рапорте генералу Тормасову от 19 января 1811 года генерал Дельпоццо сообщал, что кабардинцы, осетины, кумыки и мирные чеченцы более предпочитают сами привозить свои товары в Российские границы и продавать их по сходной цене, да и с русской стороны гораздо выгоднее покупать их из первых рук, нежели от перекупщиков армян и грузин, которые продают вымененные у горцев вещи русским переселенцам по двойной цене.

§ 2. Торговля и торговые связи чеченцев и ингушей во второй половине ХУШ — начале XIX в.

Торговля Чечни и Ингушетии с соседними народами и с гребенскими казаками, в частности, во второй половине ХУШ века принимает большие масштабы. Так, например, в 1765 г. чеченский владелец Алисултан Казбулатов писал кизлярско-му коменданту о намерении "подвластных своих до ста ароб отправить в казачьи городки для закупки съестных припасов - рыбы, соли и прочее".²⁴

Царская администрация, полагая, что нельзя укреплять позиции России на Кавказе одними военными мероприятиями, с 1760 года начинает обращать основное внимание и на развитие экономических связей с Кавказом. С этой целью 23 декабря 1760 года указом императрицы Елизаветы Петровны был разрешен ввоз на Кавказ различных мануфактурных товаров. Одновременно разрешалось провозить к кабардинцам, кумыкам, брагунцам и осетинам, как подданным России, холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно закрыт.²⁵

В 1765 году правительство отменило пошлину, которую уплачивали кабардинцы и кумыки при покупке товаров и при продаже своих изделий и скота в Кизляре. Содействуя расширению торговли с Кабардой, русская администрация интересовалась и тем, какие товары можно покупать в Кабарде,

Было установлено, что Большая и Малая Кабарда могут продавать мед, воск, просо, ячмень и в большом количестве скот. В соседних с Кабардой чеченских владениях сверх того можно было получать фрукты и пшеницу. У кумыков в Брагунс-ком, Аксайском, Андреевском, Костиковском и в других селениях имелись пшеница, ячмень, пшено, сорочинское просо, овощи, а в лезгинских селах, кроме того, были еще виноград, яблоки, груши, сливы, курага; в Карабулаках - мед, воск, скот и пр.²⁶

В том же 1765 году кизлярское купечество развернуло обширную заграничную торговлю, вывозя из России холсты, разные крашенные материи, сундуки, зеркала, а ввозило персидские ткани и другие товары, а также беспошлинно — шелк. Все эти товары из Кизляра перевозились в Астрахань, откуда они отправлялись в центральные районы страны. Кроме того, Кизляр получал ремесленные товары от кумыков и кабардинцев. Однако вследствие высоких цен, назначаемых купцами за холст и другие товары, кабардинцы не всегда могли покупать их или обменивать на свою продукцию. Комендант г.Кизляра Н. А. Потапов обратился в Государственную Коллегию Иностранных дел с просьбой, чтобы в интересах развития местной торговли и борьбы с дороговизной с привозимых в Кизляр кабардинских и кумыкских продуктов и изделий, а также с продаваемых в Кабарду и Кумыкию товаров, - в Кизляре вовсе не брать пошлины.²⁷

Следует отметить также, что среди народов Северного Кавказа жители некоторых чеченских и ингушских сел были более ущемлены царизмом и лишены торговых привилегий. Если с некоторых товаров и продуктов внутри России и в Кизляре с кабардинцев и кумыков не взималась пошлина, то с других горцев, и, в частности с чеченцев и ингушей, наоборот, она взималась. Случалось и так, что товары чеченцев и ингушей не доходили до покупателей только из-за карантинного или протекционного запрета со стороны царских властей. Так, например, в одном из документов за 1765 год говорится о том, что с кабардинцев и кумыков, и живущих у них армян и грузин, которые будут привозить в Кизляр или же перевозить через Кизлярскую пограничную таможенную хлеб, мед и фрук-

ты для продажи, а также ' домашние от своих трудовых промышленные вещи к покупке здесь на домашние их расходы малоценные товары" пошлина не берется; зато с других горских народов, якобы "неподданных", которые привозят фрукты, орехи грецкие, пшено сорочинское, мед, яблоки и груши, сухие и свежие, курагу, шапталу, воск и прочие непереработанные вещи взималась соответствующая пошлина.²⁸

Дискриминационная политика царизма к отдельным торговым народам на Северном Кавказе определенно выражена в письме от 14 февраля 1765 года к Кизлярскому коменданту Н. А. Потапову владельца Герменчуковской деревни Девлет-Гирей Черкасского. "Ваше превосходительство соизволило мне дать знать через письмо свое, - пишет он, - якобы в Червленской, Щадринской и Каргинской форпосты учреждены карантинны, а я ныне вижу в Щадрине и Каргине карантин не имеется; брагунцы, аксайцы, андреевцы и костековцы в Кизляр пропускаются, а моих людей не пропускают, и крымцы, и кабардинцы проезжают через Чеченской и Врагунской деревни, а к нам из Крыма никто не приезжает, а их дороги лежат чрез Врагунской и Чеченской деревни, а оттуда поедут в кумыцкие жилища. Того ради прошу Вашего превосходительства, ежели Вам противно не окажется и подвластные мои, живущие у Теплых вод людей, прикажите без удержания пропускать в Кизляр, а из Кабарды к нам без нужды никто не приезжает..."²⁹

В письме к Кизлярскому коменданту А.А.Ступишину от 9 апреля 1763 г. чеченские владельцы Расланбек, Бардыхан, Мамат Айдемировы выражали свое недовольство действиями владельца Девлет-Гирей Черкасского, который брал пошлины с горцев, проезжавших через его владения для торговли с гребенскими казаками. В частности, они писали о Девлет-Гирее Черкасском следующее: "... через дорогу в урочище, называемом Келзели (по-видимому, Герзель - Ш.А.), не пропустил (Девлет-Гирей - Ш.А.) и от кунаков наших, купцов, с каждой лошади требует по 20 копеек, а ездить нам через Червленский городок не допустил..."³⁰

В другом письме на имя Кизлярского коменданта от 19 июня 1764 г. Герменчукский владелец Девлет-Гирей сообща-

ет о том, что его подвластные почти вышли из повиновения и отказываются давать аманатов и без его разрешения "ездят для покупки своих потребностей в казачьи городки, поэтому прошу Вашего превосходительства казачьи городки ордерами подтвердить, которые гребенчуковцы (герменчуковцы -Ш.А.) без имеющейся от меня российской печати в оные (казачьи городки - Ш.А.) приезжать будут, то бы их ловили и отправляли к вам". Кроме того, Девлет-Гирей просил власти, если его подвластные люди будут приезжать для торговли даже с другими владельческими печатями в билетах, то их задерживать и доставлять к нему.³¹

Между тем, в адрес кизлярских властей продолжали поступать прошения от переселившихся к русским границам чеченцев и ингушей. Так, переселившиеся на равнинные земли чеченские старшины и уздени 3 февраля 1763 г. сообщали о том, что они будут слушаться своего владельца Арасланбека Айдемирова и без его разрешения не будут торговать в казачьих городках... "От Государыни много милости получали и всегда ездили в казачьи городки для торгу, - писали они, - и в оных казачьих городках мы покупали рыбу и тем своих кормили..."³² Через два года, 24 марта 1765 г., подобное письмо с аналогичным содержанием от старшин Хасанбека, Актулы, Амы, Матая и др., переселившихся на р. Сунжу, было адресовано Кизлярскому коменданту Потапову.

Из письма видно, что чеченские старшины и народ наделись с переселением ближе к Тереку и Сунже получить возможность свободно торговать с русскими. "Наш бедный народ и мы переселились к реке Сунже для того, чтобы наши везде ходили бы вольно, - читаем мы в письме, - и нам самим повольно было ездить в казачьи городки для покупки холста и рыбы и прочих кому потребностей..."³³

Чеченцы и ингуши, в частности, неоднократно выражали свое недовольство ограничениями в торговле. Эти запреты в торговле явились, по-видимому, одной из основных причин выступления чеченцев в 1757-1758 гг.³⁴ Так, например, в своем представлении в Коллегию Иностранных дел некий царский чиновник Абазаце сообщал, что якобы по известиям, поступающим из Кизляра, восставшие горцы стали все чаще

нападать³⁵ на форпосты и другие укрепленные редуты царских властей.

Чтобы избежать уплаты таможенных пошлин, чеченцы и ингуши везли свои товары в Кабарду, а оттуда по безопасной стороне реки Терека - в другие районы. Для сопровождения торговых караванов брали проводников, хорошо знавших окружные пути и получавших за это, видимо, соответствующую плату. Материалы доказывают также, что в рассматриваемое время Чечня и Ингушетия поддерживали торговые связи с Крымом. В рапорте одного русского офицера, находившегося со своей командой в Брагунской деревне, сообщалось Кизлярскому коменданту о том, что житель Брагунской деревни Нурали Шурыгниев ездил в Крым для своих нужд и с крымскими купцами возвратился в Чеченскую деревню (селение Чечен-аул - Ш.А.), за что он, Нурали, стал привлекаться в Кизлярскую гражданскую канцелярию за поездку в Крым без письменного разрешения администрации.³⁶

Торговля с Западным Кавказом не контролировалась кизлярской администрацией, что сказывалось на доходах от торговых пошлин. Поэтому Кизлярский комендант 14 февраля 1755 года писал в Правительствующий Сенат о необходимости сооружения соответствующих пограничных застав для сбора пошлин с товаров, перевозимых горцами с Западного Кавказа на Северо-Восточный Кавказ. С этой целью учреждается целый ряд пограничных таможенных застав в верхнем течении Терека, в урочище Мекень.³⁷

С сооружением царскими властями вблизи Кавказских гор крепких форпостов, в частности вблизи проживания чеченцев и ингушей, последние оказались лишенными возможности торговать с Россией и соседними народами без разрешения царской администрации.³⁸ Ближайшие соседи чеченцев и ингушей - кумыки - также выражали свое недовольство жесткими мерами, связанными с взиманием пошлин на привозимые ими товары. Царский чиновник Давид Абазаце в своем обширном Представлении в Коллегию Иностранных дел о различных народах, живущих за Кизлярской крепостью, писал: "Подданные её Императорского величества кумыки и то уже ныне за тягость себе вменяют и формально жалуются, что

с привозимых ими в Кизляр и отвозных товаров собирается пошлина в такое время, когда внутренняя пошлина совсем уничтожена..." Далее Абазаце указывает на целесообразность открытия в Кизляре менового двора, "чтобы с продаваемых на оном товаров пошлина собираема была с тех, кто товары на оной из Кизляра и в Кизляр со оного повезет".³⁹

Один из пунктов этого Представления затрагивал интересы ингушей. В нем, в частности, отмечалось, что Указом из Правительствующего Сената от 17 марта 1757 г. дано знать о принятии крещения при Осетинской духовной комиссии определенной частью ингушей, живших среди осетин и кабардинцев, с тем, чтобы им дозволено было ездить в Кизляр для торговли.⁴⁰ Как видим, крещеным горцам и, в частности, ингушам также разрешалось беспошлинно торговать в Кизляре.

Чеченцы и ингуши тяготели к Кизляру, ибо только здесь они могли приобрести необходимые товары и соответственно реализовать продукты своего труда, хотя им чинили всевозможные препоны. В письме алдынских старшин (с.Алды) на имя Кизлярского коменданта 21 октября 1758 года говорится о том, что они и присягнули "всемилодивейшей государыне" и "аманатов ежегодно меняли, а потому-де они просят алдынскому народу позволять ездить в Кизляр и в казачьи городки для торга и без торгу свободно и о том, для ведома казакам отписать..."⁴¹

Желание торговать с русскими было не только у равнинных жителей Чечни и Ингушетии, которые имели возможность ездить в Кизляр и в гребенские городки, но и у горных жителей. В письме чеченского владельца Алибека Казбулатова к Кизлярскому коменданту 23 декабря 1758 г. говорится, что к нему приехали люди из селения Таги (по-видимому, сел. Атаги - Ш.А.) Султана Азнаурова (чеченский владелец - Ш.А.) и просили, чтобы он с ними поехал провожать их до казачьих городков, "куда они едут для купечества".⁴²

Документы говорят также о том, что чеченцы и ингуши в рассматриваемое время поддерживали торговые связи со своими ближайшими западными соседями - жителями Малой и Большой Кабарды. Так, в донесении узденей князя Эльмурзы

Бековича Черкасского - Бамата Усеинова, Курман-Али Менькшпиева на имя Кизлярского коменданта отмечалось, что они в 1759 году ездили для торговли в Малую и Большую Кабарду, имея при себе 24 рубашки из холста, перевозка которых вместе с пошлинами обошлась им в 12 рублей.⁴³

Известно также, что гребенские и терские казаки издавна

закупали в Чечне арбы и колеса к ним. Однако высокие пошлины вызывали у горцев недовольство, и они обратились по этому поводу в Военную Коллегию с просьбой об отмене таможенных пошлин. Дело было передано в Сенат, который вынес по этому поводу решение: "Сих ароб и к ним колес казаки не имеют, ибо и прежде сего аробные колеса выменивали с той стороны Терека у татар⁴⁴ на соль, рыбу и холст, без пошлин; ныне же таможенные досмотрщики до того не допускают... к казакам... и деланию ароб, а особливо колес, не только время не достает, но и не имеют...". Комендант Кизляра писал в Военную Коллегию, что "не повелено ль будет терским гребенс-ким и терским семейным, равно и переведенным с Волги и Дона моздокским казакам с горскими жителями соль, рыбу и холст на одни только колеса и арбу мену иметь... без платежа пошлин...". Просьба эта не была уважена. Военная Коллегия, передавшая эту просьбу в Сенат, получила отказ.⁴⁵

Судя про паспортам, выдаваемым царскими властями после уплаты пошлинных денег для свободной торговли в других городах, окочанские (чеченские) жители Кизляра в XVIII веке вели торговлю не только на Кавказе, но и в Астрахани. В одном из документов говорится, что жителю окочанской слободы г. Кизляра Ураку Акаеву с его работниками, то есть подвластными его людьми Коптиалом Кадаргуловым, Алием Аламатовым и Бектемиром Кадаргуловым, в 1774 г. разрешено было выехать в Астрахань "сухим путем на собственных своих подводах, а оттуда и в протчие великорусские города для покупки лошадей сроком на год...".⁴⁶ Несомненно, что Урак Акаев принадлежал к имущей части населения окочанской слободы города Кизляра.

В марте 1773 г. окочанский староста Акай Донгельдиев просил Кизлярскую комендантскую канцелярию выдать ему паспорт для свободного проезда и особый билет кизлярскому

окочанину Мамаке Хусеинову, пожелавшему ехать за товарами в Астрахань, Оренбург и другие российские города "для торгового промысла сроком на пять месяцев". В этих городах он также намеревался продать шелк, привезенный им из Ирана.⁴⁷

Только в начале XIX века были официально открыты на Северном Кавказе меновые дворы. Через сеть меновых дворов на Кавказе царская администрация стремилась усилить свое влияние на местные народы. Министр иностранных дел России граф Нессельроде справедливо заметил, что "главная цель сих учреждений была политическая".⁴⁸

Самым дефицитным продуктом в меновой торговле чеченцев и ингушей являлась соль. "Так же, как и кумыки, большая часть чеченцев и ингушей, — сообщает документ того времени, — получала соль из Шамхальского владения соляного озера Турали (чеченское слово "дуьра" (соленый - Ш.А.), меняя оную на просо и хлеб".⁴⁹ В самом Кизляре существовало в то время множество соляных магазинов различных предпринимателей, где горцы скупали за деньги необходимое количество соли.⁵⁰ Торговлю солью царские власти на Кавказе использовали в своих колониальных интересах. Военный министр Барклай-де-Толли по этому поводу писал, что соляные озера у Тарков, принадлежащие кумыкскому шамхалу, являются весьма важными как в хозяйственном, так и в политическом отношении, поскольку необходимость, в которой находятся лезгины и чеченцы для приобретения соли в пищу, так и для домашних животных, заставляют (горцев - Ш.А.) находиться все время в зависимости от своего владельца, а потому "занятие сих озер Россиию было ближайшим средством укротить их беспокойных соседей".⁵¹

Действительно, соль, как важный продукт в повседневной жизни человека сыграла определенную роль в привлечении горцев царизмом. В 1810 году русское правительство распорядилось учредить на Северном Кавказе меновые дворы, главным продуктом на которых должна быть соль. Генерал Тор-масов в 1811 году предлагал Кавказскому гражданскому губернатору Малинскому открыть в Науре соляной магазин для отпуска соли чеченцам через владельца Мухаммеда Турлова как преданного царским властям человека.⁵²

Архивные материалы убеждают нас в том, что в XVNE веке чеченцы и ингуши выращивали табак специально на продажу, и он среди прочих Табаков по качеству своему котировался выше и оценивался "на рынке дороже". Так, в специальной "Ведомости...", составленной в Кизлярской гражданской канцелярии в 1795 году, среди разнообразных товаров, продававшихся в декабре того же года, называются разные таба-ки: калмыцкий, стоимостью 10 коп. за 1 фунт, саксонский — 8 коп. за 1 фунт, чеченский - 15 коп. за 1 фунт.⁵³ Надо полагать, что местом продажи табака, в основном, являлся город Кизляр, а также другие города.

Равнинные чеченцы и ингуши, жившие по рр. Сунже и Тереку, находились в более выгодных торговых условиях с русскими и соседними кавказскими народами, нежели горные жители. Они пользовались некоторыми льготами, в то время как горные чеченцы и ингуши были лишены их.

Параллельно с обычной торговлей в этот период, как мы отмечали выше, получает развитие контрабандная торговля: горцы сбывали свои товары с помощью кунаков из казаков или родственников из "мирных" жителей, к которым они приходили, миновав казачьи пикеты. При встрече же последние отбирали у вайнахов их товары. Развитие контрабандной торговли в конце XVIII - начале XIX в. свидетельствует о развивающихся товарно-денежных отношениях. Отсутствие цифровых данных затрудняет определение размеров внутренней и внешней торговли в Чечне и Ингушетии в этот период, хотя можно смело утверждать: наблюдается быстрый рост рынка и разрушение натуральной формы хозяйства.⁵⁴

Зарождение торговых центров в самой Чечне и Ингушетии в конце XVIII века было одним из основных условий развития торговли и роста товарно-денежных отношений в крае. Местные торговые центры оказывали воздействие на экономическую жизнь окрестных поселений. Таким торговым центром стал Чечен-аул, который вел широкую торговлю, имея множество лавок. Торговали здесь в основном армяне, грузины и евреи.⁵⁵ В конце XVIII - начале XIX в. другим торговым центром в Чечне стал Старый Юрт, напоминающий настоящий город с лабиринтами улиц и закоулков. Крупными тор-

говыми центрами являлись также Брагуны, Гудермес и другие, а вне Чечни и Ингушетии - Аксай и Эндери.⁵⁶

Несмотря на различные запреты царского правительства на ввоз в Чечню и Ингушетию некоторых товаров, русские, армянские и грузинские купцы продолжали сбывать свои товары чеченцам и ингушам. Так, в письме Брагунского владельца Кизлярскому коменданту от 20 июля 1782 года сообщалось о том, что кизлярский купец, армянин по национальности Хачатур, несколько дней подряд находится с торговлей в Чечне.⁵⁷

В 80-90-ые годы XVIII в. сухопутная торговля через Кизляр достигла чуть ли не уровня торговли морским путем. Если взять в расчет уровень торгового оборота сухопутной торговли через Кизляр за 1777-1783 гг., то вырисовывается следующая картина: "торговля русских купцов составляла сумму 20145 руб.; армянских - 834850 руб.; азербайджанских -12325 руб.; грузинских -12325 руб.; индийских (тезикских) и среднеазиатских - 37000 руб., а всего было реализовано товаров на сумму 916705 рублей".⁵⁸

Так, в 1774-1782 гг. через Кизляр было вывезено русского полотна около двух миллионов аршин, а сукна около 20 тысяч аршин. Словом, через Кизляр вывозились полотна в сотни раз больше, чем ввозилось туда же английского сукна.⁵⁹ Таким образом, к началу 90-х годов XVIII века общий рост торгового оборота увеличивается больше, чем вдвое.

После закрытия в 1762 г. Персидской торговой компании, просуществовавшей 7 лет, в Кизляре, Астрахани, Москве и Санкт-Петербурге сохраняются Главные конторы этой компании, которые открывают широкие возможности вести торговлю русским, закавказским и горским купцам с Персией и другими странами. Если во время Персидской торговой компании в 1760 г. ввоз и вывоз товаров в Астрахани и Кизляре был на сумму 39 100 руб., то после неё оборот составил в 1768 г. 757 000 руб., в 1775 г. - 953 000 руб. В 1793 г. торговля уже приносила чистой прибыли на сумму 1 млн. 500 000 рублей.⁶⁰ Таким образом, торговля Киз-

	1777 г.	1778 г.	1779 г.	1780 г.
--	---------	---------	---------	---------

Привоз	118 539	94 906	558 668	83 765
Вывоз	77 430	80 191	82 460	93 976
Всего	195 969	175 097	641 128	177 711

Эти неполные данные дают представление о торговой роли Кизляра как важного транзитного пункта на Северном Кавказе.

Одной из доходных статей в торговле с Россией и соседними кавказскими народами у чеченцев и ингушей являлся лес. Чечня была богата строевым лесом. Торговлей лесом занимались в основном жители Брагунов, а также жители вайнахских сел, прилегающих к Тереку, Аргуну и Сунже. Строевой лес для сбыта доставлялся в Кизляр; туда же поступал и лес на дрова; для строительства лес шел с верховий Терека.⁶² Исследователь Д. А. Милютин отмечал, что чеченский лес в большом количестве отправлялся по Сунже и Тереку в Кизляр, а также в Астрахань.⁶³

Надтеречные и присунженские чеченцы зимой заготавливали строевой и дровяной лес, а весной в половодье сплавляли его в Кизляр. Ежегодно в Кизляр сплавлялось от 500 до 800 плотов строевого леса. Один плот стоил от 30 до 50 рублей серебром, и это давало чистой прибыли около 25 тысяч рублей.⁶⁴

Чеченцы и ингуши вместе с кумыками доставляли в Кизляр таркалы (колья для поддерживания виноградных лоз в садах), ежегодно от 5 до 6 тысяч арб; за одну арбу платили от 3 до 5 руб. серебром, что давало дохода от 20 до 30 тысяч рублей...⁶⁵

Немалый доход приносила вайнахам продажа обручей и бочарных досок, которые доставляли они в Кизляр. За тысячу таких досок они получали по 30 рублей.⁶⁶

Изделия лесной промышленности, сырая нефть, соль, а так-

же изделия кустарных промыслов составляли в конце XVIII века значительную часть рыночных товаров Чечни и Ингушетии.

Горные жители Чечни и Ингушетии самым тесным образом были связаны своими нуждами с равнинными чеченцами и ингушами. Чеченцы, жившие в верховьях Аргуна, получали пшеницу, ячмень, просо, кукурузу и соль от жителей равнинных деревень в обмен на мед, воск, шерсть, сукна, ковры, звериные шкуры, бурки, сафьяны из козлиных шкур и т. д.⁶⁷

В XVIII веке в Чечне и Ингушетии имело место и работорговля. Рабство являлось источником дарового труда. Рабы жили в доме хозяина, и он контролировал все дела своего работника. Эксплуатация рабского труда в Чечне и Ингушетии происходила в основном при господстве натурального хозяйства. Рабство здесь носило глубоко патриархальный характер. Основными занятиями рабов были земледелие и скотоводство. Источником пополнения рабов являлось пленение людей другой национальности.

В 1708 г. казаки жаловались русскому правительству, что горские жители и ногайцы, совершив в 1707 году разорение гор. Терки, увели в плен многих людей и распродали в разные места, а часть их держат у себя в неволе.⁶⁸ С.Броневский также сообщает, что большое число пленников-рабов составляют люди кавказского происхождения, среди них встречаются магометане и горцы, захватываемые в междоусобных распрях или продаваемые родителями из-за нищеты.⁶⁹

Рабы (лай), как даровая сила, пользовались определенным спросом на меновом рынке. Вот что сообщают документальные источники середины XVIII века. В 1758 г. в октябре месяце чеченец Тувадак Зумаутов из фамилии Цонторлы (Цонта-рой - Ш.А.) сел. Чечень-аул продал в Кабарду, Тамбиев Кабак, двух рабов за 240 баранов. Там же, в это время Солтан Марашев из фамилии Ширдиев, сел. Герменчук продал одного ясыря за 114 овец и одну лошадь.⁷⁰ Было время, рассказывают источники, когда рабов продавали за 7 аршин ситца.⁷¹

С сооружением Кавказской Линии рыночная стоимость рабов, естественно, возросла. Рынками сбыта рабов и военнопленных служили ближайшая кумыкская деревня

Эндери (Андреевская) и кабардинское село - Тамбиев кабак. Так же, как и другие кавказские народы, чеченцы и ингуши продавали пленных в Эндери и обменивали их на порох, соль, хлеб, редко на деньги. В одном из донесений генерал-лейтенанта Дугласа Кизлярскому коменданту генералу Левашову указывается, что азовские купцы по паспортам, выданным русскими властями, беспошлинно ездят со своими товарами в кумьщ-кие селения, а после продажи тех товаров с большим количеством (до 200 и более человек) купленных ясырей (пленников) возвращаются обратно.⁷² В другом документе за 1755 год сказано, что костековские, чеченские, андреевские и брагунские владельцы, испытывая недостаток в холсте, кумача, выбойках, бумажных материалах, саблях, свинце, порохе, фузях, кремнях, огнестрельном оружии, а также в лошадях, охотно меняли пленников "на выше означенные товары почти за самую малую цену, а те татары (купцы из Крыма и Кубани - Ш.А.) оных пленников, связанных и скованных, отвозят в Крым и Кубань".⁷³

Со второй половины XVIII века большое значение для сближения горских народов с русским населением начинает играть крепость Моздок, ставшая крупным форпостом в центральной части Северного Кавказа и важным узловым пунктом, связывавшим юг России с Грузией.

Основанный в 1763 г. в качестве форпоста Моздок стал играть важную роль в укреплении русской пограничной линии, в развитии связей Кавказа с Россией. В 1765 году он был преобразован в крепость, имевшую свой военный гарнизон, до 40 орудий и комендантское управление.⁷⁴

С основанием крепости Моздок торгово-экономические связи чеченцев и ингушей, естественно, еще более расширились.

Несмотря на всевозможные препоны, чеченцы и ингуши вели торговлю с осетинами и кабардинцами в Моздоке. Так, кизлярским жителем окочанином Рамазаном Алабердыевым было продано в апреле 1776 года в Моздоке осетину Алию Чичуеву: спиннок северных тридцать штук за 1 руб. 40 коп.; соли три сабы за 1 руб.; спиннок (рыбы - Ш.А.) четырнадцать за 1 руб.; мешину одну за 20 коп.; соли четыре сабы за 1 руб. Всего на 4 руб. 60 коп.⁷⁵ В то же время Рамазаном Алаберды-

евым было продано в Моздоке жителю Малой Кабарды Балу Чеботукову спиннок северных 48 шт. за 3 руб. 85 коп. В этом же месяце другим кизлярским окочанином Очаром Байбатовым было продано в Моздоке жителю Малой Кабарды Ацуке Плазу спиннок северных 100 шт. за 6 руб.⁷⁶

Жители Кавказа издавна знали, что в Чечне имеется нефть, в отдельных местах выходящая на поверхность земли. С незапамятных времен ею пользовались чеченцы и ингуши для лечения скота, смазывания арбных колес, и даже для освещения жилых помещений.

Отдельные жители чеченских деревень, главным образом из имущей части населения, постоянно занимались добычей нефти и ее продажей своим соседям, в том числе казакам.

Видя большой спрос на нефть со стороны соседей и предвкушая большие выгоды от нее, имущие слои чеченцев и казачества стали монополизировать нефтяные источники - колодцы. В это время появляются и торговые посредники по продаже нефти. Так, например, в своей жалобе начальству казаки указывали, что нжий отставной корнет Диков, как торговый посредник, захватив в свои сбыт нефти, стал перепродавать ее населению по высокой цене, а потому они (казаки) просили избавить их от посредничества Дикова.⁷⁷

Захваченные еще во второй половине XVIII века чеченскими владельцами и князьями нефтяные колодцы были изъяты у них царскими властями и переданы в распоряжение Кавказского линейного полка, который сам стал их сдавать в откуп.

Из сказанного можно сделать следующие выводы. В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии происходит дальнейшее укрепление и расширение торгово-экономических связей с Россией и соседними северокавказскими народами.

Главными предметами торговли чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа были традиционные товары и изделия: чекмени, бурки, башлыки, арбы, колеса, продукты земледелия, животноводства и охоты.

Через Астрахань, Терский город и Дагестан в Чечню и Ингушетию поступали российские, восточные и отчасти западноевропейские товары. С появлением новых городов

на Северном Кавказе, таких как крепость Терки, Святой Крест, Кизляр, а позже Моздока - экономические связи чеченцев и ингушей в данном регионе с Россией и Закавказьем усиливаются.

Определенную роль в укреплении торгово-экономических связей Чечни и Ингушетии с соседними народами Кавказа продолжали играть торговые центры Дагестана: Брагуны, Эндери, Аксай, Костек и т. д.

Со второй половины XVII века в торговых связях Чечни и Ингушетии с Россией и соседними народами Кавказа наблюдается тенденция развития денежных отношений. Зарождение и развитие элементов денежных отношений было свойственно в основном для равнинной части края. Товарно-денежные отношения способствовали углублению разделения труда в Чечне и Ингушетии, главным образом в равнинной ее части. Развитие внутренней торговли можно объяснить образованием в Чечне торгово-ремесленных селений - Гудермеса, Шали, Герменчука, Старые Атаги, Чечен-аула, Алды и т. д.

Горные районы Чечни и Ингушетии, оторванные в зимнее время от равнинной части, а также из-за отсутствия удобных дорог, были менее втянуты в торгово-экономические связи с соседними народами.

Развитию торговли и товарно-денежных отношений в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время мешали всевозможные ограничения и запреты царской администрации. Однако несмотря на все препоны царизма, социально-экономическое развитие Чечни и Ингушетии шло по восходящей линии, а тенденция развития торгово-экономических связей чеченцев и ингушей с Россией и кавказскими народами в XVIII - нач. XIX в. все более возрастала и расширялась.

Использованная литература и источники:

1. Скитский Б. В. *Очерки истории русских народов*, Орджоникидзе, 1972; Фадеев А. В. *Из истории русско-чеченских связей*, Вестник Московского университета, Историко-филологическая серия, №1, М, 1959; Калоев Б. А. *Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей*, Журнал "Советская эт-

нография", №1, М, 1961; Гриценко Н. П. *Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом*, Грозный, 1965; *Истоки дружбы*, Грозный, 1975; Саламов А-Х. А. *Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI - XX вв.)*, Известия ЧИНИИИЯЛЮ, т.3, вып.1, Грозный, 1963; Тогоев Ф. В. *Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII века)*, Известия СОНИИИ, т. 2 5, История, Орджоникидзе, 1966; Исаева Т. А. *К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII веке*, Известия ЧИНИИИЯЛ, т. IX, ч.1, Грозный, 1974; Ахмадов Я. З. *Из истории чечено-русских отношений* Из истории чечено-русских отношений. Сборник статей "Вопросы истории Дагестана", т.2, Махачкала, 1975; Умаров С. Ц. *Навеки вместе*, Грозный, 1980, и др.

2. Вроцкий Н. В. *Чечня как хлебный оазис*. Сборник сведений о Терской области, вып.1, Владикавказ, 1878, с.270.
3. *Государственный архив Астраханской области*, г.Астрахань, (в дальнейшем ГААО), ф.681, оп.6, д.29 (1718-1725 гг.), л.27. ГААО, ф.681, оп.6, д.26 (1725 г.), л.31.
5. Юхт А. И. *Русско-восточная торговля в XVII - XVIII вв. и участие в ней индийского купечества*, История СССР, № 6, М, 1978, с.49.
6. Фехнер М. В. *Торговля русского государства со странами Востока в XVI в.*, М, 1956, с.32.
7. Заседателева Л. Б. *Терские казаки*, М, 1974, с. 193.
8. Гриценко Н. П. *Истоки дружбы*, Грозный, 1975, с.27. *Русско-дагестанские отношения (XVII - первая четверть XVIII в.)*, Документы и материалы, Махачкала, 1958, с.274.
10. Там же, с. 226.
11. ЦТ А ДаАССР, ф.335, *Терский комендант*, оп.1, д.4451, л.2 об.
12. Там же, лл. 3-3 об.
13. Фадеев А. В. *Из истории русско-чеченских связей*. ВМУ, Историко-филологическая серия, №1, М, 1959, с.221; *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.*, т.1, М, 1967, с.139; *Русско-дагестанские отношения в XVII -первой четверти XVIII в.*, Махачкала, 1958, ее. 105, 114, 115.
14. *История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв.* М, 1958, с.63.
15. АКАК, т.2, Тифлис, 1868, с.923.
16. Фадеев А. В. *Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период*, М, 1957, с.63.

171

17. Броневский С. *Указ*. Соч., ч.2, М, 1823, ее.213-214.
18. Гриценко Н. П. *Истоки дружбы*, Грозный, 1975, с.49.
19. Рукописный отдел Института истории Дагестанского филиала

- АН СССР, оп.1, ф. 1, д. 47, л. 75.
20. Там же, л. 74.
 21. Там же, д. 63, с.32.
 22. Броневский С. *Ук. соч.*, ч.2, М, 1823, с. 138; Тотоев Ф.В. *Ук. соч.*, с. 11.
 23. АКАК, т. IV, № 1263, Тифлис, 1869, с. 834.
 24. Ахмадов Я. З. *Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVUIв*, Ук. соч., с. 13.
 25. Смирнов Н. А. *Политика России на Кавказе в XVJ-XIXвв.*, М, 1968, сс.85-86.
 26. *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIIIвв.*, Сборник документов, т. II, М, 1967, с.240.
 27. Тамже,с.250.
 28. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.1, д.3263, л. 2 об. *К числу "неподданных" горских народов, о которых говорит документ, принадлежали, так называемые "немирные чеченцы" (в противоположность "мирным чеченцам"), не присягнувшие официально царским властям, т.е. не принявшие российского подданства.*
 29. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.1, д.3263, л.2 об.
 30. Тамже,д.3260,л.91.
 31. Там же, д.3303, л.89.
 32. Тамже,д.3274,л.32..
 33. Тамже,д.3260,л.70.
 34. Бутков П. Г. *Материалы для новой истории Кавказа*, т.1, СПб, 1869, с 259.
 35. АВПР, МИД СССР, ф. 110, *Сношения России с Грузией*, оп. 110/1, д.5,л.1.
 36. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.1, д.3615,л.8.
 37. Там же, д.3466, л.48 об.
 38. АВПР МИД СССР, ф.110, *Отношения России с Грузией*, оп. 110/1, д.5,л1.
 39. Тамже,л.4.
 40. Там же, л. 9.
 41. Бутков П. Г. *Ук. соч.* ч.1, СПб, 1869Ж с.259.
 42. АВПРМИДСССР,ф.115,Яабардтгяскяедела,оп. 115/1,д.Ю, лл.1-3.
 43. ЦГА ДаАССР, ф.379,оп.1, л.3381, л.б.
 44. *Татарами называли в то время всех горцев, в том числе чеченцев и ингушей.*
 45. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.*, т. 19, 1770-1774-1830, №13602, сс.267-268.
 46. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.1, д.3014, л.74.
 47. Тамже,оп.1,д.2973,л.26.
 48. *Отношения гр. Несельроде к гр. Паскевичу от 8 апреля 1830 г.* АКАК, т.УП, № 860, Тифлис, ф1859, с.891; Тотоев Ф. В. *Ук. соч.*, с.8.
 49. *Рукописный флдИнститута Дагестанского филиала АН СССР*, оп.1,ф.1,д.296,с.188.
 50. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.2, д.2547, л.7; д.2492, л.97.
 51. Тотоев Ф. В. *Ук. соч.*, с. 9.
 52. ЦГА ДаСССР, ф.379, оп.2, д.2482, л.24 об.; Тотоев Ф.В. *Ук.соч.*, с.9.
 53. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.2, д.2482, л.24 об.
 54. Тотоев Ф. В. *Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в.)*, *Ук.соч.*, ес. 14-15.
 55. *Кавказский сборник*, т.10, Тифлис, 1886, Примечание к стр.34; Тотоев Ф. В. *Ук. соч.*, с. 15.
 56. Потто В. *История 44-го драгунского Нижегородского Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича полка.*, т.1, СПб, 1884, с. 116; *Материалы по истории Чечни и Дагестана*, т.3, ч.1, Махачкала, 1940, с.318; Тотоев Ф. В. *Ук. соч.* с.15.
 57. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп.1, д.2723, л.62.
 58. Маркова О. П. *Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в.*, М, 1966, с. 78.
 59. Там 94.
 60. Небольсин г. *Статистические записки о внешней торговле России*, ч.2, СПб, 1835, с. 149.
 61. Маркова О. П. *Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII в.* Ученые записки Института Востоковедения АН Азербайджанской ССР, №1, Баку, 1959, с. 113.
 62. *Кавказский сборник*, т.18, Тифлис, 1897, с.476; Тотоев Ф.В. *Ук. соч.*, с.12.
 63. РО библ. им. В. И. Ленина, ф.169, папка 81, д.7, л.30. (Д. А. Милютин, Чечня).
 64. *Материалы по истории Дагестана и Чечни*, т.3, ч.1, с.318; РО

- библ. им. В. И. Ленина, ф.169, папка 81, д. 7, л. 730 об.; Тотоев Ф. В. *Ук. соч.*, с. 12.
- 65 РО библ. им. В. И. Ленина, ф.169, папка 81, д.7, л.30 об.; Тотоев Ф. В.
- 66 *Материалы по истории Дагестана и Чечни*, т.3, ч.1, с.318 Там же; РО библ. им. В. И. Ленина, ф.169, папка 81, д.7, лл.29-29 об.; (Д. А. Милютин, *Чечня*); Норденстамм И. И. *Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера*. Материалы по истории Дагестана и Чечни, т.3, ч.1, Махачкала, 1940, сс3 17-318; Тотоев Ф. В. *Ук. соч.*, с. 14. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.*, т.4,1700-1712 гг., СПб, 1830, док. № 2207, с.421.
- 68 Броневский С. *Новейшие открытия и исторические известия о Кавказе*, ч.2, М, 1823, ее. 198-199.
- 70 Тотоев Ф. В. *Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII - 40-ые годы XIX в.)*. Известия ЧИНИИ-ИЯЛ, т.8, вып.1, Грозный, 1969, с.192. Там же.
- 71 АВПР МИД СССР, ф.110, *Отношения России с Грузией*, оп.110/1, д.3, л.6, 1754 г. Там же, л.2.
- 72 Блиев М. М. *Присоединение Северной Осетии к России*, Орджоникидзе, 1959, сс.56-57. ЦГА ДаАССР, оп.1, д.2881, л.104. Там же, оп.1, д.2881, л. 104. АКАК, т.5, №972, Тифлис, 1869, сс.843-845.
- 75,
76
77.

РАЗДЕЛ II.
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ
ЧЕЧНИ И ИНГУШЕТИИ
В XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И СТРУКТУРА ВАЙНАХСКОГО ОБЩЕСТВА
В XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

§ 1. Социально-имущая категория общества.

Вопрос о социальных отношениях и структуре вайнахского общества в XVIII веке в исторической науке до сих пор остается слабо разработанным. Первые исторические сведения о социальных отношениях или структуре чеченцев и ингушей содержатся в литературе XVIII в. Их авторами выступали ученые-путешественники или военнотружущие царской армии, писавшие по заданию Российской Академии наук (И. Г. Георги, И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, С. Д. Бурнашев, Г. И. Гербер и др.).

С XIX в. о Чечне и Ингушетии писали, как правило, царские офицеры, лица гражданской администрации и отчасти местная интеллигенция, и содержание их работ составляли общие исторические и географические сведения о крае, не вдаваясь в серьезный анализ социально-экономической жизни народа. Более того, высказывания дореволюционных авторов базировались на личных наблюдениях и этнографических материалах, реже на письменных источниках. Поэтому выводы авторов об уровне социально-экономического развития вайнахов в XVIII в. страдают крайней тенденциозностью¹.

Отсутствие на сегодняшний день единого мнения у исследователей относительно общественного строя чеченцев и ин-

гушей в XVIII в. объясняется, во-первых, некритическим восприятием наследия дореволюционных историков, во-вторых, слабой изученностью архивных и других материалов, на что в свое время справедливо указывал выдающийся кавказовед, профессор Е. И. Крупнов².

Цель очерка состоит в следующем: используя преимущественно новые архивные материалы, а также на основе анализа результатов предшествующих научных исследований, охарактеризовать некоторые характерные черты и особенности социальной структуры вайнахского общества в XVIII в.

У чеченцев и ингушей еще до указанного времени существовала частная собственность на пахотные, пастбищные, сенокосные земли, а также дома, скот и т. д. В горных районах было налицо имущественное неравенство не только между отдельными семьями, но и родами - тайпами. Богатые имущие семьи и сильные тайпы эксплуатировали труд беднейших крестьян и слабые тайпы. Тайпы XVIII в. являлись пережиточным явлением патриархально-родового строя. Они состояли из богатых и бедных людей. «По этнографическому материалу, неоднократно фиксируемому нами в горной Ингушетии, - пишут грузинские исследователи Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе, - население различало сильные и слабые тайпы, среди которых именовались «эзди тайпы», а вторые - «лай тайпы»³.

Среди семей встречались также и такие, которые имели в своем владении много земли и эксплуатировали труд соплеменников и рабов. В то же время были семьи, совершенно не располагавшие средствами производства. С переселением чеченцев и ингушей с гор на более обширные и плодородные равнинные земли родовые отношения окончательно разрушаются — на смену семейной общине приходит территориальная община, которая способствует становлению частной собственности, а термины «старейший в роде», «знатные в роде», «влиятельны в роде», «старшины», «уздени» и другие приобретают социальное значение.

Вайнахские князья, феодалы, владельцы, почетные и влиятельные старшины, знатные уздени и другие богатые люди, составлявшие социально-имущую категорию населения, о которых так часто говорят архивные материалы и литератур-

ные источники, - это не что иное, как феодальная или феодализирующаяся верхушка вайнахского общества. Все они, в зависимости от своего сословного происхождения, размеров земель и других владений, а также социального положения занимали различные места на феодальной иерархической лестнице. Во главе села или общества, или нескольких сел стояли князья (элий) и феодальные владельцы, которые осуществляли верховную власть во владении. После них по своей социальной значимости стояли старшины (старейшины) - наиболее многочисленное сословие, за ними шли знатные уздени, чанки, торговцы (купечество, чеч-со-вдегарш), мусульманское духовенство, жрецы, бабччи (военные вожди) и т. д.

На наш взгляд, вполне обоснованы предположения тех исследователей, которые считают, что княжеская верхушка в Чечне и Ингушетии была в значительной мере уничтожена еще на протяжении XVI-XVII вв. широкими антифеодальными движениями, которые выросли именно из конфликта между интенсивно развивающимися производительными силами и сдерживающими их развитие феодально-родовыми отношениями. Бурное развитие производительных сил вайнахов было связано, на наш взгляд, с процессом возвращения их в XV-XVII вв. на плоскость и освоением здесь плодородных земель. Вполне логично отсюда и предположение известного кавказоведа-этнографа В. К. Гарданова, который, указывая сведения о мощной антифеодальной борьбе, охватившей в XVII в. все народы Северного Кавказа, допускает, что именно в это время княжеской верхушке в Чечне и Ингушетии был нанесен особенно сокрушительный удар, чем и объясняется, по его мнению, последующая слабость феодальной прослойки у вайнахов по сравнению с соседними горскими народами⁴.

Предположения профессора В. К. Гарданова становятся еще более убедительными, если обратиться с сообщением по этому поводу дореволюционного исследователя С. Броневского, который, опираясь на документальные сведения И. А. Гюльденштедта XVIII века, также указывает что «чеченцы не имеют своих князей, коих они в разные времена истребили, а призывают таковых из соседственных владений, из Дагестана

и Лезгинистана, наипаче от колена Аварского Хана; но сии князья малою пользуются доверенностию и уважением»⁵.

Однако слабость позиции пришлых князей и феодалов в Чечне и Ингушетии вовсе не означала их полного отсутствия здесь. Документальные источники на протяжении XVI - XVII вв. фиксируют в Чечне и Ингушетии довольно значительное количество крупных феодалов, которые фиксировали здесь под наименованием мура, беков, князей и владельцев. Некоторые из этих феодалов были кабардинского или кумыкского происхождения, которые с помощью царского оружия стремились распространить свою власть на трудовых чеченцев и ингушей, другие же приглашались от соседних народов Северного Кавказа отдельными обществами для управления ими; однако имелись феодалы и вайнахского происхождения.⁶

Насколько подтверждают материалы, власть пришлых, иноплеменных князей и феодалов распространялась в основном на равнинные села вайнахов. Так, в первой четверти XVIII в. эндерийские (кумыкские) князья Айдемир и Мусал Чапаловы владели «знатною частью чеченцев». В 20 годах XVIII века князь Терлоев (аварский), имея ставку в сел. Буюк-кент (по-видимому, Бугун-юрт (Алда - Ш.А.), владел чеченскими селами, расположенными по р. Сунже. В 30-х годах XVIII в. кумыкский князь Айдемир Бардыханов управлял чеченскими селами: Большие Чечни и Большие Атаги. На чеченцев, живших в Брагунской деревне, распространял свою власть кумыкский князь Мудар. В 40-х годах XVIII века кабардинский князь Девлетгирей Черкасский владел чеченскими селами Герменчук и Шали. В 60-х годах XVIII в. карабулаки, одноплеменцы чеченцам и ингушам, жившие в вершинах рек Сунжи, Аксая, Васай-су и Бал и имевшие не более 300 дворов, зависели от эндерийских, брагунских и некоторых кабардинских князей и давали им подать. «Народ ингуши, известные также под именем кистов или киштинцев, - указывал П. Г. Бутков, - обитающий между рек Терека и Сунжи», также испытывал притеснения аксайских и кабардинских князей⁷.

В 1758-1759, 1760-1770-х годах в Чечне и Ингушетии

прокатилась целая серия крупных антифеодальных и антиколониальных восстаний горцев, в результате которых многие пришлые князья и владельцы вынуждены были уйти вовсе или перебраться на реки Сунжа и Терек. Однако и после этого часть вайнахских сел оставалась данниками пришлых соседних князей. В этом им активно помогала царская администрация. К таким селам вайнахов относятся, в частности, сел. Чахкари (позже на этом месте царскими властями была заложена крепость Воздвиженская -Ш.А.) - владелец Алихан Нурмаматов; с. Гехи - владелец Кайтука Баков; Сунженская деревня - владелец Албек Батырханов⁸ и т. д.

Надо полагать, что для приглашения иноплеменных князей и владельцев в Чечню и Ингушетию в разные времена имелись важные причины. Вайнахам, по-видимому, очень удобно было приглашать для управления чужих князей и феодалов, чем иметь своего соплеменника. Очевидно, учитывалось, что от феодала-чужака легче можно избавиться, чем от своего соплеменника, на защиту которого мог стать могущественный род, как это не раз случалось. По мнению исследователя И. М. Саидова, «выбирать правителей из числа своей знати чеченцы и ингуши опасались по той причине, что представители знати, опираясь на своих родственников (однотайповцев - Ш.А.), могли упрочить свою власть и не считаться с интересами населения»⁹.

Как известно, со второй половины XVIII в. и, в частности, после начала антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне и на Северном Кавказе во главе с Майсуром в 1785-1791 гг. число иноплеменных князей и феодалов в крае резко уменьшается, а в некоторых вайнахских селах вовсе исчезает. Зато быстро растет в Чечне и Ингушетии число местных владельцев, особенно старшин и богатых узденей. «Со времени проповедника Ших-Мансура чеченцы, - указывает С. Броневский, - все вообще приняли магометанский закон... и управляются они выборными старшинами»¹⁰ (подчеркнуто мною - Ш.А.). Определенного внимания заслуживают сведения того же исследователя С. Броневского о вайнахских князьях в прошлом и приглашении их от своих сосе-

дей. В частности, он пишет: «Чеченцы имели прежде князей, но впоследствии истребили их и прибегли к своим соседям, особенно к владельцам Аварии, прося дать им кого-нибудь из родственников владычествующего дома; а как замечено неоднократно, что чеченцы, народ свирепый и буйный, не только не уважают чужеземных князей, но даже приносят их в жертву жестокого своего характера и самоуправства, что чеченцы принуждены избирать из среды себя старших (подчеркнуто мною - Ш.А.), хотя, невольно на то соглашающиеся».¹¹

Говоря о формах зависимости крестьян, по-видимому, в прошлом у чеченцев и ингушей, живущих как в горах, так и на равнине, существовал неписанный закон «обычай», согласно которому они должны были платить подати князю или владельцу сугубо по своему усмотрению, отдавая предпочтение тому князю «владетелю», который наверняка более последовательно и настойчиво защищал бы интересы подвластных горцев как внутри своего общества, так и за его пределами (в связях с соседними народами и царской администрацией в Кизляре), и предоставлял бы им широкие возможности для торговли с народами Кавказа и Россией. Об этом говорит тот факт, что в одном из писем от 15 ноября 1784 г. на имя Кизлярского коменданта И. С. Вешнякова чеченская княгиня Крымхана Росланбекова, по-видимому, жена или дочь покойного чеченского князя Расланбека Айдемирова (кумыкского происхождения) сетует на то, что с живущих на Сунже, у Амирханова брода, ее подвластных чеченцев, ранее переселившихся сюда, еще при жизни князь Расланбек «брал по их согласию подать, по обычаю». Ныне же подвластные не хотят ей (княгине - Ш.А.) давать подати, а «желают отдавать оную (подать - Ш.А.) брагунскому владельцу Кучуку, который хочет над оными властвовать».¹²

Кроме того, встает вполне резонный вопрос, были ли у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время наряду с феодалами «варяжского» типа владельцы или феодалы вайнахско-го происхождения? Мы склонны считать, что в рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии были владельцы местного происхождения. В документальных источниках называются феодальные владельцы с типично чеченскими именами: Туей,

сын Султана; Мурза, сын Казы¹³. Отдельные представители чеченских социальных верхов в документальных источниках начала XVIII в. выступают под названием «бей». Так, в одном из архивных документов, приводимом в сборнике «Материалы по истории Башкирской АССР», сообщается о том, как участник восстания в Башкирии в 1707 г. уфимец султан Мурат «ушел к чеченцам, которые живут близ Терека», и в частности, «к бею Амирамзе ... и бей де чеченской велел ему быть к себе ...и в Чечнях зимовать по прощению его!...»¹⁴. Сословный термин «бей», которым называется здесь чеченский владелец Амирамзе, не должен нас смущать, поскольку в дореволюционной исторической литературе представители сословной знати вайнахов обозначаются различными терминами, бытовавшими у соседних народов и заимствованными русскими источниками у последних.

В другом архивном источнике за 1749 г. сообщается о челобитной знатного чеченского владельца Умара Минкишиева и его товарищей (живших в Кизляре), поданной в Астраханскую губернскую канцелярию с просьбой вернуть им пахотные земли, которые якобы в прошлом принадлежали их прадедам, а ныне те пахотные земли, отнимая от них, дают приезжим купецким армянам и прочим чинов людям¹⁵. Из челобитной явно следует, что Умар Минкишиев и другие чеченцы — вполне сложившиеся к этому времени феодалы-землевладельцы.

В документах, относящихся к 1760-1770 гг., в числе других чеченских владельцев-феодалов называются владельцы Чопан Турлов (сел. Алды) и Мамакай Гиреев (урочище Кач-калык), которые имели своих подвластных крестьян. Чопан Турлов назван также в письме Кизлярского коменданта на имя чеченского владельца Алисултана Казбулатова от 12 марта 1762 г., в котором сообщается о том, что селение чеченского владельца Расланбека Айдемирова находилось во владении князя Турлова и называлось Качка лык.¹⁶

Данный факт свидетельствует о том, что часть вайнахских владельцев в рассматриваемое время, как представляется, находилась в некоторой зависимости от князей (элий), хотя на сегодняшний день представляется трудным определить, в чем

выражалась эта зависимость. Спустя некоторое время, т. е. 17 ноября 1771 г., тот же чеченский владделец Р. Айдемиров вынужден был обратиться за помощью к Кизлярскому коменданту Ф. И. Паркеру в связи с неповиновением ему подвластных чеченцев. В частности, он указывал, что подвластные ему жители не желают переселиться вместе с ним на земли, специально отведенные царскими властями на р. Сунже, недалеко от Горячих колодцев, а более того чеченцы отказываются выплачивать ему положенный ясак (подать).¹⁷

Другой владделец Мамакай Гиреев, живший в урочище Качкалык, упомянут в письме Кизлярского коменданта к андреевским владельцам, в котором он просит защиты от Андреевских (кумыкских) владельцев, притязавших на его пахотные и сенокосные земли.¹⁸

Вслед за князьями (элий) и владельцами по своей сословной и социальной градации, т. е. по статусу, стояли вайнахские старшины - наиболее многочисленное сословие в Чечне и Ингушетии. Они, естественно, зависели от первых и подчинялись им. Об этом говорят многочисленные документальные источники. Большинство старшин считалось потомками и родственниками вайнахских князей и владельцев, но были и такие, которые не имели никакого отношения к княжескому происхождению. Так, например, в письме от 14 февраля 1764 г. на имя чеченского владельца Расламбека Айдемирова местные старшины из селений Чечен-Аул - Лавараслан, Ида, Мата, Сулейман, Казанби, Акмирза, Урус и Мичи называют Айдемирова своим владельцем и считаются все его подвластными. Из письма шибутских старшин на имя чеченского князя Эльмурзы Черкасского от 5 июля 1764 г. явствует также, что князю «владельцу» Девлетгирею Черкасскому были подвластны не только равнинные алдынские и герменчукские старшины и «простой народ», но и шибутские (горный Шатой) старшины Аллам Данаев, Аджи Джанаев и др. старшины с их подвластным населением.¹⁹

При всей внешне кажущейся зависимости и покорности местных старшин от владельцев и князей в отдельных случаях некоторые чеченские старшины открыто высказывали свое недовольство действиями владельцев или князей и даже от-

казывались выполнять их условия. Так, в письме от 12 января 1782 г. на имя Кизлярского коменданта А. М. Куроедова мичкизские старшины (жители чеченских сел по р. Мичик - Ш.А.) Актола, Айваза, Тонгара, Биймурза, Батрасхан, Мурза, Санби, Таштамир, Азнаур, Даут, Чопан, Солтан, Арслан, Карамурза, Амирбек, Чедахан, Ножи, Имата, Осман сообщали о нежелании выплачивать подати своим владельцам, так как местные старшины не согласны с их условиями. «... Наши владельцы с нас умеют только собирать подати, - писали старшины, - а порядочно содержать не знают, а потому вынуждены между собою учинить присягу "в том, чтобы подати им (владельцам - Ш.А.) не платить и коди²⁰ не давать»²¹.

В другом письме от 18 марта 1782 г. на имя Кизлярского коменданта А. М. Куроедова гехинские старшины (с. Гехи) Казни, Канбулат, Нулук, Буртукай, Козмамат, Пуча и их подвластные крестьяне просили о разрешении переселиться им на р. Сунжу для жительства напротив станицы Наурской, куда накануне из их селения якобы переселился старшина Кайту-ка. В качестве пожелания русской администрации гехинские старшины указывают далее в письме о необходимости создания порядка в деревне (Гехинской) и определить над ними (старшинами) владельца Навруза, сына Дохтука - Мисоста, которому по существующему обычаю полагается платить подати.²²

Характерно, что в официальной переписке с царскими властями на Кавказе нетитулованные местные феодалы выступают наравне с князьями, феодалами, ханами и беями.

Можно привести еще ряд документальных источников, которые также убеждают нас о наличии в рассматриваемое время в ингушских селениях местной феодальной прослойки. Так, архивный источник за 1772 г. сообщает о том, как главные ингушские старшины обратились с просьбой к царской администрации не чинить препятствия их подвластному народу для свободного проезда, по-видимому, для торговли в Моздок, Кизляр и т. д.²³ И далее, в этом же документе говорится о том, что Кахетинский (грузинский) царь Ираклий пригласил к себе четырех ингушских старшин с вооруженными людьми.²⁴

По данным источников с середины XVIII века, среди фамильных поселений Джераховского ущелья (Калмыкав, Камыкау), Волакав (Уаллагкау), Пемат (Пхемат), Большой и Малый Вазби (Оъзми), в которых рядом с ингушами проживали осетины — одно селение носило имя кистинского (ингушского) старшины Цаука Мирзы Калмакова²⁵.

Ингуш Базар Мамиллов, указывая на наследственность сословных прав ингушской социальной верхушки и знатное происхождение своей фамилии писал, что один из его предков «Даурбек поссорился с дядей своим Андом, из-за чего оставил Кистинию и переселился к джераховцам, где пользовался всеми преимуществами, какими пользовались тагаурцы (знатные осетины - Ш.А.), заключал с ними браки, брал пошлины за проезд или провоз товаров по Военно-Грузинской дороге и управлял кавдасардами наравне с тагаурцами. После него пользовались этими правами сын его Шейлынк, внук Багамет, правнук Тач(ь) и отец наш Дударуко, который почти ежегодно был приглашаем грузинским царем Ираклием...»²⁶.

Согласно документальному источнику 1773 г., ингушские старшины, жившие в Малых и Больших Ингушах, а именно: Сурхо Мурзаханов, Ежош Мурзаханов, Екиш Донов, Али Сереев, Мусоуст Кариев, Хам Мусоустов, Мурзабек Мурзаханов, Чара Баматов, Ташторика Гогиев обратились в письме за помощью к царской администрации на Кавказе в отражении притязаний владельцев Большой Кабарды, требующих от подвластных старшин и их народа платить подати. На что ингушские старшины отвечали: «только они без дозволения генерала И. Ф. Де-Медема платить (подати - Ш.А.) не смеют»²⁷. В том же году в рапорте пристава при кабардинцах премьер-майора Д.В.Таганова от 25 марта 1773 г. относительно взимания дани кабардинскими князьями с равнинных ингушей, в частности, сказано: «...Ингушевский народ был издревле ими (кабардинцами — Ш.А.) завоеван, и всегда они с них (ингушей - Ш.А.) по обычаю подать брали ...»²⁸.

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии, как и в прежние времена, основным средством производства

оставалась земля, которая находилась в различной степени собственности и в зависимости от местной социально-имущей категории населения. Наиболее крупными землевладельцами являлись, прежде всего, князья и феодалы, которым принадлежали большие земельные угодья.

В XVIII веке в Чечне и Ингушетии наравне с князьями (элий) и крупными феодалами-землевладельцами отдельные старшины также владели большими земельными участками, покосными и пастбищными угодьями. Кроме того, так же, как и князья и феодалы-землевладельцы, часть вайнахских старшин, которых можно сравнить по своему социальному статусу с кабардинскими тлхукотлы²⁹ (юридически свободные общины), по-видимому, владела земельными угодьями целыми фамилиями. Земля, которой пользовались вайнахские общинники или фамилии (тайны), как и в Кабарде, в рассматриваемое время принадлежала князю или крупному феодалу, и он мог по своему усмотрению либо наделить ею жителя села, либо отобрать у него.

Со второй половины XVIII века в связи с усилением в Чечне и Ингушетии власти исконно вайнахских князей, владельцев, старшин и т. д. и ростом производительных сил, вызванных серьезными сдвигами в социально-экономическом развитии края в результате освоения равнинных земель, фамильная (тейповая) феодальная земельная собственность начинает распадаться и уступать место личной собственности владетелей на землю.

Как известно, земли местных князей, владельцев и старшин передавались по наследству, поскольку власть их была также наследственной. В связи с этим, надо полагать, вайнахские старшины, как и дагестанские беки³⁰, являлись не только социально-экономической опорой, но и основным ядром социально-имущей категории общества и пользовались правом на получение дополнительного пая в тех селах и обществах, где имелись общинные земли с переделами. При этом старшины получали земли по выбору и в больших размерах. В то же время следует отметить, что земельные владения вайнахских старшин находились под контролем местных князей (элий) и крупных феодалов, так как старшины сами находи-

лись также в вассальной зависимости от вайнахских князей и владельцев. В свою очередь в вассальной зависимости от князей, феодалов и старшин находилась и другая категория социально-имущей части общества - уздени, расположенная чуть ниже на шкале феодально-иерархической лестницы.

Кроме того, в обязанности вайнахских старшин входило, по-видимому, при первой же необходимости оказывать помощь князю или владельцу и выступить на его стороне со своими вооруженными людьми (дружиной).

По своему сословному и социальному положению за старшинами шли уздени. Как, известно, у разных народов Северного Кавказа в зависимости от уровня развития социально-экономических отношений понятие «узденъ» выражало неодинаковое и неравнозначное сословное и социальное содержание. Так, например, понятие узденъ у кабардинцев отождествлялось дворянскому сословию «уорки» 1-ой степени (военные слуги у князя); в кумыкском обществе Дагестана в соответствии с различными степенями свободы и зависимости существовали четыре сословные категории узденей: сала-уздени (средние дворяне, опора феодалов); уздени лично свободные (две категории) - одна категория узденей составляла основная масса лично свободных крестьян; другая - разбогатевшая часть узденей, владевшая рабами и т. д.; четвертая категория узденей (большая часть) - юридически свободное, но фактически зависимое крестьянство; у аварцев понятие «узденъ» было равнозначно лично свободной социальной категории людей и т. д.³¹

У чеченцев и ингушей в XVIII в. термин «узденъ» также выражал неоднозначное социальное понятие. Дореволюционные исследователи Голенищев-Кутузов, Дубровин, Лаудаев и др. под чечено-ингушскими узденями понимали людей вольных и независимых. Правда, другой исследователь А. П. Берже отмечал, что чечено-ингушские уздени - это дворяне³².

Действительно, наряду с вышеперечисленной сословно-имущей верхушкой (князья, владельцы, старшины) у чеченцев и ингушей существовала и такая социально-имущая категория, как узденъ - озда стаг (нах), которая по своему имущественному положению стояла, по-видимому, после князей,

владельцев (феодалов) и старшин и составляла, таким образом, несколько категорий. Первую категорию составляла небольшая часть свободных узденей, за короткое время пополнившая ряды феодалов (богатых и независимых) и в свою очередь продолжавшая эксплуатировать непосредственных производителей. Вторую категорию узденей из числа вайнахов составляли также люди разбогатевшие, но еще находившиеся в личной зависимости от крупных владельцев, князей и старшин. И, наконец, в вайнахском обществе существовала третья категория узденей, которая «в его первоначальном и широком смысле слова - это основная и значительная масса свободных общинников, «являвшихся непосредственными производителями материальных благ».³³

Говоря о социальной дифференциации узденей в вайнахском обществе вообще, следует отметить, что документальные источники XVIII века также свидетельствуют о существовании узденей знатных и простых, главных и рядовых, богатых и бедных и т. д. Безусловно, в конкретно-исторической среде своего бытования социальное значение термина «узденъ» менялось. Однако при этом в Чечне и Ингушетии в XVIII в. узденъ - это не только состоятельный и влиятельный человек, но и представитель обездоленной части населения вайнахов. Не случайно князья, владельцы и старшины в селе стремились опереться на знатных и влиятельных вайнахских узденей, которые пользовались в обществе большим авторитетом вследствие своего имущественного положения. Об этом, например, прямо указывает в своей реляции от 22 февраля 1749 г. на имя Кизлярского коменданта генерал-майор князь Эльмурза Черкасский, заявляя, что «всегда чеченская деревня силу имеет своими узденями»³⁴. Более того, развивая и углубляя свои наблюдения за деятельностью чеченских узденей, тот же генерал-майор Эльмурза Черкасский, спустя 15 лет, в письме от 16 декабря 1764 г. на имя Кизлярского коменданта Н. А. Потапова сообщает о своеобразных взаимоотношениях, которые существовали между чеченскими владельцами и узденями. В частности, он отмечал, что чеченские уздени являлись, как правило, выходцами «из лучших и сильных фамилий», они могли свободно, по

собственному желанию проживать «в ведомстве» любого вайнахского владельца, т. е. в зависимости от личных связей, симпатий и политической ориентации того или иного владельца уздени со своими семьями могли свободно уходить жить во владение любого владельца³⁵. Приведенный факт свидетельствует о том, что данная категория узденей являлась относительно свободной и лично независимой частью или прослойкой вайнахского общества.

Документальные источники за 1749-1751 гг. свидетельствуют о том, что многие чеченские и ингушские владельцы и князья имели при себе знатных узденей. Так, например, известный чеченский владелец Айдемиров имел при себе знатного узденя по имени Кучук³⁶; владелец Алибек Казбулатов содержал при себе узденей Мурзакаю Сунгурова, Казыхана Ка-зылева, Али-Исхана Бисакаева, Юнуса Челчика; князь Мудар имел узденей Абата Ильясова, Абата Козиш³⁷, Махмуда Зами-цуева³⁸ и Актулу Турлова³⁹; крупный чеченский владелец Гер-менчукской деревни Девлетгирей Черкасский имел при себе знатных узденей Кулая Баматова⁴⁰ и Бамата Чоматова⁴¹. В одном из донесений за 1760 г. на имя Кизлярского коменданта от подвластных чеченского князя (владельца) Эльмурзы Бековича-Черкасского - знатных узденей Бомата Усеинова и Курман-Али Менкишиева указывалось, что оба они посланы своим князем с товарами для торговли в Большую и Малую Кабарду⁴².

В рассматриваемое время, надо заметить, были отдельные знатные вайнахские уздени, которые сами, будучи под властью местных князей и владельцев, имели у себя собственных холопов, используемых для хозяйственных работ или на продажу. В рапорте Кизлярского коменданта Н. А. Потапова в Государственную Коллегию Иностранных дел от 17 апреля 1765 г. сообщалось, что во владении чеченского владельца Р. Айдемирова проживает 4 узденя - Чепал Черкасов и Умар Муруев с братьями и с ними их собственные холопы - 92 человека (60 мужчин и 32 женщины)⁴³. В документе за 1775 г. говорится о том, что у чеченского владельца Алихана Алибекова из сел. Большой Чечни имеется во владении 20 узденских дворов, а у чеченского узденя Акмузы Мамулатова во

владении имеется 4 двора холопов ему подвластных, а в деревне Карабулакской знатным узденем на правах владельца является Бузурта Фиразов⁴⁴.

Князьям и феодальным владельцам в плоскостной Чечне и Ингушетии служили также уздени из числа горных чеченцев и ингушей. Так, житель горной Чечни из знатной фамилии (рода, тайпа) Цонтарлы (Цонтарой - Ш.А.) Шамурза Тамар-зоев являлся узденем землевладельца из плоскостной Чечни Расламбека Айдемирова и находился в вассальной зависимости от него⁴⁵.

Интересные сведения сообщает документ за 1755 г. о том, как один из знатных мичкизцев (чеченец) по имени Юсуп, проживавший в Чечне, одновременно являлся узденем у бра-гунской княгини (владелицы) Кичебеки и приезжал по необходимости в ее владение. Уздень Юсуп имел свой личный двор, имение в деревне Брагунской. «Живущий в Брагунской деревне оное чеченца Бекея ближний свойственник (родственник - Ш.А.) мичкизец Юсуп - говорится в донесении от 14 января 1755 г. - у владелицы Кичебеки почитается за узденя..., и двор его Юсупа и ныне весьма часто в Брагунскую деревню приезжает для свидания с нею, владелицей».

В 70-80 г. XVIII в. во многих вайнахских обществах возрастает роль знатных узденей, приобретающих такие же сословные права и имущества, что и владельцы и князья. Царская администрация на Кавказе поддерживала со знатными узденями такие же контакты, что и с князьями и владельцами, и при случае не упускала возможность приласкать местную верхушку в лице узденей деньгами или подарками. Так, по свидетельству документа за 1771 г. чеченскому узденю Бай-зе, который был проводником и охранником представителей царской администрации, следовавших в Ингушетию, который также способствовал к склонению карабулакских жителей в подданство ее Императорского величества, выдали 20 рублей деньгами⁴⁷.

В рассматриваемое время во владениях богатых узденей находились достаточно большие земельные угодья, которые значительно превосходили земельные участки вайнахских крестьянских общинников. Как известно, знатные уздени яв-

лялись опорой вайнахских князей, владельцев и старшин, исполняли различные непростые должности во владениях князей и владельцев, за что последние могли пожаловать им дополнительные земельные угодья в пожизненное или наследственное пользование. Кроме того, богатые уздени эксплуатировали труд простых феодально-зависимых крестьян.

В XVIII веке в вайнахском обществе зафиксирована, также сословно-имуществая, социальная категория «чанка». «Чанкой» называются горцы Северного Кавказа и, в частности в Дагестане, дети шамхалов, ханов, уцмиев и других владельцев-беков, рожденные от брака с незнатной женщиной⁴⁸. По своему социально-имущественному положению «чанка» стоял ближе к вайнахским владельцам и старшинам. Так, например, в одном из архивных документов 1771 г. сообщается о том, как жители деревни Девлетгиреевской (ныне с. Старый юрт) чанка Боташ Исмаилов вместе с другими проводниками из числа знатных чеченских и ингушских владельцев и старшин сопровождал экспедицию царских властей во владения карабулаков и осетинского старшины, к его сыну Дударуко с целью приведения их к присяге⁴⁹. Чанке Боташу Исмаилову из Девлетгиреевской деревни, — говорится в документе, — за участие его в качестве проводника администрации к месту обитания карабулаков и осетин было отпущено царскими властями для поощрения 23 рубля, а узденю Байзе из чеченской деревни (видимо, с. Чечен-Аул) за тоже самое дело - 20 рублей⁵⁰.

Приведем еще один пример, связанный с социально-имущей категорией «чанка». Так, в письме чеченского старшины дер. Амирхановской Зорокая Бисолтанова на имя Кизляре-кого коменданта А. М. Куроедова от 28 июня 1782 г. им высказана просьба к царским властям определить к ним владельцем в деревне у Амирханова брода Раслаббека Айдемирова или его сына. В тоже время старшина З. Бисолтанов и подвластные ему жители указывали о том, что находившийся у них во владении чанка Алихан открыто претендует на принадлежность ему якобы этих мест... «И спорит с нами чанка Алихан, - сообщает далее в документе Бисолтанов, - тут де есть мое место (владение - Ш.А.). А его места совсем нет, кроме только напрасно нас обижает».⁵¹

Отметим также, что чеченские «чанки» в рассматриваемое время, по-видимому, владели теми землями и имуществом, которые могли им достаться в наследство от своего отца.

Другую сословно-привилегированную категорию вайнахского общества составляло мусульманское духовенство в лице мулл, кадиев и шейхов. В рассматриваемое время оно было еще, по-видимому, относительно малочисленным. Во всяком случае до выступления горцев Северного Кавказа под руководством шейха Мансура в 1785-1791 гг. не представляется возможным сказать, был ли в каждом вайнахском селе, как в горах, так и на равнине мулла или кадий, или они имелись только в больших селах.

Мусульманское духовенство в этот период было далеко неоднородным. По всей вероятности, отдельные сельские муллы или кадии обладали земельными и другими угодьями. Так, в письме чеченского владельца Раслаббека Айдемирова на имя Кизлярского коменданта от 26 августа 1762 г. среди прочих знатных влиятельных фамилий узденей селений Алды, Чечен-Аула и Топли называется фамилия одного из мулл сел. Алды -Исханова, причем сын его Эльдерхан называется еще и узденем⁵². В конце XVIII в. источники называют также в Чечне, и, в частности, в сел. Шали знатных и влиятельных мулл и хаджи - Умар-Хаджи, Ногай Мирза-Хаджи, Бисултан-Хаджи и Хамби-Хаджи, совершивших в свое время паломничество (хадж) в Мекку⁵³.

Так же, как и у северокавказских народов, мусульманское духовенство в Чечне и Ингушетии занимало определенную главенствующую роль в обществе. Оно могло вмешиваться в дела князей и владельцев и принимать по ним независимые решения. Но зато ни князья, ни владельцы не могли вмешиваться в права и привилегии духовенства, ибо это считалось посягательством на предписания ислама.

Духовными лидерами, как правило, выбирались люди, знающие шариат. В материальном плане некоторые духовные лица зависели от князей и владельцев. В тоже время они получали от простых крестьян часть урожая или другие различные вознаграждения за исполнение религиозных обрядов. По-видимому, в конце XVIII века во всех крупных селах и обще-

ствах имелись муллы и кадии. Духовные лица в селах обучали детей в начальных школах (хьюьжар) за плату. Кадии производили суд по шариату в противовес суду по адатам, совершаемому сельскими старшинами и владельцами. О привилегиях местных мулл и кадиев говорит тот факт, что они в свою очередь не отбывали никаких повинностей в пользу князей, владельцев и старшин. Сельские мечети в Чечне и Ингушетии имели свои земли, называемые вакуфными. Ими распоряжались кадии и муллы и доход, получаемый с них, использовался для нужд мечети. Десятая часть от сбора урожая крестьянина в виде дохода от заката также поступала в мечеть. От группы дворов или с каждого двора в зависимости от общего количества их скота в пользу мечети выделялся также крупный и мелкий рогатый скот.

Так же, как и в Дагестане⁵⁴, местные муллы, кадии и шейхи получали различные подарки, подношения или вознаграждения во время мусульманских праздников, свадеб, при заключении брака по шариату, при разделе имущества семьи, при похоронах и т. д.

Со второй половины XVIII в. в Чечне и Ингушетии, параллельно меновой торговле, все большую роль стала приобретать денежная торговля местных жителей с российскими купцами и соседними народами, вследствие которого в вайнахском обществе стала складываться другая, весьма влиятельная социально-имущественная категория - местные торговцы, купцы (совдегар - чеч.) - купечество. Документы этого времени сообщают о том, что вайнахи приезжали для торговли с казаками, имея целые обозы товаров. Так, например, в 1751 г. царские власти на Тереке не пропустили без соответствующего билета к соседним казакам для продажи своих товаров чеченца из с. Алды Цукания Кичиева с 20 арбами⁵⁵. Необходимость для чеченцев любыми способами сбыть свой товар была столь настоятельной, что они целыми толпами с огромным количеством обозов «толпились» на берегу Терека у русской границы. Власти вынуждены были даже сдерживать их натиск вооруженной силой, и временами представителям военной администрации приходилось «ехать с казаками на ту сторону реки и всех отбить прочь⁵⁶».

Как известно, вместе с развитием производительных сил в крае возрастало и имущественное неравенство среди чеченцев и ингушей. Таких богатых людей, как упомянутый торговец Цуканий Кичиев с двумя десятками арб товаров, в Чечне уже было немало. Этот слой населения, так же, как и широкие массы, не мог быть доволен существующими феодальными и родовыми препонами на пути своей деятельности. Самое широкое развитие производства прибавочного продукта и появление его в столь значительных количествах на рынке означало преодоление горцами замкнутых натуральных феодально-родовых хозяйственных отношений.

В рассматриваемое время у чеченцев и ингушей было и такое социально-имущественное сословие, как «жрецы» - ц1ой (цой). Сословие жрецов - ц1ой - составляло, естественно, социально-имущественную категорию Чечни и Ингушетии. Известно, что мелхинский «город Мертвых» (Щой-пхьеда) означает местопребывание жрецов. Вайнахские жрецы разбирали здесь различные междоусобные споры и тяжбы. По-видимому, за участие в судебных делах и разбирательствах в вайнахских обществах жрецы получали от местного населения различные подношения и подарки в качестве вознаграждения. Жрецы (ц1ой) пользовались у местного населения большим уважением и авторитетом и располагали в селе определенной частью земельных угодий и пастбищ.

Истории известны такие места, где начиная с средневековья и до середины XIX века, собирався для разбирательства тяжб «Совет страны» (Мехк-кхел) из жрецов и других влиятельных и авторитетных людей, как, например, Маас-та, Мизир-Корта, Кхеташ-Корта у сел. Центарой и т. д. Эти места почитались как древние языческие святыни, где до того собирались жрецы. И храмы здесь, как правило, носят названия своих первых жрецов⁵⁷. С конца XVIII века (начало движения горцев Чечни во главе с шейхом Мансуром в 1785 г.) социальная база жречества в вайнахском обществе начинает резко сужаться, ибо на смену жрецам приходят последователи ортодоксального ислама - ученые али-мы (богословы).

Почти все устно-поэтическое творчество вайнахов изоби-

лует различной социально-сословной терминологией, что свидетельствует о далеко зашедшей имущественной дифференциации в вайнахском обществе. В основе значительного числа вайнахских героико-исторических песен «Илли» представлен бедный, беззащитный горец, противопоставленный верхушке богатых и сильных односельчан, которые стояли над всеми бедными и неимущими и именовались тхамадами (глава, руководитель), бабччами (вождями отрядов военных походов), князьями (элий) и т. д.

По всей вероятности, упоминаемые нами выше горские военные вожди (бабччи) в вайнахском обществе в рассматриваемое время — это не что иное, как социально-имущая категория людей. Дело в том, что и в XVIII в., как и ранее, наиболее знатные и известные в Чечне и Ингушетии «бабччи» (военные вожди) имели свои дружины; они совершали набеги и походы в чужие страны, разоряли аулы, уводили скот и пленных людей. Многие из числа «бабччей» превращались таким образом в крупных феодалов, имевших свою власть и богатство. Источники недвусмысленно говорят о том, что в рассматриваемое время отдельные вайнахские отряды во главе с «бабччи» не раз уходили в Грузию, и грузинские цари использовали в походах военные отряды горских вождей в качестве своих вассалов. Некоторые же ингушские старшины, — говорят источники, — находившиеся на службе у грузинских царей, получали даже твердое жалованье от царя Ираклия II⁵⁸.

Высказывались также давно предположения относительно существования у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время и такого сословно-социального термина, как «б1аьхо» (воин). Об этом писал в свое время дореволюционный исследователь Н. Семенов⁵⁹. Это же утверждает относительно чеченцев-карабулаков другой дореволюционный исследователь С. Броневский. Он, в частности, замечает: «По преданиям, существующим между горскими народами, карабулаки в древние времена составляли сильное воинское колено (сословие - Ш.А.), которое уважалось соседними народами не только за их храбрые дела, но и за соблюдение ими в обществе справедливости... Они были богаты скотом и от произведения земли

достаточно получали пропитание ...»⁶⁰. Более того, в вайнахском языке широко бытовало еще несколько терминов, обозначавших социальное понятие категории «б1аьхой» (воина или стражника) - «г1ой» (гой); хой, б1о (бо), «г1езихой» (гезихой), эскар (эскархо). Надо полагать, что в этом значении в древности употреблялись также слова «ковр» и «сур». Безусловно, анализ социального содержания термина «воин» или «стражник» (б1аьхо) дает нам основание отнести его к социально-имущей категории вайнахского общества.

§ 2. Социально-зависимая категория общества

Обратимся теперь к категории социально-зависимых людей в вайнахском обществе в рассматриваемое время. Одним из самых древних социальных терминов, обозначавших людей сословно-зависимой категории, является «лай» - раб. Упоминания о рабах (лаях) встречаются в древних преданиях чеченцев и ингушей, которые сообщают сведения о благородных и неблагородных чеченцах. Благородных называли - «Оьз-да нах», а неблагородных - лаями (рабами). Сословие «лаев» сохранилось в Чечне и Ингушетии вплоть до XIX века. Можно предположить, что слово «лай» происходит от вайнахского слова «ла» - терпеть; «лай» вытерпел. Страбон применительно к Иберии (Грузии) считает, что «лаон» - это, как правило, зависимое сословие, «образовавшееся в результате завоеваний инородных племен»⁶¹.

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии, если пленник - «йийсар», принадлежавший к другому племени, «не мог быть выкуплен его близкими, он оставался у того, кто брал его в плен, и превращался в раба. Пленник «йийсар», превращенный в раба, здесь именовался «лаем»⁶². Лай был лишен элементарных человеческих прав. Он не имел своего дома; ему разрешалось, согласно преданиям, возводить лишь пристройку к дому своего хозяина. Он также не имел права жениться, не имел земли, не имел своего сельскохозяйственного инвентаря, не имел права решающего голоса в соответствующих общественных органах управления и т. д. По преданиям «лай»' вовсе не должен был носить оружие; если лай вырастит ска-

куна, то его могли кто-либо из «оьзда нах» запросто обменять на быка⁶³ и т. д.

В XVIII веке среди чеченцев и ингушей сословие «лаев» было не так уж много. К концу XVIII века лай фиксируются лишь в торной Чечне, в частности, в Чеберлое. Но и здесь к этому времени «традиционное сословное деление общества в имущественном отношении резко совпадает с классовым: среди бывших лаев встречались богатые, а среди «оьзда нах» (свободные люди) - бедные»⁶⁴. Были случаи, когда лай из целого селения, как, например, из Чеберлоевского селения Цикарой жили богаче, чем «оьзда нах». Были и такие случаи, когда лай селения Цикарой хотели породниться со «свободными людьми» (оьзда нах) из селения Макажой, то последние, хотя и были беднее цикароевцев, неохотно желали породниться с ними из-за их якобы «низкого происхождения»⁶⁵.

Некоторые сведения о наличии рабов (лаев) в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время дают документальные источники. Так, в письме на татарском (кумыкском - Ш.А.) языке Герменчукского владельца Девлетгирея Черкасского на имя Кизлярского коменданта Фрауендорфа от 11 августа 1753 г. сообщалось о том, что в селении чеченца Шахгирея, находившегося в зависимости от владельца «Турлова сына», проживала семья Чукаевых, которая происходила из лаев⁶⁶. Лай (рабы) как даровая сила пользовались определенным способом на меновом рынке. Так, например, в октябре 1758 г. чеченец Тувадук Зурмаутов фамилии (тайпа) Цувантурлы (Цонтарой - Ш.А.) из сел. Чечен-аул продал в Кабарду (Там-биев кабак) двух рабов (лаев) за 240 баранов. Там же в это время Солтан Марашев фамилии (тайпа) Ширди из селения Герменчук продал одного ясыря (пленника) за 114 овец и одну лошадь. Было время, - сообщает документ, - когда рабов лаев продавали за 7 аршин ситца⁶⁷. Однако в связи с тем, что царская администрация препятствовала работоторговле, цены на рабов во второй половине XVIII в. значительно возросли⁶⁸.

В XVIII - нач. XIX в. у чеченцев и ингушей была и такая категория зависимых людей, как «йийсар» (чеч.) - пленник, невольник, по-видимому, от тюркского слова «ясырь» (плен-

ник). Действительно, ясырями, как правило, являлись пленные горцы - иноплеменники, а также представители «царских властей». Ясырями могли быть чеченцы и ингуши, захваченные враждовавшими между собой обществами. Как правило, они не имели своих семей, Ясырей можно было продать, подарить, но убийство их запрещалось общественным мнением⁶⁹. По истечении определенного времени, если пленный верно отслужил своему хозяину, то последний мог наделить его земельным участком с выплатой натуральной ренты. Тем самым ясырь приобретал право «поставить свой собственный дом», иногда даже башню, но незавершенную, и обзавестись семьей своей. Потомство его именовалось «есар бераш» (дети ясырей — Ш.А.); оно всегда было в долгу перед семьей похитителя и вносило подать за пользование землей, отправляя и личные повинности⁷⁰. В том случае, когда родственники не желали или не имели возможности выкупить ясыря, он превращался в лая и оставался в доме своего хозяина в качестве работника, а через некоторое время получал в аренду участок земли и обзаводился своим собственным хозяйством. «...Оставленный на произвол судьбы пленный, - указывают исследователи Р. Л. Харадзе и А. И. Робакидзе, - сам уже терял желание возвратиться домой, предпочитая оставаться у хозяина. Во всех случаях оставления на работу «йийсар» (ясырь) именовался «лаем». Лаем же он именовался и после того, как получал право владения на средства производства...»⁷¹.

Мысль о социальной неравнозначности категории людей, называвшихся в вайнахском обществе «лаем», холопом, «ясы-рем» и азатом высказал еще ранее дореволюционный автор Ф. И. Леонтович. В частности, он указывает, что «ясырь может быть выкуплен и возвратиться на родину, тогда как лай, забывший свое происхождение, без связей с отечеством своих предков, составляет неотъемлемую собственность своего господина. Положение лаев в Чечне есть то безусловное рабство, которое существовало в древнем мире». И далее автор сообщает некоторые подробности о категории «лаев». «Несмотря на унижение, в котором находятся лай, рабское происхождение не почитается постыдным», - пишет автор. Дети отпущенника пользуются всеми правами вольных и равны всем. Прав-

да, они не имеют ни веса, ни значения, потому что и то, и другое основано в Чечне, как и в Дагестане, на многочисленности родства. Отпущенник же, человек одинокий, которого легко обидеть, оттого он большей частью пользуется свободой, не покидает своего бывшего хозяина, берет в замужество одну из дочерей или родственниц его и поселяется при нем, как член его семейства. Для того, чтобы отпустить раба на свободу, - указывает далее Ф. И. Леонтович, - необходимо предоставить ему письменную отпускную, составленную кадием и скрепленную двумя свидетелями (по-видимому, письменными подтверждениями свидетелей - Ш.А.). Когда же раб откупается, обязательно соблюдается тот же обряд, при котором откупные деньги вручаются кадию села, который передает их владельцу раба. С этого времени отпущенник (выкупленный) называется «азатом».⁷²

Как видим, со дня официального освобождения «лая» (холопа), т. е. приобретения им юридического права независимости от своего бывшего хозяина-владельца, он также продолжает пополнять эксплуатируемый класс людей, и образует новую социально-зависимую категорию людей, именуемую в чеченском обществе - «азат». И если лай-отпущенник (азат) не пользовался особым уважением и авторитетом, не имел права голоса в официальных общественных органах села или общества, то это не распространялось на детей «азата». Напротив, дети «азатов» пользовались в вайнахском обществе всеми правами коренных жителей Чечни и Ингушетии.⁷³

В одном из рапортов на имя коменданта Кизлярской гражданской канцелярии от 30 марта 1750 г. указывается на то, как владелец чеченского селения Аллы Цуканий Кичиев имел пленных ясырей - афганца Комара Куркаева и персианина Ахлаверды⁷⁴, которых он использовал, по-видимому, в качестве холопов. В присланном летом 1751 г. в Кизлярскую гражданскую канцелярию письме владельца Герменчукского селения Девлетгирея Черкасского также содержится просьба о том, чтобы вернуть бежавшего от него знатного узденя Бамата Шабанова черкесского ясыря Ахлаверды...⁷⁵, находившегося у него также, по всей вероятности, на положении холопа. В рапорте от 15 сентября 1750 г. на имя Кизлярского ко-

менданта сообщается о том, что другой чеченский владелец Расланбек Айдемиров имел при себе пленного персианина - ясыря по имени* Акбас Байсикулов⁷⁶, которого он также использовал у себя в качестве холопа.

Интересно отметить, что в тех же официальных рапортах приводится предписание Кизлярского коменданта чеченским князьям и владельцам, чтобы они «впредь таковых персиан в холопство не покупали и у себя не держали ...» в неволе⁷⁷. Как видно, местные князья и владельцы, кроме всего прочего, покупали ясырей и на невольничьем рынке, которых затем они использовали в своих хозяйствах в качестве холопов.

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы и опубликованные источники позволяют утверждать, что в X\III в. в вайнахском обществе была и такая категория зависимых людей, как холопы, которые по своему социальному положению, по-видимому, стояла на одном уровне с лаями. В большинстве случаев холопы, которыми становились захваченные в плен люди (ясыри), были людьми нечеченского и неингушского происхождения. Так, в письме, поданном Кизлярскому коменданту Оболенскому от чеченского владельца Расламбека Айдемирова от 25 августа 1747 г., содержится просьба о том, чтобы вернули его холопов - и мужчин и женщин, находившихся в Кизляре. «...Я, не ведая, что они (холопы - Ш.А.) христианского закона, - указывает в письме Айдемиров, - купил и продал мне Акмурза за ногайцев...; оставшиеся от моего деда магометанского закона холопы бежали и Вы, милосердие, мне тех холопов или деньгами возратить прикажите...»⁷⁸. Кроме того, в одном из документов того времени приводится краткое сообщение о результатах опроса одного из холопов владельца Герменчукской деревни Девлетгирея Черкасского в Кизлярской гражданской канцелярии от 19 июля 1751 г. В частности, его холоп показал, что зовут его Данбек Шапотоев, сын хана Шедерлама Запсулга Арыктун, калмычанин и реченый хан Шедерлам с калмыцким ханом же Дондук-Омбою калмыки его взяли в плен и познатнее продавали разным людям...⁷⁹.

Можно с полным основанием утверждать, что вайнахский термин «лай» и русский термин «холоп» равнозначны по своему социальному содержанию. Как свидетельствуют доре-

волюционные источники, и рабы и холопы, принадлежавшие чеченским и ингушским князьям и владельцам, как правило, являлись выходцами из среды другой национальности, попавшими в свое время в плен. Холопов использовали в хозяйствах не только князья и владельцы, но и знатные вайнахские уздени и старшины.

Рассмотрим более подробно сообщение дореволюционного источника о социальном статусе «холопа» в вайнахском обществе. В рассматриваемое время холоп не считался в полном смысле слова членом общества, а являлся всего лишь вещью своего хозяина, имевшего над ним безграничную власть. Холоп (лай) мог быть продан, наказан, лишен жизни по воле своего хозяина. Приобретенная холопом (лаем) вещь могла быть его собственностью до тех пор, пока его хозяину-владельцу не вздумается его присвоить себе, поскольку и он, и его труды, и вся его жизнь принадлежит владельцу. Каковы бы ни были притеснения со стороны хозяина, холоп не имел права покинуть его и переселиться к другому. Иногда случалось, что холоп от страха жестокого наказания убегал от хозяина и просил защиты у какого-либо сильного и уважаемого в обществе человека. Такой человек принимал холопа (лая) к себе в дом, становился его заступником и просил его прежнего хозяина-владельца смягчить свое наказание и быть более милостли-вее. И таким образом, заручившись поддержки-обещания в своей просьбе у владельца, отпускал холопа обратно к нему. К тому же, защитник холопа не мог удерживать его у себя против воли хозяина, опасаясь преследования за якобы совер-

шенное воровство .

Многочисленные документальные источники XVIII века свидетельствуют о том, что вайнахские князья, владельцы (феодалы), богатые уздени и т. д. при разных обстоятельствах: будь то сельскохозяйственные работы в горах, а также в собственном дворе феодала (владельца), или же на выезде его за пределы своей территории по своим хозяйственным и другим делам везде и всюду ими использовались только холопы (лай) в качестве даровой силы. В одном из документов от 9 января 1726 года* читаем, что оконченной (чеченской) узденке из г. Терки Саламовой со своей холопкой после уплаты опреде-

ленной пошлины царской администрацией разрешено проехать до Аксая для свидания с её родственниками.⁸¹ В другом документе, датированном 24 февраля 1726 года, говорится также, что чеченской узденке из г. Терки Бабуше Адрамановой (также после уплаты соответствующей денежной пошлины царской администрации) разрешено со своей холопкой Черхиковой да ещё с двумя работными людьми поехать до Аксая для провожания дочери.⁸²

В письме Кизлярского коменданта на имя чеченского владельца Расламбека Айдемирова от 22 ноября 1762 г. среди прочих карабулакских жителей, участвовавших в заготовке сена для скота, назван знатный карабулакский уздень⁸³ со своим холопом⁸⁴. Или ещё другой факт. В письме Герменчукского владельца Девлетгирея Черкасского на имя Кизлярского коменданта Н. А. Потапова от 11 ноября 1764 г. говорится, что уздень его по фамилии Курманалиев имеет у себя беглого «холопа по имени Бомат...»⁸⁵

Князья, владельцы, старшины и богатые уздени жестоко эксплуатировали горцев-холопов. В результате чего участились побегии последних в Кизляр.⁸⁶ Так, например, в январе 1781 г. старшины Большой Чечни и Аджи-Аула письменно просили Кизлярского коменданта Куроедова: «Ежели же будут наши холопы магометанского закона от нас убежать и являться в российских границах, оных отдавать обратно ...»⁸⁷

Вайнахские старшины в своих прошениях часто назывзают зависимых крестьян «холопами». Бегство последних, безусловно, было вызвано жестоким угнетением со стороны социальных верхов. Все это свидетельствует о наличии важнейших признаков феодального общества в Чечне и Ишущетии в рассматриваемое время.

К социально-зависимому сословию относятся также «работные люди». Архивные материалы XVIII в. называют их работниками или работницами. Среди материалов, выявленных нами в архивном фонде «Кизлярского коменданта» (Республика Дагестан), определённый научный интерес по данной проблеме представляет специальная «Книга для учёта пошлин, взимаемых с проезжих жителей» (с января по май 1726 г.). Книга эта примечательна тем, что сюда заносились

царскими властями фамилии знатных и влиятельных окоченских (аккинских) владельцев и узденей с их холопами и работниками, обитавших в г. Терки и приезжавших для торга в крепость Святой Крест, Аксай и в гребенские казачьи городки. Известно, например, что в «Книге для учёта пошлин, взимаемых с проезжих жителей» сообщается о том, что 9 февраля 1726 года с жителя г. Терки окоченца (чеченца) Курмана Богоматова «да при нем жена его Кихата Арасланбекова с их двумя работниками и столько же работницами», которые были пропущены властями через заставу «для торга в Аксай, была взята соответствующая пошлина»⁸⁸. Среди знатных и влиятельных окоченских владельцев, старшин и узденей из г. Терки называются следующие: Суркай Усманов с его двумя работниками; Умар Менкишиев с одним работником, Бабуша Абдурахманова с холопкой и двумя работниками, Бамат Касканов с одним работником, Ибрагим Гиреев с одним работником, Махмуд Мусаев с двумя работниками и т. д.⁸⁹ По всей вероятности, и холопы, и работники, и беднейшая часть узденства в хозяйстве князей, владельцев, старшин и богатых узденей выполняли одну и ту же работу и пользовались в основном одинаковыми правами. Однако, на наш взгляд, работники были менее зависимы от своих владельцев, чем холопы или лай.

Говоря о развитии социальных (феодалных) отношений в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время, очень важно, на наш взгляд, рассмотреть вопрос о том, как же все-таки осуществлялась на деле феодальная эксплуатация между социально-зависимой прослойкой общества и феодализирующей-ся частью населения? Был ли на самом деле юридически чеченский крестьянин лично зависим от своего феодала или владельца?

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии, как нам известно, отсутствовало крепостное право в той классической форме, в какой оно существовало в дореволюционной царской России до 1861 года. Зато испокон веков здесь существовала сословная неполноправность, которая по существу мало чем отличалась от крепостного положения. Тем более, что на службе у эксплуататорской верхушки находились такие влиятельные силы, как религия и адаты.

В Чечне и Ингушетии в XVIII - нач. XIX в. в силу специфических условий развития общества и, в частности, отсутствия государства со всеми надлежащими атрибутами, не было государственного аппарата принуждения, а потому «феодално-зависимое положение непосредственного производителя не было закреплено юридически в форме закона, который давал бы феодалу право лично подчинить крестьян своей власти и внеэкономически принуждать их работать на себя».⁹⁰ Хотя крестьянин был формально свободен, фактически же он зависел от владельца и феодала, которые различными способами заставляли его отбывать в свою пользу всевозможные повинности.

Сословная неполноценность зависимой категории людей выражалась в основном во взимании с них различных видов феодальной ренты: продуктовой (натурального оброка), отработочной (барщины) и денежной (денежного оброка).

Для Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время самым распространённым видом повинности оставался натуральный оброк в виде ясака, известный как подать, налог. Одновременно существовала и отработочная рента. Однако денежный оброк взимался сравнительно редко. В вайнахском обществе одновременно существовали все перечисленные виды повинности. Судя по документальным сведениям, самым популярным видом продуктовой ренты, получаемой вайнахскими владельцами от своих подвластных, во всех горских владениях был ясак.⁹¹

Дореволюционный исследователь истории чеченцев и ингушей У. Лаудаев отмечал, что ясак или подать платили по условиям владельца жителями; условия эти, смотря по обстоятельству, т. е. большему или меньшему влиянию князя на страну, изменялись, т. е. подати увеличивались или уменьшались. Обыкновенно платили от количества рогатого скота, овец, лошадей и проч. Бывали примеры, когда от овец платили 3%, от скота — 1%, случалось, что от овец давали только 1%, а от скота ничего не платили.⁹²

Часть чеченцев, поселившаяся в верховьях рек Акташа и Ярухсу, — читаем мы в одном из документов, платила кумыкским князьям дань баранами и обязательно должна была да-

вать вспомогательных воинов⁹³. Размер ежегодного натурального оброка, вносимого крестьянами аксаевским (кумыкским) князьям во второй половине XVIII века, достигал одной мерки (бустург) пшеницы от каждого урда (около 0,5 га) посевной площади⁹⁴. В одном из документов, датированном 1773 г., читаем: «Ингуши утверждали, что платили кабардинским князьям со двора по барабану, а у кого нет, то на одну косу железа...»⁹⁵.

Существенным источником доходов для местных владельцев и князей являлась отработочная рента - барщина. Документальные сведения середины XVIII века сообщают нам, что жители различных сел по несколько дней работали всенародно, «по своим обычаям для пахания на владельца» и «посеяния хлеба»⁹⁶, а живущие по правому берегу реки Терека чеченцы своим владельцам и князьям «дань платят баранами», и выделяют с каждого двора рабочего на один день к посеву, жатве, сенокосению в хозяйстве феодала.⁹⁷ Другой документальный источник, относящийся к указанному времени, повествует о том, что карабулаки, поселившиеся у кумыков, князьям последних «особенной дани не платят, кроме поставки вспомогательных воинов, и на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокосению».⁹⁸

Наряду с выполнением отработочной и продуктовой повинностей, зависимое вайнахское население платило своим владельцам и князьям также и денежную ренту, что было для него весьма обременительно. По свидетельству одного из документов того времени, ингуши, выселившиеся на равнину, должны были платить своему князю по одному рублю с хозяйства. Князь обязан был защищать их от внешних врагов.⁹⁹ Другой документ этого же периода сообщает, что ингуши, переселившиеся на р. Сунжу, должны были давать аманатов кабардинскому князю Батокко Жанботову и одновременно приносить в его пользу с каждого двора по одному рублю серебром и по две мерки проса.¹⁰⁰

Из всего сказанного можно резюмировать, что в указанный период в вайнахском обществе сформировались и четко обозначились два антагонистических социальных класса: с одной стороны, социально-имущие сословные верхи (эксплуататоры) в лице князей, феодалов (владельцев), старшин, бога-

тых узденей, чанков, торговцев (купечества), духовенства и т.д., а с другой — социально-зависимые сословные низы (эксплуатируемые) в лице лаев (рабов), ясырей, холопов, азатов, работных людей, бедных узденей и т. д. В то же время в обществе сохранялась зажиточная часть узденей, которая продолжала ещё находиться в вассальной зависимости от крупных и влиятельных князей и феодалов. Значительная часть вайнахских крестьян-общинников оставалась ещё свободной. Сословные верхи в зависимости от своего происхождения, размеров владений и положения, занимали различные места на феодальной иерархической лестнице.

Как в горах, так и на равнине все зависимые крестьяне отбывали различные феодальные повинности и подати. Во всех феодальных владениях и союзах сельских обществ Чечни и Ингушетии существовала отработочная повинность. От излишков своей продукции зависимые крестьяне отдавали владельцам и крестьянам повинности в виде тайповой помощи, дарения и различных приношений. При всем этом господствующей формой феодальной ренты XVIII в. в Чечне и Ингушетии оставалась продуктовая, которая базировалась на феодальной собственности на землю и зависимости крестьян от владельцев и князей.

Использованная литература и источники:

1. Исаева Т. А. *К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII-XIX вв.* Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона, вып. 1, Грозный 1978, с. 128.
2. Крупнов Е. И. *Средневековая Ингушетия*, М., 1971, с. 177.
3. Харадзе Р. Л., Робакидзе И. А. *Характер сословных отношений в горной Ингушетии*. Кавказский этнографический сборник (КЭС), ч. 2, Тбилиси, 1968, с. 132.
4. Ахмадов Ш. Б. *Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в.* Известия ЧИНИИ-ИЯЛ, Статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии, т. 9, ч. 3, вып. 1, Грозный, 1974, сс. 68-69.
5. Броневский С. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, М., 1823, с. 18.
6. Ахмадов Ш. Б. *Ук. соч.*, с. 69.

ГЛАВА 2.
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО ЧЕЧНИ
И ИНГУШЕТИИ В XVIII - НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

§ 1. Административно-политическое устройство
Чечни и Ингушетии

В XVIII - начале XIX века Чечня и Ингушетия не имели единого государственного устройства. Вся территория чеченцев и ингушей состояла из целого ряда более или менее крупных феодальных владений (княжеств) и вольных обществ (союзов сельских обществ), единого объединяющего политического центра у чеченцев и ингушей не существовало. Отличительной особенностью политического устройства вайнахов в рассматриваемое время являлось то, что в обществе наблюдалась феодальная раздробленность, которая продолжалась вплоть до начала движения горцев в Чечне и на Северном Кавказе под руководством имама Мансура в 1785-1791 гг.

Каждое феодальное или княжеское владение, как правило, расположенное на равнине края, а также различные вольные общества (в большинстве своем расположенные в горах) представляли собой в какой-то степени самостоятельные и обособленные друг от друга территориально-административные единицы. Локальные политические центры существовали, по-видимому, во всех владениях, а также в обществах и союзах сельских обществ в горах. Князья, феодалы и старшины вели независимую друг от друга как внутреннюю, так и внешнюю политику с соседними народами. Более того, отдельные вайнахские князья и владельцы подчас конкурировали между собой. Из-за отсутствия единого политического центра взаимоотношения между феодальными владениями и сельскими обществами в горах, а также внутри самих обществ строились на основе договоров и соглашений, регулировавшихся

210

обычным правом адатами, а с конца XVIII века - начала XIX века - шариатом.

В то же время в отдельных горных районах Чечни и Ингушетии, в частности, со второй половины XVIII века шел интенсивный процесс слияния некоторых так называемых вольных обществ в союзы сельских обществ. Данные общества находились под влиянием местной феодализирующей знати в лице владельцев (феодалов), старшин, богатых узденей¹ и т. д.

Отсутствие каких-либо конкретных источников XVIII века и цифровых данных не позволяет назвать точное количество всех вольных обществ или союзов сельских обществ на территории Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время. Однако, на наш взгляд, бесспорным должно быть то, что общее число вольных обществ (союзов сельских обществ) в горах Чечни и Ингушетии не могло превышать общего количества тайпов и тукхумов, вайнахов вместе взятых.

Единственным и существенным научным подспорьем при рассмотрении данной проблемы является, на наш взгляд, исследование известного этнографа Чечни и Ингушетии по топонимии А. С. Сулейманова², в котором дан обстоятельный анализ всех этнических обществ (родов) чеченцев и ингушей «с учетом исторически сложившихся географических районов локализации»³ их на территории нынешней Чечни и Ингушетии.

Учитывая, что материалы топонимии Чечни и Ингушетии, связанные с сельскими общинами (обществами) и их традициями у чеченцев и ингушей в прошлом, отличаются архаичностью и консервативностью, мы позволим себе ретроспективно использовать сведения автора А. С. Сулейманова, опубликованные в конце 70-х годов XX столетия. Судя по всем этническим обществам (родам-тайпам), выделенным исследователем А. С. Сулеймановым сугубо в горной Чечне и Ингушетии, их общее число в рассматриваемое время насчитывало, по-видимому, 64 общества (малых и больших). Из них в Горной Чечне (центральной, восточной и юго-восточной части) — 59 обществ (малых и больших), а в Горной Ингушетии (юго-западной части) - 5 обществ (малых и больших).⁴

Более 60 сел или этнических сельских обществ существо-

вало и по сей день существует в предгорной и на равнинной части Чечни и Ингушетии⁵, в которых компактно проживали представители разных чеченских и ингушских тайпов, гаров и некбий, на протяжении XV-XVIII веков поэтапно переселившихся с гор на равнинные земли.

В некоторых предгорных селах (обществах) Чечни, как, например, ссКурчалой, Цонтарой, Беной и т. д., судя по названиям этих сел, при их образовании здесь сохранились прежние их тайповые наименования, существовавшие прежде в горах, так как основателями данных предгорных сел, по-видимому, были представители конкретных чеченских тайпов, пользовавшиеся большим авторитетом и правом преимущества в решении важных вопросов в сравнении с другими тайпами — Чечни и Ингушетии.

Данный факт, по-видимому, имел большое значение для формирования будущего сельского органа управления и определения его функций, роли и значения, для избрания старшины села (общества), распределения общинных земель и использования пастбищных и сенокосных угодий между членами основной общины (тайпа) и пришлыми людьми другого тайпа и т. д.

В 70-ые годы XVIII века дореволюционный исследователь И. А. Гюльденштедт, побывавший во главе научной экспедиции на Северном Кавказе и, в частности, в Чечне и Ингушетии, называет ряд наиболее крупных этнических обществ на территории так называемой Кистинской области, а именно: общества Ингуш, Ахкинчурт, Ардахли, Вапи, Осет, Макарл, Ангуш (Большой), Шалха или Малой Ангуш, а также другое крупное этническое общество Чечен (по-видимому, союз обществ или тукхумов) в свою очередь распадалось на более мелкие общества - Арахи, Кулга или Дганти, Галгай или Галга, Джанти, Чабрило, Шабет, Чисхрикакер. Автор называет также ряд других крупных этнических обществ - Карабулак, Мее-сти, Мереджи, Галашка, Дубан.⁶

К перечисленным выше крупным чеченским и ингушским обществам так называемой Кистинской области, количество которых составляли 14, исследователь И. А. Гюльденштедт относит также общества Эндери и Аксай под одним общим на-

званием Качалык (Качқалык/гIачалкх - чеч.), куда входило шесть горских деревень.⁷

Как известно, в рассматриваемое время в обществах Эндери и Аксай правили известные кумыкские князья. Здесь находилась их ставка. И Эндери, и Аксай одновременно являлись политическими и духовными центрами этих обществ. Население обществ было смешанное и находилось, видимо, под управлением кумыкских князей. В отдельных селах, которые входили в общества Эндери и Аксай, проживали также чеченцы, и все вместе они составляли одно Качкальковское общество.⁸

Кроме того, в указанных исследователем И. А. Гюльденштедтом крупных этнических (тайповых) обществах чеченцев и ингушей в так называемой Кистинской области одновременно существовали политические и духовные центры с идентичными названиями.

В начале XIX века другой дореволюционный исследователь С. Броневский, опираясь на материалы своих предшественников XVIII века (И. А. Гюльденштедт, П. С. Паллас, С. Г. Гмелин и др.), также называет территорию нынешней Чечни и Ингушетии некоей «Кистинской областью» и локализует на ней этнически близкие и даже родственные по своему происхождению, языку, обычаям, нравам, религии и хозяйственной деятельности 4 крупные этнические образования: 1). Кисты, собственно так называемые; 2). Ингуши или Ламур (горные жители - Ш.А.); 3). Карабулаки или Арште; 4). Чеченцы или Шешены (называемые также Мичкизы).⁹ Автор считает, что поскольку чеченцы, как «многолюднейшее колено» занимает большую половину так называемых кистинских земель и по сходству языка имеют много общего с ингушами, то условно можно разделить всю «Кистинскую область» на две части: на одной части территории, обитаемой кистами, автор называет ингушей, карабулаков и другие общества, а на другой, называемой Чеченской областью, по мнению С. Броневского, проживали сугубо чеченцы.¹⁰

Говоря же об административно-территориальном устройстве вайнахов, исследователь С. Броневский замечает, что разделение Чечни и Ингушетии на областей, провинций, во-

лостей, округов, колен, больших и малых обществ и союзов является весьма условным, ибо он не видит явного «различия округов или волостей от колен, поскольку под ними подразумевались в равной мере как «обширные области», так и «малые волости», включавшие в себе несколько деревень, принадлежавших к какому-либо колену»¹¹ (обществу или тай-пу - Ш.А.).

По существующему у кавказских республиканцев обычаю, - указывает далее С. Броневский, - в Кистинской области (провинции) подобных округов или волостей должно быть значительно больше, поскольку каждое колено (общество) в свою очередь делится на малое общество или союзы, куда входит несколько деревень. Из таких деревень одна признается всегда главою союза или сборным местом и, как правило, «все общество называется по имени главной деревни»¹². В то же время малые общества или союзы обществ вайнахов не всегда соответствуют названию волостей из-за малого количества жителей в них, и такие, общества называются дистриктами¹³, округами и уездами.

В XVIII - начале XIX века Восточную Чечню (Горная Чечня) составляли 3 крупных общества: горная Ичкерия, называемая вайнахами Нохч-Мохк; общество Мичик и Качкалы-ковское общество. Горная Ичкерия (Нохч-Мохк) занимала верховья рек Хулхулау и Аксая. Хронологически трудно определить время возникновения данного общества, хотя известно, что русские источники XVI-XVII вв. связывают его с «Мичкисской землицей». Данным именем назывались только чеченские поселения по р. Мичик. В документах XVIII века называются «ичари мооскиз», т.е. ичкеринцы-мичкизы, живущие в 25 верстах от Анди и насчитывающие до 50 малых деревень, а именно: Цонтарой, Зандак с населением во 100 дворов. Да-да-юрт (87 дворов), Умар-аджи-юрт (45 дворов), Чю-чели (40 дворов), Датгах (30 дворов) и т. д.¹⁴

Общество Цонтарой состояло из нескольких хуторов и отселков, группировавшихся вокруг села Цонтарой, являвшегося одновременно единственным политическим и духовным центром данного общества (тайпа). Внутри однотайпового селения Цонтарой имелись кварталы, принадлежащие разным некъе и тарам.

Общество Зандак состояло из нескольких чеченских селений, хуторов и отселков и было расположено на юго-востоке Чечни. В обществе в основном проживали однотайповцы-зан-дакъой, разделявшиеся на ряд некъе и гаров. Политическим и духовным центром общества являлось село Зандакъ.¹⁵

Источники сообщают также, что в первой половине XVIII века в обществе Мичик, т. е. в горах по р. Мичик существовало еще ряд чеченских селений.

В начале XIX в. исследователь А. М. Буцковский называет крупное общество Аух и перечисляет в нем чеченские села, образовавшиеся в результате переселения вайнахов на рр. Акташ и Ярык-су: Акташ (200 дворов), Юрт (50 дворов), Алмак (80 дворов), Ярык-су (или Качалык - 300 дворов), Ке-шень (200 дворов), Гилян (100 дворов), Зандак (100 дворов), Чучели (40 дворов), Даттых (30 дворов), Хасса-Мекент (70 дворов), Балча (60 дворов), Герзели (50 дворов), Дада-юрт (87 дворов), Умар-аджи-юрт (45 дворов).¹⁶

Как видим, общество Аух состоит из 14 сел. Названия отдельных сел общества Аух совпадают с названиями чеченских тайпов (родов), например, зандакъой, цонтарой и др. Духовным и политическим центром общества Аух являлось село Аух. Одновременно ее. Зандак и Цонтарой также являлись политическими и духовными центрами обществ Зандак и Цонтарой.

Другое крупное общество Восточной Чечни - Качкалыков-■ское - источники локализуют на территории между устьем рр. Сунжи и Аксай. По свидетельству И. А. Гюльденштедта в общество Качкалыковское или Качкалык входило всего 21 селение, в том числе ее. Кошкельды, Ойсунгур, Исти-су, Аллерой, Наурус-аул, Курчалой, Акку, Дада-юрт и др. Кроме кач-калыковских поселений, исследователь И. А. Гюльденштедт включил в состав данного общества уже возникшие к этому времени равнинные ичкерийские селения Аллерой, Курчалой и Акки. Другой иностранный исследователь Ю. Клапрот также называет другие селения общества Качкалык: сел. Кошкельды в 300 дворов, Ноемберды - 350 дворов, Ойсунгур - 350 дворов, Исти-су — 500 дворов, Наврусаул - 50 дворов и т. д. Он же включает в данное общество ичкерийские седа

Курчалой (20 дворов) и Али-аул. Далее Ю. Клапрот сообщает, что все качкалыкские селения принадлежали аксаевским князьям.¹⁷ Исследователь А. И. Ахвердов также считает, что 6 качкалыкских селений чеченцев располагались на правом берегу р. Терек. Известно, что в давние времена жители этих селений - чеченцы - были выведены с гор аксаевскими владельцами и поселены на этих местах, за что они считались подданными этих князей.¹⁸

Общество Качкалык (Качкалыкское) состояло из 21 селения чеченцев. Так же, как и Ауховское общество, названия некоторых сел Качкалыкского общества совпадают с названиями чеченских тайпов (родов), например: Аллерой, Курчалой, Аьккхи и др. Духовным и политическим центром общества Качкалык являлось село Качкалык (ГТачалкх - чеч.). Монотайповые селения Аллерой, Курчалой и Аьккхи одновременно являлись политическими и духовными центрами в своих обществах.

Несмотря на то, что качкалыкские чеченцы формально считались подвластными аксаевским князьям, однако они мало-помалу, пользуясь послаблением власти князей, выходили из их повиновения и никаких податей им не платили.¹⁹

К западу от Восточной Чечни (горная Ичкерия) в горах по ущелью рр. Джалка и Аргун, как сообщает Д. А. Милютин, были расположены большие общества чеченцев - Чеберлой, Шубуты и Шотойцы.²⁰ Население Чеберлоевского общества составляло около 3 тысяч душ мужского пола. Большая часть населения жила в хуторах. Несколько хуторов объединялось в одно селение под общим названием. Такое селение представляло собой одно маленькое общество из представителей одного тайпа (рода). Так, крупное общество Чеберлой в рассматриваемое время объединяло несколько тайпов-родов, представлявших каждый в отдельности небольшое общество - села Макажа, Садой, Орсой, Тундакха, Арие-овл, Хьаркруо, Бас-сахуо, Бунахуо, Хой, Хинда, Кьорзуной, Ригаха. Всего 12 монотайповых сел (обществ). Своим духовным и политическим центром жители Чеберлоевского общества издавна считали село Макажа.²¹

Другое крупное чеченское общество Шотой (Шуьйта) име-

ло несколько названий: Шубути, Аш-Шубута, Шуоти, Шуот, Шуьйта, Шотой. Общество Шотой объединяло несколько тайпов-родов: хьакой, гьаьтти, вашандарой, пхьамтой, хьалг1ой, маьршалой, саьттой, саной, тумсой, борзхой, варандой, келой. За каждым тайпом значилось конкретное село с тайповым названием. Саьрбалой и лаьпкаррой, проживавшие в шаро-аргунской котловине, также относят себя к шотойцам. Всего 14 тайпов. Духовным и политическим центром данного общества издавна считалось село Шуьйта.²² Каждый из перечисленных 14 тайпов (родов), составлявших в совокупности большое многотайповое общество Шотой (Шуьйта), в отдельности же представлял небольшое сельское общество (село) с конкретным тайповым названием, (например: ее. Вашандарой, Варандой и др.), куда входили все близлежащие к селам хутора и отселки. Каждое тайповое село (общество) имело вокруг себя небольшие хутора и отселки и являлось их общим политическим и духовным центром.

На юго-восточной части Чечни были расположены известные чеченские общества (тайпы) — Нашха, Терлой, Митхо, Май-сты, Чанти и др. В конце XVIII - начале XIX в. общество Нашха составляло 200 дворов (1 тыс. жителей) и состояло из 4-х крупных тайпов и некие - Нашха, Ч1армаха, МогГуста, Хьай-баха и т. д. Многие чеченские тайпы признают себя выходцами из Нашха. Названия многих сел общества Нашха идентифицируются с наименованиями отдельных чеченских тайпов (например: Бена-кха, Мулка и др.). Духовным и политическим центром своего общества нашхоевцы считают Хьайбаха и ХГийлах.²³

В 60-х годах XIX в. в связи с общественно-политическими и экономическими изменениями в крае, вызванными завершением Кавказской войны и отменой крепостного права в России, происходят соответствующие изменения в демографическом развитии населения горных районов Чечни и Ингушетии. Часть населения уходит отсюда из-за малоземелья на равнины, некоторые села остаются заброшенными. В это время общество Нашха составляло уже 6 селений: Пешхой, Черм-хой, Мозарой, Хайбах, Тестерхой и Аялли общей численностью 75 дворов. Каждое селение общества Нашха, за исключением с. Тестерхой, имело около 13—15 дворов.²⁴

Общество Терлой в начале XIX века состояло из 13 населенных пунктов (селений) с 200 дворами жителей, пишет исследователь Н. Г. Волкова.²⁵ Местный этнограф А. С. Сулейманов считает, что общество Терлой объединяло представителей различных чеченских тайпов, ггроживавших в 12 селениях с тайповыми названиями. Внутри общества Терлой, - указывает автор, - изолированно жили некоторые группы чеченцев, считавшие себя отдельными тайпами, как, например: ее. Никархой и Барх1ай в бассейнах рр. Никархой-эрк и Барх1айн-эрк, а также с. Б1авлой в бассейне р. Б1авлойн-эрк.²⁶ По сведениям грузинских источников, общество Терлой объединяло 21 населенный пункт с 163 дворами. Это - селения Никархой, Арстхой, Басхой, Курачой, Харсанллерой, Пезхой, Гезехой, Муцарой, Баулой, Сенухой и др. Наиболее крупными среди них были селение Никархой, составлявшее 25 дворов и Баулой - 23 двора. В остальных селениях число дворов колебалось в пределах 4 (с. Арстхой и др.) и 8 (се. Гезехой, Отты и др.).²⁷ По-видимому, некоторые из перечисленных грузинскими источниками сел общества Терлой отчасти носили тайповые названия и одновременно являлись местами компактного проживания представителей того или иного чеченского тай-па. Политическим и духовным центром общества Терлой являлось с. Терлой.

Согласно грузинским источникам вначале XIX в. в обществе Малхиста (хевсурское название «Митхо») было сосредоточено 11 селений со 177 дворами, в которых проживало 1,5 тыс. жителей; а именно: ее. Тертего (60 дворов), Бонисты (30 дворов), Джареги (20 дворов), Харпато (200 дворов), Сохано (10 дворов), Бостаны (10 дворов), Мизо (7 дворов), Икельта (6 дворов), Камалако (5 дворов), Бозияхи (5 дворов), Олакано (4 двора).²⁸ Русский офицер А. Зиссерман, побывавший здесь, пишет, что чеченское общество Митхо (Малхиста) было расположено в 10 верстах от с. Шатели и имело 6 небольших населенных пунктов. Отмечая своеобразие малхистинцев, А. Зиссерман продолжает: «Они называют христиан неверными, а поклоняются Св. Георгию, не делают намаза, не едят свинины, не имеют мулл и мечетей».²⁹ Другой исследователь Г. Радде, побывавший в этих краях в 70-х годах XIX в., сообщает о

10 малхистинских (митхойских) селениях, расположенных по левому притоку р. Аргуна - ручью Митхой и где насчитывалось **174** двора.³⁰

Местный этнограф А. С. Сулейманов в середине 70-х годов XX столетия обследовавший общества Малхиста, отмечает, что из 14 небольших сел, в которых жили малхистинцы, два села были расположены на правой стороне реки Меши-хи-ж1аре (на карте Джареги) и Шегине (на карте Кагинахо). Остальные села были расположены на южном склоне горы Коре-Лам, тянущегося параллельно Главному Кавказскому хребту. Протяженность Малхистинского ущелья составляла **18-20** километров. Автор выделяет чеченские села с тайповыми названиями, входившие в состав общества Малхиста: Икалчу, Б1енистие, Сахана, Щенчу Мехка, Тутанда, Нахараста, Кхо-руотта, Банах, Дуоза, Комалха, 1амие, Б1аьстие, Ж1арие, Туг1анча. Политическим и духовным центром общества Малхиста являлось село Малхиста.³¹

Известное чеченское общество М1айста (М1айстой) в XVIII - начале XIX века граничило на юге с хевсурами, на севере и западе - с обществами Маьлхи и Кей, на востоке - с обществом Хилдехьа. В обществе М1айста находилось всего три села -ТГуга, Пуог1а и Щекхелли. Все эти 3 аула лежали на склонах ущелья и реки М1айстон-эрк, текущей с юга на север. На левом берегу р. М1айстон-эрк лежали села ТГуга и Пуог1а, а на правом берегу с. Щекхелли.³² Согласно сведениям Н. Г. Волковой, общество Майсты располагало 3 селениями из **72** дворов жителей.³³

Общество Майсты было значительно меньшим как по количеству населенных пунктов в нем, так и по числу жителей в них. Согласно сведениям А. Зиссермана, в обществе Майсты было сосредоточено всего три селения: Цахиль-Гой (по грузинским источникам - Джавали-сопели), Тут-Гой и По-Гой.³⁴ Эти же селения в несколько измененно-усеченной форме называет и другой дореволюционный исследователь Г. Радде (се. Туго, Пуго и Джавари-сопели). По его сведениям все эти села были расположены по правому притоку р. Аргуна - ручью Майсты и общее число жителей в них составляло не более 200 человек.³⁵

Самым крупным селом в обществе МЕайста по рассказам старожилов, - указывает А. С. Сулейманов, - являлся Фаранз-кхелли³⁶, которое после с. М1айсты также, по-видимому, служило политическим и духовным центром всех майстинцев.

Общество Чанта (Ч1аьнта, Ч1аьнтий - чеч.) в рассматриваемое время граничило на юге с обществом Хьачара, на востоке - с обществом Дишни, и было расположено в бассейне р. Добрахойн-эрк, берущей начало в местечке Кхаь куьртий и текущей с юго-запада на северо-восток правого притока Ч1аьнтий Орга. Общество Ч1аьнта долгое время играло ведущую роль в общественной жизни во всем Аргунском ущелье. Видимо, с этим связано то обстоятельство, что р. Аргун носит название Шаьнтий Орга. Общество Ч1аьнта состояло из 7 селений (135 дворов) и множества хуторов и отселков в количестве 36. Каждое из 7 селений, составлявших в целом общество Ч1аьнта, являлось носителем тайповой принадлежности - Добра, Бобаш Гут1&> Хаз-Кхелли, Хьирах, Тас Гут1а, Кхокхада, Хьелди. Село Добра являлось древним поселением, оно охватывало Шел ЦГуьника, Тера ЦГуьника, Ч1аг1ие, Дехьа Добра, Сехьа Добра (Басара Добра, К1огура Добра). Духовным и политическим центром общества Ч1аьнта считалось село Итон-Кхелли.³⁷

В XVIII - начале XIX века крупное чеченское общество Шора (Шарой) граничило на юге с обществом Шикъара, на западе — с обществом Щеса, на востоке — Хьакъмада, на севере - с Д1ай. Локализовалось оно на левой стороне реки (берегу) Шаройн Орга. Общество Шора (Шарой) в течение нескольких веков играло ведущую политическую, экономическую и культурную роль в шаройской котловине, являясь одним из центров древнейших поселений предков вайнахов. Крупное этническое общество Шарой состояло из трех главных поселений (обществ) с тайповыми названиями: Шора, Жог1ал-да, Пой, в которых сосредоточено было множество хуторов, отселков, представлявших собой отдельные некъе и тары. Духовным, административным и политическим центром данного общества считалось село Шора.³⁸

В рассматриваемое время наиболее известными и главными ингушскими обществами или союзами обществ, которые

имели в своем подчинении небольшие деревни, назывались сборным местом и управлялись владельцами и старшинами, являлись общества Вани, Осет, Макалр. Их земли, по свидетельству С. Броневского, были расположены на восточной части в направлении от Владикавказской крепости, в нескольких верстах друг от друга, между рр. Терек и Камбилеевка, на речке, впадающей в Терек, напротив осетинской деревни Чми.³⁹

К известным другим крупным ингушским обществам Большой, или Старый Ангушт и Малый Ангушт, земли которых были расположены в" основном в верхнем течении р. Камбилеевка, у подошвы гор, на открытой и возвышенной местности принадлежали относительно маленькие по числу дворов в них деревни: Галга, Тироль, Ака, Беци, Ялгор, Корби, Аздар, Вишу, Голый, Ной, Гой, Цулай, Мелер, Палан и другие. Всего около 25 деревень.⁴⁰

Сравнительно большим селом в Ингушетии в это время являлся Ахкин-юрт (по-видимому, Акки-юрт - Ш.А.), расположенный у истоков р. Сунжи, между рр. Камбилеевка и Сунжа.

Довольно известными и крупными обществами Ингушетии, как считает С. Броневский, являлись также общества Меести, Мереджи, Галашка, Дубан, расположенные рядом друг с другом по рекам Шадгир или Асса, а также по притоку р. Сунжи, куда входили более маленькие деревни: Махки, Хамха, Таргим, Агикартне, Цулуи, Бештузы, Залгай, Малар, Арапе, Тала, Бархан, Кори: всего более 30 деревень.⁴¹

В XVIII - начале XIX века, как мы отмечали выше, крупные общества (села) ингушей, оставаясь одновременно как главные и независимые общества, контролировали деятельность маленьких сел и управляли ими через выборных старшин, которых, как правило, сами жители избирали из знатных и состоятельных тайпов (родов), причем старшинские права закреплялись за ними по возможности наследственно. «Ингуши разделены на малые независимые общества под управлением выборных старшин, - указывает источник, - которые будучи избираемы из богатейших родов, и ио причине частого повторения выборов из тех же семейств, обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наслед-

ственно». В то же время в Ингушетии были известны такие знатные и богатые тайпы, от которых, как правило, избирались старшины, как, например: Мацех, Веза, Чев и Пшану-ва.⁴²

Говоря о формах зависимости ингушских крестьян и старшин от пришлых князей или владельцев, С. Бронеvский замечает, что «аксаевские и кабардинские князья издревле стараются утвердить над ингушами временные права завоевания наложением даней и требованием всегдашнего от них покорства». В официальных письмах на имя представителей царской администрации на Кавказе отдельные ингушские старшины и их подвластные крестьяне указывали о своей зависимости, хотя и временной, от кабардинских князей. Так, например, в XVIII веке ингушские старшины (по-видимому, владения Ангушт - Ш.А.) и их крестьяне представили письмо на имя командующего на Кавказе генерал-майора Де-Медема о том, что «временно они платили подать кабардинцам с каждого двора по одному барану, а у кого нет барана, то на одну косу железа...».⁴³

В XVIII - начале XIX века на западной части территории проживания ваиных и, в частности, в горах и в предгорьях Ингушетии так же, как и в Чечне, локализовались небольшие этнические политические образования ингушей, известные в исторической литературе, как «вольные» сельские общества или союзы сельских обществ.

Территорию расселения ингушей составляли как горные, так и предгорно-равнинные районы по рр. Армхи, Камбилевка, Сунжа (с притоками рр. Герг, Назрань, Эндерипс) и Асса. Ингушские селения располагались в нескольких верстах на восток от Владикавказской крепости в предгорьях, пересекаемых возвышенными равнинами, и оттуда, расширяясь, простирались далее на восток. Горные ингуши сами себя называли «ламорой» (горные жители), а своих соседей чеченцев - «нохчой».⁴⁴ Данная «этническая территория ингушского народа, - замечает исследователь Н. Г. Волкова, - не будучи стабильной, создавалась в результате многочисленных и разнообразных миграционных и этнических процессов, имевших место в ингушском обществе в конце XVII века».⁴⁵

С начала XVIII века в западной части Ингушетии действительно происходили значительные демографические и миграционные процессы. Так, судя по источникам, если в районе с. Ларса в XVI - начале XVIII в. проживали ингуши, то в конце 20-х годов XVIII в. их сменили осетины. Исследователь Ю. Клапрот также отмечает, что осетины занимали в XVIII веке с. Ларе и основали возле него свои селения Чми и Балта и за это они долгое время платили ингушам дань за пользование этой землей.⁴⁶

Многочисленные предания свидетельствуют о том, что часть ингушей и аккинцев в прошлом передвигалась и уходила с запада на восток. Так, в осетинских преданиях, записанных в свое время исследователем Л. П. Семеновым, говорится о том, что ингуши в прошлом проживали в Куртатинском и Даргавском ущельях, откуда они под натиском осетин и кабардинцев ушли сначала в Санибанское ущелье, а позже через район сел. Чми - на правый берег р. Терек.⁴⁷

Другое предание, записанное известным кавказоведом Н. Г. Волковой в 1971 г. от аккинца из сел. Бони-юрт, также подтверждает о продвижении части ваиных с запада на восток. Предание говорит о том, что «некогда аккинцы, вышедшие из Шами (Сирия - Ш.А.), обосновались под горой Казбек, но, враждуя с бацави-гурджи, они вынуждены были уйти в местность Пула, которая, по мнению рассказчика, аккинца из села Бони-юрт, находилась в верховьях р. Армхи или р. Ассы». Однако впоследствии в результате нападения калмыков на аккинцев последних заставило уйти из Пула (ср. правый приток р. Ассы - Пулой-хи) и поселиться на р. Мичик, но вторичное нападение калмыков окончательно вынудило аккинцев переселиться в горы к реке Яман-су и создать здесь свои поселения.⁴⁸

В рассматриваемое время существуют и другие материалы, которые также подтверждают о постепенном продвижении аккинцев с запада на восток. Так, например, жители с. Кербите, расположенного в Джераховском ущелье рядом с сел. Эрзи, считают себя выходцами из Кербите, ранее живших в горах, в Аккинском обществе, в селе с таким же названием. В обществе Акки существовало село Озьми, известное в XIX

веке в нижнем течении р. Армхи. Жители сел. Фалхан (правобережье р. Армхи) считают себя аккинцами по происхождению. Орстхойцам-хаккоевцам (ср. - Хакки - Кочи-юрт, район Алкуна), переселившимся с р. Ассы в начале XIX в., принадлежало сел. Цогуной на р. Аргун, расположенное на месте сел. Шотой. В Шотоевском обществе проживает тайп Хак-кой, который насчитывает около 100 хозяйств. Из общества Щечеахк, далеко на восток к Шаро-Аргуну продвинулись цечоевцы (орстхой) и образовали здесь сел. Пхьамат. Представители этого общества (тайпа), хотя и считаются чеченцами, но по сей день называют себя орстхой.⁴⁹

В XVIII в. в нижнем течении р. Армхи, по сведениям, Ю. Клап-рота, были расположены два фамильных феодальных поселения-владения: Цурате и Ленате, вместе составляющие сел. Джерах. Однако фактически названия этих селений связываются с фамилиями Дуровых и Льяновых, первая из которых и сейчас встречается среди ингушей и осетин, а вторая - только среди ингушей.⁵⁰

В начале XIX века к Джераховскому обществу принадлежали селения Калмыков (Калмыкау), Волокав (Уаллагкау), Пемат (Пхемат), Большой и Малый Вазби (Обзми).⁵¹ Название сел. Калмыкау происходило от осетинского фамильного поселения Калмаковых (ср. Калманкау из Куртатинского ущелья). Более того, известно, что в документах середины XVIII века в Джераховском ущелье упоминается имя одного из кистинских старшин Цаука Мирзы Калмакова, который, по-видимому, в это время управлял в своем феодальном владении (обществе) с одноименным названием, т.е. Калмакова.⁵²

Следует отметить, что в рассматриваемое время в нижней части Джераховского ущелья проживали также отдельные осетинские переселенцы, ранее переселившиеся сюда из-за кровной мести и образовавшие свои небольшие фамильные поселения. В это время здесь насчитывалось пять небольших джераховских поселений, в которых было 37 дворов и 185 жителей, происходивших от осетин - сел. Цурате (Цуровых), Ленате (Льяновых), Слоновых (Дударовых) и др.⁵⁸ Кроме Дударовых, в Джерахе были фамильные феодальные поселения Мамиловых из сел. Эрзи и Гудантовых из сел. Мецхала. Ин-

гуш Базар Мамилов, говоря о сословных правах ингушской феодальной верхушки и о происхождении своей фамилии, сообщал, что один из его предков по имени «Даур-Бек поссорился с дядей своим Андом (ср. ингуши Яндиевы - Ш.А.), из-за чего оставил Кистинию и переселился к джераховцам, где пользовался всеми преимуществами, какими пользовались тагаурцы, заключал с ними браки, брал пошлыны за проезд или провоз товаров по Военно-Грузинской дороге и управлял кавдасардами наравне с тагаурцами. После него пользовались этими правами сын его Шейлынк, внук Багамет и правнук Тачь (фамилия Тачиевых - Ш.А.) и отец наш Дударуко, который почти ежегодно был приглашаем грузинским царем Ираклием...»⁵⁴.

Ближайшими соседями джераховцев по р. Армхи, согласно источникам XIX века были **кистины** или, как их реже называют, **фаппийцы**. По сведениям источников XVIII — нач. XIX в. область расселения кистинцев (фаппийцев) занимала среднее и верхнее течение р. Армхи. По описанию 1816 г. кистины на западе граничили с джерахами, на юге граница их проходила по р. Ахкархий, доходя до ее верховьев, через которые лежал путь в Архоты и Гудашаури. Кистинских селений здесь, по сведениям того же источника, насчитывалось 25,⁵⁵ а население составляло 1195 душ: христиан и 74 мусульман.

Исследователь С. Броневский отмечает, что общество кистов или кистин, собственно так называемое в дореволюционной кавказоведческой литературе, локализовалось на правой стороне р. Терек, высоко в горах, напротив осетинского общества Тагауров!.. Земли кистов в основном были бесплодные, расположены на известковых и шиферных горах и простирались на расстоянии 30 верст от Владикавказской крепости до самого Дарьяла, где начиналась граница с Грузией.⁵⁶ Главными обществами (селами) кистов являлись Задрово и Джерах, которые одновременно выступали в качестве политических центров — сборных мест двух разных обществ. Вместе с входившими в них деревнями эти общества составляли не более 500 дворов. В русских источниках XVIII - начала XIX в. кистов (кистинцев) называют зауровцами и джераховцами, исходя из этнического названия общества, не смешивая их с

ингушами (ингушевцами), хотя жители других горных обществ называли их так же, как и ингушей - галгаями. Общество кистов было независимое и управлялось выборными старшинами.⁵⁷

В состав кистинского общества, в рассматриваемое время входили еще 3 довольно крупных и независимых друг от друга общества (села): Галгай (у истоков р. Ассы), Галбы (в верховьях р. Сунжи), Глигвы (на р. Глигви).⁵⁸

В рассматриваемое время, в частности, со второй половины XVIII века продолжается процесс выхода ингушей с гор на равнины и образование множества поселений, в том числе и смешанных: на востоке - ингушко-карабулакских, на западе - осетино-ингушских.

Ингушское селение Заурово, о котором исследователь С. Броневский сообщает как о главном и политическом центре кистинского общества, по мнению иностранного исследователя-путешественника Ю. Клапрота, и, судя по картографическим материалам, существовало с 60-х годов XVIII века, и в нем проживало тогда много беглых осетин.⁵⁹ Судя же по мнению академика И. А. Гюльденштедта, сел. Заурово возникло недалеко от будущего Владикавказа, на старой дороге в Грузию, которая проходила от Моздока на Ахловы кабаки, затем через р. Камбилеевку, далее на Заурово и после этого в Дарьяльское ущелье. В начале 80-х годов XVIII века село Заурово имело 30 дворов и располагалось на крутом берегу р. Терек, в 4-х верстах от того места, где позднее была заложена крепость Владикавказ.⁶⁰

Самая восточная область самостоятельного ингушского этнического общества Галгай располагалась в верховьях р. Ассы. Земли галгаев имел в виду известный грузинский географ Вахушти Багратиони, называя их территорией Глигви.⁶¹ По свидетельству Ю. Клапрота, в состав ингушей входило 7 племен: Тергимха, Аги, Хамхой, Кортой, Цимкайбох (Оздой), Евлой и Вапи⁶², из которых Таргим, Аги (т. е. Эгикал), Хамхи являлись главными галгаевскими селениями. Источники конца 20-х - начала 30-х годов XIX века называют более полные сведения о землях галгаев, занимавших в этот период обе стороны р. Ассы и течение р. Тоба - чеч. (приток р. Ассы). В це-

лом территория Галгая, судя по этим источникам, составляла 321 кв. версту, на которой располагалось 55 селений с 213 дворами и 1065 человек жителей. Все галгаевские села были невелики по числу дворов. Самое большое из галгаевских населенных пунктов сел. Хамхи в то время имело 10 дворов.⁶³ Выходцы из общества Палгай-шахбар считают себя истинными галгайцами. Политическим и духовным центром Галгаевского общества являлось село Палгай-шахбар.

Ниже по течению р. Ассы располагались Карабулакские, часть Галгаевских и Галашевские общества. Наличие селений этих обществ в среднем и нижнем течении р. Ассы свидетельствовало о направлении миграции: с верховьев этой реки (галгаевцы), с реки Фортанги (карабулаки) и с территории вокруг озера Галанчож, т.е. поселений тайпа Галой. Населенные пункты галашевцев значатся на карте 1768 года, на которой место впадения р. Ассы в р. Сунжу обозначено названием «Галачи». Селения галашевцев называет также другой исследователь И. А. Гюльденштедт. Источник начала XIX века локализует галашевцев по обоим берегам реки Ассы, но более всего по левобережью. Этот же источник называет 10 галашевских селений, в которых было сосредоточено более 155 дворов. В число галашевских поселений были включены некоторые селения Галашевского общества (Мужичи, Нижний Алкун) и Карабулакского общества (с. Верхний Алкун). Общее число галашевцев в это время составляло 775 душ обою пола.⁶⁴

Общество Больших Ингушей. Кроме низовьев р. Ассы и прилегающих районов р. Сунжи, источники называют и другое направление и территории компактного проживания (локализации) ингушей в XVIII - нач. XIX в. Это Тарская долина и другие территории по р. Камбилеевка, где уже в конце XVII века было известно **общество и село Онгушт (Ангушт)**. Вахушти Багратиони считает, что село Ангусти находилось по р. Борагние-цкали, которую отождествляют с р. Сунжей.⁶⁵ Однако источники 2-ой половины XVIII века утверждают, что сел. Онгушти находилось в Тарской долине, и, по всей вероятности, в данном случае грузинский географ допустил явную ошибку, назвав с. Ангусти (Ангушт) по р. Сунже. Судя по описанию Вахушти это было большое селение, «жители которого

похожи на черкесов и по вере мусульмане». ⁶⁶ По сведениям И. А. Гюльденштедта сел. Онгушт в 1771 г. находилось в Тарской долине, по р. Камбилеевке, и в нем было значительное население, среди которых были как ингуши-фапгий, так и галгаи. ⁶⁷

В рассматриваемое время сел. Онгушт (Ангушт) входило в состав общества, известного в источниках под названием «Больших Ингушей» и занимавшего земли по р. Камбилеевке. В начале 80-х годов XVIII века здесь побывал исследователь-путешественник Штедер, который, двигаясь вверх по р. Камбилеевке в сторону Тарской долины, пришел в первую ингушскую деревню Шалха, образованную переселенцами из Больших Ингушей в 50-60-х годах XVIII века. От сел. Шалха дорога вела в Тарскую долину **- долину Больших Ингушей.** ⁶⁸ Большинство тарских селений было расположено на северной стороне долины, одна часть - на склонах гор, а другая - у реки. В западной части верховьев р. Герг (западный приток р. Камбилеевки) также было сосредоточено несколько обособленных ингушских селений, входивших в общество **Больших Ингушей.** ⁶⁸ Внутри Тарской долины Штедер называет сел. Вапи. Именно в ваппинцы (фапгий), как указывает автор, прежде жили на р. Герг, откуда одна часть их ушла, а другая осталась в бесплодных горах. Всего в Тарской долине насчитывалось до 300 фамилий (дворов). Здесь жили Тергимхоевы, Эги (ср. Эгикал), Хамхоевы, Оздоевы, или Цимкайбох, Евлоевы и ваппинцы. Первые шесть фамилий мигрировали из общества Галгая. ⁶⁹

Исследователь И. А. Гюльденштедт рассматривает в составе общества Больших Ингушей селение Акки-юрт, Вапи и др. Селения были расположены ближе к горам. «Все они свободны, - указывает И. А. Гюльденштедт о жителях Тарской долины, - не имеют князей. Живут в постоянных деревнях, каждая примерно в 20 домов...». ⁷⁰

Общество Малых Ингушей. В 1773 г. на территории Малых и Больших Ингушей побывал руководитель миссионерской комиссии А. Лебедев, который, докладывая о результатах своей поездки Кизлярскому коменданту Штедеру, в частности, отмечал, что следствием притеснений жителей Малых

Ингушей кабардинскими князьями стало частичное переселение их в Большие Ингуши. ⁷¹ Исследователь А. Н. Генко считает 60-ые годы XVIII века временем возникновения группы поселений Малых Ингушей, когда жители Тарской долины, продвинувшись через узкий горный проход, отделявший р. Камбилеевку от равнины, заняли оба берега этой реки в урочище Шаулохи (Шолхи) ⁷². Высказывания А. Н. Генко подтверждает также иностранный исследователь-путешественник Ю. Клапрот, считающий, что поселения Малых Ингушей образовались за счет переселившихся с гор ингушей около 40 лет назад. ⁷³

Большие и Малые Ингуши в самом начале XIX века, по свидетельству Ю. Клапрота, составляли более 25 деревень, в том числе: Галга, Ака, Беци, Ялхор, Корби, Бушу, Голай, Ной, Гой, Цулай, Мелер, Паланг и др. Многие из приводимых Клапротом названия сел указывают на истоки ингушских переселений, как, например: сел. Галгаи (совр. Камбилеевское) - на верховья р. Ассы; Бушу, по-видимому, с сел. Вауче (Вауш) в Аккинском обществе; Голай - с Галанчожем; Цулай, Мелер - с галгаевскими селениями Цоли, Мелери и т. д. ⁷⁴

Часть ингушей в рассматриваемое время мигрировала в район р. Сунжи и образовала здесь ряд селений. Исследователь и одновременно он же и комендант кизлярской крепости Штедер называет на р. Сунже село Казахгечу из 35 дворов, население которого состояло из ингушей и карабулаков, а также небольшое общество Ахкин-юрт по этой же реке в горах, населенное пришедшими с гор карабулаками и ингушами. Когда эти места посетил лично сам Штедер, то поселения общества Ахкин-юрт были значительны, состояли из 3-4-х селений, расположенных под лесистыми горами по левой стороне р. Сунжи, на ее притоках. Возникновение поселений общества Ахкин-юрт стало возможным после ухода из этих районов кабардинских князей. ⁷⁵

Общества ингушей Назрани и вокруг нее. В 1810 году и в последующие годы вокруг Назрани и несколько севернее нее образуются многочисленные ингушские поселения. В это время 60 дворов жителей Назрани поселяются в местности Ачалуки, образовав сел Ачалуки. Основателями села считаются

Бековы и Чопановы из общества Таргима и Богатыревы из общества Эгикала. Позже в сел. Ачалуки переселились в основном галгаевские тайпы: Евлоевы, Аушевы (из Эгигала), Циздоевы (из сел. Цизды), Таршхоевы (Фаппий), аккинские и орстхоевские тайпы (Акиевы, Булгучевы, Цечоевы).⁷⁶

В образовавшемся в это же время в другом ингушском сел. Тимурково, которое находилось в двух верстах от крепости Владикавказ на правом берегу Терека, также проживало значительное число ингушей. В 1810 г. в селениях Назрани и Тимурково насчитывалось до 866 ингушских дворов. В сел. Эндери, находившемся в 3-х верстах от Назрани и имевшем 80 дворов, совместно проживали чеченцы, карабулаки и ингуши. В 1816 г. вокруг Назрани (назрановцы) находилось 93 небольших селения, в которых насчитывалось 2410 дворов и 12050 человек.⁷⁷

В рассматриваемое время известные и довольно крупные общества карабулаков и горных аккинцев составляли две локальные этнические группы вайнахов, имевшие не только отличительные самоназвания (орстхой и аьккхий), но и некоторые диалектные особенности в языке. В сознании большинства вайнахов представители карабулаков и аккинцев, занимающие промежуточное географическое положение между местными народами, предстают как особые тайпы, которые не причисляют себя ни к чеченцам, ни к ингушам. «Сами орстхоевцы и аккинцы объединяют под именем орстхой четыре подразделения: собственно орстхой, аккий, мержой и цечой»⁷⁸, - указывает известный кавказовед Н. Г. Волкова.

Согласно документальным источникам в 70—80-х годах XVIII века общество Карабулак локализовалось в среднем течении рр. Ассы и Фортанги и образовалось, по-видимому, за счет объединения сравнительно больших и влиятельных карабулакских тайпов - Цечой, Мержой и Орстхой.⁷⁹

Чеченцы называют карабулаков «арштхой» (орстхой), а сами карабулаки и ингуши называют их «арште».

В рассматриваемое время общество Карабулак (Орстхойцы) объединяли следующие некъи и тары: Щечой, Мержой, Хъевхарой, Галай, Ферг-некъие, Белхарой, Оьрг-некъие, Галха-некъие, Виелха-некъие, Мужахой, Булгучан-некъие,

Бока-некъие, Иандалой, Мужганхой. Всего 14 известных тайпов, некъи и гаров. В общество Карабулак (орстхойцев) входило около 40 населенных пунктов. Своей прародиной Орстхойцы (Эрштхойцы) считают древний аул Щечу-эхкие в 4-х км от Щечу-олкумие. Собственно он и являлся в рассматриваемое время духовным и политическим центром данного общества.⁸⁰

Более ранние сведения об экономическом развитии и общественно-политическом устройстве карабулаков (орстхойцев) находим в источниках и работах не ранее 70-80-х годов XVIII века (труды авторов Штедера и Гюльденштедта) и в начале XIX века (труды авторов Клапрота, Вахушти, Бутко-ва, Ахвердова, Буцковского, Броневского и др.). Правда, первое упоминание одного из тайпов карабулаков - Мержой встречается в русских источниках XVII века.⁸¹

Известный грузинский географ Вахушти Багратиони область проживания карабулаков размещает к востоку от общества Глигви, т. е. от Ассинского ущелья, по реке, берущей свое начало между гор Глигви и Панкиссии. Данная река течет к северу и впадает в Глигвицкали, под которой Вахушти подразумевает р. Ассу. Единственным крупным притоком р. Ассы являлась река Фортанга.⁸² На карте 1733 г. по реке Фортанге, которая называется еще и р. Балсу, обозначено «100 деревень».⁸³

Исследователь И. А. Гюльденштедт также подтверждает, что население, живущее по р. Балсу, является карабулакским. «Черкесы, - указывает он, - называют карабулакскую реку Балсу».⁸⁴ Собственно, среди части ичкеринцев (горцев) называют орстхойцев «балой», а в источниках XVIII в. встречается имя «балсурцы».⁸⁵

По документальным сведениям 60-х годов XVIII века, приводимым академиком П. Г. Бутковым, карабулаки занимали территорию в горах, в верховьях р. Сунжи, по рекам Осай, или Васай-су, т. е. Ассе, и Бал. Орстхойцы зависели от эндерийских, брагунских и некоторых кабардинских владельцев и платили им дань. В 1772 г., - сообщает далее автор, — часть орстхойцев, которая приняла российское подданство, переселилась на равнину в урочище Карасу-Яндырь, которое находилось на месте впадения р. Осай (Ассы) в р. Сунжу.⁸⁶

И. А. Гюльденштедт сообщает, что карабулаки имели в своем владении 6 речек -притоков Ассы, Фортанги и Сунжи. Среди этих речек автор называет р. Балсу, которая являлась притоком р. Фортанги. На речке Шелмигор, правом притоке р. Сунжи, была расположена карабулакская деревня Боко, называемая по имени знатнейшего старшинского рода. На территории карабулакского общества И. А. Гюльденштедт называет также ручьи Ашган, Валерик и Шалаш.⁸⁷

Свои сведения о карабулаках сообщает также исследователь Штедер, который в 1781 г. побывал среди них. Проехав по р. Фортанге (второе название этой реки - Балсу), автор увидел карабулакские фамильные поселения, разбросанные в долине этой реки. Каждая карабулакская фамилия (тайпа) или община составляла 40-70 человек.⁸⁸

Очень краткие сведения о карабулаках содержатся в труде иностранного исследователя Ю. Клапрота, который побывал здесь в самом начале XIX века. «Аршты не имели князей и управлялись старейшинами, - указывает он, - однако ранее у них были кумыкские князья».⁸⁹ Подобный факт сообщает Штедер, рассказавший о своей встрече во время путешествия к карабулакам «с их вождем, юным андреевским князем Шабулаф Аджи сыном Муртазали, ехавшим со своим приемным отцом (аталык) старшиной карабулаков и с 9 чеченцами».⁹⁰

В начале XIX века исследователь Ю. Клапрот отмечал, что самая северная группа карабулаков проживала по маленькому ручью Балсу; а также на западной части территории от ручья Шелмигор, впадающего ниже р. Ассы в р. Сунжу. На р. Шелмигор было расположено карабулакское сел. Боко с 40 семьями. Существовала здесь еще долина р. Фортанги. Форман-аул был главным местом проживания карабулаков. Он был расположен на ручье Шелкан и состоял из 80 домов. По свидетельству того же Ю. Клапрота, на ручье Басерен (правый приток Ассы) проживало небольшое карабулакское общество Мереджа,⁹¹ являвшееся, как известно, одним из 4-х составляющих подразделений орстхойцев.

В первое десятилетие XIX века, по сведениям Кизлярского коменданта А. И. Ахвердова, карабулаки занимали некоторые территории, близко расположенные к верховьям р. Сун-

жи, автор указывает на систематическое уменьшение численности карабулаков в результате войн с соседними народами и переселении части карабулакских фамилий, перешедших в покровительство чеченским знатым фамилиям.⁹² Об этом же пишет и А. М. Бундовский в своем очерке о кавказских народах в 1812 г. «Аухами, — пишет он, — называются поселившиеся на землях кумыкских около рек Агташа и Ярухсу карабулакские и частью чеченские выходцы, кои кумыкам дань платят баранами и в обязанности которых давать вспомогательных воинов». Кроме того, жители ауховских, т.е. карабулакских, селений обязаны были давать кумыкским владельцам с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокосу. Хотя, как замечает далее А. М. Бундовский, селения Хасамкент, Балчи и Герзелли от этой повинности уже отклонились.⁹³

В исследованиях другого царского офицера С. М. Броневского в первой четверти XIX века, хотя и есть сведения о карабулаках, повторяющиеся в сообщениях его гоедшественников, все же приводятся им новые суждения и материалы. Так, согласно источнику, - отмечает С. М. Броневский, - главной деревней карабулаков вначале являлось Воко (по-видимому, дер. Боко — Ш.А.), по имени знатнейшего и влиятельнейшего человека из старшинского рода. Деревня Боко была расположена на р. Шелмигор, впадающей в правый приток р. Сунжи, и состояла не более чем из 40 дворов. Согласно преданиям, в древние времена карабулаки являлись сильными воинами, которых уважали соседи за их храбрость и соблюдение ими справедливости. Часть карабулаков в числе 200 семей, оставшаяся в живых после истребительной междоусобной борьбы с соседними народами, попала якобы в зависимость от чеченцев. Вообще же карабулаки, как указывает С. Броневский, имели своих старшин, выбираемых ими из своей среды, и говорят они на кистинском языке, имеющем много общего и схожего с чеченским наречием.⁹⁴ Кроме того, известно, что с середины XVIII века значительная часть карабулакских селений признавала на какое-то время своим главным правителем Эндерийского князя Муртазали-Хаджи. Он почти не вмешивался в их внутренние дела, а только представлял интересы карабулаков перед царскими властями на Тереке.⁹⁵

Данные источников 30-х годов XIX в. говорят о том, что западные карабулаки проживали в 6 селах за р. Ассой, напротив с. Галашек. Число дворов в этих селениях составляло 868 с 8 тыс. **600** человек жителей. По другим документальным данным число карабулакских селений в эти годы составляло 21 населенный пункт с 627 дворами и 3 тысячи **100** человек жителей.⁹⁶

Горное общество Акки в рассматриваемое время граничило на юге с обществом Кей, на западе - с Мержой (Орстхой), на северо-востоке - с Галой, на востоке - с Нашха. Аьккхин-цы делятся на лам-аьккхий (горные) и арана-аьккхий (равнинные) или карабулаки (горная речка) от кумыкского слова «кхара-булакх». Карабулаков на востоке Чечни и в Дагестане знают как ауховцев. Аьккхинцев, как и орстхойцев, в древности называли «балой». (ср. Балой-лам. Балой-гора). Орстхой-цы считают аккинцев своими предками. Духовным и политическим центром общества Аьккха (Аккха) являлось село Аьккха, расположенное на юге-восточном склоне горы Морд-лам, на левом берегу реки Осу-хи.⁹⁷

Общество Аьккха в рассматриваемое время состояло из **11** населенных пунктов (аулов), представлявших каждый в отдельности места компактного проживания представителей того или иного тайпа, некие или, гара, входивших в состав аккинского общества. Название сел (аулов) соответствовало наименованию конкретного тайпа (общества). Следующие чеченские аулы составляли аккнское общество - Кей-Мехка, Ткьуйистие, В1юьга, Хьахильгие, Позана, Оьрзумие-Кхелли, Тишли, Хьаьгие, Итгар-кхели, Зингала, Бийци.⁹⁸

Таким образом, в рассматриваемое время Чечня и Ингушетия оставались политически раздробленными. На равнинной территории существовали феодальные политические образования с соответствующими надстройками. Здесь находились княжества и феодальные владения. В горных же районах шел процесс формирования феодальных отношений. Здесь вайнахи продолжали в большинстве своем группироваться по «вольным» сельским обществам или союзам сельских обществ, которые управлялись изолированно друг от друга и напоминали военно-административные объединения.

Использованная литература и источники:

1. Термин «общество» в дореволюционной литературе употреблялся как синоним общины, - указывает Т. А. Исаева, - под «обществом» подразумевалась также группа сел. Исаева Т. А., Исаев С-А. А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI—XVIII вв.). Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII - начало XX вв.). Грозный, 1982, с.45.
2. Сулейманов А. С. *Топономия Чечено-Ингушетии*, чч.1-4, Грозный, 1976-1985.
3. Там же, ч. 1, 1976, с.8.
4. Там же, чч. 1-2, 1976-1978.
5. Там же, чч. 3-4, 1980-1985.
6. Гюльденштедт И. А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа*, СПб, 1809, с.89.
7. Там же, с.89.
8. *Качкалыки* - так называют чеченцев, живших в то время на равнине вдоль Качкалыковского хребта и занимавших территорию по нынешним расчетам от г. Гудермес (Чеченская республика) до границы с Республикой Дагестан по р. Аксай.
9. Броневский С. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, М, 1823, ее. 155-156.
10. Там же.
11. Там же, с. 157.
12. Там же, ее. 157-158.
13. *Дистрикт* - низшая форма административно-территориального деления в России в XVIII веке.
14. Волкова Н. Г. *Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII - начале XIXв.* М., 1974, с.178.
15. Сулейманов А. С. *Ук. соч.,* сс.266-267.
16. Буцковский А. М. *Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей.*, 1812 г. История, география и этнография Дагестана, XVIII-XIX вв. М., 1958, с.245.
17. Волкова Н. Г. *Ук. соч.,* с. 178.
18. Ахвердов А. И. *Описание Дагестана.* История, география и этнография Дагестана, М., 1958, с.226.
19. Броневский С. *Ук. соч.;* с. 176.
20. Волкова Н. Г. *Ук. соч.,* с. 188.
21. Сулейманов А. С. *Ук. соч.,* ч. 1, с. 219.

- Там же, с. 163.
22. Сулейманов А. С. *Ук. соч.*, ч.2, сс.145-172. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 169.
24. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, ее. 191-192; Ср. с. Махкеты Веденского района, в котором компактно проживают представители Чермоевского тайпа.
25. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 189.
26. Сулейманов А. С. *Ук. соч.*, ч.1, сс.26-50.
27. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. **192**.
28. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, ее. 189-190.
29. Зиссерман А. *Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867)*, ч.1, СПб., 1879, с. 172,
30. Радде Г. *Хевсурия и хевсурь*, Тифлис, 1881, сс.53-54.
31. Сулейманов А. С. *Ук. соч.*, т.1, ос. **11-20**.
32. Сулейманов А. С. *Ук. соч.*, ч.1, с.81.
33. Волкова Н.Г. *Ук. соч.*, с. 192.
34. Зиссерман А. *Ук. соч.*, с. 172.
35. Радде Г. *Ук. соч.*, с.53.
36. Сулейманов А. С. *Ук. соч.*, ч.1, с.82.
37. Сулейманов А. С. *Ук. соч.*, ч.1, ее. 119-144; Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 192.
38. Сулейманов А. С. *Ук. соч.*, ч.1, ее. 188-196.
39. Броневский С. *Ук. соч.*, ее. 160-165.
40. Там же, с. 166.
41. Там же, с. 166.
42. Там же сс.163-164.
43. Там же, ее. 164-165.
44. Там же, ее. 160-161.
45. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. **142**.
46. Клапрот Ю. *Ук.соч.*, с.669. *Цитирую по работе Волковой Н. Г. Ук. соч.*, с. 166.
47. Семенов Л. П. *Ук. соч.*, с.27.
48. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 143.
49. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 144.
50. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 144.
51. ЦГВИА, колл.414, д.300, л.107.
52. *История Осетии в документах и материалах*, т.1, с.115.
53. ЦГИА Грузинской ССР, ф.416, оп.4, д.50, л.15. *Цитирую по работе Волковой И. Г. Ук. соч.*, с. 145.
54. Скитский Б. В. *К вопросу о феодальных отношениях в истории*

- ингушского народа*. Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ, т. 1, вып.1, Грозньш, 1959, с. 188.
55. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, сс.145-146.
56. Броневский С. *Ук. соч.*, с. 159.
57. Там же, ее. 159-160.
58. Там же, с. 170.
59. Клапрот Ю. *Ук. соч.*, с.651; *Цитирую по работе Волковой Н. Г. Ук. соч.*, с. 161.
60. Гюльденштедт И. А. *Ук. соч.*, с.479.
61. Вахушти Багратиони. *География Грузии*. Записки Кавказского отдела РГО, кн.24, вып.5, Тифлис, 1904, с. 151.
62. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 156.
63. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 157.
64. Гюльденштедт И. А. *Ук. соч.*, с.483.
65. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 157.
66. Вахушти Багратиони. *Ук. соч. с. 151. Цитирую по работе Волковой Н.Г. Ук. соч.*, с. 158.
67. *Там же*.
68. Гюльденштедт И. А. *Ук. соч.*, с.479.
69. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, ее. 158-159.
70. Там же.
71. Гюльденштедт И. А. *Ук. соч.*, с.4798.
72. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. **160**.
73. Генко А. Н. *Из культурного прошлого ингушей*, с.692., *Цитирую по работе Н. Г. Волковой. Ук. соч.*, с. 160.
74. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. **160**.
75. Волкова Н. Г. *Ук. соч.*, с. 160.
76. Там же, ее. 160-161.
77. Там же, с. 161.
78. Там же, с. 162; АКАК, т.4, Тифлис, 1870, с.902.
79. Там же, с. 163.
80. Ахмадов Я. З., Ахмадов Ш. Б., Багаев М. Х., Хизриев Х. А., *История Чечено-Ингушетии (дореволюционный период)*, учебное пособие. Грозньш, 1991, с.50.
81. Сулейманов А. С. *Ук. соч.*, ч.2, ее.78-79.
82. *Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.* Сборник документов, т.1, М., 1957, с.95.
83. Вахушти Багратиони, *Ук. соч.*, с.151.
84. Гамрекели В. Н. *Ук. соч.*, Карта 1733 г., *Цитирую по работе Волковой Н. Г. Ук. соч.*, с. 163.

85. Гюльденштедт И. А. Ук. соч., с. 460.
86. Бутков П. Г. *Ук. соч.*, ч.1, М, 1859, с.260.
87. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.1, М, 1859, с.261.
88. Гюльденштедт И. А. Ук. соч., с.477.
89. Волкова Н. Г. Ук. соч., с. 164.
90. Там же.
91. Клапрот Ю. Ук. соч., с. 11; *Цитирую по работе Волковой Н. Г. Ук. соч.*, с. 165.
92. Ахвердов А. И. *Описание Дагестана. 1804 г.* История, география и этнография Дагестана, М., 1958, с.227.
93. Буцковский А. М. *Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей.* 1812 г., История, география и этнография Дагестана, М., 1958, с.243.
94. Броневский С. М. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, М., 1823, ее. 167-169.
95. Ахмадов Я. З., Ахмадов Ш. В., Багаев М. Х., Хизриев Х. А. Ук. соч., с. 50.
96. Волкова Н. Г. Ук. соч., ее. 165-166.
97. Сулейманов А. С. *Топономия Чечено-Ингушетии*, ч.2, Грозный, 1978, с.115.
98. Там же, ее. 116-132.

§ 2. Феодалные владения на равнинной территории Чечни в XVIII веке

В рассматриваемое время на территории равнинной Чечни вплоть до начала движения горцев под руководством имама Мансура в 1785-1791 гг. источники называют некоторые наиболее крупные и влиятельные вайнахские феодалные владения (княжества), в которых управляли либо сами добровольно пришедшие, либо приглашённые князья и феодалы из соседних районов Северного Кавказа - Кабарды, Кумыкии и Аварии. Так, например, в 20-40-х годах XVIII века чеченскими селами на равнине владели князья кумыкского происхождения Бардыхановы и Чапаловы из с. Эндери (Андрей-аул), князья Казбулатовы из Аксая, князья Айдемировы и Ва-матовы из с.с. Брагуны и Топли, князья Черкасские из Большой Кабарды, князья Терлоевы (Турловы) из Аварского владения и т. д.

В специальном «Реестре горским владельцам» за 1732 г., составленном Д. Ф. Еропкиным, кроме сел. Чечен-аул, во владении вайнахских князей и владельцев в это время находились следующие деревни: Хажи-аул, Астанкул, Жатага (Ата-га - Ш.А), Шихкирей (Чахкери - Ш.А), Сурь (Суйра-Корт -Ш.А.), Хамбат-аул, Башин-Баха-аул, Алда.¹ Кроме того, в 30-40-х годах XVIII в. во власти этих же князей находились также другие вайнахские деревни:

Большая Чечня, Малая Чечня, Большая Атага, Горячевс-кая или Исти-Су, Топли², Шали, Герменчук,³ Маюр-гуп, Ге-хинская и⁴ др. Некоторые из перечисленных сел, как, например, селения Хажи-аул, Атага, Чахкери, Суйра-Корт и т. д. упоминаются также в источниках первой половины XIX века среди прочих населенных пунктов Чечни, расположенных по р. Аргуну. В 1747 г. владельцем над чеченскими селами Герменчук и Шали документы называют князя Девлет-Гирея Черкасского.⁵ В 1757 г. по сведениям дореволюционного исследователя П. Г. Буткова жители чеченских сел Чечен (Чечен-аул -Ш.А.) и Горячевское (Исти-Су) находились под властью их прежних феодальных владельцев Росланбека Айдемирова и Ку-чука Баматова.⁶

Архивные материалы этого периода свидетельствуют о том, что чеченцы-качкалыковцы являлись данниками аксаевских (кумыкских) владельцев, которые удерживали подвластных чеченцев исключительно при помощи царских штыков.⁷ Документальные источники 60-х годов XVIII в. подтверждают также, что карабулаки, одноплеменцы чеченцам и ингушам, жившие в вершинах рр. Сунжи, Аксая, Васай-су и Бал и имевшие около 300 дворов населения, находились в зависимости от эндерийских, брагунских и некоторых кабардинских князей и платили им подати.⁸ Народ ингуши, известный под именем кистов или киштинцев, - сообщает дореволюционный исследователь П. Г. Бутков, - живущий между реками Терек и Сунжа, также испытывает притеснения со стороны аксайских и кабардинских князей.⁹

В 70-х годах XVIII века исследователь И. А. Гюльденштедт также называет в Чечне по р. Аргуну довольно большое число феодальных владений (селений) так называемых незави-

симых чеченцев: ее. Большой Чечен в 40 верстах от слияния р. Аргуна с р. Сунжей, а ниже по Аргуну - сел. Гаджи-аул (Хажиаул). Эти два селения считались весьма крупными, так как имели по 500 дворов населения в каждом, а также к ним были присоединены многие союзные им деревни: вверх по Аргуну - сел. Большая Атага и присоединившаяся к нему дер. За-курова Атага; далее - сел. Малая Атага и присоединившиеся к ней деревни Гендергеной, Бе-наул-Узек и Мартан.¹⁰ Как отмечает известный исследователь Н. Г. Волкова, местоположение перечисленных выше чеченских селений вплоть до 40-х годов XIX века не изменилось, а некоторых из них (как, например, сел. Атага) и значительно позднее.¹¹ Кроме указанных выше сел, расположенных по р. Аргуну, исследователь И. А. Гюльденштедт называет еще ряд чеченских владений - селения Шали и Герменчук по 300 дворов в каждом, сел. Новый Чечен или Янги-кент, расположенное по правой стороне р. Сунжи.¹²

Как известно, в 1747-1749 гг. чеченские князья Арслан-бек (Расланбек) Айдемиров, Алибек и Алисултан Казбулато-вы и владелиц с. Топли находились на государственном жаловании. Более того, все названные выше чеченские князья и владельцы в свое время принесли присяги верности российским властям на Кавказе и находились в прямой зависимости от них.

Как же все-таки обстояло дело с управлением князьями и владельцами в вайнахских феодальных владениях в рассматриваемое время?

Во-первых, документальные источники четко фиксируют распространение неюридической власти пришлых князей и владельцев на отдельные вайнахские села, расположенные в основном на равнинной и предгорной части Чечни и Ингушетии. Во-вторых, по нашим наблюдениям, именно в тех вайнахских селах, где распространялась власть пришлых князей, местное население, как правило, придерживалось внешне лояльной пророссийской ориентации. Это обстоятельство было связано, по-видимому, с тем, что пришлые князья и владельцы, как правило, не выбирались местным населением из своей среды, в отличие от старшин, а назначались и утвержда-

лись (иногда с согласия местных жителей и старшин) царскими властями в Кизляре. Об этом свидетельствует тот факт, что пришлые вайнахские князья и владельцы, как мы отмечали выше, вместе с их подвластными узденями и старшинами находились на твердом государственном жаловании русских властей. Кроме того, известно также, что вайнахские князья и владельцы обязаны были регулярно, в течение нескольких лет, отдавать царским властям в Кизляр в качестве заложников (аманатов) своих детей или ближайших родственников в знак лояльности и верности России (это была своего рода присяга). Рассмотрим ниже далее подробно, что же из себя представляли в рассматриваемое время наиболее крупные и влиятельные феодальные владения на территории равнинной части Чечни XVIII века.

Феодальное владение князя Девлет-Гирея Черкасского

О характере отношений вайнахских князей и владельцев с русскими властями, на довольствии которых они состояли, можно судить по тем данным, которые подтверждают, например, архивные материалы относительно вступления в Герменчукские и Шалинские владельцы в 1747-1749 гг. царского офицера, ротмистра Девлет-Гирея Черкасского (из Кабарды).¹³ Известно, что в 1750 г. русскими властями был повышен денежный оклад чеченскому владельцу Девлет-Гирею Черкасскому с 40 руб. до 120 руб. в год «для поощрения оного в верной службе».¹⁴ Кроме того, царская администрация на Кавказе удовлетворила просьбу Девлет-Гирея Черкасского и с 1748 г. разрешила ему свободный пропуск «быков, коров, рыбы ..., полотняного товару» из Кизляра в Герменчук. Вместе с тем, подвластным князя Девлет-Гирея людям выдавалось специальное разрешение на свободный проезд для торговых целей в гребенские казачьи городки за печатью самого Девлет-Гирея Черкасского.¹⁵

Как видно из утверждений исследователя П. Г. Буткова относительно привилегий и поощрений, предоставляемых русскими властями местным владельцам, последним посылались властями для охраны воинский конвой и для строительства

плотники, которые периодически менялись, а также всем им отпускалось денежное жалованье¹⁶ и т. д. Наряду с соответствующими привилегиями в то же время русское правительство предъявляло к местным владельцам определенные требования, которые выражались в следующем: местные владельцы и князя должны были держать подвластный народ в повиновении, не позволять отдельным горцам нападать на казачьи станицы и на проезжих людей на дорогах, а в случае убийства или ограбления кого-либо, отыскать ограбленное, отнять и возвращать, а также находить самих виновных и¹⁷ т. д.

Несмотря, однако, на такое обстоятельство и «невзирая на то, что с печатью своих владельцев чеченцы имели всюду свободный проезд и доступ и кроме того, им разрешалось брать соль из русских озер и т.д., - пишет Г. А. Ткачев, - чеченцы плохо исполняли единственное условие своего подданничества и непрерывно его нарушали».¹⁸ Одновременно с вовлечением чеченских обществ в подданство России, Девлет-Гирей Черкасский обязан был «ведать, какие оные народы и кто владельцы, сколько деревень или владений, а прежде сего, под чьим владением были».¹⁹

Говоря о повинностях и податях, которые должны были нести подвластные чеченцы в пользу Девлет-Гирея Черкасского, то они, по-видимому, «не превышали обычных для Чечни повинностей в пользу своего князя — мерка зерна со двора и один баран со стада в год». У князя были участки земли, которые обрабатывались трудом холопов. Личные доходы Девлет-Гирея постоянно росли как за счет эксплуатации личных холопов, которых у него было только в 1758 г. 10 семей, так и за счет сбора налогов с населения своих аулов, а также со сбора пошлин с торговых караванов, проходивших через территорию владения Девлет-Гирея Черкасского.²⁰

В середине 50-х годов XVIII века князь Девлет-Гирей Черкасский, до этого управлявший чеченскими селами Герменчук и Шали, из-за его жестокого обращения с подвластными крестьянами был изгнан местными жителями. После этого с разрешения царских властей на землях, где раньше чеченцы и брагунцы выпасали свой скот, т. е. вблизи Червленного городка, князем Девлет-Гиреем было основано поселение, по-

лучившее впоследствии название Девлетгиреевское.²¹ Благодаря близкому географическому расположению с. Девлетгиреевского к русским крепостям и казачьим станицам, а также всякого рода льготам, предоставляемым князю Черкасскому царскими властями жители села вели оживленную торговлю в Кизляре и в соседних казачьих станицах. Жители села сеяли много проса, которого вывозили на продажу в Кабарду. Они выращивали также виноград, занимались скотоводством и коневодством.²² Кроме того, с. Девлетгиреевское находилось в чрезвычайно выгодном географическом положении по отношению ко всей Чечне, Кабарде и Кумыкии, поскольку оно было расположено на территории между представителями российской администрации и различными горскими народами Кавказа. В конце XVIII века в с. Девлетгиреевском насчитывалось уже 335 семей, в том числе представители Чермоевского тайпа 58 семей, Чармахойского тайпа - 62, Энгелинского тайпа - 40, Зандакского тайпа - 84, Киавского тайпа - 36 и Ауховского тайпа - 45.²³ Кроме этих тайпов, в с. Девлетгиреевском проживали в рассматриваемое время представители еще 9 чеченских тайпов: Шуаной, Хара-чой, Энгиной, Курчалой, Цонтарой, Чанти, Терлой, Чинахой, Пешхой, из них первые 5 тайпов - из Ичкерии, а остальные - выходцы из Аргунского ущелья.²⁴ В 1799 г. сын Девлет-Гирея - Баммат-Гирей в 5-6 км восточнее сел. Девлетгиреевского основал аул Баммат-юрт (ныне с. Виноградное). Основу селения составили чеченцы и кумыки, которые вместе с князем Бамматом переселились в XVIII веке на равнину. В основном в с. Бамматюрте проживали ичкерийские тайпы Цонтарой, Беной, Ширдой, а также тайпы из других районов - Дышни, Ялхой и Пой.²⁵

Феодальные владения князей Турловых

Другими чеченскими владельцами, которые наравне с Девлет-Гиреем Черкасским правили на территории Чечни в XVIII веке, были князья Турловы (из Аварии). В июне 1720 г. кабардинский князь Эльмурза Черкасский во время пребывания его в Санкт-Петербурге сообщал о чеченцах, живущих на р. Сунже, что «владеет ими (чеченцами - Ш.А.) князь именуе-

мой Терлоев сын, который живет и княжует в местечке, называемом Буюк-Кент...».²⁶ Согласно этому документу, как утверждает профессор Я. З. Ахмадов, владение князя Турлова локализовалось на территории района, прилегающего к р. Сунже, в местечке «Буюк-Кент» (чеч. Бугун-юрт), т. е. в одном из аулов, который входил в общество Алда.²⁷ Другие же села этого общества подчинялись родственникам Турлова, более богатым и известным в народе князьям - Казбулату и АмирТарзе, чья княжеская резиденция находилась в Чечен-ауле. После смерти князя Казбулата, являвшегося дядей Турлову, все Алдинское общество признало своим владельцем Турлова. Кроме Алдинским обществом, князья Турловы владели вместе с князьями Казбулатовым и Айдемировым аварским обществом Гумбет, которое было поделено на три части между этими княжескими фамилиями.²⁸

С 1747 г. наравне с другими чеченскими владельцами князь Турлов находился на государственном жалованьи царизма и получал денежный оклад 50 руб. серебром в год, а 10 его узденей - по 5 руб. каждый.²⁹ Судя по денежному жалованью, которое было определено российскими властями местным узденям, последние являлись достаточно сильной и влиятельной социальной опорой ваинахских князей и владельцев. Князья Турловы, в отличие от некоторых других ваинахских князей и владельцев, как указывает об этом исследователь Я. З. Ахмадов, «не являлись и не считались собственниками земли чеченских обществ, в которых они правили». Они подчас выполняли обязанности местных старшин, права и обязанности которых передавались по наследству. В то же время, как сообщают источники, князья Турловы взимали подати (ясак) с подвластных чеченцев, накладывали на них штрафы за невыполнение решений аульных сходов и получали определенную часть от захваченной в набегах добычи. Определенным источником доходов князей Турловых являлась также эксплуатация холопов.³⁰ Территория княжеских владений Турловых находилась в географически выгодном положении (известно, что через владение Турлова проходил торговый путь из Кабарды в Дагестан) и князья взимали пошлины с проезжих купцов, силой брали дань со стад, пасущихся вблизи их

земель. Князья Турловы имели большие богатства и от скотоводческого хозяйства. Известно, что в результате взимания с подвластных чеченцев «продуктовой ренты, ежегодно у князей увеличивалось не менее, чем на **1000** голов рогатого скота». Большие прибыли имели князья Турловы от продажи нефти из имеющихся у них в собственности нефтяных колодцев. Ежегодно на Кавказской Линии реализовывалось 500 и более бочек нефти со стоимостью по 16 рублей медными деньгами за бочку. Огромные денежные средства имели Турловы и на торговле солью. Известно также, что в **1811** г. соль из Наура отпускалась чеченцам через Магомеда Турлова.³¹

Изгнанные подвластными чеченцами в 1782 г. из Алдинского общества князья Турловы после этого в официальных документах (письмах и рапортах) Кизлярского коменданта на имя «алдинского народа» более не фигурируют. Согласно утверждению исследователя П. Г. Буткова, местные князья Кайтукови Турлов, изгнанные в 1784 г. из сел. Топли, также основали два селения против Наура: одно село - Верхний Наур; другое - Нижний Наур.³² В 1800 г. владельцами в этих селениях были Магомет и Муса Турловы и двоюродный их брат Алибек Турлов. Население этих сел увеличивалось, сообщают документы, как за счет узденей и холопов, так и за счет переселенцев, которые селились на «праве оброка» и выполняли различные работы на участках князей Турловых.³³

Феодальное владение князя Расланбека Айдемирова

В рассматриваемое время известный чеченский князь Расланбек Айдемиров (из с. Брагуны) также имел в ваинахских аулах Алды, Чечен-аул, Топли в личной собственности выделенные ему обществом участки земли, для обработки которых и для домашней работы содержались холопы. Как правило, холопами были люди, захваченные в плен (ясыри) невай-нахского происхождения. Однако, кроме пленных ясырей, Расланбек Айдемиров покупал также ясырей на невольничьем рынке и использовал их в своем хозяйстве в качестве холопов.³⁴ Так, в специальном письме Расланбека Айдемирова на имя Кизлярского коменданта Оболенского от 25 августа 1747 г.

содержится просьба к русской администрации, чтобы она вернула ему холопов его, мужчин и женщин, содержащихся в Кизляре...³⁵ Другой документ от 15 сентября 1750 г. сообщает также о том, что чеченский владелец Расланбек Айдемиров имел при себе пленного ясыря - персианина по имени Акбас Байсикулов, которого использовал князь в качестве холопа.³⁶ По всей вероятности, князь Расланбек Айдемиров в рассматриваемое время, так же как и другие местные князья и владельцы, имел несколько десятков семей или дворов холопов в своем распоряжении.

Благодаря экономическому состоянию и поддержке богатой верхушки вайнахского уз-денства, без которой была слаба владельческая сила местных князей, - указывает профессор Я. З. Ахмадов, - последние составляли высший слой эксплуататорского сословия в Чечне и Ингушетии.³⁷ Не случайно вайнахские князья и владельцы стремились опереться на богатых узденей, пользовавшихся а обществе большим влиянием вследствие своего имущественного положения. Генерал Эльмурза Черкасский в своей реляции на имя Кизлярского коменданта Девица от 22 февраля 1749 г. указывал, что «всегда чеченская деревня силу имеет узденями».³⁸ Документальные материалы за 1749-1751 гг. свидетельствуют о том, что влиятельный чеченский князь Расланбек Айдемиров имел при себе знатных узденей по имени Кучук, Аба-та Ильясов, Абата Козиш, Махмуд Замицуев, Актулла Турлов и т. д. Более того, житель горной Чечни Шамурза Тамарзоев из знатного тайпа Цонторой являлся узденем крупного землевладельца на равнинной части Чечни Расланбека Айдемирова и находился в вассальной зависимости от него.³⁹ В письме Кизлярского коменданта на имя чеченского владельца Расланбека Айдемирова от 26 августа 1762 г. называются имена старых и новых узденей и их аманатов от подвластных князю селений. В числе узденей князя Айдемирова названы: сын муллы из с. Алды - Эльдерхан Исханов; Адаев - из с. Алды; Чабаев из с. Чечен-аул, Булат-хан - брат владельца Ахлова; сын узденя Ногамурзы; сын узденя Аджихана Хасаева из с. Чечен-аул-Домба Аджиханов; уздень Амраз Хамзиев из с.Топли; сын узденя Ногамурзы из той же фамилии (тайпа); дети узденя Мурзакая и

Отметим также, что в рассматриваемое время часть старшин, так же как и уздени, находилась в вассальной зависимости от местных князей и владельцев. Так, в письме чеченских старшин из с. Чечен-аул - Лавараслана, Иды, Матая, Сулеймана, Казанби, Акмурзы, Уруса и Мичи, адресованном князю Расланбеку Айдемирову от 14 февраля 1764 г. сообщалось, что все они находятся в подвластии Расланбека и называют его своим владетелем.⁴¹ С 1748 г. князь Расланбек Айдемиров и зависимые от него уздени в количестве 20 человек находились на государственном жалованьи. Расланбеку Айдемирову было определено 50 руб. в год, а 20 узденя его - каждому по 5 руб. Во время русско-турецкой войны 1768-1774 гг. Расланбек Айдемиров вместе со своим отрядом принимал активное участие в боевых действиях в составе русских войск против турок (в походе генерала де-Медема за Кубань). Имя Расланбека Айдемирова вошло в список лиц, представленных генералом де-Медемом императрице Екатерине II с просьбой «о показании некоторой отличности».⁴²

Активное участие князь Расланбек Айдемиров принимал также на стороне царских регулярных войск генерала де-Медема в разгроме восставших горцев Горячевских сел у Качкалыковского хребта 23 июля 1775 г. После этого князь Расланбек Айдемиров, как и прежде, был принят в подданство и ему было пожаловано 150 руб. денежного довольствия в год; он имел у себя специальный караул из казаков, т.е. содержалась казачья команда из 10 человек для его нужд. Кроме того, генерал де-Медем выделил ему 4-х плотников для строительства его новой деревни на левом берегу р.Сунжи.⁴³ В рассматриваемое время чеченский князь Расланбек Айдемиров находился в более привилегированном положении в торговых сношениях Чечни и Ингушетии с Россией. Пользуясь этим, он добивается беспошлинного ввоза и вывоза товаров, приобретенных его людьми на Кизлярском рынке. Так, например, Расланбек Айдемиров обращается с просьбой к Кизлярскому коменданту разрешить ему купить 5 лошадей и посуды оловянной один пуд...⁴⁴

В XVIII веке отдельные чеченские владельцы имели денежные доходы, причем немалые, от реализации нефти, добываемой на их территории. Так, например, Кизлярский комендант

Вешняков в рапорте на имя генерала П.С.Потемкина от 23 апреля 1782 г., сообщал, что чеченскому владельцу Расланбеку Айдемирову разрешено продавать нефть на своей территории по цене 30 и более копеек за одно ведро.⁴⁵ Документальные сведения второй половины XVIII века свидетельствуют о том, что некоторые владения чеченского князя Расланбека Айдемирова находились также на территории соседних князей. Так, в письме Кизлярского коменданта на имя чеченского владельца Алисултана Казбулатова от 12 марта 1762 г. сообщалось о том, что селение князя Расланбека Айдемирова расположено во владении князя Турлова и называлось Качкалык.⁴⁶

Источники первой половины XVIII века, вплоть до начала движения горцев во главе с имамом Мансуром, фиксируют множество фактов обращения вайнахских владельцев и князей (ее. Шали, Герменчук, Алды, Атаги, Чечен-аул и т.д.) к царской администрации, и в частности, к Кизлярскому коменданту с просьбой разрешить им вместе с их подвластным населением переселиться на равнинные земли по рр.Терек и Сунжа, ближе к российской границе, под защиту царских властей. Кизлярский комендант, естественно, охотно идет навстречу просьбам местных князей и владельцев и разрешает переселяться и создавать новые села на отведенных им землях по р.р. Терек и Сунжа. Так происходило переселение горцев с предгорных чеченских сел вместе с их владельцами на равнинные земли и образование над-теречных и надсунженских селений.

Документы последней четверти XVIII века сообщают о том, что одна часть изгнанных из Чечни князей кумыкского происхождения возвратилась к себе в Аксай и Эндери, откуда они пришли в Чечню, другая же часть - с разрешения российских властей основала новые селения на равнине между р. Сунжей и правым берегом р. Терека, напротив гребенских и моздокских казачьих станиц. Так, например, когда в 1762 г. Расланбек Айдемиров основал новый аул в нижнем течении р. Сунжи, Кизлярский комендант Ступишин писал князю, что это «весьма похвально почитается ему».⁴⁷ Чеченские князья, находившиеся при Расланбеке Айдемирове и изгнанные в 1775 г. из ее. Большая Чечня (Йоккха Чечена - Ш.А.), Большая Ата-

га (Йоккха Атага - Ш.А.) и Топли, основали в том же году два селения на равнине, в которых насчитывалось 400 дворов.⁴⁸ Князь Касбулат и его брат, изгнанные вайнахами из сел. Топли, также основали село около Наура, рядом с сел. Терло-вых.⁴⁹ В 1778 г. в ответ на просьбу князя Расланбека Айдемирова и части жителей сел. Алды разрешить им переселиться на реку Сунжу, Кизлярская администрация дозволила крестьянам перейти туда вместе с князем, ближе «к Амирханову броду».⁵⁰ В 1779 г. часть жителей сел.Гехи поселилась напротив Наурской казачьей станицы. Они считались российскими подданными указывает исследователь П. Г. Бутков, — а потому и «были охраняемы от аксаевских владельцев, которые набегами своими не оставляли их в покое».⁵¹ Таким образом, в течение 40-70-х годов XVIII века по правому берегу Терека местными владельцами вместе с их подвластными жителями было основано шесть новых селений. Такое же количество сел было заложено вайнахами и на р. Сунже. Источники свидетельствуют также о том, что во вновь образованных вайнахских селах по р.р. Сунжа и Терек, как правило, являвшихся селами пророссийской ориентации, в основном проживали не природные холопы, а добровольно переселившиеся простые горцы-крестьяне, с которыми по возможности их хозяева - князья и владельцы - старались мирно уживаться.⁵²

Феодальные владения князей Алисултана и Алибека Казбулатовых

В XVIII веке наравне с вышеописанными феодальными владениями на территории равнинной Чечни были расположены также владения других чеченских князей - братьев Алисултана и Алибека Казбулатовых из Аксаля. Согласно источникам, князья Алибек и Али-султан Казбулатовы владели чеченскими селениями Атаги и Чечен-аул.⁵³ Кроме того, в XVIII веке князья Казбулатовы совместно с другими чеченскими князьями Турловым и Айдемировым владели также аварским обществом Гумбет, которое было поделено на 3 части между этими княжескими фамилиями. Владельцы Алибек и Алисултан имели в личной собственности в чеченских селах

определенное количество земли, которая обрабатывалась холопами и другой беднейшей частью зависимого населения. Алибек Казбулатов имел «холопов 12 дворов»,⁵⁴ которые постоянно работали на своего хозяина. Однако на князя Алибека Казбулатова работали не только крестьяне из Чечни, но также из Дагестана. Так, например, в 1758 г. дагестанец по имени Шала-Хаджи Кехов, задержанный царской администрацией на границе с Чечней, сообщал, что он шел в Чечню «для испросу» у Алибека Казбулатова «к сеянию под пашни землю». Незадолго до этого от Казбулатова получил якобы землю и его сын.⁵⁵

Князья получали от подвластных аулов определенные размеры податей, долю от захваченной в набегах добычи, штрафы от лиц, нарушивших постановления Народных собраний⁵⁶ и т. д. Распространенным видом продуктовой ренты был ясак, известный как подать, налог. «Желудочными» потребностями феодала определялись размеры ясака. Дореволюционный исследователь У. Лаудаев свидетельствует: «Ясак, или подать платили по условиям хана (аварского - Ш.А.) с-жителями: условия эти, смотря по обстоятельствам, т.е. большему или меньшему влиянию хана на страну, изменялись, т. е. подати увеличивались или уменьшались. Обыкновенно платили от количества рогатого скота, овец, лошадей и прочего. Бывали примеры, что от овец платили 3%, от скота 1%...».⁵⁷ Кроме продуктовой, важным источником доходов вайнахских феодалов являлась отработочная рента. Источник середины XVIII века сообщает о том, что жители некоторых вайнахских селений по нескольку дней работали «всенародно, по своим обычаям, для пахания на владельца и поееяния хлеба».⁵⁸

Князья Казбулатовы получали также денежную ренту от добычи нефти на территории Чечни, от ее торговли, «Нефть сделалась объектом купли, продажи, спекуляции и наживы», установилась здесь «откупная система»⁵⁹, — пишет профессор Л. Н. Колосов. Это, естественно, давало дополнительный доход социальной верхушке и новые страдания и разорение простым горцам-крестьянам. Кроме уплаты различных видов названной ренты, вайнахи должны были нести в пользу своих феодалов или князей ряд других повинностей, в частности,

военную и подводную. «Первая обязывала население участвовать в военных походах и набегах феодалов, защищать их от внешних нападений, а вторая - перевозить на своих подводах нужные феодалу вещи».⁶⁰ Князья Казбулатовы имели узденей в Чечне, которые были связаны с ними вассальными отношениями. По данным 1748 г. Алибеку Казбулатову подчинялось 10 чеченских узденей. Некоторые чеченцы и ингуши не только признавали власть пришлых феодалов, но находились в прямой зависимости от них. Один из чеченцев Магома Казыев в 1757 г. на допросе в Кизляре пояснил, что «холоп он природный чеченского владельца Алибека Казбулатова, деревни Алды». Можно предположить, что зажиточная часть узденей находилась в вассальной зависимости от феодалов, другая (основная) часть населения выполняла договорные повинности в пользу пришлых феодалов, а третья (незначительная) часть холопов находилась в полной зависимости от феодала.⁶¹

Сторонником российской ориентации был также и старший чеченский князь Казбулат и его сыновья - Алибек и Алисултан Казбулатовы, которые в 1733 г. «находились со своими подвластными «при русском командующем на Северном Кавказе генерале Гессен-Гомбургском и участвовали в сражении с войсками крымского хана Фети-Гирей-Султана, двигавшегося в Прикаспий».⁶² Вайнахские владельцы давали письменные заверения русским властям и приводили своих подвластных крестьян и людей к присяге верности русскому государству. Они верно служили царизму, получая от него за это разные награды, льготы и поощрения. В 1735 г. чеченский князь Алисултан Казбулатов принял «присягу подданства» и отдал в заложники в Кизляр своего младшего брата Бамата.⁶³ В 1747-1748 гг. на основании решения Коллегии Иностранных дел чеченские князья Алибек и Алисултан Казбулатовы получили годовое денежное жалованье по 25 руб. на каждого и 100 руб. на 20 узденей.⁶⁴ Но уже к 1764 г. владелец Алисултан Казбулатов, по свидетельству документальных источников, получал 75 руб. жалованья в год, но, будучи недовольным этим, настоятельно просил разрешения у Кизлярского коменданта отпустить его в Петербург, чтобы получить свои награды, чины и добиться увеличения жалованья,

«обещая за это и впредь служить верноподданнической своей должности».⁶⁵ Алисултан Казбулатов старался привлечь на сторону России и своих подвластных чеченцев. В этих целях в подвластном ему селе Алды он, по собственным его словам, «призывал чеченцев..., чтобы они ... всемилостивейшей государыне свое покорение принесли и состояли б по-прежнему в верном подданстве».⁶⁶ Царское правительство в свою очередь брало под свое покровительство чеченцев и ингушей, опираясь на социальные верхи и, в частности, владельцев, поставленных над чеченцами, подкупая их всевозможными наградами и льготами за их службу в пользу России.⁶⁷

В то же время царизм, не всегда доверяя присягам верности владельцев, главным условием принятия их под свое покровительство ставил: переселение владельцев со своими подвластными жителями с гор на равнины - к берегам Сунжи и Терека, а также выдача ими аманатов (заложников). С такими условиями, конечно, вайнахи не всегда и неохотно соглашались. Особенно отказывались вайнахи давать аманатов, большинство из которых царские власти держали в положении жалких, бесправных рабов. Горцы соглашались на добровольное подданство России, — пишет профессор Н. А. Тавакалян, - на присягу о верности ей, но только без выдачи аманатов.⁶⁸ Как и опасалось царское правительство, не все ранее присягнувшие России местные владельцы и князья оставались верными до конца. Они часто и легко нарушали данную ими присягу, если она не отвечала их интересам. Так именно поступил чеченский владелец Алисултан Казбулатов. Он, в частности, движимый чувством личной обиды и узкокорыстных классовых интересов, а именно не добившись получения жалования от царизма наравне с другим чеченским владельцем Расданбеком Айдемировым, а также поссорившись с ним в дележе подвластных им земель-аулов и претендуя на первое место в правах владычества над ними, поднял мятеж и со своими подвластными жителями ушел в горы с берегов р. Сунжи.⁶⁹

В рассматриваемое время чеченские князья Алибек и Алисултан Казбулатовы и подвластный им народ были крайне заинтересованы в расширении торгово-экономических связей

с русскими, для чего они настойчиво добивались разрешения свободного проезда в Кизляр и Моздок и снижения, торговых пошлин. Из рапорта, поступившего с Шадринского форпоста к Кизлярскому коменданту от 18 февраля 1751 г., узнаем, что к Шадринской заставе прибыли едущие в Кизляр для торговли чеченский владелец Алибек Казбулатов с узденями своими ... все вместе на 4-х верховых лошадях и с четырьмя арбами товаров...⁷⁰ Желание торговать с русскими было не только у равнинных чеченцев, но и у горных жителей. Так, например, в письме чеченского владельца Алибека Казбулатова к Кизлярскому коменданту от 23 декабря 1758 г. говорится о том, что к нему приехали люди из горного чеченского аула - владельца Султана Азнаурова и просили, чтобы «он с ними поехал провожать их до казачьих городков, куда они едут для купечества».⁷¹

Феодальные владения князей Айдемира Бардыханова и Мусала Чапалова

Документальные сведения начала 20-х годов XVIII века повествуют о том, что чеченские князья - старший Айдемир Бардыханов и Мусал Чапалов из сел.Эндери владели «знатною частию чеченцев».⁷² В 1732 г. в числе первых названо сел. Чечен (по-видимому, с. Чечен-аул или Большие Чечни), центр Чеченского феодального владения, которое находилось не далеко от места впадения р. Сунжи в р. Терек. Владельцами сел.Чечен-аул документы называют чеченских князей Камбулата, Амир-Гарзе и Айдемира Бардыханова.⁷³ В 1733 г. источники указывают также чеченского князя Айдемира Бардыханова владетелем селений Большие Чечни и Большие Атаги.⁷⁴ В рассматриваемое время феодальное владение князя Айдемира Бардыханова занимало, видимо, среди других княжеских владений в Чечне достаточно высокое положение, и сам князь также пользовался определенным влиянием и авторитетом среди прочих князей не только в Чечне, но и в соседней Кумыкии. Известно, что князь Айдемир Бардыханов неоднократно участвовал на стороне русской армии в боевых действиях против турецко-крымских войск в 1735-1739 гг., которые несколько раз вторгались на территорию Северного

Кавказа.⁷⁵ Поэтому вполне понятно, почему крымский хан Каплан-Гирей накануне и в ходе военных действий против России на Северном Кавказе усиленно добивался расположения к себе в первую очередь чеченского князя Айдемира Бардыханова. «Чеченский князь Айдемир Бардыханов, - указывает П. Г. Бутков, - приведенный к верности (России - Ш.А.), по многим от хана (крымского - Ш.А.) письмам и подзывам не только к нему не поехал и людей не отпустил, но и немалые отгоны лошадей из войск ханских и другие вредительства показал».⁷⁶ За боевые заслуги, а также в целях закрепления его верности России царское правительство назначило князю Айдемиру Бардыханову и его 20 узденям крупное денежное и натуральное жалованье: князю Бардыханову - 50 руб. в год; 20-ти узденям его по 5 руб. на каждого в год,⁷⁷ а сыну Айдемира Бардыханова - Бардыхану 13 руб. 20 коп. в год.⁷⁸ В знак своей верности России, указывает профессор Я. З. Ахмадов, - в 1735 году Айдемир принял «присягу подданства и отдал в заложники своего сына Бардыхана».⁷⁹

Чеченцы е. Большие Чечни и Большие Атаги экономически тяготели к Кизляру, где они могли приобрести необходимые товары и продавать там излишки продуктов своего труда. Однако им также чинили всевозможные препятствия. Несмотря на то, что отдельные равнинные чеченские и ингушские селения во главе с их князьями (владельцами) и старшинами часто присягали русским властям, и в знак своей верности ежегодно отдавали аманатов в Кизляр, они периодически обращались за разрешением торговать в Кизляре. Так, например, чеченский князь Айдемир Бардыханов, «получавший часть своего жалованья натурой», также добивался разрешения у царских властей продавать муку и овес «кизлярским обывателям».⁸⁰ Источники сообщают также, что в первой четверти XVIII века князья Айдемир Бардыханов и Мыеал Чапалов имели в своем подчинении часть чеченского узденства.⁸¹ Как и прочие чеченские князья Айдемир Бардыханов владел значительными земельными угодьями, покосными землями и пастбищами на территории чеченских сел Большие Чечни и Большие Атаги. Ущемляя права и интересы основных производителей - чеченских крестьян, Айдемир Бардыханов расширял свои владения, используя труд крестьян-односельчан и экс-

плуатировал домашних рабов и холопов. Кроме того, в рассматриваемое время землевладение князя Айдемира Бардыханова увеличивалось как за счет захвата общинных земель, так и за счет земель, полученных от других, соседних князей за различные услуги.

В рассматриваемое время зависимые крестьяне селений Большие Чечни и Большие Атаги отбывали в пользу князя Айдемира Бардыханова множество податей и повинностей. Несмотря на их многообразие главенствующей формой феодальной повинности была продуктовая рента, которая базировалась на феодальной собственности на землю и зависимости крестьян от своего феодала. Продуктовая рента была связана самым тесным образом с натуральным характером хозяйства. Кроме того, во владении князя Айдемира Бардыханова, так же как и у других чеченских князей и феодалов, существовала и отработочная повинность.

Таким образом, в рассматриваемое время на равнинной территории Чечни во владениях князей Турловых, Черкасских, Айдемировых, Казбулатовых, Бардыхановых, Чапаловых и др. мы наблюдаем более зрелые феодальные отношения, т. е. более высокую ступень развития феодальных отношений, чем в горах. Источники свидетельствуют о распространении неюридической власти чеченских князей и феодалов на многие равнинные и предгорные села. Население равнинных сел внешне придерживалось пророссийской ориентации. Чеченские князья и феодалы не выбирались местным населением, а назначались и утверждались Кизлярской администрацией. Местные князья и феодалы вместе с их подвластными знатными узденями и некоторыми старшинами находились на государственном жалованьи и пользовались особыми привилегиями. Судя по источникам, местные князья и владельцы должны были приводить своих подвластных жителей к присяге верности русскому государству, а в знак принятия «присяги подданства» России князья и феодалы обязаны были отдавать в заложники в Кизляр близких своих родственников или детей.

Основное ядро феодальной эксплуатации в Чечне и Ингушетии на равнине составляли холопы, ясыри, домашние рабы (лай), «работные люди», беднейшая часть узденства. Однако в ряде вайнахских владений между богатым феодалом и зави-

симой категорией крестьян стоял еще и свободный уздень. Пришлые князья имели в Чечне ряд известных вайнахских узденских и старшинских семей, которые были связаны с ними вассальными отношениями. Сила местных князей заключалась в их поддержке верхушкой вайнахского узденства. Поэтому местные князья и владельцы всегда и во всем стремились опереться на знатных узденей, пользовавшихся в обществе большим влиянием и авторитетом. Другая, основная и беднейшая часть узденства, выполняла договорные повинности в пользу местных князей. Материалы свидетельствуют о том, что во второй половине XVIII века отдельные пришлые чеченские князья и феодалы — имели владения на территории соседнего Дагестана.

Источником доходов местных князей и владельцев являлась эксплуатация холопов, домашних рабов, ясырей, беднейшей части узденства и т.д. Князья и владельцы взимали с подвластных жителей продуктовую ренту (ясак), которая выражалась, например, в одной мерке (бустург) пшеницы с каждого урда (около 0,5 га) посевной площади, а также в определенном количестве крупного и мелкого рогатого скота, лошадей и т.д. Важным источником доходов князей и феодалов являлась также отработочная рента, которая выражалась в отработке у хозяина жителями подвластных сел по несколько дней сообща для пахоты, посева и уборки урожая. Часть вайнахских князей и феодалов получала также денежную ренту, как, например, от добычи и реализации нефти на территории Чечни трудом беднейшей части крестьянства. Денежная рента давала князьям солидные доходы от реализации нефти. Кроме названной ренты, простые вайнахи должны были нести в пользу своих князей и феодалов ряд других повинностей, в частности, военную и подводную.

Использованная литература и источники:

1. Еропкин Д. Ф. *Реестр горским владельцам. 1732 г.* История, география и этнография Дагестана. Архивные материалы, М., 1958, с. 123.
2. Бутков П. Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803г., чЛ*, СПб., 1869, с.258.

3. Там же, сс.258-259.
4. Ткачев Г. А. *Несколько слов о прошлой истории чеченцев.* Записки Терского общества любителей казачьей старины, № 9, Владикавказ, 1914, сс.65-66.
5. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 1, СПб., 1869, сс.258-259.
6. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.2. СПб., 1869, с. 110.
7. ЦГВИА, ф.52, оп.1.194, д.408, лл.159,162 об.
8. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.1, СПб., 1869, сс.260-261, 300.
9. Гюльденштедт И. А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа.* СПб., 1809, с.90.
10. Волкова Н. Г. *Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII-нач. XIXв.* М., 1974, с.172.
11. Гюльденштедт И. А. Ук. соч., с.91.
12. Бутков П. Г. Ук. соч., чЛ, СПб., 1869, с.258.
13. Ткачев Г. А. Ук. соч., с.68.
14. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.3378, ч.4, лл.46 об.,47.
15. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.3812, ч.4, лл.45; Бутков П. Г. Ук.соч., ч.1, СПб., 1869, сс.258-259.
16. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.2, СПб., 1869, с.23.
17. Ткачев Г. А. Ук. соч., с.69.
18. Там
19. Ахмадов Я. З. *Из истории чечено-русских отношений.* Вопросы истории Дагестана (досоветский период), ч.2, Махачкала, 1975, с.297.
20. Там же, сс.297, 300.
21. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.2, СПб, 1869, с.258-259; Ахмадов Я. З. Ук. соч., с.298.
22. Ахмадов Я. З. Ук. соч., с.299.
23. *Материалы по истории Дагестана и Чечни*, т.3, ч. 1, Махачкала, **1940, с. 164.**
24. Волкова Н. Г. Ук. соч., с. 183.
25. Там же.
26. АВПР, ф.115. Кабардинские дела, оп.115.1,1720, д.3, л.1.
27. Ахмадов Я. З. *К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии.* Вопросы истории Дагестана (досоветский период), ч.1, Махачкала, 1974, с.221.
28. Там же.
29. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.1, СПб. 1869, с.258.
30. Ахмадов Я. З. Ук. соч., ч.1, с.222.
31. Там же.
32. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.2, СПб., 1869, с. 112.

33. Ахмадов Я. З. *К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии*. Вопросы истории Дагестана (досоветск. период), ч.1, Махачкала, 1974, с.223.
34. Ахмадов Ш. Б. *К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке*. Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI - нач. XIX в.), Грозный, 1979, с.61.
35. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.4282, л. 122.
36. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.3619, л. 17.
37. Ахмадов Я. З. Ук. соч., с.23.
38. Ахмадов Ш. Б. Ук. соч., с. 56.
39. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.3696, л.91; д.3466, л.50.
40. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.3318, лл.191-191об.
41. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.3260, л.52.
42. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.3082, лл.23,48; Ахмадов Я. З. Ук. соч., сс.80-81.
43. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.2901, ч.2, лл.55 об;56
44. Ахмадов Я. З. Ук. соч., с. 76.
45. ЦГА ДаАССР, ф.23, ед.хр.15, ч.5(6). л.297.
46. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.282, ч.1, л.122.
47. Ахмадов Я. З. *К вопросу о социальном строе Чечни в XVIII столетии*. Ук. соч., с.69.
48. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.2, СПб., 1869, с.112.
49. Там же.
50. Волкова Н. Г. Ук. соч., с. 186.
51. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.2, СПб., 1869, с.62.
52. Там же.
53. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.3700, л.86; д.3272, л.69; д. 1584, л.21.
54. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.2982, ч.1, л. 16.
55. Ахмадов Я. З. *К вопросу о социальном строе и общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушетии в XVIII в.* Вопросы истории классовообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI-XX вв.), Грозный, 1980, с. 54.
56. Ахмадов Я. З. Ук. соч., с. 54.
57. Лаудаев У. *Чеченское племя*. Ук. соч., ее. 12-13.
58. АВПР, ф. Кабардинские дела, 1757, оп.115.1, д.8, л.36.
59. Колосов Л. Н. *Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893-1917)*, Грозный, 1962, с.26.
60. Тавакалян Н. А. *О классах и классовой борьбе в чечено-ингуш-*

- ком обществе во второй половине XVIII - первой половине XIX в.* Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI - нач. XX в.), Грозный, 1979, с.86.
61. *Очерки истории Чечена Ингушской АССР*, т. 1, Грозный, 1967, с. 64.
62. Ахмадов Я. З. *Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII в.* Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVIII - нач. XX вв., Грозный, 1981, с.61.
63. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.1, СПб., 1869, с. 158.
64. Ахмадов Я. З. Ук. соч., с.20.
65. Тавакалян Н. А. *О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России*. Археолого-этнографический сборник. Т.2, Грозный, 1968, с.99.
66. АВПР, ф.Кумыкские дела, 1759-1781гг., оп.121.1, д.1, л.12.
67. Тавакалян Н. А. *О русской ориентации чеченцев и ингушей до их вхождения в состав России*. Археолого-этнографический сборник. Т.2, Грозный, 1968, с. 101.
68. Там же.
69. Там же, с. 102.
70. Ахмадов Ш. Б. *Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIIIв.* Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVIII - нач. XX в.. Грозный, 1981, с.84.
71. Там 91.
72. Бутков П. Г. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 г. по 1803г.*, ч.1, СПб., 1869, с.122.
73. Еропкин Д. Ф. *Реестр горским владельцам: Ук.соч.*, с. 123.
74. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.1, СПб., 1869, с. 122.
75. Ахмадов Я. З. *Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.*, Грозный, 1991, с. 52.
76. Бутков П. Г. Ук. соч., ч.1, СПб., 1869, с. 122.
77. Там же.
78. ЦГА ДаАССР, ф.Кизлярский комендант, д.3755, л. 13.
79. Ахмадов Я. З. *Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIIIвеке.*, Грозный, 1991, с.53.
80. Ахмадов Я. З. Ук. соч., с. 54.
81. Гриценко Н. П. *Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII - второй половине XIX в.* Труды ЧИНИИЯЛ, т. 4, Грозный, 1961, с.104.

§ 3. Вольные общества в горной Чечне и Ингушетии в XVI - начале XIX века

Территориальное и политическое устройство вольных обществ

На территории современной Чечни и Ингушетии в XVIII - нач. XIX в., как известно, не сложились единые централизованные государственные образования. Политическая карта Чечни и Ингушетии в это время оставалась довольно пестрой. Здесь наряду с политическими образованиями, как, например, феодальные владения или княжества на равнине, одновременно в горах продолжали сосуществовать так называемые «вольные» общества или союзы сельских обществ вайнахов, в которых шел интенсивный процесс социальной и имущественной дифференциации.

Говоря о формах политического устройства горной Чечни и Ингушетии в XVIII веке, авторы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа замечают о крайней раздробленности и наличии здесь в это время множества независимых друг от друга обществ чеченцев и ингушей. Раздробленность и разобщенность вайнахских обществ, пишут авторы, более всего заметна была в горах, где формой объединения тайпов являлись союзы или ассоциации (тукхумы, джа-мааты) обществ.¹

Как известно, в XVIII-XIX вв. терминами «общества», «округа», «республики» и т. д. в дореволюционной русской кавказоведческой литературе называли различные политические образования или объединения типа союзов сельских общин, существовавшие в горах у народов Дагестана, Чечни и Ингушетии. Известный дагестанский ученый М. А. Агларов замечает, что дореволюционный исследователь И. Гербер в самом начале XVIII века «впервые ознакомил читателя и открыл для русской исторической науки так называемые «вольные общества» как управляемые выборными представителями и имеющие самостоятельный статус политической единицы».²

Проблема экономического развития и политического устройства вольных обществ или союзов сельских обществ чеченцев и ингушей. Как таковая, в историографии истории Чечни

и Ингушетии, к сожалению, до последнего времени, вообще не ставилась и не рассматривалась. Исключение составляют работы местных ученых Т. А. Исаевой и Я. З. Ахмадова, в которых данные авторы касаются этой проблемы лишь вскользь, в контексте анализа отдельных вопросов проблемы социально-экономического развития и политического положения чеченцев и ингушей в XVII-XVIII веках. Так, исследователь Т. А. Исаева замечает, что «политическое устройство чечено-ингушских обществ было во многом схоже с дагестанскими вольными обществами».³ Профессор Я. З. Ахмадов указывает, что «на территории Чечено-Ингушетии существовал «ряд союзов сельских общин или, как определяют историки, «вольных обществ», которые управлялись народными собраниями и старшинами».⁴

В начале 70-х годов XX столетия исследователь В. П. Дзагурова отмечала, что союзы сельских обществ - это особый тип политических образований, сложившихся в период средневековья. Таких союзов сельских обществ в период и накануне присоединения Дагестана к России насчитывалось до 60. Среди них были небольшие, объединявшие несколько обществ или даже ограничивавшиеся пределами джамаата, и крупные, объединявшие несколько таких обществ, как, например, Акуша-Дарго. Союзы сельских обществ расположены были в основном в горах, в данном случае в западном, центральном и южном Дагестане, в условиях, которые как в географическом, так и в стратегическом плане способствовали правильной организации обороны, «что имело огромное значение для противодействия захватнической политике феодальных властей».⁵

Вслед за отдельными дореволюционными исследователями, утверждавшими о союзах сельских общин (вольных обществ) как о демократических и федеративных республиках горцев (С. Броневский), данный тезис без критического его анализа был взят на вооружение некоторыми советскими исследователями. Так, в конце 40-х годов XX столетия современный исследователь Л. А. Брюханов в работе, посвященной государственному устройству и административному управлению «вольных» обществ Дагестана в XVIII в., указывал, что вольные общества Дагестана являлись чуть ли не демократическими республиками.⁶ Однако известный ученый-кав-

казовед, профессор Р.М.Магомедов решительно не согласен с подобными утверждениями автора. Он, в частности, замечает, что вольное общество - это не племя и не союз племен, а особая политическая организация сельских общин-джамаатов.⁷ И далее, развивая и углубляя свою мысль по данной проблеме, Р. М. Магомедов сообщает, что объединение населения вокруг вольного общества происходило на основе племенного родства, и в каждом вольном обществе или союзе вольных обществ сохранялись границы их прежнего племенного деления, свой отличительный язык или диалект, и, наконец, каждое такое вольное общество состояло из определенного числа джамаатов (сельских общин). Возражая точке зрения Л. А. Брюханова о его характеристике вольных обществ Дагестана, Р. М. Магомедов прямо указывает, что вольное общество Дагестана не являлось никакой демократической республикой.⁸

«Неточным термином «вольное общество» (введенным русскими исследователями в XIX веке), - утверждает профессор В. Г. Гаджиев, в исторической литературе именовались относительно независимые от посторонней власти раннефеодального типа сельские общины, объединенные в один союз вокруг более крупного селения».⁹

Обратимся еще к мнению очень авторитетного ученого до-революционной России - крупнейшего исследователя законов и обычаев народов Кавказа М. М. Ковалевского - о вольных обществах, имевших у себя различные по составу населения. Судя по утверждению М. М. Ковалевского, вольное общество вообще, как правило, создавалось благодаря тому, что древнейшему и могущественнейшему (влиятельнейшему) селению «удавалось нередко путем молчаливо заключенных союзов взять на себя руководство судьбами соседних с ними обществ, и в этом случае сельский старшина этого аула принимал на себя предводительство в военных походах и сосредотачивал в своих руках судебное разбирательство и вне пределов общины».¹⁰ Так, например, анализируя деятельность Акушинского вольного общества, состоявшего из пяти даргинских селений, автор, в частности, замечает, что во главе этого общества стояло древнее и могущественное село Акуша. Кадий этого главного селения принимал во время войны руковод-

ство ополчением соседних четырех сел, от их имени объявлял войну и заключал мир, и все это делалось после принятия решения на сходе сельчан. Как правило, указывает далее М. М. Ковалевский, в Акушинском вольном обществе не встречались факты насилия со стороны главного селения - над подчиненными.¹¹

Что же из себя конкретно представляли в XVII - нач. XIX в так называемые вольные общества в условиях горной Чечни и Ингушетии, и в чем их отличительная особенность от других политических образований вайнахов этого периода?

Как известно, в конце XVIII века в ряду других исследователей, состоявших на военной службе в России, иностранец, подполковник Л. Л. Штедер в 1781 г. совершил экспедицию по Северному Кавказу с целью составления военно-топографической карты и геологического обследования края. Он посетил земли чеченцев, ингушей, карабулаков и т.д. и оставил некоторые сведения об общественном устройстве горных жителей края. В частности, в рассматриваемое время на территории Чечни и Ингушетии Л. Л. Штедер называет наиболее крупные вайнахские общества - Четчен, Ингуш, Карабулак и Акки, а ингуши, по сведениям автора, разделялись к тому же еще на 7 родов (тайпов) - Тергимха, Аги, Хамхой, Чартой, Цимкал-бох, Геулаву, Вапи и т. д. Описывая формы общественного управления горных вайнахов в рассматриваемое время, Л. Л. Штедер замечает, что карабулаки, в частности, имеют «демократическую конституцию» и общественные дела решают голосованием на общих собраниях, но зато в частных делах у них господствует (управляет - Ш.А.) старейшина (фа-устрехт).¹²

В 70-х годах XVIII в. по заданию Российской академии наук во главе первой научной экспедиции на Северном Кавказе и, в частности, в горной Чечне и Ингушетии побывал академик И. А. Гюльденштедт, который, в частности, по результатам историко-географического обследования края называет и перечисляет в своей работе округа (по-видимому, общества - Ш.А.), называя их «дистриктами», расположенные в так называемой Кистинской провинции (области) в горах, а именно: Ингуш, Ахкингурт, Ардахли, Вапи, Осет, Макал, Ангуш (Большой), Шалха или Малой Ангуш. В так

называемой Чеченской провинции (области) И. А. Гюльденштедт также указывает ряд округов (обществ - Ш.А.), а именно: Араки, Кулга или Дганти, Галгай или Галга, Джанти, Чабрило, Шабет, Чисхрикакер, Карабулак, Меести, Мереджи, Галашки, Дубан¹³ и т. д.

Говоря же об общественном устройстве кистин (ингушей) в так называемых горных обществах, исследователь И. А. Гюльденштедт замечает, что ингуши не имеют у себя дворянства, но зато имеют «исстари знаменитых» родов, как-то: Мацеки, Боза, Чев и Пшанув, из коих они, как независимый народ, выбирают себе старшин и судью, который управляет именем целого общества»,¹⁴

Однако другой известный дореволюционный исследователь начала XIX века С. Броневский не совсем согласен с точкой зрения И. А. Гюльденштедта относительно административного деления им Чечни и Ингушетии на округа, замечая, что «сие разделение на округа нельзя почитать определенным», поскольку он (С. Броневский) не видит заметного различия округа или волости от колена, потому что и обширные области, и малые волости, по мнению С. М. Броневского, включают в себя несколько деревень, не известных к какому принадлежат колону¹⁵ (по-видимому, автор имеет в виду общество с конкретным тайповым или тукхумным названием - Ш.А.). И далее

С. Броневский заключает, что «каждое колено (общество - Ш.А.) разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из коих одна признается главою союза или сборным местом и обыкновенно все общество называется по имени главной деревни». Так, например, общество Карабулак (Ар-шты), по мнению этого автора, имело главную деревню Боко, называемую по имени знатнейшего старинного рода.¹⁶ Между прочим, в Ингушетии и сегодня живут потомки родоначальника Боко из общества Карабулак по фамилии Боковы.

Безусловно, надо полагать, что называемые исследователями И. А. Гюльденштедтом, Л. Л. Штедером и С. М. Броневским округа или колена (общества) Чеченской и Кистинской провинций (в данном случае в горных районах) представляли собой в рассматриваемое время не что иное, как вольные общества, а точнее - союзы сельских обществ чеченцев и ингу-

шей. В административном отношении во главе нескольких десятков маленьких сел, находилось то или иное крупное и влиятельное село (общество) с конкретным тайповым (тукхумным) названием.

Относительно данной проблемы более чем сдержанно и даже неопределенно высказываются авторы обобщенного труда по истории народов Северного Кавказа. В нем, в частности, сказано, что в предгорных и высокогорных, районах Чечни и Ингушетии существовал целый ряд союзов сельских общин, известных в российских источниках под названием «обществ», горских землиц или земель.¹⁷

Имеющиеся материалы недвусмысленно подтверждают, что в XVIII — нач. XIX века в условиях Чечни и Ингушетии вольные общества или союзы обществ локализовались сугубо в горах, в горных районах, а отчасти - и в высокогорье. Кроме всего прочего, под вольными обществами подразумевались многочисленные селения (аулы) вайнахов в горах, не подверженные в отличие от сел на равнине, ни российскому административно-политическому влиянию, ни вайнахскому феодальному княжескому правлению. Вайнахские вольные общества, так же, как и у дагестанских народов, имели свои собственные наименования. В одном случае у вайнахов вольные общества назывались, по-видимому, по имени того или иного большого и влиятельного тайпа, в другом случае - по имени тук-хума или вабра. Последнее встречалось у вайнахов относительно реже.

Как видно из материалов, политическое устройство вайнахских обществ было во многом схоже с дагестанскими вольными обществами. Русские источники XVI-XVII веков дают различные наименования горных «землиц»: Окотской, ТТибутской, Мерезинской, Калканской и др. Соответственно называются локальные группы населения: «окотские люди», «калканские люди». В источниках XIX века эти землицы, - указывает исследователь Т. А. Исаева, - называются «обществами» или «вольными обществами». Термин «общество» в дореволюционной литературе употреблялся как синоним «общины», под «обществом» подразумевалась также группа сел.¹⁸ Кроме того, по-видимому, в рассматриваемое время каждое из этих так называемых политических объединений вайнахов в горах — со-

юзов сельских обществ (тукхумов) - называлось также по имени той или иной большой и влиятельной деревни, вокруг которой группировались более мелкие деревни с представителями близкородственных тайпов, либо представители известного и многочисленного тайпа подчиняли себе соседние вайнахские селения. Поэтому под тем или иным крупным обществом, как правило, подразумевалось не одно вайнахское селение, а, возможно, несколько десятков. С другой стороны, параллельно шел и другой процесс: в пределах крупных союзов сельских обществ, а точнее сказать, внутри этих обществ происходило слияние отдельных мелких селений в более крупные. Последнее обстоятельство, хотя и приводило к уменьшению численности маленьких селений, но от этого, как правило, общая территория союза вольных обществ не сокращалась.

Поскольку в предыдущем параграфе (§1) данной главы нами подробно названы и перечислены известные «вольные» общества вайнахов в горах, а также некоторые крупные союзы сельских обществ "с их названиями и общим количеством входивших в них мелких обществ и селений, в данном параграфе работы мы намеренно не останавливаемся на этом вопросе.

В рассматриваемое время, например, соответственно названию широко известных коренных вайнахских тайпов или тукхумов, как-то: Беной, Белгатой, Билтой, Варандой, М1ай-стой, Нашхой, Харачой, Щонтарой, Чермой, ЭГ1ашбатой, Элистанжой, Эрсаной, Галирой и т. д. параллельно в горных районах Чечни и Ингушетии существовали крупные общества или селения с идентичными названиями: Бена (общество), Беной - тайпа, Беной-юрт; Нашха - (общество), Нашхой - тайпа, Нашхой - юрт.; Чермой (общество), Чермой - тайпа, Чермой-юрт; Эрсаной (общество), Эрсаной - тайпа, Эрсаной - юрт; Галирой (общество), Галирой -тайпа, Галирой - юрт и т. д. Выше мы уже отмечали высказывания дореволюционного исследователя С. Броневского относительно вольных обществ в горах Чечни и Ингушетии, которых он склонен называть также и «кавказскими республиками».¹⁹

В конце XIX века местный исследователь, хороший знаток общественного быта вайнахов У. Лаудаев, называя одну из причин, побудившую половину фамилий (представителей раз-

ных тайпов - Ш.А.) чеченского племени переселиться на свободные земли из-за недостатка земли от умножившегося народонаселения, в частности, указывал, что земли вайнахов, поделенные на участки, заселяются, как правило, теми же фамилиями (тайпами), которыми они были заняты впервые, и носят те же названия, например, Чермой-Мохк, Чермой-лам, означающие земли Чермоевской фамилии (тайпа), гора Чермоевцев; Дишний-Мохк - дишний-ская земля; Харачой-лам - харачоевская гора и т. д. Называя Ичкерью (Нохч-Мохк, Де-Мохк - Ш.А.) отцовской землей, сообщает далее У. Лаудаев, - горцы доказывали тем самым, что они вышли из этого горного края, в котором они имели свои фамильные (тайповые) земельные участки. «Ичкеринцы строили аулы, как и шатоев-цы, на своих участках, и придавали аулам название фамилий, например: Черми, Харани, Цонтари и прочие, от фамилий (тайпа - Ш.А.) Чермоевской, Харачоевской, Цонтроевской и т. д.»²⁰

В XVIII - начале XIX века вольные общества в горах Чечни и Ингушетии имели свои собственные территории, которые оберегались и охранялись всеми имеющимися средствами защиты. Каждое вольное общество, по-видимому, состояло из представителей одного тайпа или нескольких близкородственных тайпов, составлявших объединения определенного числа сельских общин (обществ). У дагестанских народов под сельскими общинами подразумеваются «джамааты».

Известно также, что сельские общины вайнахов, в зависимости от численности представителей тех или иных тайпов, входивших в их состав, были либо крупные, либо мелкие. Поэтому утверждать о многочисленности того или иного вольного общества и о положении, занимаемом им в зависимости от количества сельских общин (тайпов), входящих в состав данного общества, не совсем верно. Часто случалось, что некоторые вольные общества вайнахов с небольшим числом сельских общин из крупных тайпов, входивших в них, фактически превышали по количеству населения те вольные общества, которые составляли большое количество сельских обществ (общин) из относительно маленьких тайпов. И такие вольные общества более успешно решали как внутренние, так и внешнеполитические вопросы.

В то же время в горах Чечни и Ингушетии существовала другая часть вольных обществ, которая объединялась между собой и образовывала союзы вольных обществ (тукху-мы) из представителей нескольких близкородственных тайпов. «Эти образования (союзы вольных обществ - Ш.А.) в одних случаях объединяли несколько сельских общин, указывают авторы обобщающего труда по Истории народов Северного Кавказа, - а в других - являлись наименованием отдельных тайповых организаций, включающих одно-два поселения».²¹

Союзы вольных обществ или, правильнее сказать, союзы сельских обществ, как правило, состояли из представителей различных тайпов, но одного тукхума. Каждый такой союз (тукхум) в качестве своего политического центра имел наиболее крупное село или аул. Такими союзами обществ или территориальными объединениями в рассматриваемое время в горах Чечни и Ингушетии являлись Чеберлой, Шотой (Шубуты), Ч1аьнтий, Нашха, Аьккхи, Маьлхи, Джерах, Цори, Галгай, Фяппий и т. д.²²

Основной целью создания союза сельских обществ, - пишет дагестанский ученый М-С. К. Умаханов, - «являлась защита интересов всех входивших в его состав сел от посягательства со стороны других союзов или феодальных владений».²³

И, наконец, в горах Чечни и Ингушетии существовала третья категория вольных обществ, которая продолжала развиваться как отдельная территориальная политическая единица и не входила ни в какие другие сельские общества и не образовывала с ними никакого другого общего союза (тукхума), как, например, Майстой, Садой, Пешхой и др. Все это являлось, безусловно, наглядным доказательством чрезвычайной дробности населения.

В отличие от дагестанских вольных обществ, вайнахские общества в XVIII - начала XIX в. имели общий язык (разница была лишь в союзах вольных обществ (тукхумах), где был свой диалект или наречие) и четко обозначенные самостоятельные территориально-административные границы с соседними сельскими обществами и т. д. Политические и административные центры имелись, по-видимому, так же как и в Дагестане, лишь в союзах вольных обществ вайнахов.

Известно также, что вольные общества или союзы воль-

ных обществ были расположены компактно близко друг от друга и управлялись самостоятельно или под руководством старшин главного селения. Однако «вольность» некоторых обществ следует понимать весьма условно, ибо они зачастую попадали под влияние феодальных владетелей или же более крупных и влиятельных сельских обществ, которые притесняли своих слабых «союзников» вплоть до взыскания с них податей.

Главное отличие вольных обществ или союзов обществ в горной Чечне и Ингушетии от княжеских или феодальных владений на равнине заключалось в том, что во главе вольных обществ стояли избранные народом старейшины (старшины) и Народные сходы (собрания). Идентичную картину мы наблюдаем в это время и в горной Сванетии (Грузии).²⁵ Кроме того, общественно-политические и экономические отношения в них регулировались обязательными для всех жителей нормами обычного права (адатами), которые в рассматриваемое время так же, как и в Дагестане, «претерпели существенные изменения, отражали социальную дифференциацию внутри сельских обществ».²⁶

Как правило, все союзы вольных обществ были равны между собой и никто в союзах не мог прямо и открыто навязать свою волю другим членам общества. Однако были сильные союзы обществ (тукхумы), которые могли повлиять на принятие сельскими обществами угодных им решений по различным вопросам, а также захватить лучшие пахотные земли, пастбища и добиться избрания своих представителей в административные органы управления.²⁷ Внутри сельских обществ, как известно, еще задолго до рассматриваемого времени шел процесс имущественного неравенства, в результате которого бедные, обездоленные крестьяне - общинники попадали в зависимое положение от сельской верхушки.

В XVIII — начале XIX в. во всех вайнахских вольных обществах, надо полагать, были свои политические органы. Из прошлой истории вайнахов известно, что в каждом обществе имелись совещательные, законодательные, судебные и исполнительные органы. Такими органами были «Советы старейшин» (Къаной кхеташО) и «Народное собрание» (Халкъан гулам). Совет старейшин и Народное собрание общества созывались

в условленном месте. Каждое вольное общество по мере необходимости созывало Народное собрание для решения особо важных дел. Во время работы Народного собрания власть старейшин и кадиев, а также жрецов, по-видимому, несколько ограничивалась. В Совет старейшин входили, кроме самих старейшин, известные предводители военных походов (баьч-чи), кадии, муллы, жрецы, тамады тайпов (тайпанан тхьамда)

и т.д.

Собрание представителей от всех сельских общин вольного общества, как правило, созывалось в главном селении общества. Например, Щонтароевское вольное общество располагалось в горах. Центром этого общества являлось, Щонтарой. Когда возникала необходимость в решении жизненно важных вопросов, касающихся всего общества, то в Щонтарой съезжались представители от всех сельских общин этого общества, т. е. представители всех тайпов и ваьров, входившие в сельские общины и составлявшие данное вольное общество. Последнее решающее слово при вынесении окончательного вердикта по внутренним и внешнеполитическим вопросам оставалось за представителями богатой знати и духовенства, крупными землевладельцами и скотовладельцами данного общества.

Однако параллельно Советам старейшин и Народным собраниям отдельных вольных обществ функционировали другие Советы старейшин - «Мехк-кхелы» (Суд страны - дословно чеч.) более высокого ранга, созываемые, как правило, в наиболее крупных и независимых союзах вольных обществ Чечни и Ингушетии. На них решались далеко не ординарные, а напротив, очень важные судьбоносные вопросы страны. Такими известными вайнахскими центрами сбора «Мехк-кхела» страны являлись: общества Майсты, Кий, Нашаха, Щонтарой, гора Мизир-корта, Кхеташ-корта, Жемибарз²⁸ и т.д. (В данной работе мы отдельно рассматриваем деятельность вайнахского общественного органа «Мехк-кхел».

В рассматриваемое время в некоторых вайнахских вольных обществах, по-видимому, были военные предводители или вожди (баьччи - чеч.). Жители обществ избирали баьччи, как правило, перед походом. По свидетельству дагестанского ученого Р. М. Магомедова, у даргинцев во всех их делах в роли

военных предводителей выступали кадии. Они были наделены в военное время неограниченной властью, которая ограничивалась «в мирное время деятельностью Народных собраний».²⁹

Как мы отмечали выше, в XVIII - начале XIX в. во всех вайнахских обществах, начиная от сельских общин одного горского аула и кончая большими союзами сельских обществ, внутренняя общественно-политическая и духовная жизнь регламентировалась на основе норм обычного права - адатов. Взаимоотношения между вольными обществами и союзами вольных обществ строились на основе договоров и соглашений, полностью опиравшихся на местные адаты вайнахов и решавших многочисленные вопросы хозяйственного и общественного характера.

Однако уже в первой половине XIX века ни вольные общества, ни союзы вольных обществ вайнахов, взятые в отдельности, в плане их территориального единства уже не представляли особой политической силы. Был нарушен принцип формирования вольного (сельского) общества по тайповому и тукхумному признакам родства. Объединение сельских общин внутри вольного общества происходило чисто по территориальному признаку. В состав вольного общества или союза вольных обществ входили представители различных тайпов, тукхумов и сельских общин. Таким образом, происходило этническое смешение населения одного вольного общества вайнахов с другим, причем с представителями разных тайпов, тукхумов, диалектов или наречий. Кроме того, в рассматриваемое время одна часть вайнахских вольных обществ находилась под руководством старшин главного селения союза сельских обществ, а другая часть — под политическим влиянием феодализирующейся знати.

Использованная литература и источники:

1. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века*, М., 1988, с.400.
2. Агларов М. А. *Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII - начале XIX в.*, М., 1988, с.8.
3. Исаева Т. А., Исаев С. А. *Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI-XVIII вв.)*. Общественные отношения че-

ченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII - начале XX вв.), Грозный, 1982, с.45.

4. Ахмадов Я. З. *Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII веке.*, Грозный, 1991, с.27.

5. Дзагурова В. П. *Еще раз о союзах сельских обществ*. Вопросы истории Дагестана (досоветский период), - Махачкала, 1974, с.82.
6. Брюханов Л. А. *Государственное устройство и административное управление вольных обществ Дагестана в первой четверти XIX века*. Сборник трудов Пятигорского госпединститута, вып.1, Ставрополь, 1947, с. 158.
7. Магомедов Р. М. *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - начале XIX в.*, Махачкала, 1957, с. 115.
8. Магомедов Р. М. *Ук. соч.*, с. 63.
9. Гаджиев В. Г. *Союзы сельских общин Дагестана. (Проблемы, история изучения, перспективы)*. Общественный строй союзов сельских обществ Дагестана в XVIII - начала XIX в., Махачкала, 1981, с. 25.
10. Ковалевский М. М. *Закон и обычай на Кавказе*, т.2, М., 1890, с. 162.
11. Там же, ее. 163-164.
12. Штедер Л. Л. *Дневник путешествия по пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятое в 1781 г.*, Лейпциг, 1797; Цитирую по книге В. М. Аталикова *Страницы истории*, Нальчик, 1987, сс.96-107.
13. Гюльденштедт И. А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа в 1770-1774 гг.*, СПб; 1809, с. 115.
14. Там же, с.110.
15. Броневский С. М. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, М., 1823, ее. 156-157.
16. Там же, ее. 158,168.
17. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIIIвека*, М., 1988, с.295.
18. Исаева Т. А., Исаев С. А. *Ук. соч.*, с.45.
19. Броневский С. М. *Ук. соч.*, с. 157.
20. *Чечня и чеченцы*. Чечня и чеченцы в материалах XIX в, Элиста, 1990, сс.80-81.
21. *История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIIIвека*, М., 1988, с.295.
22. Там же, с.295.
23. Умаханов М-С. К. *Взаимоотношения феодальных владений и ос-*

вободительная борьба народов Дагестана в XVII веке, Махачкала, 1973, с.7.

24. Магомедов Р. М. *Ук. соч.*, с.63.
25. Калоев Б. А., *Б.М.Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа*, М, 1979, с.108.
26. Умаханов М-С. К., *Ук. Соч.*, с. 7.
27. Хашаев Х-М. *Памятники обычного права Дагестана XVII-XIXвв.* Архивные материалы, М., 1965, сс.4-5, 41, 48.
28. Саидов И. М. *«Мехк-кхел» («Совет страны») у вайнахов в прошлом*. Кавказский этнографический сборник (КЭС), ч.2, Тбилиси, 1968, с.200.
29. Магомедов Р. М. *Ук. соч.*, с. 117.

§ 4. Органы власти и управления в вольных (сельских) обществах вайнахов

В дореволюционных источниках и литературе по истории Чечни и Ингушетии сохранились определенные сведения об органах власти и управления в горных селениях или в так называемых «вольных» обществах. Что же касается местных исследователей, писавших в советский период по дореволюционной истории вайнахов, то они вообще не касались проблемы административно-политического устройства «вольных» обществ горной Чечни и Ингушетии в XVIII - начале XIX в. Между тем, необходимо подчеркнуть, что без правильного анализа данной проблемы на примере «вольных» обществ вайнахов не может быть создана объективная картина административно-политического устройства в целом всей Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время.

Говоря об органах власти «вольных» обществ вайнахов в XVIII - начале XIX в., следует отметить, что в дореволюционной исторической литературе руководителей вольных обществ называют либо предводителями обществ («баьчча»), либо старшинами. Русский офицер А. И. Ахвердов, находившийся в конце XVIII века на службе на Кавказе, о горных ингушах писал, что «старшины у них (ингушей — Ш.А.), хотя и есть, но мало уважаемы, а управляются на древних своих правах духовными законами и древними обычновениями».¹ Исследователь И. А. Гюльденштедт, посетивший в конце XVIII века гор-

ные районы Чечни и Ингушетии, сообщает о том, что чеченцы, живущие в горах, «не имеют дворянства, но выбирают между собой богатейших, а особливо имеющих большое родство, в старшины, коим они, однако, не столько повинуются, сколько им угодно».² Другой русский офицер С. Броневский, служивший на Кавказе в начале XIX века, отмечал, что чеченцы и ингуши в своих обществах управляются выборными старшинами, которые «обыкновенно присваивают себе права старшинские от отца к сыну наследственно» и руководствуются при этом духовными законами и древними обычаями³ (адатами - Ш.А.).

До выступления шейха Мансура в 1785-1791 гг. в вольных (сельских) обществах горной Чечни и Ингушетии основные функции военачальника выполняли, по всей вероятности, военные вожди (бабччи), старшины или старейшины (почетные старики), а также известные во всем обществе духовные жрецы, которых выбирал и признавал сам народ. Каждый из них, в силу своих обязанностей и почетной должности, обязан был поддерживать порядок (низам) на всей территории сельского общества; при необходимости военачальник должен был организовывать военное ополчение и предводительствовать в походе; руководить религиозными делами и быть верховным судьей при решении судебных дел на основе адатов, а затем и шариаата.

Органы управления сельских общин (обществ), входивших в состав вольных обществ, в рассматриваемое время состояли также из старшин, старейшин, судей (кхелахой), почетных людей, Совета старейшин и Народного собрания. О некоторых из них говорят адаты вайнахов и устные исторические предания. Факты свидетельствуют также, что в сельских общинах «вольного» общества старейшины или так называемые «почетны старики» занимали ведущее положение в общественно-политической жизни горцев. В подтверждение к сказанному, т. е. о роли и месте старейшин или «почетных стариков» в обществе, обратимся к местным вайнахским адатам. Так, например, в описании механизма проведения суда по адату у вайнахов, в частности, сказано, что «противники, желая кончить дело по адату, выбирают обыкновенно в посредники или

судьи себе одного или двух старшин. Старшины для избежания лицепрятия выбираться должны не из того колена (тайпа - Ш.А.) или токхума (тукхума - Ш.А.), которому принадлежат тяжущиеся, а непременно из другого. Старики (старейшины — Ш.А.) выслушивают отдельно каждого из разбирающихся и, выслушав, произносят приговор».⁴

В вайнахских адатах зафиксированы также некоторые обязанности, которые выполняли местные старшины или «почетные старики» (старейшины): «Если какая-нибудь из тяжущихся сторон остается недовольной приговором и не хочет выполнить условий, на нее положенных, то тогда тяжущихся сторон остается недовольной приговором и не хочет выполнить условий, на нее положенных, то тогда тяжущиеся имеют дело не только с противником, но и со свидетелями и стариками, находившимися на суде, и те обязаны уже принудить его к исполнению...».⁵

Как видим, в этих адатах старшинам, которые одновременно выступают в качестве судей, отведена решающая роль. В то же время в адатах ничего не сказано о кадии и его роли. Это свидетельство того, что в сельских обществах и старейшины, и кадии занимали, по-видимому, далеко не одинаковую роль и положение. На основании приведенных выше решений адатов вайнахов мы можем констатировать, что решающее слово в судебно-административной системе сельских обществ принадлежало сельским старейшинам (старшинам), которые одновременно выступали и в качестве судей (кхелахой).

Между тем, как правильно замечает исследователь Р. М. Магомедов, «власть старейшин в джамаатах (сельская община - Ш.А.) являлась в значительной степени патриархальной, основанной еще в известной мере на авторитете и господстве обычая».⁶

В рассматриваемое время, надо полагать, в некоторых вайнахских сельских обществах старейшины (старшины) выступали также и в роли военачальников, т.е. предводителей военных походов. Под руководством таких военачальников жители отдельных обществ совершали набеги на соседние территории. Предводителям военных дружин доставалась лучшая и большая доля награбленной добычи. По свидетельству

П. Г. Буткова, при дележе добычи вожак - бабчча получал вдвое больше остальных⁷, а по утверждению другого исследователя А. Зиссермана - две трети⁸. «Такое привилегированное положение бабччей в обществе, - замечает профессор Н. А. Тавакалян, - способствовало превращению этих когда-то равноправных со своими дружинниками вожаков в крупных феодалов».⁹

Старшины у вайнахов назывались словом «къаной». Установить численный состав старейшин в сельских общинах вольных обществ не представляется возможным. По-видимому, жители сельских общин выбирали себе старейшин по своему усмотрению. В некоторых обществах избирали по одному старейшине, а в других - два и более.

В официальной переписке царской администрации с местной верхушкой на Кавказе упоминается о наличии у жителей вайнахских сельских обществ «старшин села», «главных старшин», «почетных стариков» и т. д. Между прочим, адаты чеченцев и ингушей сообщают о том, что, как правило, из «почетных стариков» выбираются у вайнахов общественные судьи (кхелахой).¹⁰

Как и во всех вольных обществах в целом, в каждой сельской общине в отдельности существовали свои органы власти - Совет старейшин (къанойн кхеташо) и Народное собрание (юьртан гулам). В Советы старейшин сельских общин выбирали старейшин села, почетных стариков, судей и руководителей тайпа (тайпан тамада - Ш.А.). Советы старейшин решали все повседневные дела. Серьезным органом сельского общества оставалось долгое время и Народное собрание, которое созывалось регулярно. На нем решались наиболее важные вопросы внутренней жизни сельского общества, принимались постановления, которые со временем закреплялись в качестве законов и обычаев вайнахов (адатов).

До утверждения ислама в каждой сельской общине действовал суд по адату, а с первой половины XIX века - суд по шариату. Адаты вайнахов не дают сколько-нибудь значительных сведений об организации подобных судов, однако есть некоторые подробные сведения процессуального характера и мерах наказания за различные преступления. Сельские

старшины разбирали различные ссоры и тяжёбые дела граждан. Недовольные решением старшин обращались к Народному собранию. На суде, где рассматривались дела лиц, совершивших преступления, большую роль играла присяга и еоприяга со стороны ответчика и его родственников. Вот что говорит поэтому поводу местный вайнахский адат: «...Если же обе стороны (тяжущиеся - Ш.А.) имеют свидетелей, то таковые принимаются судом и если свидетели эти хорошие люди, никогда ложно не присягавшие, то приводятся к присяге; при этом проигрывает та сторона, свидетели которой откажутся принять присягу, или которая выставит хотя бы одним свидетелем меньше противной стороны. Если же обе стороны выставят равное число свидетелей и эти одинаково примут присягу, в таком случае предмет спора разделяется поровну между истцом и ответчиком».¹¹

В конце XVIII - начале XIX века, по мере усиления религии ислам в горных районах Чечни и Ингушетии, власть кадия и муллы наравне со старшиной (старейшиной) начинает играть на территории вольного общества все более заметную роль. Кадий становится религиозной главой в обществе и верховным судьей при решении судебных дел на основе шариата. Власть кадия становится прочной. За свою работу кадий и мулла получали от населения подати (закят) и судебные пошлины. Со временем старейшины (старшины), кадии и муллы в обществе превращаются в настоящих феодальных владетелей. По мере укрепления позиций мусульманского духовенства в вольных обществах в его руках сосредотачиваются главные духовные и светские должности. В основном это касается кадия и муллы.

На суде по шариату, кроме кадия и муллы, участвовали также некоторые авторитетные члены данной сельской общины (джамаата).¹² Например, известно, что в наиболее крупных вайнахских селах, а также в союзах сельских обществ на суде участвовали духовные авторитеты рангом повыше - муфтии, которые контролировали почти все судебные и правовые иски гражданских лиц. Более того, муфтиям подчинялись сельские муллы и кадии.

Тяжущиеся, как правило, присягали на Коране или же в исключительных случаях руководствовались на основе тре-

бований некоторых местных адатов, которые по большому счету не вступали в явное противоречие с шариатом. Чисто по шариату рассматривались судебные дела, которые относились к религии, семейным вопросам, завещанию, наследству и т.д. В рассматриваемое время сельские общества вайнахов составляли, как правило, жители того или иного селения (аула), которые являлись исторически сложившимся хозяйственным и общественным коллективом людей в виде общины. Такая община, состоявшая из отдельных тайповых семей и их членов, как правило, в селе располагала своей общинной территорией (кварталом (куп - чеч.), своим строго ограниченным населением того или иного тайпа, а также своими обычаями и тайповыми старейшинами (тайпанан къаной). Взаимоотношения между отдельными тайпами и членами семей разных тай-пов в сельском обществе строились на свободной и равноправной основе. Безусловно, у вайнахов, так же как и у соседних северокавказских народов, давно зародился и на протяжении веков существовал крепкий коллектив в виде отдельной сельской общины (общества), состоявший как из отдельных членов, так и целых семей разных тайпов.

Использованная литература и источники:

1. Ахвердов А. И. *Описание Дагестана. 1804 г.* История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв., М., 1958, с.228.
2. Гюльденштедт И. А. *Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказ в 1770-1774 гг.*, СПб., 1809, с.77.
3. Броневский С. М. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе*, М., 1923, сс.163-164, 181.
4. Леонтович Ф. И. *Адатыкавказских горцев*. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа, вып.2, Одесса, 1883, с.25.
5. Там же, с.26.
6. Магомедов Р. М. *Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - нач. XIX в.*, Махачкала, 1957, с. 70.
7. Бутков П. Р. *Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.*, ч.1, СПб., 1869, сс.260-261.
8. Зиссерман А. Л. *Двадцать пять лет на Кавказе*, ч.2, СПб., 1879, с.440.

9. Тавакалян Н. А. *О классах и классовой борьбе в Чечено-Ингушском обществе во второй половине XVIII - первой половине XIX в.*, Сборник статей «Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI- нач. XIX в.)», Грозный, 1979, ее.78-79.
10. Леонтович Ф. И. *УК. соч.*, с.40.
11. Там же, с.49.
12. *Джамаат* (арабское слово) - сельская община, сельский сход, собрание. Данный термин, более соответствующий по своему социальному содержанию «сельской общине» в Дагестане, однако, в рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии с таким названием и содержанием понятие «джамаат» почти не практиковался до XIX в.

§ 5. «Мехк-кхел» - законодательный и исполнительный орган вайнахов

В рассматриваемое время во главе различных вайнахских вольных обществ стоял верховный орган «Мехк-кхел»¹ (дословно переводится «Совет страны», или «Суд Страны»). «Мехк-кхел» собирался регулярно, как правило, для обсуждения общенародных вопросов и разбора частных споров (чаще всего два раза в год) в условленном месте. В экстренных случаях созывалось внеочередное собрание «Мехк-кхела». В промежутках между собраниями «Мехк-кхела» полномочия его выполняли старейшины (къаной) во главе с председателем - руководителем тамада (баьчча). Как правило, «Мехк-кхел» представляли самые авторитетные местные старейшины (къаной), духовные лидеры и представители богатой части вайнахского общества.

«Мехк-кхел» вайнахов обладал также, кроме всего прочего, и исполнительной властью. Решение его было для всех обязательным. В случае неповиновения граждан в выполнении постановления «Мехк-кхела» лица сурово наказывались и сжигались целые села. Об этом свидетельствуют письменные источники.²

Какая же существовала точка зрения относительно «Мехк-кхела» вайнахов в дореволюционной русской историографии? Отдельные сведения о «Мехк-кхеле» приводятся в трудах ис-

следователей XVIII-XIX вв. Вахушти Багратиони, И. Гюльденштедта, С. Броневского, И. Попова, Г. Вертепова, П. Головинского, Н. Семенова, Н. Яковлева и др. О функционировании среди ингушей в XVIII веке верховной организации «Мехк-кхел» известный грузинский исследователь географ Вахушти Багратиони замечает, что «...не знают они (ингуши) смертоубийства и мести за кровь; но если случится (убийство), то мирятся через Совет своих старейшин».³ Используя сведения своего предшественника академика И. А. Гюльденштедта, побывавшего в 70-х годах XVIII века во главе научной экспедиции в нашем крае, исследователь С. Броневский сообщает довольно интересные сведения о местных провинциальных кхелах (судах). «...Вероятно, что ... округов или волостей должно быть гораздо более в Кистинских землях, - указывает автор, — ибо каждое колено здесь разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из которых одна признается главою союза или сборным местом, и, обыкновенно, все общество называется по имени главной деревни»⁴, - указывает С. Броневский.

По дошедшим до нас преданиям, - говорит И. М. Саидов, - древнейшими ваинахскими центрами сбора старейшин и «Мехк-кхела» служили: район р. Чанты-Аргуна (Шой пхеда), Майсты, гора Мизир-корта, Жеми-барз (у сел. Чечен-аул), с. Кий, место для привязи коней (Говраш тосу басо) около г. Грозного, сел. Нашаха, курган Кхеташ-корта⁵ и т. д.

Селение Майсты, что расположено в ущелье Армхи (западная часть Чечни и Ингушетии), также являлось местом разбора спорных вопросов, принятия важных решений, вынесения окончательных приговоров и т. д. Одно из преданий, записанное дореволюционным исследователем Н. С. Иваненковым в восточной части Чечни, рассказывает о том, как один пастух с согласия другого пастуха решил отдохнуть и заснул на земле. Когда второй пастух стал будить первого и, шутя, ударил палкой о землю возле головы спящего, то последний, которого палка даже не коснулась, умер. Как не разбирали это дело старейшины местного кхела, порешить спор не могли. Когда жалобщики дошли до Майсты, то местные старейшины проделали следующий опыт: поставили чашу с цельным молоком

на то место, где лежала голова умершего и предложили обвиняемому повторить удар палкой о землю. От удара молоко в чаше расплескалось. Старейшины кхела решили, что пастух виновен в убийстве и потребовали взыскать с него штраф в размере половины полной крови.⁶

Большое внимание уделил исследователь И. Попов изучению верховного органа вайнахов - «Мехк-кхела», который собирался на горе Кхеташ-Корта. Автор считал, что «Мехк-кхел» должен и может способствовать сплочению различных племен, объединению горских обществ и процессу формирования чеченской народности. Вот что сообщает И. Попов о деятельности «Мехк-кхела» на горе Кхеташ-Корт: «Живя до того без прав на собственность, не имея гражданских положений, обеспечивающих права на имущество, и даже на жизнь каждого, здесь они в первый раз условились сообща создать адатобычай. Первая встреча народа на горе Кхеташ-Корт не была последней: сюда собирались для изменения адата, если он был неприменим к условиям общественной жизни, развивавшейся все больше и больше... В тех же спорных случаях, на которые обычая не существовало, ичкеринцы-старики отправляли спорщиков в Нашахе, откуда они всегда возвращались удовлетворенными. Самый чистый обычай, по мнению чеченцев и ичкеринцев, существовал в Нашахе, куда так еще недавно отправлялся обиженный для проверки приговора по делу... Ичкерийский язык, хотя относительно древний, но возник путем указанных мною обстоятельств, по всем вероятностям, еще в Нашахе».⁷

Судя по сведениям, приведенным И. Поповым, во-первых, между «Мехк-кхел» у горы Кхеташ-Корта и сел. Нашаха существовала определенная преемственность,⁸ во-вторых, здесь сообща вырабатывались новые обычаи-адаты и вносились изменения в уже существующие адаты в соответствии со складывающейся новой общественно-политической обстановкой и экономическими условиями жизни общества.

Известный дореволюционный чеченский этнограф У. Лаудаев сообщает, что вайнахские старейшины устанавливали в «Мехк-кхеле» порядок землевладения и землепользования,⁹ решали вопросы внутренней и внешней торговли (установле-

ние единиц измерения, цен на скот и проч.),¹⁰ принимали соответствующие меры для обороны крепости, строили боевые башни, создавали сторожевые или пограничные поселения, разбирали вопросы войны и мира, собирали материальные средства и определяли всевозможные обложения и повинности для общественных нужд.¹¹ Если бывали случаи, когда некоторые сельские или территориальные общины не выполняли решения «Мехк-кхела», то их могли полностью уничтожить. Народные изречения о власти и авторитете органа «Мехк-кхел» гласит следующее: «Махко динарг диена», махкана динарг диена дац» (То, что сделано страной, осталось; а то, что сделано против страны, не оставлено).¹²

Как видим, Мехк-кхел являлся важнейшим институтом, каждый самым серьезнейшим образом регулировал внутреннюю и даже внешнюю жизнь вайнахов.

Отмечая огромную роль и непререкаемый авторитет старейшин в общественном быту и на сходах вайнахов, дореволюционный исследователь Н. Семенов сообщает следующее: «Все вопросы, выходящие из круга частных интересов, затрагивающие жизнь целого аула, общества или всего племени, разрешаются всегда на сходах старших (отцов) и решение схода признается обязательным для всех членов той или иной общественной группы, а если они приняты по вопросам, касающимся всего народа, то для всех истинных членов его... Везде общество, народ в лице главарей его (не тех, которых мы выдвинули из народа, а тех, которых народ сам считает таковыми), а отдельная личность идет за главарями в силу глубоко укоренившейся в ней общественной дисциплины».¹³

Довольно ценные сведения о вайнахском «Мехк-кхеле», функционировавшем на горе Муйти-Корт, собрал исследователь М. А. Иванов, обследовавший в свое время верховья р. Фортанги (Мартанга). Он указывает, что гора Муйти-Корт, на которой когда-то собирался Мехк-кхел, в прошлом выполняла большую роль. «Для решения всяких спорных дел и установления условий, - писал М. А. Иванов, - собирались в то время наши почетные старики - представители племен чеченцев, ингушей, карабулаков, мелхастинцев и даже отдельные тушины и хевсуры на граничной горе (Муйти-Корт). Со сторо-

ны Аккинского общества на склоне этой горы есть большой проский камень, который служил как бы трибуной для председателя таких совещаний, а имя его было Муйты. Предлогом занятий совещаний бывало установление цены на выкуп пленных, а также цены на скот и т. п.»¹⁴ Известно также, что всех членов собрания «Мехк-кхела» на этой горе заранее предупреждали обо всем. Муйти-Корт назывался по имени первого председателя (руководителя) здешнего «Мехк-кхела». Как видно из сообщений М. А. Иванова, председатель «Мехк-кхела» имел всегда решающий голос.

Современный исследователь этого старейшего вайнахского законодательного органа И. М. Саидов считает, что к сведениям о «Мехк-кхеле», сообщаемым дореволюционными авторами, следует отнести еще более ранние сведения или предания, существовавшие до усиления вайнахского «Мехк-кхела», в частности, цены на выкуп пленных людей.¹⁵ Об этом же свидетельствуют вышеотмеченные сведения исследователя И. Попова.

Сведения о вайнахском Мехк-кхеле М. А. Иванова совершенно не датируются. Да это и трудно восстановить на сегодняшний день. Одно ясно, что сообщаемый М. А. Ивановым порядок рассмотрения дел в Мехк-кхеле не соответствовал требованиям ислама (шариата). Поэтому можно смело утверждать, что сведения автора М. А. Иванова о Мехк-кхеле относятся к домусульманскому периоду в Чечне и Ингушетии. «Мехк-кхел» М. А. Иванова находился, как он сообщает, в горах, не связывая его с плоскостью. Между тем, жители ущелья Фортанги являлись арштхойской территориальной общиной. Они же «карабулаки» - жители плоскости.

В рассматриваемое время в Ассинском ущелье также был широко известен Совет старейшин. Если центр Совета старейшин в сел. Нашаха дал само название чеченцев «нохчий», сел. Кий-кисты, а Онгушта - ингуши, то, по-видимому, с ассинским или кекаллинским обществом следует связывать самоназвание ингушей - глалглай (калкой или галгай). Именно на этом месте находится храм Тхаба-Ерды. Надо полагать, что такое сооружение могло быть воздвигнуто исключительно на важном и нужном месте.¹⁶

У храма Тхаба-Ерды собирались на Совет старейшин представители многочисленных территориальных общин. Именно на этом месте собирались «в далеком прошлом» жители ке-кяллинского и других общин для избрания князя.¹⁷ Этот замечательный памятник старины дожил до наших дней, являясь живым свидетельством описываемого исследователем места сбора старейшин вайнахов.

Кроме того, Совет старейшин при Тхаба-Ерды не оставался, естественно, в качестве постоянного центра для более или менее значительного количества вайнахских обществ из-за отдаленного от равнины географического положения. Вайна-хи, как известно, исстари пользовались и жили на равнинных землях.¹⁸ Хотя иноплеменные народы временами оседали на землях вайнахов, однако со временем им приходилось оставлять чужие земли...¹⁹ Как только вайнахи освобождали равнинные земли, сразу же туда перебирался и Совет старейшин (Мехк-кхел).

Следует отметить также, что, если по своей форме органы законодательной и исполнительной власти вайнахского общества действовали под прежним племенным названием, то по своей социальной направленности они являлись орудием классового господства и защищали интересы крупных землевладельцев и скотоводов, духовенства, пополнявших постепенно ряды феодалов.

С конца XVIII века и, в частности, в пору выступления шейха Мансура в 1785-1791 гг., распространения и утверждения на всей территории, Чечни (как в горах, так и на равнине) монотеистической религии ислам происходят серьезные трансформационные процессы в деятельности «Мехк-кхела» (Совета страны) в новых условиях. Известно, что до установления ислама в Чечне и Ингушетии «Мехк-кхел» представляла местная знать. Лай, ясыри и бедные крестьяне (зависимое сословие) в «Мехк-кхел», как правило, не избирались. По мере усиления ислама, в частности, в восточных районах Чечни и Ингушетии, представители местной знати стали постепенно вытесняться мусульманскими богословами (алимами-учеными). Здесь они, по утверждению исследователя И. М. Саидова, с XVIII века господствовали в «Мехк-кхеле» безраздельно. Безусловно, ученые-алимы» (теологи) были более образован-

нее, нежели жрецы и старейшины сел и деревень, которые полностью опирались на неписанные законы горцев-адаты.²⁰ Отныне все спорные дела и вопросы разбирались в «Мехк-кхеле» по шариату, судили конкретно одного преступника, многочисленный штат присяжных заменяли конкретными свидетелями.²¹ Все это не вызывало сопротивления со стороны горцев.

Известно также, что на основе шариата дела в «Мехк-кхеле» разбирались более оперативнее, чем старейшинами, оперировавшими адатами. Это обстоятельство способствовало тому, что со временем мусульманское духовенство заняло в «Мехк-кхеле» главенствующее положение. Кроме того, в XVII-XVIII вв. для избрания того или иного члена в «Мехк-кхел» большое значение имело: знание им национальных обычаев, шариата, способности человека, его богатство, происхождение, авторитет в фамилии и обществе, а также не молодой возраст, который подчеркивал о степенности того или иного лица. Безусловно, традиционным требованием для тех, кто должен был входить в «Мехк-кхел», являлось умение красиво и логично говорить, дельно и убедительно, т. е. аргументированно доказывать. Но самое главное требование «Мехк-кхела» заключалось в одном - говорить только правду.²²

Использованная литература и источники:

1. При написании данного очерка автором использованы материалы статей исследователя и специалиста по данной проблеме Саидова И. М. Этнографические заметки. Мехк-кхел. ИЧИНИИИ-ЯЛ, вып. 1, т. 5, Грозный, 1964; Его же: Мехк-кхел (Совет Страны) у нахов в прошлом. Кавказский этнографический сборник, ч. 2, Тбилиси, 1968 и др.
2. ЦГА Даг. АССР, ф. 1406, д. 294, лл. 4-8; Цитирую по работе Саидова И. М. Ук. соч., с. 205.
3. Багратион Вахушти. География Грузии, Тифлис, 1904, с. 152.
4. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, М., 1823, ее. 157, 181.
5. Саидов И. М. Мехк-кхел (Совет страны) у нахов в прошлом. Кавказский этнографический сборник, ч. 2, Тбилиси, 1968, с. 200.
6. Саидов И. М. Ук. соч., с. 200.

7. Попов И. Ичкеринцы, ССТО, вып. 1, Владикавказ, 1878, ее. 262-263.
8. Саидов И. М. Ук. соч., с. 201.
9. Лаудаев У. Чеченское племя. ССКГ, выш. 6, Тифлис, 1878.
10. Головинский П. И. Чеченцы. ССТО, выш. 1, Владикавказ, 1878, ее. 39, 244.
11. АКАК, т. 7, Тифлис, 1904, ее. 917-918.
12. Саидов И. М. Ук., соч., с. 202.
13. Семенов Н. Туземцы. Северо-Восточного Кавказа. Чеченцы, СПб., 1895, ее. 97-98.
14. Иванов М. А. В горах между рр. Фортангой и Аргуном и КОРГО, XVII, 1, 1904, с. 49.
15. Саидов И. М. Ук. соч., с. 203.
16. Виноградов В. Б., Чокаев К. З. Древние свидетельства о названиях и размещении нахских племен. Археолого-этнографический сборник, Грозный, 1966, ее. 57-58.
17. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. ИИНИИК, выш. 2-3, Владикавказ, 1930, ее. 313-314.
18. Пантюхов И. Ингуши, с. 122; П. Землевладение у чеченцев, ССТО, выш. 1, Владикавказ, 1878, ее. 268-269.
19. Пантюхов И. Ук. соч., с. 122.
20. Саидов И. М. Мехк-кхел (Совет страны) у нахов в прошлом, Ук. соч., с. 205.
21. ЦГА СОАССР, ф. 12, оп. 3, д. 1550, лл. 11-12, Цитирую по работе Саидова И. М. Ук. соч., ее. 205-206.
22. Саидов И. М. Ук. соч., с. 205.

§ 6. Адааты¹ как источник правовых отношений вайнахов

Адааты чеченцев и ингушей, как и у многих народов Северного Кавказа, имеют древнюю историю. Адааты - это обычаи, древние законы. Они создавались предками вайнахов в далеком прошлом, еще в пору первобытного общества. Но тогда адааты еще не были законом.

В рассматриваемое время основные нормы правовых отношений вайнахских «вольных» обществ и других политических образований были определены в адаатах.

У народов Северного Кавказа в прошлом существовало чрезвычайное разнообразие адаатов: не только каждое племя,

но и каждая община, аул, чуть ли не каждый дом и семья имели свои особые адааты, жили по своим домашним обрядам и обычаям.

Не являлись исключением в этом плане Чечня и Ингушетия. Здесь также, по-видимому, задолго до принятия ислама в каждом отдельно взятом вайнахском обществе и даже у каждого рода (тайпа) или тукхума существовали свои адааты, которые, имея много общего между собой, в тоже время несколько отличались друг от друга и даже воплощали собой суд по «правилам и законам, установленным обычаем, освященным давностью». В своих общих основах, - указывает Ф. И. Леон-тович, - все адааты кавказских горцев представляют много сходных черт и тем не менее каждая сельская община до сих пор строго придерживается своих домашних обычаев и «потому можно сказать, что нигде не развился так партикуляризм² обычного права, как у кавказских горцев».³

О влиянии партикуляризма в обычном праве северокавказских народов свидетельствует тот факт, что рядом с общими адаатами целого племени или общества существовали также «частные» адааты отдельных местностей, имевшие свои местные особенности в отдельных маленьких «обществах», аулах и тайпах.

Как известно, у многих народов Северного Кавказа есть свои местные названия идата. Так, например, чеченцы и ингуши называют свои правовые обычаи «эдиль» или «адиль». Общим тайповым понятием адата у вайнахов считается обычай, (адат) живущий в народной памяти. Под адаатами подразумеваются у горцев «древние обычаи, которыми управляются все народные дела».⁴

Кроме того, есть другое значение адата, связанное с судом, т. е. когда идет речь об адате, как о суде, рассматривающем все дела, происходящие от несогласия между членами общества и «определяющем наказание за всякого рода преступления». По определению одного из авторов «Сборника адатов... Фрейтага адат - есть суд по некоторым принятым правилам или законам, установленным обычаем и освященным давностью». В своде адатов другого дореволюционного автора Ольшевского следующим образом определяется значение адата:

«Это есть суд посреднический, лишенный большею частью средств понудительных».⁵

Существовало еще и третье значение адата у горцев. В мусульманском праве адат, как местный обычай горцев противопоставляется не только шариату, но и общему государственному закону, как закон местный, имеющий обязательное действие лишь в данной местности, т. е. во внутренних делах данной сельской общины или народа. Таково именно значение у восточных мусульман адата — местного закона в отношении к законам верховного главы государства. Значение закона адат приобретал и на Кавказе, в основном там, где вместе с ранним утверждением ислама началось с давних времен кодифицирование обычного права, составление из обычаев, бытовавших в народном предании, письменных Сборников адатов. Адаты, однажды записанные в такие Сборники, при дальнейшем применении их в судебной практике, превращались в строго обязательные «законы».⁶

При анализе социально-экономического и политического положения чеченцев и ингушей в XVIII - нач. XIX вв. мы невольно обращаемся к адатам, как к важнейшим правовым источникам по истории Чечни и Ингушетии. Нам представляется, что вопрос о правовых отношениях в сельских обществах нельзя рассматривать в отрыве от развития социально-экономических отношений в Чечне и Ингушетии. Правовые отношения должны соответствовать материальным отношениям населения сельских обществ. Известный ученый-кавказовед В. К. Гарданов, в частности, писал, что «адаты горцев Северного Кавказа являются главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений у этих народов на протяжении многих столетий, начиная с эпохи средневековья и, в особенности, для периода XVIII - начала XIX вв.»⁷

В рассматриваемое время в вайнахских «вольных» обществах утверждались новые экономические отношения, основанные на частной, собственности, на землю и скот. Население делилось на разные социальные группы. Внутри «вольных» обществ уже давно существовала эксплуатация человека человеком.

В XVIII - начале XIX вв. в связи с возникновением новых производственных отношений в обществе, основанном на частной собственности на землю крестьянина-общинника, адаты, как и всякие правовые отношения, развивались и изменялись вместе с изменением формы производства в вольных обществах вайнахов. Одновременно этому изменялись отношения людей в процессе производства.

Так же как и у других народов Северного Кавказа, у вайнахов долгое время сохранялись старые адаты. Они были очень живучи, и некоторые их нормы приспосабливались к новым отношениям. Однако старые адаты не всегда давали нужные ответы на изменявшиеся общественно-экономические и политические отношения в горах. Поэтому здесь предстояло, наравне со старыми, создавать новые адаты, с учетом происходивших изменений. Безусловно, новые адаты вырабатывались конкретными людьми и утверждались соответствующим органом, наделенным властью.

Источники дают ряд любопытных сведений о происхождении адата, формах его образования и развития. Главным органом образования адата кавказских народов исстари являлось третейство, т. е. мировой суд посредников. Мировое разбирательство дел, происходившее от несогласия между членами общества, служило главным источником образования новых горских адатов. Суд посредников, не находя в старом адате меры наказания на все новые случаи, должен был выносить решения еще небывалые, хотя и применявшиеся к общему духу адата. Для решения подобного рода вопросов, как правило, приглашались люди, сведущие в народных обычаях, а также мудрые старики, которые могли сохранить в своей памяти какие-либо случаи, похожие на разбираемый. Выработанное таким образом решение называлось «маслагатом»⁸ (маслаат - чеч.). Маслаат, повторенный потом в подобных же случаях, присоединялся к общей массе народных обычаев и окончательно превращался в адат,⁹ причем новый.

Значение маслаата, как первичной формы образования новых адатов, видно из всех показаний местных источников. У всех кавказских народов «маслаат», как «мировая сделка, соглашение», в случаях, когда он не решается существующим

адатом, то является первой стадией в процессе образования адатов. В этом отношении маслаат (мир, согласие) и разбирательство дел по маслаату, или «маслаатное разбирательство», по исконному обычаю горцев, пользуются у них таким же правом гражданства, как и адат и адатное разбирательство дел. На основе маслаатного разбирательства у кавказских народов разрешались не только тяжбы и споры между отдельными лицами, но и враждебные столкновения общин и целых племен.¹⁰

Третьей, как известно, с характером посреднической функции, вырабатывавшей основные начала обычного права, исстари лежало в основе всего судоустройства кавказских народов. По чеченским преданиям «маслаат» на протяжении длительного времени служил главной основой обычного права всего вайнахского народа - в прошлом все дела решались на собраниях «маслаата» стариков. Вот что говорят по этому поводу народные предания об образовании чеченских адатов. «В прежнее время пастушеской жизни чеченцев, - сообщает известный дореволюционный этнограф У. Дудаев, - в случае родовых споров, старшие в роде советовались (собирали маслаат), как бы уладить дело, уславливались и никто им не противоречил. Но, размножившись, народ стал иметь больше тяжб, суд старшего в роду стал уже недостаточным. Тогда старики всех окрестных фамилий стали собираться для совещания о прекращении беспорядков в стране. Но и суд стариков в фамилиях был недостаточен в вольном чеченском народе, потому что некому было блюсти за исполнением его постановлений. Прибегали к маслаату, или примирению; тяжущихся мирили просьбами, вознаграждениями и уступками. Но и маслаат не мог удовлетворить целой стране и всяким тяжбам, а в некоторых случаях оказывал даже вред. Мало-помалу он (маслаат) перешел в суд по адату, т. е. суд стариков (къаной кхел), занимавшийся разбирательством дел на народных сходках в определенных обычаях мест».¹¹

Между тем, маслаат в рассматриваемое время не переставал влиять на обычное право чеченцев и ингушей. В этом отношении представляется важным свидетельство другого «Сборника адатов Нагорного округа» (1864 г.) о «маслаатном

разбирательстве», имеющем у чеченцев равную силу с судом по адату. «...Иногда, ежели на предложение суда окончить дело маслаатом тяжущиеся согласны, - говорится в Сборнике чеченских адатов, - маслаат делается прямо в суде и даже у кадия»; когда же дело на суде по шариату, то в этом случае депутаты суда или кадий являются посредниками тяжущихся. В этом случае дело решается по совести: раз состоялось «маслаатное решение», оно по обычаю немедленно исполняется и не принимается на апелляцию ни адатом, ни шариатом.¹²

Кроме мирового (мирного) разбирательства, занимавшегося выработкой в форме судебного «маслаата» основных начал адатного права кавказских народов, последнее образовалось также вне судебной практики, а именно: в форме масл-латов вечевых, на мирских сходках, исстари являвшихся наравне с третьим главными органами обычного права народа. По основному мусульманскому праву каждое сельское общество правоверных имело свои сходы стариков и почетных людей для совещаний в общественных делах. На таких сходках, при недостатке адатов по тому иному вопросу, старики устанавливали мирский «маслаат», превращавшийся при дальнейшей практике в постоянный адат общества.¹³ Такие же правила в рассматриваемое время существовали у всех кавказских народов, в том числе и у вайнахов.

Подобные «Советы» стариков, как, например, в лице «аксакалов» (белобородых старцев) у дагестанских народов, «къаной» (старейшин) у вайнахских народов, и вообще мирские сходы и собрания с их маслаатами по общественным делам, существовали у многих народов Северного Кавказа - осетин, чеченцев, ингушей и т. д. По словам У. Лаудаева с умножением чеченских родов старики всех соседних фамилий стали собираться для совещаний о прекращении беспорядков в стране. На Совете старейшин им определялось, какое наказание (возмездие) должно последовать за различные преступления. «Старики (къаной) возвращались домой, объявляя фамилиям устно свои решения и заставляли их клясться свято исполнять их».¹⁴ В данном случае автор У. Лаудаев имеет в виду, по-видимому, один из древнейших и почетнейших институтов вайнахов - суд «Мехк-кхел» (дословно «Суд Страны» или «Совет

Страны), который существовал вплоть до принятия и утверждения ислама и мусульманского права (шариат). «Мехк-кхел» совершал все действия судебного разбирательства на основе местных адатов.

Все ссоры в те далекие времена судились мудрыми стариками, - указывает Ф. И. Леонтович, - и они в то время были умнее, жили очень долго, знали также много и всегда решали по справедливости, по своему уму, не руководствуясь никакими другими законами.¹⁵ По всей вероятности, речь идет о «Суде старейшин», на котором рассматривались спорные вопросы и выносились решения и окончательные приговоры на основе адатов. Из таких определений складывался постепенно у чеченцев и ингушей новый адат называемый «эдиль», или «адиль».

Наравне с некоторыми способами выработки новых адатов, в то же время мы не можем не учитывать, что в правовых отношениях вайнахских вольных обществ применялось много норм старых адатов. Известно, например, что адаты чеченцев и ингушей записанные в первой половине XIX в. сохранили много норм обычаев, оставшихся еще от первобытнообщинного строя. Отражением их, прежде всего, являются:

а) кровная родовая месть (у чеченцев и ингушей в случае убийства одного из членов тайпа кровная месть распространялась не только на убийцу, но и на его родных братьев, дядей и племянников), или же в мести участвовали все ближайшие родственники его семейной общины;¹⁶

б) применяемые в своем тайповом обществе такие виды доказательства, как отрезание мужем носа у своей жены и убийство прелюбодея (если муж не успел убить прелюбодея своей жены, тогда муж отрезает у своей жены нос и прогоняет ее к родственникам, потом сообщает об этом своему обществу, которое по обычаю налагает соответствующий штраф...);¹⁷

в) умыкание, похищение невест (из истории вайнахских адатов известно множество примеров насильственного увода женщин посторонними мужчинами без ее на то согласия);

г) при определении наказания адаты вайнахов, естественно, учитывали и социальное, и сословное положение члена общества. Степень наказания могла быть изменена в зависимости от того, кто был по социальному положению постра-

давший, а кто - совершивший преступление. Если он принадлежал к княжескому, владельческому сословию, то применялась одна мера наказания, если к узденю и старшине - другая мера, а к рядовому крестьянину — третья и т. д.

Использованная литература и источники:

1. Адат (араб, слово - обычай) - неписанный закон, обычное право.
2. Партикуляризм (латин. слово) - отдельный; стремление отдельных частей областей государства к возможно большей независимости от центра.
3. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 25.
4. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 8.
5. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 9.
6. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 26-27.
7. Гарданов В. К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVII - начале XIX вв., журн. «Советская этнография», № 5, М., 1963, с. 12.
8. Маслагат (маслаат) - перемирие, согласие, достигаемое между разными сторонами с помощью посредников - стариков.
9. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 7.
10. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 8.
11. Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 6, Тифлис, 1872, с. 24-25.
12. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 11.
13. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 11-12.
14. Лаудаев У. Чеченское племя. Ук. соч., с. 24.
15. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 12.
16. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 64; Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 23.
17. Леонтович Ф. И. Ук. соч., с. 42.

§ 7. Роль тайпа¹ в общественном устройстве вайнахов

В данном очерке представляется чрезвычайно важным и актуальным проанализировать, что же из себя представлял на самом деле в реальности (т. е. на практике) в ХУШ - начале XIX вв. институт чеченского тайпа, какую роль и место занимал он в общественно-экономическом и политическом положении вайнахского общества?

До последнего времени в исторической литературе по Чечне и Ингушетии господствовала порочная теория, утверждавшая о существовании якобы у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время родо-племенных отношений. «Чечня конца XVIII столетия страна дофеодальной патриархально-родовой демократии»² - писал М. Н. Покровский в начале 20-х годов XX века. Некоторыми местными авторами в начале 30-х годов XX столетия также предпринимались попытки назвать общественно-экономический строй вайнахов этого периода тайпизмом или тайповым строем.³ В русле этих же взглядов написаны работы Е. Н. Кушевой в начале 60-х годов XX века, делающей вывод о том, что в горных районах Чечни и Ингушетии в XVI - XVII веках население жило «родо-племенными образованиями».⁴

Данное обстоятельство послужило, видимо, достаточным основанием для того, чтобы потом надолго запустить в официальной исторической науке лженаучный, антиисторический пропагандистский тезис о бытовании якобы у вайнахов вплоть до Октябрьской революции 1917 г. и после нее родовых, тайп-овых отношений. Поэтому неслучайно в 30-ые годы XX столетия, когда данная теория стала официально внедряться в историческую науку, местный исследователь М. А. Мамакаев написал свою знаменитую работу о чеченском тайпе, в которой он окончательно развенчивает миф о родовом единстве вайнахов накануне революции 1917 года, а также о том, что чеченская народность якобы не знала внутри себя ни сословного деления, ни общественного антагонизма. М. А. Мамакаев доказывает, что чеченский тайп, пройдя многовековую историю, пережил последний, принципиально важный этап эволюции, «характеризующийся явственным распадом прежнего родового единства..., а уже в XVI- XIX вв. чеченский тайп отнюдь не являлся той чудесной организацией, где все были равны».⁵

Известный ученый-кавказовед М. А. Косвен в свое время указывал на большую сложность и запутанность проблемы родовых групп и родовых отношений у народов Кавказа в прошлом. Он, в частности, отмечал, «что у многих кавказских родов для обозначения этих группировок употребляется иног-

да целый ряд терминов, как местных, так и заимствованных из других языков».⁶

Одним из таких институтов родовых отношений у чеченцев в рассматриваемое время был институт «тайпа». В 30-х годах XX столетия начинающий исследователь М. А. Мамакаев написал свою знаменитую работу о так называемом чеченском тайпе, дважды переиздававшуюся в 60-70-х гг. XX в. и ставшую очень популярной, как говорится, на все последующие времена. Как указывает известный чеченский этнограф С. А. Хасиев, М. А. Мамакаев ошибочно отождествлял некоторые стороны чеченского тайпа с понятиями классического рода у древнего иракезского народа (по Л. Мооргану).⁷

В 60-80-х годах XX века ряд известных исследователей истории и этнографии Чечни и Ингушетии А. А. Саламов, А. И. Шамилев, К. З. Чокаев, И. М. Саидов, А. С. Сулейманов и др. прямо или косвенно затрагивали в своих работах проблему чеченского тайпа. Однако и по сей день, как отмечают известные чеченские исследователи Т. А. Исаева, С. А. Хасиев, Л. Ильясов, Т. Мазаева⁸ и др., история чеченского тайпа вызывает жаркие споры и дискуссии, остается до конца не понятой широкому читателю, а тем более - неисследованной в монографическом плане. Безусловно, для глубокого и всестороннего освещения данной проблемы требуется комплексный подход специалистов.

От упрощенного подхода анализа содержания термина «тайп, как такового и, в частности, общественного института чеченского тайпа в его социальном и конфессиональном понимании в прошлом предостерегает исследователь С. А. Хасиев. Он, в частности отмечает, что чеченский тайп — это далеко не род, хотя по внешним признакам он напоминает его; здесь не распространяется кровная месть на всех его членов, отсутствует экзогамность, хозяйственная и имущественная общность; о чеченском тайпе до середины XIX века якобы не упоминают русские источники. Более того, «тайп» несет на себе отпечаток разноэтничного, сословного, географического и производственного характера, а потому в разных районах Чечни данный термин воспринимается по-разному». На основании всего этого С. А. Хасиев приходит к выводу о том, что термин «тайп» с его социальным содержанием среди равнин-

ных жителей Чечни возник недавно. Основной причиной и питательной средой данного общественного института, — указывает автор, — явилась антифеодалная борьба вайнахского крестьянства против феодалов, как своих (чеченских), так и пришлых (соседних), начало которой выходило за рамки не только XIX, но и XVI века. «Чеченский институт «тайго в условиях его первоначального возникновения, — заключает С. А. Хасиев, — это искусственная общность (наподобие адыгских «братств» («тлеух»), возможно, и дагестанских «тухумов») низших слоев населения, призванная сплотить их в социальной борьбе за свои права и закрепить достигнутые успехи в этом противоборстве. «Тайп» как социальный институт возник в период классового общества как пережиточное явление».⁹

Этнограф С. А. Хасиев отмечает также в работе о том, что в пору переиздания монографии М. А. Мамакаева о чеченском тайпе некоторыми местными «исследователями высказывались опасения по поводу отождествления тайпа с этнографическим родом...».¹⁰ В частности, большой знаток вайнах-ской истории и этнографии А. А. Саламов по этому поводу писал следующее: «Считаю незаконным перевод на русский язык значение слова «тайпа» как род (если под этим словом имеется в виду «род» как социально-экономическая категория). Да и в разных районах Чечено-Ингушетии в слово «тайпа» вкладывают разные понятия».¹¹ В 60-х годах XX века известный этнограф А. И. Шамилев в категоричной форме заявлял о том, что «...никакого рода как такового (как это принято понимать в науке) у чеченцев (или вообще на Кавказе) не было не только в XIX, но даже и в XV веке»-¹² Профессор К. З. Чокаев, который также касался в своей работе проблемы происхождения наименований отдельных тайпов в Чечне и Ингушетии в прошлом, приходит к выводу о том, что некоторые тайповые названия связаны с их местом жительства и родом занятий, другие же — с их прошлым социальным положением в обществе, как, например, «белгатой» — «те, кто работают на кого-то»; «ялхой» — выплачивающие подать, ясак».¹³

Проанализировав социальное содержание института чеченского тайпа в XIX — начале XX вв., исследователь С. А. Хасиев высказал убеждение о том, что «в свое время с понятн-

ем «тайп» активно конкурировал термин «вирд» с его конфессиональной нагрузкой. Известны неоднократные случаи, когда кровный брат, ставя вирдовое родство («вирда ваша») выше кровного, убивал своего брата».¹⁴

Определенное понимание в понятие чеченского тайпа вносит также местный этнограф Тамара Мазаева. В своем предисловии книги исследователя Д. Хожаева «Чеченцы в русско-кавказской войне» она, в частности, указывает, что «тайп» (его более древнее название «ваар») — кровнородственное объединение семей по отцовской линии. В Чечне (Нохчийчоь) в разное время насчитывалось до 160 тайпов и 11 тухумов. Тайпы насчитывали от 30 до 40 поколений. Они имели своего полумифического предка, имя которого зачастую носили такие тайпы, как, например, гendarгеной, цонтарой, химой и др. Тайпы имели в прошлом свою собственную территорию, кладбища, боевые башни, храмы и святилища. На протяжении веков четко обозначилась и отшлифовалась внутренняя структура тайпа. «Отдельные семьи (доьзал) объединялись в цла (дом) и назывались «люди одного дома», — указывает автор, — цла объединялись в более крупные союзы — некъи, т. е. «люди одной дороги», далее следовали тары, т. е. «люди одной ветви», и венчал эту пирамиду «таил».

В 90-х годах XX столетия после распада СССР в так называемой Чеченской республике Ичкерия была предпринята попытка возродить древние социальные институты (тайпов) с одновременной реанимацией древней правовой базы (адатов) и ее функционирования. Однако, как справедливо замечает исследователь Л. Ильясов, «реанимация тайповых структур должна была неизбежно привести к развалу государства в современном смысле этого слова». По-видимому, и сегодня многие российские и даже отдельные местные авторы не имеют никакого представления о самом тайпе как о социальной категории, ни о его функции применительно к современному чеченскому обществу, отождествляя его с родом или фамилией и «делая на этой основе вывод о родоплеменной структуре чеченского общества». И уж совсем невозможно понять, а тем более поверить в это, когда «некоторые российские политики вслед за романтически настроенными чеченскими авторами

предлагают избрать тайповый парламент, тайповое правительство, очень часто даже не понимая, о чем говорят».¹⁶

Исследователь Леча Ильясов указывает, что слово «тайп» арабского происхождения проникло в Чечню не ранее XVII века. Первоначально оно имело согдально-административный смысл. По существу, «тайп» являлся «сельской общиной, состоящей из одного или нескольких сел, и выполнял функции социальной самоорганизации». Однако чеченский тайп, - указывает автор, — нельзя отождествлять ни с родовой, ни с племенной организацией, типологически его можно сравнить лишь с классической сельской общиной».¹⁷ Леча Ильясов считает, что тайпово-тукхумная структура зародилась и стала функционировать во времена нашествия Тимура, когда были уничтожены всякого рода вайнахские государственные институты со своими правящими династиями и цивилизованными навыками правления, наработанными предками чеченцев и ингушей в течение тысячелетий...¹⁸

Взгляды Л. Ильясова относительно эволюции развития чеченского тайпа на протяжении длительного времени как социальной структуры со всеми входившими в него кровнородственными организациями представляются, на наш взгляд, продуктивными и перспективными в плане его дальнейшего углубленного анализа. Известно, что в период становления тайпа как социальной структуры в него входили различные кровнородственные организации, как, например, самая крупная из них «ваьр» - род. «Ваьр» стоит по своей структуре и содержанию ближе к понятию рода. Кровнородственная организация - это ваьр, все члены которой восходят к реально существующему единому предку. Подтверждением этому служит реликтовые понятия выражения «Вари да - отец рода, прародитель», существующее в чеченском языке до сих пор, или же его переосмысленная этимология в «ворхи да - отец семерых» (имеется в виду семь поколений)», где «вар» - род и «варх» - семь - понятия одного корня. Автор считает, что мамакаевское определение тайпа как «патриархальной экзогамной группы людей, происходящих от одного общего предка», более соответствует понятию «вар».¹⁹

И еще одну важную деталь в родословной всех коренных вайнахских тайпов подчеркивает Л. Ильясов - это их общее

утверждение о миграции чеченцев с юга и расселении затем с запада на восток. Перевальным же пунктом миграции вайнахов, согласно легендам, была историческая область Нашх. В период становления тайпа как социальной структуры в него входили и кровнородственные организации, самой крупной из которых была «вар» - род. Со временем «вар» вышел у чеченцев из употребления в связи с тем, что более широкие социальные функции «вар» перешли к тайпу, а более узкие - к мелким кровнородственным организациям - «некъи» - объединению родственных патронимии и «ц1а» — патронимии. Более того, указывает далее автор, тайпы возникали на основе военных поселений, военной и профессиональной специализации, что подтверждает названием многих чеченских тайпов, напр. ср. «ширдой - прашники», «лаьпқарой - резервные войска», «б1авлой - строители башен» и т. д.²⁰ Автор называет несколько способов образования тайповых образований, а именно:

- а) объединение территориальных общин (в том числе военных поселений, ремесленных общин);
- б) разрастание кровнородственных организаций и придание им социальных функций, т. е. функций тайпа;
- в) становление тайпа на базе компактно расселившихся групп чужеземцев.

Таким образом, заключает Л. Ильясов, - тайп, т. е. сельская община, был единственно возможной моделью социальной организации при низком уровне развития производительных сил и отсутствия классовой дифференциации общества в условиях послевоенного политического и экономического упадка, когда чеченцы под натиском мощного врага вынуждены были уходить из плодородных долин в дикие и суровые ущелья гор и т. д. «Классический чеченский тайп можно определить как институт, выполняющий социально организующие функции (т. е. функции государства на примитивном уровне) и имеющий единую территорию общую экономическую, правовую и идеологическую базу».²¹

Особо следует сказать о последней, переизданной в 60-х годах XX столетия и упомянутой нами выше работе исследователя М. А. Мамакаева, специально посвященной истории чеченского тайпа, в которой автор после тщательного изуче-

ния им новых источников (главным образом, фольклорных и археологических), предпринял «хорошо мотивированные попытки всесторонне исследовать структуру и особенности чеченского тайпа последних трех столетий дореволюционной истории, выявить специфику его, осмыслить общественные противоречия этого периода в жизни чеченского народа...»²²

Остановимся несколько подробнее на суждениях автора М. А. Мамакаева о социальной сущности и общественной значимости чеченского тайпа в рассматриваемое время в свете новых материалов (фольклорных и археологических) и его концептуального подхода в связи с этим к данной проблеме.

В XVIII - начале XIX века вайнахский тайп - это, по-видимому, совокупность родственных групп людей или семейств, гооисшедших от одного общего предка и сформировавшихся на основе примитивных производственных отношений. Члены тайпа, имея одинаковые личные права, были связаны между собой кровным родством по отцовской линии. Таким образом, в понимании чеченца и ингуша тайп - это патриархальная, экзогамная группа людей, которая происходит от одного общего предка.²³

С незапамятных времен у вайнахов наравне с родом (тайпом) существовало еще четыре термина — ваьр, гар, некъми и ца (доьзал), образовавшиеся в результате сегментации тайпа. Будучи крупными родственными группами, они представляли собой определенное общественное, территориальное и, самое главное, кровнородственное единство. «Однако только первый из них - ваьр - многозначен, и он более других выражает кровнородственное отношение и точно определяет понятие род - тайп»,²⁴ - указывает М. А. Мамакаев.

В рассматриваемое время в целом вайнахское общество, если исходить из общего числа тайпов, зафиксированных местными источниками, составляло более 135 (160) и соответственно столько же, если не больше, надо полагать, вольных сельских обществ. Впоследствии из этого общего количества тайпов более 100 тайпов объединились в 9 крупных союзов обществ (фратрии) - тукхумы - Аьккхий, Маьлхий, Нохчмахой, Чебарлой, Шарой, Шотой, Эрштхой, Чаьнтый, Терлой.²⁵

Однако в Чечне в это время были тайпы, - как утверждает М. А. Мамакаев, - которые не входили в тукхумы и жили са-

мостоятельно, как, например, Зурзакъхой, М1айстой, Пешхой, Садой и др.²⁶

В то же время исследователь М. А. Мамакаев замечает, что из общего числа тайпов более 20 тайпов являются не коренными, а образовавшимися от представителей других народов, давно и прочно вошедших в состав чеченского общества и ассимилировавшихся с чеченцами в разное время и при различных обстоятельствах. Одни народы пришли в Чечню добровольно, в поисках удобных земель и лучшей доли, а других привели сюда внутривластные обстоятельства. Однако и те, и другие пришлые народы вынуждены были перенять чужой для них язык, другие обычаи, нравы и верования. Безусловно, пришлые люди не имели здесь, в Чечне, ни тайповых гор, ни общинных, ни пастбищных, ни покосных земель, ни родовых каменных склепов и т. д. «Но по примеру аборигенов этого края, - указывает далее М. А. Мамакаев, - они сплотились в кровные родства, оказывали помощь членам своей общины, объявляли кровную месть за убийство своего сородича, придерживались и других общественно-обязательных принципов правового института тайпизма».²⁷

В XVIII - начале XIX века в чеченском обществе происходил и обратный процесс, когда, например, такие крупные ингушские фамилии (некъий), как Ахриевы, Льяновы и Боровы вышли из чеченского тайпа Дышний, а фамилии (некъий) Дарцыговы, Бузуртановы из Насыр-Корта и Хаутиевы вышли из тайпа Терлой²⁸ и т. д.

В рассматриваемое время каждое вайнахское общество состояло из всех жителей селений или аулов данного общества. Сельское общество (село или аул) имело свою территорию и население в пределах данного общества (села). Население внутри сельского общества (села) распадалось на отдельные тайпы. Тайп в свою очередь выступал в качестве составной части сельского общества (общины) вайнахов.

В качестве примера обратимся к некоторым вайнахским обществам, как, например, Чебарлой и Аьккхий. Общество Чебарлой состояло из 6 тайпов: ДЕай; Макажой, Садой, Сандахой, Сикхой и Сирхой. Общество Аьккхий состояло из 7 тайпов: Барчахой, Жевой, З1огой, Ноккхой, Пхьарчхой, Пхарчой и Ваьппий.²⁹ Безусловно, во всех вайнахских обществах в за-

висимости от количества тайпов в них существовало соответствующее число хозяйственных дворов или семей. Внутри каждого тайпа было несколько малых семей. Тайп являлся хозяйственным и общественным коллективом, состоявшим из нескольких поколений одной семьи, а позже - из родственных семей. Каждая семья в тайпе, как правило, вела свое самостоятельное, индивидуальное хозяйство.

Как известно, одной из характерных черт части вайнахских сельских обществ являлось наличие в них нескольких тайпов или семейных общин, ведущих свою родословную от разных предков. В другой же группе сельских обществ, например, один предок являлся родоначальником всех крупных кровнородственных групп людей (ваьр, гар, некъий и ца), происшедших в прошлом от одного тайпа и являвшихся ее боковой ветвью.

Судя по имеющимся материалам, по всей вероятности, в прошлом, вайнахские сельские общества (общины), могли состоять также чисто из представителей одного тайпа. Кроме того, представляется, что ни тайп, ни сельская община не могли в прошлом изолированно развиваться, тем более, что все члены тайпа, как составляющие сельскую общину, в равной мере являлись активными производителями материальных благ в том или ином обществе в целом.

Говоря о сущности вайнахского тайпа до XVIII века, отметим, что в прошлом в первоначальном виде он выступал, по видимому, так же как и у дагестанских народов, в частности у аварцев, в качестве семейной общины или большой патриархальной семьи. Чеченский тайп представлял из себя тогда, видимо, как и у аварцев «организованный хозяйственный и общественный коллектив с главой семьи... внутри сельской общины».³⁰ Кроме того, в прошлом вайнахский тайп объединяли люди нескольких поколений потомков одного предка. Все члены тайпа в прошлом жили вместе под одной крышей, вместе трудились и также сообща потребляли произведенные продукты.

В рассматриваемое время в такой архаичной форме, как мы отмечали выше, в Чечне и Ингушетии тайпы уже не сохранились. Большинство из них к этому времени «потеряли свое первоначальное поземельное экономическое положение» в

сельской общине. Во всяком случае представители большого тайпа или большой патриархальной семьи уже не могли «так же как и в Дагестане, да и не были в состоянии вести сообща или вместе экономическое хозяйство».³¹

В то же время нельзя отрицать того факта, что в рассматриваемое время внутри вайнахского тайпа еще сохранялись и использовались давние традиции хозяйственной и семейной помощи. Выражением этой древней традиции являлась их совместная трудовая помощь под названием «белхи», оказываемая членами тайпа друг другу. Совместная помощь между членами тайпа выражалась также в сохранении коллективной собственности всех членов тайпа на пастбищные и покосные земли.

Однако, как замечает профессор Р. М. Магомедов, характерной особенностью для дагестанского «тлибила»³² являлось наличие индивидуального хозяйства у членов. В большинстве своем члены вайнахского тайпа также вели свое индивидуальное хозяйство. В целом не тайп являлся социально-экономической ячейкой в сельской общине, а малая индивидуальная семья тайпа. Хотя, надо отметить, что глава малой семьи, как индивидуальный собственник, был еще зависим и крепко связан со своей общиной³³ (в данном случае «тайпом» - Ш.А.).

В Чечне и Ингушетии были факторы, способствовавшие к внутритайповому тяготению каждого общинника, а именно: общехозяйственное использование пастбищных и сенокосных земель; общие загоны для скота; общее родственное происхождение с остальными членами тайпа; общие культурные учреждения тайпа и т. д. В то же время чеченский тайп по отношению к своим общинникам, как, например, в Дагестане, должен был соблюдать некоторые обязательства: защищать имущество и личности членов тайпа; нести ответственность перед сельской общиной за поступки и дела своих членов; оказывать помощь членам общины (тайпа - Ш.А.) при их хозяйственном затруднении; участвовать в кровомщении³⁴) и т. д.

В сельских общинах тайпы делились по своему имущественному и социальному положению. В каждой общине были тайпы богатые, состоятельные и тайпы бедные, несостоятельные. Богатые тайпы и его члены имели в своем распоряжении пахотные и пастбищные земли и скот.

Социальное и имущественное положение членов каждого тайна было далеко не одинаковым. Среди членов одного и того же тайпа были люди очень богатые и очень бедные. В состав тайпа входили наряду со свободными общинниками и зависимая категория людей - рабы (лай), холопы, ясыры (пленные), «работные люди» и т. д. Последними владели старшины, богатые уздени и т. д.

В рассматриваемое время тайпы в Чечне и Ингушетии, как носители древних кровнородственных семейных отношений, были еще сильны. Поэтому не случайно, что они пустили глубокие корни в жизни вайнахского народа. Корни эти оказались настолько глубокими, что некоторые пережитки тайпы мы ощущаем даже в наши дни.

Кроме того, в Чечне и Ингушетии встречались такие экономически сильные тайпы, которые выступали против целой соседней сельской общины. Вполне естественно, что роль таких тайпов была весьма значительной. Экономическая, а точнее сказать, имущественное неравенство в сельских общинах между различными членами тайпов порождали часто весьма сложные взаимоотношения между ними. Экономически сильные тайпы стремились принизить роль и значимость других тайпов, нарушая их поземельные права. На этой почве в сельских общинах происходили частые столкновения между тайпами.

Так же, как и у отдельных дагестанских народов, по существовавшему у вайнахов обычаю каждый тайп посылал на собрание сельского общества несколько человек самых авторитетных и влиятельных своих представителей. Получалось, что представитель тайпа выступал на собрании сельского общества в качестве второго лица. Однако на самом деле в сельских обществах на собрании ни один вопрос не решался без непосредственного участия авторитетных представителей (членов) тайпа. Наиболее значимые дела, касающиеся всего сельского общества, как правило, рассматривались на собрании глав тайпов, входивших в состав сельской общины. При решении особо важных и ответственных дел тайпы посылали на собрание несколько своих авторитетных представителей. Такое собрание из авторитетных представителей разных тайпов вайнахов, входивших в состав сельского общества, называлось

собственно собранием сельской общины («тайпанан къанойн гулам»), а у дагестанских народов - джамаатом.³⁵

Следует особо сказать о роли вайнахского тайпа в жизни сельского общества. Здесь основной тон при решении любого вопроса, касающегося жизни всего сельского общества, задавали не отдельные члены общины, а весь тайп. Роль отдельных членов общины вне тайпа была весьма незначительна. В повседневной жизни управление сельским обществом осуществлялось как со стороны светских, так и духовных лиц. Каждый тайп выделял из своей среды по одному представителю — авторитетного и влиятельного старейшину (тайпанан тхама-да). Для вновь избранного старейшины каждый тайп выделял участок пахотной земли. Все старейшины общества в процессе управления руководствовались адатами³⁶ вайнахов. За нарушение адата и использование их в личных и корыстных целях, так же, как и у дагестанских народов, общее собрание членов общины (тайпа - Ш.А.) имело право освобождать от своих обязанностей такого старейшину.³⁷

Однако уже в конце XVIII - начале XIX века духовное управление в сельском обществе вайнахов осуществляли кадии, муллы, хаджии и муфтии.

Говоря же о главах сельской общины, отметим, что они и их помощники выбирались на собрании общества на определенный срок. Количество старейшин села (юьртан къаной — Ш.А.) в зависимости от того, большое или маленькое сельское общество, было разное. В частности, в Чечне и Ингушетии, по-видимому, были сельские общества, как с одним, так и с двумя и более старейшинами, т. е. каждый тайп, представленный в сельском обществе, должен был выбирать по одному старейшине и т. д.

Использованная литература и источники:

1. Тайп(а) - араб. ел. «тайфа» (группа, община, сообщество людей).
2. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX веке, М., 1923, с. 200.
3. Революция и горец, журн. № 4, Ростов-на-Дону, 1931, с. 24.
4. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI - 30-е годы XVII в., М., 1963, ее. 80-81.

5. Мамакаев М. А. Чеченский тайп в период его разложения, Грозный, 1973, с. 4.
6. Косвен М. А. Этнография и история Кавказа, М., 1961, с. 24.
7. Хасиев С. А. О социальном содержании института «Тайп» чеченцев (XIX - начала XX вв.), «Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XX вв.)», Грозный, 1986, ее. 70-72.
8. Исаева Т. А., Исаев С. А. Вопросы истории сельской общины чеченцев и ингушей (XVI - XVIII вв.), «Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (XIII - начало XX вв.)», Грозный, 1982, с. 53.
9. Хасиев С. А. О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX - нач. XX вв.), Ук. соч., с. 75-76.
10. Хасиев С. А. Ук. соч., с. 73.
11. Саламов А. А. Не затушевывать социальные противоречия прошлого. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 4, в. 1, Грозный, 1964.
12. Шамилев А. И. В ущельях Аргуна, Фортанги и на плоскости Чечено-Ингушетии. Известия ЧИНИИИЯЛ, т. 8, в. 1, Грозный, 1969.
13. Чокаев К. З. Географические названия Чечено-Ингушетии. Архив ЧИИИСФ, ф. 1, оп. 1, д. 16. Цитирую по работе С. А. Хасиева. Ук. соч., с. 74.
14. Хасиев С. А. Ук. соч., с. 74.
15. Хожаев Д. Чеченцы в русско-кавказской войне, Грозный, 1999, с. 13.
16. Ильясов Леча. Чеченский тайп: мифы и реалии. Вестник «Лам», Бюллетень Международного общественного и культурного центра «Лам», № 4(8), Грозный, май 2001 г., с. 33.
17. Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии. Вестник «Лам». Ук. соч., № 4(8), Грозный, 2001, с. 33.
18. Там же, № 4(8), Грозный, 2001, с. 34.
19. Там же, № 4(8), Грозный, 2001, с. 35.
20. Там же, с. 35.
21. Там же, с. 36.
22. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 4.
23. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 21-23.
24. Там же, с. 22.
25. Там же, с. 18-19.
26. Там же, с. 18-19.
27. Там же, с. 23.
28. Там же, с. 23.
29. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 23.

30. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - нач. XIX вв., Махачкала, 1957, с. 51.
31. Магомедов Р. М. Ук. соч., с. 51.
32. Считаю, что в данном случае чеченский «тайп» и аварский «глибил» (семейная община) абсолютно равнозначны по своему общественному и социальному положению.
33. Магомедов Р. М. Ук. соч., с. 52.
34. Магомедов Р. М. Ук. соч., с. 52.
35. Магомедов Р. М. Ук. соч., с. 120.
36. Адат (араб. ел. - обычай) - неписанный закон, обычное право.
37. Магомедов Р. М. Ук. соч., с. 120-121.

§ 8. Основополагающие принципы вайнахского тайпа

В рассматриваемое время внутритаиповое устройство вайнахского общества было основано на соблюдении и выполнении всеми его членами основных юридических норм адатов, выражавшихся в основном в вопросах уголовного характера, а также в семейных и наследственных делах. Тайп как семейная община характеризовался правами, привилегиями и обязанностями, предусмотренными для его членов правовым институтом адатов. В свою очередь правовой институт вайнахского тайпа устанавливал для своих членов, а также в целом всему обществу 23 наиболее важных общественно значимых и обязательных принципа.¹

С данным количеством основополагающих принципов, лежащих в основе вайнахской тайповой структуры, предложенным М. А. Мамакаевым, категорически несогласен исследователь Леча Ильясов, который считает, что автор в своей работе «механически перенес правила, характерные для классического рода, например, римского, на тайп, «который является социальной, а не кровнородственной структурой и тем более не является классической родовой организацией». Некоторые из перечисленных принципов М. А. Мамакаева, - указывает Л. Ильясов, - характерны для патронимии или для небольших тайпов (для ветви тайпа («гар»), образовавшихся за счет сегментации патронимии. Он же предлагает в свою очередь в качестве основополагающих для классического чеченского тайпа 9 признаков,² которые присутствуют среди 23 признаков, предложенных М. А. Мамакаевым.

Этнограф С. А. Хасиев считает, что предложенные М. А. Мамакаевым все 23 «основных общественно обязательных Игоинципа, характеризующих род, с таким же успехом, как и к вайнахским «тайпам», можно было бы формально перенести и к адыгским «братствам» («тлеух»).³ Это говорит об общности этих принципов у многих народов Северного Кавказа в ХУІІІ - ХІХвв.

Остановимся несколько подробнее на анализе основных принципов вайнахской таиповой структуры, предложенных авторами М. А. Мамакаевым и Л. Ильясовым в свете новых материалов (фольклорных и этнографических) и концептуального подхода их в связи с этим к данной проблеме.

1. Первый принцип: Единство и незыблемость таиповых обычаев (законов) для каждого члена тайпа и его родственника.

2. Второй: Право на общинное землевладение. Если в ХVІІ веке мы наблюдаем в горной Чечне и Ингушетии общее владение всем тайпом пахотными землями, то позже, в ХVІІІ веке, происходит раздел земли между отдельными семьями, что порождает имущественную и социальную дифференциацию в обществе.⁴ Л. Ильясов считает, что земли таиповой общины делились на 3 вида:

а) общие нераздельные земли (горные пастбища, берега рек и выгоны);

б) общие делимые земли (пахотные и покосные земли из древле);

в) собственные земли по праву первого завладения через очистку лесов. В недрах таиповой общины зарождалась частная собственность на землю или право исключительного владения, когда земля могла перейти к частным владельцам в бессрочный залог, либо продана или обменена и т. д.⁵

3. Третий: Объявление всем тайпом кровной мести другому тайпу за убийство и общественную дискредитацию члена своего тайпа. В этом случае собирался Совет старейшин тайпа погибшего члена и принимал решение об отмщении за убийство. Тайп убийцы также собирал свой Совет старейшин, который искал все способы и средства для достижения примирения с тайпом погибшего. Если две стороны не приходили

к согласию, то собирался Совет племени из нейтральных тайпов и вырабатывал условия примирения. Условия были различные, в зависимости от положения того или иного тайпа. В случае отказа от примирения пострадавшая сторона объявляла, кого она намеревается убить. Убийством виновника обычно заканчивалась кровная месть.

4. Четвертый: Безусловное запрещение брака между членами одного тайпа. «Если вступающие в брак из одного тайпа, то у них не будет многочисленного и здорового потомства», - утверждали вайнахские старейшины, чьи наблюдения и опыт доказывали об отрицательном влиянии браков на потомство между родственниками внутри одного тайпа.⁶

5. Пятый: Оказание отдельным членам тайпа помощи в случае бедствий или несчастий. Традицией таиповой помощи и сегодня являются так называются «белхи», сохранившиеся у вайнахов.

6. Шестой: В случае смерти члена тайпа - объявление траура всем родом. Строгое воздержание от участия в увеселениях. Для близких родственников такой траур длился долго, а дальние же родственники снимали траур через определенный промежуток времени с разрешения ближайшего родственника умершего.

7. Седьмой: Тайп возглавлял предводитель тайпа или, как принято говорить, «тайпанан тхьамада».⁷ Тамада руководил Советом старейшин и участвовал во всех делах тайпа. Однако решающую роль в управлении тайпом играл не тамада, а Совет старейшин тайпа - демократическое собрание. Исследователь Л. Ильясов при этом замечает, что предводитель тайпа (тамада - Ш.А.) при принятии решений имел равный со всеми голос.⁸

8. Восьмой: Выбор предводителя, производившийся свободной договоренностью членов Совета старейшин, который состоял из взрослых мужчин тайпа, не носил наследственного характера. Предводитель или военачальник (баьчча), имел свод дружину (гера), выбирался на эту должность за его личные качества - храбрость, мудрость и красноречие. Военачальник (баьчча) пользовался властью только во время войны.

9. Девятый: Каждый тайп имел свой представительный

орган - Совет старейшин (Тайпанан кхел). Решение Совета старейшин было обязательным для всех членов данного тайпа. Также обязательным и беспрекословным было для каждого члена тайпа решение предводителя тайпа (тамады).⁹

10. Десятый: Совет старейшин тайпа избирался из числа мудрых и уважаемых людей пожилого возраста, но независимо от имущественного ценза. Хотя номинально должность члена Совета старейшин и была пожизненной, однако существовало правило, при котором его могли сместить.

11. Одиннадцатый: Совет старейшин тайпа заседал открыто: каждый чеченец по своему желанию мог присутствовать на нем, получить слово и высказать свое мнение. После окончательного решения вопроса на Совете право голоса имели только выборные члены.¹⁰

12. Двенадцатый: Все члены Совета старейшин имели равные голоса.

13. Тринадцатый: Тайп имел право назначать и смешать своих предводителей (тайпанан тамада) и военачальников (баьчча). Хотя юридически закреплено было правило выбора и назначения собранием членов тайпа - предводителя тайпа, однако фактически он сам выдвигался на эту должность в силу его особых личных качеств. Предводитель тайпа нес полную ответственность за проступки своих членов и моральную ответственность за свое неправильное решение по отношению к ним. В свою очередь все члены тайпа должны были беспрекословно слушаться своего руководителя. Для разбора любого вопроса собирался Совет старейшин во главе с предводителем. Его решению подчинялись все. Молодежь и женщины в решении данных вопросов участия не принимали.

14. Четырнадцатый: Бесправное положение женщины подтверждалось при решении правовых вопросов. Женщина лишена была права голоса в общественно-политической жизни тайпа. С одной стороны, женщина в семье пользовалась большим авторитетом, а с другой - она же была лишена гражданских прав.

В рассматриваемое время внутри тайпа хозяином отцовского права являлся муж. Жена полностью подчинялась неограниченной власти мужа. Однако убийство женщины в про-

шлом осуждалось и по сей день остается величайшим позором у вайнахов. Гражданские права женщины, кроме права голоса, оберегались наравне с мужчиной.¹¹

15. Пятнадцатый: Право на усыновление посторонних лиц - принятие в состав своего тайпа нового члена. Тайп с большими торжествами принимал в свой состав нового человека. При этом вступающий обязан был в честь этого зарезать быка. Принятые в тайп не перенимали названия тайпа, никто не принуждал их к этому. Фамилии лиц, принятых в тайп, образовывались по признакам их этнической принадлежности. Отчество этих лиц не произносили. Например, Суьйлин Аба, 1аьндин Исраил, Пумкин Муса и т. д. Фамилии вайнахов, как правило, образовывались от имени их ближайшего предка. Но были случаи, когда фамилии образовывались от названия тайпа.¹²

16. Шестнадцатый: Переход имущества умершего к членам тайпа. Имущество умершего после его смерти делили между собой члены его семьи и ближайшие родственники. И это право сохранялось среди вайнахов долго.

17. Семнадцатый: Каждый тайп имел свое определенное имя, — пишет М. А. Мамакаев, — полученное им от своего предпологаемого родоначальника или принадлежавшее исключительно ему одному. Однако исследователь Л. Ильясов несколько иного мнения по этому поводу. «На самом деле имена многих чеченских тайпов связаны, во-первых, с названием селений или местности, например, Пхьамат-пхьамтой, во-вторых, с профессиональной специализацией, ср. Белг1атой - работные люди; б1авлой — строители башен; в-третьих, с этническим происхождением, ср. цадахарои - даргинцы/* - указывает он в своей работе.

18. Восемнадцатый: Тайп занимал особую территорию и имел свою тайповую гору, - указывает М. А. Мамакаев. Так, напр.: ДЕайн лам, Дишнийн лам, Тумсойн лам, Бенойн лам и т. д. По свидетельству Л. Ильясова коренными чеченскими тайнами считаются те, которые имеют свою гору. Хотя известны случаи, когда те или иные тайпы вынуждены были уступить свои земли или горы в качестве платы за кровь в междоусобных войнах.¹⁴

19. Девятнадцатый: Тайпу принадлежала и своя тайповая башня, возведенная его родоначальником. По местному адату коренные жители страны войнахов должны были иметь свои тайповые башни. Однако, надо полагать, эти башни принадлежали не всему тайпу, а его предводителю. К такому выводу приходит в своем исследовании местный археолог С. Ц. Умаров.¹⁵ Хотя известный этнограф-кавказовед М. О. Косвен утверждает о том, что в кавказских селениях было столько боевых башен, сколько патронимии,¹⁶ однако исследователь М. А. Мамакаев ему возражает, указывая, что владельцем боевой башни был глава небольшой группы кровнородственных семей - тара, а не вся патронимия.¹⁷ Так, например, боевые башни в Чечне сохранили имена своих первоначальных владельцев: Унтин-гIала, Дугалин-гIала, Алдам-гIезин-гIала, Зайтан-гIала¹⁸ и т. Д.

20. Двадцатый. В прошлом, надо полагать, каждый тайп имел свое божество с определенным обрядом религиозного культа. В данном случае имеется в виду период до утверждения ислама в горах Чечни и Ингушетии, т. е. до выступления горцев Чечни и всего Северного Кавказа под руководством шейха Мансура в 1785-1791 гг. и национально-освободительного движения на Сев. Кавказе в I половине XIX в. под руководством Шамиля и т. д. По-видимому, до принятия ислама религиозный культ ваинахов связывался с существованием мнимого божества у каждого тайпа, которому горцы поклонялись. Так, например, чеченцы припоминают такие выражения в прошлом: кхенойн дела (бог кеноевцев), кIирдойн дела (бог кирдоевцев), тIерлойн дела (бог терлоевцев), мIайстойн дела (бог майстинцев) и т. д.¹⁹

21. Двадцать первый. Каждый тайп справлял праздники, связанные с культом своего божества. Известно, что члены тайпа регулярно отмечали в прошлом праздники весны, праздники урожая и т. д. Торжества, как правило, устраивались на майданах перед храмом «цГу» и сопровождались обильной едой и выпивкой. По случаю таких праздников горцы варили специальное домашнее пиво (йий). Безусловно, это было время до принятия в Чечне и Ингушетии религии ислам.

22. Двадцать второй. Тайп имел отдельные тайповые кладбища. На таких кладбищах хоронили, как правило, толь-

ко членов данного тайпа. Жену также хоронили на кладбище тайпа мужа. Обычай, связанный с тайповыми кладбищами, у ваинахов существовал давно и долго. Однако впоследствии в связи с малоземельем в горах и ростом численности населения данный обычай стал постепенно нарушаться и тайповые кладбища стали превращаться в межтайповые.

23. Двадцать третий принцип: Тайповое гостеприимство ваинахов. Гостеприимство (хьошалла) - священный закон, обязательный для всех ваинахов. «Оно высоко ценилось у горцев. Гостеприимство входило как важнейшая черта в кодекс настоящего вайнаха»,²⁰ - пишет Ш. М.-Х. Арсалиев. Плохое и неприветливое обращение с гостем вызывало общественное осуждение у ваинахов. Чтобы поднять авторитет и популярность своего тайпа, хозяин, он же член тайпа, жертвовал для гостя решительно всем самым дорогим. За оскорбление гостя виновник должен был нести самое суровое наказание. За убийство гостя убийца должен был платить хозяину дома 7 коров, наследнику убитого - 63 коровы, или же на общих основаниях он становился кровником хозяина дома.²¹

Безусловно, устои тайпа, опиравшиеся на общественно обязательные принципы правового института вайнахского тайпа, были очень крепки и нерушимы, и все вайнахи свое поведение и поступки строго подчиняли этим нравственным принципам и устоям. В работе за свое существование, в постоянных и довольно успешных сражениях с иноземными захватчиками вайнахи создали свои законы, обычаи и уклад жизни, которые воспитали у них сильное чувство национальной индивидуальности и целеустремленности. «Сила и устойчивость, появившиеся вследствие этих особенностей национального характера, - указывает М. А. Мамакаев, - помогли им (вай-нахам - Ш.А.) пронести все эти законы и обычаи сквозь века и даже совмещать многие из них в наше время с новой действительностью».²²

Использованная литература и источники:

1. Мамакаев М. А. Чеченский тайп в период его разложения, Грозный, 1973, с. 29. При написании данного параграфа нами использованы материалы работ М. А. Мамакаева и Л. Ильсова.

2. Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалий. Вестник «Лам», Бюллетень Международного общественного и культурного Центра «Лам», № 4(8), май 2001, Грозный, с. 36-37.
3. Хасиев С. А. О социальном содержании института «тайп» чеченцев (XIX - нач. XX в.), Ук. соч., с. 75.
4. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 29.
5. Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.
6. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 30.
7. Тамада (чеч. тхьамда) - тюрк, слово - старший, старейший.
8. Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.
9. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 32-33; Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.
10. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 32-33.
11. Мамакаев М. А. Уу. соч., с. 33.
12. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 35; Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.
13. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 35; Ильясов Л. Ук. соч., с. 37.
14. Там же.
15. Умаров С. Ц. Памятники башенной культуры горной Чечено-Ингушетии. Ук. соч., с. 97.
16. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, М., 1961, с. 40.
17. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 36.
18. Пала - в данном случае «башня», «крепость».
19. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 37.
20. Арсалиев Ш. М.-Х. Этнопедагогическое наследие чеченцев, М., 1988, с. 229.
21. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 38.
22. Мамакаев М. А. Ук. соч., сс. 40-41.

§ 9. Роль тукхума¹ в общественном устройстве вайнахов

Для характеристики общественно-политического устройства «вольных» обществ или союзов вольных обществ в Чечне и Ингушетии в XVIII - нач. XIX вв. большое значение имеет правильный анализ социального содержания, внутреннего устройства и основных функций вайнахского общественного института «тукхум».

До последнего времени среди исследователей разных школ и направлений, как дореволюционных (буржуазных), так и советских, а также некоторых местных авторов существовали различные точки зрения относительно социального содержа-

ния и общественных функций общекавказского института «тукхум» (тукхум). Судя по утверждению дагестанского ученого М. А. Агларова, впервые о тухуме, как о структуре джамаата джаро-белоканских аварцев из Дагестана, отметил в 40-х годах XIX в. исследователь И. О. Константинов.² Несколько позже, в 80-90-х годах XIX в. известные дореволюционные исследователи-историки, этнографы и правоведы М. М. Ковалевский,³ Ф. И. Леонтович⁴ и др. относительно дагестанского тухума утверждали, что это род. В частности, М. М. Ковалевский подчеркивал, что семейная община в Дагестане - это позднейшее явление родовой общины.⁵

В советский период, т. е. в 50-х годах XX столетия, небольшая часть ученых поддержала этот ложный тезис буржуазных исследователей. Так, например, известный профессор С. В. Юшков утверждал о том, что тухумы на Кавказе - это родовые организации.⁶

За последние годы историческое кавказоведение преодолело этот перекокс в науке, выразившийся в крайней архаизации роли тухума в дагестанском обществе в XVIII - нач. XIX вв., и отказалось от далеко не научных взглядов М. М. Ковалевского, Ф. И. Леонтовича и их последователей. К сожалению, как нам представляется, среди ученых Дагестана и Чечни и сегодня нет единого мнения относительно общественного института тухума. По мнению профессора Р. М. Магоме-дова, «тухум в своей основе был не родом, а семейной общиной», а у даргинцев «тухум по своему происхождению - это патриархальная домашняя семья»,⁷ — заключает он. «Дагестанский тухум в XIX веке не был ни родовой, ни семейной общиной. Дагестанский тухум — узкая группа людей, связанных между собой или кровным родством, или местом происхождения»,⁸ - утверждает профессор Х-М. Хашаев. Профессор М. О. Косвен рассматривал тухум как патронимию.⁹ Изучив историю табасаранского общества в рассматриваемое время, профессор М. Р. Гасанов приходит к выводу, что «тухум - это семейная община, включавшая в себя широкий круг родственников, связанных кровными узами по отцовской линии».¹⁰

Такова точка зрения относительно института «тухума» дагестанских исследователей.

Что же касается характеристики общественного института «тукхума» (тухум) вайнахов, данной местным ученым М. А. Мамакаевым, чеченский тухум - это, в отличие от дагестанского «тухума», не кровнородственный союз, а союз или ассоциация нескольких тайпов (родов) одного и того же племени. Более того, чеченский тухум, по мнению М. А. Мамакаева, «это своего рода военно-экономический союз определенной группы тайпов, не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач. Защиты от нападения противника и экономического обмена».¹¹ Местный исследователь Л. Ильясов также считает, что чеченский тухум - это закономерный процесс объединения тайпов в более крупные и сложные социальные организации.¹²

Как видим, судя по тем характеристикам, которые даны дагестанскими и вайнахскими исследователями относительно понятия и социального содержания института «тухума» у дагестанцев и чеченцев, то «тухумы» этих народов мало что имеют общего, а, напротив, даже отличаются друг от друга. Но с другой стороны, при внимательном анализе содержания дагестанского «тухума» и чеченского «тайпа» (рода), обнаруживается весьма интересная деталь: дагестанский тухум и чеченский тайп почти идентичны по своему общественному положению и социальному содержанию. Более того, если сравним общественно-политическое и социальное положение вольного общества или союза обществ Чечни и Дагестана в рассматриваемое время, то здесь также обнаруживается, что между данными политическими объединениями этих народов много общего.

Среди определенной части местных исследователей существует мнение о том, что между тухумом и тайпом якобы нет существенной разницы, кроме количественной, и что, как тухум, так и тайп, если подходить к их рассмотрению в динамике, то они «могут в определенной последовательности выполнять функции и рода (тайпа - Ш.А.), и фратрии, то есть союза родов».¹³

Однако на самом деле, хотя тухум и означает в переводе (неизвестно, с какого языка - Ш.А.) семья, яйцо, он не был в

представлении вайнахов группой кровнородственных семей (тайпом), а представлял собой «союз родов (тайпов - Ш.А.), объединившихся во фратрию по своему территориальному и диалектологическому единству».¹⁴ В дагестанский тухум могли входить, - по свидетельству Х-М. Хашаева, - не только кровнородственные члены общества, но и представители из других тухумов... Более того, в XIX веке тухумы в Дагестане не знали ни общности производства, ни общности потребления.¹⁵

В рассматриваемое время вайнахский тухум локализуется, как правило, на территории фактически им заселенной, где тайпы, входившие в него, занимались производительной деятельностью - земледелием, скотоводством, охотой, другими промыслами, ремеслом и торговлей. Каждый тухум, а точнее его представитель разговаривал на том или ином диалекте общего для всех тухумов вайнахского языка. Так, например, жителям Чеберлоевского общества (тухума) свойственно было аканье (аса алу, аса малу, аса дау), а жителям Аккинс-кого общества (тухума) свойственно было оканье (ас олу, ас молу, ас доу) и т. д.¹⁶

В пользу того, что понятия «тукхум» и «тайп» у вайнахов являются далеко не идентичными, говорит тот факт, что тайп в отличие от тукхума имел своего предка-родоначальника и сохранял кровнородственное, экзогамное единство членов общины, в то время, как в тукхуме строго соблюдалось территориальное и диалектное (языковое) единство. Таким образом, тукхум, как видно из примеров, это не кровнородственный союз, а естественно образовавшееся братство из тайповых организаций. Тухумы складывались из союза или ассоциации нескольких тайпов одного и того же племени, имея перед собой вполне конкретные и реальные задачи. Но в Чечне и Ингушетии в это время были и союзы кровнородственных тайпов, образовавшиеся путем сегментации одного начального рода, как, например, чантийцы и терлоевцы. В состав тайпа терлоевцев входят такие кровнородственные группы, называвшиеся либо тарами, либо тайпами, как, например, Бьшни, Блавлой, Жерахой, Кхенахой, Мацларой, Никларой, Оьшний, Санахой, Шуьндий, Элтпхьархой¹⁷ и др.

В рассматриваемое время в отличие от тайпа, где отсутствовала кровная месть среди кровнородственных семей, внутри вайнахского тукхума закон кровной мести был обязателен. Брак между членами вайнахского тукхума также не воспрещался. Все это говорит в пользу того, что среди членов тукхума уже отсутствовала традиция или обычай кровного родства.¹⁸

В отличие от тайпа вайнахский тукхум не имел своего официального главы, равно как и своего военачальника (баьчча). Отсюда можно предположить, что тукхум являлся не столько органом управления, сколько общественной организацией, в то время как тайп являлся «логической стадией прогресса в развитии идеи управления». В то же время создание союза тайпов (тукхумов) представляло несомненный прогресс, «происходящий на одной и той же территории как неуклонный процесс к возникновению нации...»^{1*}

В конце XVIII - середине XIX века в целом вайнахское общество, если исходить из общего числа тайпов, зафиксированных местными источниками, составляло более 135 тайпов. Впоследствии из этого общего числа тайпов более 100 тайпов объединились в 9 крупных союзов обществ (фратрии) - тук-хумы: Аьккхий, Маьлхий, Нохчмахкой, Чьбарлой, Шарой, Шотой, Эрштхой, Чьаьнтий, Тьерлой.²⁰ Как видим, некоторые вольные общества объединились между собой и образовали союзы вольных обществ (тукхумы).

Источники свидетельствуют, что в рассматриваемое время такие крупные союзы обществ Чечни (тукхумы) - как Аьккхий состоял из 7 тайпов, Маьяхий - 12; Нохчмахкой - 20, Чьбарлой - 6; Шарой - 6; Шотой - 10; Эрштхой (Орстхой) - 6; Чьаьнтий - 7; Тьерлой - 4²¹ и более. Из приведенных данных видно, что по числу входивших в состав тукхумов больших и малых тайпов на первом месте находилось общество Нохчмахкой (20), за ним следовало общество Маьлхий (12) и на третьем месте стояло общество-тукхум Шотой (10).

В XVIII - нач. XIX вв. в горной Ингушетии также были сосредоточены такие крупные тукхумные объединения, как Джейрах, Цори, Галгай, Фяппий и др.,²² причем с идентичными названиями сел и обществ.

Какие же органы власти или органы управления существовали на территории вайнахских тукхумов в рассматриваемое время? Материалы свидетельствуют о том, что в отличие от тайпов, где четко соблюдались правовые отношения, основанные на адатах вайнахов, и функционировали судебные и исполнительные органы власти, в тукхумах собирался Тукхум-ный Совет старейшин в качестве совещательного органа. «Он состоял из представителей всех тайпов, входивших в данный тукхум, на равных по положению и почету правах. «Тукхум-ный совет собирался в случае необходимости для улаживания межтайповых споров и разногласий, а также для отстаивания внутренних интересов как отдельных тайпов, так и всего тукхума в целом.»²³

Кроме того, Тукхумный совет был наделен полномочиями в случае необходимости объявлять войну и заключать мир, вести переговоры с противником с помощью своих посредников и чужих послов, а также в зависимости от обстановки в целом заключать союзы с другими тукхумами и порывать их и т. д.

Кроме Тукхумного совета старейшин, существовал еще и Совет страны - «Мехк-кхел», в который входили старейшины тайпов, старейшины сел, баьччи, жрецы, кадии и муллы и т. д. Один из самых влиятельных для того времени «Мехк-кхел» функционировал в Ичкерии на священной горе Кхеташ-Корт, вблизи большого селения Цонтарой.²⁴ На этом совете обсуждались вопросы политического положения и некоторые обычаи в различных областях горского общества и в зависимости от экономической и правовой необходимости и целесообразности они в дальнейшем получали одобрения центральных властей и т. д.

Использованная литература и источники:

1. Относительно понятия «тукхум» (тухум) среди исследователей существуют разные мнения. Дореволюционный исследователь М. М. Ковалевский называет термин «тухум» лезгинским, а дагестанские ученые Р. М. Магомедов и Х-М. Хашаев считают термин «тухум» - иранским и арабским. Чеченский исследователь М. А. Мамакаев считает, что слово «тукхум» дословно означает «семя»,

- «яйцо» и заимствовано оно вайнахами из тюрских языков. Современный дагестанский исследователь М. А. Агларов считает, что термин «тухум» (или «тохум») на санскрите, как и в иранском, означает «семья», «деревенская община», и слово «джухум» бытует ныне у народов штата Ассам в Индии.
2. Агларов М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII - нач. XIX вв., М., 1988, с. 114.
 3. Ковалевский М. М. Закон и обычай на Кавказе, ч. 2, М., 1890.
 4. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев, ч. 1-2, Одесса, 1883.
 5. Ковалевский М. М. Родовой быт. Вестник и библиотека самообразования, вып. 1, М., 1905, с. 87.
 6. Юшков С. В. История государства и права СССР, ч. 1, М, 1950, с. 434.
 7. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII - нач. XIX вв., Махачкала, 1957, с. 127.
 8. Хашаев Х-М. Общественный строй Дагестана в ХГХв., М., 1961, с. 220-221.
 9. Косвен М. О. Этнография и история Кавказа, М., 1961, с. 34.
 10. Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана, Махачкала, 1994, с. 208.
 11. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 16.
 12. Ильясов Л. Чеченский тейп: мифы и реалии. Вестник «Лам», № 4(8), Грозный, 2001, с. 37.
 13. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 18.
 14. Там же, с. 18.
 15. Хошаев Х-М. Памятники обычного права Дагестана в XVII - XIX вв., М, 1965, с. 5.
 16. Арсаханов И. Очерки чеченской диалектологии, Грозный, 1966, с. 32.
 17. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 18
 18. Там же, с. 17.
 19. Там же, с. 17.
 20. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 18-19.
 21. Там же.
 22. История Чечено-Ингушетии (XVI - середина XIX вв.), Учебное пособие для 9 класса, Грозный, 1992, с. 13.
 23. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 17.
 24. Саидов И. М. Мехк-кхел (Совет страны) у нахов в прошлом. Кавказский этнографический сборник, ч. 2, Тбилиси, 1968, с. 200.

§ 10. Роль ислама в государственном образовании Мансура в Чечне и на Северном Кавказе в 1785 —1791 гг.

Первые попытки государственного строительства на территории Чечни и Северного Кавказа в ходе народно - освободительного движения горцев в 1785 - 1791 гг. на основе ислама были предприняты имамом Мансуром, уроженцем из села Алды. Созданием зачатков первых и главных атрибутов государственности являлось высшим достижением коллективного и творческого разума горских масс и их руководителя Мансура. Безусловно, в рассматриваемое время как в Чечне, так и в соседнем Дагестане, Кумыкии, Осетии, Кабарде, Черкесии и Адыгее имелись соответствующие для этого объективные и субъективные предпосылки. Прежде всего, необходимо было преодолеть существовавшую до этого среди горских народов межплеменную и межнациональную разобщенность, а также сепаратистские тенденции отдельных местных князей и владельцев, управлявших каждый в отдельности, изолированно, на основе адатов. Более того, жившие небольшими обществами и племенами, большей частью замкнуто и оторвано друг от друга горцы, по словам профессора Н.А. Смирнова, «не могли координировать свои действия и противостоять натиску царских войск».¹

Мощным толчком на пути преодоления этих негативных явлений в горских обществах в рассматриваемое время явилась новая религия ислам, сыгравшая как стабилизирующий и консолидирующий фактор.

Идейно — организационное становление и развитие государственного образования Мансура прошло несколько важных этапов:

Первый этап — с 1784 г. по июнь 1785 г. — характеризуется зарождением и началом распространения среди народов Чечни и Северного Кавказа новой для них объединительной исламской идеологии, базировавшейся на мусульманской религии; признанием простым народом Ушурмы шейхом и имамом Мансуром и принадлежности его секте и тарикату Накшбан-ди; началом его публичных выступлений перед односельчанами с религиозными проповедями.²

Второй этап - июль 1785 г. - начало военно - политичес-

кой деятельности Мансура; в это время весь Северный Кавказ от Каспийского до Черного морей охвачен восстанием; первые военные (4-6 июля 1785 г.) и организационно - политические успехи восставших на пути создания государственности в Чечне; Мансур в апогее своего могущества; попытки восставших блокировать и захватить крепость Кизляр и другие военные укрепления с целью разрыва связей Кавказа с Россией.³

Третий этап - ноябрь 1785 г. - декабрь 1788 г. - расширение района антиколониальной и антифеодальной борьбы горцев во главе с Мансуром на географически отдаленные от Чечни территории Кабарды, Черкесии и Адыгеи; попытки создания здесь Мансуром различных государственных структур и т.д.

Четвертый этап - январь 1789 г. - июнь 1791 г. - последний, завершающий этап, характеризующийся общим спадом народно - освободительного движения горцев, падением государства имама Мансура на всей территории Северного Кавказа и его пленением в крепости Анапа в 1791 г.

Известно, что территория государства Мансура в пору активной военно - политической деятельностью включала в себя в основном предгорные и равнинные земли Чечни, Ингушетии, Кумыкии, Дагестана, Кабарды, Черкесии и Адыгеи. По словам Ал. Беннигсена, накануне начала царской агрессии «горцы Кавказа представляли силу около 1 500 000 человек, разделенных на 20 языковых групп».⁴ По видимому, Ал. Беннигсен имел в виду численность населения Северного Кавказа в конце XVIII века.

Кроме того, свое желание находиться под властью имама Мансура и перейти в любое время в его лагерь изъявили в самом начале войны татары, жившие вокруг города Астрахани, киргизы — кайсацкие (казахские) народы, проживавшие в районе Мангышлака (у северо - восточного побережья Каспийского моря), ногайские народы и их мурзы, часть осетин во главе с их владельцем Ахметом Дударовым⁵ и т.д.

В рассматриваемое время на территории Чечни административными и политическими центрами государства Мансура в период военных действий являлись селения Алды и отчасти Шали.

Основные органы управления государства. Известно, что складывание и функционирование государства имама Ман-

сура происходило прежде всего на фоне непрекращающихся военных действий кавказских народов против русского царизма и защиты их интересов от внешнего врага. Это определило военный характер государства Мансура. Огромное влияние на особенности и своеобразие государства, а также принципы его формирования оказала религия ислам, что также определило мусульманский (исламский) характер государства. В государственном устройстве Мансура горцы видели отражение вековых чаяний народных масс о справедливом и равноправном обществе, в котором должно торжествовать не только социальное равенство народа, и равенство и ответственность каждого мусульманина перед богом, религией и родиной. В государстве Мансура преобладали принципы и характер общенародного устройства, в котором защищались общенациональные интересы.

Вся полнота власти в государстве, как законодательная, так и исполнительная принадлежала имаму Мансуру. В период военных действий он совмещал в себе власть религиозного наставника и реформатора, а также руководителя военных действий. В лице одного человека - Мансура - была сосредоточена административная, духовная (религиозная) и военная власть. Поскольку на всей территории Северного Кавказа шли военные действия, то в силу объективных обстоятельств и личных качеств Мансура данная власть в руках имама приобретала огромную популярность.

В рассматриваемое время имам Мансур стал большим организатором общественно - политического устройства горских народов. Созданные им органы и учреждения просуществовали до конца движения горцев. Значительное влияние на проведение реформ в гражданской, религиозной и военной областях оказали самые авторитетные и почитаемые среди народов Чечни и Северного Кавказа князья, владельцы и духовные лидеры. Одним из таких в Чечне был известный мулла и хаджи из селения Шали Умар-Хаджи, наиболее образованный и дальновидный наставник и помощник имама, который, будучи его главным советником и ведая всей перепиской его постоянно держал в курсе простой народ, к которому с письмами обращался сам Мансур. Другими влиятельными советниками по религии у Мансура были также местные мул-

лы: Ногай-Мирза-Хаджи, Бисултан-Хаджи и Хамби-Хаджи.⁶⁾ Огромным уважением пользовался у имама Мансура мулла из селения Алда - Али Исханов.

Самым авторитетным государственным органом имама Манскура являлся, по-видимому, Высший Совет. Он формировался сугубо из самых близких и доверенных лиц Мансура: из числа отдельных влиятельных князей (владельцев, старшин и узденей), авторитетных мулл (кадиев), высших богословов (алимов) и т.д. Вот что повествует документ: Некий Яковлев, находившийся в это время по торговым делам в Дагестане, сообщал, что от Шамхала Тарковского были отправлены к Мансуру кадий его по имени Аджи (Хаджи - Ш.А.) с 30 членами, и «Последние из них уже 7-й день как возвратились обратно в Тарки, а кадий и поныне находится у него. От дагестанских владельцев, - указал далее Яковлев, - постоянно присылаются к имаму (Мансуру - Ш.А.) старшины, муллы и ученые и вся Дагестания начала прославлять его, почитая за справедливого святого».⁷⁾ В функции Высшего Совета входило рассмотрение вопросов военной организации и защиты страны от внешнего врага, хозяйственного развития, административного управления, судебного разбирательства в горских обществах и т. д. Решения на Высшем Совете принимались коллегиально. Однако последнее, решающее слово оставалось за имамом Мансуром.

В исключительных случаях, когда решалась судьба государства, созывались Съезды самых авторитетных и влиятельных представителей от различных сел и обществ Чечни, Дагестана, Ингушетии, Кабарды, Черкесии и Адыгеи. В них принимали участие также члены Высшего Совета - муллы, кадии, владельцы, князья, представители от различных сел (обществ) и соседних народов. Так, например, в течение 1785-1786 гг., согласно архивным источникам, на территории Чечни (сел. Алды и Мартан), Кумыкии (сел. Горячевское или Исти-Су), Кабарды (на р.Баксан) собирались как Высшие Советы, так и Съезды народных представителей. Так, например, в марте 1786 г. имам Мансур предпринял попытку созвать Высший Совет алимов и князей из Чечни и Малой Кабарды (владелец Дол Мударов) в урочище с одноименным названием реки Мартанка.⁸⁾ Еще раньше, 17 февраля 1786 г., некий уаденъ Ас-

лан-Гирей Бабуков из Черкесии сообщал генералу Н.С. Шемякину из Константиногорска о том, что к имаму Мансуру, находящемуся в это время в Чечне, прибавились также, как и он, шейхи: Арис, Магомет, а другого шейха имени он якобы не знает, которые прислали через своего нарочного к кабардинскому эфенди Исаку письмо, предупреждающее кабардинцев о том, чтобы они готовились к большому Собранию (съезду - Ш.А.), на котором будут присутствовать представители от различных мусульманских народов и которое состоится в апреле месяца этого года на реке Баксан.⁹⁾ По всей вероятности, на столь представительном и авторитетном Съезде народов Северного Кавказа имам Мансур планировал обсудить вопрос о широкомасштабном, объединенном, выступлении горцев против царизма на всей территории Северного Кавказа.

В рассматриваемое время, надо полагать, кроме Съезда представителей народов Северного Кавказа и Высшего Совета в государстве Мансура существовал постоянно действующий исполнительный орган, который ежедневно занимался вопросами хозяйственной гражданской (общественное управление), военной судебной, религиозной деятельности и т. д.

Законодательные акты в государстве Мансура создавались, по-видимому, на основе норм шариата. Шариат определял не только правовые нормы граждан, но и образ их жизни. В конкретных исторических условиях конца XVIII века шариат в государстве имама Мансура являлся не столько самоцелью, сколько важным средством объединения разноплеменных, разрозненных народов Северного Кавказа для эффективного отпора русского царизма. Поэтому религия ислам и шариат имели огромное значение в государстве Мансура. Не случайно, что из религиозных проповедей Мансура выводились 3 основные направления его программы:

1. Возвращение к исламу чистому и аскетическому.
2. Борьба против адатов и введение убеждением или силой закона шариата.
3. «Священная война» (газават) ведется сначала против соблюдающих адаты, затем против «неверных» (иноверцев-горцев) и, наконец против русского царизма.¹⁰⁾

Надо полагать, что в целях соблюдения правовых норм в

обществе, а также для четкого взаимодействия и функционирования различных административных органов в государстве Мансура существовал определенный свод постановлений и решений, основанный на правилах шариата. Это способствовало уменьшению и предупреждению различного рода правонарушений в уголовных и гражданских делах. Более того, основные положения свода постановлений по шариату являлись как бы отправным моментом в деятельности административных органов, решений финансовых вопросов, в военном устройстве государства и его армии. Источник сообщает о том, как имам Мансур, «наложив на страну трехдневный пост, с приближенными своими мюридами стал навещать аулы, сопровождаемый пением зикра. Жители выходили к нему навстречу, каялись перед ним в грехах и обращались к тоба (покаянию), обязывались не делать дурных поступков, как-то: не красть, не спорить, не курить табаку, не пить крепких напитков, но усердно молиться богу, не пропуская назначенных для этого сроков. Народ признал Мансура своим устазом, то есть ходатаем перед богом; целовал полы его одежды и так увлекались религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самую кровь (кровную месть — Ш.А.)»¹¹

Данный факт свидетельствует о том, что в рассматриваемое время в Чечне и в целом на Северном Кавказе должны были уменьшиться всякого рода преступления, связанные с убийством, воровством, насилием и т. д., что непременно надо связывать с введением наказания в обществе на основе шариата.

Административное устройство государства. В ходе военных действий государство имама Мансура в плане административного устройства состояло из различных этнических областей, географически отдаленных друг от друга - Чечня, Ингушетия, Карабулак, Авария, Кумыкия, Кабарда, Черкесия и Адыгея, в каждой из которых в большинстве своем продолжала сохраняться традиционная система управления. В то же время на территории государства официально административно-территориальной единицей являлось любое горское селение с мечетью, которое было поделено на соответствующие кварталы (купы-чен.)¹²

Во время военных действий на любой из территорий этнических областей государства Мансура административно-территориальные границы общества или княжества либо увеличивались, либо уменьшались в зависимости от того, какое количество горских сел во главе с их старшинами и князьями оказывались втянутыми в активную антиколониальную борьбу с царскими войсками. Отметим, что наибольшую активность в борьбе с царизмом проявляли предгорные и равнинные села Северного Кавказа.

Власть в горских селениях находилась в руках отдельных князей, владельцев и старшин, которые избирались народом, но утверждались в своих должностях, по-видимому, имамом Мансуром. В каждом горском селении с мечетью был мула, а в больших селах - мула и кадий, которые юридически были свободны и самостоятельны, но экономически зависели от князей, владельцев и старшин.

В крупных вайнахских селах или союзах горских обществ были также муфтии - духовные авторитеты, которые ведали судебными и правовыми делами граждан. Муфтиям подчинялись кадии и муллы, которые также выполняли различные функциональные обязанности в горских селениях.

В период народно-освободительной борьбы горцев на Северном Кавказе под руководством имама Мансура наиболее преданными его сподвижниками и помощниками, которые обладали, кроме всего прочего, и военными способностями, проявившимися в ходе боевых действий с царскими войсками, были: князь Малой Кабарды - Дол Мударов и уздень Берд Хапцугов; кумыкские князья Андреевской деревни — Али-Султан Камбулатов, Чапалов Аджи-Муртазалиев и уздень Казбек Умашев.¹³ Не только кабардинские и кумыкские князья, но и шамхал Тарковский - Мухамед¹⁴, владетель Казикумухский Мухамедхан¹⁵, владетель Табасаранский Кадий Ростум¹⁶, уцмий Каракайтаский¹⁷, осетинский алдар Ахмет Дударов, а также отдельные вожди чеченских тайповых кланов, которые активно поддержали и пошли за Мансуром.¹⁸ Однако некоторые из этих князей и владельцев впоследствии не без активной помощи царской администрации на Кавказе отошли от Мансура, поскольку, как известно, «очень многие материаль-

ные выгоды связывали... кавказских владетелей с русским государством».¹⁹

Наиболее преданные и надежные князья и владельцы составляли высшее звено гражданского и военного управления в государстве Мансура и каждый из них выполнял определенные административные функции на территории своего владения и участка. В ходе военных действий против царизма ближайшие сподвижники Мансура - князья, владельцы и кадии - назначались, как правило, на должности начальников или руководителей (тамада) какого-либо крупного участка. Они фактически располагали на своих участках судебной и исполнительной властью и обязаны были приводить в исполнение все распоряжения Мансура. Так, например, князь Андреевской деревни Темиров одновременно являлся и кадием села.²⁰

Кроме того, ближайшие помощники Мансура обязаны были согласовывать с ним все свои дела на участках и во владениях, защищать их военным путем от царских войск, организовывать ополчения и начальство над ними, осуществлять сбор налогов на своих участках, следить за исполнением законов шариата, организовывать суд и наказание, рассмотрение жалоб, расследование преступлений и т. д.

С целью ужесточения соответствующих мер по выполнению своих постановлений и решений на основе норм шариата, Мансур стал приводить к присяге народ в подвластных ему деревнях и требовать от них неукоснительного его исполнения. Так, например, придя в Андреевскую деревню (с. Эндери или Андрей-аул), имам Мансур в начале 1786 г. собрал всех жителей, в том числе и аксаевцев, и привел их к присяге, потребовав от них:

- 1) к российской стороне никого не пропускать для причинения вреда (видимо, без его разрешения - Ш.А.);
- 2) за причинение вреда российской стороне брать штраф;
- 3) наказывать за воровство;
- 4) никаких торговых караванов не грабить²¹ и т. д.

Налоговая система государства. В государстве Мансура существовала система различных налогов для финансирования и продовольственного обеспечения государственных органов с целью успешного ведения войны против царской Рос-

сии. Государственная казна также имела ряд стабильных источников поступления, основным из которых был закят — процент, взимаемый с ежегодного урожая, приплода скота, а с денежных доходов.

Для содержания постоянного войска (армии) местное население было обложено Мансуром специальной податью: от каждой мечети - купа (квартала), то есть с 20 дворов - по одной скотине и по сабе (мешку) муки с каждого двора (дома). Кроме того, ввиду продолжающейся войны с царскими войсками и тяжелыми экономическими условиями в армии, было принято на совете решение; собираемую помощниками Мансура с каждой деревни на содержание неимущих людей подать временно отдавать мобилизованным в армию горцам.²²⁾

В 1786 году по требованию имама Мансура жители каждой городской деревни с мечетью должны были отдавать 9-ю часть хлеба и другого вида урожая, или же по 20 копеек денег с каждого двора для содержания постоянной армии.²³

» Военная организация государства Мансура. Поскольку образование различных политических и общественных структур шло накануне и в ходе борьбы горцев против царизма, то вполне естественно, что многие атрибуты будущего государства имама Мансура носили военный характер. Все мужчины должны были владеть любым видом оружия и по первому зову идти на защиту Отечества. Молодой человек, достигший совершеннолетия, считался военнообязанным. Согласно справке, составленной Командующим Кавказским корпусом генералом П. С. Потемкиным 8 ноября 1785 г., общее количество вооруженных людей от различных народов Северного Кавказа составляло от 20-25 тысяч человек (конных и пеших). Из них чеченцы составляли до 4-х тысяч вооруженных человек.²⁴

На территории Чечни существовало специальное войско имама Мансура из мобильных отрядов и ополченцев общей численностью до 1000 человек. За службу горцы пользовались различными привилегиями, получали бесплатное продовольствие и фураж от населения. Данное войско одновременно охраняло Мансура везде и всюду, сопровождало его во всех поездках и служило важным орудием для распространения его власти и влияния на всей территории Северного Кавказа.

ные выгоды связывали... кавказских владетелей с русским государством».¹⁹

Наиболее преданные и надежные князья и владельцы составляли высшее звено гражданского и военного управления в государстве Мансура и каждый из них выполнял определенные административные функции на территории своего владения и участка. В ходе военных действий против царизма ближайшие сподвижники Мансура - князья, владельцы и кадии - назначались, как правило, на должности начальников или руководителей (тамада) какого-либо крупного участка. Они фактически располагали на своих участках судебной и исполнительной властью и обязаны были приводить в исполнение все распоряжения Мансура. Так, например, князь Андреевской деревни Темиров одновременно являлся и кадием села.²⁰

Кроме того, ближайшие помощники Мансура обязаны были согласовывать с ним все свои дела на участках и во владениях, защищать их военным путем от царских войск, организовывать ополчения и начальство над ними, осуществлять сбор налогов на своих участках, следить за исполнением законов шариата, организовывать суд и наказание, рассмотрение жалоб, расследование преступлений и т. д.

С целью ужесточения соответствующих мер по выполнению своих постановлений и решений на основе норм шариата, Мансур стал приводить к присяге народ в подвластных ему деревнях и требовать от них неукоснительного его исполнения. Так, например, придя в Андреевскую деревню (с. Эндери или Андрей-аул), имам Мансур в начале 1786 г. собрал всех жителей, в том числе и аксаевцев, и привел их к присяге, потребовав от них:

- 1) к российской стороне никого не пропускать для причинения вреда (видимо, без его разрешения - Ш.А.);
- 2) за причинение вреда российской стороне брать штраф;
- 3) наказывать за воровство;
- 4) никаких торговых караванов не грабить²¹ и т. д.

Налоговая система государства. В государстве Мансура существовала система различных налогов для финансирования и продовольственного обеспечения государственных органов с целью успешного ведения войны против царской Рос-

сии. Государственная казна также имела ряд стабильных источников поступления, основным из которых был закят — процент, взимаемый с ежегодного урожая, приплода скота, а с денежных доходов.

Для содержания постоянного войска (армии) местное население было обложено Мансуром специальной податью: от каждой мечети - купа (квартала), то есть с 20 дворов - по одной скотине и по сабе (мешку) муки с каждого двора (дома). Кроме того, ввиду продолжающейся войны с царскими войсками и тяжелыми экономическими условиями в армии, было принято на совете решение; собираемую помощниками Мансура с каждой деревни на содержание неимущих людей подать временно отдавать мобилизованным в армию горцам.²²⁾

В 1786 году по требованию имама Мансура жители каждой городской деревни с мечетью должны были отдавать 9-ю часть хлеба и другого вида урожая, или же по 20 копеек денег с каждого двора для содержания постоянной армии.²³

» Военная организация государства Мансура. Поскольку образование различных политических и общественных структур шло накануне и в ходе борьбы горцев против царизма, то вполне естественно, что многие атрибуты будущего государства имама Мансура носили военный характер. Все мужчины должны были владеть любым видом оружия и по первому зову идти на защиту Отечества. Молодой человек, достигший совершеннолетия, считался военнообязанным. Согласно справке, составленной Командующим Кавказским корпусом генералом П. С. Потемкиным 8 ноября 1785 г., общее количество вооруженных людей от различных народов Северного Кавказа составляло от 20-25 тысяч человек (конных и пеших). Из них чеченцы составляли до 4-х тысяч вооруженных человек.²⁴

На территории Чечни существовало специальное войско имама Мансура из мобильных отрядов и ополченцев общей численностью до 1000 человек. За службу горцы пользовались различными привилегиями, получали бесплатное продовольствие и фураж от населения. Данное войско одновременно охраняло Мансура везде и всюду, сопровождало его во всех поездках и служило важным орудием для распространения его власти и влияния на всей территории Северного Кавказа.

вания. Ислам провозглашал в государстве Мансура справедливое и равноправное общество людей, в котором должно торжествовать не только социальное и национальное равенство, но и равенство и ответственность каждого правоверного мусульманина перед Богом.

Известно, что при Мансуре получила свое реальное воплощение идея национального и государственного единства как внутри вайнахского общества, так и в целом в пределах всего Северного Кавказа. Хотя объединение разноэтнических народов Северного Кавказа на базе единой и новой религии ислам произошло объективно в период освободительной борьбы горцев, но оно было прочным в сравнительно недолгий исторический период, в условиях военного времени. По-другому и не могло быть. Хотя и ненадолго, но Мансур образовал сплоченное и боеспособное объединение народов Чечни и Северного Кавказа.

Говоря о социальной направленности государства Мансура, необходимо отметить, что с самого начала освободительной борьбы резко уменьшилось в нем число местной феодальной верхушки и почти полностью исчезли ранее приглашенные в Чечню князья и владельцы из Кумыкии, Аварии и Ка-барды.

В Государстве Мансура были ликвидированы феодальные повинности и изъяты пастбищные и пахотные земли у князей и владельцев. Главной социальной опорой Мансура были выходцы из беднейших слоев населения. Основное налоговое бремя в государстве Мансура ложилось на социально-имущую часть населения. Очень много делалось в государстве Мансура для оказания материальной помощи и правовой защиты бедных людей, вдов и сирот-малолеток.

История государства Мансура еще раз доказывает, что успех сопротивления царским агрессорам в первую очередь зависел от сплоченности и организованности народа, борющегося за свободу своей родины. Именно эти аспекты сохраняют и в наши дни актуальность и исследования истории народно-освободительного движения горцев Чечни и Северного Кавказа под руководством имама Мансура в 1785-1791 гг. и их государственного устройства.

Использованная литература и источники:

1. Смирнов Н. А. Мюридизм на Кавказе. М., 1963, с. 48.Б2.
2. Беннигсен Ал. Ук. соч. ее. 49-50.
3. Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур, Грозный, 1991, с.93-95.
4. Беннигсем Ал. Народное движение на Кавказе в XVТН в., Махачкала, 1994. с.44.
5. Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института. ф.37, оп.1, д.2, л.65. (Рукопись проф. В. В. Скитского. К вопросу об истории крестьянских движений у горцев Кавказа во 2-й половине XVIII в. 1950 г.)
6. Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур, Грозный, 1991, с.93.
7. ЦГВИА, ф.52, оп. 1/194, д.350, ч.5, лл.24-25 об.
8. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.2635, ч.2, л.407.
9. ЦГВИА, ф.52, оп.1/194, д.366, ч.1, л.76.
10. Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур, Грозный, 1991, с.96.
11. Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.4, Тифлис, 1873, с.60.
12. Куп (чеч.) - часть населенного пункта, объединяемая одной мечетью.
13. ЦГВИА, ф.52, оп. 1/194, д.350, ч.9, лл. 94-94 об.
14. ЦГВИА, ф.52, оп.1/194, д.366, ч.4, лл.82; 83-83 об.
15. Там же, л.97.
16. Там же, л.89.
17. Там же, л. 9.
18. Беннигсен Ал. «Священная война» шейха Мансура. Ук. соч., сс.61,23.
19. Беннигсен Ал. Ук. соч., с.60.
20. ЦГА ДаАССР, ф. Кизлярский комендант, д.2635, ч.2, л.73.
21. ЦГА ДаССР, ф. Кизлярский комендант, д.2635, ч.2, л.73.
22. ЦГА ДаССР, ф. Кизлярский комендант, д.2635, ч.2, л.106.
23. Юдин П. Лжепророк Ушурма - Ших-Мансур. (Из истории религиозных движений на Кавказе), «Русский архив», кн.3, вып. 10, М, 1914, с.217.
24. ЦГВИА, ф.52, оп.1/194, д.350, ч.2, л. боб.
25. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века, М, 1988, с.455.
26. ЦГА ДаССР, ф. Кизлярский комендант, д.2653, ч.2, л.73.
27. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, т.2, СПб, 1886, с.92.

28. Кош - место, где дислоцируется войско Мансура или вообще восставших горцев; ЦГА ДаССР, ф. Кизлярский комендант, д.2635,ч.2,л.106.
29. Скитский Б.В. Социальный характер движения имама Мансура. Ук. соч., с. 109.
30. Юдин П. Лжепророк Ушурма - Ших-Мансур. (Из истории религиозных движений на Кавказе), «Русский архив», кн.3, вып. 10, МД914, сс.217-218.
31. ЦГВИА, ф.52, оп.1/194, д.350,л.3об.
32. Сигаури И. М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М, 1997, с.265.

ГЛАВА 3. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ В ЧЕЧНЕ И ИНГУШЕТИИ В ХУШ-НАЧАЛЕ XIX В.

§1. Основные причины крестьянских восстаний в Чечне и Ингушетии

В дореволюционной исторической литературе история крестьянских выступлений в Чечне в Ингушетии не являлась предметом специального исследования, хотя она затрагивалась при освещении исторического прошлого отдельных народов Северного Кавказа.

Дворянско-буржуазные исследователи XIX - нач. XX вв, касавшиеся в своих работах мотивов выступления горских масс, следовали за официальными документами высших правительственных кругов и военных учреждений. Дореволюционной военно-исторической науке, всецело подчиненной интересам царского самодержавия, характерны были апология захватнической политики царизма и преувеличение религиозного фактора в борьбе горцев против царизма.

В советский период история борьбы горцев 18 века нашла свое отражение в работах М. Н. Покровского, Н. И. Покровского, З. Д. Шерипова, С. К. Бушуева, Р. М. Магомедова, М. А. Абазатова, В. Б. Скитского, Н. А. Тавакаляна, А. И. Хасбулатова, Я. З. Ахмадова и др. В трудах этих исследователей антифеодальная и освободительная борьба горцев рассматривается как дореволюционное выступление масс.¹

Как известно, крестьянские выступления в Чечне и Ингушетии носили не только антифеодальный, но и антиколониальный характер. Простые горцы, в силу объективных причин, не всегда могли видеть различия между проводниками колонизаторской политики царизма на Кавказе и русским народом в лице русских поселенцев и трудового казачества.

335

Поэтому, испытывая жестокие притеснения и преследования со стороны царских чиновников, проводивших здесь политику «разделяй и властвуй», «чеченцы и ингуши временно невольно поддавались антирусской пропаганде и, поднявшись на борьбу за свое социальное и национальное освобождение, нередко шли под флагом ислама, мюридизма и газавата»².

В антиколониальную борьбу включались как представители трудового населения горских обществ, так и социальные верхи, которые более всех боялись потерять свои земли и феодальные права на крепостных крестьян.

Социальные верхи, как всегда, использовали в своих интересах недовольство простого народа, задавленного тяжелой нуждой и эксплуатацией. Но поскольку антиколониальная борьба горских народов тесно переплеталась с антифеодальной, то в своих выступлениях против местных феодалов и владельцев трудовое население часто надеялось получить у царских властей помощь в защите от угнетателей.³

Для того чтобы разобраться в сущности крестьянской борьбы XVIII в, необходимо рассмотреть вкратце политическую обстановку и социально-экономические причины накануне выступления горцев Чечни и Ингушетии.

Как известно с начала XVII в, международная политическая обстановка на Кавказе принимает напряженный характер. На протяжении XVII - начала XVIII в. Кавказ становится объектом захватнических устремлений шахской Персии и султанской Турции. Несмотря на поражение в войне 1683— 1692 гг. с коалицией европейских держав, султанская Турция все же продолжала оставаться крупной державой, готовой взять реванш. После окончания войны в Европе ее взоры вновь были направлены на Кавказ. Вынашивая агрессивные планы захвата Северо-Восточного Кавказа, она стала усиленно засылать на Кавказ своих эмиссаров-агентов, главной задачей которых было привлечение на сторону Турции феодальных верхов Дагестана, Кабарды, Чечни, Ингушетии, Азербайджана. В 1707 г. подстрекательством Турции Крымский хан Каплан-Гирей вторгся в Кабарду, стремясь ее захватить и присоединить к Крыму. Аннексионистские устремления Турции особенно усилились после подписания невыгодного для Рос-

сии Прутского мира (1711 г.), по условиям которого Россия должна была вернуть Турции Азов и больше не держать своего флота на Азовском море. Стремление Турции завоевать Кавказ было продиктовано и попытками шахского Ирана также укрепить позиции на Кавказе и расширить тем самым свои владения.⁴

В этой чрезвычайно сложной международной обстановке Российское государство, хотя и выступало в роли освободителя народов Кавказа от вековых угнетателей - Турции и Ирана, тем не менее преследовало собственные политические и экономические цели. Оставив на время Черное море, «Россия сосредоточила свое внимание на бассейне Каспия, надеясь обратить к Каспийскому морю всю индоевропейскую торговлю и стать посредницей в торговле между Востоком и Европой».

Черное и Каспийское моря являлись для России естественным продолжением торговых путей в Азию и Южную Европу. В течение 16-17 в. Русское государство развивало торговые связи с Ираном по Волге, а также с азербайджанцами и армянами в Закавказье. В то же время оно создавало себе политическую опору в центре Закавказья - в царствах Восточной и Западной Грузии - с целью укрепления своего политического влияния и отпора захватническим устремлениям Турции и Ирана.⁶

Обстановка этого периода складывалась так, что основное внимание России на Кавказе было обусловлено защитой и укреплением ею своих юго-восточных границ от постоянных нападений турок. Так же как Дагестан, Кабарда и другие северокавказские районы, Чечня и Ингушетия в рассматриваемое время в политическом отношении представляли области, раздробленные на ряд феодальных владений и феодализирующихся обществ, находящихся в постоянной междоусобной борьбе. Какого-либо самостоятельного политического объединения с общим центром, либо в Чечне, либо в Ингушетии не было. Кроме того, они не располагали своими внутренними политическими силами и средствами, необходимыми для защиты и сохранения своей национальной самостоятельности и целостности в условиях внешней угрозы.

В рассматриваемое время часть чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, а также осетин в отдельные периоды находились в вассальной зависимости от князей, дагестанских феодалов и грузинских царей. В отношении чеченцев и ингушей соперниками кабардинских князей часто выступали также дагестанские феодалы и грузинские цари.⁷

Политическое влияние Дагестана, Кабарды и Грузии на народы Северного Кавказа было обусловлено как военной силой, так и социально-экономическими причинами. «Карачаевцы, балкарцы, осетины, чеченцы и ингуши имели свои интересы, которые в известной мере отличались от интересов Кабарды, Дагестана и Грузии. Эти народы - отмечает Т. Д. Боцвадзе, - находившиеся в вассально-подданнической зависимости от Кабарды, Дагестана и Грузии, в свою очередь стремились освободиться от этой зависимости при помощи России, что, конечно, вносило определенные коррективы в кабардино-русские, дагестано-русские и грузино-русские отношения. Кроме того, вступлением под покровительство России эти народы хотели избавиться от угрозы и порабощения со стороны Турции, Крымского ханства и Ирана».

Были и другие важные обстоятельства, склонявшие северокавказские народы к России: с одной стороны, с помощью России они хотели улучшить свое экономическое положение путем получения права беспрепятственно расселяться на равнине с последующим населением их земельными участками и сенокосными угодьями, а с другой — приобрести льготные права для торговли с жителями русских городов, крепостей, терских и гребенских станиц.⁹

В то же время кабардинских князей, которые получали подати от находившихся в вассальной зависимости чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и осетин, не удовлетворяло желание этих народов принять покровительство России, ибо в этом случае они лишались своих доходов. «Поэтому кабардинские князья всячески стремились помешать установлению непосредственных отношений между этими народами и Россией, считая, что они могли установить свои отношения с Россией лишь через их посредничество.¹⁰

С активизацией политики на Кавказе в 18 веке не слу-

чайно совпало обострение социальных противоречий между князьями (Кабарды и Кумыкии) и феодализирующейся знатью в Чечне и Ингушетии, с одной стороны, и с горской массой - с другой. Под влиянием развития торгово-экономических связей с Россией сословные верхи усиливали эксплуатацию зависимых горцев, захватывали земли крестьян и увеличивали размеры поборов и податей, стремясь к расширению своей власти, почти все горские феодалы (по старой терминологии «владельцы») - кабардинские, аварские, кумыкские, чеченские и др. - вели между собой ожесточенную борьбу за земли, вовлекая в свои кровавые распри подвластные им народы.¹¹

Произвол со стороны царской администрации, строительство укреплений и крепостей - все это создавало для горцев тяжелые условия жизни. Уместно отметить, что у местных верхов, как мы отмечали выше, также были свои причины недовольства некоторыми аспектами политики царских властей на Северном Кавказе. Прежде всего, горских владельцев сильно возмущало стремление царских властей взять под свой контроль горцев, а главное - их земли. Поэтому они иногда становились в оппозицию к царским властям, а отдельные феодалы вступали даже на путь прямой борьбы с царизмом. При этом горские владельцы были не прочь заигрывать с находившимися на Кавказе турецкими и Крымскими агентами, поскольку их правители не желали примириться с усилением на Кавказе влияния России.

Заметим, что от далеко не бескорыстных сделок местных владельцев с турецкими и иранскими агентами, с одной стороны, и царскими властями - с другой, больше всего страдали беднейшие горские массы.¹²

Всегда одним из самых животрепещущих для чеченцев и ингушей являлся земельный вопрос. Горцы сильно страдали от недостатка земли в горах, и еще с 16 века шло перманентное заселение ими плодородных равнинных земель. В связи с ростом численности населения и земельной теснотой чеченцы и ингуши в поисках новых мест для поселения стали спускаться с гор на равнину (впоследствии ее стали называть Чеченской равниной), образуя со временем ряд самостоятельных

обществ (тукумов), которые, судя по источникам, мало чем отличались по своему внутреннему устройству от аварских «вольных» обществ.»¹³ Местный исследователь А. А. Саламов высказал мнение, что усиленное освоение чеченцами и ингушами равнинных земель с середины 17 века и особенно в 18 в. было обусловлено социально-экономическими причинами: земельной теснотой и тяжелыми условиями жизни в горах, социальной дифференциацией, начавшейся с развитием производительных сил и захватом пахотных участков и пастбищ, отпочковавшимися в лице старшин феодальными элементами из своей среды, а также усиливающимся давлением со стороны кабардинских, кумыкских и аварских князей и ханов. Зачастую пособниками в поселении чеченцев, ингушей, кабардинцев на Притеречной и Кумыкской плоскостях выступали сами кабардинские и кумыкские и князья и феодалы в целях крепостнической эксплуатации их.¹⁴

В то же время расширение экономических связей с Россией и развитие торгово-денежных отношений приводили к обострению внутренних социальных противоречий среди чеченцев и ингушей. В течение всего 18 в. в адрес царских властей шли многочисленные письма с прошениями от чеченского, кумыкского и других народов на разрешение свободной торговли в Кизляре, Моздоке и в других местах. Частые жалобы поступали от чеченцев и ингушей на таможенные запреты властей или же на чрезмерно высокие пошлины на привозимые ими предметы торговли для русских поселенцев и казаков. Так как с привозимых ими в Кизляр товаров, как-то: меду, воску, бурок и леса, писали жители Брагунов на имя Кизлярского коменданта в 1797г., равно как и с ввозимых в Бурканг (по-видимому, название села Брагуны - Ш.А.)¹⁵ товаров берут подати и из Кизляра вывоз соли запрещен, «то просили бы исходатайствовать у ее величества о небрании с них подати и о вывозе соли из Кизляра «милостивого» дозволения ее...»¹⁶ Чтобы усилить свои таможенные выгоды в этом районе, царские власти расширяли пределы торгового обмена, причем часть чеченцев лишена была торговых привилегий. В то время как на некоторые продукты питания при торговле внутри России вообще не распространялась пошлина, с

чеченцев же она взималась в больших размерах. «Когда мы удостоены, будем... принятия по-прежнему в вечное подданство, - писали старейшины и трудовой народ Большой Чечни и Аджи-Аула на имя Кизлярского коменданта в 1781 г, - то это должно позволить нам невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и прочие Российские места и никаких обид не чинить, считать и принимать нас везде так, как вечно и верноподданных...»¹⁷

Одной из серьезных причин недовольства горцев являлось то, что царские власти насильно заставляли влиятельных местных феодалов и старшин отдавать своих детей или других ближайших родственников в качестве заложников - «аманатов». Широко распространенный между Россией и кавказскими народами добровольный обычай аманатства, который считался первоначально признаком особого внимания со стороны московских царей к горским князьям, в период усиления влияния царизма на Кавказе сделался принудительным обычаем, а также орудием нейтрализации горской организованности против политики царизма.¹⁸

С начала 18 века царизм вынуждает горцев выдавать аманатов которые, по существу, являлись заложниками и содержались в Терском городе, Кизляре, Моздоке в целом ряде тогдашних пограничных крепостей. В одном из писем от алдышских жителей Больших и Малых селений на имя Кизлярского коменданта И. А. Потапова и князя Бековича-Черкасского от 25 мая. 1767 г. по поводу нежелания их давать властям аманатов читаем следующее: «мы, алдынские народы, все покорно Вас просим аманатчика нашего выпустить из аманат и отправить к нам, как чеченские народы (по-видимому, с. Чечен-аул - Ш.А.) содержатся без аманат, дабы так им содержан были, ибо чрез того аманатчика могли люди наши из жилища выехать на другое место, а когда пред сим от нас не было взято аманат, и тогда от нас к стороны вашим никакие обиды не причинено, впрочем обо воем податель сего вам объявить может...»¹⁹

Боясь открытого недовольства и выступления горских масс, местные владельцы и старшины добивались у царских властей разрешения к переселению вместе со своими подвласт-

ными на реки Сунжа и Терек. Так, на прошение Герменчукского владельца Девлетгирея Черкасского о разрешении ему переселиться ближе к расположению царской администрации астраханский губернатор Брылкин в специальном донесении от 28 февраля 1750 г. указывал, что «согласно представления Кизлярского коменданта следовало бы все-таки переселить чеченцев (видимо, жителей с. Чечен-аул — Ш.А.) и герменчукцев на реку Сунжу, поблизости казачьего Червленского городка и - Брагунской деревни или ещё в других местах для столь наилучшего воздержания и прекращения чинимых ими ^{оп} своевольтва.

Постоянно растущая алчность князей, владельцев и старшин вызывала недовольство, и сопротивление крестьян, усиливалась «взаимная злоба и ненависть между» подвластными и их владельцами. По своему характеру это была социальная, антифеодалная борьба. Формы проявления социального протеста носили различный характер: от индивидуального пассивного ропота и неповиновения до более или менее организованных крупных массовых волнений и вооруженных стычек. В условиях Кавказа и, в частности, Чечни распространены были захват земли феодалов и убийства их, отказ от выплаты им ясака и выполнения других повинностей, порча господских посевов и пастбищ, поджоги владельческих имений, бегство крестьян в русские города, увод (кража) скота и т. д. Поэтому не случайно официальные дореволюционные документы пестрят выражениями о «наглостях» и «дерзостях» чеченцев, которые не хотят слушаться своих владельцев.²¹

Усиление феодальной эксплуатации горского крестьянства встречало с его сторону растущее сопротивление, важнейшей формой которого, как мы отмечали выше, сделалось бегство его в пределы России. Бегство крестьян от своих господ было в период феодализма одной из самых распространенных форм крестьянской борьбы с гнетом и произволом. Убежищем крестьян становились русские города и укрепления, сыгравшие большую роль в социально-политической жизни кавказских народов того времени. Открывшаяся для горских крестьян возможность в случае недовольства своими владельцами уйти в русские города и крепости и таким образом получать сво-

боду сделала их более решительными в борьбе с угнетателями и еще больше обострила социальную борьбу в горской деревне.²²

Поэтому уже с самого начала XVIII в. чеченские владельцы неоднократно просили царское правительство не принимать бежавших от них крепостных и холопов. Царские власти были заинтересованы в увеличении численности населения развивавшихся городов Северного Кавказа, поэтому они охотно принимали выходцев из Чечни и других горских областей, предоставляя им земли для поселения и зачисляя их на военную службу. Так, горячевские и брагунские владельцы выражали свое недовольство тем, что бежавших от их гнета подвластных горцев принимали в гор. Кизляре.

Вайнахские крестьяне подвергались тяжелому гнету не только со стороны феодалов, но и старшин. Об этом красноречиво говорится в присяге старшин Большой Чечни и Аджи-Аула от 1781г. на имя Кизлярского коменданта Куроедова: «Ежели будут наши холопы магометанского закона от нас убежать и являться в российских границах, оных нам отдавать обратно..»

То обстоятельство, что местные старшины называют крестьян «холопами» и требуют у властей их выдачи, говорит о том, что они были лично зависимы от них и жестоко эксплуатировались своими старшинами, а поэтому вынуждены были от них бежать в российские пределы.²⁵

Отказ от выдачи беглых холопов мотивировался царскими властями обычно ссылкой на то, что они приняли христианство. Горские же князья и владельцы утверждали, что принятие христианства происходило вовсе не по причине религиозного характера, а лишь для того, чтобы избавиться от крепостного гнета. Владельцы просили, чтобы их рабов и слуг не крестили, а крещеных им возвратили. Бегство крестьян в российские города не только непосредственно избавляло все более увеличивающуюся часть зависимых сословий от своих угнетателей, но, что было еще более серьезным, вызывало массовое неповиновение им горского крестьянства, которое усматривало в возможности уйти в соседние с горцами владения России гарантию своего полного освобождения.²⁶

Ни в одном из районов Северного Кавказа князья и владельцы не чувствовали такой неуверенности своего положения, боязни перед подвластными крестьянами, как в Чечне. В переписке с царскими властями князья и владельцы постоянно выражали свое бессилие удержать в повиновении подвластных горцев, просили помощи в борьбе с восставшими крестьянами или разрешения переселиться вместе с подвластными под защиту царских властей ближе к крепостям и укреплениям Кавказской Линии. Так, в рапорте коменданта г. Кизляра Куроедова на имя князя: Г. А. Потемкина от 19 апреля 1781 г. сообщалось о том, что «чахкерин-ский владелец Алихан Нурмаматов, состоящий в родстве с чеченскими владельцами Алисолтаном Алибековым и Арас-ланбеком Айдамировым», доносил ему (коменданту) о том, что из подвластных ему чеченцев, насчитывающих в Чахке-ринской деревне около двухсот дворов, «некоторые по легкомыслию своему, смотря на другие народы, сообщаясь с без-дельническими людьми, к российской стороне до сего времени делают шалости»/

Другие чеченские владельцы Казбулат Топлинский и Альбек Батырханов в 1784 г. обратились также к царским властям с просьбой разрешить им переселиться вместе с подвластными людьми на плоскостные земли по Тереку, «где бы они были под ближней защитой российского начальства».²⁸

Царские власти охотно пошли навстречу желаниям местных владельцев. В своем рапорте по этому поводу генерал Текелли указывает, что «лучшие способы удалить всех их непокорных (горцев — Ш.А.) от реки Сунжи и водворить (их — Ш.А.) против Моздокского казачьего полку». И далее в том же рапорте читаем: «...как между Сунжою и Терекком Девлет-гиреевская деревня владельца — Бамата незаменимая нам ничем, но делающая вред связью со всеми деревнями чеченскими, то предписал сию уговорить ласковостью и также переселить к Тереку, хотя ниже Моздокского полку, надеясь

поэтому, что много зла прекратиться».²⁹

Часто случалось и так, что обездоленные крестьянские мацы становились невинными жертвами всевозможных споров

и тяжб между чеченскими князьями и владельцами из-за торгово-экономических выгод. Особенно алчным и жестоким не только к своим подвластным, но и к другим владельцам, судя по документальным источникам, предстает чеченский владелец Девлет-Гирей Черкасский, так, во время разбора в Кизляре ссоры между чеченскими владельцами Девлет-Гиреем Черкасским, с одной стороны, и Арасланбеком, Бардыханом и Маматом Айдемировыми - с другой, которая возникла из-за того, что Девлет-Гирей брал с их крестьян пошрины и чинил другие обиды, комендант Кизлярской крепости потребовал от горских владельцев слушаться во всем Девлет-Гирея Черкасского, между тем, чеченские владельцы указывали поэтому в письме к Кизлярскому коменданту от 9 апреля 1763 г. на то, что Девлет-Гирей ... через дорогу в урочище, называемое Келзели (по-видимому, нынешнее село Герзель - Ш. А.), их не допустил и от кунаков наших купцов с каждой лошади требует по 20 коп, а ездить нас через Червленский городок не допустил ...»³⁰

И еще один документ подтверждает факт тяжелого гнета, которому подвергал подвластных крестьян чеченский владелец Расланбек Айдемиров. Так, в письме кизлярскому коменданту чеченский владелец Девлет-Гирей Черкасский отмечал, что Расланбек Айдемиров просил его возвратить к нему «непослушных чеченцев», которые ушли от него якобы в Кабарду.³¹

Выдвигая свои укрепления в предгорную зону, царская администрация отрезала горцев от удобных для хлебопашества равнинных земель и степных пастбищ, которыми они пользовались в зимнее время, и таким образом, снова вытесняла горцев в горы, что, естественно, подрывало их хозяйство. Одновременно в различных горских обществах происходило усиление социальных противоречий, вызванных требованием от крестьян тяжелых податей и повинностей. На противодействия чеченцев и ингушей своим владельцам и старшинам царские власти отвечали разрушением и сожжением целых аулов, уничтожением посевов хлеба, садов и т. д. в ходе карательной экспедиции.

§ 2. Восстание горцев в 1707-1708, 1722, 1732, 1757-1758, 1760, 1770-1774, 1783 г.

Первое по времени крупное и организованное крестьянское выступление в Чечне в XVIII в. относится к 1708 г. В это время едва закончилось Астраханское восстание (1705-1706 гг.) городских и крестьянских масс, как началось мощное народное движение на Дону в (1707-1708 гг.), Слободской Украине и в Поволжье. Главным очагом восстания стал Дон, куда в этот период устремился один из основных потоков русских беженцев - крестьян, пытавшихся таким путем спастись от усиливающегося крепостного гнета.

Следует отметить, что в это же время в Поволжье и Приуралье прокатилась волна восстаний башкир, марийцев, татар, чувашей, которые участвовали в народном движении 1707 — 1708 гг. Кроме общих причин, вызвавших эти восстания, следует назвать и такие, как установление там крепостнических порядков и учреждений, расширение помещичьего землевладения, рост государственных налогов и повинностей и насильственная христианизация. Самым значительным из них было восстание башкир, которое длилось с 1705 до 1711 гг. Несмотря на участие в нем отдельных феодалов, оно объективно было борьбой башкирского народа против колонизаторской политики царизма и резкого роста налогового гнета.³²

Характеризуя типичную для начала XVIII в. политику царизма и в связи с этим обстановку на окраинах России среди различных народностей, дореволюционный историк В. А. Потто писал: «Происшествия в пограничных областях, беспорядки во внутреннем управлении, подкупность и взяточничество воевод, позволявших себе большие злоупотребления, - все это было явлением далеко не новым». Ненависть к местным эксплуататорским элементам усугублялась тем, что различные дискриминационные препоны царской администрации, действовавшей вкупе с горскими верхами, подавляли хозяйственную инициативу крестьянина-труженика. Например, окочане (чеченцы - аккинцы), проживавшие в городе Терки, должны были в обязательном порядке платить пошлину за различные товары и изделия, вывозимые ими на продажу к

своим соотечественникам в Чечню и Ингушетию.³³ Как видим, экономическое общение вайнахов с Россией и другими народами Кавказа было практически парализовано.

Эти и подобные им причины привели к недовольству и протесту простых горцев, в том числе чеченцев и ингушей проживавших по рр. Терек и Сунжа.

Крестьянские выступления значительно усилились и здесь, на Тереке, как о том повествует документ начала 18 в., с приходом к горским народам, проживавшим в это время близ города Терки, участника башкирского восстания в 1707-1708 гг. уфимского феодала Мурата Кучукова. Подробной биографии Кучукова мы не знаем. О нем имеются весьма отрывочные сведения. Вероятно, Кучуков был одним из активных участников башкирского восстания 1707-1708 гг., после поражения которого перебрался к соседним народам, в частности, к чеченцам и ингушам. В одном из донесений астраханского воеводы П. М. Апраксина царю Петру Алексеевичу от 20 марта 1708 г. говорится: «...В прошлом 1707 г. уфимский башкирец, который назвал себя салтаном, был в Цареграде и в Крыму о башкирской измене и прибежав с Кубани, явился в горских народах, которые близ Терека, называются чеченцы, мичкизы - (кумыкское название чеченцев - Ш.А.), аксайцы; и те народы прельстя, называя себя прямым башкирским салтаном и проклятова их закона басурманского святым, учинился над ними владельцем...»³⁴

Безусловно, практические действия Мурата Кучукова сразу же за агитационной работой среди горских народов за Тереком не заставили себя долго ждать. За короткое время крестьянские массы различных народов Северного Кавказа от многих горских аулов и деревень объединились для вооруженной борьбы против местных князей и владельцев, а также стоявшей за их спиной царской администрации в лице воеводской власти г. Терки. Основное ядро восставших крестьян составляли чеченцы - окочане (ауховцы — Ш.А.), а также мичкизы — чеченцы, аксайцы, кумыки, казаки — раскольники с Кубани, тавлинцы ногайцы, татары и т. д.³⁵

«Захватив Терский город и городки низовых казаков, в этом восстании приняли активное участие многи нерусские жите-

ли этого края, в том числе и жители селения Кизляр», - пишет исследователь Д. Васильев. Хотя это восстание затем было подавлено, но жителям Кизляра удалось избавиться от приязней кабардинских князей.^{35a}

За короткое время руководитель восставших Мурат Кучуков собрал вокруг себя 1600 человек вооруженных. Интересно заметить, что в лагерь повстанцев стекались даже кочевые племена вместе с их баями, мурзами, султанами и другими владельцами, недовольные действиями терских воевод и их администрацией.

Известно, что два терских окочанина - чеченцы (имена которых, к сожалению, не называет документ) и беглый черкасский уздень по имени Лузан, принадлежавший знатному ногойцу Алды-Гирею, которые ездили из г. Терки в Чечню для продажи рыбы, подробно ознакомил восставших с расположением военно-административных властей города Терки, обстановкой внутри крепости и ее обороноспособностью.

Знатные окочане и уздень Лузан посоветовали восставшим горцам идти войною на город Терки, ибо «де город весь обвалился» и солдат в нем в настоящее время «малое число», а «которые ратные люди были, и те взяты на службу и стрелять де из ружья некому, а которые и есть люди, и те худы...»³⁶ Воспользовавшись подробными сведениями, сообщенными окочанцами и узденем Лузан, восставшие решили в данной ситуации без промедления начать боевые действия против терской администрации. С этой целью они во главе с Муратом Кучуковым, в лагере которого находились чеченцы, мичкизы, аксацы, тавлинцы, кумыки Андреевской деревни, кочевые ногойцы, заречный мурза Салтан-Мурат и другие мурзы, всего более 1600 человек, атаковали город и крепость Терки.

12 февраля 1708 г. за два часа до рассвета восставшие горцы подошли к городу Терки и расположились в окрестных садах, выбрав для себя здесь удобную позицию. Впереди восставших во главе с Муратом Кучуковым шли уздень Лузан и два чеченца, показывая путь к крепости. Под покровом ночи восставшие незаметным образом проникли в город Терки. Город состоял из деревянных строений и укреплений. Разгорелось сражение между восставшими и военным гарнизоном

города. Борьба длилась до четырех часов следующего дня. Первое сражение восставших с царскими войсками закончилось победой горцев. Восставшими были сожжено много строений и укреплений терской администрации; много было убитых, раненых и взятых в плен. Кроме того, восставшие захватили в Терках 7 медных и 3 чугунных пушки.³⁷

После этого случая царская администрация стала в спешном порядке дополнительно укреплять боевые позиции в городе Терки. Терский воевода Р. Вельяминов перебросил сюда пушки и подкрепления. Поэтому повстанцы, несмотря на их частые атаки, в дальнейшем не смогли овладеть крепостью. Сказывалось отсутствие у горцев опыта овладения крепостями приступом. Восставшие на этот раз намерены были единым порывом полностью разгромить войска терского воеводы. Они со всех сторон окружили крепость и стали ждать, пока не иссякнут в городе хлебные припасы, которых было в крепости не боле 600 мешков, да и те гнилые.³⁸

Восставшие решили не ждать добровольной сдачи царской администрацией города Терки, а, напротив, посоветовавшись, на следующий день «учинили над городом со всех сторон приступ крепкий...»

Когда восставшие вновь атаковали крепость и оцепили весь город, астраханский воевода П. М. Апраксин срочно послал несколько военных отрядов на помощь терским воеводам: отряд в 1200 солдат во главе с полковником, наемное войско из «татар юртовских» 250 человек, из «астраханских же мурз и татар» 400 человек. Верноподданный царский слуга-калмыцкий Аюка-хан прислал своего внука с восьмитысячным отрядом калмыков.⁴⁰ Как видим, против восставших горцев астраханским воеводой был брошен боевой отряд в 9850 человек.

Один из документов того периода повествует о том, как на протяжении февраля 1708 г. происходят частые и небольшие стычки между горцами и войсками терского воеводы. Но еще до прихода астраханских войск 26 февраля разразилось сильное сражение у крепости Терки и в ее окрестностях. Это произошло, видимо, до того, как астраханский воевода Апраксин успел уведомить царя Петра Алексеевича 20 марта 1708 г. о посылке им в город Терки военной помощи.⁴¹

Подробности данного сражения у крепости Терки документы нам не сообщают. Известно только, что восставшие были разгромлены, а их предводитель Мурат Кучуков схвачен в плен и отправлен на допрос к царским властям. «...Неприятелей под Терком побили, - сообщает документ, - и того злодея самого владетеля их салтана (Кучукова - Ш.А.) взяли, ранена лехкою раною жива, и ныне в наших руках; а как того злодея (Мурата - Ш.А.) взяли, тотчас неприятели от Терка отошли.⁴²

Несмотря на большие усилия восставших, им все же не удалось овладеть Терками. Силы противника во много раз превосходили силы восставших. Кроме того, царские войска были хорошо вооружены и обучены. Горцы действовали стихийно, и естественно, не могли им противостоять и потерпели поражение. •

К сожалению, в документах не сообщаются какие-либо сведения о дальнейшей судьбе участников восстания: об их военных действиях; о социальном составе участников и социальной направленности восстания.

В своем пространном донесении царю Петру 1 астраханский воевода П. М. Апраксин не сообщает о первоначальных успехах восставших, не говорит о слабом вооружении горцев, их мужестве и стойкости. И это вполне естественно.

Наряду с местной горской верхушкой для подавления восставших, царизм привлек своего сторонника - калмыцкого хана Аюка, который безжалостно расправлялся со всеми участниками восстания.

В 1708 г. Апраксин писал царю, что по его личной просьбе Аюка-хан готовится к усмирению восставших народов Башкирии и окончательному разгрому восстания,⁴³ которое с новой силой там разгорелось. О том, какие большие надежды возлагал царизм на Аюка-хана, можно судить из следующего документа: «...В здешней стране (Нижнем Поволжье - Ш.А.) без него (Аюка-хана - Ш.А.) трудно быть, только б ныне ему от злодейства донских казаков прешкоды не было, о которых слышим, что идут многим собранием к Волге на калмык...»⁴⁴

Безусловно, борьба северокавказских народов за город Терки в 1708 г. имела в своей основе те же общие причины,

цели и задачи, что и восстания башкир, марийцев, татар, чувашей, Кондратия Булавина в 1707-1708 гг. и явилась прямым отголоском выступлений народов Поволжья и Дона. Восстание беднейших слоев казачества и крестьянства под предводительством Кондратия Булавина, которое в 1707-1708 гг. приняло широкий размах, безусловно, отразилось на Тереке, и, в частности, среди горского населения. Это подтверждается тем, что Булавин в то время заявил всенародно: «Не бойтесь! Я начал дело не просто. Я был в Астрахани и на Терках, и астраханцы и теречане дали мне присягу, чтобы им на вспоможение и в товарищи быть и стоять с нами за казацкие вольности».⁴⁵

Таким образом, первое организованное выступление горцев, которое по существу носило не только антифеодальный, но и антиколониальный характер, потерпело поражение. Социальная база восстания была пестрой: здесь были и обездоленные горцы-бедняки, и уздени состоятельные, владельцы, мурзы, беи и т. д. ущемленные в своих правах и недовольные колониальными действиями царизма. Кроме того, выступлению горцев 1708 г. чужды были религиозные лозунги и, вообще, какие-либо религиозные мотивы, хотя многие горские народы уже были мусульманизированы, а предводитель восставших — Мурат Кучуков - назывался даже мусульманским святым.⁴⁶

В 1722 году произошло другое сражение между восставшими горцами и войсками коменданта крепости Святой Крест генерала Ветерани. Основной причиной «недовольства» царской администрации на Кавказе и наказания за это восставших горцев явилось, якобы, то, что чеченские и эндерийские владельцы и их подвластные отказались присягнуть в покорности царским властям. В свою очередь, горские народы по-прежнему мотивировали свое недовольство дискриминационными мерами администрации города Терки по отношению к торгующим горцам и т. д. Поэтому вооруженные отряды горцев продолжали беспокоить власти г. Терки. Все это побудило царизм наказать «непокорных» чеченцев, а с ними и подвластных людей эндерийских (с. Эндери - Ш.А.) владельцев Айдемира и Мусала Чапаловых.

Восставшие чеченцы и эндерийцы ждали подхода карательных войск царской администрации и соответственно готовились к обороне: жители Эндери, где насчитывалось тогда до 3 тысяч дворов, и соседних чеченских сел отослали семьи и имение свое в горы, а в самой Эндери сделали засеки по улицам и

окрестным проходам.⁴⁷

Военные действия начались в июле 1722 года. Для усмирения «непокорных горцев» был послан конный корпус под командой бригадира Ветерани. Ветерани было предписано: атаковать и захватить Андреевскую (Эндерийскую) деревню.⁴⁸ В отряде Ветерани насчитывалось три драгунских полка, численностью до 2 тыс. человек и 400 вооруженных казаков.

Когда 23 июля 1722 г. царский отряд во главе с генералом Ветерани пройдя прямым путем от г. Терки к р. Койсу, приблизился к с. Эндери и вышел к ущелью, в это время одновременно и с высоких круч, и из леса, встретили его вооруженные горцы, число которых, по сообщению источников, достигало от 5 до 6 тыс. человек.⁴⁹ Надо полагать, что отряд полковника Ветерани попал в окружение: восставшие чеченцы и андреевцы, вооруженные стрелами, кинжалами, шашками и ружьями, выбегать со всех сторон из лесу и почти в упор поражали противника. Застигнутые врасплох царские войска были в панике и не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления наступавшим горцам. Бригадир Ветерани не стал атаковать ближайшие деревни, а стал медлить и обдумывать планы дальнейшей борьбы с восставшими. Его подчиненный подполковник Наумов, оставив небольшое число солдат для сдерживания натиска восставших горцев, вместе со своим отрядом, преодолевая сопротивление восставших, пришел к Эндери и полностью его разорил и сжег, оставив после себя только пепел.⁵⁰ В этом сражении (23 июля 1722 г.), как явствуют царские источники, было убито не более 80 драгун. Были потери также со стороны чеченцев и андреевцев, многие попали в плен. Царские войска разграбили все имущество горцев и угнали с собой их скот.

4 августа 1722 г. по указу самого царя Петра Алексеевича повторно совершена была карательная экспедиция против восставших чеченцев и андреевцев. В состав военной экспеди-

ции входили боевые силы поручика Кудрявцева, а также вооруженный отряд калмыков, посланный Аюка-ханом по просьбе царя, в количестве 3730 чел. «Калмыки действительно в том же в августе произвели опустошение эндерийцам, - говорится в «Материалах...», - и простирая оное, по обыкновению, далее пределов, отбили баранов, быков и лошадей не только у эндерийского владельца Чопала Чопалова, но и у аксайского султана Магмута, людей приверженных России».⁵²

Как и прежде, калмыцкий Аюка-хан не пожалел своего усердия для оказания помощи царизму в окончательном разгроме «непокорных» горцев. За свое усердие калмыцкому хану, кроме награбленного им у горцев имущества и скота, было пожаловано государем 10 тыс. руб., не считая того, что при организации первого похода против горцев ему также было пожаловано 10 тыс. рублей.⁵³

Только после 4 августа 1722 г., когда дважды обрушились царские каратели на восставших горцев, последние вынуждены были согласиться «дать присягу» и выразить «свое подданство» государю, причем, надо отметить, что восставшие чеченцы впервые были здесь включены в составе эндерийцев, принесших присягу царским властям. Только после этого горцам разрешено было вновь селиться в с. Эндери, но при условии, что они не будут делать никаких укреплений вблизи своих селений.⁵⁴

После экспедиции бригадира Ветерани против восставших чеченцев, - указывает Г. А. Ткачев, - калмыцкие отряды неоднократно посылались против жителей Аксая и на Качкалык,⁵⁵ а также в горы Дагестана. С 1722 года укрепления царской администрации (редуты) и прилежащие к ним гребенские станицы постоянно находились под охраной калмыцкого отряда. Такая охрана продолжалась и при генерале Де-Медеме.⁵⁶

Через 10 лет, в 1732 году, жители аула Чечень (село Чеченаул - Ш.А.) и Эндери вновь вышли из повиновения своим владельцам и старшинам и стали выражать недовольство действиями царской администрации. Для усмирения восставших 4 июля 1732 г. царские власти снарядили в Чечню военный отряд во главе с командовавшим войсками в крепости Святой

1732 года у деревни Чечень стали собираться восставшие от различных деревень на равнине и, открыто выражая свое недовольство действиями царских властей, начали угрожать нападением на их укрепления.

Генерал Дуглас, надо полагать, не без приглашения местных владельцев и старшин, с отрядом 1200 солдат пехоты и 500 казаков 4 июля предпринял поход в Чечню. Когда отряд подошел к Андреевской деревне, генерал получил сообщение, что будто бы восставшие, узнав о приближении войск тут же разошлись. Обманутый ложными сведениями, Дуглас ограничился тем, что послал против деревни Чечень отряд под командованием полковника Коха, состоявший из 300 солдат и 200 казаков. Сам же он с частью войск остался ждать у Андреевской деревни. Полковник Кох 7 июля вступил в деревню Чечень, полностью сжег ее и стал спешно отходить назад. Но при отступлении выяснилось, что его отряд окружен восставшими чеченцами. В происшедшем между ними сражении было убито 125 и ранено 75 солдат.⁵⁷

Здесь уместно сообщить и такой факт из истории борьбы в Чечне в 1732 г, когда восставшими горцами был убит в этом сражении местный князь Казбулат, который привел отряд царских войск во главе с Дугласом в селение Чечен-аул для подавления выступления горцев.⁵⁸

«Должно думать, во-первых, - писал А. Зиссерман, - генерал Дуглас поддался фальшивому слуху о бегстве неприятельского скопища, во-вторых, - что он не имел никакого понятия о характере лесной войны с чеченцами, решившись послать 500 человек, вместо того, чтобы идти со всею колонною, в-третьих, при отступлении произошел какой-нибудь беспорядок, иначе трудно объяснить себе такую, относительно значительную потерю. Сообщая о тактике восставших чеченцев, А. Зиссерман далее отмечал, что они «держались своей системы: отступать при нашем наступлении и зло наседать при нашем отступлении».⁵⁹

Говоря потерях царских войск в 1732 г., необходимо обратить внимание на сообщения и других официальных источни-

ков того времени. Так, в одном из своих представлений в 1757 г. сделанном в Коллегию Иностранных дел, асессор Давыд Абазаце также отмечал о большой неудаче, постигшей царские войска во главе с Дугласом.⁶⁰ Источники того времени не называют потери со стороны восставших горцев. Можно предположить, что они были незначительными, ибо восставшие вели войну с царскими войсками в условиях пересеченной местности.

Если военные походы царских войск против восставших горцев в первой половине XVIII в. носили в основном эпизодический характер, то этого никак нельзя сказать относительно второй половины этого столетия. В этот период царизм уже ведет борьбу за покорение северокавказских народов. Расширение сферы колонизации, колониальные разбои, грабежи, военные экспедиции царских властей против мирных жителей принимают систематический характер.

Карательные экспедиции царских властей лишь усиливали ненависть к ним горцев. Широкие массы выходят из повиновения своим владельцам, поддерживающим власти, совершают нападения на военные укрепления и посты, а также на казачьи станицы, устраивают засады на дорогах и т. д.

Так как феодализирующаяся знать в Чечне была гораздо слабее, чем феодальная верхушка в Кабарде, Кумыкии, Черкесии и других районах, то антифеодальная и антиколониальная борьба в Чечне имела свои особенности. Если в Кабарде и Кумыкии ввиду мощи, организованности и многочисленности местных феодалов борьба горцев носила, прежде всего, ярко выгожденный антифеодальный характер, то в Чечне феодализирующиеся верхи, чувствуя свою слабость и не имея сил самостоятельно оказать народным массам сопротивление, немедленно обращались к царским генералам за помощью, и чеченцы сразу же сталкивались со спешившими на помощь феодалам царскими властями. Поэтому классовая борьба здесь приобретала более ярко выраженный антиколониальный характер.

Относительная слабость и малочисленность феодализирующихся верхов облегчили здесь переплетение антифеодальной борьбы с борьбой антиколониальной.

Вооруженные выступления крестьян не превращались во всеобщее антифеодальное восстание. Это объяснялось, по-видимому, тем, что феодальному гнету были подвержены не все вайнахские общества, а только часть из них. Некоторые обще-

ства сохраняли свою былую вольность и не испытывали феодального гнета, хотя имущественная и социальная дифференциация задела и их. Ярким подтверждением сказанного является восстание 1757 года. О его характере имеются разные суждения авторов. Остановимся несколько подробнее на анализе движения горцев 1757-1758 гг.

Дореволюционный историк П. Г. Бутков пишет о нем следующее: «В 1757 году чеченцы вышли из должного повиновения своим владельцам и совсем оказались противными российской стороне».⁶¹ Жители селений Чечни и Горячевских (Исти-су) в том же 1757 г. изгнали своих владельцев,⁶² указывает далее он. Местный историк Н. П. Гриценко, следуя сообщениям П. Г. Буткова, отмечают, что «в 1757 году чеченцы восстали против пришлых феодалов и прогнали их со своей территории. Русский царизм, верный своей политике, наказал «непокорных» чеченцев и снова заставил принять кумыкских, кабардинских и других феодалов».⁶³ Об этом же фактически пишет и М. Мамакаев.⁶⁴ Несколько иной подход видится нам у другого исследователя Ф. В. Тотоева в этом вопросе. Изучив фактический материал по этому движению, он приходит к выводу, что «события 1757 года были не феодальной борьбой, а ранним антиколониальным выступлением, в котором принимали участие и чеченские владельцы, чьи интересы были ущемлены наметившимися в 50-е годы XVIII века изменениями в политике военно-колониальных властей России на Северном Кавказе».⁶⁵ Говоря о движении горцев 1757-1758 гг. современный исследователь Ахмадов Я. З. отмечает, что характер его определяется, прежде всего, антифеодальной направленностью, хотя вместе с тем он трактует его и как антиколониальное.⁶⁶

На антиколониальную сторону этого восстания проливает свет и официальный документ, исходящий из Государственной Коллегии Иностранных дел. В нем мы читаем: «в 1757 г. от

Червленского редута, весь чеченский народ приходил в движение, что нужно было усмирить оной движением войска». ⁶⁷ И действительно, как свидетельствует другой документ, «генерал-майор Фрауендорф ходил на ... чеченцев в числе 2196 человек... войска», и несмотря на сопротивление повстанцев, «в сем походе» было «побито чеченцев до 200 человек, а «жилище их, которые ими пред тем были уже оставлены, выжжены, и посеянные ими при оных хлебы вытоптаны, также и в добычу получено много скота и протчего». ⁶⁸ Из этого же документа явствует, что предводителем жестоко подавленного восстания был брат «задержанного» в Кизляре узденя Бекей. ⁶⁹ Вышеприведенные данные, как видим, дополняют друг друга и создают в целом правильное представление о восстании 1757-1758 гг., как об антиколониальном, так и антифеодальном выступлении горцев.

Основное острие антифеодальной классовой борьбы было направлено, в основном, против иноплеменных феодалов и князей, хозяйничавших в Чечне. Эти феодалы были более зрелыми в классовом отношении, обладали большой экономической и политической мощью, чем нарождающаяся вайнахская

цев и царских властей явилось: все возрастающие тяжелые обременительные повинности со стороны местных князей и владельцев и колониальные мероприятия царской администрации, стоявшей на страже местной знати. Эти моменты, собственно, и обусловили антифеодальную и антиколониальную направленность выступления горцев в 1757-1758 гг.

Обратимся к самому движению 1757-1758 гг. и материалам по нему. Так, в рапорте Кизлярского коменданта Фрауендорфа в Государственную Коллегию от 13 июня 1757 г. сообщалось о том, что 26 марта этого же года Шедринский атаман захватил в плен Шамирзу Тамарзоева, знатного чеченца из фамилии Цонтарлы (Цонтарой - Ш.А.) и держал его под караулом. Приехавший 28 марта в построенный на той стороне при червленских теплых водах редут чеченский владелец Альбек Казбулатов объявил, что в отместку за плененного узденя Шамирзу Тамарзоева его братья собираются учинить нападение на казачьи городки. ⁷⁰

1 мая того же года житель Брагунской деревни армянин Юсуп Айвазов доносил царским властям об этом же. В частности, он сообщил, что «чеченцы с протчими дальних гор народами собравшись намерение имеют подступить в построенный при Червленских теплых водах редут...» А уже 3 мая рано утром восставшие горцы, человек до 300-сот, совершили нападение и обстреляли Червленский редут. В завязавшейся

феодалная знать. Ее представители иногда выступали против иноплеменных феодалов. При этом они преследовали также сугубо свои корыстные классовые цели: с помощью народных масс разбить иноплеменных конкурентов и занять их место.

Что же касается царских властей, то они, заинтересованные в сооружении на землях горцев своих крепостей и укреплений, стремятся вытеснить горцев в горы. На противодействия чеченцев и ингушей власти отвечают карательными экспедициями в вайнахские селения, связанные с сожжением аулов, уничтожением посевов урожая, а также запасов хлеба, истреблением садов и пр.

Из документальных источников видно, что крестьянские массы Чечни и Ингушетии во второй половине XVIII века нередко выходили из повиновения владельцам, и последние для усмирения восставших горцев приглашали царские войска. Наиболее крупное выступление произошло в 1757-1758 гг. на равнинной части Чечни. Основной причиной недовольства и последующего выступления горцев против местных владель-

перестрелке между горцами и солдатами редута один горец был убит и несколько человек взято в плен (6 брагунцев и 2 мичкиза). Оправдываясь перед Кизлярским комендантом о непричастности местных владельцев в подстрекательстве к нападению на казачьи редуты подвластных им горцев, чеченский владелец Альбек Казбулатов, брагунский уздень Эйка-дар и брагунская владелица Кичибики отмечали что «...чеченцы владельцам своим состоят в непослушании и чинить противности замышляют...»⁷¹

Далее в рапорте отмечалось, что «...чеченцы явно от подданства ее императорского величества отложились и от владельцев своих отстали (отошли — Ш.А.) и ни в чем их не слушают...» и, кроме тех немногих горцев и с ними узденей, которые переселились на новые места по р. Сунже, все остальные

местные жители ежедневно совершают нападения «под гребенские городки».⁷²

Здесь же в рапорте Фрауендорф указывал, что «чеченские владельцы все единственно по непослушанию оных злодеев чеченцев (восставших - Ш.А.) бессилием своим отговариваются и беспрестанно просят оных чеченцев наказать...»?з

Поводом для всеобщего недовольства горцев послужило также удержание в начале 1757 г. в Кизляре «знатного и сильного узденя» чеченского владельца Расланбека Айдемирова — Шабая Ахлова за «непослушание чеченцев», главным образом гребенчиковцев и чебуклинцев.

В рапорте Кизлярского коменданта Фрауендорфа в Государственную военную коллегию от 31 января 1757 г. отмечалось о том, что князь Эльмурза Черкасский и майоры Шейдяков и Татаров признают в качестве лучшего способа «его Шабая содержать под караулом, дабы чрез него возможно было трех знатных чеченских узденских детей Аджиханова, Чепалова и Арабова в аманаты получить, почему и чеченцев содержать себя могут спокойнее...»⁷⁴ Это обстоятельство указывает на тот факт, что уздень Шабай Ахлов был незаконно задержан в Кизляре.

Присланный в Кизляр от князя Девлет-Гирея Черкасского его холоп представил в Кизлярскую комендантскую канцелярию «писанные от него Шабая к горскому народу возмутительные к воровству (в данном случае к восстанию — Ш.А.) письма», в котором он (уздень) действительно признался, что эти письма касались до побегов к российским жилищам...» Сам же Шабай Ахлов, хотя и считался формально узденем чеченского владельца Арасланбека Айдемирова, фактически признался в Кизляре, что он владельца по великому его родству не слушает...»⁷⁶

В это время на имя Кизлярского коменданта стали поступать письма от чеченских владельцев с явным недовольством и требованием «что ежели содержащийся у вас в Кизляре уздень Шабай, и находящийся при Девлет-Гирее их чеченец не возвратятся, то ни поступят на противности...»⁷⁷

Между тем, Аксайский владелец Каплан-Гирей сообщал царским властям в Кизляре, что восставшие чеченцы действи-

тельно намерены выступить против русской администрации «под предводительством чеченского узденя Шабая, брата Бикея...»⁷⁸

В ноябре 1767 г. асессор Коллегии Иностранных дел сообщил, что согласно полученным на этих днях известиям из Кизляре, восставшие чеченцы вновь совершили нападения «на казачье городки» и разорили не только многие жилища, но и тамошние редуты и другие укрепления...⁷⁹

Опасения царской администрации по поводу того, что вместе с восставшими чеченцами могут подняться и «другие горские народы» и создастся, таким образом, реальная опасность «общего возмущения»,⁸⁰ стала еще более усугубляться после перехода восставших горцев к более активным действиям.

В официальных кругах с целью предупреждения могущего быть всеобщего возмущения восставших горцев, решено было направить в Чечню экспедицию царских войск во главе с комендантом Кизлярской крепости генерал-майором фон Фрауендорфом.

Коллегия Иностранных дел, одобряя инициативу Кизлярского коменданта фон Фрауендорфа и астраханского губернатора генерал-майора Жилина о наказании восставших чеченцев, в специальном постановлении от 24 сентября 1757 г. отмечала, что она в свою очередь в «наказании чеченцев за учиненные ими ныне явные противности весьма согласна, ибо подлинно, что далее, то они больше про дерзости производить не оставят, а притом и другие горские народы к ним приставать могут»⁸¹

Позже, 19 апреля 1781 г., в рапорте на имя князя Г. А. Потемкина уже другой Кизлярский комендант Куроедов по поводу экспедиции в Чечню во главе с генералом Фрауендорфом скажет, что в 1757 г. во время отправления должности коменданта Кизлярской крепости генерал-майором фон Фрауендорфом чеченцы «совершенно вышли из повиновения своим владельцам» и «совсем оказались противными Российской стороне», за таковые дерзости того же года октября 23 дня велено было их наказать и привести к должному повиновению. И генерал-майор фон Фрауендорф в 1758 г. совершил экспедицию в Чечню против ее жителей.⁸²

Экспедиция во главе с генералом Фрауендорфом в Чечню была, пожалуй, самой продолжительной. Она длилась несколько месяцев. В представленной в Коллегию Иностранных дел докладной по поводу причин, которые, якобы, настоятельно требовали наказать восставших чеченцев, Кизлярский комендант фон Фрауендорф указывал, что «чеченцы явно от подданства ее Императорского Величества отложились и от владельцев своих отстали и ничем их не слушают и, кроме всего вышеописанного, под гребенские городки почти ежедневно чинят подбеги и наводят беспрестанное беспокойство и всячески ищут убивать, пленить и воровать и казачьи городки выжигать хваляться..., а владельцы чеченские по непослушанию тех злодеев бессилием отговариваются и о наказании их просят». Поэтому просил в своей докладной Кизлярский комендант, «чеченцам всемерно надлежит учинить наказание».⁸³

В экспедицию решено было пригласить калмыцкие войска, а также кабардинцев, так как последние, - как указывают документы, - по причиняемым им от чеченцев обидам о том просят и охоту имеют.⁸⁴

Вот что сообщал о требовании кабардинских феодалов ротмистр Мещеряков: «кабардинские владельцы, - говорил он, - жаловались, каким образом чеченцы им, кабардинцам, не дают проезду, убивают людей, лошадей и скот крадут, а они, кабардинцы, их чеченцев, без позволения Российской империи укрочать (укрочать - Ш.А.) и разорять не смеют, а в случае посылки на них казаков и калмык, совокупясь с оными, и они, кабардинцы, итти желают».⁸⁵

В экспедиции против восставших горцев участвовали: казачьи войска-гребенское и Терское семейное, Кизлярская нерегулярная команда князя Эльмурзы Черкасского, грузинский и армянский эскадроны, калмыцкие отряды под начальством Яндыка и Ерембия и не менее 500 человек пехоты от двух гарнизонных полков с полковыми пушками.⁸⁶

О точном количестве всех царских отрядов, участвовавших в этой экспедиции, мы не имеем сведений. Войска были расположены лагерями по обоим берегам р. Сунжи - калмыцкие отряды на правом, а царские войска - на левом.

Согласно утверждениям официальных источников, кото-

рые исходят, видимо, из опыта предшествующих военных походов царских генералов против горцев, например, в 1722-1732 гг., восставшие равнинные чеченцы могли и на этот раз выставить против экспедиции Фрауендорфа до двух тысяч воинов.

К восставшим горцам присоединились и некоторые соседние народы чебуклинцы, чубутцы, ащгийцы и отовсюду мичкизцы; из Аксайской деревни и Исти-Су, из Гикеху и Ерки, а также живущие вверх по Сунже горцы и подвластные Андревским владетелям жители селений Аух...⁸⁸ В ответ на призыв восставших горцев и их руководителей к селению Чечен-аул, очагу восстания, стали стекаться вооруженные отряды горцев» из гребенчиковцев, шалинцев, мичкизцев, и с Качкалык..., кехинцев, чебуклинцев, чубутцев, гунбетцев, андицов, нохчумакинцов, голонданцов...» Из Дагестана, кроме андийцев и аварцев, прибыли еще эндерийские и аксайские кумыки.⁸⁹

Говоря о социальной базе участников движения, следует отметить, что в основном преобладал в нем бедняцко-батрацкий люд, который с переходом царских войск на территорию восставших, увлек за собой своего ближайшего соседа, наиболее лояльно настроенных к восставшим горцам отдельных узденей и владетелей, чем в значительной мере расширил базу движения и сделал его опасным для царской администрации.

В движении 1757-1758 гг восставших горцев поддерживали некоторые владельцы и уздени, которые с усилением влияния царизма на Северном Кавказе, боялись потерять свое господство в общественном положении и свои феодальные привилегии и враждовали с царской Россией из-за того, что в ее пределы уходили зависимые их крестьяне, которых администрация неохотно возвращала своим владельцам.

Хотя в целом экспедиция длилась в течение нескольких месяцев, однако основные военные действия царских войск ограничились одним сражением с восставшими горцами, происшедшем 24 апреля 1758 г. войска генерал-майора Фрауендорфа, овладев ущельем Хан-Кале, направились через р. Сунжу, вышли на Чеченскую равнину и подожгли деревню Новые Чечни. Жители деревни, в основном, женщины и дети, успели уйти в горы, угнав с собой скот. Мужское население,

видимо, осталось защищаться. Согласно сведениям, сообщенным генералом фон Фрауендорфом, потери со стороны горцев составили 120 человек.⁹⁰

Имеющиеся в распоряжении материалы не дают точных сведений о ходе военных действий между царскими войсками и восставшими. Из донесения гребенского атамана явствует, что при столкновении 24 апреля было убито лишь 2 солдата; 26 апреля из числа раненых умерло 6 человек и 7 июня 1758 г. от ран умерло еще 2 человека. Из Терского Семейного войска один солдат был ранен.⁹¹ Что касается гребенских казаков, то они, по замечанию С. Ф. Головчанского, старались, как правило, «скрыть свои потери от чеченцев».⁹² Из этих материалов можно судить, что большого сражения между восставшими и царскими войсками в 1758 г. на Сунже не произошло.

О последующих военных действиях этого похода войсковой атаман Червленского городка от 26 мая 1758 г. доносил Кизлярскому коменданту, что 25 числа сего месяца калмыцкие отряды владетелей Яндыкова и Ерембиева, а также остальные войска, разделившись на три части и перейдя р. Терек, «потоптали выше городка в урочище на верхней изголовье Мертвой протоки и Аксиньиной немалое число сеяного озимого хлеба» пшеницы, который уже не поправится, и потоптали сенные покосы, где и лагерем ныне остановились».

Астраханский губернатор генерал-майор Жилин сообщал 19 июня 1758 г. Фрауендорфу, что после учиненной расправы над жителями деревни Новые Чечни дома их и хлеба под-⁰⁴вергнуты сожжению.

Сохраняя наружную лояльность, отдельные чеченские владельцы и старшины Алдынской, Атагинской и других селений оказывали содействие царским властям во время данной экспедиции в Чечню. Поэтому вполне понятно, что в Коллегии Иностранных дел и Военной коллегии с пониманием отнеслись к Алдинским владельцам Альбеку и Алисултану Казбулатовым во время экспедиции в Чечню в 1758 г. «Его, генерал-майора Фрауендорфа, попечению предоставить надобно, - писали в Коллегии, - и сбережение жилищ чеченских владельцев (с. Аллы и Атаги - Ш.А.), ибо они по неперменной их верности всемерно то заслужили, чтоб при разорении протчих чеченцев оному подвержены не были».⁹⁵

В военной экспедиции против Чечни участвовали также гребенские казаки в количестве 200 человек. Об этом указывал в донесении Кизлярскому коменданту гребенской атаман Иван Иванович 8 июня 1758 г.⁹⁶ В целом, экспедиционные войска Фрауендорфа находились в боевых действиях против восставших горцев до конца мая 1758 года. Между горцами и царскими войсками не произошло более никаких столкновений. 2 июня 1758 г. войска вернулись обратно в Кизляр. В своем донесении на имя высочайшего государя в Петербург генерал Фрауендорф не без сожаления признавал, что восставшие горцы «в покорение не пришли».⁹⁷

Говоря о причинах неудачи движения горцев 1757-1758 гг. в Чечне, исследователь Я. З. Ахмадов указывает, что у восставших отсутствовала четкая программа действий, не было признанного и авторитетного руководителя движения, а также «достаточных сил», чтобы вести военные действия против российской регулярной армии. Кроме того, отрицательно сказалось на движении то, что «сословные верхи даже в период апогеи движения удерживали влиятельные позиции в политической жизни Чечни».⁹⁸

В 1760 году произошло также очередное выступление трудовых чеченцев против кабардинского владельца Девлет-Гирея Черкасского, приведшее к изгнанию его вместе с подвластными горцами на равнинные земли ближе к царским властям под их защиту. После Девлет-Гирея восставшими чеченцами были изгнаны и другие припшие иноплеменные владельцы. Владелец Хасбулат из с. Атаги был убит восставшими.⁹⁹ «Хотя затем остальные владельцы, кроме Девлет-Гирея, — сообщает дореволюционный исследователь, и были водворены русскими вновь на прежние места, однако, в 1783 г. возмущение (восстание чеченцев - Ш.А.) повторилось и владельцы на этот раз окончательно были изгнаны».¹⁰⁰

В семидесятые годы XVIII в. чеченцы не раз доказывали своим владельцам нежелание терпеть феодальный гнет. В 1770 году генерал-майор Де-Медем, назначенный в 1769 году Командующим войсками на Кавказской Линии и одновременно являвшийся инспектором, дважды ходил наказывать восставших чеченцев, которые «никак своего буйства не оставляли».¹⁰¹

О походе генерала Де-Медема против восставших в Чечню в 1770 году известный кавказовед П. Г. Бутков писал: «Сей первый поход чеченцев, в коем употребленная умеренность не могла их привести к раскаянию, но поощряла только к вящим преступлениям, и они от буйства своего не остались».¹⁰²

В 1773 г. восставшими чеченцами был убит князь Дев лет-гирей Черкасский, еще в 1760 г. бежавший в результате возмущения подвластных горцев на равнинные земли к р. Терек под защиту царских властей.

Спустя несколько лет в Чечню было направлено еще несколько военных экспедиций генерала Де-Медема, которыми также были разорены многие равнинные аулы. Поход генерала Де-Медема, - писал Ф. Серов, - помнила вся Чечня. Не успели застроиться разрушенные аулы, не затихла горечь утраты по жертвам, по боли, причиненных царскими войсками. Чечня находилась под страшным впечатлением погрома, страха и ужаса, который был причинен завоевателями!⁰⁴

В 1774 году чеченцы вновь восстали против своих феодалов, и генерал-поручик Якоби, назначенный в это время инспектором Кавказской линии, жестоко подавил восстание горцев. Ю5 То же самое повторилось и в 1783 году при Командующем войсками на Кавказе генерал-поручике П. С. Потемкине, когда он двинул войска для усмирения чеченцев, восставших против своих владельцев.¹⁰⁶ Так, для расправы над восставшими чеченцами и ингушами были посланы в 1783 г. различные военные отряды. Против сел. Атаги выступил полковник Кек, имея в своем распоряжении три батальона пехоты: 12 орудий, 2 эскадрона легионеров и 1150 линейных казаков. В Ингушетию был направлен майор Рик с батальоном пехоты, эскадроном драгун и сотней казаков. 3 марта полковник Кек со своим отрядом выступил против Атаги из станицы Наура. 4 марта он дошел до р. Сунжи, проделав расстояние в 50 верст. Перейдя через Сунжу Кек поставил у переправы две гренадерские роты, 100 егерей, 2 эскадрона драгун, 2 полка казаков и 2 пушки, которые были направлены сюда по личному указанию генерала П. С. Потемкина. В Ханкальском ущелье оставил Кек батальон с 3-мя пушками, а сам двинулся на Атаги. При подходе к селу отряд цар-

ских войск встретил сильное сопротивление восставших атагинцев и присоединившихся к ним алдинцев (с. Алды расположено от ст. Атаги в 20 верстах). До подхода царских войск жители близлежащих сел покинули свои места. Полковник Кек сжег и полностью разрушил с. Атаги, а затем стал преследовать восставших. Горцы, видя объятые пожаром свои села решили отрезать обратный путь Кеку. Устремившись к Ханкальскому ущелью, где оставлен был царский батальон, восставшие обрушились на него со всех сторон, рассчитывая тем самым прервать связь батальона с Кеком.¹⁰⁷ У Ханкальского ущелья произошло большое сражение между войсками Кека и восставшими, длившееся более 3-х часов. Горцы потерпели поражение и понесли при этом, как сообщают царские источники, большие потери: было много убитых и раненных и два человека взяты в плен.¹⁰⁸ Относительно потерь со стороны отряда полковника Кека царские источники ничего не сообщают.

В конце сентября 1783 г. генерал-поручик П. С. Потемкин снарядил в Чечню еще нескольких карательных экспедиций для «наказания» тех же восставших атагинцев, а также жителей близлежащих плоскостных сел, которые упорно не желали покориться царским властям и дать им аманатов (заложников). Так, генералу Самойлову И. В., находившемуся со своим отрядом в Малой Кабарде, приказано было выступить против восставших горцев с. Атаги через жилища карабулаков (чеченцев).¹⁰⁹ Сам же генерал-получик П. С. Потемкин в это время со своим вооруженным отрядом выступил из Наура к Ханкальскому ущелью. В задачу П. С. Потемкина входило: отвлекая наступательным маневром восставших местных жителей, дать возможность и время отряду Самойлова незамеченным проникнуть в селение Атаги и сжечь его.

3 октября генерал П. С. Потемкин перешел р. Сунжу и остановился у Ханкальского ущелья, ожидая подхода отряда Самойлова. Однако отряд Самойлова при приближении к горам был встречен отчаянным сопротивлением жителей с. Гехи. Вскоре Самойлов овладел с. Гехи и сжег его. 5 октября отряд генерала Самойлова подошел к с. Атаги. П. С. Потемкин в это время продолжал отвлекать восставших чеченцев в ущелье

Хан-Кала. Когда отряд Самойлова подошел к Атаги, генерал П. С. Потемкин решил атаковать горцев в самом ущелье Хан-Кала. 6 октября были введены в ущелье 2 батальона пехоты под командованием полковника Пиери. Сражение длилось 12 часов. Вскоре восставшие горцы отступили от ущелья. Отметим, что накануне сражения царскими войсками был вырублен в Хан-Кальском ущелье весь лес с тем, чтобы войска могли свободно передвигаться и вести боевые действия.¹¹⁰ После этого сражения генерал П. С. Потемкин посылает в ущелье для соединения с отрядом Самойлова еще 4 гренадерские роты и 300 казаков. Горцы, свободно пропустив вперед царские войска, внезапно напали с гор на отряд П. С. Потемкина, но были отбиты. Восставшие горцы всячески старались воспрепятствовать соединению отряда П. С. Потемкина с Самойловым, но попытки были безуспешны. Самойлов полностью сжег селение Атаги (еще раньше в марте 1783 г. ее сжег полковник Кек) и, отбиваясь от наседавших горцев, пошел к Хан-Кале для соединения с П. С. Потемкиным. Согласно официальным источникам, восставшие понесли ощутимые потери, было много убитых. Со стороны царских войск было убито 18 и ранено 49 солдат.¹¹¹

Военные действия царских генералов против восставших принимают еще более зловеший характер после начала широкого антифеодального и антиколониального движения горцев Чечни и Северного Кавказа под предводительством шейха Мансура в 1785-1791 гг.¹¹²

О действиях одного из многочисленных военных отрядов в Чечне против восставших свидетельствуют выдержки из донесений генерал-поручика П. С. Потемкина на имя князя Г. А. Потемкина от 29 января 1787 г., которые сообщают о жестоком обращении царских офицеров с восставшими горцами правобережной части Терека, в частности, с качкалыковскими чеченцами: «Жители, оставя свои дома, - говорится в донесении - выбрались с женами, детьми и имуществом в леса и за ними лежащие ущелья, и для того не почел я полезным разорить пустые дома, а хотел притеснить их самой стужей и отнятием у них снедения» (припасов - Ш.А.). На следующий день, 17 января 1787 г., войсками под командованием

полковника Савельева было отбито у тех же качкалыковских чеченцев около двух тысяч баранов. Жители же увидя отнимаемый у них скот и сено, выскочили из лесов и стали сопротивляться. В происшедшем между войсками и качкалыковцами кровополитии было убито до двадцати качкалыковцев, в числе которых был и их предводитель Ибба - мулла.¹¹³ 19 января 1787 года полковник Ребиндер с гренадерским батальоном, имея в команде подполковников Кривцова и Рика, совершил новый военный поход против восставших качкалыковских, кумыкских, аксаевских, андреевских, черкеевских народов, живших также на правой стороне реки Терека. В этом сражении было убито около 80 человек и взято в плен 4 человека горца, захвачено в качестве добычи 800 баранов и 30 голов крупного рогатого скота, которые тут же были розданы войскам и т. д.¹¹⁴

Таким образом, мы сделали попытку рассмотреть выступления крестьянских масс на территории Чечни и Ингушетии до начала широкого антифеодального и антиколониального выступления горцев Северного Кавказа под предводительством Ушурмы (шейха Мансура) в 1785-1792 гг.) При этом нас в равной мере интересовала и антифеодальная и антиколониальная направленность этих выступлений. Имеющиеся в нашем распоряжении источники, к сожалению, не позволяют достаточно глубоко изучить отдельные стороны антифеодальных выступлений горцев.

Несмотря на то, что восставшие на определенном этапе движения одерживали временный успех, в конечном счете их действия были обречены на поражение. Так случилось на протяжении всех классовых столкновений в XVIII веке. «Единственная слабость Чечни в тот период, - указывает Ф. Серов, - состояла в неорганизованности, отсутствии скрепляющего, побуждающего начала».¹¹⁵

В выступлениях горцев XVIII в не прослеживаются религиозные лозунги, хотя многие горские народы были уже мусульманизированы, а сам предводитель горцев 1708 г. Мурат Кучуков, как о том повествует документ, назывался даже мусульманским святым.

Отдельные вооруженные выступления крестьян-горцев не

превращались во всеобщее антифеодальное восстание. Это объясняется, по-видимому, тем, что феодальному гнету были подвержены не все вайнахские общества, а часть их. Некоторые общества сохраняли свою былую вольность и не испытывали феодального гнета, хотя имущественная и социальная дифференциация задела и их.¹¹⁶

При изучении причин поражения восстаний, необходимо считаться всегда с тем, что восставшим горцам противостояла одна из самых могущественных в то время держава. Материальные, технические и людские ресурсы России нельзя даже сравнить с горскими. Самодержавие располагало мощным государственным аппаратом, громадными людскими ресурсами, военачальниками, имевшими за плечами большой опыт ведения войн и подавления народных восстаний. С чисто военной точки зрения слабо вооруженным горским партизанам и ополченцам противостояли хорошо вооруженные регулярные войска с артиллерией.

В XVIII веке Чечня и Ингушетия (горная и равнинная) были политически раздроблены и не представляли (да и не* могли в то время представлять) единого целого, а были конгломератом, слабо связанных между собой мелких феодализирующихся обществ, находившихся между собою во враждебных отношениях. Отсутствие политического единства в Чечне и Ингушетии не только мешало сплочению горцев и координации их усилий во время восстаний, но давало возможность царским властям, используя в своих интересах вражду и родовую рознь различных племенных вайнахских обществ, направлять отдельных владельцев и старшин с их подвластными против восставших. В XVIII веке восставшие горцы в силу определенных условий развития не могли еще выдвинуть четкой политической программы; их требования не были достаточно ясными для всех горцев.

Несмотря на все это, выступления горцев имели большое значение, В результате борьбы горцев был нанесен удар местным горским феодалам; быстрее пошла консолидация вайнахских обществ; укрепились традиции военной дружбы народов Северного Кавказа. В результате опыта, накопленного горцами в совместной борьбе в Чечне и Ингушетии, заметно

возросло их активное стремление к сближению с народами Северного Кавказа и Россией. Это способствовало более интенсивному развитию производительных сил и прогрессу всего социально-экономического уклада жизни горцев.

Использованная литература и источники:

1. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии, М. 1923 г., Шерипов З. Д. Шейх Мансур (Краткий историко-биографический очерк), Сбор. ст. «О тех, кого называли обреками, Грозный, 1927; Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, М-Л., 1939; Магомедов Р. М. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля, Махачкала, 1939; Абазатов М. А. Мансур-Ушурма. (Из прошлого Чечено-Ингушетии), Газета «Грозненский рабочий», № 111, Грозный, 1939; Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Избранное. Орджоникидзе, 1972; Он же. Социальный характер движения имама Мансура - Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Тахо Гадиева, т. IX, Юбилейный сборник, Орджоникидзе, 1932; Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX вв., М., 1958; Гриценко Н. П., Хасбулатов А. И. Классы и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в XI-XIX вв. Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI-нач. XX в.), Грозный, 1979; Тавакалян Н. А. О классах и классовой борьбе во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI - нач. XX в.), Грозный, 1979; Ахмадов Я. З. О характере движения в Чечне в 1757 - 1758 гг., Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (XI - нач. XX в.), Грозный, 1979 и др.
- 1а. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, Грозный, 1967, с. 97.
2. Чекменев С. А., К истории дружественных взаимоотношений между русскими и северокавказскими народами в конце XVIII - первой половине XIX вв. Из истории Карачаево-Черкесии - Труды Карачаево-Черкесского НИИ, вып. 6, Серия историческая, Ставрополь, 1970, с. 227.
3. История Дагестана, т. 1, М., 1967, ее. 337-338.
4. История Дагестана, т. 1, М., 1967, с. 338.
5. Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966, с. 3.
6. Бозвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией, Тбилиси, 1974, с. 38.
7. Там же, ее. 39-40.
8. Там же, с. 40.
9. Бозвадзе Т. Д. Ук. соч., с. 40.
10. Смирнов Н. А. Лолитика России на Кавказе в XVI-XIX вв. М., 1958, ее. 135-136.
11. Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI - нач. XX в.), Известия ЧИНИИЯЛ, т. 3, вып. 1, Грозный, 1963, ее. 29-30.
12. Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей. - Совесткая этнография, № 1, М., 1961, с. 41.
13. Саламов А. А. Ук. соч., с. 26.
14. В письме к царским властям брагунские владельцы называют себя «буркангским» народом.
15. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 408, л. 159 - 159 об.
16. Там же, д. 243, л. 5.
17. Кавказский сборник, т. 10, Тифлис, 1899, с. 413.
18. ЦГА Дат. АССР, ф. 379 «Кизлярский комендант», ч. 1, ед. ХР 3605, д. 655, л. 31.
19. АВПР, Кабардинские дела, оп. 115/11, д. 9, лл. 14 об, 15.
20. Тавакалян Н. А. О классах и классовой борьбе во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период (X1-нач. XX), Грозный, 1979, с. 87.
21. История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1. М., 1967, с. 150.
22. ЦГВИА. ф. 52, оп. 1/194, д. 408, л. 169, 162 об.
23. Там же.
24. Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. Известия ЧИНИИЯЛ, т. 9, ч. 3, вып. 1, Грозный, 1974, с. 71.
25. История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, М., 1967, с. 150.
26. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 243, л. 8.
27. Там же, д. 481, № 2, л. 82.
28. Там же, д. 481, № 2, лл. 82, об.
29. ЦГА ДаССР, ф. 379, «Кизлярский комендант», оп. 1, ед. хр. 4078, д. 543, л. 89.

30. ЦГА ДаАССР, ф. 379 «Кизлярский комендант», д. 3318, ед. хр. 524, л. 195 об.
31. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века, М., 1975, с. 351-352.
32. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, (Башкирское восстание в XVII и первой половине (XVIII) века), М-А, 1936, с. 242.
33. Потто В. А. Два века терского казачества (1577-1801), т. 1, Владикавказ, 1912, с. 105.
34. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М-А, 1936, с. 232.
35. Там же, с. 242.
- 35а. Васильев Д. Загадка старого Кизляра. Вопросы истории Дагестана, ч. 1, Махачкала, 1974, с. 52.
36. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М-А, 1936, с. 242.
37. Там же.
38. Там же, с. 243.
39. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М-А, 1936, с. 243.
40. Там же, 243.
41. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М-А, 1936, с. 232.
42. Там же, с. 232.
43. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М-Л, 1936, с. 232.
44. Там же.
45. Потто В. А. Два века терского казачества, т. 1, Владикавказ, **1912**, с. 104.
46. Материалы по истории Башкирской АССР, ч. 1, М-Л, 1936, с. 232.
47. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., ч. 1, СПб., 1869, с. 21.
48. Лысцов В. П. Персидский поход Петра I (1722-1723), М., 1951, с. 120.
49. Надо думать, что царские источники здесь в несколько раз завышают действительное число восставших горцев.
50. Бутков П. Г. Указ. соч. ч. 1, с. 22.
51. Потери со стороны царских войск приводятся в источниках явно заниженные, что, естественно не соответствует действительности.
52. Бутков П. Г. Указ соч, ч. 1, с. 22.
53. Бутков П. Г. Указ соч, ч. 1, ее. 22-23.
54. Там же, с. 23.
55. Жителями Качкалыка являлись чеченцы.
56. Ткачев Г. А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев, «Записки Терского общества любителей казачьей старины, Владикавказ, № 9, 1914, с. 73.
57. Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726-1880 гг.), т. 1, СПб., 1881, ее. 27-28; Потто В. Кавказская война в отдельных эпизодах, очерках, легендах и биографиях, т. 1, СПб., 1885, с. 45.
58. АВПР, ф. «Кабардинские дела» 1758, оп. 115/1, д. 11, л. 230.
59. Зиссерман А. Указ соч., т. 1, СПб, 1881, с. 28.
60. АВПР, ф. 110, «Сношения России с Грузией», оп. 110/1, д. 5, л. 3.
61. Бутков П. Г. Указ соч., ч. 1, с. 259.
62. Там же, ч. 2, с. 109.
63. Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII - первой половины XIX в, Грозный, 1961, с. 104-105.
64. Мамакаев М. А. Чеченский таил (род) и процесс его разложения, Грозный, 1971, ее. 34-35.
65. Готоев Ф. В. Общественно-экономический строй Чечни (вторая половина XVIII - 40-е годы XIX в.) М., 1966. Рукопись канд. диссертации, с. 341.
66. Ахмадов Я. З. О характере движения в Чечне в 1757-1758 гг., Ук. соч. с. 100.
67. АВПР, ф. «Кабардинские дела», 1764-1767, оп. 115/1, д. 5, лл. 28-29.
68. Там же, д. 9, л. 2.
69. Там же, д. 9, л. 1 об.
70. Архив ЧИИИСФ, ф. 1, д. 4 (1); ЦГВИА, лл. 2 об-3.
71. Там же, лл. 4-4 об.
72. Там же, лл. 4 об-5. Когда документы говорят о нападении горцев «под гребенские городки», надо полагать о беспокойстве ими не жителей гребенских станиц, а царских властей, размещавшихся в редутах (укреплениях, крепостях, городках) вблизи казачьих станиц.
73. ЧИИИСФ, ф. 1, д. 4 (1); ЦГВИА, лл. 5-5 об.
74. Там же, лл. 45-45 об.
75. Там же, л. 44 об.
76. Там же, л. 45-45 об.
77. Там же, л. 46.
78. Там же.
79. АВПР, ф. 110 «Сношения России с Грузией», оп. 110/1, д. 5, л. 1.
80. Ахмадов Я. З. О характере движения в Чечне в 1757-1758 гг., Ук. соч. с. 97.

81. Головчанский С. Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г. (По документам Кизлярского комендантского архива), Записки Терского общества любителей казачьей старины», № 11, Владикавказ, 1914, с. 79.
82. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 243, л. 1.
83. Головчанский С. Ф. Ук. соч., с. 79.
84. Там же.
85. Там же.
86. Там же, с. 91.
87. АВПР, ф. 110, «Сношения России с Грузией», оп. 110/1, д. 5, л. 3.
88. Ахмадов Я. З. О характере движения в Чечне в 1757-1758 гг., Ук. соч. с. 98.
89. Ахмадов Я. З. Ук. соч., с. 98.
90. Головчанский С. Ф. Ук. соч., с. 95.
91. Там же.
92. Там же, с. 98.
93. Там же, с. 88.
94. Там же, с. 95.
95. Там же, с. 92.
96. Головчанский С. Ф. Ук. соч., с. 98.
97. Ахмадов Я. З. О характере движения в Чечне в 1757-1758 гг., Ук. соч., с. 98.
98. Ахмадов Я. З. Ук. соч., с. 100.
99. Ахмадов Я. В. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в. Ук. соч., с. 72.
100. Ткачев Г. А. Ук. соч., с. 75, Бутков П. Г. Ук. соч. т. 1, СПб, 1869, с. 112.
101. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 243, л. 1 об; См. Сборник общества любителей казачьей старины, Владикавказ, № 6, 1912, с. 13.
102. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2, СПб, 1869, с. 301.
103. Тавакалян Н. А. Ук. соч., с. 89.
104. Серов Ф. Наездник Бей-Булат Таиманов. Сборник «О тех, кого называли абреками», Грозный, 1927, с. 127.
105. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, Грозный, 1967, с. 64.
106. Сборник общества любителей казачьей старины, № 6, Владикавказ, 1912, с. 13.
107. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2, СПб, 1869, с. 110.

108. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2, СПб, 1869, с. 111.
109. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2, СПб, 1869, с. 112-113.
110. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2, СПб, 1869, с. 113-114.
111. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2, СПб, 1869, с. 113-114.
112. По указанной проблеме автором данной работы издано специальное монографическое исследование на тему: «Имам Мансур», Грозный, 1991.
113. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, 45 об.
114. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 1, л. 46.
115. Серов Ф. Наездник Бей-Булат Таиманов, Ук. соч., с. 127.
116. Тавакалян Н. А. Ук. соч., с. 89.

ГЛАВА 4. НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА
В ЧЕЧНЕ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ИМАМА МАНСУРА
В 1785 - 1791 гг.

Освещение народно-освободительной борьбы горцев Чечни и Северного Кавказа в конце XVIII века под предводительством Ушурмы (Майсура)¹, чеченца из с. Алды, в дореволюционной историографии страдает явной тенденциозностью. Движение горцев, в котором принимали участие народы Дагестана, Чечни, Ингушетии, Кабарды, Черкесии и Адыгеи, искажается, его предводитель - шейх Мансур во многих источниках и литературе изображается как «авантюрист», «лжепророк», «турецкий шпион», «религиозный фанатик» и т. д. В ряде публикаций намеренно не указывается подлинная национальность Мансура, называя его то башкиром, то киргизом, то итальянцем.

Дворянская и буржуазная историография относит движение горцев во главе с Мансуром к бунту, религиозному всплеску «диких, необузданных горцев», а самого народного вождя зачисляет в категорию разбойников. Царский официальный, историограф XIX века Р. А. Фадеев свел борьбу горцев за независимость к разбойным нападениям на русских, осуществляемым под религиозными знаменами. «Газават» был для них (*горцев - Ш. А.*) не только предлогом отстаивать вольность, но и проводить набеги¹⁸ - пишет Р. А. Фадеев. Идея «набегов» горцев сказалась весьма живучей и она послужила теоретической базой не только для царских историков, но и для отдельных исследователей советского периода. Такого рода идеологически упрощенные оценки освободительной борьбы горцев Северного Кавказа заняли заметное место во многих исследованиях. Царский офицер А. Л. Зиссерман пишет, что

«распространению мюридизма на Кавказе способствовал религиозный фанатизм в соединении с хищническими наклонностями горцев»².

В борьбе за свою свободу и независимость горцы нуждались в объединительной идеологии и соответствующих лозунгах. В качестве таковой и стала идеология мюридизма, основанная на идее «газавата». К подобной форме горцы обращались исключительно лишь в оборонительных целях, используя ее в качестве идеологического средства в антиколониальной борьбе. Не «религиозный фанатизм», не «хищничество» (терминология колониальной идеологии) явились причиной зарождения мюридизма в Чечне, а карательные экспедиции царизма против горцев, стремившихся к единению на основе ислама перед лицом внешней опасности.

Ложные, искаженные оценки, данные дворянской историографией личности шейха Мансура и его движению, не остались без внимания. Яркое свидетельство тому - серия публикаций, появившихся в начале 50-х годов XX века в центральных изданиях. К ним относятся статьи небезызвестного М. Багирова³, а также историков Н. А. Смирнова⁴ и А. В. Фадеева⁵, извращенно преподносившие причины, характер и движущие силы народно-освободительных движений горцев XVIII-XIX веков. В их публикациях движение горцев преподносится как инспирированное Турцией, враждебно относившейся к России. При этом авторы не утруждали себя анализом имперской политики царизма на Кавказе и ее трагических последствий для народов Северного Кавказа. Н. А. Смирнов о движении Мансура писал: «Его выступление было типичным реакционным восстанием, направляемым иностранной рукой»⁶. По сути, колонизаторская политика России преподносится чуть ли не благом, социально-культурным прогрессом для народов Кавказа, а их борьба за свободу - действиями варваров, лишенных «цивилизованных» представлений о независимости и свободе.

В середине 70-х годов автор этих строк на основе новых архивных документов предпринял первую попытку дать объективный анализ народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа в конце XVIII века⁷. Исследования эти по-

зволюли категорически опровергнуть утверждения о направленности действий Мансура руками Порты и «шпионской деятельности» его в пользу последней.

В начале 80-х годов XX века в исторической науке начался процесс реанимации оценок дворянско-буржуазной и сталинской историографии. Результатом чего и явилась концепция «добровольного вхождения» чеченцев и ингушей в состав России, основным разработчиком которой явился В. Б. Виноградов. Идеологическое закрепление этой концепции в исторической науке способствовало возрождению методологии 50-х годов. Так, Н.С. Киняпина, М. М. Блиев, В. В. Дегоев движение Мансура характеризуют как антирусское, организованное Турцией, помогавшей восставшим всеми средствами^{7а}. Ссылаясь на статью Н. А. Смирнова, написанную им в пору господства «сталинско-багировской» концепции национально-освободительных движений, указанные авторы пишут: «Потерпев ряд неудач в стычках с войсками России, он (Мансур - Ш. А.) принялся за активную пропаганду протурецкой ориентации среди мусульманского населения Северного Кавказа»⁸. При этом неизвестно, какими источниками руководствовались авторы. Архивные документы указывают на то, что Мансур приписываемого ему рвения в поддержку турецкой политики на Кавказе не проявлял. Об этом говорят протоколы допроса Мансура в Шлиссельбургской крепости в 1791 году.

В конце 80-х годов XX века тезис об ориентации Мансура на Турцию подхватывает В. Виноградов, утверждая, что «Мансур превратился в проводника османской политики на Северном Кавказе»⁹. В солидном академическом труде по истории Северного Кавказа, вышедшем в конце 80-х годов XX века под редакцией академика А. Л. Нарочницкого, также утверждается, что в основном Ушурма опирался на помощь Османской империи»¹⁰.

Идея об антирусской направленности освободительной борьбы горцев пришла по душе стороннику В. Б. Виноградова - Б. М. Хашегульгову, отождествившему движение Мансура с антирусским газаватом.

Однако, в чем именно проявлялась протурецкая ориента-

ция шейха Мансура и какую конкретную помощь ему оказывала Турция, ни один из вышеназванных авторов сколько-нибудь убедительно доказать не может. Хотя Мансур и ополчение горцев на войне с весьма сильным противником нуждались в военной и материальной помощи иностранных держав, но поддержки со стороны Турции не получали и были далеки от мысли навязать своему народу турецкое иго. В попытке представить движение шейха Мансура как религиозную войну против христиан и русского народа усматривается идеологическая спекуляция и научная недобросовестность.

Известному кавказоведу Р. М. Магомедову, много лет добивавшемуся научной реабилитации Шамиля и движения горцев под его руководством, в освещении личности Мансура не хватило последовательности и принципиальности. Только находясь в плену старых идеологических схем, можно писать, что «под именем шейха Мансура выступал турецкий эмиссар, который развернул мюридское движение в интересах захватнической политики Турции... с целью борьбы против России.» Такая оценка деятельности шейха Мансура и возглавленного им движения из уст такого известного кавказоведа и ученого как Р. М. Магомедов вызывает недоумение и досаду.

Еще дальше идет М. М. Блиев, утверждая: «В свете этой воинствующей идеологии (мюридизма — Ш. А.), нацеленной на утверждение новых социально-экономических отношений в Чечне, следует рассматривать известное движение во главе с шейхом Мансуром, придавшим новый импульс набеговой системе»¹². М. М. Блиев и ранее выдвигал идею набегов, называя ее горским «экспансионизмом». «Любопытно, что вначале «потребителями» мюридских формул Магомеда Ярагинского оказалось не население горного Дагестана, - пишет он, - для которого они предназначались прежде всего, а чеченцы, практиковавшие значительно раньше, чем горцы из «вольных» обществ Дагестана, набеги на север, в том числе на русские города»¹³. Утверждения М. М. Блиева означают, что мюридизм способствовал утверждению феодальных социально-экономических отношений в Чечне. Но призыв М. М. Блиева рассматривать движение шейха Мансура под углом зрения воинству-

ющей идеологии - не более, чем идеологический выверт. Следует признать бесосновательной и тенденциозной и такую его мысль: «Мансур призывал к газавату - «священной войне» для истребления неверных (христиан)»¹⁴. Мансур, будучи хорошо знаком с Кораном, понимал, что не в иноверцах (христианах) дело. Кроме того, нет ни одного серьезного факта, позволяющего согласиться с суждениями автора. Документы свидетельствуют о другом. На допросе Тайного Советника Шешковского шейх Мансур заявил, что «советовал каждому не делать зла друг другу как своим единоверцам, так равно и иноверцам, как тоже россиянам яко сильному и великому народу»¹⁵.

Судя по всем имеющимся в нашем распоряжении материалам, шейх Мансур - убежденный сторонник справедливости, добра, нравственного совершенства, и он не мог позволить себе действия, противоречащие собственным религиозным и нравственным представлениям. В своих проповедях он призывал чеченцев отказаться от вражды, насилия, кровопролития, употребления спиртного, словом, от всего греховного. Для подкрепления своих религиозно-нравственных воззрений он обращался к Корану и в качестве примера часто приводил добродетельные поступки пророка Мухаммеда. Ведя аскетический образ жизни, он ограничивал себя во всем. Его призывы жить по совести и правде для того жестокого времени казались удивительными и странными. Люди шли к нему, чтобы слышать его речь, приобщиться к проповедуемой им духовной чистоте. Убежденность его слов доходила до человеческих сердец и все, кто однажды слышал его наставления, каялся в грехах и становился его последователями. Бескорыстие его было общепризнанным. Когда благодарные горцы приносили ему подарки, он тут же все раздавал бедным, сиротам, нуждающимся. В суровых сердцах он будил высокую нравственность, братские чувства. По признанию самого Мансура, «пророком» он был назван невежественными людьми, хотя сам он, зная каноны ислама, таковым себя не считал.

Влияние шейха Мансура на народ было настолько сильное, что, следуя его просьбам, люди прощали друг другу взаимные обиды, оскорбления, многие кровники мирились. Посвятив себя религии, утверждению ислама, нравственному

самосовершенствованию, Мансур вел уединенный образ жизни, показываясь лишь изредка на людях. Все это создавало вокруг него ореол таинственности, мифичности.

Особый мифический смысл в глазах суеверных горцев приобретали факты укутывания лица, облачения в разноцветные одежды суфиев, в которых он являлся к людям, частого доведения Мансуром себя через обряд «халват» до самоистязания. Высокий рост, благородные черты лица, ораторский дар, строгий аскетизм, сострадание к людям, искреннее желание и любовь.

Как известно, в XVIII веке в отдельных чеченских районах через союз обществ происходил процесс их слияния. Чеченские общества находились под влиянием и феодализирующейся знати. С древнейших времен во главе чеченского общества стояла верховная организация, так называемый «Мехк-кхел» (Совет страны). Его представляли местные старейшины, муллы и богатые люди. В зависимости от внутренней и внешней обстановки в обществе, власть Совета страны то ослабевала, то, наоборот, усиливалась¹⁶. «Мехк-кхел» являлся верховным законодательным органом Чечни. В случае невыполнения требований «Мехк-кхела» виновных граждан сурово наказывали - вплоть до разрушения и сожжения их селений.

Внутренние производственные отношения чеченских обществ характеризовались тем, что одновременно существовали две формы земельной собственности: частная (индивидуальная) и общественная. Первая форма земельной собственности представляла собой новые отношения. Вторая же форма - остатки общинных отношений чеченцев в земледелии - почти не имела значения в экономике горцев. Общинные земли представляли собой неудобные для обработки участки на крутых склонах гор.

В целом Чечня в XVIII веке развивалась по тем же социально-экономическим законам, что и соседние народы. В описываемый период чеченцы были объединены в тайповые общества, представлявшие собой территориально-политические организации. Видное место в них играла сельская община. Малая семья выступала в качестве самостоятельной хозяйственной ячейки, что содействовало процессу становления у чеченцев классового общества.

В 70-80-х годах XVIII века начался закономерный процесс: из равнинной части Чечни в результате антифеодальных выступлений горцев были вынуждены уйти последние остатки пришлых князей и феодалов, а некоторые из них были вовсе истреблены.

По мере того как внутри чеченского общества складывались феодальные отношения, получили развитие и товарно-денежные отношения. У чеченской знати возрос интерес к личному обогащению, наживе и к деньгам. Все это приводит, естественно, к усилению эксплуатации зависимого населения, а в конечном счете - к обострению классово-борьбы и к массовым выступлениям чеченских крестьян против своих богатей и старшин.

В результате более или менее успешной социальной борьбы, вызванной известными экономическими причинами, между угнетенными и угнетателями и имевшей место во второй половине XVIII века в отдельных вайнахских обществах, феодальные элементы были ослаблены, но не уничтожены совсем.

В то же время во многих чеченских обществах крестьяне подвергались тяжелому гнету со стороны местных феодалов. Не говоря о чеченских владельцах и князьях, даже многие старшины приобретали фактические права феодалов и жестоко эксплуатировали подвластных горцев.

Феодальные отношения, переплетаясь с родовыми пережитками, становились тормозом на пути все более укрепляющихся экономических связей между равнинным и горным населением, между тяготевшими к тесным взаимосвязям вайнахскими обществами и племенами. Феодализм препятствовал развитию торговли, сельского хозяйства, стоял на пути процесса складывания из отдельных вайнахских обществ единого чеченского и ингушского народов. Все это и обусловило силу и размах антифеодальной борьбы в Чечне в XVIII веке.

В середине XVIII века произошло несколько крупных антифеодальных восстаний горцев, в результате которых значительная часть феодалов была истреблена. Так, в 1758 - 1760 гг. произошло выступление чеченских крестьян против Герменчукского владельца Девлет-Гирея, приведшее к переселе-

нию его на равнинные земли, ближе к царским властям, под их защиту. После Девлет-Гирея восставшими чеченцами были изгнаны и другие пришлые владельцы. Владелец Казбулат (Хасбулат) из с. Атаги был убит восставшими. «Хотя затем остальные владельцы, кроме Девлет-Гирея, - писал Г. А. Ткачев, - и были водворены русскими вновь на прежние места, однако в 1783 г. возмущение (чеченцев - Ш. А.) повторилось, и владельцы на этот раз окончательно были изгнаны»¹⁷.

Очевидно сама слабость феодальной прослойки в Чечне и обусловила их вытеснение под ударами антифеодальной борьбы 70 - 80-х годов XVIII в.

Начало XVIII в. на Кавказе было ознаменовано нарастанием политической и военной активности российской империи. Политика царизма активизируется в этом районе под знаком обострения отношений между царской Россией, султанской Турцией и шахским Ираном из-за владычества на Кавказе. Сюда же были устремлены алчные взоры западноевропейских держав, в основном английских колонизаторов.

Активизация политики царизма на Кавказе имела определенные социально-экономические и военно-стратегические предпосылки. В социально-политическом отношении царизм старался остроту национально-классовых и политических противоречий в центре России сгладить за счет активного захвата земель на Кавказе. С этой целью он, с одной стороны, переселял из центра России неблагонадежных крестьян, а с другой, наделял крупными земельными наделами своих генералов, местных феодалов и старшин, являвшихся надежной массово-политической опорой царизма.

Начиная со второй половины XVIII в. царизм предпринимает серьезные шаги для укрепления своих позиций на Северном Кавказе. С этого времени он ведет систематическую борьбу за покорение северокавказских народов. Начало было положено военной колонизацией, заключавшейся в насильственном переселении волжских и донских казаков на рр. Кубань, Терек и далее к Кавказским горам. При этом экспроприировались лучшие равнинные земли у местного населения. На этих горских землях русское командование строило казачьи станицы и поселения, а в предгорьях сооружало воен-

ные форпосты - укрепления. Так, в предгорьях Кавказа царской администрацией сооружена была крепость Екатеринодар, от которой шло дальнейшее завоевание Кубанского края. Ближе к горам были построены крепости Кизляр (1735 г.) и Моздок (1763 г.). С основанием крепости Моздок русское командование приступило в этом крае к созданию оборонительной линии, называемой Кавказской, то есть стали закладываться новые крепости: Екатериноградская (на р. Малке), Павловская (на р. Куре), Марьинская (на р. Золке), Георгиевская (на р. Подкумке) и Александровская (на р. Томузловке). Кавказская линия должна была выполнять функции дальнейшего продвижения царизма вглубь Кавказских гор, штыком и кровью беззащитных кавказских горцев прокладывая путь своей колонизаторской, экспансионистской политике, расширяя тем самым южные границы России¹⁸.

Колонизаторская политика Российской империи в крае приводила к вытеснению местных народов с равнинных земель вглубь гор. Известно, что колонизация земель на Северном Кавказе проходила в основном двумя путями: прикрыто - «мирным» путем и открыто - военным. И «мирная» и военная колонизация были между собой связаны и развивались параллельно, дополняя друг друга. Это были излюбленные колонизаторские методы царизма. В зависимости от складывавшихся конкретно-исторических условий в данном районе, преобладал то один, то другой путь. Однако в обоих случаях формы и методы действия были военно-феодальными, колонизаторскими, и местные народы, безусловно, попадали при этом под самодержавную власть русского царизма, испытывая на себе его деспотический колониально-национальный режим»¹⁹.

Вторая половина XVIII в. стала новым этапом в русско-чеченских отношениях. С этого момента, с одной стороны, усиливается русская ориентация чеченцев, заинтересованных в расширении торговли, а с другой, активизируется политика царизма на пути насильственного присоединения горских земель²⁰. С момента активного заселения гребенскими казаками левого берега Терека, плодородные земли которого до этого обрабатывались чеченцами, начинается борьба местного населения с русскими властями.

Вытеснение чеченцев шло именно с плодородных берегов Терека, дававших горцу обильный урожай. Порою открытой силой изымая из владения чеченских обществ самые удобные для земледелия плодородные земли и лучшие плоскостные угодья и закрепляя их за казачеством, царизм тем самым теснил жителей Чечни вглубь бесплодных горных хребтов.

По условиям внутренней и внешней торговли Чечни трудно убедиться в том, что из всех северокавказских народов чеченцы, пожалуй, больше других страдали от различных запретов царской администрации на торговлю с русскими и соседними кавказскими народами в Кизляре, Моздоке и т. д. Если во второй половине XVIII в. правительством были отменены всякие пошлины с жителей Кабарды и Кумыкии при покупке ими товаров и продаже своих изделий и скота в Кизляре²¹, то такая привилегия не распространялась на чеченцев. В одном из многочисленных прошений, поданном на имя царских властей, чеченцы просили разрешить им «невозбранно проезжать для торгу в Кизляр, Моздок и прочие российские места и никаких обид не чинить»²².

Открываемые царизмом на Кавказской линии специальные меновые дворы для регулирования торговли с горцами так же использовались для проведения колониальной политики царизма.

Торговля охватывала такие отрасли хозяйства чеченцев, как земледелие, животноводство, садоводство, пчеловодство, продукты которых становились предметом внутренней и внешней торговли. Тем не менее торговые связи Чечни с Россией в конце XVIII в. не получили должного развития, так как экономические мероприятия царских властей, таможенные пошлины, меновые дворы и всякие другие запреты сдерживали это развитие, что, в свою очередь, вызывало недовольство народа (особенно, когда речь шла об ограничении торговли и обмена солью и другими необходимыми товарами). Это, безусловно, отрицательно влияло на развитие взаимовыгодной торговли, обостряя напряженность отношений между чеченскими обществами и царскими властями.

На противодействие чеченцев власти отвечали карательными экспедициями в чеченские селения, сжигали и разру-

шали целые аулы, уничтожали посеы, а также запасы хлеба, истребляли сады и т. д.

Таким образом, колониальные мероприятия царизма и обострение внутренних классовых противоречий в горских обществах в конце XVIII в. обусловили глубокий социальный протест, который вылился в антифеодальное и антиколониальное движение горцев Чечни и Северного Кавказа под руководством Мансура в 1785 - 1791 гг.

В марте 1785 г. на территории Чечни вспыхивает первое в истории Северного Кавказа мощное народное движение. За короткое время оно охватило почти все соседние районы: Кумыкию, Дагестан, Кабарду, Черкесию, Адыгею и т. д. Во главе его стал выходец из бедной крестьянской семьи, чеченец из селения Алды по имени Ушурма.

В документальных источниках и литературе, а также среди народных масс Кавказа руководитель народного движения в 1785 - 1791 гг. Ушурма известен как шейх Мансур²³. Биографические сведения об Ушурме довольно скудны и противоречивы. Так, например, по данным турецких архивных документов, приводимых известным зарубежным исследователем Александром Беннигсенем и опубликованным в 1964 году²⁴, Ушурме в момент начала его публичных выступлений было 15-16 лет. Известно, что деятельность его началась весной 1785 г. Следовательно, по турецким источникам, датой его рождения должны являться 1769 или 1770 годы. Однако сам Беннигсен считает более достоверными сведения, «подтверждающиеся русскими источниками», в которых говорится, что в момент выступления Ушурме было 26 лет²⁵. Поэтому, на наш взгляд, более близок к истине советский историк-кавказовед, профессор Б. В. Скитский, который писал, что Ушурма родился в 1760 году²⁶. Кстати, и сам Ушурма после того, как движение было подавлено, а сам он пленен, в показаниях обер-секретарю «Тайной экспедиции» тайному советнику Шешковскому сообщил, что ему более тридцати лет²⁷. К тому же есть все основания полагать, что если в момент пленения Ушурме было более тридцати лет, то родился он приблизительно в 1760 году. Кстати, этой даты придерживается, ссылаясь на академика П. Г. Буткова, и дореволюционный исследователь

А. Терещенко²⁸. В отличие от года, рождения, сведения о месте рождения и социальном происхождении Ушурмы довольно однозначны. Родился он в чеченском ауле Алды в бедной крестьянской семье и происходил из тайпа «элистанжой». По свидетельству академика Н. Ф. Дубровина, «действительно его имя было Учерман, переделанное сначала в Ушурму, а потом в Мансура. Впоследствии и сам Ушурма называл себя этим именем»²⁹. Конечно, слово «нами» в цитате Дубровина не нужно воспринимать буквально, ибо вовсе не русские давали и меняли имя будущего первого имама Северного Кавказа. А Терещенко считал, что лишь в Ушурму переименовали русские Учермана, который впоследствии сам присвоил себе имя Масур³⁰. Как бы то ни было, но именем Учерман будущего имама Мансура называл и русский агент татарин Али-Солтан, посланный в с. Алды в марте 1785 г.³¹ Отца Ушурмы звали Япили. Имелись у него братья Таити и Тычай, которые были еще живы в момент его пленения. С самых ранних лет пришлось Ушурме испытать нужду и тяжелый труд. Будучи сыном бедных родителей, он не мог получить нужного образования и в молодости своей пас домашний скот³². Немного возмужав, он, по его словам, «упражнялся в земледелии»³³. Но ни пастушество, ни тяжелый крестьянский труд не вывели Ушурму из бедности. Поэтому ему были близки и понятны заботы и чаяния горского крестьянства. Впоследствии, став признанным вождем горских масс, Ушурма отличался удивительным бескорыстием, раздавал бедноте тот скот и подарки, с которыми тянулись к нему со всех сторон многочисленные последователи. Неудивительно поэтому, что в момент пленения имам Мансур был таким же бедняком, как и перед восстанием Ушурма. «Я беден, - говорил он в показаниях Тайной экспедиции, - все мое имение состоит из двух лошадей, двух быков и одной хижины»³⁴.

Скупые сведения о других членах семьи Ушурмы также противоречивы. Так, А. Беннигсен пишет, что «женившись», он имел двух детей, но к моменту своего возвеличивания бросил свою жену»³⁵. Однако сам Ушурма в показаниях Тайной экспедиции говорил о том, что женат и имеет не двух, а трех детей: «есть у него жена по имени Чачи, сыну Яса - восемь лет,

двум дочерям - Рагмет и Намет - четыре и один год»³⁶. Алдынский шейх, даже по словам царских историков, являлся незаурядной личностью и резко выделялся среди своих односельчан. «Одаренный природой гибким и проницательным умом»³⁷ и «сильной волей»³⁸, он «являлся прекрасным психологом и умел внушать глубокое доверие окружающим»³⁹.

Говоря о внешности Мансура, следует отметить, что, по свидетельству имама Шамиля, «он был очень красив» и имел при этом «мужественную увлекательную наружность» и, несмотря на то, что «совершенно не знал грамоты», все же «владел необыкновенным даром слова». Кроме того, по свидетельству того же Шамиля, Мансур был «так высок ростом, что в толпе стоящих людей казался сидящим верхом на лошади»⁴⁰.

Жил Мансур замкнуто, уединенно. «Под строением его сделана землянка весьма крепкая, где он ночует, караул из его родственников, есть ему дает жена его и ни с чьих рук не берет пить, кроме оной»⁴¹. Одевался он также необычно, выходил в народ в поражающем фантазию простых горцев костюме, чем и производил на них сильное впечатление. Лица своего толпе не показывал, а выходил обычно с закрытой головой. Одевался в зеленую шаль. Старшины Алдъшской деревни доносили царским властям: «В деревне оказался какой-то человек, оделся в разноцветное платье такое, что на свете никогда не видели»⁴².

Безусловно, при тогдашних условиях и религиозные, и социальные мотивы должны были принести авторитет Мансуру и выдвинуть его в качестве имама и предводителя начавшегося освободительного движения масс.

Сама логика событий неумолимо толкала горцев к объединению под единой идеологической оболочкой религии. Более широкие возможности для объединения представляла новая религия - ислам, общая для всех народов Северного Кавказа, за исключением части осетин. Политика жесткой эксплуатации, проводимая царской администрацией на Кавказе, способствовала невиданно стремительному распространению ислама. По признанию официальных дореволюционных историков, «религиозный фанатизм был возбужден и у них (чеченцев - Ш. А.), лишь в 1785 году, когда чеченец по

имени Ушурмы, прозванный за его ученность и святость шейхом Мансуром, сумел соединить национальную борьбу с религиозной. С этого времени начинается ожесточенная борьба»⁴³ с царской администрацией.

Как видно, даже дореволюционные исследователи не могли не указывать на прямую связь между религиозной оболочкой и «национально»- антиколониальной борьбой, на зависимость первой от второй. Таким образом, если раньше «зачастую только правящие классы были мусульманами, а крестьянская же масса оставалась в идолопоклонстве», то нужна была царская угроза, чтобы горцы Кавказа освоили действительное «мусульманское сознание»⁴⁴.

Из имеющихся письменных и архивных источников невозможно полно и ясно сказать о религиозной подготовке и религиозных откровениях Мансура до весны 1785 года, накануне его публичного выступления с «пророческими» откровениями. Но тем не менее они позволяют судить о том, что имамом было потрачено, по всей вероятности, немало времени для подготовки себя к публичным религиозным проповедям⁴⁵. В показаниях при допросе в Тайной экспедиции Мансур сообщил, что духовенство одобрительно отнеслось к его нравоучениям, и даже прониклось к нему уважением и назвало его шейхом 1783 г.⁴⁶

Сам Мансур рассказывает, что «слухи о его обращении к честной жизни быстро распространились среди сородичей, так как он избавился от желания воровства и грабежей, единственная добродетель наших народов». Во время же «размышлений и очищений» в горах у Мансура бывали «ведения», в частности, в лице двух всадников, посланных якобы самим пророком Мухаммедом, которые называли его имамом и призывали к проповедям среди горцев⁴⁷. В 1784 году он то ли объявил себя, то ли заставил признать шейхом и имамом, а в начале 1785 г. начал свои публичные проповеди⁴⁸.

Впервые с публичными проповедями Мансур выступил в начале марта 1785 г. у себя в деревне Алды. «До объявления шейхом, - сообщал 8 марта 1785 года татарин (русский агент - Ш. А.) Али-Солтан из Больших Атагов, побывавший в Ал-дах, - Мансур «три ночи в доме молился богу, с плачем выгова-

ривал своим родственникам, что по непостоянству чеченцев в рассуждении смертоубийств и грабительства погибают или осуждаются в будущем веке вечному мучению и, что он (Мансур - Ш. А.) по данным ему свыше власти может их от сего избавить и обратить к чистому признанию и примирению...»⁴⁹. После мучительных двух суток, в течение которых родственники удерживали его от пророчеств, «онный ших (Мансур - Ш. А.) взошел на мечеть, созывал всех к богомолию, и как народ собрался великим количеством к мечети, то онный, не слезая с мечети, увещевал всех тут предстоящих, дабы они отстали от всех злых предприятий и кто с кем имеет ссору и вражду, примирились бы, а равно вина и водки не пили, табаку не курили, подавали бы милостыню и наблюдали закон Мохамета. Поуча сему, пошел в свой дом, куда и все скопище за ним пошло, а по приходе приказал зарезать двух баранов, оные раздал тут всем предстоящим, чем тот день и окончился. На другой день из бывших у него (Мансура - Ш. А.) двух волов, взяв одного, вышел на кладбище и, обведя около его кругом раза три, пришел домой и тамо зарезал, из которого половину отдал бедным, а другую - учащимся грамоте малолеткам». «С коего времени, - сообщает далее Али-Солтан услышанное им в Аллахе о Мансуре, - разнесся повсюду слух, а по нем и собирается великое количество людей и всякий день приводят к нему скотину, которую раздаст бедным, да и сам с родственниками из нее питается. Из родственников его одного в давних годах убил горский житель, который бы так же должен был отвечать жизнью, но ших принудил мать и всех родственников сие упустить и помириться, смотря на то, и другие тому последовали и стараются делать его повеления, а вино, водку пить и табаку курить жители деревни Алдынской тогда же оставили, да и приезжие, кто только у него побывает, то предается его учению, равно и воровство, что прежде почиталось за удачу, ныне в пренебрежении и всякий от того уклоняется»⁵⁰.

При внимательном рассмотрении проповедей Ушурмы, нетрудно убедиться, что он в сущности... ничего нового к Корану не прибавил⁵¹. Он учил «соблюдать строго заповеди пророка Магомета, раздавать милостыню, не красть, не грабить,

не прелюбодействовать, не пьянствовать»⁵². Из религиозных проповедей имама вышлись три основных направления его программы:

1. Возвращение к исламу чистому и аскетическому.
2. Борьба против адатов и введение убеждением или силой закона шариата.
3. «Священная война» (газават) ведется сначала против соблюдающих адаты, затем против «неверных» (иноверцев — горцев) и, наконец, против царизма.

Такую последовательность в учении Мансура объяснить нетрудно. В первом пункте мы видим обычный в любых движениях масс под религиозной оболочкой призыв к отказу от жизни развратной, возвращение к чистым незапятнанным роскошью, разнузданностью, извращениями истокам религии. «Мансур звал к новому быту, построенному на принципах пуританской морали. В этом призыве к набожности, самообузданию, - указывает Б. В. Скитский, — чуются те же социальные мотивы, что и в проповеди западноевропейских пуритан эпохи первоначального накопления»⁵³. Крестьянская беднота, увидев под религиозной оболочкой выражение близких своим интересам идеи, стремительно стала принимать учение Мансура. Феодалы же почувствовали в шариате, в том виде, в каком его трактовал Мансур, подрыв всех своих прав, смертельную угрозу своему владычеству и стали защищать адаты.

Известно, что процесс смены религиозных взглядов был всегда очень долгим, сложным и болезненным процессом. Тем поразительнее успехи Мансура, сумевшего буквально в несколько месяцев добиться того, чтобы почти все равнинные чеченцы оставили свои древние верования и пошли за его учением. Безусловно, эти успехи объяснялись не столько тягой населения к исламу, ибо прочного внедрения его среди чеченцев само мусульманское духовенство добивалось в течение веков. Ускорили же исламизацию чеченцев социальные требования народных масс, которые были оформлены в религиозных проповедях имама.

Между тем, добившись определенных успехов в распространении ислама в равнинных селах Чечни, завоевав автори-

тет и популярность народа, Мансур намечает походы в горы, где еще целые чеченские общества оставались верными полужыческим и полухристианским верованиям, а также в земли карабулаков, ингушей и осетин, соседнюю Кумыкию, Дагестан, Кабарду, чтобы преодолеть сопротивление феодалов.

В донесениях царских агентов сообщалось о том, что Мансур во главе своего отряда с приближенными разъезжает по горным селам Чечни и насильственным образом приводит здешних жителей к мусульманской вере. В это же время письма Мансура с проповедями и призывами следовать правоверному исламу приходят также в отдельные ингушские села. Идеи Мансура находят благодатную почву, по-видимому, лишь в отдельных равнинных селах Ингушетии⁵⁴. Из этих отдельных показаний и свидетельств можно сделать вывод, что Мансур прошел обычный (на Востоке) путь религиозного проповедника, обличителя и наставника в вере. Другого пути выдвинуться для простого человека в тех условиях не было. Но цели, которые преследовали имам и его сподвижники, шли гораздо дальше обличения своих односельчан в неверии и нарушении правил религии.

Достигнув определенного успеха на этом пути и завоевав нужный авторитет и популярность, Мансур невольно должен был перейти к каким-то решительным действиям, которые диктовались сложившейся обстановкой и требованиями народных масс. Притеснения со стороны местных старшин и феодалов, карательные экспедиции царских войск, распространившиеся к югу от Терека и с разных сторон вторгшихся в Чечню, Кумыкию и другие соседние земли, - все это возбуждало горцев, толкало их на стихийное сопротивление колониальной экспансии царизма. В этих условиях религиозная проповедь Мансура сплачивала горцев, помогала им объединить разрозненные силы с тем, чтобы отстоять свою землю и права. Таким образом, можно считать, что не столько религиозные проповеди и чудеса шейха Мансура, сколько реально сложившиеся обстоятельства и воля народных масс сыграли решающую роль в переходе Мансура к открытой военно-политической деятельности. И острие его религиозной пропаганды теперь направлено было на сплочение масс, для борьбы с усилившимися действиями колониальных властей.

В продолжение первой половины 1785 г. число сторонников шейха Мансура постепенно увеличивалось. Выступив из недр Чечни, он быстро находит себе сторонников среди кумыков, а потом и среди кабардинцев, дагестанцев и других народов. Уже с этих пор, в своих ранних религиозных проповедях, желая удовлетворить страсти возбужденных горцев, Мансур стал проповедовать о необходимости войны с неверными колонизаторами, придавая ей значение богоугодного дела.

В своих откровениях перед жителями села Алды Упгурма говорил, что как скоро он выедет из двора (селения - Ш. А.), то к нему в это время соберется великое множество войска, с которыми он сначала пойдет к карабулакам и ингушам, потом в Кабарду для обращения их в магометанский закон и, наконец, после этого в российские пределы для истребления неверных⁵⁵. В своих первых сведениях, доставленных в ставку царских властей в Кизляр 4 марта 1785 г., старшина деревни Кизляр Кайтуко Баков сообщил, что будучи в Алдынс-кой деревни 3 марта 1785 г., им замечено о приготовлениях жителей многих чеченских: деревень идти в поход, для этого они будто бы шьют знамена и говорят, что пойдут с Мансуром к ингушам для обращения их в магометанство и для отыскания какого-то древнего Алкорана, якобы хранящегося у ингушей⁵⁶.

Отправленный царскими властями из Червленской станицы с письмом в Алдынскую деревню (видимо, к старшинам. -Ш. А.) казак Иван Жуков с пятью конвойными солдатами, возвратившись обратно в станицу 5 марта 1785 г., сообщил, что в Атагу и Алды по немалой опасности того места (в связи со сборами Ушурмы), никто не осмелился их провожать. 8 марта 1785 г. татарин (горец) Али-Солтан из Больших Атагов доносил, что Упгурма приказал сделать себе знамя и копье и что караул при нем находится «весьма великий из приезжих», а жители Алдынской деревни расположились по дороге, «ведущей к российским границам»⁵⁷. Между тем в секретном рапорте полковника Савьелева на имя генерала Пеут-линга от 9 марта 1785 г. отмечалось о том, что вчерашнего дня (т. е. 8 марта 1785 г.) собравшиеся за р. Сунжей из разных горских деревень жители, числом до ста человек, хотели

совершить нападение на укрепления русских за Терек. Полковник Матцен в это же время доносит генералу Пеутлингу, что по дошедшим до него слухам восставшие Чеченцы хотят напасть на крепость Владикавказ⁵⁸.

Слава о Мансуре распространилась далеко за пределами Чечни: о нем стали говорить на Кумыкской равнине, в горах Дагестана, а также в Кабарде. У кумыков же со времени выступления Мансура со своим учением, живущие в их селениях христиане претерпевают некоторого рода обиды и притеснения. Старшина Сактач из ингушской деревни Шолхи, расположенной недалеко от Владикавказа, сообщал, что «хотят чеченцы к ним в деревни приехать и ко оной же лживой присяге принудить, а если мы к оной не согласимся, то нас всех хотят разорить...» Прибывший 9 марта 1785 г. к подполковнику Матцену сын Ахметова Дударуко донес, что будучи в Малой Кабарде, слышал он от тамошних кабардинцев, что в Чечнях имеются великие сборища⁵⁹.

К Мансуре продолжали прибывать народы из различных кумыкских селений, которые, видимо, более других испытывали на себе тяжелый гнет местных князей и владельцев. Брагунский князь Росланбек извещал Кизлярского коменданта о том, что к Мансуре из ближайших деревень, в том числе из аксаевской, андреевской и девлетгиреевской приезжает много людей, которым он приказал, как только он будет выезжать в поход, чтобы все вооруженные явились к нему, и намерение имама состоит в нападении на Кизляр. Алдышский мулла Али сообщал Булатову, посланному аксаевскими владельцами для наблюдения за имамом, что Мансур будто бы приказывает прибывшим к нему горцам являться в апреле месяце. И сборы назначены имамом между Науром и Мекенями, на той стороне, в урочище, именуемом по-татарски (кумыски) Джуарак. В первой половине 1785 г. число сторонников Ушурмы как в Чечне, так и за ее пределами продолжает увеличиваться⁶⁰.

Одновременно царскими властями были усилены наиболее важные укрепления и крепости, расположенные на Кавказской укрепленной линии. Среди прочих крепостей, укреплений и редутов, намеченных восставшими горцами во главе

с Мансуром для нападения особую тревогу у царского командования называли Кизляр, Владикавказ, Григорополис и др.⁶¹

Командующий войсками на Моздокской линии генерал-поручик Леонтьев не без опасения наблюдал за волнениями горцев, происходившими в Чечне, и предписал всем пограничным начальникам находиться постоянно в боевой готовности на случай внезапного нападения восставших и всеми мерами стараться захватить Мансура в свои руки.

Еще раньше, до получения этого распоряжения-предписания, генерал-поручиком П. С. Потемкиным был отправлен во Владикавказ батальон пехоты для усиления здешнего гарнизона. Им же приказано было сосредоточить на р. Сун-же под командованием генерал-майора Шемякина особый, довольно сильный по тому времени боевой отряд с тем, чтобы пресечь волнение горцев в самом его начале и «не дать самой малой искре произвести пламень»⁶². Одновременно генерал-поручиком Потемкиным была разослана прокламация в районы, наиболее активно поддерживавшие призывы имама Мансура - Чечню, Кумыкию (деревни Аксаевская и Андреевская), в которой просил их не верить новоявленному имаму и не следовать его учению. Эта прокламация от 2 апреля 1785 г. к горским народам, не принесла желаемых результатов. В ордере генерал-поручика М. Н. Леонтьева на имя полковника Пиери от 3 июля 1785 г. сообщалось, что появившийся в Чечне за рекою Сунжею «лжепророк» (Мансур — Авт.)... «опутал так много легкомысленных чеченцев и других народов, которые «тысячами были готовы отважиться на всевозможные злодеяния русским властям, а также жителям станиц и крепостей»⁶³.

Поступавшие с линии сведения, рапорты и донесения генерал-поручика М. Н. Леонтьева указывали, что волнения со стороны восставших горцев не прекращаются, а, напротив, усиливаются. С этой целью, считая наиболее надежным средством для прекращения дальнейшего волнения горцев, производимого «в народе обманщиком» (Ушурма - Ш. А.) князем Г. А. Потемкиным через командующего на Кавказе войсками, предписано было специально отправить «в самое сборище Ушурмы, лично известного ему своими качествами

полковника Пиери», с отрядом с целью захвата руководителя горцев.⁶⁴

Для захвата в плен Мансура царскими властями были использованы наиболее верные и надежные люди из числа местных владельцев и князей. «Небесполезно в сем случае, - писал в ордере Потемким, - употребить к приобретению его (Мансура - Ш. А.) в руки усердных владельцев, а именно: Кайту-ку Брагунского, коего доброжелание и верность испытаны, и Кайтуку, близ Наура живущего».⁶⁵

Отряд полковника Пиери состоял из Астраханского пехотного полка, батальона Кабардинского егерского полка, двух гренадерских рот, Томского пехотного полка и сотни казаков Терского войска. Утром 6 июля 1785 г. отряд Пиери достиг с. Алды в сопровождении проводника из этого селения, отбивая атаки восставших чеченцев, обошел населенный пункт и пришел к дому, в котором жил Ушурма. Мансура в доме не нашли, но зато было найдено его знамя и убит знаменосец. Жители села Алды все выбрались из села, Алдышцы все вместе с Мансуром ушли в близлежащий лес и, обогнув поляну, вышли к той узкой просеке (дефиле) через лес, по которой пришел отряд Пиери в Алды. Словом, алдынцами был перекрыт обратный путь войскам Пиери.

Царскими властями было приказано первым делом зажечь дом Ушурмы, а затем и всю деревню, состоящую из 400 дворов. Премьер-майору Комарскому был отдан приказ, чтобы отправить «половинное число егерей в деревню (Алды - Ш. А.) для зажигания дома лжепророка» (Мансура. - Ш. А.)⁶⁶

Через Алды отряд Пиери прошел относительно спокойно, хотя изредка наблюдалась перестрелка между восставшими и царскими войсками. Но когда отряд Пиери дошел до леса и углубился в него, началось настоящее сражение между алдынцами, жителями близлежащих сел и войсками Пиери. Отряд Пиери попал в окружение восставших, и последние со всех сторон обрушили бешеный огонь по отступавшим войскам. Сразу же среди офицеров, егерей и гренадеров появились раненые и убитые. Сам же полковник Пиери получил первое ранение в голову. Попав под перекрестный огонь от наседавших на него со всех сторон горцев, отряд Пиери ценою больших потерь про-

должал пробиваться к переправе через р. Сунжу. Среди отступавших создалась страшная паника. Приказано было оставить захваченную егерями у алдынцев скотину.⁶⁷

После безуспешной попытки отбить у горцев захваченную ими пушку, капитан Казин быстро возглавил колонну и стал защищать переднюю пушку от безудержного натиска алдынцев. Однако и здесь капитана ждала неудача. Лошади, которые тянули ящики со снарядами и тащили вторую пушку, были вскоре перебиты. Солдатам приходилось одновременно и защищаться от восставших, нести на себе ящики со снарядами, и тянуть оставшуюся пушку. В это время полковник Пиери получил второе, смертельное ранение. После этого алдышцы, не встречая серьезного сопротивления со стороны царских войск, удвоили свои усилия. Отряд Пиери нес большие потери и сократился до небольшого числа солдат и офицеров. Не имея патронов, оставшиеся в живых егери и гренадеры в паническом страхе перед численно превосходящими силами восставших стали отступать к переправе.⁶⁸ И когда до р. Сун-жа осталось небольшое расстояние, майор Комарский из отряда Пиери также получил смертельное ранение.

Только небольшая часть солдат Пиери перешла Сунжу и соединилась с командой полковника Томара. Не имея возможности развернуть боевые действия против восставших алдышского и амирхановского селений, полковник Томара с оставшимися войсками стал отходить назад к Науру. Восставшие горцы в количестве 5000 конных и пеших до 10 часов вечера преследовали отступавший отряд полковника Томары.

В целом, первое сражение царских войск под командованием полковника Пиери с повстанческими силами Ушурмы (Мансура) под Аллами стало для первых роковым. Царские войска, впервые проникшие в предгорья Чечни, потерпели крупное поражение. Отряд Пиери, насчитывавший более двух тысяч солдат и офицеров, лишился 12 офицеров и 740 человек нижних чинов. Были убиты пять человек офицеров, в том числе сам руководитель экспедиции полковник Николай Пиери. Из общего числа войск 162 человека были взяты восставшими в плен, а затем в разное время выкуплены царскими властями. Всего же в этой экспедиции царское командова-

ние потеряло более 1 тысячи человек убитыми и ранеными. Позже восставшие возвратили царским войскам и две пушки, захваченные в этом сражении. В числе спасшихся оказался унтер-офицер князь Петр Иванович Багратион. В данном походе 20-летний Петр Багратион был адъютантом Пиери. Он и до этого дважды участвовал вместе с Пиери в военных экспедициях в Чечню в 1783 г. О сражении под с. Алды и своем пленении и возвращении позже горцами царским властям Петр Багратион рассказал исследователю истории Кавказа академику П. Г. Буткову. Впоследствии князь П. Багратион стал генералом от инфантерии и прославился в Отечественной войне 1812 г. как талантливый полководец и умер от ран, полученных в Бородинском сражении.⁶⁹

Что касается потерь со стороны восставших горцев под Аллами, то, согласно рапорту генерал-поручика П. С. Потемкина от 12 июля 1785 г. более трехсот человек было убито, в числе которых и родной брат Мансура, а также около сорока человек почетных (знатных) чеченцев⁷⁰, хотя сведения официальных властей о количестве потерь со стороны войск имама Мансура в данном сражении нам представляются преувеличенными.

Поражение отряда Пиери - первая значительная военная неудача царской России на Северном Кавказе. В неравной схватке с таким мощным и коварным врагом, каковым являлся царизм, восставшие горцы еще раз продемонстрировали свою силу, сплоченность известную организованность. Разумеется, первая большая победа восставших над царскими войсками должна была сыграть огромную роль в деле подъема начавшейся антифеодальной и антиколониальной борьбы горцев Северного Кавказа и поднять авторитет руководителя этой борьбы - шейха Мансура.

Кизляр - одна из старейших крепостей на Кавказе, имел важное стратегическое и экономическое значение. Он являлся связующим звеном между Северным Кавказом, Дагестаном, Закавказьем и Россией. «Кизляр, с одной стороны, - отмечает Б.В.Скитский, - являлся главной цитаделью русского могущества на Северном Кавказе: здесь размещались ближайшие к горцам представители русской власти. С другой же стороны,

он представлял из себя центр экономических связей и зависимости горских народов от русских властей»⁷¹. Видимо, этим и объяснялись упорные и настойчивые попытки горцев во главе с Мансуром в течение двух лет (1785-1786 гг.) овладеть Кизляром и тем самым разорвать всякую связь с Астраханью и обессилить могущество царизма на Кавказе.

Торопясь развить военный успех, приобретенный в результате победы над войсками отряда Пиери, восставшие горцы во главе с Мансуром начали наступление на Кизляр. Для штурма крепости и ее захвата был создан специальный отряд. 15 июля 1785 г. горцы в количестве 5 тысяч человек во главе с Мансуром подошли к Кизляру и попытались штурмом овладеть ею. Но оказалось, что она сильно укреплена: имеет много пушек и достаточно сильно защищена. После первой атаки горцы сразу же были отбиты мощным огнем крепостных пушек. Отряд Мансура вынужденно отошел назад. Царские власти были крайне встревожены столь неожиданной атакой восставших⁷².

После безуспешной попытки овладеть Кизляром, Мансур, не раздумывая переносит военные действия на Каргинский редут, расположенный в 5 верстах от Кизляра. Несмотря на то, что гарнизон отчаянно сопротивлялся, горцам удалось овладеть укреплением. От случившегося во время перестрелки между горцами и защитниками Каргинского укрепления пожара вскоре загорелись здешние строения. Распространившийся пожар очень быстро достиг порохового погреба, и укрепление вместе с его защитниками взлетело в воздух.⁷³

После неудачной попытки овладеть Кизляром Мансур вынужден был вернуться в свое родное село. В отряде Мансура при нападении на Кизляр принимали участие в основном жители чеченских сел и часть жителей кумыкских деревень - Андреевской и Аксаевской. Кроме того, на стороне Мансура находились горцы некоторых дагестанских владетелей и ханов - дербентцы, тарковцы, дженгутайцы, а также шекинцы и кубинцы из соседних районов.⁷⁴

В то же время Мансур, празднуя новую победу (сожжения Каргинского укрепления на подступах к Кизляру и захват 4-х пушек), стал уверять соотечественников и всех своих после-

дователеи в том, что крепость Кизляр должна также пасть к ногам правоверных мусульман. Жители Кизляра пришли в смятение.

Приносимые агентами из горских селений известия говорили о том, что Мансур собирается, еще более увеличив войска за счет новых повстанческих отрядов, предпринять второй поход против Кизляра.⁷⁵ Командующий войсками на Линии генерал-поручик Леонтьев сразу же отправился в Кизляр, чтобы еще более усилить его войсками и принять дальнейшие меры для его защиты.

Движение горцев разгорелось на всей протяженности Кавказской линии от Кубани до Терека. Успехи, которых добились восставшие горцы во главе с Мансуром (разгром отряда Пиери под с. Алды, уничтожение Каргинского укрепления на подступах к Кизляру), способствовали тому, что горцы еще более открыто стали уходить от своих владельцев и старшин. Князья Андреевской деревни доносили Кизлярскому коменданту: «Народ из повиновения нашего вышел, есть у них намерения, чтобы нас из деревни выгнать».⁷⁶ Жители этой деревни приняли решение: если среди них окажутся предатели, которые могли бы выдать сведения русским властям о ходе восстания и его сроках, то «такого человека убить и дом с его именем разграбить».⁷⁷

За религиозными лозунгами Мансура отчетливо видны были антиколониальные призывы против царского правительства, призывы к активной борьбе против существующего строя, эксплуатирующего класса, чего, конечно, не могли не видеть и не понимать обездоленные массы.

Царские власти и горские владельцы называли восставших горцев — «сволочью», «чернью», «воровской парией», которых составляли «горские бродяги», а самого Мансура - «разбойником», «лжепророком», «лжецом», «алдынским развратником» и т. д.

В лагерь Мансура переходили и уздени от некоторых кумыкских князей. Так, Андреевской и Аксаевской деревень Темир Хамзин, Хануа Алиев и др. доносили: «Наши под властные уздени и черный народ лжепророку обещают с каждой мечети отдать по два человека». А Аксаевский князь Адиль

Алибеков сообщал к тому же, что аксаевские и андреевские уздени от них ушли и присоединились к имаму Мансуру.⁷⁸

Уздени испытывали тяжелый гнет со стороны своих владельцев, что вынуждало их подчас поднимать восстание против господ, а иногда даже уходить от них в российские пределы. К таким же мерам борьбы со своими князьями и владельцами часто прибегали кабардинские уздени.⁷⁹

Главное ядро движения Мансура составляли, конечно, не уздени, а «черный народ», самая беднейшая часть горского населения. Несколько раньше побывавший в Аксаевской деревне кизлярский житель Мамуша Асанов доносил, что «имам теперь имеет сволочи (простых горцев. — Ш. А.) тысячи до двух и то самых беднейших». В лагерь Мансура спешили обездоленные горцы, которые жаждали освобождения от своих владельцев и старшин. Даже царские власти вынуждены были признать, что войско Мансура составляют бездомные и абреки. Сам же Мансур - вождь восставших горцев - также принадлежал к этой социальной категории. Об этом убедительно сказал Мансур на допросе, устроенном ему в Тайной экспедиции после пленения.

Говоря о социальной базе участников движения, Б. В. Скитский замечает, что «этот бедняцко-батрацкий люд восстал против своих господ и в своем движении увлек и своего ближайшего социального "соседа - середняцко-узденский люд, чем значительно расширил базу своего движения и сделал его опасным для властительного элемента».⁸⁰

Мансура поддерживали некоторые князья и владельцы, которые с усилением влияния России на Северном Кавказе боялись потерять свое общественное положение и феодальные привилегии и враждовали с колонизаторами из-за того, что с приходом русских увеличился уход крестьян. Так, например, Мансура поддерживали некоторые князья и феодалы Малой и Большой Кабарды, из Тагаурских осетин алдар Ахмет Дударов; к Мансуру присоединились сыновья Шамхала Тарковского и Казикумухского, хана Дагестана и др. Поддерживала его и часть князей, хотя некоторые из них потом объясняли, что действовали они так, чтобы «самозванец» (Мансур. - Ш. А.) не угнал их скот, который по степи при кочевых татарах на-

холился.⁸¹ Феодалы же, которые дружили с царскими властями, к движению не присоединились, а, напротив, боролись с Мансуром, видя, что выступление горской бедноты направлено и против них. Такие владельцы не только сами не переходили на сторону Мансура, но и строго запрещали делать это своим подчиненным.

Одновременно в Кабарде и закубанских районах ширится движение горцев. Поддерживая постоянные контакты с восставшими чеченцами, кумыками и дагестанцами, получая письма Мансура, многие кабардинцы и адыги продают свой скот, закупают оружие и лошадей, готовятся примкнуть к движению горцев. Обстановка на Линии складывается тревожная.

При таких обстоятельствах, имея при этом достаточную базу среди восставших горцев, 29 июля 1785 г. Мансур с отрядом чеченцев и кумыков при поддержке князя Малой Кабарды Дола и знатного узденя Берда Хапсуга с их подвластными жителями предпринял поход против укрепления Григориполис, расположенного в 42 верстах от крепости Моздок. Однако осада укрепления, длившаяся в течение полудня, несмотря на отчаянные атаки горцев, закончилась неудачей для Мансура.⁸²

Несмотря на неудачный поход горцев на укрепление Григориполис Мансур стал очень скоро в своем родном селе Алды с новой силой призывать народы Чечни и Северного Кавказа к новому походу на Кизляр, поддержанный частью влиятельных князей и владельцев Кабарды, Кумыкии, а также Чечни в лице владельцев и мулл, приведших в его лагерь подвластных себе крестьян. 19-21 августа 1785 г. Мансур предпринял новый поход против Кизляра.⁸³ Безусловно, длительная подготовка Мансура к нападению на Кизляр позволила коменданту крепости Вешнякову основательно укрепить ее. 21 августа 1785 г. отряд Мансура предпринял стремительную атаку на Томский пехотный полк, находившийся недалеко от главного укрепления. Томский пехотный полк, построившись в каре (четырёхугольником), встретил горцев батальонным огнем. Однако ни батальонный огонь солдат Томского полка, ни стрельба из пушек, бивших из крепости, не могли приостановить стремительный натиск горцев. Горцы дрались отчаян-

но: укрываясь в лощинах и прячась за различные укрытия, они производили беглый ружейный огонь по каре царских войск. Горцы, хотя и наседали на отступающих и стремились окружить солдат, все же при длительных перестрелках несли большие потери. При каждой атаке горцев царские войска останавливались, строились в каре и отражали атаки пеших и кавалерии из отряда Мансура. При отходе солдат Томского полка в ретраншамент горцы были встречены огнем из всех орудий. Не имея сил противостоять оружейным залпам, отряд Мансура вынужден был вновь отступить. Так закончилась неудачей для Мансура вторая и последняя попытка овладеть крепостью Кизляр.⁸⁴

В октябре 1785 г. восставшие горцы численностью около 6 тысяч человек чеченцев и дагестанцев переносят боевые действия на территорию Кабарды. А уже 30 октября 1785 г. в ущелье между Григориполисским укреплением и Малой Кабардой произошло сражение отряда Мансура с царскими войсками полковника Нагеля. Когда войска приблизились, горцы зажгли некоторые опустевшие дома в сел. Малой Кабарды и попытались окружить отряд Нагеля. Некоторые группы всадников, как бы прикрывая основные силы горцев, постоянно выскакивали перед царскими войсками, не решаясь, однако, к ним приблизиться. Намерение восставших заключалось в том, чтобы завлечь царские войска в леса и ущелья. Но когда горцы увидели, что войска Нагеля не предпринимают такого шага, то 30 октября 1785 г. горцы сами решили атаковать русский отряд с разных сторон, но были отбиты мощными орудийными залпами пушек, восставшие также открыли огонь по царским войскам. После пятичасового боя между войсками шейха Мансура и отрядом полковника Нагеля военные действия прекратились. Сражение закончилось без определенных результатов с обеих сторон.⁸⁵

Располагая в своем отряде несколькими тысячами человек, Мансур решил вторично атаковать отряд царских войск. Приняв отход царских войск в другое укрепление, в Татартуп, за отступление, Мансур 2 ноября 1785 г. снова атаковал отряд полковника Нагеля у укрепления Татартуп. Имея при себе подкрепление от владельцев Большой и Малой Кабарды, он

развернул мощное наступление с разных направлений: справа наступали лучшие кабардинские наездники во главе с Доллом; с тыла - кумыки, руководимые самим Мансуром, слева - тавлинцы и, наконец, с фронта - основная сила, состоявшая из чеченцев и других народов, по-видимому, дагестанцев. Отчаянное сопротивление и мощный огонь царских пушек заставили чеченцев оставить лошину, где они засели. Видя окруженных царскими войсками горцев, Мансур бросил свой ободряющий клич и кинулся в гущу наступающих войск. В этом сражении Мансуром впервые были применены созданные им подвижные щиты на колесах для прикрытия горцев от артиллерии царских войск⁸⁶. Щиты были изготовлены из двух рядов бревен с насыпанной между ними землей. Каждый щит имел по две пары колес, и они передвигались довольно легко и свободно. Число щитов доходило в данном сражении до 50. После продолжительного артиллерийского обстрела царскими войсками и частых атак с обеих сторон, произошла рукопашная схватка. Вскоре царские войска овладели подвижными щитами горцев. Между прочим, благодаря подвижным щитам Манстуру удалось сохранить в этом сражении часть живой силы. Отряд Мансура вынужден был отступить⁸⁷.

9 сентября 1787 г. Екатерина II издала манифест о разрыве связей с Турцией и открытии военных действий. Узнав об этом, с целью упреждения наступления черкесских племен на Линию, генерал-поручик П.С.Потемкин с отрядом 8 тысяч человек при 35 орудиях переправился 20 сентября 1787 г. через Кубань у прочного окопа. Цель его состояла в уничтожении отряда имама Мансура, который с 8-мью тысячами горцев и закубанцев расположился между рр. Уруп и Лаба. Генералу Елагину приказано было переправиться через Кубань ниже Овечьего брода и прикрывать действия головной части отряда при переходе ее в наступление.

Высланный вперед полковник Ребиндер со своим отрядом 20 сентября 1787 г., кратчайшим путем прибыл в Зеленчук, но узнав, что отряд Мансура находится на расстоянии 20 верст впереди, сразу же поспешил ему навстречу с целью захватить его в плен. Когда царские войска подошли к месту расположения отряда Мансура, то руководитель не оказался на месте

и войска наткнулись на передовой отряд черкесских войск и 600 ароб, установленных вагенбургом. При подходе передовых частей царских войск вплотную к восставшим горцам, последние, произнося молитву, бросились в рукопашную схватку с противником. Произошло кровопролитное сражение. Однако силы были неравны. Горцы несли большие потери от тяжелых орудий царских войск. Вскоре войска Ребиндера овладели укреплением восставших. Многие горцы, находившиеся в нем, были порублены. Царские войска, по донесению П. С. Потемкина, не щадили даже женщин. Со стороны царских войск также были немалые потери.⁸⁸

На другой день, 21 сентября 1778 г., Мансур снова атаковал отряд полковника Ребиндера. Самая значительная схватка произошла между горцами и Ростовским карабинерным полком. Во время продвижения полк наткнулся на засаду и был атакован горцами с левого фланга. Два эскадрона Ростовского полка и часть казаков были тут же опрокинуты, но подоспевший на помощь Ребиндеру премьер-майор Львов со своим астраханскими эскадронами и секунд-майор Дорш с гренадерским батальоном нанесли сильный удар отряду горцев и закубанцев. Восставшие вынуждены были отступить.⁸⁹

22 сентября 1787 г. восставшие во главе со своим вождем вновь сразились с отрядом царских войск. Войска Мансура выступали очень скученно: пришло подкрепление из темиргойцев, бесленейцев, кипчаков и абазинцев. Горцы первыми предприняли попытку вступить в бой. Князь Ратиев, расположив свои войска в соответствующем боевом порядке, двинулся на горцев. Несмотря на отчаянное сопротивление восставших, генералу Ратиеву все же удалось вытеснить горцев из своих укреплений. Жители Большого Зеленчука и Урупа, участвовавшие в сражении на стороне имама, вскоре ушли в горы. Князю Ратиеву приказано было следовать со своим отрядом от вершины Урупа до Большого Зеленчука и предать огню дом, где пребывал имам Мансур, и все остальные деревни здешних жителей. 24 сентября ближайший к месту сражения аул и дом, в котором жил Мансур, были сожжены царскими войсками.⁹⁰

Осень 1789 г. Мансур установил через торговых людей

тесные связи с киргизо-кайсацкими (казахскими) народами, жившими в северо-восточной части Каспийского моря. Призывы Мансура отражали интересы этих народов, подвергавшихся притеснениям со стороны царских властей в районе Астрахани.

В середине **1790** г. Мансур вернулся в Чечню и сразу же приступил к мобилизации горцев и, в частности, чеченцев и дагестанцев для нападения на Кизляр. Однако попытки Мансура вновь поднять движение в Чечне и Дагестане не имели успеха. Это вынудило его осенью **1790** г. уйти в Анапу. Отсюда он, как и прежде, обращался с письмами к народам Северного Кавказа, призывая их к активным действиям. Это были его последние воззвания к кавказским народам.⁹¹

В июне **1791** г. в результате боевых действий царских войск с турками генерал Гудович овладел Анапой. Взятый здесь в плен Мансур «как бунтовщик» был отправлен в Петербург, где допрашивался в Тайной экспедиции. Он был приговорен к пожизненному заключению в Шлиссельбургской крепости «за возбуждение народов гор против России и причинение большого ущерба империи». Умер Мансур там же 13 апреля **1794** г. и был похоронен на Преображенской горе без какого-либо обряда.⁹²

Движение горцев **1785 - 1791** гг. было первым опытом организации кавказскими народами общей борьбы против царизма и местной феодальной верхушки. Мансуру удалось привлечь под свои знамена горские народы Северного Кавказа, хотя на практике объединить горцев было чрезвычайно трудно. В силу объективных причин в объединении горцев на борьбу определенную роль сыграла религия. Отмечая положительную роль ислама в деле консолидации народов Северного Кавказа необходимо отметить, что религиозная идеология отчасти затемняла политические цели движения.

Движение Мансура, безусловно, имело прогрессивное значение и неизбежно должно было оставить глубокий след в жизни народов Кавказа. Оно было отчасти направлено против непрекращающихся феодальных и княжеских междоусобиц, тормозивших дальнейшему развитию Чечни и соседних районов. Значение движения Мансура следует рассматривать

не только по его результатам, но и в связи с несомненным обострением классовой и антиколониальной борьбы крестьянских масс в крае. Совместная борьба горцев способствовала сближению, сплочению и росту их самосознания. Это движение, кроме антифеодальной окраски, было направлено также и против таких явлений, как родовые пережитки - адаты, племенная замкнутость и пережитки феодального сепаратизма. Заслуга движения горцев состоит и в том, что оно явилось толчком к ускорению процесса объединения различных горских обществ на пути к формированию вайнахского этноса. Другим результатом движения Мансура явилось усиление роли ислама как консолидирующего фактора среди народов Северного Кавказа. Поражение движения не могло ослабить позиции мусульманского духовенства, которое боролось также за интересы народа.

Следует отметить также, что имам Шамиль отдавал должное уважение шейху Мансуру, называя его своим предшественником и даже учителем. Он с особым трепетом слушал людей, близко знавших имама Мансура и различные рассказы о нем.

Движение Мансура напоминало вспышку пламени, погашенной мощной силой царских войск. И все же оно в течение многих лет звало горцев против царизма. А предводитель движения - имам Мансур - надолго остался в памяти потомков кавказских народов как национальный герой. В истории вайнахского народа XVIII в. нет другой яркой личности, которая пользовалась бы такой популярностью, как имам Мансур.

В заключение следует отметить также, что движение горцев Северного Кавказа 20 - 50-х годов XIX века не получит полной своей исторической реабилитации до тех пор, пока не будет поднято на соответствующий уровень полное и объективное освещение личности первого имама Чечни и Северного Кавказа - Мансура и возглавленного им народно-освободительного движения горцев.

Использованная литература и источники:

1. Данная проблема подробно освещается в монографии Ш. Б. Ахмадова «Имам Мансур», Грозный, 1991 г.

1. Фадеев Р. А. Собрание сочинений, М, 1889, Т. 1, ее. 19,42.
2. Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842 - 1866), СПб, 1871, с. 96.
3. Багиров М. К вопросу о характере движения мюридизма и Ша-миля. Ж. «Большевик», № 13, М., 1950.
4. Смирнов Н. А. Шейх-Мансур и его турецкие вдохновители. «Вопросы истории, № 10, М., 1950.
5. Фадеев А. В. Возникновение мюридистского движения на Кавказе и его социальные корни. Ж. «история СССР», № 5, М., 1960.
6. Смирнов Н. А. Ук. соч. с. 38.
7. Ахмадов Ш. Б. Народное движение в Чечне в конце XVIII в. Автореферат канд. Дисс. М., 1974.
- 7а. Киняпина Н. С, Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., 1984, с. 67.
8. Там же. С. 67.
9. Виноградов В. Б. Россия и Северный Кавказ (Обзор литературы за 1971 - 1975 гг.) Ж. «история СССР», № 3, М., 1977; Его же. История СССР, № 3, М., 1987.
10. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988, с. 95.
11. Магомедов Р. М. Россия и Дагестан. Махачкала, 1987, с. 82.
12. Блиев М. М. К проблеме общественного строя горских «вольных» обществ Северо-Восточного и Северо-Западного Кавказа XVIII -первой половины XIX в. Ж. «История СССР», № 4, М., 1989, с. 157.
13. Блиев М. М. Там же.
14. Блиев М. М, Там же.
15. ЦГАДА, ф. 7, Ед. хр. 2777, л. 20 об.
16. Саидов И. М. Общественный быт вайнахов в XIX - нач. XX в. Автореферат на соискание ученой степени канд. истор. наук. Тбилиси, 1972, с. 15.
17. Ткачев Г. А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев. Записки общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1914, № 9, с. 75.
18. История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т. 4, М., 1967, с. 392.
19. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 1. Грозный, 1967, с. 82.
20. Тавакалян Н. А. О русской ориентации чеченцев и ингушей до

их вхождения в состав России. Археолого-этнографический сборник, т. 2, Грозный, 1969, с. 99.

Смирнов Н. А. Политика России на Северном Кавказе в XVI - XIX вв. М., 1958, с. 86. ЦГВИА. Ф. 52. оп. 1/194, д. 243, л. 5. Сами чеченцы Мансура-Ушурму «шейхом» не именовали и не называют. Его называли или собственным его именем «Ушурма», или «Алдара имам (чеченск.) - алдынский имам. Титул»-шейх» (ших), по-видимому, дан ему татарами-переводчиками (кумыками). Относился он к роду «Элистанжи». Потомки его и сейчас живут в сел. Новые Адды ЧР.

Беннигсен Ал. «Священная война» шейха Мансура на Кавказе в 1785 — 1791 гг. Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях. Рукописный фонд ИИЯЛ Дат. Филиала АН СССР. Ф. 1, ед. хр. 469-а. Беннигсен Ал. Ук. соч., ее. 159 - 205.

Скитский Б. В. социальный характер движения имама Мансура. Известия 2-го Северо-Кавказского пединститута им. Т. Гадиева. Т.9. юбилейный сборник. Орджоникидзе, 1932, с. 98. Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе. Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. Т. 1, М., 1950, с. 23.

Терещенко А. Лжепророк Мансур. Ж. «Сын Отечества», СПб, 1856, № 15, с. 54.

Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2, СПб, 1871, с. 86. Терещенко А. Ук. соч., с. 54. ЦГВИА. Ф. 52. оп. 1/194, д. 350, ч. 5, л. 8. Терещенко А. Ук. соч., с. 54; ЦГАДА, ф. 23, д. 2777, л. 19. Дубровин Н. Ф. Ук. соч. с. 87. Дубровин Н. Ф. Ук. соч., т. 2, СПб., 1886, с. 87.

Беннигсен Ал. Ук. соч., ее. 159 - 206. ЦГАДА, ф. 23, д. 2777, л. 19. Терещенко А. Ук. соч., с. 54. Дубровин Н. Ф. Ук. соч., с.87.

По словам А. Терещенко и Н. Ф. Дубровина - «вкрадываться в доверие».

Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. Тифлис, 1904, с. 1403.

41. Скитский Б. В. Социальный характер..., с. 119.
42. Скитский Б. В. Ук. соч., с. 119.
43. Максимов Евг. Чеченцы. «Терский сборник». Вып. 3. Кн. Владикавказ, 1893, ее. 27 - 28.
44. Беннигсен Ал. Ук. соч., ее. 159 - 205.
45. Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе. Ук. соч., ее. 11 - 63.
46. Там же, с. 23.
47. Там же, с. 28.
48. Беннигсен Ал. Ук. соч., ее. 159 - 205.
49. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, л. 8.
50. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, лл. 8-10 об. Показания татарина (кумыка) Али-Солтана из Больших Атагов от 8 марта 1785 г.
51. Скитский Б. В. Ук. соч., с. 106.
52. Терещенко А. Лжепророк Мансур. Ж. «Сын Отечества», СПб, 1859, № 15, с. 55.
53. Скитский Б. В. Ук. соч., с. 105.
54. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. 2, л. 274. В деле приводится копия письма на арабском языке в русском переводе.
55. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 5, лл. 9 - 9 об.
56. Там же. Д. 350, ч. 3, лл. 36 - 36 об.
57. Там же. Д. 350, ч. 5, лл. 9 об., 10 об.
58. Там же. Д. 350, ч. 4, лл. 32 об.
59. Там же. Д. 350, ч. 4, лл. 32 - 32 об.
60. Там же. Д. 350, ч. 5, лл. 3; 13 об; 14 - 14 об.
61. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 4, л. 28.
62. Дубровин Н. Ф. Ук. соч. с. 100.
63. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, лл. 2; 48.
64. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 5.
65. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, лл. 4-об.; 50 - 50 об.
66. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 15.
67. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, лл. 9 - 9 об.
68. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 13 об.
69. Авалиани Л. Скошенная трава. Журн. «Литературная Грузия», № 6, Тбилиси, 1971.
70. Беннигсен Ал. Ук. соч., ее. 159 - 205.
71. Скитский Б. В. Ук. соч., с. 111.
72. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 60.
73. ЦГВИА. Ф. 52. оп. 1/194, д. 350, ч. 7, л. 60.
74. Там же, л. 28; Там же, д. 366, ч. 1, л. 17 об.
75. Там же, д. 350, ч. 7, лл. 28; 60.
76. Скитский Б. В. Ук. соч., с. 100.
77. Там же, с. 100.
78. Там же, с. 107.
79. Дубровин Н. Ф. Кавказская война. СПб, т. 2, с. 87.
80. Скитский Б. В. Ук. соч. ее. 107 - 108.
81. Архив Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Ф. 37, оп. 1, д. 2, л. 65. Рукопись Скитского Б. В. К вопросу об истории крестьянских движений у горцев Кавказа во 2-й половине XVIII в. 1950 г.
82. Дубровин Н. Ф. Ук. соч. с. 109.
83. ЦГВИА. Ф. 52. оп. 1/194, д. 350, ч. 8, лл. 8об.; Там же, д. 350, ч. 9, лл. 19-19 об.; 28.
84. ЦГВИА. Ф. 52. оп. 1/194, д. 350, ч. 9, лл. 19 об. 24 об.
85. Дубровин Н. Ф. Ук. соч., ч. 2, ее. 128 - 129.
86. Скитский Б. В. Ук. соч., с. 114.
87. Дубровин Н. Ф. Ук. соч., т. 2, с. 130.
88. ЦГВИА. Ф. 52. оп. 1/194, д. 416, ч. 2, лл. 81 - 81об. Рапорт генерал-поручика П. С. Потемкина на имя князя Г. А. Потемкина от 4 октября 1785 г.
89. Там же, д. 416, ч. 2, л. 81 об.
90. ЦГВИА. Ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 2, лл. 81 об; 82 об; 83.
91. ЦГА ДаССР, ф. 52, оп. 1/194, д. 416, ч. 2, лл. 81 об; 82 об; 83.
92. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI - XIX вв. М., 1958, с. 160.

ГЛАВА 5. КУЛЬТУРА ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ ВХУШ-НАЧ.ХГХВ.

§ 1. Материальная культура вайнахов.

Развитие материальной культуры вайнахов характеризуют наряду с другими факторами прежде всего их поселения и жилища. Документальные источники, а также свидетельства иностранных исследователей-путешественников, побывавших в XVIII - нач. XIX века в Чечне и Ингушетии, говорят о том, что поселения горцев были расположены как в горной, так и на равнинной части. В этих районах развивалась самобытная культура вайнахов, а также народное зодчество. Известно, что многие поселения (аулы) вайнахов, расположенные высоко в горах, одновременно служили их крепостями со своими башенными комплексами, в которых жили и укрывались горцы от врагов-завоевателей. Это обстоятельство, как правильно отмечает дагестанский исследователь М. Р. Гасанов, не могло не отразиться «на планировке селения и на облике жилого дома». Поэтому поселения горцев, как правило, «располагались на выгодных в стратегическом отношении местах»¹.

Как известно, XVIII век характеризуется расцветом архитектуры и народного зодчества вайнахов, влиявших на зодчество соседних народов. Уникальные надземные монументальные сооружения, каковыми являются башенные и склеповые строения на территории Чечни и Ингушетии, составляют своеобразный комплекс материальных исторических памятников вайнахов. Из всех горных районов Северного Кавказа только современная Ингушетия отличается наибольшим количеством таких памятников, поскольку она не являлась «ареной боевых действий во время русско-кавказской войны в XIX в., и потому здесь лучше сохранились и башни и надземные скле-

пы, придающие горному аулу и даже ущелью своеобразию и красоту великолепными архитектурными ансамблями»².

По типологическому анализу известного археолога и этнографа Л. П. Семенова все архитектурные памятники материальной культуры, как надземные, так и подземные на территории Чечни и Ингушетии, профессор Е. И. Крупнов делит на три основные группы: 1) монументальные жилые и оборонительные сооружения — жилые и высокие боевые башни, укрепленные замки, городища и заградительные стены; 2) погребальные сооружения — подземные, полуподземные и надземные каменные склепы - («каши»), пещерные и грунтовые захоронения, каменные ящики и курганы; 3) древние христианские храмы, языческие святилища и придорожные стелы («чурты»)³.

На территории Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время основными районами каменного строительства являлись верховья Аргуна, (Чанты-Аргун, Шаро-Аргун), Нашаха, Мал-хиста Майста, верховья Фортанги, Ассы и Джейрахское ущелье.

Характерной особенностью архитектурных памятников вайнахов в средние века является строительство жилых башен — «гIала». «Пала» являлись неременной принадлежностью любого горного села, как, например, с. с. Басхой, Хамхи, Салхан, Бейни и др. По форме основания башни делились на 2 группы: квадратные и прямоугольные. Обычно они были невысоки, в два-три этажа. Стены постепенно суживались кверху. Высота башни достигала 10 и более метров. Стены башен были сложены из необработанных или грубо обработанных плит и камней, т.е. более примитивно по сравнению с кладкой боевых башен. На каждый этаж вела своя дверь. Дверные и оконные проемы завершались арками, которые высекались из огромных камней-монолитов. Изнутри эти проемы расширялись и в них плотно вгонялись деревянные рамы⁴. Жилые башни были одинаковы и по своей конструкции отличались от жилых башен дагестанцев, осетин и других народов. Одна-ко в архитектуре чеченского общества Чеберлой (озеро Кезе-ной-Ам) наблюдалось некоторое влияние дагестанской строительной техники. Кроме того, на постройках в Чеберлое час-

то встречаются петроглифы, а также высеченные на камнях стен древние культовые символы, характерные для Аварии.⁵

Наряду с жилыми башнями в рассматриваемое время вай-нахи строили и боевые башни-«боу» (или «воу»). Их, как правило, сооружали на стратегически важных местах: на труднодоступных скалах, вблизи отдельных важных дорог и маршрутов, у подступов к селениям и т. д. Боевые башни, в отличие от жилых, в подлинном смысле слова являются вершиной архитектурного и строительного мастерства древних вайнахов. Здесь преобладают высокие образцы техники и строительного искусства того периода⁶

Отличительными признаками вайнахских боевых башен являются «машикули», т.е. маленькие защитные балкончики на верхнем этаже, служащие для ведения эффективной обороны. Другая отличительная особенность боевых башен — наличие выбитых крупных крестов, змей, стилизованных фигур животных, людей и т.д. На таких башнях встречались также рисунки человеческой руки (завершая строительство башни, мастер высекал изображение своей ладони). Наличие крестов на боевых башнях вайнахов исследователь В. Ф. Миллер связывал с влиянием христианства в Ингушетии в прошлом.⁷

Боевые башни строились без фундаментов, на скальной основе. В основание клали камни больше человеческого роста. Для подъема камней и сланцевых плит использовали специальные ворота (чегыркь). Секреты строительства башен передавались от отца к сыну. Так, например, жители ингушского селения Берхин славились своим строительным мастерством. Вайнахи строили также боевые башни по заказу жителям Грузии — Хевсуретии и Тушетии. Отдельные башенные комплексы на территории Чечни и Ингушетии были так сильно укреплены, что могут быть названы замками. Так, например, известны башенные замки Пакоч (устье р.Чанты-Аргуна), Алдам-Гези (с.Кезеной), Аршауг (сел.Цори), замок Евло-евых (с. Пялинг) и др.⁸

Башенные комплексы в полуразрушенном виде сохранились на сегодняшний день в горной части Чечни и Ингушетии — в окрестностях озера Галанчоуж, Кезеной-Ам, в верховьях рек Чанты-Аргуна, Фортанги, в высокогорной части Шароевско-

го района. В лесистой части некогда известной Ичкерии были известны также боевые башни, еще в XIX веке стоявшие у сел. Харачой и Ца-Ведено⁹

В XVIII веке на территории Ингушетии существовали замковые сооружения и разного рода заградительные стены. Данные оборонительные сооружения (комплексы) возникли при тех же исторических условиях, что и боевые башни. «Замки» представляли собой комбинированные сооружения, состоявшие из нескольких жилых, а то и из двух-трех боевых башен. Уникальным башенным комплексом такого рода является с. Эрзи, состоявший из 16 боевых башен. Эти башни сохраняют в себе характерные особенности как жилых, так и боевых башен. Исключение составляет «замок» в сел. Эгикал, состоящий только из жилых, но хорошо укрепленных башен. Как правило, «замки» воздвигались по ранее намеченному плану и на местах, имеющих важное стратегическое значение.¹⁰

Замечательный многобашенный комплекс в с. Эрзи принадлежал 14 фамилиям — тайпам.¹¹ Замковые сооружения имели далеко не все горные селения.

Большое место среди архитектурных памятников горной Чечни и Ингушетии занимают памятники погребального сооружения. Они делятся на 3 основные группы и составляют первые 2 группы - подземные и полуподземные склепы, и третья группа — подземные склепы, называемые вайнахами «кашами». Погребальные памятники составляют также разного рода каменные ящики и грунтовые могилы.

В рассматриваемое время в горной Чечне и Ингушетии широко использовались надземные склепы (малх-каш). В горной Чечне такие сооружения под «малх-каш» состояли из домиков с двускатной шиферной крышей. С узкой стороны склепа находился лаз — четырехугольное отверстие. Вдоль стен располагались полки в один-три ряда, на которые клали умерших. Таким путем тела умерших подвергались естественной мумификации.¹²

Склеповые сооружения в горной Чечне и Ингушетии порой образовывали целые «города мертвых». Многие авторы отмечали, что «около каждого аула взору исследователя представляется как бы другой аул из разнообразных по форме и

по величине домиков. Это-местный некрополь».¹³ Известны обширные некрополи в верховьях Чанты-Аргуна - в Малхисте и Майсты. «Город мертвых» в Малхисте-Цой-Педе — в основном состоит из склепов с нишами. Некрополь в Майсты состоит из склепов в два этажа. Особенно много «городов мертвых» сосредоточено в горной Ингушетии (могильники у сел. Джерах, Шуан, Тери Допгхаки и т.д.) Известно, что «города мертвых» принадлежали родам, отдельные склепы принадлежали фамилиям и семьям.¹⁴

В районах, где отсутствовал камень, но зато были мощные отложения гальки, местные жители прибегали к искусственным пещерам. Такие пещерные некрополи были сосредоточены у сел. Советское (Шатой), Закан-Юрт, Кели, Бамут, Памятей. Вайнахи использовали также и естественные пещеры в скалах (сел. Фуртоуг, Макажой», Ялхорой, Чермохой, Итир-Кале, Курен-Беной). Иногда погребения совершали в каменных ящиках, т.е. ямах, обложенных каменными плитами.¹⁵

Рядом с «городами мертвых» и на отдельных площадках вайнахи часто сооружали свои святилища — храмы. Известны два типа святилищ (храмы): высокие колонны — столпы с нишами (сиелинг) и домики наподобие склепов с двускатной крышей (дала). Первый тип святилищ служил местом жертвоприношений и молений. Они были распространены в горах Чечни («Меркенду» у сел. Басхой, столпы у «города мертвых» Цой-Педе, «Акана», у сел. Туга, Икильчи, Мечи и др.). В большом количестве они были распространены в Ингушетии (сел. Бишт, Таргим. Кост, Вовнушки, Эрзи и др.).¹⁶

Склепообразные святилища в основном были сосредоточены в нагорной Ингушетии. Самое простое святилище «Аушасел» находится у сел. Таргим. Оно не имеет входа и только с восточной стороны имеется ниша для «жертв». Однако такие святилища, как «Тушоли» у сел. Кок, «Болам-дела» и «Тушоли» у сел. «Шуан», «Сусон-Дела», «Мятцил», «Мятер-Дела» на горе Мат-лам, «Ханхе-Сели» у сел. Хани, «Бейни-Сели» у сел. Бейни и другие располагали внутренними помещениями с нишами.¹⁷

В XVIII веке на территории Чечни и Ингушетии находились архитектурные памятники, связанные с отправлением

религиозных культов - язычества и христианства. Таким памятником, связанным с христианской религией, является одноапсидный храм «Тхаба-Ерды» (Святой двух тысяч), расположенный недалеко от сел. Хайрах в верховьях р. Ассы, на правом ее берегу храм «Тхаба-Ерды» венчает целую группу христианских храмов, расположенных также в Ассинском ущелье, что «Али-Берды», «Галь-берды», храм у сел. Таргим и т.д. «Эта немногочисленная группа христианских храмов, - отмечает профессор Е. И. Крупнов, - безусловно являющаяся производной от грузинского церковного зодчества, служит ценнейшим доказательством появления и распространения христианства в вайнахской, в частности, в ингушской среде не ранее XII-XIII в.в., в период расцвета грузинской феодальной монархии.¹⁰

К числу памятников материальной культуры, относящихся бытованию в прошлом среди вайнахов первобытно-языческой религии, относятся также разного рода святилища, которыми являются каменные сооружения в виде прямоугольных массивных столбов — «сиелинг» — с двускатной крышей.

Святилища сложены из хорошо обработанных камней, поверхности стен оштукатурены; в стенах имеется по нескольку окон — щелей; входы в святилища украшены оленьими или турьими рогами.¹⁹

По мере распространения мусульманской религии ислам, в основном на равнинной части Чечни и Ингушетии, в XVI-XVIII века: вайнахи стали хоронить умерших по мусульманскому обряду в грунтовых могилах (кашах). Именно на этот период приходится дошедшие до наших дней каменные стелы (надгробия) с арабскими надписями, которые ставились на могилах умерших. Вполне естественно, что отныне на смену языческим святилищам и христианским храмам в XVI-XVII в.в. приходят мечети (чеч. «маьждиг»). Мечети строились первоначально из камня и сохраняли в себе черты местной национальной архитектуры.²⁰

В XVIII веке коренные жители Чечни и Ингушетии проживали как в горах, так и на равнине в соответствующих поселениях, которых называют дореволюционные русские источники по-разному: село, деревня, аул, юрт, кабак и т. д. Ко-

нечно, в начале XVIII века доля сельского населения в горных селах была выше, нежели на равнинной части Чечни и Ингушетии. Хотя, следует отметить, что с конца XVIII века наблюдается тенденция роста поселений и соответственно численности ваиных на равнине и завершение процесса окончательного переселения горцев с гор на плоскость.

По плотности населения и соответственно по количеству дворов горные, предгорные и равнинные села ваиных были далеко не равнозначны между собой. Так, например, если в отдельных горных и высокогорных близко друг от друга лежащих небольших деревнях, по свидетельству иностранного исследователя И. Г. Георги, насчитывалось не более 20 дворов ваиных и во многих из них имелись каменные башни для укрытия женщин, детей и имущества.²¹ Совершенно по-иному выглядела картина на равнинной части Чечни и Ингушетии. По данным источников XVI века в таких селах, как сел. Алды насчитывалось 200 дворов, в сел. Гехи — 200 дворов, в сел. Большая и Малая Атаги — вместе 1100 дворов, в сел. Чечен-аул - 1200 (?) дворов.²²

В XVII веке в Чечне и Ингушетии, как известно, не было городов. Поселения ваиных были расположены в равнинной, предгорной, горной и высокогорной зонах.

Горные поселения ваиных отличались теснотой дворов из-за отсутствия свободных земельных площадей, а то и полным отсутствием места строения. Зато на равнинной части селения ваиных занимали большую площадь.

В XVIII веке у ваиных шел процесс образования хуторов (к1отар — чеч.) в основном в горных районах. Жители вновь образовавшихся из нескольких семей хуторов, как правило, принадлежали одному тайпу и были однофамильцами.²³

В каждом ваином селении имелась, как правило, в центре села, небольшая площадь, называвшаяся «майдан», где жители собирались для решения и обсуждения важных вопросов. На этих же площадях — майданах — обычно находилась сельская мечеть. Кладбище ваиных зачастую располагалось на окраине селения.²⁴

В горных районах Чечни и Ингушетии селения ваиных по своей этнической принадлежности в основном состояли

из представителей одного племени. Однако на равнине Чечни и Ингушетии нередко были селения с многонациональным населением. Так, например, источники сообщают о том, что в отдельных селениях Чечни и Ингушетии в XVIII веке совместно проживали кумыки, кабардинцы, балкарцы, осетины, аварцы т. д. И, наоборот, в некоторых кабардинских деревнях проживало немало осетин, кумыков, лакцев, даргинцев, чеченцев и ингушей, и д.р. Безусловно, совместная жизнь соседних северокавказских народов в одних и тех же населенных пунктах в значительной мере способствовала формированию у них общих черт в материальной и духовной культуре.²⁵

В планировке жилого дома в XVIII веке в основном преобладали двухкамерные (двухкомнатные) конструкции. В дальнейшем, по мере увеличения семьи ее дробления число камер (комнат) стало расти. В большинстве своем как в горах, так и на равнине дома ваиных были одноэтажные, длинные. В одноэтажных домах впоследствии появилось множество комнат, из которых одна была самой главной, принадлежавшей главе семьи, остальные комнаты были предусмотрены для молодых семей, комната для гостей, кухня и т.д.

Для строительства дома и хозяйственных построек ваиных использовали различные строительные материалы. Однако и в этом были свои преимущества как в горах, так и на равнине Чечни и Ингушетии. В горных районах большая часть жителей для строительства использовали камень. Стены из него, как правило, клались на глиняном или известковом растворе. Кроме того, здесь же практиковались «дома с двойными плетневыми стенами, пространство между которыми заполнялось глиной».²⁶ На равнине же дома возводились из саманного (глинобитного) кирпича. Саманные дома зачастую строились одноэтажные, реже — двухэтажные. Кроме того, в равнинных районах Чечни и Ингушетии дома горцев строились из плетня, с последующей его обмазкой глиной, смешанной с соломой. Однако и здесь, как и в горах, встречались турлучные дома с двойными плетневыми стенами. Кроме того, как в горах, так и на равнине, встречались дома с тесаной каменной кладкой и с деревянными деталями (окна, двери, карниз и т. д.). Жизнь для чеченцев и ингушей сложилась на равнине

в сравнимо более благоприятных условиях. Селения стали многолюдны; они окружены садами. Жилища стали светлее и чище горных»²⁷ — отмечает исследователь А. Гольдштейн. Дореволюционный исследователь А.П. Берже писал: «Чеченцы, обитающие на долине, живут большими аулами; дома у них турлучные, внутри чисто, опрятно и светло.

Комнаты нагреваются каминами ... У горных чеченцев, живущих в верховьях Аргуна, где в лесе чувствуется большой спрос, дома каменные. Чеченцы, живущие в верховьях Аргуна, живут гораздо неопрятнее и беднее.»²⁸ В каменных домах горцев крыши высокие, глиняные (балки деревянные); в турлучных домах крыши были скатные и они как правило покрывались соломой, тростником или обмазывались глиной.

Из множества строительных приемов горцев большой интерес вызывает использование ими в строительстве чисто каменных перекрытий — арочные, на каменных столбах, ложные каменные своды, деревянные каркасы каменных жилищ, каменные столбы и колонны, зачастую фигурные (горный Дагестан, Чечня, Ингушетия, Осетия и др.)²⁹

Во внутреннем убранстве вайнахов также, как и у многих северокавказских народов, в большой мере улавливаются национальные особенности, традиции и обычаи. В домах у горцев, как правило, были маленькие низенькие столики и стулья, открытые деревянные шкафы для посуды, некоторые деревянные резные изделия, сундуки, узорные войлоки с аппликациями на деревянных кроватях или на стене и т.д. У многих вайнахов в домах имелись отдельные гостевые комнаты, (кунацкая), где находились лучшие вещи — ковры, паласы, оружие, сундуки, кубки и т.д.

О материальной культуре свидетельствует также одежда войнахов, которая содержала в себе много общесеверокавказских черт и в тоже время имела сугубо локальные специфические свойства, отвечавшие нравственным, бытовым и эстетическим вкусам чеченцев и ингушей. Так, например, простые черкески, (кафтаны) шили из черного, бурого и серого домотканного сукна. Праздничные, выходные черкески XVIII века вайнахи так же, как и адыги, изготавливали из привозного (покупного) сукна разных цветов, украшали их галунами и даже

вышивкой.³⁰ У ингушей практиковалась черкеска со стоячим воротником.³¹ Кроме того, горцы предпочитали короткие до колен черкески с узкими рукавами, висящей на ремне газырницей. Газырницы иногда изготавливались из кожи и нашивались на черкеску по обеим сторонам груди.³²

В рассматриваемое время вайнахи наряду с черкеской носили другую верхнюю мужскую одежду, которая называлась бешметом. Бешмет имел свои особенности. Выглядел он несколько длиннее черкески. Бешмет не имел стоячего воротника. Рукава бешмета, как и у черкески, были узкие. Внизу бешмет сидел свободно, иногда сборками, а верхняя часть его обтягивала фигуру.³³

"Иностраннный путешественник Ж. Ш. Бесс отмечал, что под черкеской горцы носили еще одну одежду из шелка или другой ткани, которую украшали золотым или серебряным шитьем и галунами, и называют ее по-разному: жилет, камзол, туника, куртка. Автор Ж. Ш. Бесс дает этой одежде совершенно новое название — «каптал», которая соответствует более бешмету у народов Северного Кавказа.³⁴

В отдельных случаях бешмет носили без черкески, даже в праздничные дни, ибо черкеска, была не у всех, и надевалась она по гюоздшгчным дням. Шили бешмет из холста, полотна, бязи и служил верхней и единственной нательной одеждой. Однако бешмет надевался и на рубаху.³⁵

Относительно одежды ингушей иностраннный исследователь — путешественник отмечал, что они также носили бешметы, но они не были обязательны, а черкески иногда они надевали прямо на рубаху. Кроме того, бешметы у ингушей были короче черкески и шили их из холста, бумажной материи, редко из шелка или шерстяной материи. Бешметы у горцев служили в качестве повседневной одежды и делали их стегаными.³⁶

Исследователь Л. П. Семенов в качестве мужской верхней одежды чеченцев и ингушей называет халат, сшитый из цветной шелковой или шерстяной ткани. Цветные шелковые халаты были длинные, ниже колен и служили в качестве верхней одежды, под которую надевали короткую стеганую одежду. Халат имел покрой черкески, но с более широкой спинкой.³⁷

В XVni веке вайнахи в качестве старинной мужской одежды предпочитали серые рубашки из холста, бязи или шелковой ткани. Практиковались у вайнахов также и черные рубашки.³⁸ Безусловно, и черкески, и бешметы надевались горцами прямо на рубашки.

Важным атрибутом мужской одежды горцев являлись штаны со вздержкой (иногда с кожаными штрипками из холста, домотканного сукна и других тканей, преимущественно темного цвета). Штаны были широкие вверху и постепенно суживающиеся книзу, начиная от колен. Иногда штаны заправлялись в обувь в зависимости от людей состоятельных.³⁹

У чеченцев и ингушей в XVIII веке были распространены узкие кожаные пояса с небольшой железной или бронзовой пряжкой. Подобные пояса, — отмечает профессор Е. И. Крупнов, — украшались серебряными и бронзовыми наконечниками и бляшками.⁴⁰ Наряду с кожаными поясами вайнахи часто пользовались и матерчатыми поясами из широкой полосы ткани — холста или шелка.

Бурка являлась у вайнахов наиболее распространенной верхней плечевой одеждой. Бурка XVIII - нач. XIX века отличалась от более поздних образцов тем, что она была короткой, иногда значительно выше колен, что придавало некоторые удобства и всаднику, и пешему человеку. Такую бурку надевали поверх черкески или кафтана и носили ее на левой стороне плеч, чтобы разрез приходился на правую сторону и правая рука могла свободно двигаться. Кроме того, бурку можно было свободно поворачивать в ту сторону, откуда дул ветер и шел дождь. Вайнахские мужчины в XVIII-XIX вв. носили также шубы из овчины или меха. Шубы горцы шили не только из овчины, но также из шкур диких зверей. Во время дождя или мокрого снега шубы, как правило, выворачивались шерстью наружу. В целом, короткая овчинная шуба надевалась горцами прямо на рубаху и подпоясывалась ремнем.⁴¹

В рассматриваемое время у вайнахов были различные головные уборы, которые они носили по сезону. Для мужчин характерны были шапки, изготовленные из меха, а также из холста, реже - из шерстяной ткани. Такие шапки позже были вытеснены другими меховыми и войлочными шапками гор-

цев. В конце XVIII - нач. XIX века вайнахи стали носить папахи из каракуля с очень широким околышем и довольно выпуклым круглым верхом. В то же время некоторые горцы из знатных фамилий к своим праздничным костюмам специально изготавливали шапки из ткани, похожие на митру и состоявшие из отдельных вертикальных долек, между которыми иногда размещались галуны, сходящиеся на макушке. На шапке, сшитой из сукна или какой-либо другой ткани, по самому нижнему её краю проходила широкая полоска галуна. Такие шапки тоже были высокие и глубоко не закрывали голову, оставляя открытым лоб.⁴²

В качестве головного убора у горцев в XVIII веке были также войлочные шляпы в виде колпаков с некоторыми поднятыми кверху полями. Кроме шляпы войлочной, у вайнахов существовал и такой вид головного убора, как башлык («башлак» - чеч.) — капюшон от дождя. По всей видимости, этот вид головного убора был заимствован вайнахами у соседних тюркских народов — балкарцев и карачаевцев.⁴³

Обувь вайнахов имела много общего с обувью народов Северного Кавказа. Она состояла из нескольких видов, как, например, чувяки («кIархаш» - чеч.) из сукна, козлиной или бараньей кожи, на мягкой с плетеной из ремней подошве. Богатые горцы носили чувяки и сапоги из цветного сафьяна.⁴⁴

Наряду с повседневной обувью (чувяки) вайнахи пользовались также мужской рабочей обувью «наIар мачаш» (поршни) из сыромятной грубой кожи, с плетеной подошвой. И, наконец, третий вид мужской обуви вайнахов — сапоги на кожаной или деревянной подошве с подковами. Такую обувь шили из грубой кожи и носили в горах.⁴⁵

У вайнахов в XVIII - нач. XIX века существовали ноговицы как часть атрибута мужской обуви. Простые ноговицы шили горцы из сукна и войлока, а парадные (праздничные) — из сафьяна. Ноговицы надевали поверх штанов и они плотно обхватывали ноги от щиколотки до самых колен и выше.⁴⁶

Как известно, праздничный (парадный) костюм вайнахов непременно дополнялся соответствующим вооружением. Даже мало-мальски состоятельный горец считал для себя за честь иметь кольчугу, а иногда и пластинчатые латы, шлемы с ми-

сюркой и поручи. Ингуши в XVIII веке носили при себе круглые деревянные щиты, обтянутые кожей. Так же, как и многие народы Северного Кавказа, в рассматриваемое время вай-нахи имели ружья, а то и пистолеты. У некоторых людей находились в употреблении еще и луки. Отдельные горцы имели у себя на вооружении и фитильные ружья.⁴⁷

Иностраный исследователь-путешественник Якоб Рейнеггс, побывавший в конце XVIII века в Чечне и Ингушетии, писал о вооружении вайнахов: «Сверх исправного ружья, вооружены они (чеченцы и ингуши - Ш.А.) еще кинжалом, саблею и копием длиною в 4 фута, к чему можно еще причесть небольшой овальный щит, который сделан из крепкой и толстой кожи, снаружи вделаны в него три железных широких кольца, прикрепленные железными гвоздями с большими шляпками, а внутри пришиты к нему два ремня, чтобы его способнее держать и под ушко. Не вооруженные никогда они не выходят, ниже за ворота дому своего, но по крайней мере имеют в руках толстую палку длиною в 2 аршина, у которой к верхнему концу приделан железный шар с высунувшимися железными спицами. Сие смертоносное оружие называют они ТОППУС».⁴⁸

Говоря о вооружении вайнахов конца XVIII века, академик П. С. Паллас указывает, что «это единственный народ Кавказа, у которого сохранился щит как часть оружия. Щиты эти изготовлены из дерева, покрытого кожей и охвачены железными обручами овальной формы. Короткая сучковатая пика, являющаяся частью их вооружения, - пишет далее автор, - служит не только для обороны, но и в качестве подпорки для ружья, которое кладут между рогатками этой пики, укрепляя ее конец в земле, что дает возможность более точно стрелять в цель.»⁴⁹

Кроме того, у вайнахов распространенным оружием в это время была сабля с перекрестием, как, например, у народов ближнего Востока и Восточной Европы, горцы носили также и кинжалы с прямым и изогнутым лезвием. В ингушском погребении обнаружен боевой топорик в деревянном чехле. Кроме оружия, горские мужчины имели всегда при себе нож в кожаном чехле, трут, кремь, бритву складную или нескладную, оселок, костяную или деревянную пороховницу.⁵⁰

Женская одежда вайнахов, несмотря на некоторые локальные особенности, имела все же много общего. В горных районах Чечни и Ингушетии в зимнее время женщины носили теплую верхнюю одежду - «главтал», стеганую на тонком слое ваты или шерсти. Изготавливали ее из сукна, шелка или другой хлопчатобумажной ткани. Женский «главтал» плотно прилегал к талии, имел длинные узкие и короткие до локтя рукава. Кроме того, вайнахские женщины шили зимние белые шубы, которые надевались просто на тело с платьем. Горские женщины также шили для себя длинные шубы, покрытые тканью, распашные, с длинными узкими рукавами. Царский офицер С. Беляев, находившийся в самом начале Кавказской войны в плену у чеченцев, называет верхнюю женскую одежду наподобие «архалуха» — стеганный кафтан («главтал»). Данный женский главтал был притален и шили его из хлопчатобумажной ткани или из шелка с серебряными украшениями на груди. Богатые люди имели на главталах серебряные застежки и подвески наподобие желудей. Другой царский офицер Д. А. Милютин в начале XIX в. изобразил на рисунке чеченку в короткой верхней одежде, которая доходит до колен. Эта одежда очень похожа на вышеописанный женский «главтал». Он также притален и надевают его поверх платья и штанов; подол, борта, ворот и рукава его обшиты галуном и на каждой стороне груди изображена крупная круглая бляха.⁵¹

В рассматриваемое время вайнахские женщины шили для себя рубахи-платья, чаще всего из холста или бумажных тканей, а также из шелка разных цветов - синего, коричневого, темно-красного и черного. Исследователь Б. Далгат отмечает, что черное платье надевали женщины в траур.⁵² Все платья застегивались у ворот серебряными пуговицами.

Наравне с платьями женские штаны также являлись основной частью одежды вайнахов. Женские штаны шили мастера из холста и из грубой шерстяной дмотканной материи, а более нарядные - из тканей красного цвета. Как правило, молодые женщины шили для себя красные штаны, замужние, пожилые — голубые, а девочки — белые. Штаны надевались непосредственно на тело, под платье.⁵³

Иностраный исследователь Якоб Рейнеггс, побывавший в XVIII в. нашем крае, также запечатлел вайнахскую женскую одежду. Он, в частности, пишет: «...Их платье составляет длинная рубашка, которая с плеч по груди почти на пять пальцев шириною разными шелками или шерстью вышита и долгой холстинной балахон, поясом перепоясанной. Кажется будто они имеют особливый закон, чтобы замужние жены и взрослые девицы носили красные мужские исподницы, которые внизу у ног весьма искусно вышиты и оторочены черною лентою. У вдов, старух и малых девушек исподницы сии бывают синия или белыя; зимою ходят они в сапогах, а летом босиком. Когда же снег бьвает столь глубоко, что им невозможно выходить из домов своих, то они делают ковры и покрывала и ткут тонкую шерстяную материю, которую можно на платье употреблять.»⁵⁴

Судя по дошедшим до нас сведениям женщины носили пояса-ремни, изготовленные из бумажной или шелковой ткани с бахромой и узорами, иногда с металлическими и серебряными пряжками. Некоторые женщины из богатой семьи носили пояса с серебряными украшениями на них. В домашних условиях, а также во время работы чеченские девушки поверх своего платья носили пояса из ленты, полоски кожи или шнурка.⁵⁵

Довольно разнообразны были в XVIII - нач. XIX века женские головные уборы. Известный кавказовед Н. П. Гриценко пишет о том, что чеченские женщины носили на голове белые платки, а иногда большие темные покрывала,⁵⁶ которые изготовляли сами женщины и называли их, по всей вероятности, по-чеченски «кортали».

Согласно фольклору ингушские женщины в качестве головных уборов шили для себя и носили пестрые шелковые платки, которые назывались «гурмалои».

Иностраный исследователь-путешественник Ю.Клапрот, побывавший в самом начале XIX века в Чечне, отмечал, что вайнахские женщины шьют в качестве женского головного убора шапки, очень похожие на шапки черкешенок, и носят их только чеченские девушки.⁵⁸ Очень своеобразен ингушский парадный женский головной убор «курхарс», изготовляв-

шийся самими ингушскими женщинами. Он имел много общего с древней фригийской (греческой) шапкой — колпак, отличался простотой и изяществом, имел красный цвет. Профессор Л.П. Семенов сообщает по этому поводу о том, что он, будучи в научной экспедиции в горной Ингушетии, неоднократно находил здесь в надземных склепах особый женский головной убор, называвшийся у здешних местных стариков «курхарс». Это подобие изогнутого рога, который суживается кверху и загибается спереди. Сделан он из тонкого войлока, обтянут красной тканью, украшен перекрещивающейся перевязью и круглой выпуклой серебряной бляхой, и называется он по-старинному «курхарс».⁵⁹

Определенное мнение существует относительно женского головного убора «кур-харс» у известного кавказоведа Е. Г. Крупнова. Он, в частности, пишет, что «Кур-харс» надевали женщины на голову так, что его конец приходился на лицевую сторону. «Спускаясь на затылок плотным прямоугольником, расшитым шелком, «кур-харс» закреплялся на шее лентами». Богатая отделка говорит о принадлежности его людям только богатым.⁶⁰

Известно, что в XVIII веке вайнахские женщины, как замужние, так и девушки для красоты придерживались определенных причесок. Так, например, по описанию иностранного исследователя Якоба Рейнеггса чеченские девушки «волосы на голове спереди до половины лба подрезают, расчесывают их по одному с великим рачением и мажут их яичным белком, чтобы они лежали вместе и светились; задние же волосы заплетают во множество кос и распускают их по плечам и по спине, а вышедши замуж, заплетают только две косы и обвивают каждую шелковыми, шерстяными или нитяными завязками до тех пор, пока оные будут у головы в два дюйма толстою; они висят до самого подола верхнего платья и, наконец, лентами вместе связываются».⁶¹

О материальной культуре вайнахов в XVIII в. свидетельствуют найденные в склепах предметы высокого ювелирного искусства и ремесленного производства. Искусными мастерами были было изготовлено большое количество разнообразных женских украшений: бусы, серьги и височные подвески. Пре-

обладают стеклянные бусы сине-зеленого, коричневого цветов, имевшие круглую, овальную, чечевицеобразную форму. Бусы изготовлены также из цветной глинистой композиции, покрытой узорами. Сердоликовых бус (мелких овальных) мало. Очень редко янтарные бусы в виде плоских кружков.⁶²

Разнообразием форм и техникой исполнения отличались серьги. Простейший тип женских серег состояли из бронзовых и серебряных, проволочные серьги с верхним незамкнутым кольцом и стержнем, заканчивающимся цветной бусиной или полным металлическим шариком.

Редкий тип женских серег составляли золотые и серебряные серьги в виде прочного стержня с незамкнутым кольцом. «Нижняя часть такой серьги представляет собой стержень, перевитый тонкой проволокой, - указывает Е. И. Крупное - или столбик, состоящий из припаянных друг к другу мелких шариков; на конце такой серьги обычно притаены 3-5 и более крупных шариков.⁶³

Отдельные же украшения вайнахских женщин, которые они надевали на себя, составляли не только серьги, но и «серебряный ошейник, на котором висели большие монеты, особенно рубли, производящие большой звон при каждом их движении».⁶⁴

Русский офицер Л. Ельн, находившийся в начале XIX века в Чечне в качестве пленного и наблюдавший быт горцев, отмечал, что вайнахские девушки носят на обеих руках браслеты, а также серьги, кольца с висящими шариками, целых ряд цепочек, лежащих на груди.⁶⁵ Как видим, автор называет целый набор отдельно надеваемых женских украшений.

Одним из самых распространенных типов височных подвесок являлись бронзовые и серебряные подвески.

Наиболее известными в быту чеченцев и ингушей, а также повсеместно на Северном Кавказе являлись круглые плоские зеркала, сделанные из бронзы или металлического сплава и с внутренней стороны покрытые геометрическим (крестообразным, радиальным) орнаментом.⁶⁶

В XVIII веке у вайнахов хорошо было развито изготовление столярно-токарных изделий. Подтверждением тому могут служить многочисленные деревянные сосуды: чаши, миски,

кружки, кубки, которые имели явные следы вращения сосудов в процессе их изготовления в столярных мастерских. Было налажено изготовление трехструнных балалаек (дечик пондур), струнами для которых служили конский волос или тонкие жилы животных. Большой интерес представляют найденные в склепах костяные изделия (газыри). Кроме того, обнаруженные при исследовании склепов различные изделия одежды из белого холста, плотной грубой шерстяной ткани, ярких цветов шелковых тканей, цветные сафьяновые сапоги и чуваки подводят нас к выводу о том, что в рассматриваемое время у вайнахов существовало ткацкое и кожевенное производство и были налажены торгово-экономические связи с восточными и европейскими странами.⁶⁷

Пища вайнахов, их основные блюда на протяжении длительного времени, несмотря на определенные изменения в их быте, оставались стабильными и не претерпели больших изменений. Важнейшими зерновыми культурами у вайнахов в рассматриваемое время оставались ячмень, пшеница кукуруза и просо.⁶⁸

Основным продуктом питания горца в пище по-прежнему остова лея хлеб из кукурузной или ячменной муки. Хлеб всегда был пресный. Дрожжей горцы не знали. Способы приготовления мучных блюд были различные. Хлеб пекли, как правило, без особых затей, замешивая кукурузную, ячменную, пшеничную или просяную муку либо в воде, либо в сыворотке, добавляя немного соли, в сковороде. Кроме хлеба, из этой же муки и теста, таким же способом горцы изготавливали, т.е. пекли лепешки (чеч. — мижаргаш), хлеб, изготовленный из кукурузной муки, назывался у вайнахов «сискал», из пшеничной муки — «бепиг» или «хьокам». Обычная простая пища вайнахов среднего достатка состояла из молока, сыра и простого кукурузного или ячменного хлеба. Жидкую пищу варили горцы два раза в день. Она состояла из кислого молока («етта шура»), разбавленного водой и подогретого на огне, хлеба или галушек, замешанных из кукурузной муки (ахъара галнаш). Кроме того, горцы пекли тонкие блины (локъамаш) из пшеничной муки и ели их с маслом.⁶⁹

Из пшена и кукурузной муки горцы варили кашу и ели ее

с маслом. Предпочтение отдавалось вайнахами различным кушаньям из жареного теста, хотя любили и печь. Большое распространение имело среди горцев в XVIII веке толокно — мука из прожаренного зерна ячменя, проса и кукурузы (чеч. - цу). Из такой муки вайнахи изготавливали походную пищу: соответствующее количество её перемешивали с топленным маслом, добавив по вкусу соль.

Как и многие народы Северного Кавказа, вайнахи использовали в пищу мясо домашних животных. Предпочтение отдавалось баранине, на втором месте стояла говядина. Мясо других животных — конина, буйволина или мясо диких животных - вайнахи мало употребляли. Мясные блюда вайнахов, как и у соседних народов, были разнообразны. В полевых условиях горцы, как правило, мясо жарили целыми кусками на вертеле или на углях костра в виде шашлыка. Дома же готовили из мяса специальное блюдо, которое и по сей день называется у вайнахов «жигиг-галнаш», т.е. варили мясо в котле кусками и подавали его с галушками из муки (кукурузной или другой), чесночный рассол и бульон. Правда, мясо не являлось повседневной пищей не только всех чеченцев, но даже и социально-имущей части населения. Однако и в этом случае исключением для вайнахов являлся знатный и редкий гость, которого, как отмечает дореволюционный исследователь Н.С. Иваненков, угашали горцы с особой заботливостью. Для гостя специально резали барана, варили и подавали ему лучшие куски мяса, которыми считались голова, грудинка и курдюк. «Мясо подают, - пишет он, — на круглых блюдах до 12 вершков в поперечнике, в середине его ставится маленькая чашка с разведенною водою солью, смешанной с толченым чесноком ... А чеченцы действительно народ радушный и гостеприимный»,⁷⁰ — заключает автор.

Из внутренностей животных горцы изготавливали колбасы и другие кушанья. Мясо домашней птицы - кур, индюков, гусей и уток — высоко ценилось среди вайнахов и из него готовили разнообразные вкусные блюда.

Наряду с мясными блюдами самой распространенной пищей вайнахов оставалась молочная. Молочную пищу горца

составляли: заквашенное молоко (кислое молоко), сыр из коровьего или овечьего молока, сметана, масло и т. д. Способы приготовления их у вайнахов были разные. Как уже было сказано, сыры у горцев также были разные: свежие (пресные) и соленые. И те, и другие сыры использовались для приготовления различных блюд. Так, например, из свежего мягкого сыра (творога), смешанного с яйцом и солью, готовили фарш, который использовали для приготовления блюда «чепалгаш». Из соленого творога, перемешанного со сливочным или топленным маслом и мелко рубленным отварным яйцом готовили блюдо «калд-дята». Из соленого творога, перемешанного со сметаной, готовили горцы весьма вкусное блюдо - «Тюберам».

Среди вайнахов чаще был распространен овечий сыр — («нехча»), а также коровий — (калд), высушенный в виде шариков или кругов, а также подержанный в рассоле из сыворотки или овечьего молока. При заготовке коровьего сыра впрок горцы держали его в специальных деревянных бочках («черманаш» - чеч.) с соленым рассолом из сыворотки. Форма сыра была различная: в виде шариков, пластин и кругов средних размеров.

Овечий сыр (нехча) вайнахи также заготавливали впрок в деревянных бочках с рассолом из овечьего молока.

Кроме масла, для жарения горцы использовали и курдючный, и внутренний жиры животных.

В XVIII в. большим спросом у вайнахов пользовался мед в качестве пищевого продукта. Его использовали горцы вместо сахара, а также в лечебных целях. Дореволюционный исследователь Я. Штелин отмечал, что мед и воск чеченцы и ингуши добывали в огромном количестве. Мед, добываемый ими в то время, отличался превосходными качествами.⁷¹ Царский генерал Дельпоццо сообщал, что чеченцы «пчеловодством занимаются рачительно и получаемый оттого в большом количестве мед отменно вкусен.»⁷²

Иностранные путешественники-исследователи отмечали также, что народы Северного Кавказа в большинстве своем очень сдержанны в потреблении хмельных напитков. Однако, при всем этом надо полагать, что вайнахи до принятия ислама практиковали изготовление у себя различных безалкоголь-

ных и алкогольных напитков из зерна. Так, например, чеченцы и ингуши готовили брагу (ниха) - безалкогольный напиток из зерна просо, варили пиво (йий) из ячменя и т.д. Однако при всем этом повседневым распространенным напитком горцев служило заквашенное, кислое молоко (етта шура).

§ 2. Духовная культура вайнахов

В XVII веке у чеченцев и ингушей, как и у многих народов Северного Кавказа, продолжала сохраняться семейная община, большая семья (патронимия), которой была характерна общинно-семейная собственность. Семейной общине (большой семье) вайнахов было присуще коллективное производство, потребление и совместное общинное управление. В большой семье (семейной общине) насчитывалось от 15 до 100 человек. Главой являлся самый старший в общине — отец неразделенных братьев, руководивший всеми хозяйственными делами общины и опиравшийся на семейный совет, который состоял из взрослых мужчин. Вторым лицом, обладавшим авторитетом и властью в общине, являлась жена главы семьи, которая управляла женскими делами.⁷³

По-видимому, в далеком прошлом, во всяком случае еще в XVI-XVII в.в. у чеченцев и ингушей патронимия (большая семья) была известна под названием «гара» (чеч.) или «вабра» (инг). Патронимия (большая семья) создавалась у вайнахов на основе «большого круга родственных семей, объединенных общим происхождением от одного предка и связанных между собой экономическими и родственными отношениями».⁷⁴ Не случайно, что и сегодня в семейных и родственных отношениях у вайнахов прочно сохранился и бытует такой термин, как «верас», производный, на наш взгляд, от слова «вабра». Слово «верас» выступает ныне в значении старшего человека, который опекает или покровительствует над всеми членами большой семьи, которые когда-то произошли от одного предка — патрона.

В рассматриваемое время, по всей вероятности, патронимия (большая семья) у вайнахов стала называться иными язычными словами «тукхум» или «тайпа». Несколько тукхумов или тайпов вместе образовывали «общество», «джамаат».⁷⁵

Наряду с большой семьей (семейной общиной) у вайнахов в XVIII веке существовала и малая, или индивидуальная семья. Главой и соответственно полновластным хозяином семьи являлся отец и ему беспрекословно подчинялись все члены семьи. Личные взаимоотношения в малой семье, как и в большой, «строились на строгом иерархическом принципе подчинения младших старшим.»⁷⁶

Брак у чеченцев и ингушей был экзогамным. Обычай вайнахов запрещал браки между мужчинами и женщинами одного и того же рода (тайпа) и распространялся он на род как со стороны отца, так и матери. По этому обычаю даже дальние родственники не имели право вступать между собой в брак.

В семейном быту вайнахов широкое распространение имел адат (обычай) избегания. По этому обычаю мужчины и женщины в доме должны были находиться в разных комнатах. При родителях и старших в семье молодожен избегал встреч и разговоров с женой, а при посторонних делал вид, что будто бы он ее не замечает. В свою очередь, и жена также избегала встреч и разговоров с старшими родственниками мужа, не имела право называть их имена. У вайнахов существовал также обычай избегания между родителями и детьми.⁷⁷

Большое значение придавали вайнахи рождению ребенка, в особенности мальчика, соблюдению различных обрядов, связанных с первым завязыванием дитя в люльку, прорезанием зубов, первым бритьем волос, первым шагом самостоятельной ходьбы, достижением 15 или 16 лет и т.д. В выполнении подобных обрядов у всех северокавказских народов существовали свои локальные особенности.

Процесс воспитания детей протекал под непосредственным влиянием всего уклада жизни, окружающей среды, трудовой деятельности, обычаев народа. В воспитании детей вайнахи брали за основу два рубежа, которые соответствовали приблизительно 6-8 и 10-12 годам. В этом возрасте девочек отделяли от мальчиков и привлекали к женскому труду. Девочка с раннего возраста становилась активной помощницей матери и её воспитание было заботой матери. Мальчики в крестьянских семьях помогали по хозяйству и их воспитанием занимались в основном мужчины. Характерной чертой семейно-

бытовых отношений вайнахов с древнейших времен являлся обычай глубокого уважения и почитания родителей и старших, независимо от их социального и национального происхождения, пола и положения в обществе.⁷⁸

До утверждения ислама в крае вайнахские женщины пользовались авторитетом и играли большую роль в общественной жизни общества. Так, например, известна роль женщины в предотвращении кровной мести и вообще ссоры и драки между враждующими сторонами (мужчинами).

В XVIII у вайнахов, как и у других народов Северного Кавказа, сильны были кровно-родственные связи. По обычаям горцев все члены фамилии и рода должны были оказывать друг другу всяческую помощь и оберегать от несчастных случаев, а в случае убийства или оскорбления чести и достоинства своего члена отомстить, ибо считалось, что обида и оскорбление нанесены всему роду. Иностраный путешественник П. С. Паллас, посетивший Северный Кавказ и его народы в конце XVII века, отмечал, что отступавшего от обычая кровной мести наказывали всеобщим презрением, а в некоторых случаях изгоняли даже из своего общества.⁷⁹ Месть в это время считалась священной обязанностью каждого родственника убитого. Кровная месть иногда длилась целыми десятилетиями, уносила целые фамилии, наносила огромный ущерб народу и поэтому сельская община принимала все меры для примирения кровников.⁸⁰

Самым распространенным обычаем среди чеченцев и ингушей в XVIII веке было гостеприимство. В основе этого обычая лежали на протяжении многих веков испытанные вайнахами общечеловеческие категории нравственности. Гостеприимство играло огромную роль в общественной жизни народов Чечни и Ингушетии. Оно было известно далеко за пределами Кавказа. Даже бедные горцы были рады приезду гостя. Обидевший гостя подвергался суровому наказанию. Для гостя вайнахи строили специальное помещение в доме — кунацкую (хьеша цла). Иностраный путешественник Ю. Клапрот, побывший в самом начале XIX века на Северном Кавказе, отмечал, что любой человек в качестве гостя может остановиться в горском жилище, где его принимали с особым вни-

манием. Даже убийца на почве кровной мести мог воспользоваться обычаями гостеприимства и найти приют в доме его кровного врага.⁸¹ Лица, вступившие в куначеские отношения, должны были взаимно поддерживать во всех житейских делах. Как правило, они обменивались оружием, другими, дорогими подарками и давали клятву (дуйбаа) быть на всю жизнь друзьями-кунаками.

Большое место в жизни вайнахов занимал институт побратимства, когда представители разных тайпов после совершения определенного обряда становились кровными братьями (цхьана цвий вежарий).

В общественной жизни вайнахов немаловажную роль играла такая форма крестьянской взаимопомощи, как «белхи» (от слова «болх» — работа). Эта традиция у горцев зародилась, по-видимому, еще в глубокой древности в силу необходимости во взаимной хозяйственной помощи друг другу. Она сохранилась и бытует среди вайнахов и по сей день.

В рассматриваемое время у вайнахов существовал обычай, когда за нарушение норм адатов лица подлежали всенародному осуждению на сходе. Как правило, данный сход за совершенное преступление против адатов выносил решение о сооружении «карлага» в знак осуждения данного человека, в «карлаги» (куча камней на обочине дороги) бросали камни люди разных селений, тайпов, тукхумов, выражая тем самым проклятия лицам, совершившим преступления.⁸²

Как и у многих народов Северного Кавказа у чеченцев и ингушей в XVIII веке существовал своеобразный похоронный обряд. Надо полагать, что в это время чеченцы и ингуши в своем большинстве хоронили умерших по мусульманскому обряду. Однако часть горных жителей Чечни и Ингушетии в это время по традиции продолжала частично сочетать языческие и христианские элементы в мусульманской обрядности. Как правило, в честь умершего горцы совершали поминки через 7 дней (неделю), на 40-й день и через год. Между прочим, эти же элементы похоронных поминок сохранились у вайнахов и по сей день.

Духовную культуру вайнахов характеризуют также народные знания в области метрологии, метеорологии, народной

медицины, ветеринарии, составления народного календаря и т. д. Единицы счета, меры длины, емкости и объема, как и у многих народов, имели у вайнахов антропометрическое происхождение. Участки земли во дворе горцы измеряли тагами (г1улч), а большие пахотные участки, пашни и сенокосы — саженьями (два шага), а позднее — десятинами. Размахом рук (пхьаг1ат) измеряли длину дома, скирды сена, дрова и т. д. Большое применение находили более мелкие меры длины, связанные с частями человеческого тела: ге — единица измерения между большим и указательным пальцем; ше - расстояние между большим пальцем и мизинцем; дол — расстояние от локтя до конца вытянутых пальцев. Древнейшей мерой измерения объема сыпучих тел являлись: т1ара - ладонь и кана - пригорошня. Для измерения объемов вайнахи пользовались специальным деревянным ведром с ручкой - мерка (емкость — 24 кг); использовались также деревянные гирды (12 кг), мазал (две гирды), деревянные чашки вместимостью в 8 пригоршней сахь (около 2 кг) и т. д.⁸³

В качестве меры веса вайнахи использовали русский фунт - герку, заменявшие заранее взвешенные камни, чептар - четверть фунта, пунт — пуд (около 6 кг). Шерсть горцы измеряли пучками — тханка, ч1аба; сено, солому, зерновые в колосьях, кукурузу в початках - снопами: 1 сноп — цЕов, 3 снопа — оьс и скирдами — г1ама (4оьс). Как известно, многовековые наблюдения горцев за погодой породили множество примет и поговорок, позволявших им подчас безошибочно предсказывать погоду. Существовали у горцев краткосрочные и долгосрочные приметы. Наиболее достоверными были приметы, связанные с наблюдениями за видом заходящего солнца, луны, за состоянием воздуха, движением ветра, облаков, за видом растений, поведением различных животных и т. д.

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии были хорошо известны народные целители (лори — чеч.), которые лечили больных и раненых, делали операции, удаляли пули и т. д. Известны были также своим мастерством чеченские костоправы. Вайнахские мастера из поколения в поколение передавали навыки вправления вывихов, лечения переломов костей и различных ран, кровопускания при головных болях,

укусах змей, незаживающих язвах и даже выполнения такой сложной операции, как трепанация черепа. Народные лекари имели разные лечебные инструменты. Кроме того, при лечении различных заболеваний лекари использовали настои и отвары из трав и растений, жиры, масла, мази, бальзамы, некоторые неорганические составы и соли.⁸⁴

Издrevле вайнахи для определения времени использовали разнообразные приметы, связанные со звездами, луной и солнцем. Так, например, по звездам и созвездиям горцы определяли части света, время суток и сезонов, по луне — день месяца, по солнцу — время суток и времена года, древнейшей единицей измерения времени являлись сутки, имевшие дробное деление и т. д. Кроме того, одним из важных разделов народных знаний являлся календарь вайнахов, выработанный специально для хозяйственных занятий и опиравшийся сугубо на явления природы. В основе традиционного календаря лежали солнечные сутки и год, лунный месяц. По этому календарю год состоял из 365 дней с четвертью, делился на четыре времени года и двенадцать месяцев.

Очень торжественно отмечали вайнахи праздники в честь языческих богов Тушоли (Богиня весны, плодородия) и Селы (Бог грома и молнии). Широко праздновали вайнахи день летнего солнцестояния, начало и окончание уборки урожая, сенокос и т. д. Особое место в летне-осеннее время занимали обряды вызывания дождя и солнца. Для вызывания дождя использовались такие обряды как общественные моления, манипуляции с костями и скелетами из склепов, камнями (каменные кресты, надгробные памятники, камни — гладыши и др.) и т. д.⁸⁵

С давних пор у чеченцев и ингушей существовали многообразные формы физического воспитания людей: игры, танцы, состязания, физическая тренировка, закаливание и т. д. У народа были популярны следующие игры: в мяч, в чиж, в перетягивание каната, прыжки через бурку, бег на дистанцию, бег в мешках, игра в «войну» и др. Очень популярна была игра в «конное поло», в «ручной мяч» и др. Широко распространено было у вайнахов фехтование; они умели отражать удар противника и щитом, и шашкой. Своей массовостью и популяр-

ностью у горцев была известна борьба: боролись попарно на лошадях, игра на льду в волчок, катание на местных горских лыжах, распространена была борьба пешего горца со всадником. Широко практиковались у горцев упражнения на канатах, преодоление различной крутизны, восхождение на вершины гор, скалолазание и т. д.⁸⁶

О высоком достижении древней культуры вайнахов в рассматриваемое время свидетельствует также богатый фольклор (устное народное творчество), который составляют песни, сказки, предания, сказания, пословицы, поговорки, героико-исторические песни. При этом главенствующую роль в чечено-ингушском фольклоре занимают героико-исторические песни (илли), которые характеризуют важный этап в развитии художественно-эстетической мысли народа. Героико-исторические песни вайнахов зародились в XVI-XIX вв. в пору освободительной борьбы жителей равнинных земель от иноземных захватчиков.⁸⁷

Известно, что со второй половины XVIII века активизируется экспансия царизма на Северном Кавказе, и в частности — в Чечне и Ингушетии. Об этом свидетельствуют антифеодальные и антиколониальные выступления горцев Чечни и Ингушетии в 1757-1758 гг., 1750-1760 гг., 1770-1780 гг. и, наконец, мощное антиколониальное движение горцев Чечни и Северного Кавказа под руководством имама Мансура в 1785-1791 гг., а также выступления чеченцев и ингушей в последующие годы. У чеченцев и ингушей растет национальное самосознание. В свое время, по свидетельству известного чеченского писателя и большого знатока местной истории, языка и литературы вайнахов Х. Д. Ошаева, об имаме Мансуре были сложены в народе героические песни, которые распевались по всей Чечне и пользовались большой популярностью, как, например, Песня об Алдынском Шейх-Мансуре. О шейхе Мансуре было сложено в народе также множество легенд, преданий и сказаний.

Как известно, в героико-исторических песнях (илли) воспевалась отвага горцев, способных пожертвовать всем, защищая свободу родного края, земли, свои честь и национальное достоинство народа. Для всех (илли) характерна одна черта:

все они учат мужеству и героической защите человеческой и национальной чести.⁸⁸

Безусловно, героические песни горцев складывались, как правило, о подвигах, совершавшихся в кровавых сражениях, и герой берется за оружие лишь тогда, когда защищается его честь и достоинство. Именно на этом зиждется эстетический и этический закон рождения героической песни. Героической идеализации подвержены только лишь благородные рыцари, а не кровожадные убийцы.⁸⁹

К таким произведениям относятся чеченские героические песни — «Некий сын и Солса», «Песня об Алхаштой Алхе», «О молодце из Тарки, казаке, вдовьем сыне и Джуми Актоле», «Песня о Шихмирзе, сыне Зайты» и др.⁹⁰

Кроме героико-исторических и героико-эпических песен, в рассматриваемое время среди вайнахов существовали и другие разнообразные по своему жанру песни - обрядовые, трудовые, охотничьи, любовные, шуточные, бытовые, колыбельные, детские. Жизнь песни была не статична. Она создавалась во все времена, на все случаи жизни и являлась как бы отголоском на все поворотные вехи исторического развития вайнахов на протяжении веков. Одни песни восходят к древним языческим обрядам и верованиям, другие относятся ко временам нашествия многочисленных кочевых племен, в том числе сарматов и савроматов, татаро-монголов, крымских ханов и т. д.,⁹¹ третьи — к периоду усиления внутривайнахского общества феодальной раздробленности и междусобиц и четвертые — ко времени начала завоевания Северного Кавказа, в частности Чечни и Ингушетии и связанной с этим активизацией антиколониальной борьбы горцев против царизма во второй половине XVIII - первой половине XIX вв.

Как известно, в состав героических песен входят и так называемые абреческие песни. Песни эти о горестной судьбе и героической борьбе людей, которые в одиночку осуществляли в форме индивидуального террора социальную власть поработенного народа. Вайнахские песни об абреках — это героические песни. О полной драматизма абреческой жизни и трагической напряженности переживания в песнях об абреках повествует чеченская «Песня абрека», а также «Песня вре-

родного аула», «Я сражался с врагом» и др.⁹²

Большое место в песенном фольклоре народов Северного Кавказа и в частности чеченцев и ингушей занимают песни о народной жизни, о крестьянской доле, о судьбе трудящегося человека, о его чаяниях и надеждах, о борьбе за лучшую жизнь, о радости и горе, о любви и ненависти и т. д. В чеченских песнях-жалобах «Олени», Ты лети скорее птица милая», «Мне приносит вести небо синее...», «Шелестит ли трава», «Мать» и др. мы видим одиноких и обездоленных горцев.⁹³

Интересно отметить тот факт, что в крестьянских песнях - жалобах есть также песни трагические, как, например, «Под горою укроет могила меня ...», «Птица и девушка», «Песня насильно выданной замуж», «Девичья песня» и т. д., посвященные горькой доле горской женщины. Как не тяжела была жизнь простого обездоленного горца, однако женская доля в горской семье была самой невыносимой.⁹⁴

Говоря о разнообразных песнях чеченцев и ингушей в рассматриваемое время, следует особо сказать о песнях любви, занимавших большое место в жизни вайнахов. Такие песни, как «Песня горянки», «Не кори меня сурово», «Тебя любя плачу», «Девичья песня», «Альбика», «Сколько слез пролила» создавали сами молодые горцы и горянки, хотя слушать их любили все - от мала до велика. В этих песнях воспевается неразделенная и безнадежная любовь, в них, как правило, много печали и горя, а самое главное - «рыцарски благородное отношение к женщине, к ее красоте и сердечным порывам».⁹⁵

В колыбельных песнях вайнахов так же, как и у многих народов Северного Кавказа выражалась невыразимая любовь, нежность и тревога матери за ребенка, (в песнях «Песенка о пчеле», «Черный жук», «Волки» и др.). В них ощущается не только любовь и тревога матери, но и чуткое «материнское сердце, которое вместило всю жалость и всё горе мира, всю нежность и все тревоги на земле».⁹⁶

Большое распространение среди вайнахов имели разновидности героического эпоса - нарт-орстхойские сказания, волшебные сказки и предания. Нартский эпос у каждого народа

Северного Кавказа имеет свои особенности. Название вайнахского эпоса также своеобразно - нарт-орстхойский эпос. В древнем эпосе чеченцев и ингушей нарты наделены положительными качествами. Главным героем в нартском сказании «Сеска Солса» выступает сам руководитель дружины Сеска Солса. Сеска Солса более приписываются подвиги эпического характера. Несколько особняком стоит среди нартов герой Боткий Ширтка. Это древний мифический герой, который впоследствии вошел в нарт-орстхойский эпос.⁹⁷

Положительными героями нартаторстхойского эпоса являются обобщенные мифические образы мирного пастуха и храброго воина Колой Канта и дочери бога грома и молнии Селы-Саты (в сказаниях «Колой Канта», «Нежнолюбимая Альбика» и др.). Села Сата является образцом женской красоты, доброты, чистоты и хорошей хозяйки. В образе мудрой Альбики в эпосе представлен идеал верной и мудрой жены прославленного местного героя Охкарой Канта, друга нарта Сеска Солсы.⁹⁸

Значительное место в фольклоре чеченцев и ингушей наряду с нарт-орстхойскими сказаниями занимают героико-волшебные сказки, например, «Три брата», «Черный Хожа», «Семеро товарищей», «Князь и Жера-Баба», «Храбрый Пахтат», «Сын вдовы». Положительный герой героических сказок вайнахов, как правило, является либо вдовый сын, либо презираемый старшими товарищами младший брат - выходец из социальных низов.

Как правило, в сказках волшебных герой убивает трех драконов, попадает в три подземных мира, отбивает у злых сил свою любимую невесту.⁹⁹

Подлинными произведениями устного народного творчества вайнахов являлись легенды и предания, в которых, как правило, сообщаются сведения о прошлой, древней истории народа, о его обычаях, чаяниях и надеждах!

В качестве примера приведем несколько легенд и преданий: «Богатырь Нохчо», «Предание о происхождении фамилии Барконхой», «Чабарло», «Башня Гоната», «Села Гардали, Даттах, Энган», «Основание села Алхан-Юрт», «Сестра семерых братьев», «Как женщины одолели врагов», «Девушка ищет су-

женого», «Изгнание князей из Чечни», «Истребление коварных врагов», «Сын должен быть достойным своих родителей» и т. д.¹⁰⁰

Нашествие Тимура на Северный Кавказ, и в частности на Чечню и Ингушетию в XIV в. и его сражения на Тереке в 1395-1396гг. с одним из золотоордынских ханов Тохтамышем и с местными жителями оставили значительный след в фольклоре вайнахов. В песнях, сказаниях и легендах вайнахов «Канава Тимура Хромого», «Легенда б Хромом Темире (Астагла - Темар) и его сыне», «Тамерлан на Кавказе» и других сообщается о походах Тимура на Северный Кавказ и его сражениях с горцами. Тимур преподносится горцами в фольклоре как реальный герой и называется кровавым завоевателем.¹⁰¹

В рассматриваемое время в музыкальной культуре чеченцев и ингушей, которая была представлена и вокальным, и инструментальным искусством, при всем своем своеобразии и отличии было много общего с соседними кавказскими народами, обусловленного давними историческими и культурно-экономическими связями горцев.

В песенном фольклоре чеченцев и ингушей бытовали трудовые, обрядовые, лирические (любовные) и другие песни. Ведущей формой вокального исполнительства вайнахов являлось сольное (одноголосное), двухголосное и многоголосное пение с музыкальным сопровождением и без него. Так же как и у многих северокавказских народов, у вайнахов, по-видимому, традиционное двухголосие и многоголосие создавалось «из основной, ведущей партии солиста и относительно самостоятельного, обычно сдержанного хорового сопровождения, создававшего музыкальный фон» (как, например, у чеченцев «Йиш Лакхар» «Эшар Алар», «Эшар Лакхар»), у адыгейцев («ежью») и осетин («хоырнын»)¹⁰².

Основными создателями, хранителями и распространителями музыкального искусства вайнахов были самородки народных певцов. Музыкальные инструменты вайнахов были также довольно разнообразны, основное назначение которых состояло в аккомпанировании народным песням и в исполнении танцевальной музыки наиболее распространенными му-

зыкальными инструментами были двухструнная скрипка (члондарг), горская балалайка (дечиг - пондар), эурна, барабан, шедаг (свирель), ладхьокху пондар (скрипка), геманаш, шалашедаг и др.¹⁰³ По сведениям западноевропейского ученого путешественника Якоба Рейнегса «музыка их (чеченцев - Ш.А.) состоит из двухструнной скрипки, свирели и во-лынки».¹⁰⁴

Танцы у вайнахов являлись самым распространенным видом искусства, любимым развлечением и без них не обходилось ни одно общественное мероприятие и семейное торжество. Зародившись в глубокой древности, танцы народов Северного Кавказа создавались и оттачивались веками, привнося в свой колорит «множество интересных исполнительских форм и приемов». Лучшие черты характера - «стойкость духа и чувство достоинства, гордость и самообладание», — все это отразилось в танцах народов Кавказа.¹⁰⁵

Как правило, женским танцам были присущи плавность и мягкость движений, грациозность и подчеркнутая скромность, а мужским танцам, напротив, были более присущи динамизм, ловкость, строгая красота, более резкие, порывистые движения и в то же время подчеркнутая почтительная обходительность с женщинами. Из множества танцев, бытовавших, по-видимому, в далеком прошлом у вайнахов, к XVIII веку дошли в более неизменном виде только те, в которых в большей мере сохранились, на наш взгляд, неповторимые элементы психологии и характера чеченцев и ингушей. У вайнахов, кстати, отсутствовали древние культовые и обрядовые танцы, как, например, у адыгов «уджи», карачаевцев и балкарцев - «абдзек», осетин - «симд», в которых мужчины берут женщин за руки или под руки во время танца. Очень распространенным у чеченцев и ингушей в рассматриваемое время был народный танец, в котором участвовали одновременно и мужчина, и женщина. В нем сочетались элементы плавные со стороны женщины, но в то же время быстрые и темпераментные движения со стороны мужчины, требовавшие высокого хореографического мастерства (хел-хар (чеч) — танец). Западноевропейский ученый-путешественник Якоб Рейнегс, побывавший в XVIII веке в Чечне и Ин-

гушетии, имел возможность описать увиденный им танец вайнахов. Вот что он пишет по этому поводу: «Пляска же их (вайнахов - Ш.А.) начинается сперва всякого рода опасным прыганьем, потом, когда сие уже многими плясунами было повторено, хватают они за руки, поют в коротких и обрывистых словах и пляшут длинными рядами, иногда делают круг, который то разрывают, то опять соединяют, и, наконец, оканчивают таким же опасным прыганьем каким начали свою пляску.¹⁰⁶

Наряду с парным танцем не менее популярным был у чеченцев и ингушей танец на носках (на подвернутых пальцах ног «бохь бог'ар», который назывался, как и у всех народов Северного Кавказа, одним общим названием «кавказская лезгинка». Танец «лезгинка» обязательно сопровождался динамичной и темпераментной музыкой и звонкими ударами на барабане в такт танцующему, а также хлопаньем в ладоши всеми присутствующими мужчинами.

Язык также является одним из главных атрибутов духовной культуры народа. В рассматриваемое время чеченцы и ингуши в большинстве своем, как в горах, так и на равнине, говорили на своем родном, чеченском и ингушском языках. Однако часть вайнахов, проживавшая на равнинной части, в частности по Тереку и Сунже, по соседству и даже вместе с кумыками и казаками в некоторых кумыкских селах (Эндери, Аксай, Костек, Брагуны и т. д.) и в казачьих станицах, разговаривали на двух трех языках - русском, кумыкском и чеченском. О гребенских казаках второй половины XVIII века сообщается, что они посредством браков с кавказцами настолько смешались с ними, что их прежняя русская речь превратилась в ломаный язык, смешанный с кавказским. В архивном документе за 1744 г. говорится о том, что терские казаки владеют языками некоторых кавказских народов.¹⁰⁷

Как и многие народы Северного Кавказа, чеченцы и ингуши в рассматриваемое время не имели своей письменности, «которая могла бы способствовать их языковой и этнической консолидации». Поэтому для внешних дипломатических сношений они вынуждены были прибегать к письменным языкам некоторых своих соседей. Известно, что в отдельных об-

ществах горной Чечни и Ингушетии (особенно в их западной части) в XVI - XVII вв. бытовала грузинская письменность и грузинский язык. В то же время документальные источники убедительно доказывают, что в XVI — XVII вв. в дипломатических сношениях с Москвой чеченцы и ингуши использовали русский язык и русскую письменность с помощью русских и местных толмачей (переводчиков) и писцов. Кроме того, архивные материалы XVIII века свидетельствуют, что дипломатическая переписка чеченцев с Россией параллельно осуществлялась на арабском и кумыкском языках посредством арабской графики.¹⁰⁸

Можно предположить также, что в рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии предпринимались попытки использовать арабский алфавит для передачи слов на вайнахских языках.

По свидетельству авторов учебника по Истории Чечено-Ингушетии многочисленные письменные источники XVIII века, исходившие из вайнахских сел, написаны на основе арабской графики на литературном языке «тюрки». Причем, отмечается, что тюркский язык являлся в это время на Северном Кавказе преимущественно языком межнационального общения.¹⁰⁹

В связи с этим не вызывает сомнения тот факт, что по мере распространения и укоренения религии ислам в некоторых наиболее крупных вайнахских селах на равнине создавались мечети, при которых открывались начальные школы (хьюь-жар) для обучения детей мусульманской грамоте. Как известно, почти в каждом большом ауле были муллы и кадии, которые занимались обучением детей в примечетских школах основам мусульманской религии и шариата. Такими селами (аулами) на равнинной и в предгорной части Чечни и Ингушетии являлись Чечен аьуул, Большие Атаги, Герменчук, Шали, Алды, Гехи, Ангушт и т.д. Для открытия примечетских школ не требовалось никакого разрешения властей и содержались они на средства родителей и пожертвования верующих. Как было отмечено выше, примечетские школы (хьюь-жар) давали в основном навъжи механического чтения Корана и элементарные навыки арабского письма¹¹⁰. До прихода

Шамя, - замечает Ф. И. Леонтович, «было бедно и невежественно; во всей Чечне не было ни одного ученого аима, молодые люди, посвятившие себя изучению арабского языка Корана (муталимы), ходили воспитываться (учиться - Ш.А.) в Черкей, в Акушу, или Кази-Кумык».ш

В то же время вполне реально, что в конце XVIII века в некоторых равнинных селах Чечни имелись религиозно-образованные люди, за плечами которых были школы медресе в Дагестане (средние духовные школы), в которых они изучали Коран, арабскую грамматику, логику, мусульманское право, географию, астрономию и другие науки ортодоксального ислама. В это время растет интерес у местных народов к рукописной литературе по различным отраслям знаний, которая поступает из Ближнего Востока через Дагестан к народам Северного Кавказа, в том числе в Чечню и Ингушетию. Отдельные рукописи книги изготовляли и сами переписчики религиозной литературы. У отдельных образованных людей создавались свои небольшие домашние библиотеки, часть рукописей была сосредоточена при мечетях и примечетских школах.¹¹² Говоря же о частных хранилищах в Чечне и Ингушетии в это время следует отметить, что такие библиотеки, в которых содержались рукописи по религиозной и другой тематике, по всей вероятности, имелись у наиболее авторитетных и образованных мулл из сел. Шали — Умар-хаджи, Ногай-мирза-хаджи, Бисултан - хаджи и Хамби-хаджи, совершивших в свое время паломничество (хадж) в Мекку, у муллы Али Исханова из сел. Алды и т. д.

На фоне общего подъема арабоязычной науки на Северном Кавказе с XVI века, по словам выдающегося ориенталиста И. Ю. Крачковского, идет процесс постепенного создания в Дагестане, Чечне, Ингушетии и отчасти в Кабарде и Черкесии местной оригинальной литературы на арабском языке¹¹³.

В рассматриваемое время некоторые образованные горцы занимались сбором и фиксацией адатов вайназов, как в горах, так и на равнине, хотя фактическое их описание частичное издание удалось осуществить на русском языке лишь в конце XIX века и автором Ф. И. Леонтовичем¹¹⁴.

Многие народы Северного Кавказа в XVI - XVIII в.в. испо-

ведовали разные религии. Чеченцы (кроме жителей соседних с Грузией районов), жившие в это время на равнинной части края, исповедовали религию ислам, в то время как жители Восточной и предгорной Чечни, а также предгорной Ингушетии были мусульманами еще в XVI веке. Однако, как отмечают авторы обобщающего труда по Истории народов Северного Кавказа, «большинство населения горной Чечни и Ингушетии приняло ислам лишь в XVII-XVIII вв.¹¹⁵

Согласно историческим свидетельствам в ХТТТ — XV в.в., в пору нашествия монголо-татар, экспансии Тимура и начала в связи с этим народно-освободительной борьбы вайнахов на равнинной части Чечни и Ингушетии, и в частности, в отдельных вайнахских обществах, как, например, страна Симсим, начинает распространяться религия ислам. Об этом свидетельствуют многолетние изыскания местного ученого Хизриева Х.А.¹¹⁶ По-видимому, с началом распространения ислама на равнинной части Чечни и Ингушетии в это время будет правильно связывать начало проникновения сюда арабского языка и арабской письменности. Эпиграфические памятники этого времени, сохранившиеся в некоторых вайнахских селах, также свидетельствуют об этом.¹¹⁷

Источники сообщают о том, что еще в XVI-XVII и вв. первой половине XVIII в. чеченцы и ингушцы, жившие на равнине, вблизи Терека и Сунжи, по соседству с кумыками и даже вместе в отдельных кумыкских селах, еще раньше, чем их соотечественники в горах, приняли религию ислам суннитского толка.¹¹⁸ По мере принятия ислама среди вайнахов малопомалу стала распространяться арабская письменность, что давало возможность горцам приобщиться к духовным ценностям средневековой арабской культуры.

По-видимому, к XVI—XVIII вв. относится в Чечне и Ингушетии период, когда отдельные религиознообразованные вайнахи активно предпринимают попытки составления на арабском или чеченском языках, используя арабскую графику, домашних (сугубо индивидуальных) рукописей с подробным описанием и анализом генеалогических ветвей происхождения и развития того или иного рода (тайпа), общества и т.д. Известно, что у многих вайнахов такие рукописи существова-

ли вплоть до самой их депортации в 1944 г. и назывались они «шира таыттарш» (чеч.) - древние рукописи. Сейчас они мало у кого сохранились.

Кроме того, в рассматриваемое время, надо полагать, во многих вайнахских селах были люди - хронографы, или хронисты, хорошо владевшие арабским языком и письменностью, специально занимавшиеся описанием исторических событий и хроник, связанные с фиксацией важных дат о военных действиях, междоусобицах, землетрясении, наводнении, пожаре, неурожае, эпидемии, религии, борьбе с иноземными захватчиками и т. д.

Среди населения Чечни и Ингушетии в рассматриваемое время было, по-видимому, определенное число людей, которые придерживались языческих верований. Поэтому не случайно, что некоторые западноевропейские путешественники, побывавшие в XVII-XVIII в.в. на Северном Кавказе, долго не могли разобраться, какую религию исповедуют народы этого края¹¹⁹.

Несмотря на тенденцию распространения ислама на равнинной и в предгорной части Чечни и Ингушетии, в горах еще живучи были языческие и христианский культы и обряды, которые еще сосуществовали здесь вместе с новыми, входившими в быт вайнахов, мусульманскими традициями и обрядами.

Вместе с тем, следует заметить, что отдельные исследователи, занимавшиеся в свое время проблемами религии, отмечали о существовании христианских храмов - «Тхаба-Ерды», «Алби-Ерды» - по Е. И. Крупнову, а «Маги-Ерды», Тумгой.-Ерды» — Л. П. Семенову, в частности в горной Ингушети, и как результат влияния христианства из Грузии, утверждая тем самым о взаимовлиянии и близости культур Грузии и Горной Ингушетии в прошлом¹²⁰.

Надо сказать, что начиная с XV и до конца XVIII века грузинские и русские миссионеры неоднократно предпринимали безуспешные попытки насадить христианство в крае, особенно в Ингушетии¹²¹.

Известный кавказовед В. Ф. Миллер называет все культовые памятники горной Ингушетии христианскими, считая, что эта религия лишь в последнее время «мало-помалу заглохла,

уступив место мусульманству»¹²². Этой же точки зрения придерживается и другой исследователь К. Г. Мартиросиан, который сообщает, что все известные храмы и святилища Ингушетии являются памятниками христианства, считая его здесь господствующей религией.¹²³

Говоря о церквах или храмах на территории дореволюционной Ингушетии, на сегодняшний день имеется определенная точка зрения современного исследователя М. Б. Мужухоева, считавшего подлинно христианскими на территории Горной Ингушетии только три храма, «сосредоточенные в Ассинской котловине, в непосредственной близости друг от друга», а все остальные — чисто языческими святилищами¹²⁴.

И если до сего дня у называющих себя мусульманами горцев сохранились языческие пережитки (вызывание дождя, название местного доисламского бога - Дела и т. д.), то, несомненно, что в XVIII в. удельный вес язычества в своеобразном синтезе религий был значительно выше. Известный ингушский этнограф Чах Ахриев считает, что христианство как вера не укоренилась среди ингушей, а христианские обряды постепенно видоизменялись под влиянием прежних (языческих - Ш.А.) обрядов, что привело к «смешению религиозных верований».¹²⁵ В некоторых же случаях язычество и даже христианство довлели над мусульманством. Дореволюционный исследователь Евг. Максимов пишет: «К началу прошлого XVII столетия магометанство получило, должно быть, преобладающее значение, но тем не менее еще во время покорения де-Медемом Сунженских чеченцев (70-ые годы XVIII в.) встречались целые фамильные союзы, исповедовавшие христианскую обрядность»¹²⁶.

Однако картина полностью меняется в Чечне и отчасти в Ингушетии с 1785 года, в пору выступления горцев под руководством шейха Мансура сначала в Чечне, а затем и на всем Северном Кавказе. С этого времени мусульманская религия прочно и навсегда утверждается как в горах, так и на равнине Чечни и Ингушетии. В целях быстрее принятия горцами новой мусульманской религии шейх Мансур, чеченец по национальности и уроженец с. Аллы, во главе отряда с приближенными разъезжает по горным селам Чечни и насиль-

ственным образом приводит здешних жителей к мусульманской вере¹²⁷.

Программа исламизации общества шейха Мансура состояла из трех основных направлений: 1) возвращение к исламу чистому и аскетическому; 2) борьба против адатов и введение убеждением или силой закона шариата; 3) «священная война» (газават) ведется сначала против соблюдающих адаты, затем против «неверных» (иноверцев-горцев) и, наконец, против царизма¹²⁸.

Безусловно, надо полагать, что и будущий вождь национально-освободительного движения горцев Чечни и Северного Кавказа, имам Мансур (по имени Ушурма) также прошел обучение основам мусульманской религии - шариата - у известных мулл и кадиев селений Алды и Шали, которые выступали в начале в качестве его учителей и наставников, а затем и сподвижников в его борьбе. Анализ многочисленных писем, воззваний и обращений Мансура на арабском и кумыкском языках к народам Северного Кавказа, а также к официальным царским и турецким властям позволяет думать, что имам неплохо знал арабскую грамоту. По-видимому, он мог довольно сносно писать и читать на арабском языке и свободно изъясняться на кумыкском языке, тем более, что имеющиеся материалы недвусмысленно говорят о том, что жена Мансура происходила из сел. Шали и принадлежала, по-видимому, к знатному кумыкскому роду. Переписка Мансура с царскими властями на Северном Кавказе шла также и на кумыкском языке, ибо не было по-видимому, недостатка в переводчиках.

В своих показаниях на допросе в Тайной Экспедиции в 1791 году Этта, шуриин Мансура, сообщил, что самым почитаемым среди других мулл и Хаджиев и наиболее авторитетным учителем и наставником имама в Чечне был Умар-хад-жи и другие муллы из сел. Шали. Умар-хаджи постоянно держал в курсе простой народ, к которому с письмами обращался Мансур.¹²⁹

Таким образом, анализ материалов, характеризующих материальную и духовную культуру вайнахов, позволяет утверждать, что во всех рассмотренных нами памятниках архитек-

туры и зодчества прослеживается их органическая связь и влияние строительного искусства предков вайнахов и в, частности, на зодчество соседних народов. В тоже время, признавая некоторые общие черты, свойственные архитектурным памятникам народов Кавказа, нельзя не отметить и отличительные особенности вайнаховской материальной культуры, характерные только для Чечни и Ингушетии. Кроме того, в ХУШ - начале ХIХв. происходит эволюция в развитии типологии и планировке вайнаховского жилища (от жилища большой семьи к жилищу малой семьи).

В рассматриваемое время у вайнахов наблюдается некоторое оживление общественной мысли, связанное с социально-экономическим подъемом и обострением социальной борьбы, ускоряется процесс накопления народных знаний в различных сферах общественной жизни, делаются первые шаги в развитии письменности народа, углубляется процесс исламизации вайнаховского народа и т. д.

Высшим достижением духовной культуры вайнахов является создание героико-эпических песен и своеобразного уникального памятника устного народного творчества - нарт-ор-стхойского эпоса.

Использованная литература и источники:

1. Гасанов М. Р. Очерки истории Табасарана, Махачкала, 1994, сс.215-216.
2. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, М., 1971, с. 58.
3. Там же, ее. 61-62.
4. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т.1, Грозный, 1967, с. 274-272; Марковин В. И. В стране вайнахов, М., 1969, с.23; Крупнов Е. И. Ук. соч. с.63.
5. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т.1, Грозный, 1967, с.276; Гольдштейн А. Башни в горах, М., 1977, с.212.
6. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, Грозный, 1967, с.272 Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, И., 1271, с. 71.
7. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, Грозный, 1967, с. 276; Крупнов Е.И. Ук.соч., с. 71.

8. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т.1, Грозный, 1967, с. 276.
9. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т.1, Грозный, 1967, с. 276.
10. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, М., 1971, с.78.
11. Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. Кавказский этнографический сборник, ч.2, Тбилиси, 1968, с. 5.
12. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, Грозный, 1967, сс.276-277.
13. Кокиев Г. А. Склеповые сооружения Северной Осетии, Владикавказ, 1928, с. 5.
14. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, Грозный, 1967, с. 277.
15. Там же.
16. Очерки истории Чечено-Ингушской АССР, т. 1, Грозный, 1967, с. 277.
17. Там же, ее. 277-278.
18. Крупнов Е. И. Средневековья Ингушетия, М, 1971, с. 106-107.
19. Крупнов Е. И. Ук. соч., с. 107-112.
20. История Чечено-Ингушетии, 9 кл., Грозный, 1992, с. 19.
21. Георги И. Г. Описание в Российском государстве обитающих народов, ч.2, СПб, 1779, с. 58.
22. Гаджиев В. Г. Якоб Рейнегтс о Чечено-Ингушетии. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XIX вв.), Грозный, 1986, с. 26.
23. Там же, с. 28.
24. Гербер И-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728; История, география и этнография Дагестана (XVIII - нач. XIX вв.), МД958, с. 70.
25. История народов Северного Кавказа о древнейших времен до конца XVIII в., М, 1988, с.468.
26. История народов Северного Кавказа..., М, 1988, с.469.
27. Гольдштейн А. Башни в горах, М, 1977, с.262.
28. Берже А. П. Чечня и чеченцы, Тифлис, 1859, с.87-88.
29. История народов Северного Кавказа..., М, 1988, с.469.
30. Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа (XVIII-XIX вв.), М, 1989, с.28.
31. Там же, с. 28.
32. Там же, с. 27.
33. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., с.30.
34. По всей вероятности, данный вид одежды народов Северного Кавказа, называемый «каптал» (бешмет) более соответствует вайнахской одежде - «Иавтал». Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв., Нальчик, 1974, ее. 295-600.
35. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., с. 30.
36. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., с.30-31.
37. Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг., Грозный, 1963, с. 51; 108.
38. Семенов Л.П. Ук. соч., с. 52.
39. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., с. 31-32.
40. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, М, 1971, с. 94-95.
41. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., с.16.
42. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., с. 36.
43. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., с. 36.
44. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1968, с. 158.
45. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 г.г., Грозный, 1963, с. 51,
46. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., с. 31-32.
47. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М, 1988, с. 471.
48. Гаджиев В. Г. Якоб Рейнегтс о Чечено-Ингушетии. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XX вв.), Грозный, 1986, с. 30; Чеченцы и ингуши слово «ружье» называют на родном языке термином «топ».
49. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, СПб., 1786-1788, ч.2, с. 321.
50. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., М, 1988, с. 471.
51. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., ее. 51-54.
52. Делгат Б. Материалы по обычному праву ингушей, ИИНИИК, вып. 2, Орджоникидзе, 1930, с. 329.
53. Студенецкая Е. Н. Ук. соч., ее. 43-43.
54. Гаджиев В. Г. Якоб Рейнегтс о Чечено-Ингушетии. Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII - нач. XX в.), Грозный, 1986, с. 30 - 31.

55. Семенов Л. П. Ук. соч., с. 51-52; Крупнов Е.И. Ук. соч., с.94.
56. Гриценко Н. П. Современники середины XIX в. о Чечне и чеченцах. Археолого этнографический сборник, т. 2, Грозный, 1968, с. 299.
57. Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. Ук. соч., с. 330.
58. Осетины глазами русских и иностранных путешественников. Орджоникидзе, 1968, с. 162.
59. Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928-1932 гг. Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения, тт. II-III, Орджоникидзе, 1930, с. 378.
60. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, М, 1971, с. 94.
61. Гаджиев В. Г. Якоб Ренеггс о Чечено-Ингушетии. Ук. соч., с. 30.
62. Крупнов Е. И. Ук. соч., с. 83; История Чечено-Ингушетии, 9 кл, Грозный, 1992, с 20.
63. Там же, с 84.
64. Журнал путешествий по земле донских казаков. Журнал «Северный архив», № 12, М., 1824, с. 262.
65. Там же.
66. Крупнов Е. И. Ук. соч, с. 86.
67. История Чечено-Ингушетии, 9 кл, Грозный, 1992, с.22; Крупнов Е. И. Ук. соч, с.96.
68. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг. Цитирую по работе Калоева Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа, М., 1981 с. 171-172; Аталиков В. М. Страницы истории. Нальчик, 1987, с. 102.
69. Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области, Терский сборник, вып. 7, Владикавказ, 1910, с. 156.
70. Иваненков Н. С. Горные чеченцы. Ук. соч., с. 166.
71. Штелин Я. О черкесской и кабардинской земле. Географический месяцеслов на 1772, СПб., 1771. При Императорской Академии наук.
72. Журнал путешествий по земле донских казаков, Кавказу, в Астрахань, Журнал «Северный архив», М, 1824, № 23, 24, с. 261.

73. История народов Сезерного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.,..., с. 473.
74. История Чечено-Ингушетии (дорев.пер.), 7-8 кв., Грозный, 1991, с. 140.
75. Там же.
76. История народов Сезерного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., МД988, с. 474.
77. Там
78. История Чечено Ингушетии, 7-8 кл., Грозный, 1991, с. 142.
79. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи, СПб., 1786-1788, ч.2, с. 321.
80. История народов Северного Кавказа..., с. 475-476.
81. Клапрот Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1808 гг., ОГРИП, Орджоникидзе, 1967, с.127.
82. История Чечено-Ингушетии, 7-8 кл., Грозный, 1991, с. 140.
83. История Чечено Ингушетии, 7-8 кл., Грозный, 1991, с. 143.
84. Там же, с. 144.
85. Там же, с. 146.
86. Там же, с. 147.
87. Там же, с. 134.
88. Песни народов Северного Кавказа, Ленингрэд, 1976, с. 17.
89. Там же, с. 21.
90. История Чечено Ингушетии, 9 кл., Грозный, 1992, с. 24.
91. Там же, с. 23.
92. Песни народов Северного Кавказа, Ленинград, 1976, о. 27, ее. 436-439.
93. Там же, с. 31.
94. Там же, с 35.
95. Там же, с 38.
96. Там же, с 39.
97. Сказки, сказания и предания чеченцев и ингушей, Грозный, 1986, с. 9.
98. Там же, с. 9-10.
99. Там же, с. 10-11.
100. Там же, с. 15.
101. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., М, 1988, с. 485.
102. Там же, с. 488.

103. История Чечено-Ингушетии, 7-8 кл., Грозный, 1991, с. 138.
104. Гаджиев В. Г. Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии. Ук. соч., с. 32.
105. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., М., 1988, с. 489.
106. Гаджиев В. Г. Якоб Рейнеггс о Чечено-Ингушетии, Ук. соч., с. 31-32.
107. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., М., 1988, с. 490-491.
108. Там же, с. 491.
109. История Чечено-Ингушетии, 9 кл., Грозный, 1992, с. 22.
110. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., М., 1988, с. 492.
111. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев, вып. 2, Одесса, 1883, с. 88.
112. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., М., 1988, с. 492.
113. Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе. Избранные сочинения, М-Л, 1960, т.б, с.612.
114. Леонтович Ф. И. Адамы кавказских горцев, вып. 2, Одесса, 1883.
115. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., М., 1988, с. 495.
116. Хизриев Х. А. Чечено-Ингушетия в период феодальной раздробленности (XIII-XV вв.). История Чечено-Ингушетии, 7 8 кл., Грозный, 1991, с. 41.
117. Эпиграфические памятники Северного Кавказа (XVIII-XIX вв.), ч. 2, М, 1968, с. 28.
118. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. История, география и этнография Дагестана XVIII-XIX вв.), М., 1958, с. 70.
119. История народов Северного Кавказа..., с.495.
120. Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия, М., 1971, с. 195; Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925-1932 гг., Грозный, 1963, с. 102.
121. История Чечено-Ингушетии, 7-8 кл., Грозный, 1991, с. 56.
122. Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экспедиции МАК-1, М., 1888, с. 2.
123. Мартиросиан Г. К. Нагорная Ингушетия, ИИНИИК, вып.1, Владикавказ, 1928, с. 99.
124. Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии, Грозный, 1977, с. 130.
125. Ахриев Чах. Ингушские праздники. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 5, Тифлис, 1871, с. 2.
126. Максимов Евг. Чеченцы. (Историко-географический и статистическо-экономический очерк). - Терский сборник, вып. 3, кн. 2, Владикавказ, 1893, с. 27.
127. Лаудаев У. Чеченское племя. Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 4, Тифлис, 1873, с. 60.
128. Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур, Грозный, 1991, с. 96.
129. Смирнов Н. А. Восстание шейха Мансура на Северном Кавказе. Вопросы истории религии и атеизма, Сб. статей, т. 1, М., 1950, с. 24.

ГЛАВА 6. РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА О ЧЕЧЕНЦАХ И ИНГУШАХ В ХЛЧП- НАЧАЛЕ XIX вв.

В рассматриваемое время вопросами изучения истории экономического, политического, общественного и культурного развития вайнахов занимались как российские, так и иностранные исследователи. Как правило, иностранные ученые находились на русской службе и выполняли конкретное задание официальных властей или российских научных учреждений. Они работали в тесном контакте с известными русскими учеными, «опирались на предшествующие достижения русского кавказоведения» и «несмотря на то, что труды таких ученых печатались на иностранных языках, - пишет Г. И. Циби-ров, - их исследования шли в общем русле русской науки и становились ее органической частью»¹.

Сведения о вайнахах в русской исторической науке до XVIII века весьма редкие, эпизодические, и они в большинстве своем фрагментарные. Однако со 2-ой половины XVIII в. появляются труды ученых, в которых сообщаются не только отрывочные, но даются несколько обобщенные и даже систематизированные сведения о некоторых сторонах экономического и общественно-политического положения вайнахов. Это было обусловлено главным образом тем, что в это время осуществлялось планомерное и целенаправленное изучение народов Кавказа, - указывает В. М. Аталиков, - а не случайное накопление сведений о горских народах, как это было до этого.²

Во второй половине XVIII в. в отдельных европейских источниках и литературе начинают печатать материалы о вайнахах, характеризующие их экономическое и социальное развитие, общественное и политическое положение, называют их относительную численность, указывают названия различных горных обществ (владений), этнических и политических объе-

динений и т. д. Со второй половины XVIII в. в европейских источниках впервые, можно сказать, затрагивается проблема происхождения северокавказских народов, и, в частности, чеченцев и ингушей.³ Конкретные сведения о материальной и духовной культуре вайнахов в XVIII - нач. XIX в. представлены в работах таких иностранных исследователей, как Ште-дер, Даллас, Гмелин, Гюльденштедт, Рейнеггс, Потоцкий, Клапрот, Кох и др.

Говоря об отношении передовых людей Чечни и Ингушетии к русской культуре и к ее отдельным выдающимся представителям - передовой интеллигенции - необходимо сказать и о тех русских исследователях и ученых, которые прямо или косвенно оказали влияние на развитие чеченского и ингушского языка, истории, этнографии и экономики. В данном случае речь идет о таких исследователях XIX в. как С. Броневский, В. Миллер, М. Ковалевский, Ф. Леонтович, Л. Лавров, Н. Пирогов, В. Голенищев-Кутузов, А. Берже, И. Бартоломей, П. Услар, И. Клингер и др.

Несмотря на то, что эти исследователи были буржуазными и их труды носили отпечаток идеологии своего времени, они все же проявили большой интерес к истории и культуре горских народов, и, в частности, чеченцев и ингушей, и оставили глубокий след в их истории. Некоторые из них действительно были с более передовыми и прогрессивными взглядами. Появление их научных трудов, в частности, по истории, этнографии, лингвистике, медицине и т. д. находилось в тесной связи с общим направлением развития буржуазной исторической науки в России. В них собран обширный фактический материал по истории и культуре вайнахов, которой и теперь успешно используется историками, этнографами, языковедами, медиками и др. современной Чечни и Ингушетии.

Историю изучения чеченцев и ингушей в XVIII - первой половине XIX в. условно можно разбить на три этапа: первый этап хронологически следует отнести к XVIII веку - время начала сбора в русской науке историко-этнографических и других сведений о вайнахах, что было связано с укреплением политических позиций России на Кавказе, особенно после Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.). С 20-х

годов XVIII в. наблюдается поступательное развитие русско-вайнахских взаимоотношений. Это имело прогрессивное значение, кроме всего прочего, для более полного и стационарного изучения Русской академической наукой истории народов Чечни и Ингушетии.

Ко второму этапу можно отнести время начиная с XIX по 1834 г., т. е. до начала так называемой Кавказской войны под руководством Шамиля, когда русская наука более серьезно интересуется историей происхождения чеченцев и ингушей, географическими, историко-этнографическими и экономическими сведениями. Значительно больше работ появляется в это время, посвященных специальному изучению общественно-экономического и политического устройства чеченцев и ингушей. Третий этап изучения Чечни и Ингушетии охватывает, на наш взгляд, время начиная с 1834 по 1859 гг - ход Кавказской войны - (антифеодальная и антиколониальная борьба горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля), когда в центре издается несравненно много специальной литературы русских ученых и офицеров, участвовавших непосредственно в военных действиях и отчасти находившихся в плену у горцев. Литература этого времени в основном посвящена описанию быта, нравов, обычаев, языка, формы правления, законов, образа жизни, пищи, образования, торговли, вооружения, происхождения чеченцев и ингушей и т. д. Определенное место отводится в это время изучению истории вайнахов в ряде исторических изданий этого времени (газета «Кавказ», журналы «Кавказ», «Русская старина», «Мос-ковитянин» и др.

В советское время по интересующей нас теме написан ряд работ известных ученых-кавказоведов М. С. Тотоева, Н. П. Гриленко, В. Г. Гаджиева, Т. Х. Кумыкова, П. Б. Виноградова, Л. М. Васильевой, Г. И. Цибилова, Х. В. Туркаева и др.⁴).

Большой вклад в начало становления вайнаховедения внесли историко-этнографические материалы, опубликованные в исследованиях середины и второй половины XVIII века. Так, например, на карте знаменитого «Атласа Российского» с названием «Положение мест между Черным и Каспийским морями, представляющее Кубань, Грузинскую землю и... часть

реки Волги с ее устьем» обозначены близкие нам этнические названия, как «Глихви» (Глигви - Ш. А.), «Тухети» (Тушети - Ш. А.)⁵.

Первой попыткой этнографического изучения Кавказа являются исследования - «Краткое изображение лежащих между Черным и Каспийским морями земель и народов» и «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы» (№ 3, 1789 г.) - которые также ценны тем, что перечисленные в них среди других этнических названий Кавказа также народы, как «глихви», «тухети», «кисты», «цурцуки» являются, как считает современная наука, предками современных чеченцев и ингушей.⁶

Огромный вклад в рассматриваемое время в изучение истории народов Кавказа, в том числе чеченцев и ингушей, внесла Российская Академия наук, организовавшая в 1768-1774 гг. и в 1793-1794 гг. ряд научных экспедиций с целью практического изучения вопросов экономического и культурного развития края. Руководителями и участниками южных научных экспедиций были И. А. Гюльдешптадт, С. Г. Гмелин, И. Г. Георги, П. С. Паллас, Я. Рейнеггс др., возглавлявшие «Астраханские экспедиции». Организованные ими экспедиции, в том числе и сами руководители экспедиций, побывали с 1770 г. по 1794 гг. на территории современной Чечни и Ингушетии.

В результате своих географических и физических наблюдений и исследований, будучи во главе научных экспедиций на Кавказе в 1770—1773 гг. академик И. А. Гюльденштедт подготовил научный труд, который явился первым и наиболее основательным описанием истории кавказских народов.⁷ В 1809 г. систематизированные материалы труда И. А. Гюльденштедта издал другой ученый — К. Ю. Герман.

Вначале работы И. А. Гюльденштедт подробно рассматривает историю Кистии или Кистетии, географию и границы расселения ее обществ, самоназвание народа, величину территории и историю, происхождения, общественное устройство горцев и т. д. Автор указывает, что грузины называют вайнахов кистами, андийцы - бутурул - мичкизами, кумыки и черкесы - просто мичкизами, хотя грузины не все мичкизские общества относят к кистинским, а кумыки не все кистинские общества - к мичкизским.⁸

Интересны наблюдения автора относительно общественного устройства кистин. Так, И. А. Гюльденштедт указывает, что немногие из них имеют независимых князей, «другие не имеют дворянства, но выбирают между собою богатейших, а особливо имеющих большое родство в старшины, коим они однако не столько повинуются, сколько им угодно. Иные подвластны сильным своим соседям, коим частично платят дань; иногда свергают с себя сие иго, либо покоряются другим владельцам...» Как и у всех кавказских народов, - отмечает далее автор, - основное хозяйство кистин состоит в животноводстве и земледелии.⁹

Определенного внимания заслуживают высказывания И. А. Гюльденштедта об ингушах, называя и подразумевая под ними кистин-жителей отдельных горных округов (обществ -Ш. А.), расположенных между вершиною рр. Сунжи и Терека, на расстоянии 80 верст от Моздока по р. Камбилеевки, впадающей в р. Терек. На Севере ингуши граничат с Малою Кабардою, на западе - с осетинами, на востоке - с чеченцами, а на юге - со снежными горами.

В отличие от осетин, — указывает И. А. Гюльденштедт, - ингуши не имеют у себя дворянства, но зато имеют «истории знаменитых родов, как-то: Мацеки, Боза, Чев и Пшанув, из коих они, как независимый народ, выбирает себе старшину и судью, который управляет именем целого общества». Автор отмечает также, что так называемые ингуши или кисты при желании могут выставить до 5 тыс. воинов; народ этот «совершенно независим и никакому князю не подвластен, как все почти кавказские народы, но управляются собственными старшинами».¹⁰

До сих пор пользуются исследователи сведениями И. А. Гюльденштедта о религии и религиозных верованиях ингушей в XVIIII веке. «Вера их (ингушей - Ш. А.) отменно проста, имеет однако же приметные следы христианства», - сообщает автор. «Они веруют в единого Бога, называемого ими Даила (Дела -Ш. А.), но не признают Святых; празднуют воскресные дни не богослужением, но отложением работы. Весною бывает у них великий пост, а летом меньший».¹¹

Важное значение имеет сообщение автора о жителях

округа (общества) Чечен (по-видимому, с. Чечен-аул - Ш. А.), населявших в основном земли в нижнем течении р. р. Аргуна и Бистена (?), впадающих в р. Сунжу. Под названием жителей округа Чечен, а точнее общества Чечен, подразумевается, по-видимому, автором народ, проживавший на территории Чеченского феодального владения с центром Чечен-аул.

Об общественном устройстве чеченцев И. А. Гюльденштедт говорит, что они «имеют собственных своих князей. Царствующая фамилия называется Туркан, и находится в родстве с Ауар-Ханом (по-видимому, Авархан из Дагестана - Ш. А.). Здесь же отмечается, что из многочисленных деревень, принадлежавших обществу Чечен, И. А. Гюльденштедт смог узнать названия только некоторых. Среди перечисляемых автором чеченских деревень названа главная деревня Чечен (с. Чечен-аул - Ш. А.), расположенная в 20-ти верстах от устья р. Аргун».¹²

Большого внимания заслуживают, сведения автора о карабулакском народе, деревни которого были расположены в северных горах по р. Мартан. Слово карабулак «на кумыкском языке означает «черный источник». Черкесы называют «карабулаков» словом «бальсу» (медовая вода), чеченцы называют их словом «арыштой», а ингуши и сами карабулаки называют себя «арште». Разговаривают они на общем кистинском, чеченском или мичикском наречии. Что же касается общественного устройства карабулаков, то И. А. Гюльденштедт отмечает, что у них отсутствуют князья, но зато есть старшины, платят дань аксайским князьям. В 1772 г. карабулакский народ добровольно принял российское подданство. Так же как и у других наиболее крупных вайнахских обществ, среди карабулакских деревень находилось селение, называемое по имени влиятельной фамилии Боко (по-видимому, ингушская фамилия Боковы - Ш. А.), насчитывающее в себе около 40 семейств.¹³ Утверждения же И. А. Гюльденштедта о том, что «карабулаки суть кочевой народ», по всей вероятности, надо понимать не в буквальном смысле, а в том, что они в течение круглого года успешно занимались отгонным скотоводством, используя для этого имеющиеся горные альпийские пастбища (луга).

Другим участником академической экспедиции на Северный Кавказ, и, в частности, в Чечню и Ингушетию в 70-х годах XVIII века был доктор медицины, натуралист И. Г. Георги. При описании народов Чечни и Ингушетии он обобщил материалы путешествия своего предшественника И. А. Гюльденштедта и издал сводный труд.¹⁴ Называя жителей края одним общим грузинским названием кисты или кистинцы, автор выделяет среди них четыре наиболее известные в то время этнические названия — чеченцы, ингуши, мичигаш и карабулаки. Указывая сведения об общественном строе вайнахов, И. Г. Георги отмечает, что они «имеют у себя князей и дворянство», а относительно хозяйственной деятельности сообщает, что чеченцы и ингуши «упражняются в хлебопашестве и скотоводстве так же, как черкесы и прочие кавказские народы».

Интересны наблюдения автора относительно того, что чеченцы и ингуши живут небольшими, неподалеку друг от друга лежащими деревнями, в которых насчитывается не более как двадцать дворов и во многих деревнях имеются каменные башни для укрытия женщин, детей и имущества.¹⁵

Большой научный и познавательный интерес представляют материалы о чеченцах и ингушах, собранные во время научной экспедиции на Кавказ, и в частности в Чечню и Ингушетию в 1770 — 1780-х годах доктором медицины Якобом Рейнегсом. В его рукописи¹⁶ содержатся ценные сведения по истории, экономике, этнографии, лингвистике и географии местных народов. Описывая основные отрасли хозяйства вайнахов, Я. Рейнегс отмечает, что горцы занимаются земледелием, скотоводством, садоводством и торговлей, разводят пчел, выращивают табак, редьку, лук и т. д.

Автор указывает также о бытовании у вайнахов элементов языческой и христианской религии, соблюдении ими религиозных ритуалов. С большой точностью описывает Я. Рейнегс обряды и ритуалы совместного танца, плясок и пения вайнахских мужчин и женщин, их музыкальные инструменты (скрипки, свирели, волынки и т. д.)¹⁷

Еще одним участником академической экспедиции на Северный Кавказ в 1793-1794 гг. и написавшим свою научную работу был академик П. С. Паллас.¹⁸ Сведения о чеченцах и

ингушах составлены им на основании анализа литературных источников, а также из показаний сведущих лиц, одним из которых был подполковник Л. Л. Штедер. Первое знакомство ученого с чеченцами, ингушами и карабулаками дает основание для выводов как о народе, который «совершенно отличается от других кавказских народов по языку, облику и чертам лица». Так же как и его предшественники, П. С. Паллас отмечает, что чеченцы и ингуши, хотя и мало занимаются земледелием и скотоводством, но зато являются хорошими земледельцами.

Не менее ценны для специалистов сообщаемые П. С. Палласом сведения о некоторых видах вооружения вайнахов конца XVIII века. По этому поводу П. С. Паллас пишет, что «это единственный народ Кавказа, у которого сохранился щит как часть оружия. Щиты эти изготовлены из дерева, покрытого кожей, и охвачены железными обручами овальной формы. Короткая сучковатая пика, являющаяся частью их вооружения, служит не только для обороны, но и в качестве подпорки для ружья, которое кладут между рогатками этой пики, укрепляя ее конец в земле, что дает возможность более точно стрелять в цель».¹⁹

П. С. Паллас дает несколько подробные сведения о локализации ингушей, указывает, что карабулаки происходят именно от них. Отталкиваясь от высказываний и выводов И. А. Гюльденштедта, П. С. Паллас относит карабулаков к мичкизам или кистам, которых он считает «остатками реальных алан».²⁰

Ценный историко-этнографический материал о чеченцах и ингушах в рассматриваемое время, кроме ученых - членов Российской Академии наук, собран также состоявшими в это время на военной службе в России иностранцами Л. Л. Штедером, И. Штелиным, И. И. Германом, Я. Потоцким и др. Подполковник Л. Л. Штедер в 1781 г. совершил экспедицию по Кавказу, прошел расстояние от Моздока через кабардинцев, чеченцев, ингушей, карабулаков и осетин в Грузию. Он имел задание составить военно-топографическую карту, описать жителей гор Кавказа и степей и одновременно произвести геологическую разведку.

Работа Л. Л. Штедера называется «Дневник путешествия в 1781 году»²¹. Она была издана П. С. Далласом 1797 г. В «Дневнике...» Л. Л. Штедера приводятся подробные сведения о племенах и обществах горцев, их общественном строе, религии, пище, одежде, хозяйстве, поселениях и жилищах, семейных отношениях, обычаях аталычества и гостеприимства, кровной мести у ингушей, карабулаков и осетин, а также о взаимоотношениях горских народов внутри страны и с кабардинским народом. В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии Л. Л. Штедер называет наиболее крупные вайнахские общества — Четчен, Ингуш, Карабулак и Акки, а ингуши, по сведениям автора, разделялись в это время на 7 родов (тайпов) - Тергимха, Аги, Хамхой, Чартой, Цимкал-бох, Геулаву, Вапи и т.д. Развитие скотоводства у чеченцев, ингушей и карабулаков заключалось, по Л. Штедеру, в разведении крупного скота, лошадей, овец, коз, свиней, ослов и мулов. Л. Штедер отмечает также, что вайнахи строили свои башни высотой в 10-15 футов каждая. Эти башни предназначались не только для обороны, но и для жилья. Карабулаки, по утверждению Л. Л. Штедера, жили в высоких башнях, возведённых из необработанных камней; вход в башню осуществлялся только по лестнице и располагался посередине между основанием и верхом башни. Вместо крыши отверстие наверху перекрывалось досками. В стенах башен имелось несколько отверстий. Башни не имели фундамента. В центре жилой комнаты разводили огонь, который давал свет и тепло.²²

Относительно торговли вайнахов Л. Штедер пишет, что к горцам приходят только армянские купцы с разнообразными товарами, а «иностранные купцы не посещают их, потому что они бедны и у них нечего взять»²³. О пище ингушей, автор замечает, что они имеют мало пищи, и голод свой утоляют небольшим количеством просяного хлеба и сыром, и мало употребляют мяса. Говоря же о формах управления у вайнахов в рассматриваемое время, Л. Штедер указывает, что карабулаки, в частности, имеют «демократическую конституцию» и общественные дела решают голосованием на общих собраниях, но зато в частных делах у них господствует старейшина («фаустрех»). И далее о карабулаках и ингушах Л. Штедер пишет, что они, как и другие горские народы, соблюдают обы-

чай гостеприимства и кровной мести, и гостю выставляют на стол все, что есть в их доме. Что касается религии, то карабулаки по Л. Штедеру, «имеют нечто вроде естественной религии», «они почитают высшее существо и верят в загробную жизнь».²⁴

Другой исследователь Ян Потоцкий, осенью 1797 г. совершил научное путешествие по Северному Кавказу. Свои изыскания о народах Кавказа он изложил в работах «Ранняя история народов России» и «Путешествие по Астраханским степям и по Кавказу».²⁵ В своей первой книге Я. Потоцкий предпринял попытку рассмотреть проблему происхождения горских народов, в том числе и чеченцев (мичкизов, мишегов). Автор Я. Потоцкий привлек сочинения античных и византийских авторов и русские летописи. Ян Потоцкий повторяет также идею Палласа П. С. о том, что Г. Феодосия в Крыму назывался по алано-тавридски Аррауда, что означает у алан и китов 7 богов: уар - 7, Дада - отец или бог, и приходит к выводу, что «нынешние» мичкизы или мишеги — это мишеги Ага-фия и мисимиане Менандра (Агафий и Менандр - историки Византии VI в), жившие в средние века между Кавказскими воротами и страной ажилиев, «нынешних шапсугов». Страбон не называет мисимиан среди других народов Кавказа. Как полагает Я. Потоцкий, они еще не переселились на Кавказ из Тавриды. Вообще же Я. Потоцкий приходит к выводу о том, что предки нынешних вайнахов в I - VI вв. н. э. Переселились из Крыма на Кавказ. Кроме того, судя по известиям Я. Потоцкого, чеченцы в рассматриваемое время были «ревностными» мусульманами, а ингуши и карабулаки продолжали оставаться полуязычниками и полухристианами.²⁶

Несмотря на то, что работы зарубежных авторов XVIII века в целом содержат важные материалы по истории и этнографии чеченцев и ингушей, к сожалению эти же авторы «по различным причинам не всегда были или могли быть объективными в своих оценках и суждениях», а потому научная ценность некоторых сведений из нарративных источников весьма условна и требует к себе критического анализа.²⁷

Еще более ранние сведения о социально-экономическом развитии и политическом положении вайнахов сообщаются также в некоторых источниках первой трети XVIII в. К ним

относится, в частности,, сочинение И. Гербера.²⁸ В 1722 г. в чине артиллерийского офицера И. Гербер участвовал в походе русских войск (Персидский поход Петра I) на побережье Каспийского моря. В 1728 г. по заданию правительства И. Гербер составил описание местностей и населения побережья Каспийского моря между Астраханью и р. Курой, а также карту этого района. Сочинение И-Г. Гербера по достоверности сообщаемых сведений занимает особое место. Большая часть работы И-Г. Гербера, написана на фактах, собранных им на месте. При этом им широко использованы письменные и другие источники.²⁹

В 1760 г. был опубликован полный текст И-Г. Гербера в переводе на русский язык с названием «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 году».³⁰ К сожалению, лично сам И-Г. Гербер в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время не бывал. Поэтому вполне естественно, что он не мог оставить нам такие подробные известия а вайнахах, как, скажем, о Дагестане. Сообщаемые И-Г. Гербером сведения о Чечне и чеченцах очень кратки, и они касаются только той части вайнахов, которые проживали на равнине в нескольких деревнях вблизи кумыкского села Эндери и находились в зависимости от дагестанских феодалов и князей.³¹

Согласно источнику И-Г. Гербера эти чеченцы разговаривали не только на своем родном языке, но и на татарском (кумыкском - Ш.А.) и вера у них была магометанская. По всей вероятности, не только чеченцы, жившие по соседству с кумыками, владели кумыкским языком, но и наоборот, кумыки также владели чеченским языком.

Большой интерес представляют сообщаемые И-Г. Гербером сведения о хозяйственной жизни и социальных отношениях чеченцев. Основное хозяйство их состояло в занятиях земледелием, скотоводством, торговлей. «За городом Крепости (Святой Крест) имеется торгование с приездными туда купцами российскими, армянами, горскими чеченцами, татары и прочие»,³² - сообщает источник И-Г. Гербера.

Указывая на политические отношения у чеченцев, И-Г. Гер-

бер сообщает, что горцы имеют своих старшин, которые здесь осуществляют управление в качестве владетелей. «Чеченцы вместе со своими старшинами находились под властью шамхалов и ныне главнейший (князь - Ш.А.) у оных именем Казбулат». Шамхалу платили зависимые чеченцы подать, которая, как правило, выражалась в крупном рогатом скоте и баранах.³³

Среди сведений, сообщаемых И-Г. Гербером, определенно-го внимания заслуживает сообщение автора о том, что названная им в данном источнике часть чеченцев проживавшая вблизи кумыкского с. Эндери, состояла якобы в подданстве Российской империи с 1722 г. По всей вероятности, данное утверждение автора следует связывать с Персидским походом Петра I, когда, согласно источнику, когда восставшие горцы, противостоявшие царским войскам в Дагестан, были фактически разбиты и покорены.

Огромный вклад в исследование политической истории народов Кавказа во взаимоотношениях с Россией в XVIII веке внес академик П. Г. Бутков, служивший на Кавказе с 1791 по 1803 гг. Обширный фактический материал по истории народов Кавказа опубликован им в обобщающем фундаментальном научно труде, состоящем из 3-х частей.³⁴ Бутков П. Г. собрал из различных разрозненных архивов и источников наиболее ценные материалы по Чечне и Ингушетии, глубоко проанализировав, изложил их в той хронологической последовательности, в какой фактически развивались политические события на Кавказе и в России. Однако при всем этом высказывания П. Г. Буткова относительно вайнахов порой носят тенденциозный характер и приводимые им материалы требуют к себе критического анализа.

В ряду других событий в первой части труда академик П. Г. Бутков, в частности, утверждает о том, что в 1747-1749 гг. чеченцы находились во власти кумыкских князей Айдемировых и Чепаловых из с. Эндери, Казбулатовых из с. Аксая, Черкасских из Большой Кабарды и Терловых из аварских владений. Власть этих княжеских и других владетельных фамилий распространялась на вайнахские селения: Большая и Малая Чечня (по-видимому, Большой Чечен-аул и Малый Чечен-аул -

Ш.А.), Большая Атага, Шали, Герменчук, Горячевская (Истису), Тошш и др.³⁵

Вторая часть труда П. Г. Буткова содержит материалы, посвященные событиям в Чечне и Ингушетии в начале 80-х годов XVIII века. Известно, что еще до начала движения имама Мансура здесь прокатилась волна крестьянских выступлений против местных феодалов и царской администрации. Согласно документальным сведениям, приводимым П. Г. Бутковым, Командующим Кавказским корпусом на Кавказе генерал-поручиком П. С. Потемкиным 3 марта 1783 г. была послана карательная экспедиция во главе с полковником Ке-ком против жителей Чечни и против восставших ингушей во главе с майором Риком. Говоря же о внутренней межэтнической политике, которую проводил царизм на Кавказе в это время, П. Г. Бутков указывает, что здесь «наблюдаемо было правило древних римлян, чтобы для пользы Кавказского края ссорить между собою разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли нас больше в покое. Вследствие сего поссорены от нас разными образами чеченские народы с ингушами...»³⁶

В последней, третьей, части обобщающего труда приводятся дневниковые записи П. Г. Букова о политических событиях на Кавказе и в Чечне с 1770 по 1791 гг., причем в строгой хронологической последовательности - по дням, месяцам и годам. В частности, автором перечислены здесь наиболее важные даты и места сражений шейха Мансура с царскими войсками на территории Чечни, Кабарды, Черкесии и Адыгеи.³⁷

В самом начале XIX века были опубликованы ценные кавказоведческие работы исследователей А. И. Ахвердова и А. М. Буцковского.³⁸ Оригинальность работ А. И. Ахвердова и А. М. Буцковского, так же как и сочинения И.-Г. Гербера, заключается в том, что сообщаемые в них сведения собраны авторами из достоверных источников.

В 1801 - 1804 гг. А. И. Ахвердов состоял комендантом Кизлярской крепости. Будучи комендантом, он успешно вел переговоры с местными феодалами и ханами, владел несколькими языками, читал и писал по-русски и по-грузински, знал армянский, татарский (кумыкский - Ш.А.) и турецкий языки.³⁹

В отличие от И.-Г. Гербера А. И. Ахвердов лично сам по долгу службы встречался со многими дагестанскими народами, в том числе с чеченцами, ингушами, карабулаками, кистами. В источнике А. И. Ахвердова дается краткое описание отдельных чеченских и ингушских владений, перечисляется количество деревень в них и общее число горных ингушей и чеченцев, называются имена вайнахских владельцев и князей, их основные отрасли хозяйства, указываются виды податей, выплачиваемых горцами своим владельцам и старшинам. Автор указывает о степени мусульманизации отдельных чеченских и ингушских обществ и т. д. По свидетельству А. И. Ахвердова шесть чеченских деревень, называемых качкалыковскими, в конце XVIII-нач. XIX в. были расположены в непосредственной близости от деревни Аксаевской и подчинялись ее старшему владельцу Хасбулату Арсланбекову (Хасбулату Расланбекову - Ш.А.).⁴⁰

В это же время другой исследователь А. М. Буцковский также находился здесь в военной службе с 1789 г. В 1810 г. будучи в чине подполковника, А. М. Буцковский был командирован на Кавказскую Линию для описания некоторых горских областей. В подробной справке подготовленной А. М. Буцковским для администрации о кумыкском народе, сообщаются также сведения о чеченцах, которые в рассматриваемое время проживали либо в кумыкских селах, либо вайнахские деревни находились в непосредственной границе с кумыкскими. А. М. Буцковский отмечает также, что среди чеченцев, проживавших по рр. Сунжа и Терек, а также часть их называвшихся качкалыковскими, была переселена оттуда аксаевскими князьями и размещена на землях между рр. Сунжею и Аксаем на определенных условиях в шести деревнях. Однако со временем качкалыковцы, увеличившись за счет пришлых чеченцев, вышли из повиновения аксаевским владельцам и окончательно овладели землями между рр. Гудермесом и левой стороной р. Аксая, которые отныне стали называться уже чеченскими.⁴¹

Об ауховцах, или так называемых качкалыковских и части чеченских выходцах, автор сообщает, что они поселились и живут на кумыкских землях около верховьев рр. Акташа и Ярык-су, платят дань кумыкским князьям и обязаны при не-

обходимости выделять им вспомогательных воинов. Основная пища качкальковских чеченцев состоит из мяса. Главным занятием их является разведение мелкого и крупного рогатого скота. Весьма неплохо развито у них такое ремесло, - как изготовление ружей.⁴²

Весьма ценной является приводимая в работе А. М. Буцковского таблица с указанием общего числа и названий чеченских селений, подвластных кумыкским князьям и владельцам в начале XIX в. Данная таблица называет также количество дворов в этих селениях, так, например, из ауховских (качкальковских) селений, находившихся под властью кумыкских князей, называются следующие: ее. Агташ (200 дворов), Юрт (50 дв.), Алмак (80 дв.), Ярухсу или Качилук (300 дв.), Кешень (200 дв.), Гилян (100 дв.), Зандак (100 дв.), Чючели (40 дв.), Даттах (30 дв.); из чеченских селений называются: ее. Хасса Мекент (70 дв.), Балчи (60 дв.), Герзели (50 дв.), Дада-юрт (87 дв.), Умараджи (45 дв.). Как отмечает А. М. Буцковский жители пяти названных чеченских сел жили смешанно вместе с кумыками, князьям которых особенной дани не платили, «кроме поставки вспомогательных воинов и на один день с каждого двора рабочего к посеву, жатве и сенокошению». Из этого же числа такие селения, как Хасам-Кент, Балчи и Герзели вообще отклонилась от уплаты всех повинностей кумыкским князьям и владельцам.⁴³

Ценные сведения по истории и этнографии Чечни и Ингушетии начала XIX в. содержатся в сочинении С. Броневского.⁴⁴ Кроме личных наблюдений, при написании своего труда, как отмечает С. Броневский, им использованы историко-этнографические исследования его предшественников - А. Гюльденштедта, П. Далласа, Г. Гмелина и др. Поэтому не случайно, что многие сведения о чеченцах и ингушах, сообщаемые С. Броневским, дублируют материалы этих авторов, и в частности, А. И. Гюльденштедта и др.

Будучи буржуазно-дворянским историком С. М. Броневский, так же как и его предшественники, отдельные исторические события о вайнахах освещает тенденциозно. Работа С. М. Броневского является, пожалуй, одним из самых популярных и доступных широкому кругу читателей, в которой

предпринята попытка сообщить как можно больше новых сведений по истории, этнографии, культуре и экономике народов Кавказа. Приводимые С. М. Броневским сведения о вайнахах являются в основном исторического, этнографического и географического характера, а именно: дается описание географического положения края, происхождения народа, основных отраслей хозяйства, образа жизни, обычаев, нравов вайнахов и т. д.

В специальной главе С. Броневский рассматривает 4 основных, на его взгляд, этноса, являющихся предками вайнахов и проживающих на территории современной Чечни и Ингушетии. Заслуживает мнения мысли С. Броневского о происхождении ингушей. Опираясь на предложения П. С. Палласа, он, например, указывает, что кистины являются потомками алан и в доказательство своих доводов приводит конкретный пример.⁴⁵

Позаимствовав у И. А. Гюльденштедта и П. С. Палласа термин «кистины», С. Броневский вложил в него собирательное название наиболее крупных 4-х обществ чеченцев и ингушей второй половины XVIII - нач. XIX в. (кисты, собственно так называемые; ингуши или ламарои; карабулаки или арштин-цы; чеченцы или мичкизы), которые не имели еще в это время общего государственного устройства и единства, но находились в тесных политических, экономических и культурных связях с Россией и соседними народами и придерживались российской ориентации.

Вслед за И. А. Гюльденштедтом С. Броневский упоминает ряд крупных обществ (округов) Чечни и Ингушетии. В Ингушетии, или, как называет ее автор, в Кистинской провинции находилось восемь обществ (округов), в то время как в Чечне их насчитывалось тринадцать. Причем к последним принадлежала часть Аксаевских округов (обществ) Эндери и Аксай под общим названием Качалых (шесть деревень. «Вероятно, что подобных округов или волостей должно быть гораздо более в Кистинских землях, - пишет С. Броневский, - ибо каждое колено разделяется на малые общества или союзы, заключающие в себе несколько деревень, из коих одна признается главою союза или сборным местом, и обыкновенно все общество называется по имени главной деревни.⁴⁶

Исследователь С. Броневский указывает, что ингуши, которые называются кисты-галгаи, относятся к влиятельному кистинскому обществу и проживают в основном вдоль рр. Камбилеи и Сунжи и впадающих в них мелких речушек между Малою Кабардою и Чечней. Ингуши сами себя называют ламарои (горные жители), а своих соседей чеченцев - нахча. Ингуши черноволосы, смуглее кабардинцев и склад лица отличается от них. Они носят деревянные щиты, обтянутые кожей и снаружи скрепленные железными обручами, и короткий остроконечный железный дротик, который при необходимости может служить оборонительным оружием. Но чаще употребляется для меткого стреляния из ружья вместо сошки.⁴⁷

В древние времена ингуши, как и все кисты, — отмечает С. Броневский, - были христианами и находились в подданстве грузинских царей. Затем они обратились к своему древнему богочтителю, потом опять на короткое время, приняли христианство, и только наконец приняли ингуши религию ислам, хотя, «держатся еще совокупно языческих и христианских их обрядов; едят свинину, содержат посты, празднуют воскресенье и уважают опустевшие церкви».⁴⁸

У С. Броневского находились некоторые сведения общественного устройства в ингушских обществах в начале XIX в. Ингуши делятся на малые независимые общества, - указывает автор, - управляются выборными старшинами, которые избираются из богатейших родов, и по причине частных выборов старшинские права, как правило, наследуют от отца к сыну. Жители прилежно занимаются хлебопашеством и довольно много имеют скота. Так же как и осетины, ингуши строят у себя каменные или деревянные дома, в середине деревни возводят каменную башню, для укрытия детей и женщин в случае нападения неприятеля.⁴⁹

Об обществах Малых и Больших ингушей С. М. Броневский пишет, что они проживают в основном в верховьях р. Камбилеевки и насчитывают около 25 деревень, называя 14 из них наиболее крупными. По Сунженской реке Шадгир или Оссае (р. Асса - Ш.А.), автор называет более 35 деревень ингушей, указывая 12 из них наиболее принадлежащих обще-

ствам Меести, Мереджи, Галашки и Дубан. Всего, согласно приводимому подсчету С. М. Броневским, ингушей было более 5 тысяч дворов.⁵⁰

Относительно карабулакского народа автор работы С. М. Броневский сообщает, что в прошлом 200 семей карабулаков находилось в зависимости от чеченцев, имели своих старшин и разговаривали на кистинском, ингушском языке, близком чеченскому.⁵¹

В специальном разделе главы дается описание общества чеченцев, или, как их называют соседние народы, мичкизов, которые на севере граничили с гребенскими казаками, на западе - с брагунскими селами, Малою Кабардою, ингушами и карабулаками, на востоке - с андийскими и аварскими владениями и аксаевскими кумыками. Автор отмечает, что между кистинскими наречиями и чеченским диалектом есть определенные отличия. Чеченцев он делит на 3 категории: мирные, независимые и горные чеченцы (ичары мычкыз — кумык. ел.). К мирным чеченцам С. М. Броневский относит в основном тех, которые проживали по правому берегу р. Сунжи в 24 верстах, в таких больших деревнях как Новый Чечень, Гаджи-аул, Янгель-юрт (Энгель-юрт — Ш. А.), Джанты, Чабрило, Шабет. К этим мирным селениям автор причисляет еще шесть деревень.⁵²

В конце 20-х - начале 30-х годов XIX в. сбором сведений и описанием истории чеченцев и ингушей на Кавказе в пору так называемой Кавказской войны занимались в основном русские офицеры. Таковыми являются в частности, исследования русских офицеров Р. Ф. Розена и И. И. Норденстамма.⁵³ Барон Р. Ф. Розен, будучи одновременно начальником 21-ой пехотной дивизии и левого фланга Кавказской Линии в 1830 г. произвел описание некоторых народов Чечни и Дагестана, входивших в это время в его правление. Основное внимание автор уделит анализу экономического состояния и политического положения горцев. Описывая общества вайнахов (карабулаков, качкалыковцев и ауховцев), живущих по рр. Терек и Сунжа, барон Р. Ф. Розен заметил, что «они составляют образованнейшую часть всей Чечни и разделены начальством под управление разных владельцев, живущих на Тереке». Все

эти названные вайнахские общества, - указывает далее автор, - имеют один язык, нет у них отличия в характере, наклонностях, обычаях, правах, законе, вере и принадлежат они одному обществу - чеченскому племени.⁵⁴

Высоко отзывается Р. Ф. Розен о тактике ведения войны и обороне горцами в горной, пересеченной местности. «Сражаются (горцы - Ш. А.) вообще в закрытых местах упорно, - указывает он, — умеют весьма пользоваться местными удобствами, искусно располагают засадами, неосторожности, малейшие замечают и мгновенно ими пользуются».⁵⁵ Подробно описывает Р. Ф. Розен преимущества оборонительной тактики ведения военных действий чеченцев.

Говоря о хозяйственной деятельности, т. е. об основных отраслях хозяйства чеченцев, живущих ближе к горам и на равнине, Р. Ф. Розен указывает, что главные злаковые культуры их составляют - пшеница, просо, ячмень и кукуруза; огородные растения - лук, черемша, чеснок; фрукты - яблоки, груши и дули. При этом чеченцы, живущие на р. Терек и на равнине по рр. Сунжа и Аргун, - согласно источнику, — более занимаясь хлебопашеством, скотоводством, рукоделием, ...живут изобильнее, занимаются торговлей лесом, изготовлением домашнего горского сукна и звериной ловлею. Но зато чеченец, имеющий в горах две пары быков, одну или две коровы, — сообщает Р. Ф. Розен, - считается вполне зажиточным.⁵⁶

В отличие от равнинных чеченцев автор делит горных чеченцев на ичкеринцев и чабуртлинцев (чеберлоевцев — Ш.А.), совершенно сходных в нравах, обычаях, законах, вере, характере и управлении. Ичкеринцы живут разбросанно во многих маленьких деревнях, заселяют землю гористую, покрытую сплошными лесами и изобилующую множеством ключей и родников, занимаются разведением крупного и мелкого рогатого скота, особенно хорошо развито пчеловодство; основная торговля их состоит, - указывает далее Р. Ф. Розен, - в продаже воска, меда и бурок соседним андийцам и мирным чеченцам.⁵⁷

Думается прав Р. Ф. Розен, когда он утверждает, что ичкеринцы (горные чеченцы - Ш.А.) дали начало чеченцам, ранее переселившимся и живущим ныне по Сунже и другим рекам

на равнинах, и если последние по какой-либо причине лишились здесь своих земель, то имели неоспоримое право на земли, обитаемые их предками в горах. И в этом случае горные жители ни в коем случае не отказывали им. Одновременно отмечалось, что «недовольные (равнинные чеченцы - Ш.А.) разбирательством своих местных стариков в делах тяжбленных отдаются на суд ичкерийских и по решению сих стариков беспрекословно исполняют...»⁵⁸

Чабуртлинцы (чеберлойцы - Ш.А.) живут по соседству с ичкеринцами и Андиею (Дагестан), - указывает Р. Ф. Розен, — и имеют 3 тыс. человек мужского пола. Край чеберлоевцев изобилует пастбищами, местами для летнего и зимнего выпаса скота; хорошо развито овцеводство и пчеловодство, значительно слабее развито хлебопашество. Питаются горцы хлебом ячменной муки и высевают у себя особый сорт пшеницы, называемой в России полбою. Кроме того, автор сообщает, что из шерсти овец чеберлоевцы изготавливают для домашних нужд довольно изрядные сукна, а из оставшейся шерсти делают бурки и продают их в небольшом количестве андийцам и соседним народам, а также в Грузию и в кумыкские владения. Вблизи одной их деревни Хаду находится озеро с тем же названием, имеющее в окружности 10 верст, неизмеримой глубины и отменно хорошего вкуса вода.⁵⁹ Жители Чабуртлы - указывает далее Р. Ф. Розен, — почти не поддерживают никаких связей с другими чеченскими обществами.⁶⁰

В начале 30-х годов XIX в., будучи капитаном Генерального штаба Российской армии на Кавказской Линии и одновременно участвуя в военных действиях против горцев, И. И. Норденстамм произвел краткое военно-статистическое описание Чечни, в основном экономического и этнографического характера. Говоря о развитии у чеченцев такой важной отрасли земледелия, как хлебопашество, автор отмечает, что Чечня производит урожая больше, чем нужно для прокормления ее населения и избытки его обменивают горцы всегда своим соседям - кистинцам и лезгинам, живущим в бесплодных горах, на шерсть, бурки, грубое сукно и т. д. Посевы чеченцев состоят из небольшого количества ганеницы и ячменя, но более всего из кукурузы и проса. Чеченцы Сунженские и терские очень

рачительно занимаются хлебопашеством, и они богаче других, - отмечает автор. Чеченцы занимаются также шелководством. И. И. Норденстамм отмечает также, что у чеченских земледельцев хорошо развита оросительная система, поскольку для получения высоких урожаев они весной и летом наводняют свои поля, для чего из речек повсюду выведены каналы.⁶¹

И. И. Норденстамм указывает, что хотя многие исследователи до него ошибочно считали, что горная Чечня бесплодна и мало обитаема, на самом же деле это прекрасная страна, которая для горца представляет много удобств, здесь достаточно населения, большие хорошие деревни, нисколько не уступающие деревням на равнине; из больших деревень в горах создаются небольшие выселки, и в «лесах везде видны недавно очищенные для хлебопашества места» (ирзо - Ш.А.). Автор подробно описывает также отрасли хозяйства чеченцев, как скотоводство разведения крупного и мелкого рогатого скота, коневодство; развитие садоводства, пчеловодства, табаководства, шелководства, огородничества, бахчеводства и т. д.⁶²

Относительно размещения и добычи полезных ископаемых на территории Чечни, в рассматриваемое время И. И. Норденстамм замечает, что по рассказам старожилков «в некоторых местах земель кистинских и в горной Чечне жители добывают свинцу, но в весьма малом количестве»; еще раньше якобы добывали они серебро, но также в незначительном количестве. А на границе Чечни, вблизи кистинской деревни Муцо имеются весьма богатые серебряные, медные и свинцовые руды, обследованные якобы посланным туда в свое время коллежским секретарем Гордеевым.⁶³

Большое место уделил И. И. Норденстамм в работе анализу торговой деятельности чеченцев. Автор подробно анализирует состояние торговли, как меновой, та и денежной, между равнинными и горными жителями, а также в селениях Брагу-ны, Гудурмес, Аксай Андреево (Эндери) и т. д. Автор указывает, что самой доходной частью торговли чеченцев с русскими являлся лес строевой и дровяной, который сплавлялся ежедневно по Тереку и Сунже до самого Кизляра для продажи. Ежедневно в Кизляр сплавлялось от 500 до 800 плотов

строевого леса, за каждый такой плот платили от 30 до 50 руб. серебром, что составляло в целом около 25 тыс. рублей серебром. Другая, не менее важная и доходная отрасль торговли чеченцев - это доставка в Кизляр для садов таркалов (колья для виноградных лоз), за каждую арбу таркалов с доставкой в Кизляр платили от 3 до 5 руб. серебром и т. д. Кроме того, горцы со всего Восточного Кавказа осенью отправлялись в Кизляр и нанимались там на работы в садах. Как правило, горцы оставались зимовать в Кизляре и, работая здесь, получали в месяц от 10 до 15 руб. серебром.⁶⁴

Таким образом, проанализировав первые два этапа историко-этнографического изучения вайнахов российской академической наукой в XVIII - начале XIX века, мы наблюдаем тенденцию неуклонно развивающихся и углубляющихся культурных взаимоотношений чеченцев и ингушей с народами России и Северного Кавказа. Русско-вайнахские и вай-нахо-северокавказские экономические и культурные связи имели прогрессивное значение и последствия. Сближение народов Чечни и Ингушетии с Россией и народами Кавказа давало мощный толчок к более интенсивному развитию производственных сил и расширению экономических, политических и культурных связей их с соседними кавказскими народами и странами.

Использованная литература и источники:

1. Цибиров Г. И. Осетия в русской науке, Орджоникидзе, 1981, с. 5.
2. Аталиков В. М. Страницы истории, Нальчик, 1987, с. 124.
3. Там же, с. 124.
4. Тотоев М. С. История русско-осетинских культурных связей, Орджоникидзе, 1977; Гриценко Н. П. Истоки дружбы, Грозный, 1975; Его же Русские просветители XIX века среди кавказских народов. Сб. ст. «Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI - нач. XX в.», Грозный, 1986; Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана, М, 1961; Виноградов П. Б. Пирогов Н. П. в нашем крае. Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка, и литературы ЧИНИИЯЛ, т. 5, Грозный, 1964; Васильева Л. М. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века, Ор-

- джоникидзе, 1975; Цибилов Г. И. Осетия в русской науке, Орджоникидзе, 1981; Туркаев Х. В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей, Грозный, 1978 и др.
5. Кавказский этнографический сборник, ч. 2, М, 1966, с. 107.
 6. Там же.
 7. Гюльденштедт И. А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия г-на академика И. А. Гюльденштедта через Россию по Кавказским горам в 1770-1773 гг. СПб, 1809 г.
 8. Гюльденштедт И. А. Ук. соч., с. 78.
 9. Там же, с. 79.
 10. Там же, с. 113.
 11. Там же, с. 115.
 12. Там же, с. 85-86.
 13. Там же, с. 87.
 14. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 2, СПб, 1799;
 15. Георги И. Г. ук. соч., с. 58 - 59.
 16. Рейнеггс Я. Всеобщее, историческое и топографическое описание Кавказа, кн. 1 - 2, Гота, СПб, 1796-1797 гг., я. 78.
 17. Рейнеггс Я. Ук. соч. с. 79-80.
 18. Паллас П. С. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг., кн. 1-2, Лейпциг, 1799 - 1801 гг.
 19. Паллас П. С. Ук. соч., с. 144,
 20. Паллас П. С. Ук. соч., с. 145-146.
 21. Штедер Л. Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 г., Лейпциг, 1797 г.
 22. Аталиков В. М. Страницы истории., Нальчик, 1987, ее. 96,107.
 23. Штедер Л. Л. Ук. соч., с. 197.
 24. Штедер Л. Л. Ук. соч., с. 199.
 25. Аталиков В. М. Ук. соч., с. 100.
 26. Там же, с. 121.
 27. Там же, с. 129.
 28. Гербер И-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря живущих. История, география и этнография Дагестана XVII-XIX вв., М, 1958.
 29. Гаджиев В. Г. Сичинение И-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа, М, 1879, ее. 10-11.
 30. Гаджиев В. Г. Ук. соч., с. 14-15.
 31. Гербер И-Г. Ук. соч., с. 70; Гаджиев В. Г. Ук. соч. с. 57 -58.
 32. Гербер И-Г. Ук. соч., с. 63.
 33. Гербер И-Г. Ук. соч. с. 70; Гаджиев В. Г. Ук. соч., с. 61 - 62.
 34. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., чч. 1-3, СПб, 1869.
 35. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 1, СПб, 1869, с. 260-261.
 36. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 2, СПб, 1869, с. 110-112.
 37. Бутков П. Г. Ук. соч., ч. 3, СПб, 1869, с. 187-235.
 38. Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804г.; Бундовский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв., М, 1958.
 39. Ахвердов А. И. Ук. соч., с. 228-229.
 40. Ахвердов А. И. Ук. соч., с. 214.
 41. Буцковский А. М. Ук. соч., с. 239.
 42. Буцковский А. М. Ук. соч., с. 243.
 43. Буцковский А. М. Ук. соч., с. 244-245.
 44. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 1-2, М, 1823;
 45. Там же, ч. 2, с. 156-157.
 46. Там же, ч. 2, с. 157-158.
 47. Броневский С. М. Ук. соч., ч. 2, с. 161.
 48. Там же, ч. 2, с. 161.
 49. Там же, ч. 2, с. 164-165.
 50. Там же, ч. 2, с. 166.
 51. Броневский С. М., Ук. соч., ч. 2, с. 168-169.
 52. Броневский С. М. Ук. соч., ч. 2, с. 169-170.
 53. Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана. История, география и этнография Дагестана XVIII - XIX вв., М, 1958; Норденстамм И. И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера, составленное капитаном Генерального штаба И. И. Норденстаммом. Материалы по истории Дагестана и Чечни. 1801 - 1839 гг., Махачкала, 1940 г.
 54. Розен Р. Ф. Ук. соч., с. 281.
 55. Розен Р. Ф. Ук. соч., с. 282.
 56. Розен Р. Ф. Ук. соч., с. 282-283.
 57. Розен Р. Ф. Ук. соч., с. 284.

58. Розен Р. Ф. Ук. соч., с. 284-285.
59. Здесь, по-видимому, автор имеет в виду озеро Кезеной-Ам, расположенное рядом с обществом Чеберлой, в юго-восточной части Чечни.
60. Розен Р. Ф. Ук. соч., с. 285-286.
61. Норденстамм И. И. Ук. соч., т. 3, ч. 1, Махачкала, 1940, с. 302.
62. Норденстамм И. И. Ук. соч., с. 303-304.
63. Норденстамм И. И. Ук. соч., с. 305.
64. Норденстамм И. И. Ук. соч., с. 318-319.

ла XVIII века и до 70-80-х годов через влияние пришлых кабардинских, кумыкских и аварских князей и феодалов на определенную часть равнинных чеченцев и ингушей. Политическое влияние князей и владельцев Кабарды и Дагестана на чеченские и ингушские народы достигалось не только военной силой не без помощи царской России, но и в известной мере сложившимися на данный момент социально-экономическими причинами.

Вассальные чечено-кабардино-дагестанские и ингушско-кабардинские отношения, которые имели место в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время, носили в основном формальный характер. Суть этих отношений сводилась к тому, что чеченские и ингушские старшины и уздени получали в лице кабардинских и кумыкских князей и владельцев и их вассалов покровительство и защиту от притязаний соседних владельцев и царских властей. Кабардинские и кумыкские князья и владельцы по мере необходимости должны были присылать небольшие отряды для защиты чеченцев и ингушей от внешних врагов и добиваться разрешения от царской администрации на беспоплатный проезд горцев для торговли в Кизляр, Моздок, Астрахань и в соседние гребенские казачьи станицы.

Чеченские и ингушские старшины и уздени должны были нести перед кабардинскими и кумыкскими князьями и владельцами известные материальные и трудовые повинности. Разумеется, вся тяжесть этих обременительных податей и других видов повинностей ложилась на плечи простого горского народа.

Помогая укреплять господствующее положение вайнахской знати среди своих соплеменников и ограждая их от внешних притеснителей, кабардинские и кумыкские князья и фе-

одалы в то же время завладевали зимними пастбищами и сенокосными угодьями, которые были жизненно важными и необходимыми горским народам.

Грузинский исследователь Т. Д. Боцвадзе указывает, что интересы чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и осетин в определенной мере отличались от интересов Кабарды, Дагестана и Грузии. С одной стороны, эти народы, находившиеся в вассально-даннической зависимости от Кабарды, Да-

гестана и Грузии, стремились освободиться от этой зависимости с помощью России, что, безусловно, должно было отразиться на кабардино-русских, дагестано-русских и грузино-русских отношениях. С другой стороны, вступлением под покровительство России северокавказские народы хотели избавиться от угрозы порабощения их со стороны Турции, Ирана и Крымского ханства.²

Было еще одно важное обстоятельство, которое стимулировало тяготение северокавказских народов к России. С ее помощью они стремились улучшить свое экономическое положение через разрешение беспрепятственно расселяться на равнинных землях, получение земельных наделов и сенокосных угодий, приобретение льготных прав на свободную торговлю в русских городах, крепостях и станицах.

В то же время кабардинских и дагестанских князей и владельцев не удовлетворяло стремление простых чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев и осетин принять русское покровительство, ибо в этом случае они лишались своих феодальных доходов и привилегий. Поэтому кабардинские и дагестанские князья и владельцы стремились всячески лишать

установлению нормальных взаимоотношений между простыми горцами и России, считая, что северокавказские народы должны устанавливать свои контакты с Россией только с их ведома и разрешения.³

Политические противоречия между отдельными кабардинскими, дагестанскими князьями и феодалами и чеченскими и ингушскими обществами, получившими свое первоначальное развитие еще в начале XVII века в результате притязаний кабардинских и дагестанских князей на исконно чечено-ингушские земли, продолжают углубляться и в XVIII веке. Только после антифеодального и антиколониального движения горцев Чечни и Северного Кавказа под предводительством Ушурмы (шейха Мансура) в 1785-1791 гг. часть иноплеменных князей и владельцев была истреблена восставшими, а часть ушла за пределы Чечни и Ингушетии.

В первой четверти XVIII века эндерийские (кумыкские) владельцы старший Айдемир и Мусал Чепаловы, - сообщается в документах, — владели «знатною частью чеченцев». Кумыкский владелец Айдемир Бардыханов владел аулами Боль-

той Чечни и Большие Атаги. Кабардинский князь Девлет-Гирей Черкасский владел чеченскими селениями Шали, Герменчук и др. Во главе брагунских (с. Брагуны) чеченцев стоял Мудар. До 1779 г. (восстания кабардинцев против царской России) ингуши признавали, что являлись данниками кабардинских князей.⁴

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии, в отличие от Кабарды, Кумыкии, Осетии и других национальных районов, не было неограниченной власти князей и владельцев над подвластными горцами. Здесь не было также, как у соседних народов, купли и продажи крестьян и членов их семей, не соблюдалось и других чудовищных и унижительных форм насилия феодалов над земледельцами, как, например, у кумыков и кабардинцев. Зависимость чеченских и ингушских крестьян от своих хозяев выражалась чаще всего или в форме сдачи натурального налога за управление делами отдельного общества горцев, куда приглашались эти «варяги» и откуда нередко изгонялись, или в форме оплаты за земли, считавшиеся собственностью кабардинских или кумыкских владельцев.⁵

Таким образом, вассальная зависимость части чеченских и ингушских владельцев от иноплеменных князей и феодалов Кабарды и Дагестана не было прочной, постепенно становилась чисто формальной и к концу XVIII века перестала существовать. От нее остались лишь укрепившиеся здесь черты гражданского быта и общественного порядка, имевшие много общего с кабардинскими и кумыкскими, в частности - развитие и укрепление феодальных отношений внутри чеченского и ингушского народов.

Чеченские и Ингушские земледельцы неоднократно выступали против своих и иноплеменных (кабардинских и дагестанских) владетелей, требовавших больших податей, чрезмерного ясака. Путем совместных выступлений земледельцы пытались освободиться от ясака и сохранить за собой земли, где они поселились. На кабардинских земледельцев, которые переселились в с. Шали сильное влияние оказывали их чеченские и ингушские братья, находившиеся в более свободном положении, не испытывавшие жестокого гнета. Многие из чеченцев породнились с кабардинцами, постепенно крепла их дружба, теснее становились экономические взаимоотношения.

И когда кабардинские земледельцы, доведенные до отчаяния жестокостью и жадностью своих хозяев, восстали, их поддержали чеченские земледельцы. Согласно чеченскому преданию, горцы совместными усилиями сбросили с себя иго ненавистных угнетателей, готовивших жестокую расправу над восставшими.⁶

В вайнахском фольклоре достойное отражение нашла совместная борьба чеченцев и ингушей против притеснений кабардинских князей, дагестанских шамхалов и аварских нуцалов. Этой героической борьбе посвящены две песни: «Свержение княжения Мусоста Алиевым Сурхо» и «Свержение княжения Кагермана вождем Балу». Песни воспевают героев этой борьбы.

Кабардинские и балкарские народы не только не поддерживали князей и феодалов в их борьбе за сохранение власти над чеченцами и ингушами, но и сами вели активную борьбу против своих угнетателей.'

Вайнахские народы всегда оказывали братскую помощь своим соседям в их борьбе с внешним врагом. Вместе с кабардинцами вайнахи защищали пограничные рубежи российского государства от персидских, турецко-крымских агрессоров, участвовали в дипломатических миссиях по укреплению взаимоотношений с русским государством и другими народами. В XVIII веке чеченцы и ингуши вместе с кабардинцами вели освободительную борьбу против ногайских орд, совершавших набеги на Кабарду. В 1651 г. они совместно защищали Сунженский острог от персидских войск. В 1675 г. отряд из кабардинцев и окочан (чеченцев) участвовал в успешном походе русских войск против крымских татар.⁷

Однако случалось и так, что веками существовавшие между чеченцами, ингушами, кабардинцами, дагестанцами, балкарцами и осетинами дружественные отношения нарушались. И повинен в этом был царизм с его антинародной колониальной политикой, часто прибегавший к возбуждению и разжиганию межнациональной розни, натравливая одни народы на другие. «С начала моего командования на Линии (Кавказской - Ш.А.), - сообщал в своем рапорте на имя князя Г. А. Потемкина командующий на Кавказе генерал-поручик П. С. Потемкин, - старался я горские народы привести в несогла-

сие с подгорными (равнинными - Ш.А.), дабы в удобных случаях употребить их в пользу на обуздание ближних к Линии. Такого правила держась, всемерно привлекал ингушей для чеченцев, карачаевцев для кабардинцев...»⁸

Сооруженная в 1783 г. новая укрепленная линия между Моздоком и подошвой Главного Кавказского хребта так же способствовала разъединению живущих по Тереку северокавказских народов. Кавказская укрепленная Линия «...обеспечивая сообщение с Грузией имела еще и другое важное значение: она отделяла Большую Кабарду от Малой и затрудняла возможность совместного действия их против нас (царских войск — Ш.А.) вместе с чеченцами и ингушам».⁹

И все же в решительный момент, когда затрагивались интересы народов, чеченцы, ингуши, кабардинцы, дагестанцы и другие народы совместно подымались на борьбу с колониальными властями. Так было и в 1785—1791 годах, когда на борьбу с царизмом и местными угнетателями дружно поднялись и чеченцы, и кабардинцы, и кумыки, и черкесы, и адыгейцы и т. д. Благодаря их активным усилиям царское самодержавие не решилось открыть в 1785 году ранее намечавшееся по указу императрицы Екатерины II кавказское наместничество; оно было открыто только в 1786 году. Острие этого мощного антифеодального и антиколониального движения горцев Чечни и Северного Кавказа под предводительством Шейха Мансура было направлено на разрушение Кавказской укрепленной Линии, уничтожение крепостей и укреплений на ней, которые искусственно разъединяли горские народы. Эта стратегия сильно напугала царское правительство, стремившееся использовать наиболее лояльных к нему князей и владельцев против восставших горцев.

Если даже притязания пришлых кабардинских, дагестанских и грузинских князей и феодалов, а также колониальные захваты царизма вызывали отпор, то взаимное общение чеченцев и ингушей с трудовыми массами соседних феодальных владений были иными: между ними шел обмен производственными навыками, накопленным хозяйственным опытом, бытовыми привычками, обычаями, устанавливались брачные связи и т. д.

В рассматриваемое время, кроме политических связей, ог-

ромную роль в деле сближения чеченцев и ингушей с соседними народами Дагестана, Кабарды, Осетии, Балкарии и России играли торгово-экономические связи. Если на внешнем рынке с российскими городами главным образом преобладал спрос на изделие быта и ремесла, то с восточных рынков (Китай, Иран, Турция, Бухара) к горцам преимущественно поступали различные ткани, бухарские кожаные изделия и т. д.

В свою очередь большим спросом у русского населения пользовался всякого рода сельскохозяйственный инвентарь чеченцев и ингушей. Известно также, что чеченский хлеб вывозился на продажу не только к соседним народам, но даже за границу - в Персию.¹⁰

В первой половине XVIII века преимущественно развивались торговые связи Чечни и Ингушетии с Терками, Святым Крестом, Кизляром, Астраханью, а со второй половины XVIII века - Моздоком. Особенно значительна была экономическая роль Кизляра, Моздока и Астрахани, где ежегодно собирались ярмарки и куда стекались купцы из России, Средней Азии, Иран, Закавказья, Индии и других мест.

В развитии и укреплении торгово-экономических связей одинаково были заинтересованы как народы Чечено-Ингушетии, так и России и всего Северного Кавказа. Поэтому торговые отношения между ними, возникшие значительно раньше, приобрели в XVIII веке постоянный характер. Вайнахские купцы регулярно посещали Кизляр, Астрахань, Моздок, берега Азовского и Каспийского морей, где они вели торговые операции не только с русским, но и иноземным купечеством. В свою очередь иранские и закавказские купцы, среди которых много грузин, армян и греков, являлись частыми посетителями торговых центров на Северном Кавказе.¹¹

В начале XVIII века г. Астрахань продолжает оставаться главным узловым передаточным пунктом водных и сухопутных путей торговых связей народов Кавказа с Россией и Востоком. Кроме того, выгодное географическое положение и своеобразные условия экономического развития края обусловили важное место Астрахани во внутренней и внешней торговле как русского пограничного города, расположенного при выходе волжского пути в Каспийское море.

После сосредоточения всего волжского пути в руках Рос-

сии Астрахань приобретает крупное торговое значение. Через нее направлялись из Москвы торговые караваны и посольства в Закавказье, Иран, Бухару, Хиву и обратно; здесь же базировалась и основная коммерческая деятельность восточных купцов в Русском государстве. В Астрахань прибывали, наряду с русскими и татарскими купцами, бухарские, юргенские, кызылбашские, гилянские, шемахинские, ногайские, армянские и турецкие купцы, которые, пользуясь правом свободного приезда в пограничный город Русского государства, вели здесь постоянную торговлю в больших размерах.¹²

В первой четверти XVIII века Петр I выдвинул обширную программу укрепления экономических связей России с Востоком. Поэтому вполне естественно, что большое место в планах Петра I отводилось Астрахани, которая, вследствие своего выгодного географического положения, издревле была крупным центром восточной торговли. Судя по документальным сведениям таможенных выписей Астраханской таможни за 1718, 1723, 1724, 1725 гг., в г. Астрахань привозили из г. Терки окочанскими (вайнахскими) жителями различные товары и изделия чисто кавказского производства, и, наоборот, из г. Астрахани к горцам доставлялись товары российского, западноевропейского и восточного производства.¹³

Так, в ноябре 1718 г. терский окочанин (чеченец) Кюри Салманов вместе со всеми товарищами по совместной торговле из г. Астрахани вывез «...пятьдесят четыре фати; кож красных малых; восемьсот пятьдесят аршин холста; двадцать четыре меха заячьих; хребтов два пуда; сандалу синего; четыре зеркала простых; пять зеркал круглых московских; две овчинки бухарские; шесть овчинок калмыцких, белых; пять аршин стамеду; двадцать удил железных; двадцать четыре ножниц; московских рубашек; триста десять кувшинов муравленых малых и средних; пятьдесят чашек муравленых малых и средних; восемьсот десять аршин холста...»¹⁴

В декабре 1723 г. терский окочанин (чеченец) Курманали Богоматов вывез из г. Астрахани «...две тысячи аршин холста ровного; тридцать три фати, кож красных; двадцать семь коробок красных; сто семьдесят пять чаш красных; сто чашек малых; семьсот блюд красных; пятьсот аршин холста ровного; одиннадцать пуховников, заячьих мехов...»¹⁵

В это же время другой терский окочанин Мамак Алибеков вывез оттуда же «...сто пятьдесят кумачей красных; шестьсот сорок аршин крашенин; двести шестьдесят аршин крашенины битой; шестнадцать фатей; код красных; триста пятьдесят аршин холста; семьдесят аршин хрящу; пять мехов, красных двадцать белильниц; двадцать один мех заячий; черевей два меха заячьих, серых; две овчинки бухарские; четыре овчинки калмыцкие; четыре пуда сандалу; два аршина сукна ветешно-го; один кушак подшелковый...»¹⁶

Среди товаров, которые вывозились из Астрахани терскими окочанями (чеченцами), преобладают предметы одежды, хозяйственного быта и туалета — московские зеркала различных форм, московские рубашки, бухарские мерлушки, калмыцкие овчинки, китайские отрезы, т. е. Вывозили ассортимент тех же товаров, что и в XVII веке.¹⁷

Однако не только российские, западноевропейские и восточные товары, вывозимые из Астрахани в Терский городок и в другие горские селения, пользовались большим спросом у горцев, но и, по видимому, вайнахские ремесленные изделия, в том числе и бурки, привозимые на астраханские базары терскими окочанями. Так, в ноябре 1725 г. терский окочанин Богомат Агаев вывез из города Терки в г. Астрахань «сто двадцать бурок черкасских».¹⁸ В это же время другой терский окочанин Агай Маметов привез на продажу в г. Астрахань товару: сорок пять сукон и сто двадцать бурок черкасских.¹⁹

Как видим, в лице Богомата Агаева и Агая Маметова перед нами предстают не простые жители г. Терки, а вполне сформировавшаяся богатая купеческая прослойка окочан, которая вывозит на астраханские базары большие партии горских бурок и сукон с целью извлечения денежно прибыли или для обмена их на товары российских, среднеазиатских или восточных купцов.

Однако по сравнению с XVII веком в XVIII веке значительно расширился ассортимент в основном промышленных товаров отечественного производства, которые вывозились из Астрахани индийскими и другими купцами в Закавказье и Иран. К ним относится разнообразный набор галантереи (платки, ленты, банты, тесьма, нитки, чулки, бисер и т. п.), мелкие металлические изделия (иглы, наперстки, булавки, пряжки и пр.),

а также мыло-ядро, посуда деревянная, оконное стекло, предметы хозяйственного обихода (сундуки, коробки, ларцы и пр.), свечи восковые и сальные, писчая бумага «российских фабрик» и др. Кожи, сукна, меха, краски, полотно и холст также являлись основными предметами вывоза.²⁰

Наряду с Астраханью в начале XVIII в. одним из главных связующих пунктов торгово-экономических связей России с народами Северного Кавказа, Закавказья становится город Терки (Терский городок).

В рассматриваемое время г. Терки является не только экономическим, но и главным военным и административным центром Северо-Восточного Кавказа. Через г. Терки Российское государство было связано с Ираном и другими странами. Терки был связан также торговыми путями с Дагестаном, Чечней, Ингушетией, Кабардой и Закавказьем. В Терском городе проживало смешанное население. К этому времени относится образование около Терского города Заречной, Черкасской и Новокрещенской слобод. В конце XVI в. здесь появились слободы Окоцкая и Татарская.

Казаки поддерживали дружеские, кунацкие связи с горцами. Горцы свободно ездили за Терек, а казаки - в горы. Казаки совместно с горцами участвовали в защите пограничных рубежей от песидских и турецко-крымских завоевателей.²¹ Терский город продолжал оставаться резиденцией царских воевод.

В первой четверти XVIII века, а точнее - до 1724 года, в город Терки продолжал оставаться важнейшим торговым и связующим пунктом между Россией, народами Северного Кавказа и Закавказья.

В Терский город в начале XVIII века приезжали торговать купцы из Ирана, Шемахи и Дербента.

Главными торговыми путями, по которым Чечня и Ингушетия в рассматриваемое время поддерживали торгово-экономические связи с Россией и соседними народами Северного Кавказа и Закавказья были сухопутные магистрали. Так, одним из торговых путей из г. Астрахань о котором мы говорили выше, пролегал через степь в Терский город, а оттуда в находящийся на земле кумыков город Терки. Этому отчасти

благоприятствовало то выгодное положение которое он занимал в то время на прикаспийском торговом пути.²²

Существовала другая торговая дорога, которая вела от г. Терки до Сунженского городка, затем шла вверх по р. Сунжа и через владения мелких феодалов (на территории Малой Кабарды) уходила по трассе современной Военно-Грузинской дороге, и далее поворачивала на Восток, в Кахетию (Восточная Грузия).²³

Через южную часть Чечни также проходил торговый караванный путь «из восточной части Северного Кавказа в Дагестан и на восток».²⁴ Правда, существовал еще старинный торговый путь, который проходил через земли мичкизиям (чеченцев) и назывался «мичкиаской дорогой». Он связывал население Терского города с аулом Дарго и со всем Дагестаном.²⁵

Среди множества торговых путей существовали также дороги, шедшие от берегов Черного моря и Генуэзских колоний через земли адыгов, карачаевцев и далее по Терку через территорию югу - западной Чечни в Дербент и страны Востока.²⁶

Таким образом, судя по наличию множества торговых сухопутных дорог связывавших Чечню и Ингушетию с Россией, Северным Кавказом, Закавказьем и Востоком, чеченцы и ингуши в XVIII веке имели все условия для развития как внутренней, так и внешней торговли. Содержание дошедшего до нас документа 1708 г. дает нам основание полагать, что между ногайцами, черкесами, терскими окочанами и гребенски-ми казаки, с одной стороны, и жителями Чечни, с другой стороны издавна существовали, а в XVIII в. получили свое дальнейшее развитие торгово-экономические связи. Так в документе 1708 г. читаем: «из них же ногайцев Алды-Гирея и черкасского беглой уздень Лузан да 2 человека терских окочан (чеченцев - Ш. А.)... ездили с Терку для продажи в Чечню с рыбой».²⁷

Об усилении экономических связей горцев с русскими городами, расположенными на Северном Кавказе и в самой центральной России, имеется также много документальных материалов известный Тарковский шамхал Адиль-Гирей просит разрешения у царя Петра I об определении его сына Кас-булата начальником над ауховцами (чеченцами), проживающими в Терках, и одновременно обращает внимание «во цар-

ского величества » на то, чтобы горцев, проезжающих в Москву или в другие в российские города для покупки за свои деньги и потребного числа пороху, свинцу и оружия... везде с теми вышеописанными покупками на заставах не задерживая пропускать».²⁸

Определенный интерес представляет прошение кумыкского шамхала Адиль-Гирея к Петру I от 23 января 1721 г. В нем Адиль-Гирей просит, чтобы его горцам не запрещали покупать домашнюю птицу в российских городах (по-видимому, в г. Терки) и свободно разрешали им проезжать в городе для приобретения других необходимых товаров.²⁹

Всесторонние связи народов Северного Кавказа с Россией усиливаются после того, как Петр I побывал здесь во время Персидского похода в 1722 г. Он установил личные контакты со многими здешними владельцами и князьями. Об этом свидетельствует множество документов.

В специальном письме за 1722 г. на имя царя Петра I горский владетель просил разрешить его торговым людям проезд в г. Астрахань и Терки для покупки свинца, пороха, кремней, ружей и др.³⁰ «Прошу вашего величества, - обращается к царю кумыкский шамхал, — дабы дан был такой приказ, что ежели когда люди мои приедут в Астрахань и в г. Терки для покупки пороху и свинцу, то б покупали без всякого запрещения и свободно сюда вывозили».³¹ А уже 20 сентября 1722 г. в специальной грамоте, выданной кумыкскому шамхалу Адиль-Гирею, правительство разрешает свободно отпускать ему для продажи пороха и свинца Петр I подтверждает князю: «По требованию вашему порох и свинец отпускаться к вам будет из Астрахани или с Терку немедленно».³²

К концу 20-х годов XVIII века торговые связи вайнахов с жителями Акса (Дагестан) и гребенских городков (казаки) принимают систематический характер. Судя по документам, дошедшим до нас из архива Терского коменданта, между окончанскими (чеченскими) жителями этого города и аксайскими жителями шла оживленная торговля. В специальной «Книге для учета пошлин, взимаемых с приезжих жителей» этого архива за 1726 г. читаем: «С проезжего письма с терского жителя окончанина Курмана Богоматова с женой его, Кихата Арас-ланбекова, да с работницей двое, да с работников двое чело-

век, которые отпущены в Аксай для торгу, пошлин по указу 24 алтыни деньги взято».³³ В другом документе архива Терского коменданта от 15 февраля 1726 г. сообщается о том, что с терских окончан Суркая Усманова с двумя его работником, которые были пропущены в Аксай «для покупки запасов, так-

были взяты пошлины».³⁴

В аналогичных письмах от 13 и 14 марта 1726 г., фиксируемых в «Книге для учета пошлин...», указывается также, что окончане Махмуд Мусаев с двумя работниками и Исмаил Ба-матов с одним работником были пропущены в казачьи городки, в том числе в Червленый для торговых нужд и приобретения «запасов».³⁵ Как видим, в торговых связях с жителями Дагестана и гребенских казачьих городков в основном участвуют представители местной верхушки Чечни и Ингушетии со своими зависимыми «работными людьми».

К 20-м годам XVIII века бывший торговый центр края г. Терки приходит в упадок, утрачивает свое значение. Приехавший сюда в 1722 г. Петр I находит расположение города Терки на весьма неудачном месте.

Для экономического развития края необходимо было построить новый крупный торговый центр. И вот в 1722 г. в 20-ти километрах от устья реки Сулак, где от основного русла отделяется приток реки Астрахани, была заложена новая крепость - Святой Крест, которая с этого времени стала новым экономическим и административным центром на Северном Кавказе и в Прикаспии.

Царское правительство, в целях экономического освоения северокавказского края, всячески способствовало переселению на Терек армян, грузин, чеченцев и представителей других народов, занимавшихся садоводством, шелководством, ремеслом, торговлей и другими отраслями сельского хозяйства. Кавказские народы, переселившиеся на новые места, строили дома, обзаводились хозяйством, открывали лавки. Так же, как и около города Терки, вблизи крепости Святого Креста очень быстро стали возникать слободки, населенные черкесами, чеченцами, кабардинцами и др. Численность населения этих слободок стала быстро расти.³⁶ Таким образом, крепость Святого Креста быстро становится средоточием торговли на Кавказе между горами, Россией и Закавказьем.

В грамоте Петра I от декабря 1722 г. на имя кумыкского шамхала Адиль-Гирея по поводу отпуска из крепости Святого Креста ему пороха и свинца сказано: «...Пороху, свинцу и кремней велено к вам отпустить из крепости Святого Креста, что при Сулаке или от Астраханской...».³⁷

В 1724 г. последовал специальный Указ Сената о беспошлинном провозе и свободной продаже вина, табака, всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Святого Креста.³⁸

Однако заметим, что оставшиеся жители г. Терки и в частности окочане, торговали не только с народами Дагестана (Аксая) и гребенскими казаками, но и с жителями крепости Святого Креста. Так, в документальных сведениях за 28 февраля 1726 г. говорится о том, что с терских жителей, по-видимому, знатных людей - окочан Бамата Касканова и Ибрагима Гиреева с их работниками, которые были пропущены для торговли в крепость Святого Креста, администрацией города была взята соответствующая пошлина.³⁹

Судя по некоторым известиям первой четверти XVIII в. и, в частности, исследователя И. Г. Гербера о народах, проживавших вдоль западного берега Каспийского моря, за крепостной стеной Святого Креста, имелись торговые заведения, куда приезжали для торговых операций российские купцы, армяне, горные чеченцы, татары⁴⁰ и др.

В 1735 г. была упразднена крепость Святой Крест, и в том же году основан был город Кизляр, как главный административный и торговый центр на Северо-Восточном Кавказе. Среди городов Северного Кавказа Кизляр являлся одним из старейших на Кавказе. Создавая и укрепляя город Кизляр, царская администрация рассматривала его как форпост на Северном Кавказе. Кизляр занимал в XVIII в. важное стратегическое положение между Северным Кавказом, Дагестаном и Закавказьем. Через Кизляр проходил путь, связывавший Кавказскую Линию с Астраханью; город являлся военно-административным и важным экономическим центром Северного Кавказа.

Прежде всего Кизляр являлся основным торговым центром между русским населением и кавказскими народами. Уже в 30-е годы XVn в. устанавливаются тесные экономические

связи Кизляра с народами Дагестана, Чечни, Ингушетии и Кабарды.⁴¹

Кизляр быстро устанавливает торговые связи с Россией, Закавказьем и Ираном, являясь посредником между горцами и указанными странами. Обычно большая часть негромоздких товаров, предназначенных для Кавказа и Ирана, отправляясь с Нижегородской ярмарки водою до Астрахани, а оттуда сухим путем через Кизляр, Владикавказ и Тифлис.⁴²

Кизляр имел тесные торгово-экономические связи с местными дагестанскими и чеченскими ремесленными и торговыми центрами. Среди них выгодное место занимали селения Андреевское (Эндери), Асаевское (Аксай), Костековское (Костек), Тарковское (Тарки), Брагунское (Брагуны), Девлет-Гиреевское (Новый-Юрт).

Второе место в торговле с Кизляром занимало селение Аксаевское, расположенное на границе с Чечней. Оно на своем рынке поглощало много продуктов и изделий, доставляемых из чеченских аулов, и в свою очередь эти товары перепродавали в Кизляр. По свидетельству очевидцев, там чеченцы променивали сырые кожи, меха, воск, мед, лошадей, рогатый скот, войлок на необходимые им вещи, как-то: порох, свинец, огнестрельное оружие, чугунные котлы, холст, юфть.⁴³

Селения Брагунское, основанное еще в XVI веке на левом берегу р. Сунжи в 55-ти километрах от нынешнего г. Грозного, долгое время играло важную роль в экономических связях с гребенскими казаками и самим городом Кизляром.

Из селения Брагунское вывозили в Кизляр бурки, горское сукно, овчины, шкуры домашних и диких животных, шелк-сырец, лошадей и скот.⁴⁴ С Кизляром имели торговые связи и такие большие чеченские селения, как Большой Чечен, старый Юрт, Урус-Мартан, Старые Атаги и др. В Кизляре находились целые улицы, заселенные выходцами с гор, в том числе чеченцами и ингушами.

Для горцев сбыт их товаров был насущной необходимостью, поэтому они собирались с товарами у русской границы по Тереку, Чеченцы и ингуши, так же как и другие северокавказские народы, торговали с казаками, русскими и армянскими купцами в пограничных городах (Кизляре, а позднее и в Моздоке). Казаки охотно приобретали у горцев черкесские

бурки, шубы, шапки, а также продукты сельского хозяйства: просо, пшено, муку, воск, мед. В обмен на лошадей и волов казаки давали горцам рыбу, искру, соль.⁴⁵

Оживленная торговля происходила на Северо-Восточном Кавказе между гребенскими казаками и чеченцами и ингушами. Здесь так же как и на Западном Кавказе, особенно большой спрос со стороны горцев, занимавшихся главным образом скотоводством и земледелием, был на соль, фрукты, овощи, рыбу и холст кустарного производства. Русские в обмен на отпускаемые товары получали от чеченцев и ингушей лошадей, мелкий и крупный рогатый скот, чекмени, бурки, башлыки, но главным образом горские двухколесные арбы и аробные колеса, которых казаки не умели изготавливать, ощущая в них в то же время острую необходимость.⁴⁶

Кроме перечисленных выше товаров, горцы получали от казаков соль, бумажные и шелковые ткани невысокого качества, шелк-сырец, канитель для художественной вышивки, холст, разноцветный сафьян, войлок, посуду и мыло. Кроме того, казаки и горцы довольно часто встречались на ярмарках, которые систематически устраивались в казачьих станицах, нередко и в больших горских селах.⁴⁷

Со второй половины ХЛПП века чеченцы и ингуши, так же как и другие народы Северного Кавказа, вплотную подходят к товарно-денежному хозяйству. Основной причиной этого было приближение почти вплотную русской границы к горам, что втягивало горцев, в том числе и чеченцев и ингушей, в торгово-экономические связи с Россией. Торговля с казачеством постепенно перерастала из меновой в денежную с русскими купцами; деньги становились средством расчета, вытеснив холст, который служил раньше мерилем ценности.⁴⁸

Чеченцы и ингуши были крайне заинтересованы в усилении торговых сношений с русскими, для чего они настойчиво добивались свободного проезда в Кизляр и Моздок и снижения торговых пошлин. Из рапорта, поступившего с Шадринского форпоста к кизлярскому коменданту от 18 февраля 1751 г., узнаем, что к Шадринской заставе прибыли едущие в Кизляр, видимо, для торговли чеченский владелец Алибек Касбула-тов вместе с узденями Музакаем Сунгуровым, Казыханомп Хазылевым, Али-Исхаком Бисакаевым, Юнусом Челчиком...,

да вместе с ними князя Мудара уздень Амерхан Акаев, все вместе на четырех верховых лошадях и с четырьмя арбами товаров, с ними одна лошадь, шесть волов; при них ружей пять, серебряная оправа для патронниц; с одним колчаном, цоясок с серебряной оправой».⁴⁹

Из другого рапорта того же Шадринского форпоста 3 марта 1751 г. сообщается, что через Шадринскую заставу был пропущен другой чеченский владелец Расланбек Айдемиров с его человека на трех верховых лошадях, при них ружье в серебряной оправе, 2 шт. поясов в серебряной оправе, две сабли, патронница и другое.⁵⁰

Предметами торговли русских были также хлопчатобумажные изделия, холст, железо, из которого горцы изготавливали серпы и косы, а также свинец для изготовления пуль. О размерах торговли дает представление, например, прибытие из г. Кизляра в Кабарду караванов русских купцов в числе более 100 человек.⁵¹

В Чечню и Ингушетию поступали через Кизляр товары не только северокавказского производства, но и турецкие, персидские и даже западноевропейские. В одном из документов говорится, что в Шеки приходят товары из Персии и Азербайджана⁵², а из Шеки расходятся эти товары в Джары, Дагестан, Чечню, в Малую и Большую Кабарду.⁵³

Привозимые в Баку из Персии товары оттуда отправлялись во все области Северного Кавказа. Из Баку вывозили в большом количестве разные бумажные, персидские и шелковые материи к лезгинам в Большой Дагестан, и чеченцам и ингушам, а также в Малую и Большую Кабарду и Кизляр. Жители этих районов приезжали в торговые города за товарами и одновременно привозили свои изделия.⁵⁴

Различные товары и изделия ремесла горцев поступали не только в города Кизляр, Астрахань и т. д., но и в отдаленные районы Центральной России. В свою очередь и изделия русских мануфактур, минуя таможи Кизляра, поступали к горцам. «Здесьние купцы, - сообщает документ, - туда в горы отвозят (товары - Ш. А.) и тамо в розницу продают и на всячину меняют, в таком горцы не ездят в Кизляр там у оных, что кому надобно берут».⁵⁵

Русские купцы из Центральной России привозили в Чеч-

ню и Ингушетию холсты, сукна, бумажные, шерстяные, льняные и шелковые материи.⁵⁶

Некоторые жители Чечни (с. Гехи) - надо полагать, что такие могли быть только из имущей части чеченского общества - добывали в большом количестве шелк-сырец, вывозили его в Кизляр и продавали на тысячи рублей.⁵⁷ В то же время в одном из документов того времени читаем, что шелк составлял главный предмет торговли Кизляра с Персией.⁵⁸

В рассматриваемое время между различными горскими, в том числе и вайнахскими обществами, Крымом и закубанскими народами шла оживленная торговля, имевшая для них важное значение. Об этом говорят многие факты. Так, например, о том, что привозили товары из Западного Кавказа, видно из следующего документа: «А понеже к их владельцам (костюковским, андреевским, брагунским - Ш. А.) в их владения приезжают из Крыму и из Кубани татары и привозят с собою холст, кумач, выбойки и тому подобные бумажные материи, тако же сабли, свинец, порох, фузеи, кремни и прочее огненное оружие, а сверх того и лошадей, в чем во всем они владельцы, а особливо лезгины крайний недостаток имеют».⁵⁹

Среди коренных жителей Чечни и Ингушетии встречались и такие люди, которые вели свои торговые операции далеко за пределами Терека. Так, при допросе в Петербурге в 1791 г. один из сподвижников Ушурмы (шейха Мансура), чеченец Гасан-Хаджи, пятидесяти лет от рождения, на вопросы: «Чем занимался? В каких местах бывал?» Ответил: «Большую часть жизни своей провел в земледелии, а между тем бывал в многих дагестанских и чеченских селениях по разным надобностям, бывал также на Таманском острове для торгового промысла».⁶⁰

Документы свидетельствуют о том, что чеченцы и ингуши в XVII веке поддерживали постоянные торговые связи со своими ближайшими западными соседями - жителями Малой и Большой Кабарды. Так в донесении узденей князя Эльмурзы Бековича Черкасского - Бамата Усеинова, Курман-Али Менькишиева - на имя Кизлярского коменданта отмечалось о том, что они в 1759 г. ездили для торговли в Малую и Большую Кабарду, имея при себе 24 рубашки из холста, перевозка которых вместе с пошлинами обошлась им в 12 рублей.⁶¹

Зарождение торговых центров в самой Чечне и Ингушетии в конце XVII века было одним из основных условий развития торговли и роста товарно-денежных отношений. Местные торговые центры оказывали воздействие на экономическую жизнь окрестных поселений. Таким торговым центром стал в это время аул Чечень, который вел широкую торговлю, имея множество лавок. Торговали здесь в основном армяне, грузины и евреи.⁶² В конце XVIII - нач. XIX в. другим торговым центром в Чечне стал Старый Юрт, напоминающий настоящий город с лабиринтами улиц и закоулков. Крупными торговыми центрами являлись также Брагуны, Гудермес и другие, а вне Чечни и Ингушетии - Аксай и Эндери...⁶³

Со второй половины XVIII века большое значение для сближения горских народов с русским населением начинает играть Моздок, ставший крупным форпостом в центральной части Северного Кавказа и узловым пунктом дорог, связывавших юг России с Грузией. Приближение русской пограничной линии к Осетии в связи с основанием Моздока еще более способствовало укреплению русско-кавказских отношений. Город Моздок постепенно превращается в центр политической, экономической и культурной жизни Осетии. Вокруг Моздока и рядом с казачьими станицами отдельные осетинские фамилии образуют свои поселения. В Моздок, становившийся одним из торговых центров на Северном Кавказе, привозили свои товары русские купцы, армянские, грузинские, осетинские, кабардинские, чеченские, ингушские и другие торговцы.⁶⁴

В последней четверти XVIII века Моздок стал одним из крупных торговых центров на Северном Кавказе. Проходившая через гор. Моздок Кавказская дорога во многом способствовала развитию торговли. Она связывала Северный Кавказ через Каспийский водный путь с Астраханью, Нижним Новгородом, Москвой и другими торговыми центрами России. В Моздоке было большое количество ларьков, магазинов и других торговых предприятий.⁶⁵

С основанием крепости Моздок торгово-экономические связи чеченцев и ингушей, естественно, еще более расширились. Из специальной «Ведомости» пошлин, представленной в Моздокскую комендантскую канцелярию, видно, что в крепость Моздок из Большой и Малой Кабарды, Чечни и Ингу-

шетии привозились разнообразные товары для торговли с терскими и гребенскими казаками, русскими переселенцами, торговцами из Грузии и Северного Кавказа. Однако и здесь, так же как и в Кизляре, объем торговли с соседними горцами, Россией и Закавказьем ограничивался таможенными запретами властей или же чрезмерно высокими пошлинами на привозимые ими предметы торговли для русских поселенцев и казаков.

В 1772 г. ингушские старшины и их народ выражали недовольство царским властям по поводу запрещения простым ингушам торговать в крепости Моздок. Это подтверждает следующий документ: «Много-де радовались как присланным для просвещения нашего российских священников видеть удостоились и из того заключили чрез оных непрерывное с Россией иметь знакомство, но и еще де смыслию нашего кажется быть не сходно, чего-де ждать более добра, когда-де и в Моздок въезд нам загражден».⁶⁶

Несмотря на всевозможные препоны царских властей, чеченцы и ингуши вели торговлю с осетинами и кабардинцами в Моздоке. Так, кизлярским жителем окочанином (чеченцем) Рамзаном Алабердыевым было продано в апреле 1776 г. в Моздоке осетину Алию Чичуеву: спиннок севрюжьих 30 штук за 1 руб. 40 коп.; соли три сабы за 1 руб.; спины (рыбы) 14 штук за 1 руб.; мешину одну за 20 коп.; соли 4 сабы за 1 руб. Всего на 4 руб. 60 коп.⁶⁷ В это же время им же Рамзаном Алабердыевым было продано в Моздоке жителю Малой Кабарды Балу Чеботукову спиннок севрюжьих 48 штук за 3 руб. 85 коп. В этом же месяце другим кизлярским жителем окочанином Очаром Байбатовым было продано в Моздоке жителю Малой Кабарды Ацуке Плазу спиннок севрюжьих 100 штук за 6 руб.⁶⁸

В рассматриваемое время отдельные жители чеченских деревень, главным образом из имущей части населения, постоянно занимались добычей нефти и ее продажей своим соседям, в том числе казакам. Так, например, в августе 1811 года моздокские казаки сообщали генералу Ртищеву, что они получают большую пользу от чеченцев, живущих на Тереке, поскольку те привозят к ним на продажу черную нефть, которая идет для мазания колес тележек и пользуется большим спросом.⁶⁹

В XVIII веке в Чечне и Ингушетии наряду с политическими и торгово-экономическими связями происходит также дальнейшее укрепление и расширение связей вайнахов с Россией и народами Северного Кавказа. В это время в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Осетии и Кабарде идет процесс образования поселений, в которых совместно проживали многие представители народов Северного Кавказа и России. Этому во многом способствовало начавшееся массовое переселение чеченцев и ингушей с гор на равнинные земли.

Соседями чеченцев и ингушей издавна являются кабардинцы. Культурные связи между ними установились, полагают, еще в XIV веке, когда чеченцы и ингуши в поисках свободных земель стали спускаться к Тереку и Сунже и основали здесь первые вайнахские селения Парчхой и Юрт-аул. А затем, с течением времени, в бассейне Терека стали появляться смешанные селения из чеченцев, ингушей, кабардинцев и других народов. Надтеречные бильтоевцы (несколько чеченских сел) называли себя «гебертой» (Кабарда).⁷⁰

Героическая вайнахская народная песня «О князе Мусосте и Сурхо Алиеве» сообщает о том, что кабардинский князь Мусост, который переселился на правый берег Терека, «заложила аул на земле ингушей». Чеченцы и ингуши вместе с кабардинцами, кумыками и другими народами жили в деревнях Брагуны (основана в XVI в.), Герменчук, Шали, Девлетгиреевской, Новой Юрте, расположенном недалеко от станицы Червленной. В селении Шали преобладало в это время кабардинское население, куда в результате межфеодальной усобицы переселились отдельные князья Малой Кабарды вместе со своими подвластными крестьянами.⁷¹

В это же время определенная часть чеченцев и ингушей проживала в кабардинских селениях и, в частности, на землях князей Бековича-Черкасского и Таусултановых, владения которых были расположены между Эльхотовым и реками Курпом и Тереком. Вместе с ними в селах проживали дагестанцы, кабардинцы и осетины. Так, в селении Пседах проживало 664 чеченца (164 двора). В кабардинских и балкарских деревнях находили себе приют многие беглые крепостные крестьяне и кровники из Чечни и Ингушетии. Предки многих

кабардинцев и балкарцев являются выходцами из Чечни и Ингушетии.⁷²

«Кабардинское и балкарское крестьянство всегда видело в лице своих соседей - чеченцев и ингушей - надежных друзей, к которым они могут уйти в любое «время», — указывает один из авторов «истории Кабарды» профессор Г. Х. Мамбе-тов. В начале XIX века 160 дворов и крепостных крестьян переселились из Кабарды в Чечню. А спустя несколько лет крестьяне из 6 сел Малой Кабарды, подвластных князю Бекевичу-Черкасскому, из-за жестокой эксплуатации восстали и стали угрожать переселением в Чечню.⁷³

Горцы Дагестана, Кабарды, Балкарии, Чечни и Ингушетии не только не препятствовали расселению на Северном Кавказе беженцев из России, но и выделяли им хорошие угодья, помогали обзавестись хозяйством, поддерживали с ними добрососедские дружественные отношения. Встречая такой прием, беженцы даже отказывались возвращаться в пределы Российского государства. «Проходили годы и русские беженцы осваивались с окружающими условиями. В то время к ним в селения стали спускаться горцы Дагестана, Кабарды, Чечено-Ингушетии».⁷⁴

В сооружаемых царской администрацией укрепленных городках и крепостях для русских войск расселялись с ведома и поощрения царизма выходцы из влиятельной верхушки горцев Северо-Восточного Кавказа. Как правило, такие «мурзы» и их уздени... получали денежные и хлебные склады и селились за речкой (за рекой Тюменской) и Черкасской слободе, рядом со слободкой Окоцкой, заселенной выехавшими из Акков в конце XVI века частью общества Акко (окохи, общества Акко) служилыми окочанам (вайнахам).⁷⁵

В XVII веке различные населенные пункты возникали, как правило, рядом с русскими городами-крепостями на Северном Кавказе, а также в слободах вблизи Святого Креста. Здесь проживали представители в слободах вблизи святого Креста. Здесь проживали представители народов Дагестана, чеченцы, грузины, осетины и другие. Большое количество горцев от различных народностей Северного Кавказа обосновались в слободах вокруг Кизляра, в Моздоке и казачьих станицах. К сожалению, в документах нет сведений о количестве горцев,

поселившихся среди терско-гребенского казачества. Но, по всей вероятности, оно было значительным, ибо документы подтверждают, что среди гребенского казачества было много «иноверцев» и имелись «татарские слободы».⁷⁶

Согласно описанию свидетеля тех времен Ф. Котова, напротив крепости Кизляра располагались большие слободы - Черкасская, Окоцкая и слобода новокрещенных черкасов.⁷⁷

Образованию подобных поселений в основном способствовало бегство феодально-зависимых крестьян от гнета своих владельцев и князей. Кроме того, существовал в горах Кавказ тяжелый обычай кровной мести, которой также способствовал уходу крестьян к русскому населению.

Жившие в районе Терека разноязычные северокавказские народы прекрасно ладили между собой, не питали неприязни друг к другу, не притязали на господство одних над другими. «Этот этнический конгломерат не был простым механическим соединением различных этнических элементов, — указывает исследователь Гаджиев В. Г., — а являлся своего рода «интернациональным» союзом людей, находящихся на одинаковом социальном и правовом положении, союзом людей, преследуемых «власть имущими»; они различались по психическому складу и по языку, но их объединяла общность классовых интересов».⁷⁸

В свою очередь, терско-гребенские казаки поддерживали дружбу не только с народами Кавказа, жившими в районе Кизляра и Моздока, но и со всеми народами Северо-Восточного Кавказа. Основой для укрепления политических и культурных связей между казаками и горцами являлась известная взаимозависимость и взаимозаинтересованность между ними.

Северокавказские народы сказали в определенной мере влияние на развитие материальной культуры русских переселенцев. Терско-гребенские казаки переняли у кавказских народов форму одежды, виды снаряжения и вооружения и многое другое.⁷⁹ В свою очередь, русские переселенцы оказывали благотворное влияние на материальную и духовную горцев. Горские народы «усваивали и перенимали в свой быт культуру горцев. Горские народы «усваивали и перенимали в свой быт культуру гребенских казаков. Это усвоение шло в

двух направлениях: по линии духовной и, значительно сильнее, по линии материальной культуры».⁸⁰

В то же время в XVIII веке к народам Чечни и Ингушетии, Кабарды и Балкарии, а также Осетии стали переселяться из Дагестана кустари-ремесленники. Этот процесс, естественно, имел положительные последствия, так как он способствовал установлению дружественных связей и даже родственных отношений между дагестанцами, кабардинцами, чеченцами, ингушами и другими народами Северного Кавказа.

Таким образом, в рассматриваемое время между чеченцами, ингушами и соседними северокавказскими народами, а также Россией установились и стали развиваться весьма прочные разносторонние политические, экономические и культурные связи, способствовавшие укреплению взаимной дружбы, выработке общей культуры, развитию и укреплению их межнациональных взаимоотношений.

Использованная литература и источники:

1. Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией, Тбилиси, 1974, с. 38.
2. Там же, ее. 39 - 40.
3. Бабаев С. К., Кумыков Т. Х. Русско-кабардинские отношения в XVI-XVIII вв. Очерки истории балкарского народа, Нальчик, 1961, ее. 36-37.
4. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., ч. 1, СПб, 1869, с. 21; Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 2, Тифлис, 1868, с. 4.
5. Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в., Известия ЧИНИИ, т. 9, ч. 3, вып. 1, Грозный, 1974, с. 70.
6. История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, М, 1967, с. 182.
7. Там же, с. 183.
8. ЦГВИА, ф. 52, он. 1/194, д. 366, ч. 4, л. 1.
9. Потто В. А. Два века терского казачества. Владикавказ, 1912, с. 79.
10. Вроцкий Н. В. Чечня как хлебный оазис. Сборник сведений о Терской области, вып. 1, Владикавказ, 1878, с. 270.

11. Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке. Сб. статей «Взаимоотношений народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI - начале XX в., Грозный, 1981, с. 71.
12. Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке, М, 1956, ее. 41-42.
13. Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII в. Ук. соч. с. 73.
14. ГААО (Государственный архив Астраханской области, г. Астрахань), ф. 681, оп. 6, д. 29 (1718-1725 гг.), л. 27.
15. ГААО, ф. 681, оп. 6, д. 25 (1723-1724 гг.), л. 7^a.
16. ГААО, ф. 681, оп. 6, д. 25 (1723-1724 гг.), л. 13.
17. Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII веке, Известия ЧИНИИЯЛ, т. 9, ч. 3, вып. 1, Грозный, 1974, ее. 53-54.
18. ГААО, ф. 681, оп. 6, д. 26 (1725 г.), л. 14.
19. ГААО, ф. 681, оп. 6, д. 46 (1725 г.), л. 18.
20. Юхт А. И. Русско-восточная торговля в XVII-XVIII вв. и участие в ней индийского купечества. История СССР, № 6, М, 1978, с. 48; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сб. Документов, т. 1, М, 1967, с. 247.
21. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI - 30-е годы XVII в.), М, 1973, с. 292.
22. Фехнер М. В. Ук. соч., с. 32.
23. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом, вып. 1, М, 1883, ее. 127-154.
24. Исаева Т. А. Ук. соч., с. 52.
25. Исаева Т. А. Ук. соч., с. 52.
26. Исаева Т. А. Ук. соч., с. 53.
27. Материалы по истории Башкирской АССР, т. 1, М-Л, 1936, с. 242.
28. Русско-дагестанские отношения (XVII - первая четверть XVIII в.), Документы и материалы, Махачкала, 1958, с. 233.
29. Там же, с. 240.
30. Там же, с. 274.
31. Русско-дагестанские отношения (XVIII - первая четверть XVIII в.), Документы и материалы, Махачкала, 1958, с. 266.
32. Там же, с. 226.
33. ЦГА ДаАССР, ф. 335, Терский комендант, оп. 1, д. 4451, л. 2об.

34. ЦГА ДаАССР, ф. 335, Терский комендант, оп. 1, д. 4451, л. 2об.
35. Там же, л. 5об.
36. Фадеев А. В. Из истории русско-чеченских связей, ВМУ, Историко-филологическая серия, № 1, М., 1959, с. 221; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв., т. 1, М, ее. 139, 253; Русско-дагестанские отношения в XVII - первой четверти XVIII в., Махачкала, 1958, ее. 105,114, 115.
37. Русско-дагестанские отношения (XVII - первая четверть XVIII в), Документы и Материалы, Махачкала, 1958, с. 275.
38. Там же, с. 295.
39. ЦГА ДаАССР, ф. 335, Терский комендант, оп. 1, д. 4451, л. 5об.
40. История, география и этнография Дагестана XVIII- XIX вв., М., 1958, с. 63.
41. Фадеев А. В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период, М, 1957, с. 63; Очерки истории Дагестана, т. 1, Махачкала, 1957, с. 141.
42. Небольсин Г. Статистические записки о внешней торговле России, ч. 1, СПб, 1835, с. 151.
43. Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, ч. 2, М, 1823, ее. 55 - 56.
44. Гриценко Н. П. Истоки дружбы, Грозный, 1975, с. 49.
45. Скитский Б. В. Очерки истории горских народов, Орджоникидзе, 1972, с. 337.
46. Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке. Сб. статей «Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI - начале XX в., Грозный, 1981, с. 83.
47. Рукописный фонд Института истории Дагестанского филиала АН СССР, оп. 1, ф. 1, Д. 47, л. 74.
48. Скитский Б. В. Ук. соч., с. 337.
49. ЦГА ДаАССР, ф. 339, оп. 1, д. 3666, л. 14.
50. Там же, л. 91.
51. Скитский Б. В. Ук. соч., с. 337.
52. Прощение Моздокского поселенного казачьего полка старшин и казаков ген. Ртищеву от 4 февраля 1811 г., АКАК, т. 5, № 972, ее. 843 - 845.
53. Тотоев Ф. В. Состояние торговли и обмена в Чечне (вторая половина XVIII в.), Известия СОНИИИ, т. 25 (История), Орджоникидзе, 1966, с. 10.
54. Там же, с. 11.
55. Ахмадов Я. З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в. Автореферат канд. диссертации, Махачкала, 1977, с. 12.
56. Там же, с. 11.
57. Бриммен Э. В. Служба артиллерийского офицера, воспитывавшегося в 1-ом кадетском корпусе и выпущенного в 1815 г., «Кавказский сборник», т. 15,1894, с. 198; Тотоев Ф. В. Ук. соч., с. 11.
58. Рукописный фонд Института истории Дагестанского филиала АН СССР, оп. 1, ф. 1, д. 229, с. 137.
59. АВПР МИД СССР, ф.110. Сношения России с Грузией, оп. 110/1, д. 3, л. 2 (1755 г.).
60. Саламов А. А. Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом (XVI - нач. XX в.), Известия ЧИНИИЯЛ, т. 3, вып. 1, Грозный, 1963, ее. 27 - 28.
61. ЦГА ДаАССР, ф.379, оп. 1, д. 3381, л. 6.
62. Кавказский сборник, т. 10, тифлис, 1886, с. 34; Тотоев Ф. В. Ук. соч., с. 15.
63. Потто В. А. История 44-го драгунского Нижегородского его Императорского Высочества государя наследника Цесаревича полка, т. 1, СПб, 1884, с. 116.
64. Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России, Орджоникидзе, 1969, с. 57.
65. Калоев Б. А. Из истории Моздока и моздокских осетин. Известия СОНИИ, Орджоникидзе, 1966, с. 219.
66. АВПР МИД СССР, ф. «Ингушские дела», 1772, оп 114, д. 1, л. 5.
67. ЦГА ДаАССР, оп. 1, д. 2881, л. 104.
68. там же, оп. 1, д. 2881, лл. 103-104об.
69. АКАК, т. 5, № 972, ее. 843-845; Тотоева Ф. В. Ук. соч., с. 10.
70. История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, М., 1967, с. 179.
71. История Дагестана, т. 1, М, 1967, с. 387; История Кабарно-Балкарской АССР, т. 1, М, 1967, с. 179-180.
72. История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1, М., 1967, с. 180.
73. Там же, с. 180.
74. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана, М., 1965, с. 94.
75. Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552-1572 гг., с. 263.
76. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв., М., 1967, т. 1, с. 253.

Гаджиев В. Г. Ук. соч., с.95;Тотоев М. С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими переселенцами на Северном Кавказе. Известия СОНИИИ, т. 12, Дзауджикау, 1948, ее. 141-142. Попко И. Терские казаки со стародавних времен, СПб., 1880, ее. 51; 113-115.

Тотоев М.С. Взаимоотношения горских народов с первыми русскими переселенцами на Северном Кавказе. Известия СОНИИИ, т. 12, Дзауджикау, 1948, с. 151.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В XVIII - нач. XIX в. население Чечни и Ингушетии в плане его географического размещения составляло две массивные группы: равнинную и горную. И равнинная, и горная группы населения в силу неравномерности их социально-экономического развития исторически также делились на две части - предгорную и высокогорную. Соответственно физико-географическому положению сложились четыре группы населения, размещавшиеся в четырех, отличных одна от другой, зонах Чечни и Ингушетии.

В хозяйственном развитии Чечня и Ингушетия были также разнообразны. В экономике чеченцев и ингушей переплетались различные социальные уклады. Различия в хозяйстве заключались в известном разделении земледельческих и скотоводческих районов.

Вся территория, населенная вайнахами на равнине по р. р. Сунжа и Терек, считалась наиболее благоприятной для земледелия. Земля здесь являлась основным средством производства и источником существования. Чеченская равнина по своему плодородию после Кахетии в Грузии, - писал академик А. П. Берже, - являлась лучшим уголком на Кавказе и слыла житницей Дагестана.¹ Таким образом, в равнинной части территории Чечни и Ингушетии основной отраслью хозяйства вай-нахов оставалось земледелие, а скотоводство играло подсобную роль.

В горной Чечне и Ингушетии население преимущественно занималось скотоводством, и в частности, овцеводством. О карабулаках, например, проживавших ближе к горам, в верховьях рр. Сунжи, и горных ингушах, кистах царский офицер А. И. Ахвердов сообщал, что они имели большие овечьи стада.² Земледелие же здесь выполняло второстепенную роль.

ный промысел и т. д.

Третьей отраслью хозяйства вайнахов являлось ремесленное производство и домашние промыслы, занимавшие немалый удельный вес в экономике края. В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии еще не сложились специализированные районы ремесленного производства. Ремеслом и промыслом занимались вайнахи мало — помалу во всех земледельческих

Огромную роль играли в экономике вайнахов также вспомогательные отрасли хозяйства, как садоводство, пчеловодство, рыболовство, табаководство, мареноводство, охота, гор-

и скотоводческих районах.

В целом же для экономики Чечни и Ингушетии в XVТН - нач. XIX в характерны две ведущие отрасли хозяйства - земледелие и скотоводство. Причем, для равнинных районов с ведущей отраслью земледелия свойственны были ярко выраженные феодальные отношения, а для горных районов с ведущей отраслью скотоводства — характерна была недоразвитость классовых, феодальных отношений.

Развитие экономики и ремесла приводит к укреплению и расширению торгово-экономических связей с соседними северокавказскими народами и с Россией. Через города Астрахань, Терки, Святой Крест, Кизляр и Моздок поступали российские, восточные и западноевропейские товары. С появлением новых городов на Северном Кавказе торговые связи вайнахов с Россией и Закавказьем еще более усиливаются.

Со второй половины XVIII века в торговых связях Чечни и Ингушетии с Россией и народами Кавказа усиливается тенденция развития денежных отношений. Товарно-денежные отношения способствовали углублению разделения труда. Развитие внутренней торговли осуществлялась образованием торгово-ремесленных центров - Гудермес, Шали, Гермен-чук, Старые Атаги, Чечен-Аул, Алды и т. д.

В рассматриваемое время в Чечне и Ингушетии сформировались два противоположных социальных лагеря: на одном полюсе социально-имущественные сословные верхи - князья, феодалы (владельцы), старшины, богатые уздени, чанки, торговцы, мусульманское духовенство и т. д., а на другом — социально зависимые сословные низы - лай (рабы), ясыри, холопы, аза-

ты, работные люди, бедные свободные уздени и т. д. В то же время в вайнахском обществе относительно зажиточная часть узденей и старшин продолжала еще находиться в вассальной зависимости от крупных и влиятельных князей и феодалов. Значительная часть вайнахских крестьян — общинников оставалась свободной.

Существенным источником доходов местных князей и владельцев являлись отработочная и продуктовая ренты. Документы свидетельствуют, что жители различных вайнахских сел по нескольку дней работали всенародно «по своим обычаям для пахания на владельца» и «посеяния хлеба», а живущие по правому берегу Терека вайнахи своим владельцам и князьям дань платили баранами и от каждого двора должны были выделять рабочего на один день работы: к посеву, жатве, сенокосению в хозяйстве феодала.³

Наряду с отработочной и продуктовой повинностями вайнахское население платило своим владельцам и князьям и денежную ренту. По свидетельству одного из документов того времени ингуши, выселившиеся на равнину, должны были платить своему князю по одному рублю с хозяйства. Князь обязан был защищать их от внешних врагов. Другой документ сообщает, что ингуши должны были давать аманатов кабардинскому князю Батако Жанботову и одновременно приносить в его пользу с каждого двора по одному рублю серебром и по две мерки проса.⁴

В XVIII веке архивные материалы свидетельствуют о существовании на равнинной части Чечни и Ингушетии феодальных владений пришлых князей из Кабарды, Аварии, Кыми-кии, Грузии - Черкасских, Турловых, Айдемировых, Казбу-латовых, Бардыхановых и т. д. Здесь мы наблюдаем более высокую степень развития феодальных отношений, чем в горах, а также распространение неюридической власти пришлых князей на многие равнинные и предгорные села вайнахов.

Население равнинных сел внешне придерживалось пророссийской ориентации. Пришлые князья и феодалы вместе с их подвластными знатными узденями и старшинами находились на государственном жаловании и пользовались особыми привилегиями. Кроме того, пришлые князья и феодалы име-

ли в Чечне и Ингушетии ряд известных вайнахских узденских и старшинских семей, связанных с ними вассальными отношениями. Сила местных князей заключалась в их поддержке верхушкой вайнахского узденства. Поэтому не случайно, что местные князья и владельцы стремились всегда и во всем опереться на знатных узденей, которые пользовались в обществе огромным влиянием и авторитетом. Другая, основная и беднейшая часть уздений выполняла договорные повинности в пользу местных князей и феодалов,

В рассматриваемое время в горах Чечни и Ингушетии продолжали сосуществовать так называемые «вольные» общества или союзы вольных обществ вайнахов, в которых шел интенсивный процесс социальной и имущественной дифференциации. Под вольными обществами в горах подразумевались многочисленные селения или аулы, не подверженные российскому административно-политическому влиянию и вайнахскому княжескому правлению. «Вольные» общества вайнахов назывались по имени того или иного тайпа (тукхума). Каждое вольное общество состояло из представителей нескольких близкородственных тайпов, составлявших объединения определенного числа сельских общин (обществ).

Союзы вольных обществ или, правильнее сказать, союзы сельских обществ, как правило, состояли из жителей различных тайпов, но одного тукхума. Каждый такой союз (тукхум) в качестве своего политического центра имел наиболее крупное село или аул.

В XVIII - нач. XIX в. в Чечне и Ингушетии существовала категория вольных обществ, которая продолжала развиваться как отдельная территориальная единица и не входила ни в какие другие сельские общества и не образовывала с ними никакого другого общего союза.

Политические центры имелись в союзах вольных обществ вайнахов. Вольные общества или союзы вольных обществ располагались близко друг от друга и управлялись самостоятельно или под руководством старшины главного селения.

Главное отличие союзов вольных обществ в Чечне и Ингушетии от княжеских или феодальных владений на равнине заключалось в том, что во главе них не стоял ни князь, ни фе-

одал, и общественно-политические и экономические отношения в них регулировались обязательными для всех жителей нормами обычного права-адатами. Все союзы вольных обществ были равны между собой и никто в союзах не мог прямо, открыто навязать свою волю другим членам общества. Однако были и сильные союзы вольных обществ (тукхумы), которые могли повлиять на принятые обществами угодных им решений по различным вопросам.

Во всех вайнахских вольных обществах были свои политические органы - Совецательные, законодательные, исполнительные и судебные. Такими органами являлись «Советы старейшин» (Къанойн кхел) и Народное собрание (Халкъан гулам). Во время работы Народного собрания общества власть старейшин, кадиев, жрецов несколько ограничивалась. Ниже мы несколько подробнее остановимся на рассмотрении деятельности этих органов власти.

В рассматриваемое время происходило этническое смешение населения одного «вольного» общества вайнахов с другим, причем с представителями разных тайпов, диалектов или наречий. Кроме того, часть вайнахских вольных обществ находилась либо под руководством старшин (старейшин) главного селения, союза вольных обществ, либо под политическим влиянием феодализирующейся знати.

Говоря об органах власти «вольных» обществ вайнахов в XVIII - нач. XIX в., следует заметить, что в дореволюционной исторической литературе их руководителей называют либо предводителями общества («баьчча»), либо старшинами (старейшина).

Органы управления сельских общин, входивших в состав вольных обществ, состояли из старшин, судей (кхелахой), почетных людей, Совета старейшин и Народного собрания. Об этом говорят адаты вайнахов и устные исторические предания. Факты свидетельствуют, что в сельских общинах вольного общества старейшины или так называемые «почетные старики» занимали ведущее положение в общественно-политической жизни горцев.

В вайнахских адатах зафиксированы также некоторые обязанности, которые выполняли местные старейшины или по-

четные старики. В этих а датах старейшинам, которые одновременно выступают в качестве судей, отведено решающее место.

В рассматриваемое время, надо полагать, в некоторых вайнахских сельских обществах старейшины (старшины) выступали также в роли военачальников, т. е. предводителей военных походов.

По мере усиления ислама в горных районах Чечни и Ингушетии в конце XVIII — нач. XIX в. власть кадия и муллы наравне со старшиной (старейшиной) начинает играть на территории «вольного» общества все более заметную роль. Со временем старейшины, кадии и муллы в обществе превращаются в настоящих феодальных владетелей.

Старейшины назывались у вайнахов словом «къаной». Жители сельских общин выбирали себе старейшин по своему усмотрению. В некоторых обществах избирали по одному старейшине, а в других — два и более.

В каждой сельской общине в отдельности существовали свои органы власти - Советы старейшин (Къанойн кхел) и Народное собрание (Юьртан гулам). В Советах старейшин сельского общества выбирали старейшин села, почетных стариков, судей и руководителей тайпа (тайпанан тамада). Советы старейшин решали все повседневные дела. Серьезным органом в обществе оставалось долгое время и Народное собрание, которое созывалось регулярно в каждом селе.

До утверждения ислама в каждой сельской общине действовал суд по адату, а с первой половины XIX в. — суд по шариату. На суде, где рассматривались дела лиц, совершивших преступления, большую роль играла присяга и соприся-га со стороны ответчика и его родственников.

В XVIII — нач. XIX в. во главе различных вайнахских «вольных» обществ стоял верховный законодательный орган «Мехк-кхел» (Суд страны или Совет страны). «Мехк-кхел» собирался регулярно, как правило, для обсуждения общенародных вопросов и разбора частных споров (чаще всего два раза в год) в условленном месте. В экстренных случаях созывалось внеочередное собрание «Мехк-кхела». В промежутках между собраниями «Мехк-кхела» полномочия его выполняли старейшины сел (къаной), духовные авторитеты, представители богатой и знатной части вайнахского общества.⁵

«Мехк-кхел» вайнахов обладал также и исполнительной властью. Решение его было для всех обязательным. В случае неповиновения граждан в выполнении постановления «Мехк-кхела» лица сурово наказывались и сжигались целые села. Об этом свидетельствуют письменные источники.

В рассматриваемое время основные нормы правовых отношений вайнахских «вольных» обществ и других политических образований определялись в адатах. Чеченцы и ингуши называют свои правовые обычаи (адаты) словом «эдилъ» или «адиль». Под адатами подразумеваются у горцев древние обычаи, которыми управляются все дела.

В мусульманском праве адат как местный обычай горцев противопоставляется не только шариату, но и общему государственному закону, как закон местный, имеющий обязательное действие лишь в данной местности, т. е. во внутренних делах данной сельской общины или народа.

Источники дают ряд любопытных сведений о происхождении адата, формах его образования и развития. Главным органом образования адата кавказских народов истории являлось третейство, т. е. мировой суд посредников. Суд посредников, не находя в старом адате меры наказания или ответы на все новые случаи, должен был выносить решения еще небывалые, хотя и применявшиеся к общему духу адата. Выработанное таким образом решение называлось «маслаатом» (перемирие).

В рассматриваемое время внутритаиповое устройство вайнахского общества было основано на соблюдении и выполнении всеми его членами основных юридических норм адатов, выразившихся в вопросах уголовного характера, семейных и наследственных. Тайп как семейная община характеризовался правами, привилегиями и обязанностями, предусмотренными для его членов правовым институтом адатов. В свою очередь правовой институт вайнахского тайпа устанавливал для своих членов и в целом всему обществу 23 наиболее важных общественно обязательных принципа адатов.⁶

В XVIII - нач. XIX века в целом вайнахское общество, если исходить из общего числа тайпов (родов), зафиксированных местными источниками, составляло более 135 и соответ-

ственно столько же, если не больше, надо полагать, крупных вольных обществ. Впоследствии из этого общего количества тайпов, более 100 тайпов объединились в 9 крупных союзов обществ (фратрии) - тукхумы: Аьккхий, Маьлхий, Нохчмахкой, Чьебарлой, Шарой, Шотой, Эрштхой, Чьаьнтий, Тьерлой.

В XVIII - нач. XIX в. каждое сельское общество вайнахов состояло из всех жителей данного селения. Население внутри сельского общества распадалось на тайпы. Тайп входил в состав сельского общества (общины) как составная часть населения.

Как известно, одной из характерных черт части вайнахских сельских обществ являлось наличие в них нескольких тайпов или семейных общин, ведущих свою родословную от разных предков. Внутри вайнахского тайпа сохранялись и использовались давние традиции хозяйственной и семейной помощи. Выражением этой древней традиции являлось их совместная трудовая помощь под названием «белхи» (чеч. — болх (работа)), оказываемая членами тайпа друг другу.

В сельских общинах тайпы делились по своему имущественному и социальному положению. В каждой общине были тайпы богатые, состоятельные и тайпы бедные, несостоятельные. Богатые тайпы и его члены имели в своем распоряжении пахотные и пастбищные земли и скот.

По существовавшему у вайнахов обычаю каждый тайп обязан был посылать на собрание сельского общества по несколько человек своих представителей. На собрании общества ни один вопрос не решался без непосредственного участия членов тайпа. Наиболее значимые дела, касающиеся всего сельского общества, как правило, рассматривались на собрании глав тайпов, входивших в состав сельской общины. При решении особо важных дел тайпы посылали на собрание по несколько человек своих представителей разных тайпов вайнахов, входивших в состав сельского общества, называлось собранием сельской общины - Юьртан гулам (чеч.).

В повседневной жизни управление сельским обществом осуществлялось как со стороны светских, так и духовных лиц. Каждый тайп выделял из своей среды по одному представителю - известного старейшину.

В рассматриваемое время вайнахский тукхум представлял

«союз родов (тайпов — Ш. А.), объединившихся во фратрию по своему территориальному и диалектному единству.⁷ В пользу того, что понятия тукхум и тайп являются далеко не идентичными, говорит тот факт, что тайп в отличие от тукхума имел своего предка - родоначальника и сохранял кровнородственные, экзогамное единство членов своей общины, в то время, как в тукхуме строго соблюдалось территориальное и диалектное (языковое) единство.

В рассматриваемое время в отличие от тайпа, где отсутствовала кровная месть среди кровнородственных семей, внутри вайнахского тукхума закон кровной мести был обязателен.

В отличие от тайпа вайнахский тукхум не имел своего официального главы, равно как и своего военачальника (баьчча). Создание союза тайпов (тукхумов) представляло несомненный прогресс, происходящий на одной и той же территории как неуклонный процесс, ведущий к образованию нации...⁸

Материалы свидетельствуют о том, что в отличие от тайпов, где четко соблюдались правовые отношения, основанные на адатах вайнахов, и функционировали судебные и исполнительные органы власти, в тукхумах собирался Тукхумный Совет старейшин в качестве совещательного органа. Тукхумный Совет старейшин был наделен также большими полномочиями: в случае необходимости объявлять войну и заключать мир, вести переговоры с противником с помощью своих посредников и чужих послов и т. д. Кроме Тукхумного Совета старейшин существовал еще и Совет Страны (Мехк - Кхел), в который входили старейшины тайпов, старейшины сел, баьччи (вожди), жрецы или кадии и т. д.

Первые попытки государственного строительства на территории Чечни и Северного Кавказа в ходе народно-освободительного движения горцев в 1785-1791 гг. были предприняты также имамом Мансуром, уроженцем из с. Аллы. Создание зачатков первых и главных атрибутов государственности являлось высшим достижением коллективного и творческого разума горских масс и их руководителя Мансура. Безусловно, в рассматриваемое время как в Чечне, так и в соседнем Дагестане, Осетии, Кабарде, Кумыкии и Адыгее имелись соответствующие для этого объективные и субъективные пред-

посылки. Прежде всего, необходимо было преодолеть существующую до этого среди горских народов межплеменную и межнациональную разобщенность, а также сепаратистские тенденции отдельных местных князей и владельцев, управлявших каждый в отдельности, изолированно, на основе ада-тов.

Складывание и функционирование государства Мансура происходило на фоне непрекращающихся военных действий кавказских народов против русского царизма и защиты их интересов от внешнего врага. Это определило военный характер государства Мансура. Огромное влияние на особенности и своеобразие государства, а также принципы его формирования оказала религия ислам, что также определило мусульманский характер государства.

В период военных действий в лице одного человека - Мансура - была сосредоточена административная, духовная (религиозная) и военная власть.

Самым авторитетным государственным органом имама Мансура являлся, по-видимому, Высший Совет государства. Он формировался сугубо из самых близких и доверенных лиц Мансура: из числа отдельных влиятельных князей (владельцев, старшин и узденей), авторитетных мулл (кадиев), высших богословов (алимов) и т. д.

В исключительных случаях, когда решалась судьба государства, созывались Съезды самых авторитетных и влиятельных представителей от различных сел и обществ Чечни, Дагестана, Ингушетии, Кабарды, Черкесии и Адыгии. В них также принимали участие члены Высшего Совета — кадии, муллы, князья, владельцы, представители от различных сел (обществ) и соседних народов.

В рассматриваемое время на территории Чечни и Ингушетии прокатилась волна крестьянских выступлений. Почти во всех выступлениях крестьянских масс тесно переплетались мотивы антифеодальной и антиколониальной борьбы.

Так как феодализирующая знать в Чечне и Ингушетии была гораздо слабее, чем феодальная верхушка в Кабарде, Кумыкии, Осетии, Черкесии и в других районах Северного Кавказа, то антифеодальная и антиколониальная борьба в

Чечне и Ингушетии имела свои особенности. Как известно, в Кабарде, Кумыкии, Осетии и в других районах Северного Кавказа были весьма влиятельные и сильные князья и крупные феодальные владельцы и там борьба горцев носила прежде всего ярко выраженный антифеодальный характер. В Чечне и Ингушетии же, напротив, наблюдается другая картина: феодализирующиеся верхи, чувствуя свою слабость и не имея сил самостоятельно подавить сопротивление народных масс, постоянно обращались за помощью к царским властям. Поэтому классовая борьба здесь приобретала более ярко выраженный антиколониальный характер.

Отдельные вооруженные выступления крестьянских масс не превращались во всеобщее антифеодальное восстание, потому что феодальному гнету были подвержены не все вайнахские общества, а часть.

Выступления горцев были неоднородны. В них наблюдались два основных течения. Первому течению принадлежали крестьянские массы - «черный народ», второму - некоторые представители феодальной верхушки: князья, владельцы, старшины, богатые уздени и др., ущемленные царизмом в их социальных привилегиях. Последняя, как правило, являлись временными попутчиками восставших масс.

Отсутствие политического единства в Чечне и Ингушетии не только мешало сплочению горцев и координации их усилий во время восстаний, но давало возможность царским властям, используя в своих интересах вражду и родовую рознь различных племенных вайнахских обществ, направлять отдельных владельцев и старшин с их подвластными против восставших горцев.

В марте 1785 г. на территории Чечни вспыхивает первое в истории Северного Кавказа мощное народно-освободительное движение во главе с шейхом Мансуром, чеченцем из с. Аллы по имени Ушурма. За короткое время движение охватило почти все соседние районы: Кумыкию, Дагестан, Кабарду, Черкесию, Адыгею и т. д.

Движение горцев 1785-1791 гг. было направлено против царизма и местной феодальной верхушки. В силу объективных причин в объединении горцев на борьбу определенную роль сыграла религия ислам.

Движение Мансура было направлено против непрекращающихся феодальных и княжеских междоусобиц, тормозивших дальнейшему развитию Чечни и соседних районов. Совместная борьба горцев способствовала сближению горцев, их сплочению и росту самосознания. Движение горцев было направлено также против родовых пережитков — адатов, племенной замкнутости и пережитков феодального сепаратизма. Оно явилось толчком к ускорению процесса объединения различных горских обществ на пути к формированию вайнахского этноса.

Движение Мансура в течение многих лет звало горцев против царизма, а предводитель его - имам Мансур - надолго остался в памяти потомков кавказских народов как национальный герой.

Говоря о развитии материальной культуры вайнахов в рассматриваемое время, следует заметить, что XVIII век характеризуется расцветом памятников архитектуры и зодчества вайнахов, их влиянием на зодчество соседних народов. Несмотря на некоторые общие черты, свойственные архитектурным памятникам народов Кавказа, необходимо отметить и отличительные особенности вайнахской материальной культуры, характерные сугубо для Чечни и Ингушетии. Происходит эволюция в развитии типологии и планировке вайнахского жилища.

В развитии духовной культуры вайнахов наблюдается некоторое оживление общественной мысли, связанные с социально-экономическим подъемом и обострением социальной борьбы, ускоряется процесс накопления народных знаний в различных сферах общественной жизни, делаются первые шаги в развитии письменности народа, углубляется также процесс исламизации вайнахского общества и т. д.

Высшим достижением духовной культуры вайнахов является создание историко-эпических песен и своеобразного памятника устного народного творчества — нарт-орстхойского эпоса.

Во второй половине XVIII в. появляются труды ученых, в которых печатаются материалы о вайнахах, характеризующие их экономическое и социальное развитие, общественное и политическое положение т. д.

В рассматриваемое время между чеченцами, ингушами и соседними северокавказскими народами, а также Россией ус-

тановились и динамично развивались весьма прочные разно-сторонние, политические, экономические и культурные связи, способствующие укреплению взаимной дружбы, выработке общей культуры, развитию и укреплению их межнациональных взаимоотношений.

Использованная литература и источники:

1. Берже А. П. Чечня и чеченцы. СПб, 1859, с. 32-33.
2. Ахвердов А. И. Описание Дагестана, 1804 г., Ук. соч., ее. 226-228.
3. ЦГВИА, ф. 414, оп. 1, д. 300, л. 61.
4. АКАК, т. 4, Тифлис, 1870, с. 897.
5. Саидов И. М. «Мехк-кхел» (Совет Страны) у нахов в прошлом. Кавказский этнографический сборник, ч. 2, Тбилиси, 1968, с. 205.
6. Мамакаев М. А. Чеченский тайп в период его разложения, Грозный, 1973, с. 29.
7. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 17-18.
8. Мамакаев М. А. Ук. соч., с. 18.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ФКАК - Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией.

АЭС - Археолого-этнографический сборник.

АВПР - Архив внешней политики России.

ВУА - Военно-ученый архив.

ГААО - Государственный архив Астраханской области.

ЗТОЛКС - Записки Терского общества любителей казачьей старины.

ИКОИРГО - Известия Кавказского отделения императорского русского географического общества.

ИЧИНИИИЯЛ - Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

КВ - Кавказский вестник.

КК - Кавказский календарь.

КЭС - Кавказский этнографический сборник.

МИДЧ - Материалы по истории Дагестана и Чечни.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей.

РФДНИИИЯЛ - Рукописный фонд Дагестанского научно-исследовательского института истории, языка и литературы.

СМИЗО - Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды.

ССКГ - Сборник сведений о кавказских горцах.

ССТО - Сборник сведений о Терской области.

СОЛКС - Сборник общества любителей казачьей старины.

СМОМПК - Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.

СОНИИ — Северо-Осетинский научно-исследовательский институт.

СКНЦВШ - Северо-Кавказский научный центр высшей школы.

ТС - Терский сборник.

ЦГА Даг АССР - Центральный государственный архив Дагестанской АССР.

ЦТ АДА - Центральный государственный архив Древних актов.

ЦГВИА - Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГА Груз. ССР - Центральный государственный архив Грузинской ССР.

ЦГА СО АССР — Центральный государственный архив Северо-Осетинской АССР.

ЦГА ЧИАССР - Центральный государственный архив Чечено-Ингушской АССР.

ЧИНИИИЯЛЭ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка, литературы и экономики.

ЧИНИИИГН - Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Анализ источников и литературы по проблеме	7
Раздел I. Экономический строй Чечни и Ингушетии в XVIII - начале XIX века	35
<i>Глава 1. Территория, природно-климатические условия и население Чечни и Ингушетии в XVIII - начале XIX века</i>	<i>35</i>
<i>Глава 2. Развитие земледелия чеченцев и ингушей в XVIII - нач. XIX в.....</i>	<i>61</i>
<i>Глава 8. Землевладение и землепользование чеченцев и ингушей в XVIII - нач. XIX в.....</i>	<i>75</i>
§ 1. Источники и литература о землевладении и землепользовании чеченцев и ингушей	75
§ 2. Формы землевладения и землепользования в сельских общинах чеченцев и ингушей	87
<i>Глава 4. Развитие скотоводства чеченцев и ингушей в XVIII - начале XIX века.....</i>	<i>93</i>
<i>Глава 5. Развитие садоводства, пчеловодства, рыболовства и горного промысла чеченцев и ингушей в XVIII - начале XIX века.....</i>	<i>106</i>
<i>Глава 6. Кустарные промыслы и ремесла чеченцев и ингушей в XVIII - нач. XIX в</i>	<i>116</i>
<i>Глава 7. Внутренняя и внешняя торговля чеченцев и ингушей в XVIII - нач. XIX в.....</i>	<i>?.. 148</i>
§ 1. Торговля и торговые связи чеченцев и ингушей в первой половине XVIII в	148
§ 2. Торговля и торговые связи чеченцев и ингушей во второй половине XVIII - начале XIX в.....	156
Раздел II. Общественно-политический строй Чечни и Ингушетии в XVIII - начале XIX века	175
<i>Глава I. Социальные отношения и структура вайнахского общества в XVIII - нач. XIX в.....</i>	<i>175</i>
§ 1. Социально-имущая категория общества	175
§ 2. Социально-зависимая категория общества	195

<i>Глава 2. Общественно-политическое устройство Чечни и Ингушетии в XVIII - нач. XIX в.....</i>	<i>210</i>
§ 1. Адмишгстратано-политическое устройство Чечни и Ингушетии	210
§ 2. Феодалные владения на равнинной территории Чечни в XVIII веке	238
§ 3. Вольные общества в горной Чечне и Ингушетии в XVIII-XIX века	260
§ 4. Органы власти и управления в вольных (сельских) обществах вайнахов.....	273
§ 5. "Мехк-кхел" - законодательный и исполнительный орган власти вайнахов	279
§ 6. Адаты как источник правовых отношений вайнахов	286
§ 7. Роль тайпа в общественном устройстве вайнахов.....	293
§ 8. Основополагающие принципы вайнахского тайпа.....	307
§ 9. Роль тукхума в общественном устройстве вайнахов	314
§ 10. Роль ислама в государственном образовании Мансура в Чечне и на Северном Кавказе в 1785-1791 гг	321
<i>Глава 3. Крестьянские восстания в Чечне и Ингушетии в XVIII - нач. XIX в.....</i>	<i>335</i>
§ 1. Основные причины крестьянских восстаний в Чечне и Ингушетии	335
§ 2. Восстания горцев в 1707-1708, 1722, 1732, 1757-1758, 1760, 1770-1774, 1783 гг.....	346
<i>Глава 4. Народно-освободительная борьба в Чечне и на Северном Кавказе под предводительством имама Мансура в 1785-1791 гг.....</i>	<i>376</i>
<i>Глава 5. Культура чеченцев и ингушей в XVIII - нач. XIX в.</i>	<i>412</i>
§ 1. Материальная культура вайнахов.....	412
§ 2. Духовная культура вайнахов	432
<i>Глава 6. Российская академическая наука о чеченцах и ингушах в XVIII - нач. XIX в.....</i>	<i>458</i>
<i>Глава 7. Взаимоотношения чеченцев и ингушей с северокавказскими народами и с Россией в XVIII - нач. XIX в</i>	<i>483</i>
Закключение	511
Список сокращений	524

**Ахмадов Шарпудин
Бачуевич**, академик
Академии наук Чеченской
Республики, доктор
исторических наук,
профессор Чеченского госуниверситета (кафедра истории народов
Чечни). Автор более 80 научных работ по отечественной истории
России, Чечни и Ингушетии, в том числе ряда монографий: «Имам
Мансур

(Народно - освободительное движение горцев в Чечне и на Северном
Кавказе в конце XVIII века)», «Чечня и Ингушетия в
XVIII - начале XIX века (Очерки
социально-экономического
развития и общественно -
политического устройства
Чечни и Ингушетии в XVIII - нач.
XIX в.). Он же соавтор ряда
обобщающих трудов по истории
Чечни и Северного Кавказа,
руководитель авторского
коллектива по написанию
программ и учебников по
истории Чечни для 5-11
классов общеобразовательных
школ Чеченской Республики.

В настоящее время Ш. Б. Ахмадов работает над новым
монографическим исследованием по теме: «Чечня и Россия в XVI-XVIII
вв. (Из истории политических, экономических и культурных связей
чеченцев с Россией в XVI-XVIII вв.)».